

ПАДЕНИЕ ЦАРСКОГО РЕЖИМА

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ
допросов и показаний, данных в 1917 г.
в Чрезвычайной Следственной Комиссии
Временного Правительства

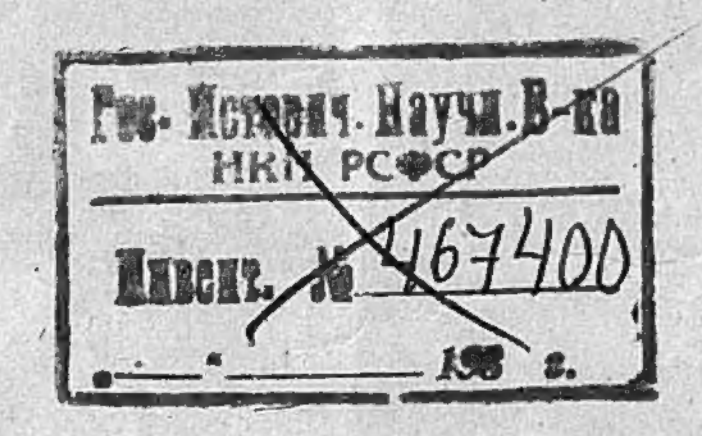
РЕДАКЦИЯ
П. Е. ЩЕГОЛЕВА

Т. III.

ДОПРОСЫ И ПОКАЗАНИЯ:
А. В. Герасимова, А. И. Спиридовича, В. Н. Воейкова, Н. А. Маклакова, М. С. Комиссарова, П. Г. Курлова, М. И. Трусевича, А. А. Вырубовой, С. П. Белецкого, И. Л. Горемыкина, О. А. Лохтиной, С. Е. Виссарионова, Н. С. Чхеидзе.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

Гиз № 6662
Ленинградский Гублит № 11946.
32 л. Отп. 10.000 экз.

К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ.

Лица, допросы которых напечатаны в этой книге, впервые появляются перед читателем с своими показаниями, но имена их хорошо известны: это — устои и оплоты царского режима. Они группировались в департаменте полиции и около, и не случайно оказалось, что львиная доля содержания настоящего тома падает как раз на допросы виднейших деятелей департамента полиции. На первом плане — скупой и осторожный в ответах сенатор М. И. Трусевич, специалист и дока по политическому сыску, завершивший создание знаменитой системы (теории и практики) политического розыска в России, дожившей до 1917 года. Рядом с Трусевичем, если не в теории, то в практике, можно поставить только знаменитого С. П. Белецкого, укрепившего и практически развившего систему Трусевича. Помельче их, но в своем роде замечательны: С. Е. Виссарионов, с великим рвением и тщанием работавший в сокровенном отделе департамента полиции, отведенном специально политическому розыску, — «особом отделе», и выдающиеся практики розыскного дела жандармские чины с громкой в свое время известностью — бывший начальником петербургского охранного отделения генерал А. В. Герасимов, руководитель Азефа; менее удачливый, чем Герасимов, но не менее ретивый и опытный, полковник Комиссаров, закончивший свою карьеру принятием поручения отравить старца Распутина и успевший отравить только его кошек; затем плоть от плоти всех этих деятелей, жандарм до мозга костей, хладнокровный провокатор, фанфаронистый «историк» генерал А. И. Спиридович; наконец, юрист по образованию, но тоже жандарм по вкусам и настроениям. начавший свою карьеру с расстрела толпы в Минске в октябре 1905 года и снявший не мало плодов с обольстительного древа провокации, выросшего в департаменте полиции, управляющий (на правах товарища министра) всей полицией, генерал Курлов, автор вышедших за границей записок, совершенно бесстыдных по своей беспардонной лживости. Эта группа генералов и полковников от провокации и политического розыска увенчивается министром внутренних дел Н. А. Маклаковым, рыцарем самодержавного

монархизма и паладином Николая II, и председателем совета министров И. Л. Горемыкиным, прекраснейшим образцом пресмыкающейся высшей бюрократии. Главная тема допросов департаментских провокаторов — политическая провокация, ее размеры и ее уставы и законы — нашла освещение в их ответах. На разных ступенях откровенности оставались все эти господа: одни, подобно Белецкому и Виссарионову, отвечали с полной искренностью; другие нехотя и сквозь зубы. И только Трусевич остался при полном сознании своего права поступать так, как поступал он.

Кроме поименованных лиц, читатель встретит в этом томе пресловутого дворцового коменданта, распространителя не-минеральной воды «Кувака» и охранителя священной особы, свитского генерала Воейкова, мелкого жулика, устраивавшего номинально в дворцовую охрану ради спасения от военной службы распространителей своей воды, и затем двух дам распутинского круга — сердечного друга императрицы А. А. Вырубовой (ее записки, едва ли не превосходят по лживости воспоминания Курлова, — о них будет особая речь) и загубленной старцем Григорием, впавшей на последок дней своих в безумие и идиотизм О. А. Лохтиной.

П. Щеголев.

XXVIII.

ДОПРОС ГЕРАСИМОВА.

26 апреля 1917 года.

Содержание: Служебная деятельность Герасимова в прошлом. Секретные сотрудники Герасимова по боевым организациям в 1906—1907 г.г. Дело с.-д. фракции 2-й государственной думы. Сношения Герасимова по делу с.-д. фракции государственной думы со Столыпиным. Шорникова — секретный сотрудник охранного отделения. Секретный сотрудник Бродский. Система действий охранного отделения и циркуляра министра внутренних дел. Инструкция для полиции о секретном сотрудничестве, изданная в 1907 г. Курлов и его приспешники: Веригин, Поповский, Манасевич-Мануйлов. Вражда Курлова к Столыпину. Появление при дворе Распутина. Обстоятельства убийства Карпова Петровым. Забота Столыпина о секретном сотрудничестве в деятельности боевой организации. Азеф-Филипповский на службе у Рачковского. Сношения Герасимова с Азефом. Отношение Герасимова к своей службе в охранном отделении по оставлении этой должности. Сношения Герасимова с Петровым. Осведомленность о приеме на службу Петрова со стороны Трусевича, Макарова и Столыпина. О контр-охране Бурцева. Заграничная поездка инспектора передачи, Красильникова и Виссарионова. Убийство Карпова. Дело лейтенанта Никитенко о приготовлении покушения на царя.

Председатель.—Вы генерал-майор Герасимов?

Герасимов.—Я генерал-лейтенант в отставке.

Председатель. — Вы допрашиваетесь здесь не следователем. Вам надлежит дать объяснения по некоторым моментам вашей прежней деятельности, интересующим Комиссию. Но прежде всего, в виду того, что вы сами хотели дать объяснения, может быть вы захотите рассказать из вашей прошлой деятельности все то, что имеет отношение к интересующим нас вопросам. Главным образом, нас интересует вопрос о провокации.

Герасимов. — О провокации вы изволите сказать? Вы меня обвиняете в провокации?

Председатель. — Я ни в чем вас не обвиняю, но будьте добры дать объяснения. Вам, по роду вашей деятельности, известно это явление?

Герасимов. — Вы меня спрашиваете, что такое провокация. Я всегда стоял против провокации, я ее никогда не допускал.

Председатель. — Может быть, ваше внимание напрасно сосредоточивается в такой мере на этом слове.

Герасимов. — Как я понимаю, провокация — это искусственное создание преступления. Этого никогда не было в моей десятилетней службе.

Председатель (обращаясь к секретарю). — Пожалуйста занесите в протокол, что надлежит ускорить получение послужного списка генерала Герасимова. Сколько вам лет?

Герасимов. — 56 лет.

Председатель. — Вы были сперва офицером?

Герасимов. — Полковым офицером.

Председатель. — Когда вы перешли на службу по жандармскому дивизиону?

Герасимов. — В 1889 году.

Председатель. — Где вы служили ранее?

Герасимов. — Я служил год в Самаре, потом до 1905 года я служил в Харькове. В 1905 году, в феврале месяце, я был переведен в Петербург начальником охранного отделения, в каковой должности оставался до первых чисел апреля месяца 1909 года, а после этого я был генералом для поручений при министре внутренних дел — до 1913 года. В 1913 году я ушел.

Председатель. — В каком месяце?

Герасимов. — Фактически я ушел в августе месяце 1913 года, но приказ состоялся в январе 1914 года.

Председатель. — Где вы жили с января 1914 года?

Герасимов. — В Петрограде.

Председатель. — Ничем не занимались?

Герасимов. — Я занимался биржей.

Председатель. — Т.-е. играли на бирже?

Герасимов. — Играл на бирже.

Председатель. — Вы уже не имели никакого отношения к властям?

Герасимов. — Никакого отношения.

Иванов. — Какая была причина оставления вами должности начальника охранного отделения?

Герасимов. — Я сам просил, я больше оставаться не мог.

Председатель. — Теперь, если о провокации вы ничего не можете сказать, то скажите относительно секретного сотрудничества?

Герасимов. — У меня лично была агентура.

Председатель. — То - есть секретные сотрудники, которые получали плату от охранного отделения и давали за это сведения о тех группах и организациях, к которым они принадлежали?

Герасимов. — Должен сказать, что в то время главное внимание было обращено на боевые организации.

Председатель. — В какое время?

Герасимов. — В 1906 и 1907 годах.—Затем, под видом анархических организаций существовали в то время грабительские организации, которые ничего общего с анархическими не имели. Это не более не менее, как развалившиеся революционные организации, которые грабили и убивали. Я нахожу, что это были просто ограбления, которые не достигали своей цели. Хотя они и действовали под флагом анархизма, но идейными совершенно не были; это были отпрыски развалившейся революции.

Иванов. — Мне бы хотелось выяснить, генерал, в чем выражалось сотрудничество ваших агентов? В одном ли только сообщении об известных действиях или же они сами участвовали в действиях сообщества и в какой именно степени?

Герасимов. — Они сами не добивались этого, но случалось иногда, что им давались какие-нибудь поручения по организации, и ясно: чтобы не провалить себя, они исполняли эти поручения.

Иванов. — Какие это были поручения?

Герасимов. — Конечно, по организации. Не боевые.

Иванов. — Значит, они участвовали в сообществе?

Герасимов. — Для того, чтобы осветить какое-нибудь сообщество, необходимо, чтобы сотрудник был там своим человеком, иначе вы ничего не осветите.

Иванов. — Значит, вы поручали сотрудникам участвовать в сообществе?

Герасимов. — Не поручал, но они сами входили.

Председатель. — Потому, что иначе—вы говорите—им было трудно освещать?

Герасимов. — Даже невозможно. Для того, чтобы знать, что делается в организации, необходимо осветить ее, а чтобы осветить — необходимо иметь человека, близкого к организации или он должен быть в самой организации.

Председатель. — Обыкновенно бывает, что он член этой организации?

Герасимов. — Бывает, если они пользуются доверием членов.

Иванов. — А были случаи, за время вашей долголетней службы, что сотрудники не только участвовали в сообществе, но и организовали его?

Герасимов. — Боже сохрани, я сам всегда с этим боролся.

Иванов. — Значит, это делалось помимо вашего желания?

Герасимов. — И я бы этого агента арестовал. Это невозможно, это не могло быть даже в то время, особенно в Петербурге, когда мы были подавлены революцией. Ведь нас тогда чуть-чуть не задавили.

Председатель. — Можно ли сказать, что петербургское охранное отделение было подавлено революцией?

Герасимов.— Одно время, я должен сказать, чуть-чуть не было подавлено.

*

Председатель. — Что вам известно о деле с.-д. фракции 2-й государственной думы?

Герасимов. — Агентурой, которая участвовала в раскрытии дела 2-й государственной думы я не ведал.

Председатель. — Почему вы не ведали?

Герасимов. — Я не один ведал. У меня чиновники были, я не мог один с этим справиться.

Председатель. — Какой же чиновник ведал раскрытием дела 2-й государственной думы.

Герасимов. — Полковник Еленский. Он может дать подробные показания. Я забыл. . . . . Не могу так подробно рассказать, потому что я этого сотрудника не знаю, т.-е. видел один только раз.

Председатель. — Вы про кого говорите?

Герасимов. — Про Шорникову.

Председатель. — Разве начальник охранного отделения не интересовался раскрытием выдающегося дела?

Герасимов. — Мне докладывал полковник Еленский, а я докладывал его директору департамента полиции, товарищу министра вн. дел, министру вн. дел и, кроме того, градоначальнику. Косвенно был подчинен также дворцовому коменданту.

Председатель. — Значит, начальства у вас было очень много?

Герасимов. — Очень много. Даже можно было бы отбавить. Каждый требовал, вызывал и интересовался.

Председатель. — Что же вам докладывал полковник Еленский? Постарайтесь вспомнить об этом деле, т.-е. о деле с.-д. фракции 2-й государственной думы.

Герасимов. — Может быть Еленский даст вам по тому вопросу более подробные объяснения. Я помню, будто члены гос. думы предполагали . . . какая-то делегация от войск . . . . может быть я ошибаюсь, это было слишком давно. Ведь это целое дело, оно, кажется, разбиралось судом. Вы там найдете все сведения.

Председатель. — Как зовут полковника Еленского?

Герасимов. — Владимир Иезекиилович. Он последнее время был начальником могилевского жандармского управления. Когда я был в думе, т.-е. содержался там, его туда привели. Он сейчас здесь. Может быть, его выпустили.

Председатель. — Вам приходилось говорить, по поводу предстоящего ареста членов гос. думы со Столыпиным?

Герасимов. — Как же.

Председатель. — Постарайтесь вспомнить, в чем состояла эта беседа, чего хотел Столыпин, и что вы ему отвечали?

Герасимов. — Столыпин сказал, что если это верно, то нужно быть очень осторожными. Одним словом, Столыпин сказал, чтобы их арестовать с поличным. Такое было сделано распоряжение.

Председатель. — Так это и осуществилось?

Герасимов. — Я не помню. Наказ кажется не был найден подлинный. Вообще никто из членов думы не был арестован. Только выяснили, что этот наказ, как мне припоминается, скрыт или уничтожен, в деле есть эти подробности.

Председатель. — Вы не показывали этого наказа Столыпину до ареста членов гос. думы?

Герасимов. — Копия этого наказа у меня была.

Председатель. — Раньше, чем она была передана членам гос. думы?

Герасимов. — Вам эти подробности может сказать полковник Еленский.

Председатель. — Еленский показал вам этот наказ до передачи его членам гос. думы, т.-е. фракции?

Герасимов. — До передачи, конечно. Мы были знакомы с содержанием этого наказа.

Председатель. — Итак, вы этот наказ показывали Столыпину еще до ареста членов гос. думы?

Герасимов. — Безусловно.

Председатель. — Безусловно?

Герасимов. — Если не показывал, то говорил ему.

Председатель. — Почему вы говорите: безусловно показывал?

Герасимов. — Потому что всем, что касалось гос. думы, Столыпин интересовался. Он интересовался деятельностью думы, всем, что касалось деятельности членов ее, и такое событие не могло пройти без того, чтобы не сделать доклад ему.

Председатель. — Я бы хотел выслушать ваш рассказ о том, как вы были вызваны к Столыпину, как он объяснил причины этого вызова, что вы ему сказали и что он от вас потребовал?

Герасимов. — Это был очередной доклад, несомненно.

Председатель. — Но дело было не очередное, а исключительное?

Герасимов. — Я ему докладывал обо всем этом деле, докладывал также и о наказе. Показывал ли я ему наказ или не показывал, я теперь не помню, но с содержанием его Столыпин был ознакомлен, и тогда же он сделал распоряжение, что когда наказ будет внесен, то в тот же момент ликвидировать.

Председатель. — Вам известен автор этого наказа?

Герасимов. — Нет, не известен.

Председатель. — Вам известно отношение Шорниковой к составлению этого наказа?

Герасимов. — Нет, не известно.

Председатель. — Это правда, было довольно давно, но ведь это было ваше специальное дело, совершенно исключительное, а потому, вероятно, память кое-что сохранила вам.

Герасимов. — Я думаю, что Еленский, как непосредственно ведавший этим делом . . . . .

Председатель. — Вы говорите, что вы думаете, а нам хотелось бы знать, что вы помните.

Герасимов. — Мне память не сохранила больше того, что я сказал. 10 лет прошло и я не помню. Как я доложил это дело, вел Еленский.

Председатель. — Чем вы объясните то, что копия этого наказа или, может быть, даже самый наказ, в подлиннике, раньше, чем он был передан по назначению, оказался в руках полковника Еленского, а через него и в ваших руках.

Герасимов. — У меня в руках . . . . . это объясняется тем, что достоверности тех сведений, которые она давала, придавалось огромное значение. Быть может, этот наказ не имел того значения . . . . . . Еленский говорил на словах, неясно было, существует ли документ или нет . . . . Вот почему предварительно необходимо было достать его и ознакомиться. Я предъявлял такое требование Еленскому. Еленский показал этот наказ.

Председатель. — Значит, Еленский был в курсе этого дела?

Герасимов. — Безусловно, он вел непосредственно это дело.

Председатель. — За сколько времени до этого Шорникова стала секретной сотрудницей петербургского охранного отделения?

Герасимов. — Не помню.

Председатель. — Какое положение занимала в это время Шорникова в партии? Т.-е. какие функции она там исполняла?

Герасимов. — Я не могу доложить. Я теперь уже забыл. Еленский вам подробно доложит.

Иванов. — А под какой кличкой она значилась в охранном отделении?

Герасимов. — Не помню.

Иванов. — Не помните ли вы, что ее звали Казанской.

Герасимов. — Совершенно верно, Казанской. Именно потому, что она из Казани приехала. Сначала был переведен из Казани офицер Кулаков, — она приехала за ним. Он был с ней связан, он заболел, а она перешла к Еленскому.

Иванов. — Вы не помните, какое участие она принимала в организации?

Герасимов. — Подробно не могу сказать. Я знаю, что она принимала там участие . . . Может быть, я и знал, но совершенно искренно, откровенно, теперь не могу сказать—забыл.

Иванов. — А скажите, пожалуйста, вы не припомните, кто еще из ваших агентов был прикосновенен к этому делу? Я вам напомню: Бродский был такой?

Герасимов. — Какое участие он принимал, я теперь не помню. Я его не видел и не знаю.

Иванов. — Но ведь это ваш агент?

Герасимов. — Он сотрудничал.

Председатель. — Кто руководил Бродским?

Герасимов. — Тоже Еленский. Это в связи с Шорниковой, а Бродского я ни разу не видел.

Иванов. — Но вы были заинтересованы этим делом? Вам докладывали?

Герасимов. — Мне докладывали, и я докладывал.

Иванов. — Никаких распоряжений вы не делали, когда вам докладывали об этом деле?

Герасимов. — Они сами делали—Еленский, Доброскок. Они руководили делом.

Иванов. — Кто? Еленский, Доброскок?

Герасимов. — Еленский ведал партией социал-демократов, а Доброскок—социалистов-революционеров.

Иванов. — Так что они распоряжались по своему усмотрению.

Герасимов. — Я давал только общие указания.

Иванов. — Не припомните, какие?

Герасимов. — Не припомню. Трудно,—10 лет прошло.

Иванов. — Дело серьезное.

Герасимов. — Я ушел, отказался от всего этого и совершенно не помню деталей.

Щеголев. — Когда вы показывали Столыпину наказ, как вы объяснили нахождение его?

Герасимов. — Сказал, что агент записал его.

Иванов. — Среди солдат?

Герасимов. — Агент, который имел возможность копировать этот наказ.

Щеголев. — Скажите пожалуйста, когда произошел арест и обыск во фракции гос. думы, Шорникова не была арестована?

Герасимов. — Не помню.

Председатель. — Не помните?

Герасимов. — Кажется, не была.

Председатель. — А не знаете, была ей дана возможность скрыться?

Герасимов. — Да, говорили,—помню,—что нужно, чтобы она уехала.

Председатель. — Кто говорил?

Герасимов. — Говорил Еленский и дал ей паспорт фальшивый.

Иванов. — Паспорт из охранного отделения?

Герасимов. — Паспортную книжку обыкновенную выдали.

Председатель. — Вы выдали эту паспортную книжку?

Герасимов. — Я не выдавал.

Председатель. — Из петербургского охранного отделения выдали книжку?

Герасимов. — Обыкновенно все сотрудники, которые были в распоряжении охранного отделения, паспортные книжки имели.

Председатель. — И тем сотрудникам, которым нужно было скрыться, выдавали обыкновенно паспортные книжки на этот предмет?

Герасимов. — Они сами скрывались.

Председатель. — Они сами скрывались, а книжки, чтобы помочь им скрыться?

Герасимов. — Я не помню. Эти сведения, вероятно, даст вам Еленский. Я могу ошибиться.

Председатель. — Во всяком случае, эта паспортная книжка не на имя Шорниковой, а на вымышленное?

Герасимов. — По всей вероятности, — если была дана.

Председатель. — Сколько ей было дано денег, чтобы дать ей возможность скрыться?

Герасимов. — Не помню этого сейчас.

Председатель. — Но помните, что она была снабжена как паспортом, так и деньгами?

Герасимов. — Помню, что немножко денег дали.

Председатель. — 35 рублей?

Герасимов. — Совершенно верно, я не знал суммы. Вы изволили выяснить. Да это было.

Председатель. — Как же, собственно говоря, обстояло дело с точки зрения закона? Ведь Шорникова—член партии и совершает известное преступление. Значит, она преступница. Как же охранное отделение дает ей паспорт и немножко денег?

Герасимов. — Г. председатель, как я докладывал раньше, для того, чтобы открыть какую-нибудь организацию, нужно иметь там своего человека. Несомненно, если организация ликвидируется, этот человек является тоже преступным уже потому, что он участвовал. Но, если мы будем своих сотрудников выдавать, то никто не пойдет служить к нам. Это установила система. Это было требованием департамента полиции, требованием министерства внутренних дел. Это не охранное отделение, а вся система. Если вы рассмотрите циркуляры министерства внутренних дел по департаменту полиции, вы там найдете целую систему, каким образом нужно водить, освещать и т. д. В данном случае виновность не может падать на охранное отделение, которое исполняло распоряжение своего начальства. Так и в данном случае: все, что делалось, это было, конечно, с юридической точки зрения преступно, но это была необходимость,—необходимость, требуемая министерством внутренних дел. И в данном случае охранное отделение исполняло распоряжение министра внутренних дел, т.-е. своего непосредственного начальства. Оно в этом неповинно.

Председатель. — Совершенно верно. Скажите, Столыпин знал об этой Шорниковой,—без имени, конечно?

Герасимов. — Знал, как Казанскую. И он знал, и директор, и товарищ министра, — знали все.

Председатель. — Товарищ министра знал потому, что это было дело выдающееся?

Герасимов. — Дело было выдающееся, как я докладывал.

Председатель. — Товарищем министра, заведующим делами полиции, был тогда Макаров?

Герасимов. — Макаров.

Председатель. — А директором департамента?

Герасимов. — Трусевич.

Председатель. — Скажите, в то время, когда Шорникова была открыта, министром юстиции был Щегловитов?

Герасимов. — Он все время при мне был.

Председатель. — Но, в виду выдающихся свойств этого дела, был ли он осведомлен вами?

Герасимов. — Нет, министра юстиции я не осведомлял.

Председатель. — Можете вы подтвердить перед Комиссией, что Трусевич, Макаров, а ранее и Столыпин осведомлялись вами?

Герасимов. — Я не понял вопроса.

Председатель. — Докладывали ли вы это дело не только Столыпину, но и Макарову и Трусевичу, т.-е. непосредственным вашим начальникам? Вы сослались на циркуляры, которые рекомендовали именно этот метод действий.

Герасимов. — Точно так.

Председатель. — Не помните ли вы, что была выработана целая инструкция, которая была обязательна для начальников охранного отделения и содержала в себе разработанную систему поведения, между прочим, по отношению к секретным сотрудникам?

Герасимов. — Особая инструкция? В каком году она была издана?

Председатель. — Я могу сказать точно: в 1907 году, а потом переиздана, может быть, после вас, в 1914 году.

Герасимов. — Много было циркуляров.

Председатель. — Нет, была инструкция, очень секретная. Вы, как начальник охранного отделения, да и другие начальники отделения—не могли не знать о ней, не считаться с ней.

Герасимов. — Виноват, какой вопрос, я не понял?

Председатель. — Я спрашиваю, была ли вам известна эта инструкция? Мы пришли к известным фактам,—их не приходится отрицать, они были.

Герасимов. — Точно так.

Председатель. — Вы здесь изволили сделать ссылку на то, что, во-первых, без этого невозможно, а, во-вторых, что вам приказано было вашим начальством вообще, а, в частности, в виду выдающегося значения этого дела, осведомлять о нем ваше начальство, так не помните ли вы, что не только циркуляры были в этом напра-

влении, но и целая инструкция, выработанная департаментом полиции?

Герасимов. — Откровенно я вам доложу, что в настоящее время, после десятилетней отставки, я не припомню, но если она была, то, конечно,—была.

Председатель. — Но вы твердо помните, что ваши действия сообразовались с циркулярами и предписаниями начальства?

Герасимов. — С циркулярами начальства—все.

Щеголев. — А когда Шорникова исчезла из Петербурга, вы знали о ее местопребывании? Вам пришлось иметь дело с нею?

Герасимов. — Нет никакого.

Председатель. — А вашим агентам, которые руководили делом?

Герасимов. — Может быть, полковнику Еленскому. Виноват, не так давно это было уже, когда я был в отставке или перед тем, что выходил в отставку—по поводу Шорниковой возник какой-то вопрос. Она просила .... подала даже жалобу Джунковскому о том, что ей дали мало содержания. Вот по этому поводу что-то такое. Ей выдали, кажется, больше. Теперь она получает из департамента полиции пенсию. Я не знаю, что-то такое.

Председатель. — Это было уже когда вы были в отставке?

Герасимов. — Это было уже после.

Председатель. — В девятисотых годах. Может быть это было при вас?

Герасимов. — Я был тогда генералом для поручений и ничего не делал.

Щеголев. — Совершенно верно. Был издан розыскной циркуляр о Шорниковой?

Герасимов. — Не помню.

Щеголев. — С того момента, как она исчезла из Петербурга, вы ни в какие соприкосновения с ней не приходили?

Герасимов. — Нет, я вообще ее раз видел. Нет.

Председатель. — Входили ли в сношения с нею чины вашего отделения?

Герасимов. — После того, как она уехала. Я не знаю.

Иванов. — В каком году она возвратилась, в Петербург?

Герасимов. — Она возвратилась при Джунковском, просила о пенсии. Но я лично не знаю.

Щеголев. — Когда она просила пенсию, вам пришлось говорить с Джунковским?

Герасимов. — Я помню, такие статьи были в газетах. Я написал .... по поводу того, что Шорникова была в организации .... Я помню в «Вечернем Времени» написали .... По поводу моей деятельности большой шум в газетах вызвали, потому что Курлов окружил себя такими господами. Ему нужно было меня грязью забросать. И вообще около моего имени шум поднялся.

Председатель. — Какими господами окружил себя Курлов?

Герасимов. — Веригин, Сенько-Поповский — это были люди такие . . . . Мануйлов, который деньги получал из департамента полиции и писал обо мне гадости . . . . Гурович—форменный провокатор. Он умер в девятисотых годах. Он тоже меня с грязью мешал и помещал всевозможные статьи. Тогда я просил Макарова и других выступить в процессе и защитить мое имя. Говорят: «не обращайте на это внимания».

Председатель. — Вы докладывали об этом?

Герасимов. — Я докладывал. Говорю: «Предайте меня суду, если я нарушил закон. Нельзя же так». Я указывал, что Курлов повел агитацию . . . . . .

Председатель. — Зачем Курлову нужна была эта агитация?

Герасимов. — Против меня. Он боялся . . . . . .

Председатель. — Вы говорите об его деятельности в качестве товарища министра? К какому времени это относится?

Герасимов. — Это к 1909 году относится. И вообще он почему-то хотел отдалить меня от Столыпина, вообще интриги были, чтобы я никакого участия не имел при политическом розыске. А по этому поводу пошли всевозможные мерзости и гадости. Например, по делу с полковником Карповым. Я тогда был совершенно не у дел. . . . По делу с убийством полковника Карпова. С этого момента он и начал. Он не дал мне возможности явиться на суд, послал меня в Иркутск . . . . . .

Председатель. — В Иркутск? Курлов?

Герасимов. — Курлов.

Председатель. — Какие же гадости говорил про вас Курлов?

Герасимов. — Он говорил, что якобы я. . . . он сумел во дворец втереться и повел агитацию такую, будто Столыпин и я—мы революционеры, будто мы революцию делали.

Председатель. — Какую революцию?

Герасимов. — Всю революцию 1905 — 1907 годов. Будто мы все делали и революции никакой не было бы, если бы не мы. . . и что убийство . . . это дело рук . . . Нужно было поколебать то доверие, которым пользовался при дворе Столыпин, и он этого достиг. Он хотел, чтобы Столыпин потерял всякое значение там. Сам же потом втерся туда при рвани придворной.

Председатель. — При чем?

Герасимов. — При рвани . . . извините, что так выразился . . . при рвани, которая образовалась там. Кажется, этого негодяя он разрешил выписать и под его крылышком. . . .—Я говорю про Распутина, потому что Распутин появился при дворе, в Петербурге, в 1908 году впервые. Кто нашел его? Это я. В то время, когда боялись каждого, когда все казались подозрительными лицами, дворцовый комендант вызвал меня . . .

Председатель. — Кто?

Герасимов. — Дедюлин. Он сказал, что у Вырубовой появился мужик, по всей вероятности, переодетый революционер. Так как государыня часто бывает у Вырубовой и привозит государя, то я просил обратить внимание на этого мужика. Тогда этого мужика взяли под наблюдение. Он оказался Распутиным. Когда я дал телеграмму по местожительству, то дали сведения, что это первостепенный негодяй. Я об этом доложил, кажется, П. А. Столыпину. Он попросил больше об этом никому не докладывать,— ни товарищу министра, ни директору. Он сказал: «Я буду говорить с государем». Позвольте, — это, может быть, к делу не идет?

Председатель. — Вкратце скажите.

Герасимов. — В конце концов, он с государем говорил. Государь сначала отказался, а потом сказал, что раз виделся с Распутиным, сознался, что раз видел Распутина. Государь сознался. Решено было его арестовать. И сказали, что вышлют в Восточную Сибирь за порочное поведение. Но он, Распутин, заметил наблюдение и бежал и не являлся. А когда я ушел, он появился.

Председатель.—Возвратимся к вопросу, который нас непосредственно интересует. Что же вам конкретно ставил в виду Курлов? По какому поводу произошла замена вас Карповым?

Герасимов. — Я сам с 1908 года просил разрешения уйти. Мне было все равно, безразлично, кто меня заменит,—Карпов или кто другой. Меня удерживали, меня не пускали. Макаров, Столыпин не пускали.

Председатель. — Вы упомянули тут о деле Петрова и Карпова. При каких обстоятельствах произошло убийство Карпова? И кто был Петров?

Герасимов. — Подробно прикажете рассказать.

Председатель. — Не подробно, а вкратце, но все, что вы знаете по этому поводу.

Герасимов. — В Саратове было ликвидировано — не помню, в январе ли 1909 г. или в конце 1908 года — было ликвидировано дело Минора, не помню, какое. И вот, спустя некоторое время, один из арестованных—я не помню, под какою фамилией он был тогда арестован—заявил начальнику жандармского управления о желании оказывать услуги жандармскому управлению. В своем заявлении. . .

Председатель. — Начальником жандармского управления был там Семигановский?

Герасимов. — Семигановский. . О желании оказывать услуги ему. В этом заявлении, он, между прочим, написал такие сведения, которые будто бы у него имелись. Например, он писал, что в Саратовской и Самарской губерниях расположены батальоны революционеров и производится регулярное учение, и даже есть артиллерия революционеров. Одним словом, написал такие нелепости,

которые лишали всякого значения его заявление. Тем не менее, он назвал в заявлении фамилии лиц из более крупных партийных деятелей, и это давало основание думать, что он имел связи и был в курсе дела, а связь с Минором давала основание думать, что он какую-то личность собою представляет. Что он Петров, об этом я не знал. Семигановский это заявление прислал в департамент полиции Трусевичу. Трусевич доложил Столыпину. Столыпин обратился ко мне, чтобы я поехал в Саратов с ним поговорить. Я просил разрешения в Саратов не ехать: в виду моего ухода меня не интересовало, будет ли Петров служить или нет, но по настоянию Трусевича и покойного Столыпина я согласился переговорить с Петровым—под условием, чтобы он был привезен в Петербург.

Председатель. — Почему по настоянию Столыпина?

Герасимов. — Он интересовался, находил, что Петров будет годен в боевом деле. Один из наших сотрудников, Евно Азеф, провалился окончательно и, так как Столыпин знал, что я ухожу, то не хотел оставлять боевого дела без сотрудников. Потому что департамент полиции и Столыпин были заинтересованы, чтобы сотрудники были в боевом деле.

Председатель. — Столыпин, значит, интересовался делом освещения этой боевой организации?

Герасимов. — Всегда.

Председатель. — Так что он был в курсе деятельности Азефа?

Герасимов. — В курсе всего дела. Они все были в курсе.

Председатель. — А товарищ министра Макаров?

Герасимов. — Тоже.

Председатель. — И что же им докладывали о том, кто этот человек?

Герасимов. — Кто? Азеф?

Председатель. — Да.

Герасимов. — Об Азефе есть подробные сведения в департаменте полиции. Я удивляюсь . . . Я принял его по приказу Дурново и настоянию Рачковского.

Председатель. — Когда вы его приняли?

Герасимов. — Я его принял в 1906 году. . . Он был задержан и арестован, потому что он попал в наблюдение. Люди говорили, что это наш человек, сотрудник департамента полиции. Сказали, что это Филипповский. «Какой такой Филипповский?»—Я спросил—у меня такого нет. «Может быть это из заграничной агентуры сотрудник?» Никто не знает. Я просил его задержать, и он был задержан—около Летнего сада или около Финляндского вокзала, и при доставлении в отделение он сначала отказался говорить. Потом я его спрашивал: «Скажите, почему вас люди знают?»

Председатель. — Люди, это значит филеры?

Герасимов. — Да. Он говорит: «Разрешите мне сначала переговорить с Рачковским». Я пригласил Рачковского. Рачковский приехал и с ним говорил. Оказалось, что он давно служил у Рачковского. Тут произошла бурная сцена: оказалось, что Рачковский его забыл, не посылал ему денег. После этой сцены он получил деньги.

Председатель. — Рачковский приехал к вам в отделение?

Герасимов. — Он был в Петербурге.

Председатель. — Какую должность занимал Рачковский?

Герасимов. — Он был чиновник 4-го класса при министре вн. дел.

Председатель. — Итак, все обнаружилось, и деньги Азеф получил?

Герасимов. — Я ходил с ним на свидание, это было в мае 1906 года. Потом Азеф уехал заграницу,—кажется в 1906 году. Одним словом, Рачковский отстал от него, и тогда я один с Азефом виделся.

Председатель. — До каких пор вы один с Азефом виделись?

Герасимов. — До его провала. Он был провален, когда поступил к нам. Письмо поступило в 1905 году, а потом он приезжал на 1, 2, 3 дня, но уже для своего спасения.

Председатель. — Значит вы были так называемым руководителем Азефа, потому что лицо, которое ведает известным агентом, называется по инструкции руководителем.

Герасимов. — Может быть.

Председатель. — Что же вам известно о деятельности Азефа за то время, когда вы были с ним в сношениях? В чем заключалась ваша работа? Этот сотрудник, вероятно, дорогой. Сколько вы ему платили?

Герасимов. — 500—1.000 р. Может, вы позволите перечислить, какие дела вел Азеф?

Председатель. — Пожалуйста.

Герасимов. — Он вступил в 1906 году. В конце 1906 года он был заграницей, оттуда он сообщил мне о том, что в Финляндии есть группа лиц, которые замышляют покушение на градоначальника фон-дер-Лауница. В Финляндии мы не могли наблюдать, — финляндские власти нас выгоняли. Известно только, что эта группа жила на Иматре и что Лауниц был убит. Потом, в 1907 г., он дал сведения о том, что он знал от одного своего знакомого: что проживающий в Петербурге лейтенант Никитенко ищет связей и организует покушение в Царском Селе посредством охраны. Затем он сказал, под какой фамилией живет Чайковский.

Председатель. — Под какой фамилией живет — это мелочи; а еще что?

Герасимов. — Больше ничего.

Председатель. — Это в 1907 году, а в 1908 году и дальше?

Герасимов. — В 1908 году он указал, что боевым отрядом заведует Распутина.

Председатель. — Это все?

Герасимов. — Да, это все.

Председатель. — Каким же образом этот агент, получавший 6 или 12 тысяч в год, не был выгнан, если он сообщил вам только под какой фамилией живет Чайковский, что Распутина стоит во главе отряда и что Лауниц будет убит?

Герасимов. — Он указал еще какую-то личность, но она не была выяснена. Он из заграницы это писал.

Председатель. — Почему же такой агент не был уволен за бездействие?

Герасимов. — Напротив, им все дорожили. Он был близок к боевому делу, и, если бы надо было, ему не только тысячу, но и пять тысяч заплатили бы.

Председатель. — В чем же состояла его деятельность? Мы видим из ваших показаний, что он ничего не делал.

Герасимов. — Ничего не делал.

Председатель. — Вам известно, что в 1906—7—8 годах был произведен ряд террористических актов? Напр., в Москве.

Герасимов. — В 1906 году Азеф был заграницей.

Председатель. — Но вы сами говорите, что Азеф, с которым вы были в сношениях, обязан был освещать боевой центр. Значит, деятельность Азефа распространялась не только на Петербург, но и на всю Россию.

Герасимов. — Конечно, он был обязан, но мы не были гарантированы от каких-либо шантажей. Тут едва ли может быть какая-нибудь сделка, — тут все идет на веру. Ему оказывают доверие, но он может говорить правду, может и наврать. У нас нет ничего регулирующего. Он нам дает сведения, и эти сведения подтверждаются; для этого у нас есть наружные наблюдения. Если наружные наблюдения проверят его сведения, они приобретают значение, а если бы он не дал никаких сведений, то это на его душе грех. Тут мы ничего не можем сделать.

Председатель. — У вас есть сотрудник, который должен освещать боевой центр, — сотрудник, которым интересуется Макаров, Столыпин, тов. министра, министр. И вот оказывается, что этот сотрудник сотрудничает, а террористические акты происходят?

Герасимов. — Какие террористические акты? Будьте добры напомнить.

Председатель. — Покушение на Гершельмана, на Рейнбота, на Дубасова.

Герасимов. — В Москве была своя агентура.

Председатель. — Какая же территория наблюдения была у Азефа и что от него требовалось?

Герасимов. — Он должен был освещать боевое дело. Вы изволите спрашивать, принимал ли Азеф участие в покушении на Дубасова?

Председатель. — Я интересуюсь знать, каковы были сведения, сообщаемые вам Азефом, которым вы руководили?

Герасимов. — Я доложил вам все сведения, которые он мне сообщил. Может быть, он знал больше и только 10% своих сведений доложил, — я этого учесть не могу.

Щеголев. — Скажите, как вы думали, какое место занимал Азеф в организации?

Герасимов. — Он говорил, что он состоит в боевой организации.

Щеголев. — Значит, он был членом боевой организации. Скажите вы с Азефом лично виделись в Петербурге и затем переписывались? Он вам писал? Где эти письма хранятся?

Герасимов. — Мои?

Щеголев. — Нет, Азефа к вам. Вы их не хранили?

Герасимов. — Это было 10 лет тому назад, я все уничтожил. У меня ни клочка не осталось от моей деятельности. Я все забыл. Мне противно вспоминать свою деятельность.

Щеголев. — Когда вы его в последний раз видели?

Герасимов. — Когда он приезжал спасаться. Может быть, вы помните такое обстоятельство, что он бежал из суда. В Париже был суд, и он бежал и пробыл здесь два — три дня.

Щеголев. — Вы где с ним виделись тогда?

Герасимов. — Он пребывал на моей квартире. Я сам жил на конспиративной квартире на Итальянской улице. Я один там жил.

Щеголев. — Это когда вы были начальником охранного отделения. А когда вы перестали быть начальником охранного отделения, где вы жили?

Герасимов. — С тех пор я его не видел. А когда я был генералом для поручений, я жил на Вознесенской ул. 22, потом на Знаменской.

Щеголев. — А на Пантелеймонской ул. вы не жили?

Герасимов. — Никогда.

Председатель. — При каких министрах вы были генералом для поручений? Вы начали при Столыпине, а затем. . .

Герасимов. — При Макарове и полгода при Маклакове.

Председатель. — Скажите все министры — Столыпин, Макаров и Маклаков — интересовались агентурой?

Герасимов. — Маклакова я совершенно не знаю, я видел его один раз, когда он приехал представляться.

Председатель. — А Макаров и Столыпин?

Герасимов. — Они интересовались.

Иванов. — Вы изволили сказать, что вы многое забыли, что вам противно вспомнить прошлое. Что это значит?

Герасимов. — Столько я вынес неприятностей, тяжело было...

Иванов. — По службе неприятности?

Герасимов. — Когда я ушел со службы, я совершенно изменился, увидел, что, служа тому строю, я совершил преступление, я видел, что там делается, как зритель, со стороны и мне стыдно, что я там служил, а в последнее время, простите, я сам чуть ли не революционером стал.

Щеголев. — Скажите, когда было ваше последнее свидание с Азефом?

Герасимов. — Когда он бежал из суда.

Щеголев. — А после этого вы были с ним в переписке?

Герасимов. — Ему Столыпин обещал деньги. Я не помню, какую сумму пообещали, но не дали. Потом я ему послал, кажется, тысячу или две. Это была последняя посылка денег. Я ему написал, что это все деньги, больше не дадут. Это уже когда я был генералом для поручений.

Щеголев. — А потом не получали писем от него?

Герасимов. — Я с ним не виделся и не знал, где он.

Щеголев. — А из Франкфурта-на-Майне он вам ничего не писал?

Герасимов. — Ничего.

Председатель. — Когда вы были на свободе, вы штатское платье носили или военное?

Герасимов. — Когда я был начальником отделения, я в штатском ходил, когда я был генералом для поручений — форму носил, а вышедши в отставку, штатское платье надел.

Иванов. — Вы сказали, что Курлов интриговал, рассказывал гадости, указывал, между прочим, что вы и еще кто-то устраивали революцию и что это было вам неприятно.

Герасимов. — Все это говорилось, об этом писалось, он мне лично этого не говорил. Это я из газет узнал, а потом, впоследствии, узнал, кто инспирирует.

Иванов. — Я хочу знать, в чем именно они обвиняли вас, в какой форме будто бы устраивалась вами революция?

Герасимов. — Была такая статья, что я хочу сделаться чуть ли ни диктатором. Я—маленький человек, мне слишком большое значение придают. Если вы изволите посмотреть на мою должность по штату, то она не выше петербургского полицеймейстера. Между тем обо мне писали и говорили, как о каком-то главноначальствующем, а у меня самого были начальники: градоначальник, директор...

Председатель. — Вы это уже говорили. Позвольте вернуться к делу Петрова. Итак, Столыпин поручил вам съездить в Саратов.

Герасимов. — Я не поехал.

Председатель. — Но он просил вас. Значит, Трусевич, Курлов и Столыпин, — три лица...

Герасимов. — Курлова не было, он тогда не касался этого.

Председатель. — Он был с 1-го января?

Герасимов. — Но он не входил.

Председатель. — Значит, Трусевич и Столыпин рекомендовали вам поехать в Саратов?

Герасимов. — Курлов, конечно, знал.

Председатель. — В качестве тов. министра, заведывающего полицией? Что же вы сделали? Вы сказали, что отказались поехать в Саратов, и просили, чтобы Петрова привезли сюда.

Иванов. — Этот Петров был свободный человек или был обвинен в чем-нибудь?

Герасимов. — Он был арестован, я не помню, по какому делу.

Иванов. — Он уже был приговорен к каторжным работам? Или вы говорите о более раннем периоде, когда он был в Саратове?

Герасимов. — Он был арестован по охране. Я не знаю, был ли он привлечен к дознанию по 1035 ст., но суда еще не было.

Председатель. — Итак, Петрова привезли сюда?

Герасимов. — Я с ним переговорил, при чем спросил, желает ли он давать показания. Он сказал: да. Я указал ему на явную несообразность его сообщений о революционных батальонах и артиллерии и просил его, если он действительно желает служить, откровенно написать свою исповедь, что он и сделал. Он описал свою жизнь со дня своего рождения, в каких организациях он участвовал, как он был в Казани в лаборатории, где приготовлялся динамит, как он во время обыска бежал и сломал ногу. Одним словом, все его показания дышали искренним желанием оказать помощь делу политического розыска. Он указывал на интимные стороны своей жизни — я сейчас стесняюсь об этом распространяться: он на одного члена партии был обозлен. . . Предложение его было принято. Вы это можете найти в делах охранного отделения.

Председатель. — Этот разговор ваш с ним относится к какому времени?

Герасимов. — Ко времени принятия его на службу.

Председатель. — Когда он был принят на службу?

Герасимов. — Это было перед моим уходом, в марте 1909 года.

Председатель. — Где он начал службу?

Герасимов. — Позвольте рассказать подробно. После его показания и его исповеди у меня не возникало сомнения в его искреннем желании оказать помощь делу политического розыска. Он содержался при отделении. Мы с ним часто беседовали, он ко мне привязался совершенно искренно. Нужно было, чтобы он ушел. Он предложил, что он разыграет сумасшедшего и т. д., а затем у него есть связи в Саратове, товарищи помогут ему бежать, и после побега он даст мне знать. Мне он оставил адрес. Я поехал заграницу, он поехал в Саратов. После возвращения из за-границы

или еще за-границей, это было в мае месяце, я прочел, что он бежал. Я получил письмо, что он находится в Финляндии и просит меня приехать. Письмо это переслали. Я уже оставил должность. Я поехал. Тогда был директором департамента полиции Зуев. Я говорил Зуеву, что я с Петровым увижусь, чтобы условиться окончательно насчет его поездки за-границу, потому что Петров говорил, что ему необходимо уехать за-границу. В одно из таких свиданий я говорю, что для того, чтобы облегчить его положение за-границей, чтобы он мог иметь сношения, я командирую туда офицера, с которым он здесь познакомится, он будет с ним видеться, передавать через него письма. Потому что там Бурцев, который не замедлит приставить к нему свою агентуру и, несомненно, его провалит. Он не хотел, но я настаивал, и он согласился. Офицер этот Долгов, Вячеслав Иванович.

Председатель. — Какой у него чин?

Герасимов. — Не знаю, это было давно. Если он не полковник, то наверно подполковник. Я ему говорю, что я ухожу с этой должности и что ему придется иметь дело с кем-нибудь другим. Он говорит, что ни в каком случае, что он только со мной и может иметь сношения и больше ни с кем.

Председатель. — Разве в это время еще не был назначен ваш преемник?

Герасимов. — Был Карпов. Но я это дело доводил до конца, чтобы отправить его заграницу. Я специально приехал с Кавказа сюда в Петербург. И вот, когда я Долгова познакомил, я дал тысячу или две. Он просил браунинг, и я его им снабдил.

Председатель. — Вы докладывали это Трусевичу, потом Зуеву, Курлову и может быть Столыпину?

Герасимов. — Курлова тогда не было, он был где-то на торжествах.

Председатель. — Какже на торжествах, ведь вы сговорились в апреле, а это произошло тоже в апреле?

Герасимов. — Я поехал за-границу, сдавши должность.

Председатель. — Но разве за это время не успели доложить Столыпину?

Герасимов. — Да о том, что я сговорился, было известно Макарову, Трусевичу, Столыпину.

Председатель. — Почему Макарову?

Герасимов. — Нет виноват, не Макарову, — Курлову, Трусевичу и Столыпину.

Председатель. — Макаров ушел 1 января.

Герасимов. — Совершенно верно.

Председатель. — А вопрос о вашей поездке поднимался до 1 января или после?

Герасимов. — Я не могу этого сказать.

Председатель. — Пожалуйста продолжайте.

*

Герасимов. — Затем он просил освободить Бартольда, его приятеля, без которого он не может пробраться близко к центру. Об этом я однажды тоже доложил начальству. Затем я уехал на Кавказ лечиться, а он уехал за-границу.

Председатель. — Что же начальство сказало по поводу его освобождения?

Герасимов. — Если это нужно — освободить.

Председатель. — А Бартольд за охраной сидел?

Герасимов. — Не помню. Затем, когда я возвратился в конце августа с Кавказа, я застал два или три письма от Петрова. В одном он спрашивал, почему нет ни меня, ни Дибича (Долгова), как мы условились его называть, а из третьего письма я понял так, что будто бы он начинает проваливаться. Я ведь ему говорил, что он встретится с контр-охраной Бурцева, которая несомненно возьмет его, и что если Бурцев вызовет его к себе, то по всей вероятности сразу же узнает, кто он такой, говорил, чтобы он был осторожен. Оказалось, что Долгов и не думал еще ехать за-границу. Тогда я пошел к Зуеву передал ему письма и говорю: «Для вас я связался с Петровым. Смотрите, вот его письма, человек, повидимому, провалится. Оставить его в таком положении нельзя. Долгов должен ехать, — вы обещали». Он говорит, что Курлов сам на празднествах. Это празднество как-то было в 1909 году. Проезд какой-то. Курлов постоянно уезжал на торжества.

Председатель. — Это были ялтинские торжества?

Щеголев. — Полтавские?

Герасимов. — Вероятно, это было в конце августа. В конце концов Долгов так и не поехал. Распорядились послать Долгова чуть ли не в конце августа, или в начале сентября, или даже, если память мне не изменяет, в начале октября. С тем, что Долгов поедет туда специально для Петрова, при чем он должен получить назначение в заграничной агентуре. В качестве инспектора передачи, туда поехал Красильников, а также Виссарионов. Вся эта компания выехала, насколько помнится, в первых числах октября месяца, т.-е. во всяком случае не раньше, чем через месяц после всего того, о чем я рассказал. В конце концов, не знаю, что там было. Красильников там водворился, а о Петрове я никакого сведения не имел. Я спрашивал Карпова: «Ну что же, ваш Петров не провалился? Я боюсь, судя по письмам. — Нет ничего», говорит. Раза два-три так было. Потом как-то случайно Курлов спросил: «А что Петров не провалился?» Но вообще они были настолько осторожны и конспиративны относительно меня, что не хотели даже говорить, в таком смысле «ничего». Ну, раз не хотят говорить, стало быть не желают, чтобы я какое-нибудь участие принимал. В конце ноября месяца того же года, ко мне пришел чиновник Доброскок и принес записку от Петрова. В этой записке Петров умолял меня повидаться с ним, ибо положение его тяжелое:

написал, что он согласен на свидание, где, когда и при каких условиях мне угодно. Я спросил Доброскока, давно ли он приехал. Говорит: «недели три. Требует вас, просит свидания и т. д. Что с ним, я не знаю». Я говорю, что на свидание с ним не пойду, потому что не имею права. К сожалению, я являюсь его крестным отцом в этом отношении, если позволите, так выразиться. Я говорю: «Пожалуйста, передайте ему, что нигде и ни при каких условиях я с ним видеться не могу, ибо этого даже не желает и начальство». Затем я по телефону позвонил Карпову, сказал, что ко мне пришло письмо через Доброскока, в котором Петров просит меня о свидании, сообщил то, что я ответил. Карпов говорит, что он просит давно, но П. Г. Курлов говорит: «Не позволяю, ни в каком случае не позволю». — «Тем более», говорю.—«Передайте Петрову от меня, что я с ним видеться не могу». Через несколько дней после этого совершается взрыв, а затем не знаю, что там происходит, так как я через неделю получаю предписание экстренно отправиться в Иркутск для ревизии. За то время, что я был в отъезде, это продолжалось дней 14—18—20, тут произошел и суд, и что угодно. Это после взрыва. Когда я возвратился, то оказалось. . .

Председатель. — Что его уже повесили?

Герасимов. — Оказалось, что Петров вел разговоры с Карповым. Карпов был недалекий человек, — очевидно, соглашался с Петровым, и люди, которые руководили, тоже недалекие были. Он говорил, что существуют две партии.

Председатель. — Кто говорил?

Герасимов. — Петров. Он говорил им, и они верили, что Виссарионов, Курлов и Карпов, это первая партия. Эти борются чистыми средствами. А вторая партия,—я и Столыпин,—бороться нечистыми средствами. Я, будто бы, просил его Петрова. . . Это все проверить можно, целое дознание по этому поводу. Он говорил, что нужно узнать мои, так сказать, направления или убеждения. Он говорил: «Если хотите, вы сами в этом можете убедиться».

Председатель. — Кто говорил?

Герасимов. — Петров Карпову говорил: «Вы можете убедиться. Мы наймем дом, комнату, сделаем, если прикажете, чтобы пришел сюда генерал. Я буду с ним говорить».

Председатель. — Какой генерал?

Герасимов. — Я. «Я буду с ним говорить», т.-е.—он Петров со мною,—«а в другой комнате вы будете слушать, что я буду говорить, и он будет отвечать мне. Тогда вы поймете, какими средствами он борется». Карпов передал это Курлову. В это время Курлов был в Москве, иначе я не знаю, может быть, меня и на свете уже не было бы, потому что Курлов мог приказать мне через Столыпина, чтобы я пошел, и я пошел бы, если бы Столыпин при-

казал. Карпов вместе с Петровым наняли этот дом. Заложили там мины. Но Карпов об этом не знал. Несчастный случай все открыл. Когда Карпов приехал справлять новоселье (тут же поместили они в качестве сторожа агента охранного отделения), он говорит филеру: «Что же такая грязная скатерть, нужно скорее чистую скатерть постлать». Петров испугался поднять скатерть,— это значило бы все открыть — он тогда увидел бы проволоку, соединенную с динамитом. Петров говорит: «Не надо, я сам все сделаю». Побежал, проволоку соединил, и Карпов погиб.

Председатель. — Откуда вы знаете, что Петров говорил Карпову?

Герасимов. — Из разговоров. Частью Курлов говорил, частью Виссарионов и Доброскок, но мне лично об этом никто ничего не говорил.

Председатель. — Скажите, вы твердо нам сказали даты, вы не спутали, что ушли в апреле 1909 года?

Герасимов. — В апреле 1909 года. Это можно по приказам официальным проверить. В конце сентября был высочайший приказ.

Щеголев. — Скажите пожалуйста, вы говорили ранее, что имели личное свидание с Петровым. Где же? — В Петербурге и Саратове?

Герасимов. — Нет, нет, только в Петербурге. В Саратове я совершенно не был.

Щеголев. — В Петербурге? Где же?

Герасимов. — Квартира была на Пантелеймоновской улице. Я не знаю, это наверное конспиративная квартира была.

Щеголев. — Скажите пожалуйста, вы здесь на Пантелеймоновской улице один раз с Петровым виделись или два раза?

Герасимов. — Всего виделся с ним, когда он приехал из Саратова, раза три не более. Туда же приходил Долгов.

Щеголев. — В ресторанах вы с ним не встречались?

Герасимов. — Боже сохрани! Он написал брошюру, в которой он это говорил. Но я ни с одним сотрудником в ресторанах не бывал.

Щеголев. — А что же говорил о Петрове Доброскок? Он вам передал записку от него. Что он при этом говорил от имени Петрова?

Герасимов.—Что Петров просит видеться со мной, а по какому поводу—ничего не говорил.

Иванов. — Когда Петров был в Саратове и когда вы и другие заинтересовались им как лицом нужным?

Герасимов. — Я им не интересовался.

Иванов. — Кто сообщил о том, что он может быть полезным?

Герасимов. — Это сообщил департамент полиции.

Иванов. — Словом, вам сообщили о том, что Петров может дать некоторые сведения, вообще может быть полезным, как

вы говорили, «в боевом деле». Он тогда затруднен был в выезде оттуда, или нет? Не было ли переписки о том, как бы устроить, чтобы он мог уехать оттуда?

Герасимов. — Откуда?

Иванов. — Из Саратова в Петербург. Была такая переписка или нет?

Герасимов. — Семигановский оказал содействие.

Иванов. — К каторжным работам не был приговорен тогда Петров?

Герасимов. — Не знаю.

Иванов. — Вы этого не знаете?

Герасимов. — Нет.

Иванов. — Не знаете ни о какой переписке относительно необходимости его освобождения? Откуда он в Саратов приехал? Что он в Саратове делал?

Герасимов. — Он приехал с организацией.

Иванов. — С организацией?

Герасимов. — С организацией, которую ликвидировали. Я не знаю.

Иванов. — Может быть, мы о разных личностях говорим. Под какой фамилией Петров был у вас. Не назывался ли он Филатовым?

Герасимов. — Не знаю, не помню.

Председатель. — Вопрос заключается вот в чем: постарайтесь припомнить, не ездили ли вы сами в Саратов?

Герасимов. — Нет.

Председатель. — Другой вопрос. Не известно ли вам, что Петров к этому времени был уже человеком, осужденным в каторжные работы?

Герасимов. — Нет я даже не знал, кто такой Петров.

Председатель. — Как же вы не знали! Раз вам, как человеку опытному в своей области, дается поручение.

Герасимов. — Точно так. Войти с ним в соглашение.

Председатель. — Для того, чтобы исполнить это поручение, разве вы не должны были ориентироваться относительно личности данного человека?

Герасимов. — Я думаю, в показании он сам сказал, осужден он или нет. В показании наверное все сказано, — хотя бы даже я и не знал. Я теперь не припомню. Если, действительно, он был до Саратова осужден в каторгу, то, несомненно, он написал об этом, потому что он все писал и всем эти показания показывал. Это не было секретом ни для Столыпина, ни для Трусевича.

Председатель. — Его Виссарионов не допрашивал?

Герасимов. — После взрыва. Как же! это целое дознание было.

Председатель. — И делал соответствующий доклад Курлову?

Герасимов. — Все старались, допрашивали, виделся я с ним, в ресторанах или нет, лакеев всех допрашивали, но клянусь богом, клянусь честью, что после я с ним уже не виделся.

Председатель. — Теперь вот что. Вы упомянули как-то мельком, что Азеф сказал вам о том, что лейтенант флота Никитенко интересуется вопросом о связях в Царском Селе. Вы не помните, не вошли ли вы по этому поводу в сношение с полковником Спиридовичем?

Герасимов. — Позвольте доложить. Летом 1907 года Азеф мне сказал, что какой-то знакомый, не помню, назвал ли он его или нет, передал ему, что в Петербург приехал лейтенант Никитенко, который организует покушение через охрану в Царском Селе.

Председатель. — Организует покушение на кого?

Герасимов. — На царя. Через охрану. Пытается по крайней мере. Вот все, что он мне сказал. Никитенко проживал в Петербурге; конечно, за ним было установлено наблюдение; приводили, уводили и т. д. Круг его знакомства небольшой; выяснилось, что один нелегальный был. Однако, указав такие сведения, мы дальше не пошли. Одно наружное наблюдение было — водили, выводили и больше ничего. И это дело должно было быть прекращено, если бы не открылся новый фактор в этом деле — казак-конвоец.

Председатель. — Но позвольте, еще другой фактор в этом деле был — полковник Спиридович. Это поважнее казака какого-нибудь.

Герасимов. — Нет, не полковник Спиридович, а Дедюлин вызвал и сказал, что здесь есть казак-конвоец Ратимов, который с кем-то виделся,—словом, что кто-то уговаривает его на покушение в Царском Селе.

Председатель. — Это было уже после того, как вам Азеф сказал?

Герасимов. — Это было накануне прекращения наблюдения за Никитенко. Мы дальше не пошли; ходим, водим, наблюдаем.

Председатель. — Наблюдение за Никитенко вы установили вследствие сообщения Азефа? Сколько времени продолжалось это наблюдение?

Герасимов. — Я думаю недели три. По дневникам это можно узнать. Я не помню.

Председатель. — Продолжайте.

Герасимов. — Наше наблюдение являлось бесплодным, не давало реальных результатов. Тут Дедюлин сказал, что якобы этот казак доложил начальнику конвоя Трубецкому, что он видается с Спиридовичем. Оказывается, они тоже, следят в Петербурге. Я говорю: «Позвольте, это интересно. Это, может быть, то самое дело, о котором у меня имеются сведения и которое

подлежит прекращению». Он говорит: «Непременно вам нужно увидеться». Я увиделся. Присутствовал тогда и Спиридович.

Председатель. — С кем вы увиделись?

Герасимов. — С Ратимовым.

Председатель. — Где? В конспиративной квартире?

Герасимов. — Нет, в Царском Селе. Я не могу подробно доложить, что именно Ратимов говорил. Мне важно было установить, что эта за личность, и я просил, чтобы за ним было установлено наблюдение. Оказалось, что наблюдение давно за ним имеется, еще в Петербурге, но, по существу, ничего не установлено. Правда, филеры иногда докладывали, что куда-то водили одного наблюдаемого. Они друг друга знали: тут была, так сказать, конкуренция, — были люди другой марки, другой фирмы.

Председатель. — Т.-е. филеры охранного отделения и филеры охраны?

Герасимов. — Да. Через несколько времени, действительно Ратимов приехал в Петербург под наблюдением, а я своим людям приказал: «Наблюдайте за этими господами». Круг у Никитенко был небольшой. Я приказал: если один из наблюдаемых выйдет из квартиры, то, чтобы ждали, не выйдет ли оттуда какой-нибудь казак. Действительно, в одно из свиданий, вскоре люди, наблюдая, опять видели тут же дворцовую охрану.—«Они давно ходят сюда», говорят. Действительно, они увидели, что оттуда вышел казак-конвоец. После этого свидания я еще раз виделся с Ратимовым и говорил ему, что это очень серьезно, если только он может под присягой подтвердить все, что он мне говорил. Он согласился подтвердить под присягой. Я об этом доложил по начальству, и было решено ликвидировать, а затем дело перешло к следователю.

Председатель. — Вы его приводили к присяге?

Герасимов. — Я ему говорил: может ли он подтвердить под присягой, что это вопрос очень серьезный. Он согласился подтвердить под присягой. Я доложил своему начальству, и было приказано ликвидировать.

Председатель.—Когда вы говорили с ним, тут был Спиридович?

Герасимов. — Два раза. Я один-на один с ним не виделся, всегда был Спиридович.

Председатель. — В Царском Селе?

Герасимов. — В Царском. А затем было решено нашим начальством, чтобы дело это шло через князя Трубецкого.

Председатель. — Что значит—через князя Трубецкого?

Герасимов. — Т.-е. будто бы охранное отделение не принимало никакого участия в этом деле.

Председатель. — А каким начальством это было решено?

Герасимов. — Начальства так много было. Не помню, каким начальством.

Председатель. — Вы говорите про директора департамента Трусевича?

Герасимов. — О, если бы вы знали, как они все рвали меня на части! А кто из них больше начальство. . .

Председатель. — А докладывали вы об этом донесении Азефа, касательно лейтенанта Никитенко, и затем об этих наблюдениях и переговорах со Спиридовичем А. А. Макарову, директору департамента и Столыпину?

Герасимов. — Все они знали. Столыпину докладывал, Макарову докладывал.

Председатель. — Макарову и Столыпину в присутствии Трусевича, или отдельно об этом докладывали?

Герасимов. — В отдельности.

Председатель. — В отдельности? Так. Пока мы прерываем ваш допрос.

XXIX.

ДОПРОС А. И. СПИРИДОВИЧА

28 апреля 1917 года.

Содержание: Деятельность Спиридовича в качестве начальника дворцовой охраны. Труды Спиридовича по истории революционного движения. Вопрос о провокации. Источники труда Спиридовича по истории революционного движения. Отношение департамента полиции к вопросу о пользовании секретными сотрудниками, состоящими в революционных организациях. Инструкция департамента полиции. Отношение к инструкции Джунковского. Дело Никитенко, Наумова и др. Герасимов и Ратимов. Приезд Спиридовича из Ялты по вызову Протопопова. Дело об убийстве Столыпина. О чинах политической и «физической» охраны. Свидание Спиридовича с Богровым у Кулябко. Совещания Спиридовича с Курловым, Веригиным и др. по поводу сообщений Богрова. А. Т. Васильев. Протопопов. Воейков. Придворные знакомства Спиридовича. Нерасположение к Спиридовичу бывшей императрицы. Особый отдел управления дворцового коменданта. Отношения Спиридовича с Распутиным. Князь Андроников и его отношения к Воейкову. Служба в дворцовой охране, как средство уклонения от воинской повинности. Роль Спиридовича в содействии уклонению от воинской повинности. Библиотека дворцовой охраны. Спиридович и А. Н. Хвостов.

Председатель. — Вы генерал-майор Спиридович? Как ваше имя и отчество?

Спиридович. — Александр Иванович.

Председатель. — Перед тем, как вы были арестованы, вы были в Ялте градоначальником?

Спиридович. — Точно так.

Председатель. — Сколько вам лет?

Спиридович. — Сорок четыре.

Председатель. — Вы начали службу в жандармском корпусе 31 декабря 1899 года и состояли в нем по апрель 1905 года?

Спиридович. — С исполнением обязанностей. Я нес службу корпуса жандармов, а затем был прикомандирован в распоряжение дворцового коменданта.

Председатель. — В должности начальника отряда охраны?

Спиридович. — Да, подведомственного дворцовому коменданту. Тогда я по мундиру только был офицером корпуса жандармов или начальником отряда охраны.

Председатель. — С 1903 по 1905 год вы были начальником охраны в Киеве?

Спиридович. — Начальником охранного отделения.

Председатель. — А когда вы стали заведывать дворцовой агентурой в Царском Селе?

Спиридович. — С 1 января 1906 года. Охранная агентура подведомственна дворцовому коменданту. Это не есть агентура в смысле осведомления и розыска, это совершенно особая статья. Есть так называемая агентура политической полиции прежнего режима, которая ведает розысками. Такими розысками я ведал в Киеве. При дворцовом коменданте такого розыска не было. Был отряд физической охраны.

Председатель. — А охрана в смысле осведомления?

Спиридович. — Этого не было.

Иванов. — На ком лежала эта часть?

Спиридович. — У дворцового коменданта не было специального органа, ему должен был давать сведения директор департамента полиции и начальник охранного отделения.

Председатель. — А в Царском Селе не было охранного отделения?

Спиридович. — Нет. Царское Село находилось по розыскам в ведении петроградского охранного отделения.

Председатель. — Итак, вы утверждаете, что по должности начальника охраны вы политическими розысками не занимались и секретных сотрудников не имели?

Спиридович. — Безусловно нет.

Председатель. — До каких пор вы продолжали оставаться в должности заведывающего охраной?

Спиридович. — До 15 августа, когда я приказом был назначен ялтинским градоначальником. Приказ состоялся 15-го августа, а уехал я 18 сентября.

Председатель. — Таким образом, вы служили в Царском с 1 января 1906 года по 16 августа 1916 года, то-есть больше десяти лет?

Спиридович. — Совершенно верно.

Председатель. — Вам принадлежит труд по истории революционного движения? Кто был ближайшим сотрудником вашим по составлению этой истории?

Спиридович. — Никто буквально.

Председатель. — Вы один написали это?

Спиридович. — Один. Я собирал материалы, начиная с первых годов службы в корпусе жандармов. Пока я служил, я не имел времени писать. Когда я служил в Царском, у меня была большая

библиотека, которая осталась в наличности в Ялте. Там и сохранилась вся моя работа — главным образом в конспектах, в той схеме, по которой я работал, особенно по партии с.-р. Сотрудников у меня никаких не было. Эта книга фактически написана была мною во время поездок в свитском поезде, и те, которые участвовали в этих поездках, видели мою работу.

Председатель. — Вы говорите, — в особенности по партии с.-р. А по партии с.-д.?

Спиридович. — Историю партии с.-д. я писал более долгое время.

Иванов. — У вас три части?

Спиридович. — Два выпуска: с.-д. и с.-р. Первый я писал года три.

Председатель. — Что вам известно о провокации, то-есть о провокационных приемах в охране политической полиции Российского государства. Вы понимаете провокацию, как «соучастие чинов розыскных органов или их осведомителей в революционной работе с целью пресечения затем таковой с наибольшим для власти результатом». Так? Я совершенно точно прочел.

Спиридович. — Совершенно верно.

Председатель. — Что же вам известно о провокации?

Спиридович. — Источник провокации нельзя искать только в злонамеренности жандармских офицеров или чинов дворцовой полиции, которая этим ведала. При старом режиме строевых офицеров учили всему. Если зайти в магазин Березовского, мы можем найти там инструкции и чертежи даже по вопросу о размерах сапога и портянки и о том, как надевать портянку. И на это есть инструкция. Жандармских офицеров никто не учил, как производить дознание по политическим делам и как вести розыски. Вот основная причина нежелательных явлений в этой области, — я всегда это говорил. Чему угодно учат, но этому не учат.

Председатель. — Вы считаете, что причина провокации — недостаточное обучение чинов жандармского ведомства, пополняющих кадры охранных отделений?

Спиридович. — Уходит офицер из строя, переходит в корпус жандармов, и на него ложатся совершенно новые обязанности. Значит: с одной стороны, есть провокация злонамеренная, когда чин, ведающий розыском, отлично знает, что делает, и тем не менее это делает; с другой стороны, есть провокация от незнания, от неопытности. Я эти две провокации разделяю.

Председатель. — А провокация, обусловливаемая свойством самого дела?

Спиридович. — Розыски настолько деликатная вещь, что если их будет вести человек плохих нравственных устоев, он эту тоненькую линию всегда перейдет.

Председатель. — Какую тоненькую линию? Очевидно, некоторая часть розыскной работы представляется вам допустимой, и затем есть легко переходимая грань, за которой начинается нечто недопустимое. Так в чем же заключается, по вашему мнению, недопустимое в розыскной политической работе и что вы считаете допустимым?

Спиридович. — Допустимо только знать, но знать через источник, который сам не работает. Я не признаю активных работников-революционеров, как осведомителей. Это недопустимо.

Председатель. — Кого вы называете активным работником?

Спиридович. — Того, который действительно работает в той или иной революционной организации.

Председатель. — А кого вы называете не активным работником?

Спиридович. — Позвольте привести пример. В этой комнате собралось сообщество, решается вопрос о каком-нибудь революционном предприятии. Сидит в этой комнате десять человек. Одиннадцатый человек вносит чай. Он не принадлежит к этому кружку, но он знает тех, кто здесь сидит, и служит в качестве осведомителя. Это лишь официант, — известный чин, ведающий политическими розысками.

Председатель. — А по практике многие ли начальники жандармского управления и иные власти удовлетворялись таким способом осведомления? Считалась ли в среде политического розыска достаточной такая мера осведомления?

Спиридович. — Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Для этого нужно хорошо знать каждого человека в отдельности.

Председатель. — Но вы почти всю вашу жизнь соприкасались с этой областью, а потому, с вашей же точки зрения, можете быть великолепным осведомителем относительно нее. Ведь вы сами сказали, что известная степень внешнего соприкосновения представляется вам, в целях осведомления, вполне достаточной.

Спиридович. — Я могу сказать, например, про того, кто после меня был в Киеве . . .

Председатель. — Про кого именно?

Спиридович. — Про генерала Еремина.

Председатель. — Ответьте на мой вопрос: многие ли из лиц, работавших при старом режиме над делом политического сыска, удовлетворялись тем методом осведомления, который вы считаете допустимым, и тем результатом, который этот метод давал? Или же большинство не удовлетворялось?

Спиридович. — Мне кажется, кто понимал как следует службу, тот удовлетворялся.

Председатель. — А большинство было понимающих или непонимающих?

Спиридович. — Господин председатель, работа агентуры настолько щекотлива, что сказать другому, как я ее веду, это вещь немыслимая.

Председатель. — Вы уклоняетесь от ответа, потому что вопрос поставлен совершенно ясно. Вы говорите, что сведения о тайном сообществе получаются через таких людей, которые вносят в собрание его стакан чаю, а вы больше, чем вносили стакан чаю,— вы почти всю вашу службу провели около этой среды.

Спиридович. — Я понимаю вопрос и говорю, что нужно знать работу каждого. Я должен назвать по фамилии того или иного начальника охранного отделения и затем сказать, занимался он провокацией или нет.

Председатель. — Я про ваш общий взгляд спрашиваю.

Спиридович. — Я не могу сказать, что все занимались провокацией.

Председатель. — Вопрос в том, многие ли удовлетворялись тем способом осведомления, о котором мы говорили, или же это наблюдалось вами только как исключение?

Спиридонович. — Мне кажется—нет. И вот почему. По-моему, большинству хотелось знать как можно больше, а, конечно, я знаю больше, если мой человек стоит к революционной организации ближе. Все зависит от того, какую степень близости я допускаю.

Председатель. — Но ваш вывод из ваших наблюдений? Повидимому, этот вопрос несколько затрудняет вас.

Иванов. — Вот вы составляли труд, в котором масса материала не только из вашей деятельности, но и из деятельности других лиц.

Спиридович. — Разрешите доложить, что при составлении моего труда я ни разу не был в особом отделении департамента полиции; ни разу не предложил никому вопроса. Я в их тайники не входил.

Иванов. — На основании чего же вы делали ваши заключения?

Спиридович. — На основании партийных документов и данных департамента полиции, но данных, которые претворялись в официальные записки.

Иванов. — Полученные вами от ваших агентов?

Председатель. — Из департамента полиции?

Спиридович. — Департамент мог дать мне статистику. Затем департамент года три издавал нечто вроде своей газетки, — она есть в жандармском управлении, а затем есть своды дознаний. Вот те официальные документы, которыми я пользовался из департамента полиции.

Иванов. — А во время вашей деятельности в качестве начальника охранного отделения в Киеве были ли случаи, когда ваши агенты переходили ту грань, о которой вас спрашивал председатель?

Спиридович. — Нет.

Председатель. — Ни одного случая не было? Были только осведомители, участия агентов в сообществах не бывало?

Спиридович. — Нет, бывали. Виноват, я лишь указал вам на две резко отличных друг от друга возможности в данном направлении.

Председатель. — Но вы так и не ответили на мой вопрос. Каково было мнение специалистов в данной области: могло ли существовать дело политического сыска старого режима при пользовании исключительно такими осведомителями, которые не принадлежали к партиям?

Спиридович. — Иметь осведомителей или сотрудников, состоящих в организации, — это безусловно допускалось. Это департамент разрешал.

Председатель. — И офицеры охранного отделения пользовались этим допущением?

Спиридович. — Безусловно.

Председатель. — И такие случаи пользования, в качестве осведомителей, лицами, входившими в партии, были преобладающими?

Спиридович. — Это было санкционировано.

Председатель. — Чем и кем это было санкционировано?

Спиридович. — Департаментом полиции.

Председатель. — В какой форме это было санкционировано? Как это было выражено?

Спиридович. — Письменно, мне кажется, не было выражено. Вся инструкция охранным отделениям была написана уже после того, как я ушел из Киева. Тогда, после ухода Лопухина, собственно говоря, это и стало переходить в форму инструкции департамента полиции. Но меня ни одна инструкция не застала.

Председатель. — Вы не принимали участия в составлении такой инструкции?

Спиридович. — Инструкции по розыскам — нет.

Председатель. — А по какой же инструкции?

Спиридович. — По охране.

Председатель. — По охране чего?

Спиридович. — Исключительно по охране государя императора. В последние два года в департаменте полиции работала комиссия, которая вырабатывала принцип охраны, как таковой. Вырабатывалось положение, в которое должны были войти, как в целое, следующие части: обязанности начальников отделений (часть, которой я ведал), обязанности общей полиции, обязанности губернаторов, обязанности начальников розыска в данном городе и обязанности начальников жандармских управлений в каждом данном городе.

Председатель. — Вы в этой комиссии участвовали?

Спиридович. — Да.

Председатель. — Когда начала работу эта комиссия?

Спиридович. — Работа комиссии была прервана.

Председатель. — Прежде, чем ее прервать, нужно было ее начать. Когда именно, в котором году она начала свою работу?

Спиридович. — Начала, должно быть, в 1912 году и кончила со вступлением в должность генерала Джунковского, который прекратил ее работу.

Председатель. — Почему он ее прекратил?

Спиридович. — Точных сведений по этому вопросу я не имею. Но из всех проектов инструкций, которые были выработаны в комиссии, работало человек 30, работа раздавалась разным лицам по специальностям, Джунковский утвердил одну только инструкцию, — инструкцию моего отряда, то-есть физической охраны государя при поездках. Только ее он и утвердил, и она называется «инструкция отряда подвижной охраны при поездках государя». Эта инструкция действовала на торжествах 1913 года. Чем руководствовался генерал Джунковский и уничтожил ли он все другие инструкции, я не знаю. Затем работа прекратилась, и кажется уже в 1915 году или 1916...

Председатель. — А не в 1914?

Спиридович. — Кажется, при Белецком, под председательством Виссарионова, она начала работать. Это была большая комиссия.

Председатель. — Это было в то время, когда Белецкий был директором?

Спиридович. — Нет, он был товарищем министра. Это последние занятия комиссии.

Председатель. — Что же эта комиссия выработала?

Спиридович. — У нас было, кажется, всего два заседания. Я, как начальник отряда охраны, получил поручение от председателя представить свою работу, свою инструкцию. Эту инструкцию я потом из Могилева представил при официальном письме председателю комиссии. Затем я ушел на новую должность в Ялту, и ни на одном заседании этой комиссии уже не был.

Председатель. — Оставим эту комиссию. Что вам известно об инструкции по розыску, то-есть, о секретных сотрудниках, которые имелись, как вы знаете, в департаменте полиции?

Спиридович. — Никогда у меня этой инструкции не было, потому что когда я был в Киеве, еще при Лопухине, она составлена не была. Составлялась она после того, как я из Киева ушел, а ушел я в апреле 1915 года.

Председатель. — Вам известно, что в этой инструкции пользование секретными сотрудниками — членами преступных, с точки зрения тогдашнего закона, революционных организаций — было правилом?

Спиридович. — Я не знаю. Я этих инструкций не видел, они составляли большой секрет в департаменте даже от офицеров,

которые соприкасались с данным вопросом. О том, что я знал, я вам уже доложил.

Председатель. — Чем вы объясняете, что такая инструкция составляла секрет даже для офицеров, которых нужно было инструктировать?

Спиридович. — Насколько мне известно, жандармское управление давало ее только офицерам, ведавшим розыском.

Председатель. — Эти офицеры не только должны были быть осведомленными, но должны были знать эту инструкцию на зубок, потому что она заключала в себе то положение, по которому они действовали?

Спиридович. — Да.

Председатель. — Для какой цели вы написали две упомянутые книги по истории революции?

Спиридович. — У нас боролись с революционным движением, но с чем боролись — этого не знали. Офицер входил в корпус жандармов, не зная...

Председатель. — Об этом вы уже говорили. Какую школу вы прошли, то-есть какое получили образование?

Спиридович. — Я кончил Нижегородский кадетский корпус, затем Павловское военное училище, потом вышел в строй, пробыл в полку 6 лет и перешел в корпус жандармов.

Председатель. — Вы предложили департаменту полиции купить у вас написанные вами книги? Вам заплатили за них гонорар?

Спиридович. — Я работал совершенно самостоятельно.

Председатель. — То-есть независимо от департамента полиции и ни в какие с ним условия не входили?

Спиридович. — Когда я кончил первую книгу, то так как, по самому содержанию ее, частная типография не могла ее печатать, печатал с разрешения товарища министра в типографии штаба корпуса, а затем испросил разрешение продавать ее. Типография штаба и продавала первый выпуск. Затем я кончил второй выпуск. Тогда товарищем министра был Белецкий. Между прочим, у них составлялись так называемые «Очерки» полковника Рожанова. Когда Белецкий узнал, что я кончил свою работу, он купил у меня все остальные экземпляры по партии с.-р.

Председатель. — Они вам заплатили?

Спиридович. — Да. Это официально было сделано.

Председатель. — Сколько заплатили?

Спиридович. — Не помню.

Председатель. — Вы заявили, что вы были несколько в стороне от этого дела, когда вы приехали в Царское Село. Теперь скажите, что вам известно о деле лейтенанта флота Никитенко, Наумова и других?

Спиридович. — Осенью 1906 года может быть в датах я буду несколько путаться, — прошу мне указать, и я поправлюсь...

В 1906 году, я был приглашен однажды дворцовым комендантом Треповым, и он сказал мне: «Отправляйтесь, полковник, к командиру конвоя и выслушайте там заявление казака Ратимова». Я отправился на квартиру князя Трубецкого, где Ратимов, в присутствии командира сотни, доложил о своем знакомстве с некиим Наумовым, который говорил о том, чтобы подложить Трепову под стол, в Петергофе, в его кабинете, адскую машину. Вот, насколько я помню то, что доложил Ратимов. Больше ничего, кажется. Ратимову было сказано, чтобы он не прерывал знакомства.

Председатель. — Кем было сказано?

Спиридович. — Мной и другими. Они были начальниками, я не был начальником. Затем государь поехал в шхеры, я с своим отрядом тоже поехал в шхеры, и Ратимова я уже не видал до конца 1907 года. Когда мы вернулись в конце октября в Петергоф, после переезда в Царское Село, Ратимов приходит ко мне и докладывает, что Наумов возобновил с ним знакомство. Тут я уже не помню точно, что он мне говорил, но безусловно в своем докладе он давал сведения о том, что дело идет о покушении на государя императора. Помню мною тогда же было доложено дворцовому коменданту, что это надлежит передать в ведение начальника охранного отделения, и я получил приказание передать все это дело с рук на руки генералу Герасимову. Как вел розыск Герасимов, какие давал сведения, мне не было известно до дня суда, куда я был вызван свидетелем.

Председатель. — После вашего возвращения с бывшим императором в Царское Село, вы видели Ратимова всего один раз или несколько раз?

Спиридович. — Не помню. Может быть, раз, — может быть, два.

Председатель. — Вы виделись с ним наедине или в присутствии кого-нибудь другого?

Спиридович. — Не помню. В моем показании это во всяком случае должно быть.

Председатель. — Может быть, это был командир сотни?

Спиридович. — Да.

Председатель. — А вместе с Герасимовым вы не видели Ратимова?

Спиридович. — Да, когда я передавал ему это дело.

Председатель. — Это было один раз или несколько раз?

Спиридович. — Один раз.

Председатель. — Итак, вы видели Ратимова в присутствии Герасимова только один раз?

Спиридович. — Да.

Председатель. — Когда до вас дошли сведения о том, что Наумов дает Ратимову прокламации, вы сообщили об этом Герасимову?

*

Спиридович. — Не помню. Разрешите вспомнить. Ведь я в данном случае был человеком совершенно посторонним; все это должен был сделать командир сотни. Для меня это было совершенно неожиданно и необычайно.

Председатель. — Но это не такая неожиданность, которая заставляет человека растеряться. Вам вверена охрана государя императора. Вы даже литературным трудом занимаетесь, вы знаете, что передача прокламаций — особенно в военной среде, человеком из военных, составляет преступление. Отчего же об этом преступлении вы, не обыкновенный гражданин и обыватель, а человек, специально к делу приставленный, ничего не сообщили по начальству — для производства первоначального ареста?

Спиридович. —Виноват, это, вероятно, и было сделано.

Председатель. — То-есть вы думаете, что Наумов был арестован?

Спиридович. — Нет.

Председатель. — Почему же вы не настаивали на том, чтобы этот вредный человек был арестован. Ведь если бы он был арестован, он может быть не был бы через год повешен, а с ним вместе и еще два человека, а другие не пошли бы в каторжные работы.

Спиридович. — Это не входило в круг моих обязанностей. Этим ведал генерал Трепов. Вы не изволите знать, что такое был генерал Трепов. Когда я вошел к нему раз спросить о своих обязанностях, он очень круто в присутствии всех со мною обошелся.

Председатель. — Вы начальник охраны государя императора, вам подчинена целая армия филеров. Вам доложили, что в Царском Селе завелся человек, сын содержателя почтовой конторы, который распространяет в конвое его величества прокламации, — вы, который несете эту охрану, не настаиваете на его аресте на том основании, что у вас строгий начальник и вы не смеете доложить ему о необходимости этого ареста.

Спиридович.—Я этого не говорю, я этого не помню. Вероятно, Герасимову это было сказано. Но я не могу удостоверить, что именно я слышал тогда об этих прокламациях. Я покорнейше прошу рассмотреть мои показания, которые я тогда давал прокурору при производстве дознания. Ведь я вам говорю теперь через несколько лет после того, как я говорил тогда на суде. Ведь это дело меня тогда совершенно не интересовало. Тогда Герасимов выезжал в Царское с непосредственным докладом.

Председатель. — Я понял так, что вы в присутствии князя Трубецкого и командира сотни выслушали рассказ конвойца Ратимова о том, что в Царском Селе, около дворца, Наумов давал ему прокламации.

Спиридович. — Нет, извините, где он давал — я не знал.

Председатель. — Ну, да это безразлично, где. Но кто он, — вам это говорили?

Спиридович. — Да, — кто, но не где.

Председатель. — Наличность факта. Имя Наумова, на которого Ратимов мог всегда указать, как на человека, раздающего прокламации, было вам известно?

Спиридович. — Все было известно Герасимову.

Председатель. — И вам тоже?

Спиридович. — Я не веду розыска.

Председатель. — Какой розыск! Совершено преступление, предусмотренное статьей 129 и 130, — вы это прекрасно знаете. Вам надо было арестовать этого человека, потому что вы стояли во главе охраны Царского Села.

Спиридович. — Но ведь эти обязанности несет конвой.

Председатель. — Разве вы считаете, что обязанности конвоя иные, чем обязанности начальника охраны?

Спиридович. — Я и хочу все время доказать, что наша охрана была охрана физическая, что моя часть там не была агентурной, как вы изволите указывать мне, и никакого отношения к делу не имела.

Председатель. — В данном случае меня интересует конкретный вопрос — ваши отношения к делу Наумова и Никитенко. Дело это приняло потом большую огласку, получило наименование приготовления к цареубийству. Может быть, для вас не тайна, что никакого приготовления к цареубийству там не было, однако, все это кончилось повешением трех лиц и ссылкой на каторжные работы ряда других. Можно по-разному смотреть на вещи, но ведь вы знаете, чем это кончилось... Скажите, пожалуйста, вот что: подведомственные вам филеры не следили за Ратимовым и Наумовым, за сношениями их?

Спиридович. — Нет.

Председатель. — Ну, оставим это. Скажите, вы были арестованы в Петрограде?

Спиридович. — Да, в Петрограде.

Председатель. — По чьему вызову вы приехали в Петроград?

Спиридович. — Я в Петроград собирался с конца прошлого 1916 года. Я представил все документы, вы изволили их получить.

Председатель. — Да, я знаю. Но по чьему вызову вы приехали сюда?

Спиридович. — Я получил разрешение, а затем получил телеграмму министра Протопопова, с ссылкой на Рейна, чтобы я прибыл, потому и приехал. Главным образом поездка моя задержалась подысканием мне заместителя. Я бы давно уже приехал, но ждал, чтобы мне назначили заместителя. Однако, получил телеграмму, что министр просит меня выехать.

Председатель. — Когда вы приехали в Петроград?

Спиридович. — 20 февраля.

Председатель. — Вы представили свидетельство?

Спиридович. — Нет, я впервые был вызван министром в субботу, через неделю, кажется, 26 февраля. Т.-е. я приехал в понедельник, а по повестке был вызван к министру в субботу.

Председатель. — 25-го февраля.

Спиридович. — Да, 25-го.

Председатель. — Какой разговор у вас произошел с министром? Передайте содержание этого разговора в существенной его части.

Спиридович. — В существенной части разговор касался дел, по которым я приехал. Я вкратце доложил мое дело, министр выслушал, пригласил Анцыферова, дал краткую резолюцию и попросил помочь, чтобы я все это дело провел.

Председатель. — Какое дело?

Спиридович. — Там были дела о границах градоначальства.

Председатель. — Следовательно, это — дела, касающиеся ялтинского градоначальства, а не петроградских событий. А разговор относительно Петрограда был?

Спиридович. — Нет, не было.

Председатель. — Вы один приехали из Ялты или вместе с кем-нибудь из чинов местной крымской администрации?

Спиридович. — Нет, я один. Со мной ехал помощник пристава, князь Церетелли. Он ехал просить о переводе, я не знал этого, но в Петрограде, в департаменте общих дел, я узнал. Мне начальник отделения говорил: «Отчего вы не сделаете его помощником?»

Председатель. — Он тоже получил телеграмму с вызовом от Протопопова?

Спиридович. — Этого я не знаю. Нет. Он пришел в Ялте и просил об отпуске в Петроград, не говоря о причинах.

Председатель. — Какие отношения у вас были с Рейном? Почему Протопопов вызвал вас ссылкой на Рейна?

Спиридович. — Кажется, в декабре, я, может быть, месяц путаю, но это есть в моих документах, приехал в Ялту профессор Писемский, прямо ко мне. Я получил телеграмму — не помню от Рейна или от Протопопова, чтобы оказать ему содействие...

Председатель. — Таким образом начались ваши чисто служебные отношения с Рейном?

Спиридович. — Да. Я приехал. Я решил, что надо ему все рассказать. Я впервые видел тогда Рейна.

Председатель. — Скажите вот что: когда в Киеве был убит Столыпин, вы были там?

Спиридович. — Да.

Председатель. — По должности вашей начальника охраны особы бывшего императора. Вы служили раньше в Киеве. Вы знали

тогдашнего начальника киевского охранного отделения, одного из ваших преемников по должности, Кулябко?

Спиридович. — Кулябко женат на моей сестре. Мы с ним вместе учились.

Председатель. — Он жив, Кулябко?

Спиридович. — Он в полку, на фронте. Всю войну в полку.

Председатель. — Как его зовут?

Спиридович. — Николай Николаевич.

Председатель. — Скажите в общих чертах, какие совещания вы имели с Кулябко и Курловым по охране тогдашнего царя, и какое, в частности, вы имели отношение к Богрову и к выстрелу Богрова в этой истории, окончившейся смертью Столыпина?

Спиридович. — Относительно охраны императора я делал все то, что нужно было согласно инструкции.

Председатель. — Но сосредоточим ваше внимание на Богрове, на ваших совещаниях с Курловым и Кулябко, касающихся Богрова, и на всем том, что происходило в театре. Скажите в общих словах, что вам Богров сообщил?

Спиридович. — Это все было мною подробно указано на следствии. Разрешите предупредить, что я не могу все помнить и теперь могу спутать. Позвольте еще раз напомнить, что я был там начальником охраны, а не начальником розыска. Все мои обязанности относились к принятию мер по охране, к распределению нарядов охраны, к допуску в места посещения посторонней публики, — вот в чем состояли мои обязанности. Распределение мест в театре, билетов в театр — это меня не касалось, это лежало, с одной стороны, на местных органах, а затем был создан особый орган — бюро по выдаче билетов. Это бюро и вело дело.

Председатель. — Сообщите, пожалуйста, при каких условиях вы совершали эти поездки? Царь, например, едет в Киев — вы едете с целым отрядом?

Спиридович. — На этот счет существует целая печатная инструкция.

Председатель. — Где она может находиться?

Спиридович. — В департаменте полиции, должно быть.

Председатель. — В каком отделе, — не помните?

Спиридович. — В особом отделе, должно быть.

Председатель (обращаясь к секретарю). — Нужно будет ее затребовать.

Спиридович. — Инструкция по охране государя императора при выезде из мест государственной резиденции.

Председатель. — А сколько человек бывало у вас в таких отрядах? Это — в зависимости от поездок?

Спиридович. — Да.

Председатель. — А сколько по вашей должности было филеров, которые следят?

Спиридович. — Извините, это не филеры. Это в наших разговорах очень различается. Филер это есть агент наружного наблюдения.

Председатель. — А у вас как они называются?

Спиридович. — Это называется охранник, агент-охранник или младший стражник, младший чин. Я так их называл. А филеры, это — специально агенты охранного отделения.

Председатель. — Сколько у вас таких агентов было?

Спиридович. — У меня их было 250 человек.

Председатель. — Это при выезде в Киев?

Спиридович. — Они и выезжали. Они прибавлялись из специальной команды. В Петербурге была специальная команда для охраны министров и лиц, которых нужно было охранять; вот оттуда и давали, когда было мало. Такой отряд был у меня. Он был сформирован, разбит на десятки, десятки соединены в команды, над командами были поставлены офицеры. Была принята чисто военная организация.

Председатель. — Жандармские офицеры?

Спиридович. — Так точно.

Председатель. — Каково было число командовавших офицеров?

Спиридович. — Это стояло в зависимости от того, в какую местность их приходилось командировать; а также в зависимости от того, сколько человек было в наличности и чего требовала топография.

Председатель. — Оставим теперь внешнюю часть, она определилась. Коснемся внутренней — ваших свиданий с Кулябко и с Богровым.

Спиридович. — За несколько дней я обедал у Кулябко. Обедало несколько человек. Во время обеда Кулябко говорит: «Зайди в кабинет, выслушай, там у меня один молодой человек». Кончился обед, я пошел с Кулябко в кабинет, молодой человек был мне представлен. Кто он, я не знал, я его видел тогда впервые. И вот этот молодой человек, насколько помню, стал рассказывать при мне Кулябко о заговоре нескольких лиц; указал на партию социал-революционеров, сказал, что партия замышляет убийство Столыпина. О государе ни одного слова не было сказано. Это продолжалось несколько минут. Кулябко предлагал вопросы, а я не помню, предложил я ему вопрос или нет. Еще Веригин пришел, кажется...

Председатель. — Веригин жив или нет?

Спиридович. — Жив. Он был тогда чиновником департамента полиции. Когда я ушел оттуда, выслушавши это, я предложил ему несколько вопросов, и потом на этом разговоре сенатором Трусевичем было построено целое обвинение меня в допуске Богрова в театр.

Председатель. — Зачем Кулябко позвал вас в кабинет?

Спиридович. — Может быть, он волновался.

Председатель. — Отчего же он волновался?

Спиридович. — Может быть оттого, что это было за несколько дней до приезда государя и самых торжеств. Я не знаю, зачем он меня позвал.

Председатель. — Вы обсудили с Кулябко заявление молодого человека?

Спиридович. — При Богрове я с ним ничего не говорил.

Председатель. — Но вы обсудили с ним эти вопросы?

Спиридович. — Тут ничего не было.

Председатель. — Вы подчеркиваете — тут, но мне важно знать не где это было, а что было.

Спиридович. — Потом, должно быть, были и обсуждения, не помню. Богров должен был, несколько времени спустя, еще нечто сообщить. Кто-то должен был, по его рассказам, приехать, он должен был сообщить, в какой дом приедут. Вопрос об установлении наблюдения меня не интересовал.

Председатель. — Понятно, что Кулябко волнуется: он начальник охраны, приезжает царь, приезжают министры, а молодой человек говорит ему, что есть предположение убить министра. Он естественно волнуется и приглашает вас, своего родственника; при Богрове вы ничего, конечно, не говорите, только слушаете рассказ. Но когда он ушел? Ведь то, что вы сейчас сказали —это не жизненно. Жизнь не допустила бы такого спокойного отношения к делу.

Спиридович. — Да, но Богров говорил о том, что будет.

Председатель. — Я так и понял и, вероятно, каждый понял бы, что ваш родственник и начальник охраны позвал вас, чтобы посоветоваться с вами.

Спиридович. — Потом, вероятно, это и было. Но я хочу остановиться на одном разговоре с Богровым.

Председатель. — Что говорил вам о Богрове Кулябко до того, как позвал вас в кабинет?

Спиридович. — Помню, Кулябко говорил мне, что этому человеку можно верить, потому что он с ним давно работает и вполне ему доверяет.

Председатель. — Богров был осведомителем по какой части?

Спиридович. — По партии социал-революционеров. Но помню, он говорил, что с ним можно вполне спокойно работать. Это была аттестация Кулябко...

Председатель. — Вы говорите, что это было за сутки до театрального представления?

Спиридович. — Может быть. Я не помню, когда это было, но, во всяком случае, до приезда государя.

Председатель. — Вы говорите, что вы никакого участия в выработке плана, — как быть с этим, не принимали?

Спиридович. — Не помню. Разговоры безусловно были, потому что тут был товарищ министра внутренних дел Курлов с чинами департамента полиции.

Председатель. — Очевидно, был разговор с Курловым и с Веригиным по этому поводу?

Спиридович. — Веригин был чин департамента полиции.

Председатель. — Кто еще приезжал из чинов департамента полиции?

Спиридович. — Был Веригин, Сенько-Поповский.

Председатель. — Этим ваше участие и ограничилось? Потом вы были в театре и присутствовали при том, как Богров стрелял?

Спиридович. — Нет, виноват. Подходит день посещения государем театра. В 6 часов утра я выехал на маневры с бывшим государем верст за 50 и вернулся часа в два. Когда я прошел в общую столовую, то услышал там, что организация, о которой предупредил Богров, приехала. Виноват, это было известно нам, кажется, еще утром.

Председатель. — Утром в день спектакля?

Спиридович. — В день маневров. Я взволновался тем, что организация приехала, и уже наметил себе некоторый план в смысле переброски наряда. Когда я уезжал с маневров, я условился с дворцовым комендантом Дедюлиным, где я буду стоять при въезде в город и какой подам сигнал — куда государю ехать. Все это есть в показании на следствии. Стоя в Святошах, я должен был в зависимости от того, что я узнаю, махнуть таким образом, и шоффер должен был узнать, куда ехать. Цель была та, чтобы не везти государя императора по обставленным нарядами улицам.

Председатель. — Почему?

Спиридович. — Потому что, раз мы верили начальнику розыска в том, что прибыла террористическая организация, у меня не могло быть уверенности, что она будет оперировать именно против Столыпина, и я не мог подвергнуть этому риску государя.

Председатель. — Значит, вы допускали возможность, что эта организация будет действовать против бывшего императора?

Спиридович. — На это есть документы. Я сговорился с дворцовым комендантом, что я ему махну. Когда я вернулся и застал Курлова, я настоял на том, чтобы Курлов на бумаге сообщил дворцовому коменданту, что та организация, о которой он предупреждал дворцового коменданта, уже прибыла и хотя, по сведениям киевского охранного отделения, она наметила в качестве объекта своих действий министра, но можно опасаться выступлений ее и против государя. Вот смысл той бумаги, которая была послана коменданту.

Председатель. — Зачем нужно было писать такую бумагу?

Спиридович. — Чтобы дать почувствовать дворцовому коменданту, что они должны встрепенуться.

Председатель. — Зачем же бумага? Для этого достаточно было устного осведомления.

Спиридович. — Слишком верили серьезности этого. Во всяком случае это было сделано.

Председатель. — Вы хотели освободить себя от ответственности?

Спиридович. — Ответственность ни с кого этим не снималась.

Председатель. — Что же предпринималось, в виду серьезности положения, чтобы арестовать эту организацию?

Спиридович. — Этого я не знаю, потому что я все время был в разъездах, делом розыска и наблюдением за этой организацией я совершенно не мог интересоваться.

Председатель. — Но нельзя же допустить, чтобы вы этим не интересовались.

Спиридович. — Я очень интересовался, но не мог входить в это.

Председатель. — Но если вы этим интересовались, то что же вы сделали для расследования на предмет ваших распоряжений? Вы говорите, что направили царя по какой-то другой улице, — стало быть ваши собственные распоряжения стояли в зависимости от того, что вам удавалось узнать об этой организации.

Спиридович. — Не помню, видел ли я Кулябко. Может быть, когда я приехал с маневров, с ипподрома, Кулябко сказал, что допустить проезд государя можно.

Председатель. — Вы участвовали в составлении упомянутой бумаги или Кулябко ее писал?

Спиридович. — Писал не Кулябко, писали ее я и Курлов. Кулябко тут не было.

Председатель. — Все-таки на основной вопрос вы не ответили. Положение вещей было такое: утром приехала организация, вы заведуете охраной царя, вы придавали этому серьезное значение, допуская, что объект замышляемого покушения, Столыпин, может быть заменен другим объектом—царем. Что же вы сделали, чтобы узнать, арестована эта организация или нет?

Спиридович.—Очевидно, я спрашивал Кулябко и, должно быть, он ответил мне, что этой организации в действительности нет. Возможно было, что эта организация существует только в мыслях Богрова. Он говорил, что организация приехала, что все они сидят у него в комнате, и их нельзя взять; кто-то придет вечером и будет что-то передавать.

Председатель. — Но когда вам рассказывали, что приехала организация, что она сидит в комнате Богрова, не выходит и потому ее нельзя взять, — как вам, опытному лицу охраны, не показалось это бабьими сказками? Ведь вы отлично знаете, что в тысячах случаев организацию брали в той комнате, где она сидит,

что если организация не выходит на улицу, то это отнюдь не является в глазах охраны препятствием к тому, чтобы ее арестовать, потому что на улице как раз она может разбежаться, а тут ее можно захватить наверняка.

Спиридович. — Извините, тогда я не мог судить обо всем этом. Я физически находился на улице, я делал свое дело и не мог ...

Председатель. — Кроме физического дела, у вас было умственное, которое заключалось в том, чтобы исполнить вашу непосредственную задачу — охранять кого нужно в Киеве. Вы получили сведения, что эта организация приехала, как же вы не осведомились, арестована эта организация или нет?

Спиридович. — Моя работа заключалась в физической охране государя на улице при участии товарища министра внутренних дел и начальника охранного отделения с чиновниками.

Председатель. — Охрана царя от возможностей покушения на него — это дело физической охраны или какой-нибудь другой?

Спиридович. — Вся эта работа разделяется на два вида. Одной работой ведает охранное отделение, и я ею не ведал. Я теперь не помню, о чем говорил с Кулябко, но, во всяком случае, у меня не было времени вникать в это.

Председатель. — Председателей совета министров России убивали не каждый день. Это был все-таки исключительный случай. Вы стояли очень близко к этому делу. Вы, вероятно, очень волновались за участь вашего родственника Кулябко и за вашу собственную. Как же все обстоятельства этого дела не врезались в вашу память? Вы должны ясно помнить, как Богров в нескольких шагах от бывшего императора убил Столыпина, при чем мог убить царя.

Спиридович. — Я еще не дошел до этого, я могу вам описать весь день подробно.

Председатель. — Но вы помните только одно, что вы написали бумагу Дедюлину.

Спиридович. — Потому что утром все делалось без меня. Я потом из разговоров узнал. Утро для них всех было интересное. С семи часов утра до двух у них было свидание с Богровым, вырабатывался план действий. Все это делалось без меня.

Председатель. — У кого было свидание с Богровым?

Спиридович. — Все это есть во всеподданнейшем докладе. Но все это было без меня, потому что я в 7 часов уехал, вернулся с маневров в 2 — 3 и, что произошло за это время, я не знаю.

Председатель. — Но что вы делали с двух часов дня? Вы приехали, сошлись с Курловым и написали бумагу Дедюлину.

Спиридович. — И моментально уехал на ипподром, куда должен был приехать государь. Кажется, это был ипподром. Потом поехали в киевскую лавру, куда были направлены и мои наряды. Я метался, у меня не хватало внимания ни на что другое. Может быть, это было ошибочно, но я был слишком спокоен за Кулябку.

Председатель. — Вы знали тогда бывшего вице-директора или, может быть, заведывающего особым отделом департамента полиции того времени, А. Т. Васильева?

Спиридович. — Да.

Председатель. — В каких вы были отношениях?

Спиридович. — Я его знаю с первых годов службы в Киеве. Он был товарищем прокурора, и я соприкасался с ним, как начальник охранного отделения.

Председатель. — У вас были хорошие отношения?

Спиридович. — Мы никогда не бывали друг у друга, но отношения были хорошие.

Председатель. — И в 1911 — 1912 годах тоже были хорошие отношения?

Спиридович. — Да.

Председатель. — Какой окраски волосы у Кулябки, — он блондин, шатен или брюнет?

Спиридович. — Сейчас, пожалуй, седой.

Председатель. — А тогда какой он был?

Спиридович. — Блондин.

Председатель. — Но не очень светлый блондин. Он не рыжий?

Спиридович. — Нет. Немного ударяет в темное.

Председатель. — А у вас не переменился цвет волос? Вы не были тогда посветлее?

Спиридович. — Нет.

Председатель. — Про вас знакомые не говорят, что вы рыжей окраски?

Спиридович. — Нет. Когда я не бреюсь, то можно сказать, что я рыжий, но я всегда бреюсь.

Председатель. — А в 1911 году вы брились?

Спиридович. — Всегда брился.

Председатель. — Вы знали раньше Протопопова?

Спиридович. — Я видел его два раза в жизни.

Председатель. — Когда?

Спиридович. — Последний раз, — как я вам уже доложил, а первый раз — накануне отъезда в Ялту, 17 или 18 сентября 1916 года. Представлялся ему, как будущему министру. Он в этот день был назначен.

Председатель. — А до этого у вас не было встреч?

Спиридович. — Нет, я его видел в первый раз.

Председатель. — Вы твердо помните, что когда вы приехали в Петроград и виделись с Протопоповым, вы не говорили о текущих событиях?

Спиридович. — Нет.

Председатель. — Вы жили в Царском Селе. Кого из окружающих двор вы знали, с кем вы встречались?

Спиридович. — Я всех знал, со всеми встречался.

Председатель. — Но наиболее часто?

Спиридович. — Почти [illegible] и часто встречался.

Председатель. — А вх[illegible]м к кому-нибудь были?

Спиридович. — Я быв[illegible]рцового коменданта Воейкова.

Председатель. — Вы [illegible]им в хороших отношениях?

Спиридович. — Он, к[illegible]льник, относился ко мне хорошо.

Председатель. — Вы [illegible] отношениях подчиненного и начальника или просто в хороших отношениях?

Спиридович. — Дом[illegible]е были знакомы.

Председатель. — Вы [illegible] первым браком?

Спиридович. — Втор[illegible]

Председатель. — С [illegible] пор вы женаты на теперешней вашей жене?

Спиридович. — С октября 1915 года.

Председатель. — С [illegible] были знакомы, кроме Воейкова?

Спиридович. — С [illegible] Орловым, с Дрентельном, с князем Тумановым, со всеми лицами, которые обслуживали государя.

Председатель. — А с Вырубовой?

Спиридович. — Тоже был знаком.

Председатель. — В каких отношениях вы были с бывшей императрицей?

Спиридович. — Ни в каких.

Председатель. — Вы бывали у Вырубовой в присутствии бывшей императрицы?

Спиридович. — Бывшая императрица меня не любила, как мне говорили.

Председатель. — Почему она вас не любила?

Спиридович. — Я затрудняюсь ответить. Никто в течение всей моей службы не мог мне на это ответить.

Председатель. — Но некоторая нелюбовь ее чувствовалась всеми?

Спиридович. — Да, это чувствовалось. Может быть, ей казалось, что за ней наблюдают, что ее не охраняют, как она выражалась, а шпионят за ней.

Председатель. — И это приписывалось вам?

Спиридович. — Вероятно.

Председатель. — Воейков вас защищал?

Спиридович. — Трудно сказать.

Председатель. — Почему?

Спиридович. — Слишком неопределенная личность Воейков, чтобы сказать, что он там говорил. Генерал Воейков и все дворцовые коменданты относились ко мне хорошо.

Председатель. — Но не было ли у этой неопределенной личности некоторых определенных черт?

Спиридович. — Как человек, он громадного самомнения. По его мнению, он никогда не ошибается. Если он слушал других,

то только слушал, вернее сказать, только слышал. Но на все у него было свое мнение.

Председатель. — Почему Воейков считался центром немецкого влияния при дворе?

Спиридович. — Мне кажется, что это происходило от его родства с Фредериксом, а Фредерикс, по мнению широкой публики, считался немцем. Я лично никогда не слышал от генерала Воейкова что-нибудь в смысле германофильства.

Председатель. — Конечно, вы не слыхали, потому что все-таки была некоторая разница между им и вами по положению. Но в ваших руках было три сотни людей, которые были рассыпаны по Царскому и которые за всем наблюдали, значит, вы были человеком, осведомленным по Царскому Селу.

Спиридович. — Вы немножко неправильно судите о службе подчиненных мне людей, — ведь они заведывали только линией проезда. Между тем, многие думали, что они за всем Царским следят. Может быть, отсюда и проистекает неприязнь ко мне бывшей императрицы.

Председатель. — Но людям, которым вы ставили задачу охранять царя, естественно было поручать наблюдение за всем тем, что царя окружает и откуда могла появиться опасность для него. Вероятно, вы старались хорошо исполнить свою задачу и, стало быть, не ограничивались внешним наблюдением и заботились о том, чтобы проникать внутрь, например, — наблюдали за приезжающими?

Спиридович. — Тут я дохожу до предела моих обязанностей. Все то, что касалось лиц, служащих по министерству двора, меня не касалось. Весь антураж государя меня не касался. Это касалось начальника дворцовой полиции. У него был институт полицейских нарядов.

Председатель. — Кто был начальником дворцовой полиции?

Спиридович. — Герарди.

Олышев. — А не было охранного отделения в дворцовом управлении?

Спиридович. — Нет.

Олышев. — Вы полковника Ратко знаете?

Спиридович. — Знаю. Он был заведывающим особым отделом управления дворцового коменданта при Воейкове.

Олышев. — Может быть, в это отделение входили обязанности охранного отделения?

Спиридович. — Нет. Насколько я помню, когда этот отдел учреждался, то мысль была такова: в нем сосредоточивалась вся переписка, весь осведомительный официальный материал, который присылали дворцовому коменданту все жандармские управления. Ему направляли свои сообщения не только министр, товарищ министра и директор департамента, но и вся Россия.

Олышев. — Это известный циркуляр, где предписывается Воейкову знать все, что делается в России, все революционное движение?

Спиридович. — Ратко это собирал, и мы расписывались в прочтении.

Олышев. — Этот отдел не заведывал внутренней охраной, внутренним розыском?

Спиридович. — Нет, розыска безусловно не было.

Олышев. — Это была сводка материала для доклада государю о внутреннем положении России?

Спиридович. — Да.

Председатель. — Вы были в каких-нибудь отношениях с Распутиным?

Спиридович. — За те девять или десять лет, когда Распутин подвизался тут, я его видел, может быть, раза три или четыре — кажется, в 1915 году.

Председатель. — Где вы его видели?

Спиридович. — В первый раз он приехал ко мне на квартиру в Царское Село, часа в 3 или в 4, чтобы просить устроить одного его родственника.

Председатель. — В каком отношении устроить?

Спиридович. — Дать ему какое-нибудь место. Это, кажется, маленький чиновник; его фамилия Бабиенко. Пробыл он у меня несколько минут, может быть полчаса, он торопился — ему нужно было ехать дальше.

Председатель.—Сколько времени, вы говорите, он у вас пробыл?

Спиридович. — Минут двадцать может быть. Я помню, он на часы все смотрел, так как торопился.

Председатель. — Что же он делал в течение этих двадцати минут?

Спиридович. — Он предлагал вопросы, ходил по комнате, смотрел картины, рассматривал все, спрашивал о моем положении — как, что, где жена, где дети.

Председатель. — Разве жена и дети ваши были в то время не при вас?

Спиридович. — Кажется, дочь была в Петрограде. Тогда я не был еще женат.

Председатель. — А в другой раз при каких условиях вы видели Распутина?

Спиридович. — Просьбы его я не исполнил. Помню, что, кажется, месяцев через шесть или семь, уже вернувшись во время войны, я узнал, что он остался очень недоволен тем, что я не исполнил его просьбы. А устроить этого человека я не хотел по многим причинам; между прочим, до меня дошли сведения, что он человек нехороший. Может быть, впрочем, я и устроил бы, если бы кто-нибудь другой просил.

Председатель. — Но ведь просьбу Распутина опасно было не исполнить?

Спиридович. — У меня, относительно Распутина была своя линия поведения; может быть она и являлась отчасти причиною того, что на меня немножко косо смотрели. Я его за девять лет ни разу не видал, он первый ко мне пришел.

Председатель. — Может быть, на этом и основывалось нерасположение к вам бывшей императрицы?

Спиридович. — Это можно было как угодно понимать. Не могу сказать, однако, чтобы у нас было безусловное нерасположение к Распутину.

Председатель. — У кого?

Спиридович. — У Дедюлина, Дрентельна, Орлова; это все лица, при которых он появился.

Председатель. — Ваши охранные агенты не доносили вам о приездах Распутина в Царское к Вырубовой и во дворец?

Спиридович. — Им было сказано, что они должны совершенно не интересоваться.

Председатель. — Почему?

Спиридович. — Однажды императрица прямо сказала министру двора, что за ней шпионят. Правда, это относилось не к моим людям, — не в моем районе это было. Если Распутин приезжал в такие часы, когда на улице стоял мой наряд, они могли, конечно, его видеть, но специально наряд не выставляли. Мои люди могли видеть его только на вокзале.

Председатель. — А кого вы еще знаете из лиц, бывавших в Царском? Например, князя Андроникова?

Спиридович. — Князя Андроникова я знал. Я у него был раз, и он у меня был.

Председатель. — Вам известно, что он был в хороших отношениях с Воейковым?

Спиридович. — Я знал, что отношения у них были какие-то странные; в разговорах с третьими лицами Воейков говорил, что он Андроникова терпеть не может, а, между тем, Андроников говорил, как я слышал стороной, что Воейков с ним в отличных отношениях. Их отношения всегда являлись большой загадкой. С Андрониковым я у Воейкова никогда не встречался.

Председатель. — А как вы представляли себе общественное положение Андроникова?

Спиридович. — Я, в сущности говоря, узнал Андроникова только тогда, когда Хвостов сделался министром. Тогда о нем стали много говорить.

Председатель. — Почему?

Спиридович. — Шла молва, что он принимал участие в получении Хвостовым поста, хотя, в чем это участие выразилось, я не знаю. Андроников говорил, что он в очень хороших отношениях

с Хвостовым. В Царском Селе я никогда Андроникова не видел. Мне думалось, что, может быть, Андроников нарочно устраивает так, чтобы говорили о его близких, хороших отношениях к Воейкову. А, может быть, Воейков скрывал что-нибудь касательно своих отношений с ним, имея свои основания для этого.

Председатель. — Скажите, у вас было несколько сот человек агентов. Состояние агента освобождало от воинской повинности?

Спиридович. — Да, освобождало. Об этом была официальная переписка, и был указ.

Председатель. — Вы помните некоего Церингера?

Спиридович. — Нет, не помню.

Председатель. — А он был принят вами на службу, этот Церингер?

Спиридович. — Не помню совершенно.

Председатель (показывает ему бумагу). — Вот будьте добры прочесть. Кто же этот Церингер?

Спиридович. — Должно быть, это один из нескольких человек, которые были переданы в распоряжение дворцового коменданта. Вероятно, там есть список.

Председатель. — Для какой надобности эти лица были переданы дворцовому коменданту?

Спиридович. — Не могу знать.

Председатель. — Но ведь это ваши подчиненные?

Спиридович. — Нет, это подчиненные высшего начальства и принятые по его приказанию. У меня только документы были.

Председатель. — Но этот Церингер, ваш подчиненный, не значится в списках. Вот передо мною список нижних чинов, состоящих на службе в охранной агентуре, подведомственной дворцовому коменданту. В этом списке значится 197 лиц. Потом еще список.

Спиридович. — Значит, была дополнительная бумага.

Председатель. — Но вы помните Церингера или нет?

Спиридович. — Нет, безусловно не помню. Вероятно, это один из категории тех, которые были приняты по приказанию дворцового коменданта.

Председатель. — Вы утверждаете, что этот Церингер был принят вами по приказанию дворцового коменданта?

Спиридович. — Из списка можно усмотреть, в чьем распоряжении он состоял.

Председатель. — Замечательно то, что в списке значатся все младшие чины, — матросы и т. п., а Церингер коллежский регистратор, так что он как бы не по чину здесь и выделяется из общего списка.

Спиридович. — Раз я его не помню, то там безусловно должно быть написано, в чьем распоряжении он состоит. Разрешите посмотреть, он безусловно там должен быть.

Председатель. — Пропущенный в списках ваших агентов, Церингер получает удостоверение из агентуры о том, что он был зачислен по мобилизационному отделу, то-есть мобилизационный отдел был уведомлен о том, что этот человек не подлежит призыву на военную службу. А затем этот Церингер, в тот день, к которому относится ваш рапорт мобилизационному отделу, выбыл зачем-то в г. Александровск.

Спиридович. — Это могло быть только при одном условии: что он принят по распоряжению дворцового коменданта.

Председатель (показывает бумагу). — Это чья рука, ваша?

Спиридович. — Да, моя.

Председатель. — Здесь написано, что он выбыл и что самому Церингеру нужно сообщить через полицию. О чем сообщить?

Спиридович. — Отобрать у него удостоверение.

Председатель. — Почему вы говорите, что это было сделано, по всей вероятности, по предписанию Воейкова? Тут имеется справка: «следует ли посылать этот рапорт, так как при зачислении в агентуру рапорта дворцовому коменданту не представляется». Церингер был зачислен только по мобилизационному отделу, а, между тем, ему было выдано удостоверение из агентуры.

Спиридович. — Разрешите посмотреть бумагу, так трудно разобрать. (Смотрит бумагу.)

Председатель (получая бумагу обратно). — Прошу занести в протокол, что рассматривался документ № 176, дело канцелярии начальника охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту, за № 1, 1916 года. Дело о Церингере мы пока оставим, в настоящих условиях его невозможно разъяснить. А вот случай зачисления Калугина, который, согласно высочайшего повеления, подлежит призыву в войска 4 сего апреля и который является телефонным мастером дворцовой телефонной станции при императорском Зимнем дворце, как это видно из документов на листе 79 или 127 (79 черными чернилами, а 127 — красными). Герарди пишет, что его нужно освободить, оставить в Петрограде и откомандировать оттуда в распоряжение вашего превосходительства, то-есть дворцового коменданта, для работы на телефонной станции в Зимнем дворце. А вы говорите, что Калугина нужно зачислить в агентуру.

Спиридович. — Церингер тоже должен значиться находящимся в распоряжении Герарди. Вообще, у меня есть целые списки лиц, служивших в агентуре без содержания и только зачисленных мною по приказанию дворцового коменданта.

Председатель. — Итак, позвольте считать, что они не служили, а только числились служившими у вас: на войне они не были и на службе в агентуре тоже не находились.

*

Спиридович. — Несколько человек из них находилось в распоряжении дворцового коменданта, несколько человек в распоряжении министра двора и начальника дворцовой полиции.

Председатель. — Но как же вы могли зачислять их? Ведь таким образом вы являетесь участником в этой операции, которую нужно назвать, по меньшей мере, неправильной.

Спиридович. — Мой начальник говорит: зачислите на службу такого-то и отдайте в мое распоряжение. Я говорю: слушаюсь.

Председатель. — А если бы он заставил вас убить человека?

Спиридович. — Ведь это преступление.

Председатель. — А это вы не считаете преступлением?

Спиридович. — Дворцовый комендант пользовался правом иметь людей в своем распоряжении.

Председатель. — Скажите, а Церингер значился у вас на службе с содержанием?

Спиридович. — Да. Мне так дворцовый комендант приказал.

Председатель. — Значит, вы полагаете, что всякое приказание вы должны исполнять?

Спиридович. — Если оно не противно закону.

Председатель. — А это, по-вашему, не противно закону?

Спиридович. — Я не спрашиваю, кто и на что.

Председатель. — Но, во всяком случае, Церингер у вас агентом по охране не состоял, — это самое главное.

Спиридович. — Он находился в распоряжении дворцового коменданта.

Председатель. — Вы не помните, зачем вы ходатайствовали перед дворцовым комендантом о зачислении к вам на службу, во вверенную вам охранную агентуру, без содержания, с 29 сентября, — Ащина?

Спиридович. — Нет, не помню.

Председатель. — Ащину было выдано удостоверение 20 сентября, что он принят на службу, это не по высочайшему приказу, не по приказанию Воейкова, вы сами ходатайствуете.

Спиридович. — Опять-таки, надо найти списки, потому что я не помню этой фамилии.

Председатель. — Итак, Ащин, Церингер и Калугин. (Передает список.)

Спиридович (просматривая список). — Разрешите, здесь есть документ относительно Калугина. Это должно быть так было: Герарди обратился к дворцовому коменданту, а дворцовый комендант приказал мне. И я исполнил приказание. От Герарди шло представление не мне, а дворцовому коменданту.

Председатель. — Дворцовый комендант распорядился о зачислении, и по спискам он значится.

Спиридович. — По спискам я еще не нашел. Вот Ащин, — относительно него я, очевидно, в Ставке получил приказание.

Меня спрашивают из канцелярии, куда послать документы. Я послал телеграмму.

Председатель. — Кто такой Салтаев?

Спиридович. — Салтаев начальник моей канцелярии.

Председатель. — Но вы не отрицаете того, что эти два лица, числящиеся у вас агентами без жалованья и на этом основании освобожденные от призыва в войска, в сущности у вас не служили?

Спиридович. — Они были зачислены по распоряжению дворцового коменданта и оставались в его распоряжении.

Председатель. — Откуда же видно, что они отданы в распоряжение дворцового коменданта?

Спиридович. — Я отлично помню, что они ни одного момента в моем распоряжении не были, но в личном распоряжении генерала Воейкова. Я надеюсь, что лица, в распоряжении которых они числились, не откажутся от них. Здесь видно: «станция Воейково», — это значит — в личное распоряжение его, а тут — в личное распоряжение Герарди.

Председатель. — Значит, в его имение?

Спиридович. — Значит, в личное распоряжение Воейкова и полковника Герарди. Это по личному распоряжению Воейкова, безусловно.

Председатель. — Но Ацин зачислен по вашему собственному ходатайству. Вы сами послали рапорт: «ходатайствую перед дворцовым комендантом».

Спиридович. — Иногда давался приказ о том, чтобы подать собственное ходатайство. Это чисто формально. Иногда это делалось, — иногда, в спешке, не делалось.

Председатель. — А Церингер?

Спиридович. — Церингер... Разрешите сказать: по вопросу личного состава вам может дать все показания Салтаев, потому что, когда я уезжал, канцелярия оставалась на нем, он ведал делами, он скорее меня может вспомнить.

Председатель. — Как его имя и отчество?

Спиридович. — Григорий Антонович.

Председатель. — Хорошо, вы сделаете ссылку на Салтаева. Вот этот Церингер.

Спиридович (разбираясь в бумагах). — 26 января он был принят, а 8 марта я уже пишу, что он уволен от службы. Списки посланы.

Председатель. — Кому посланы?

Спиридович. — В мобилизационный отдел... Виноват, дворцовому коменданту.

Председатель. — Какого происхождения этот Церингер?

Спиридович. — Может быть, я вспомню. Он, должно быть, был у Воейкова. Салтаев, наверное, помнит. С ним, вероятно, произошло какое-то недоразумение. На это указывает то, что

26 января он зачислен, а 8 марта уже уволен. Дальше его уже нет. Насколько помню, это связано с генералом Воейковым и, может быть, с полковником Герарди.

Председатель. — Может быть, связано с его имением?

Спиридович. — Нет, с его личным приказанием. Я не знаю для чего, но несколько человек было им принято, им же было отдано приказание.

Председатель. — Сколько было таких лиц, относительно которых вам было отдано приказание зачислить?

Спиридович. — Человек 8 — 10, приблизительно. Разрешите, я до конца просмотрю.

Председатель. — Нет, позвольте, я вам помогу. Вот тут еще есть бумажечка: «Список чинов охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту, исполняющих особые поручения. Марта 1916 года. 1. Анисимов, Сергей Авксентьев — в распоряжение командира собственного его величества конвоя. 2. Ащин, Григорий Семенов, 3. Байрашев, Фотих Аттаулов, 4. Битковский, Георгий Иванов, 5. Власов, Алексей Степанов — в распоряжение дворцового коменданта. 6. Воронцов, Василий Григорьев — в распоряжение начальника дворцовой полиции Герарди. 7. Ежов, Иван Борисов, 8. Еремеев, Дмитрий Николаев, 9. Ктиторов, Николай Иванов, 10. Линнаск, Александр Михайлов — в распоряжение министра императорского двора. 11. Мусин, Азис Иззатулин, 12. Пушмуцан, Юрий Гедушев — в распоряжение дворцового коменданта. 13. Роде, Николай Владимиров — в распоряжение заведывающего охранной агентурой. 14. Саава Якоб Иоганов — в распоряжение министра императорского двора. 15. Сачков, Трофим Сергеев — в распоряжение начальника дворцовой полиции. 16. Солтан, Игнатий Акимов — в распоряжение министра императорского двора. 17. Сугаков, Кирилл Иванов — в распоряжение дворцового коменданта. 18. Цено, Густав Яков — в распоряжение министра императорского двора. Г. М. Спиридович. 4 марта вручено дворцовому коменданту». Ащина вы провели по спискам. А Церингера и Калугина вы даже не провели. Это вашей рукой написано — «в распоряжение коменданта собственного его величества конвоя»? Это ваша рука?

Спиридович. — Нет, не моя, должно быть Салтаева. Это, значит, он спрашивал, почему дополнительный список послан, почему Церингер сюда не вошел. Это датировано 8-м марта, значит в одно время.

Председатель. — Вы сказали, что эти лица, вероятно, были подведомственны дворцовому коменданту. Однако, Церингер не входит в список дворцового коменданта.

Спиридович. — Он уже был уволен. Эти списки, представленные, очевидно, одновременно, состоящих на службе и уволенных.

Председатель. — И все эти лица, если по совести сказать, значились в распоряжении Воейкова и других лишь фиктивно?

Спиридович. — Затрудняюсь сказать. Отдавалось распоряжение, и исполнялось приказание, а что с ними делали — я не знаю.

Председатель. — Но как вы себе представляете это?

Спиридович. — Пишется на станцию «Воейково», но что они там могут делать?

Председатель. — Значит, они состояли при имении. Начальник дворцовой полиции — это Герарди, а заведующий охранной агентурой — кто?

Спиридович. — Это — я.

Председатель. — Кто был Роде?

Спиридович. — Он приводил мне в порядок библиотеку, остался на службе и после меня.

Председатель. — Кто он по положению?

Спиридович. — Он интеллигентный человек.

Председатель. — Студент?

Спиридович. — Окончивший университет. Он, должно быть, и сейчас там. Он был у меня в канцелярии, ему были переданы все каталоги, он рылся там, и на этом деле я его оставил, когда уезжал.

Иванов. — Какая это была библиотека? Личная?

Спиридович. — Нет, это большая библиотека, кажется, до 4 — 5 тысяч томов, которая принадлежала агентуре. Для нее он и был взят.

Председатель. — Это библиотека для чтения?

Спиридович. — Да, громаднейший исторический отдел и большой отдел по беллетристике.

Иванов. — Для чтения и для пользования агентуры?

Спиридович. — Многие лазареты ею пользовались.

Председатель. — Вы говорите, составлялся каталог?

Спиридович. — Этой библиотеке десять лет, а за два последние месяца или за полгода она стала пополняться; было куплено тысячи три новых томов, и шла работа по пересортировке всего библиотечного материала. Весь этот материал находится там в наличности, также как и измененный каталог — все там. Вы можете удостовериться в производстве самой работы, потому что это видно по технике ее.

Председатель. — Скажите, где находится станция «Исаево»?

Спиридович. — Не могу сказать.

Председатель. — Будьте добры, посмотрите, это вы писали? (Показывает документ.)

Спиридович. — Это моя рука.

Председатель. — Вот и этот Церингер нашелся. (Указывает на документ.)

Спиридович. — Очевидно, кто-нибудь дал мне приказание.

Председатель. — Кто же именно?

Спиридович. — Это может быть только дворцовый комендант.

Председатель. — А станция «Исаево» — это не в кувакских местах? (Просматривая документ.) Видите, это исполнено. Его пригласили 30 декабря 1914 года, а в 1916 году его уволили по мобилизационному отделу. Сказано: «Немедленно уволить». Значит, он там, на станции «Исаево», в чем-нибудь провинился. Еще три последних вопроса. Был кто-нибудь в 1914 году командирован заграницу от дворцовой охраны в качестве агента?

Спиридович. — Не знаю.

Председатель. — Вообще командировки заграницу от дворцовой охраны бывали?

Спиридович. — Бывали.

Председатель. — С какой целью?

Спиридович. — Двоякая цель: или при выезде государя, — тогда я выезжал.

Председатель. — А другая цель?

Спиридович. — Они посылались в распоряжение заведывающего агентурой заграницу для ознакомления с террористами.

Председатель. — И потом возвращались к вам назад?

Спиридович. — Так точно.

Председатель. — С какой же целью они знакомились с террористами?

Спиридович. — На случай, если находящийся заграницей террорист приедет сюда произвести покушение.

Председатель. — Сколько же людей направлялось заграницу с этой целью?

Спиридович. — Всего, должно быть, перебывало человек 10 — 12. Точные списки в департаменте полиции есть. Эти списки делались официально и передавались к нам.

Председатель. — Повидимому, террористов мало приезжало в Царское Село, если 10 человек было достаточно по вашим соображениям?

Спиридович. — Количество определялось департаментом полиции.

Председатель. — Имели ли вы какие-нибудь поручения по делу Ржевского в связи с готовившимся покушением на Распутина?

Спиридович. — Я никаких поручений ни от кого не получал.

Председатель. — Вы с А. Н. Хвостовым по этому поводу никаких переговоров не вели?

Спиридович. — Я не помню, говорил ли он тогда про Ржевского. Я имел с ним только один разговор. Он вызвал меня незадолго до своего увольнения, как министр внутренних дел, и заявил, что московское градоначальство он, по разным соображениям, не может мне предоставить и что он предлагает мне одесское градоначальство.

Председатель. — А почему вы отказались?

Спиридович. — Оно не было свободно, я не мог его принять.

Председатель. — Когда вы приехали в Петроград из Ялты, вы посетили Курлова?

Спиридович. — Нет.

Председатель. — А Комиссарова?

Спиридович. — Тоже нет.

Председатель. — Мы пока прервем наш допрос. Комиссия обсудит ваши объяснения.

Спиридович. — Разрешите мне посмотреть относительно Церингера.

Председатель. — Пожалуйста. (Обращаясь к секретарю.) Под вашу ответственность.

Спиридович (просматривает документы).

XXX.

ДОПРОС В. Н. ВОЕЙКОВА

28 апреля 1917 года.

Содержание: Сближение Воейкова с царем. Отношения с императрицей. Отношение к Германии и к войне. Обязанности дворцового коменданта. Отношение к обсуждению политических вопросов. Распутин, встречи Воейкова с ним, отношение к нему царя и царицы. Назначение Протопопова. Назначение Штюрмера. Питирим. Андроников. Начало вмешательства императрицы в политику. Великие князья. Протопопов. Отношение к думе. Где хранились министерские доклады. Характер царя и императрицы. События последних дней старого режима: 21 февраля — 2 марта. «Вержболовская» группа и Андроников. А. Н. Хвостов. 70.000 руб. Генерал Иванов. Секретные сотрудники. Борьба Хвостова с Белецким. Царь — верховный главнокомандующий. Книга Григория Распутина. Записка Бадмаева.

Председатель. — Генерал-майор В. Н. Воейков, Вы находитесь в заседании Чрезвычайной Следственной Комиссии, образованной согласно указу Временного Правительства для расследования действий министров и прочих высших должностных лиц. Вы в настоящее время находитесь не перед следователем, вы даете показания не в качестве свидетеля и не в качестве обвиняемого. От вас требуются объяснения по некоторым вопросам, которые, по ходу расследования, интересуют Комиссию. Вы были назначены дворцовым комендантом 24 декабря 1913 г.?

Воейков. — Так точно.

Председатель. — Кем вы были до этого?

Воейков. — Я был на службе с 1 октября 1885 года в пажеском корпусе, в роте, а затем офицером Кавалергардского полка, до 9 августа 1907 года. После этого я шесть с половиной лет командовал л.-гв. Гусарским его величества полком.

Председатель. — Вы женаты на дочери гр. Фредерикса?

Воейков. — Да.

Председатель. — Как случилось, что вы были назначены дворцовым комендантом?

Воейков. — Это произошло по целому ряду случайностей. За время командования полком я имел возможность сблизиться с государем, довольно часто видя его в полку и бывая во дворце, так как командиры царскосельских частей приглашались по воскресеньям к завтраку; на этих завтраках и в полку, когда государь бывал там, мне удалось сблизиться с ним больше, чем другим; по-моему, назначить меня — была личная воля государя, и никаких посторонних влияний тут не было. Почти всю жизнь я много занимался спортом и особенно сблизился с государем тогда, когда организовал поездку русских спортсменов в Стокгольм, на международную олимпиаду; затем, я был организатором нового учреждения физического развития в России; затем, я составил инструкцию по гимнастике, которая теперь действует в войсках; по поводу этой работы я имел доклад у его величества.

Председатель. — Как относилась к вам императрица?

Воейков. — Никак.

Председатель. — Пользовались вы расположением императрицы?

Воейков. — Нет. До назначения комендантом я никаких отношений к ней не имел; когда же я был назначен, то на докладах или в разговорах с ее величеством я скорее встречался с недоверием, чем с расположением ко мне. Иногда я выносил впечатление, что ее величество видит во мне человека, который смотрит не вполне так, как нужно смотреть.

Председатель. — В чем же вы расходились с бывшей императрицей?

Воейков. — Я могу указать на один из самых крупных фактов: когда были недоразумения между министрами и председателем совета министров Горемыкиным, когда они написали письмо, — кажется, осенью 1915 года, — я склонялся к тому, что Горемыкин ведет совершенно неправильно свою линию и является виновником всего, идя вразрез с общественным мнением. Ее величество совершенно определенно возражала, что она со мной не согласна; затем — приглашений к ее величеству я никогда не удостаивался.

Председатель. — Вам известно, что вас считали одним из приверженцев, так называемой, немецкой партии при дворе?

Воейков. — Это я в первый раз слышу.

Председатель. — Если бы я сказал вам, что вас таковым считали в широких общественных кругах, чем могли бы вы объяснить такое отношение к вам со стороны общества?

Воейков. — Это для меня совершенно непонятно. Все, что я делал, в смысле общественной работы, вне своих прямых служебных обязанностей, мне кажется противоположным такому направлению.

Председатель. — Как вы относились к войне и миру?

Воейков. — К войне я относился так: я организовал в полку, которым командовал еще до войны, первую радиотелеграфную станцию, уже не говоря про все физические развития; это вызвало даже нерасположение ко мне самого великого князя Николая Николаевича.

Председатель. — Нас интересует, как вы относились к войне против Германии.

Воейков. — Безусловно, она должна была быть. Мы все готовились к этому. Общие тактические задачи, которые мы решали, все тактические игры, которые велись у нас в полку, имели в виду исключительно войну с Германией.

Председатель. — Так что вы были сторонником этой войны?

Воейков. — Не могло быть иначе. По всей моей работе я могу определить.

Председатель. — В чем заключались обязанности дворцового коменданта, которые вы исполняли?

Воейков. — В последнее время это касалось исключительно вопросов охраны и безопасности в путешествиях; главная моя работа была по воинской охране и по организации железнодорожных и автомобильных путешествий; я считал, что полицейская охрана лежит на департаменте полиции, и оттуда требовал осведомления. За три года и два месяца, что я был дворцовым комендантом, его величество сделал более ста тысяч верст.

Председатель. — Так что ваша должность не имела никакого государственного или политического характера?

Воейков. — Политического, безусловно, нет; в подтверждение я могу указать на то, что, вступив в должность, в декабре 1912 года, я нашел в делах дворцового коменданта целый ряд вопросов, прямо относившихся к внутренней политике. Объяснялось это просто: мои предшественники, Дедюлин и Трепов, занимали должности градоначальников и не уяснили себе, что надлежит ведать дворцовому коменданту; ему надлежит заниматься охраной государя, а не вмешиваться в дела. Я получил в наследство громадное количество переписки и докладов его величеству, которые представлялись министром внутренних дел и департаментом полиции. На одном из первых докладов государю я просил разрешения все эти записки уничтожить и на будущее время никакого к ним дела не иметь, на что и получил разрешение его величества. А для осведомления о положении дела, — так как дворцовый комендант должен знать, когда и откуда государю грозит опасность, — я выделил из управления своей канцелярии особое отделение, которое ведало исключительно сношениями с департаментом полиции; так что я лично прямого касательства даже не имел.

Председатель. — Занятие поста, очень близкого к бывшему императору, повело к более тесному сближению вашему с ним?

Воейков. — Я был в хороших отношениях, он был ко мне очень расположен; но отношения были почти такие же, как прежде.

Председатель. — Не приходилось ли вам, в силу этой близости, выступать в роли советчика в трудные для государства и для бывшего главы верховной власти моменты?

Воейков. — Советчика — нет. Ни в вопросах назначения, ни в других вопросах; все назначения последнего времени проходили без моего ведома, я даже не знал этих лиц; разговоры безусловно были, но из них я выносил впечатление, что государь относился скорее неблагожелательно, когда я затрагивал темы, не имеющие прямого отношения к себе или к службе.

Председатель. — Значит, стоя близко к бывшему императору, вы не слыхали от него никаких разговоров на политические темы?

Воейков. — Почти что нет. Т.-е. иногда, когда мы бывали в поездках, я читал телеграммы и передавал за столом, за чаем; и когда какой-нибудь вопрос возникал на эту тему, тогда какой-нибудь разговор бывал, но вообще — нет.

Председатель. — А другие, охранявшие бывшего императора, также мало интересовались вопросами политики, и он также мало говорил об этом, не только с вами, но и с ними?

Воейков. — Да, в моем присутствии этих разговоров не бывало.

Председатель. — Но вы систематически приглашались к обеду и завтраку?

Воейков. — Во время поездок вместе были чай, завтрак, дневной чай и обед, а на вечерний чай я почти никогда не ходил.

Председатель. — Чем же вы объясните такое полное отсутствие интереса к государственной жизни страны, во главе которой стоял бывший император?

Воейков. — Это было, по-моему, свойство его характера. Он всегда считал, что эти вопросы разрешались докладами его министров, а обсуждений с посторонними и со мной — не было.

Председатель. — Так что вы совершенно отрицаете свое участие в обсуждении политических вопросов?

Воейков. — Я затрагивал один вопрос, который считал очень важным, вопрос о Распутине; я неоднократно говорил, что нужно прекратить это дело.

Председатель. — Т.-е. дело об убийстве Распутина?

Воейков. — Нет, я считал, что нужно прекратить его доступ к царю; но я всегда выносил впечатление, что государь верит ему искренно, и ее величество — тоже; эти разговоры приводили даже к выражению неудовольствия мной со стороны его величества. Ее величество выражалась иногда даже очень резко, — что это меня не касается.

Председатель. — Вы указывали бывшему императору и императрице, что Распутин суется в дела если не государственной, то, по крайней мере, политической важности?

Воейков. — Очень часто; я пользовался всеми случаями и, главным образом, теми публичными скандалами, которые этот господин устраивал. Первый случай был в 1914 году весною, когда я был назначен в Царское Село; его не впустили во дворец, там у ворот стоял пост; тогда я просил, чтобы меня предупреждали, когда будет этот господин, я буду давать распоряжение его пропускать. Кажется, два раза меня предупреждали. Затем, был такой случай: проводя вечер накануне в Царском Селе, он возвращался в поезде и был в настроении очень веселом, пропьянствовал всю ночь; посторонние лица мне сказали, что Распутин уехал в таком виде из Царского Села; я об этом доложил и просил, нельзя ли прекратить это дело; тогда его стали возить на моторе.

Председатель. — Вы возражали против формы или, вообще, против его путешествий?

Воейков. — Вообще, против путешествий; все эти вопросы я поднимал, мне отвечали, что это ложь и сплетни.

Председатель. — А вы устанавливали наблюдение за его скандалами?

Воейков. — Нет, не нужно было наблюдений, так как об этом все говорили. А насчет похорон, я должен сказать, что это — дело Протопопова. Мы приехали на следующий день после его убийства с государем из Ставки, телеграмма пришла на пути; когда обсуждали, где и как его хоронить, я настаивал на том, чтобы его отправили в Покровское, на родину. Протопопов устроил помещение в Чесменской богадельне, потом привезли в Царское Село. Я боролся всеми силами, потому что его хотели отпевать в Федоровском соборе. И была большая драма со стороны ее величества; вам, вероятно, известно, что обыкновенно я ее сопровождал на всех выездах; но на этот раз, в день похорон, я сказал, что не поеду, и не поехал.

Председатель. — Что же отвечал вам бывший император, когда вы докладывали о невозможности допускать в государственную жизнь какого-то проходимца?

Воейков. — Я так не указывал. Я говорил, что, по моему мнению и по мнению общества, этот человек не достоин приема, но встречал холодный ответ: «Мы можем принимать, кого хотим». А с государственной точки зрения я затруднялся, потому что достаточно не знал этого.

Председатель. — Говорили вы, что, по вашему мнению, и столь внешне затронутый вопрос серьезен, потому что дискредитируется личность главы верховной власти русского государства, что может очень вредно отразиться на судьбе его?

Воейков. — Да; когда до меня дошли сведения, что это проникло в армию, я говорил еще с протопресвитером Шавельским, с генералом Алексеевым, с Кауфманом и просил, чтобы они говорили прямо государю; и я знаю, что они говорили.

Иванов. — Вы можете рассказать обстоятельства удаления Кауфмана из Ставки?

Воейков. — Это было результатом моего с Кауфманом разговора, так что, отчасти, лежит на моей совести; возвратясь из поездки, он рассказал мне все, что слышал, что говорят о Распутине в армии, и убеждал доложить государю. Я говорю: «Лучше вы сами доложите государю». Он доложил. Государь сказал, что он суется не в свое дело, что это не относится к Красному Кресту, и предложил Ильину быть лицом, заменяющим Кауфмана.

Председатель. — Чем вы объясняете такое влияние Распутина на бывшего императора и императрицу?

Воейков. — Очень просто. Это был гипнотизер, каких у нас очень много; у нас в деревне, в Пермской губернии, был мужик Михайлов. Он был совершенно на том же положении, что и Распутин. Все помещицы считали — раз он что-нибудь сказал — кончено, это был закон для них; на мужчин это не так действовало.

Председатель. — Чем же вы объясняете влияние на императора?

Воейков. — Влиянием ее величества.

Председатель. — Так что, по вашему мнению, Распутин действовал на императора не непосредственно, а через царицу?

Воейков. — Да. Ввел его великий князь Николай Николаевич. Анастасия Николаевна, до свадьбы, была подругой государыни императрицы. Анастасия Николаевна и Милица Николаевна устроили въезд Распутина во дворец. Они жили в Сергиеве, близко от Петрограда, он к ним ездил; это еще не все, там были еще разные темные личности, всякая публика проходила через Николая Николаевича.

Председатель. — Зачем же было Николаю Николаевичу в царскую семью допускать таких лиц?

Воейков — Он делал это, чтобы пользоваться влиянием, или — по непониманию; его заставляли делать Анастасия Николаевна и Милица Николаевна. Когда Николай Николаевич ввел Распутина во дворец, в год своей свадьбы, случилось самое большое несчастие, наследник заболел, Распутин сотворил молитву, и наследник поправился; это и было началом влияния Распутина.

Председатель. — Вы, как близко стоявший, можете выяснить весь ход политической игры, влияние Распутина, отношение бывшей императрицы к нему и к действовавшим через него лицам.

Воейков. — Распутин всегда производил на них впечатление старца богомольного, они видели в нем единственного человека

в России, им преданного; он проводил свои идеи и рекомендовал своих лиц.

Председатель. — Каковы же были формы общения этого проходимца с бывшей императрицей и с Вырубовой?

Воейков. — Они совершенно искренно, я в этом убежден, верили в его святость, относились к нему, как к православному — ведь это рекомендация Питирима и Варнавы; они действительно верили, что этот человек им предан.

Председатель. — Как вы лично относились к Распутину?

Воейков. — Никак. Он порывался ко мне, я раз имел случай его встретить, видел его пять минут у Вырубовой. Я случайно зашел днем, и мне было неудобно сразу уйти. Я на него посмотрел, вижу — простой человек, который все время держит себя невоспитанно; я посидел пять минут и ушел. Второй раз я видел его в коридоре, в больнице. Третий раз — после крушения поезда с Вырубовой; я вошел к ней в дом в одно время с ним. Я взял фуражку и вышел. Всего три раза в жизни я видел Распутина. Чтобы позировать, что он со мной в хороших отношениях, он иногда писал мне записки с крестиком: «Дорогой мой . . .» и т. д.

Председатель. — Там был крестик с буквами Х. В. — Христос воскресе?

Воейков. — Затем, он присылал ко мне просителей, я ни одного просителя не принял; только двух девочек Полятус, меня просили заплатить за них в гимназию; ну, я заплатил.

Председатель. — Скажите, что же делал Распутин у царицы или у Вырубовой, в присутствии царицы?

Воейков. — Я ни разу там не был. Всегда отклонял всякие разговоры, всегда говорил, что он их подведет.

Председатель. — Вы ни разу не были, но вы, вероятно, составили себе представление?

Воейков. — Мое убеждение лично, что ее величество смотрела на него, как на святого человека. Она всегда таких любила. Появился раз босоножка в Царском Селе, просил посох. Она подарила ему, как святому человеку, простой посох, он выругался и бросил.

Председатель. — Вы не считали Распутина хлыстом?

Воейков. — Нет, я его просто считал жуликом, а хлыстом не имел оснований его считать.

Председатель. — А вы интересовались хлыстовщиной?

Воейков. — Нет.

Председатель. — Почему же к вам попала эта статья Гофштеттера?

Воейков (смотрит рукопись). — Я не помню ее. Ко мне масса поступала таких бумаг, я даже их не читал.

Председатель. — А вы не знаете, г-жа Вырубова интересовалась этой сектой?

Воейков. — Когда ее привезли после крушения поезда, голова была пробита, рука вывернута, нога представляла собой мешок с костями; надежды на выздоровление не было почти никакой; Распутин приехал, помолился, и она безусловно верит, что по его молитве она поправилась.

Председатель. — Имели вы какое-нибудь отношение к назначениям и смене министров?

Воейков. — Абсолютно никакого. Одно из самых неудачных назначений — Протопопова — состоялось, когда я был, в течение пяти месяцев, в Ставке. Я уезжал в июле месяце, в это время вернулся Протопопов из своей поездки заграницу, я его не видал. Затем я заболел и провел весь сентябрь у себя в имении, в это время состоялось назначение Протопопова, и я с ним познакомился только, когда вернулся в Ставку.

Председатель.—А столь же неудачное назначение Штюрмера?

Воейков. — Это совершенно вне моего ведома, я лично всегда относился к Штюрмеру недоброжелательно.

Председатель. — Вам известно, что это назначение и ряд других исходило от Распутина?

Воейков. — Не знаю. Я знаю, что Протопопова рекомендовал государю Родзянко.

Председатель. — На должность?

Воейков. — На должность министра торговли.

Председатель. — Совершенно верно.

Воейков. — Затем знаю, что Протопопов в Англии произвел очень хорошее впечатление.

Председатель. — Но вы знаете, что своим назначением он, все-таки, обязан не рекомендации Родзянко и не хорошему впечатлению в Англии?

Воейков. — Вполне возможно.

Председатель. — В каких отношениях вы были с Питиримом?

Воейков. — Ни в каких. Он стремился всеми силами ко мне попасть, но неудачно. Первый раз в жизни я видел его в Тифлисе, в конце ноября и в начале декабря, в доме графини Воронцовой. Когда он был назначен, я совершенно этого не знал; приехав в первый раз в Ставку, он хотел меня видеть; мне не удалось от него скрыться; второй раз — он привез мне икону, которой благословил меня вместе с адмиралом Ниловым. Затем он послал мне письмо с просьбой об одном офицере.

Председатель. — Если вы принципиально так сторонились от всякого вмешательства в дела политические, чем объясняется, что в письмах Андроникова к вам находится целый ряд обращений по поводу того или другого министра, о необходимости сменить одного, назначить другого, и т. д.?

Воейков. — История Андроникова очень проста. Первый раз, что Андроников хотел обратиться ко мне, я его не принял.

Председатель. — Вам устроили скандал, вы имели неприятность?

Воейков. — Вам это известно. Коковцов сказал, что его непременно нужно принимать, что я обидел человека; что он является лицом ответственным за то, что Андроников у меня был, и тогда я его принял; а прошлую зиму я его совершенно не принимал.

Председатель. — Да, но ваши отношения с Андрониковым продолжались несколько лет.

Воейков. — Если он десять раз просил по телефону, чтобы я его принял, я его принимал раза два-три в месяц, не больше. Затем он писал массу писем, но мне многие писали, а я никакого внимания не обращал и никаких действий не предпринимал; в особенности, по письмам Андроникова, который рассказывал всякие сплетни.

Председатель. — Расскажите вкратце, каким образом бывшая императрица стала приближаться к разрешению политических вопросов и даже принимать доклады?

Воейков. — По-моему, опять-таки по вине Горемыкина; когда государь вступил в непосредственное командование армией, он стал часто уезжать из Царского Села; императрица оставалась одна. Горемыкин стал ездить к ней с докладом. У нее были доклады по верховному совету.

Председатель. — А затем продолжалось при Трепове и Штюрмере?

Воейков. — При Трепове меньше, а при Штюрмере — да.

Председатель. — Вы не пробовали указывать императрице, что это недопустимо? Даже тогда, когда вам писал Андроников или господа Мануйловы цинично заявляли, что императрица сильнее всех, что она одна умеет справиться с безвольным царем?

Воейков. — Это мне было чрезвычайно трудно, я не был в роли опекуна при них.

Председатель. — Да, но в роли близкого человека.

Воейков. — Чрезвычайно трудно мне было объяснить. Основная причина того, что общественное мнение заговорило обо мне, состоит в том, что великие князья, до моего назначения дворцовым комендантом, относились ко мне очень плохо; когда я командовал полком, у меня их было четыре, и я всех их аттестовал, как неудовлетворительных; недоразумения от них и пошли, все великосветские дамы пошли трещать; виновником моей репутации я считал царскую семью; также, первый выпад в газете «Русское Слово» объясняется очень просто — вся царская семья меня видеть не могла.

Председатель. — Так что, вы считаете, что первоисточником слухов о вас, как о стороннике немецкого влияния при русском

дворе, является среда русских князей, с которыми у вас были личные счеты по службе, не во дворце, а в строю?

Воейков. — Безусловно. Тоже и Николай Николаевич был против меня. Государь ко мне очень хорошо относился, а у него была зависть. Всякая поездка должна быть при моем участии, а когда была эта неудачная поездка государя в Галицию, ее устроили скрытно; я, когда узнал, возмутился, сказал Николаю Николаевичу, что совершенно не время ездить; после этого он совершенно перестал со мной разговаривать.

Председатель. — Отчего вы находили эту поездку неудачной?

Воейков. — По ходу военных событий. Все это завоевание Червонной Руси было, на мой взгляд, абсурдом с точки зрения политической; можно только тогда объявлять о завоевании, когда укрепишься, а когда всего три корпуса . . .

Председатель. — Какие назначения на посты министров в последнее время прошли при участии бывшей императрицы?

Воейков. — Об этом я затрудняюсь вам доложить, в этих разговорах я не участвовал.

Председатель.—Например, вы знаете назначение кн. Голицына?

Воейков. — Кн. Голицын, насколько мне кажется, рекомендован Протопоповым. Протопопов, одно время, приезжал почти через день в Царское Село и пользовался громадным влиянием; он приезжал в какой-то лазарет, к какой-то сестре милосердия, в которую был влюблен; бывал он во дворце или нет, этот вопрос был не всегда ясен.

Олышев. — Чем объясняется такое влияние Протопопова на царскую семью? Нечто вроде Распутина второго издания?

Воейков. — Он заменил Распутина.

Председатель. — Какими качествами он мог заменить Распутина?

Воейков. — На меня он не производил, а на других производил впечатление умного и знающего человека. Я предупреждал, что это — человек, которому доверяться вполне нельзя; а причина у меня была следующая: когда мы приехали после убийства Распутина, он рассказал мне о самом факте, что было найдено, и обещал после расследования сообщить всю обстановку. Затем я узнал, что доклад состоялся, но мне он этого доклада не показал, я и до сих пор не знаю всего, что было при этом.

Председатель. — Вы говорите, что Протопопов казался в Царском Селе умным и знающим человеком. Но ведь Распутин, которого он заменил, имел влияние не потому, что он умный и знающий человек. Значит, если говорить о замене, то какими-то другими свойствами своей личности Протопопов заменил Распутина?

Воейков. — Это я не могу сказать, какая была психология в этом деле.

Председатель. — Был убит такой близкий, страшно ценимый, человек в царской семье, как Распутин; министром внутренних дел в этот момент был Протопопов, который должен был охранять особу этого человека; чем вы объясните, что Протопопов не только сумел удержаться, но сумел даже увеличить свое влияние и стать на место убитого Распутина?

Воейков. — Я затрудняюсь на это ответить.

Председатель. — Не вели ли вы с Протопоповым переговоров о политических событиях?

Воейков. — Насчет политических событий почти никаких переговоров не было. Он говорил относительно других вопросов, например, относительно великого князя Николая Михайловича; затем, относительно своего негласного товарища по полиции — Курлова. Я возражал ему, он говорил, что теперь заболел, что он больше не будет, а между тем оставался. Переписки с Протопоповым по внутреннему управлению не было.

Председатель. — Вам никогда не приходилось совещаться с ним по поводу созыва или роспуска государственной думы?

Воейков. — Был раз разговор о роспуске думы, я высказался категорически, что безусловно думу распускать не следует, а он говорил, что ее нужно распустить. Это было 20 февраля вечером.

Председатель. — Каково было отношение Протопопова к самому факту существования думы?

Воейков. — Фактически — у меня было впечатление, что он относился к ней с боязнью.

Председатель. — Нет, находил ли он нужным существование думы или он находил его совершенно излишним?

Воейков. — Он находил в последнее время, что ее следует закрыть.

Председатель. — А знаете вы, что в последнее время Протопопов стал переходить на точку зрения тех кругов, которые считали существование думы, как законодательного учреждения, излишним?

Воейков. — Этого я совершенно не знаю.

Председатель. —Сами вы считали, что дума должна существовать, или вы предпочли бы, чтобы она перестала существовать.

Воейков. — Наоборот, я был одним из виновников того, что его императорское величество по отношению к думе проявил большой интерес; его посещению думы я очень содействовал.

Председатель. — Вернемся к последним событиям. Каково было отношение бывшего императора к событиям, которые привели к падению старого режима?

Воейков. — В этом вопросе я, к сожалению, был немножко в стороне; все телеграммы, которые поступали в Ставку в послед-

ние дни нашего пребывания там, докладывал Алексеев, и мне о них ни слова не говорил.

Председатель. — А вы не знаете, все ли телеграммы он докладывал бывшему императору?

Воейков. — Не знаю. Государь сказал мне: «У меня был Алексеев и докладывал мне телеграмму Родзянко». Этот разговор происходил в понедельник вечером. А накануне вечером был назначен отъезд на вторник. Перед самым отъездом, 27 февраля, меня вызвал по телеграфу из Царского Села гр. Бенкендорф и просил спросить его величество, не желает ли его величество, чтобы ее величество с детьми выехали навстречу? Я доложил, государь сказал — ни под каким видом, передать Бенкендорфу, что он сам приедет в Царское. Мне он сказал, что получил очень тревожные сведения от Родзянко, что ему докладывал Алексеев. Когда мы приехали на станцию Малая Вишера, и я узнал, что путь на Тосно занят, я пошел ночью к государю и доложил ему. Он приказал повернуть и ехать к ближайшему юзу; мы через Дно проехали на Псков, где был ближайший юз. На ст. Дно, в 6 часов вечера, государь получил телеграмму от Родзянко, который пишет, что не приедет. Родзянко было отвечено, что его будут ждать в Пскове; а в Пскове, первого числа, я получил телеграмму от Бубликова, что Родзянко не будет. Тогда государь составил телеграмму Родзянко и приказал отправить по юзу. Это была довольно длинная телеграмма, смысл ее был тот, что он желает дать ответственное министерство, одним словом, пойти навстречу всем желаниям общества. Он сказал: «Покажите ее Рузскому»; я пошел к Рузскому с телеграммой и просил передать по юзу Родзянко. Он говорит: «Вы не можете передать, я сам передам». Я доложил государю, государь сказал: «Ну так отдайте ему». Я отдал. Была она отправлена или нет, это — дело Рузского. Все дальнейшие переговоры с Петроградом и Ставкой велись непосредственно через него. Второго числа, в три часа дня, государь сказал мне и еще некоторым (нас было несколько человек), что решил отречься от престола, вследствие телеграммы, которую докладывал Рузский. Первую телеграмму он получил от великого князя Николая Николаевича, который «коленопреклонно» просил его отречься от престола. Он сказал, что получил 7 телеграмм и решил отречься.

Председатель. — Вы несколько забежали вперед. Мне хотелось бы, чтобы вы выяснили, где в Ставке хранились доклады, которые возили туда министры из Петрограда?

Воейков. — Фельдъегерь доставлял камердинеру его величества, который клал на стол. Государь занимался, затем запечатывал в конверт и отдавал камердинеру, который передавал в военно-походную канцелярию. Когда он бывал в Могилеве и в Царском, доклады хранились или в военно-походной канцелярии или у него.

Председатель. — Кто заведывал бумагами, которые хранились в кабинете?

Воейков. — Камердинер.

Председатель. — Личного секретаря у бывшего императора не было?

Воейков. — Не было никого. Я до всех этих бумаг и докладов никакого касательства не имел.

Председатель. — Было у бывшего императора или у кого-нибудь из его приближенных предположение перенести Ставку в Царское Село?

Воейков. — Этого я не слыхал. Было предположение перенести Ставку из Могилева в Калугу.

Председатель. — Чем объясняется, что императрица, которой руководил Распутин, влияла на царя? Почему царь не влиял на нее, чтобы устранить влияние Распутина?

Воейков. — По свойству его характера. По-моему, у нее был характер сильнее, чем у него. Он имел на нее меньше влияния, чем она.

Председатель. — Давно вы стали наблюдать это сильное влияние ее?

Воейков. — Это было всегда. Ее величество всегда имела больше влияния.

Председатель. — Известно ли вам, какие политические решения были приняты перед последним отъездом вашим с бывшим императором из Петрограда?

Воейков. — Мне неизвестно.

Председатель. — Вы уехали 21-го, только что собралась дума. Вы не знаете доклада по этому поводу бывшему императору бывшего председателя совета министров князя Голицына?

Воейков. — Нет. О закрытии думы я случайно знаю, потому что государь мне говорил уже в Ставке относительно возвращения в Царское; тогда же, кажется, в воскресенье или в понедельник вечером, не помню, — у меня было так много дел, — он сказал, что получил от Голицына телеграмму, что дума закрыта.

Председатель. — Как доходили до Могилева до бывшего императора и его приближенных известия о народных волнениях после 21-го февраля? Как рисовались перед вами эти события?

Воейков. — Первая шифрованная телеграмма была получена мною от военного министра в Лихославле.

Председатель. — Значит, это было 22-го на рассвете?

Воейков. — Телеграмма была составлена так, что из нее трудно было делать вывод, а следующая была в Бологое . . . Чтобы вы знали, насколько я был посвящен, я могу сказать, что в воскресенье, 26-го февраля утром, ко мне обратился полковник Герарди, комендант императорского поезда, прося разрешения на несколько дней уехать в Царское; и я был настолько плохо осведомлен, что

это разрешение ему дал. Это было в воскресенье в 4 часа, а в воскресенье вечером стали поступать телеграммы. Непосредственно я получил с аппарата Ставки две телеграммы от Радко и одну от Протопопова. Содержание я затрудняюсь в точности изложить, но смысл был тот, что начались беспорядки. Когда и какую телеграмму я получил, я тоже боюсь точно сказать. Эти телеграммы, не дававшие ясного впечатления о том, что произошло, я государю докладывал. Государь прочел и ничего не ответил.

Председатель. — Но телеграмма Протопопова произвела впечатление? В ней, вероятно, было ясное освещение событий?

Воейков. — Нет. Она была совершенно бесцветная.

Председатель. — А не знали вы еще об одной телеграмме, которая предшествовала полученной вами, о той, которую послал бывший император на имя Хабалова?

Воейков. — Я ее совершенно случайно знаю.

Председатель. — Содержание этой телеграммы как будто несколько противоречит вашему утверждению, что вы до конца были мало осведомлены о событиях.

Воейков. — Я узнал о ней в конце воскресенья; Хабалов писал о том, что вспыхнул военный мятеж; государь ответил, что повелевает прекратить его, помня, что у нас война с Германией и что нужно думать о другом.

Председатель. — Телеграмма от Хабалова и ответ бывшего императора прошли через вас или через Алексеева?

Воейков. — Через военно-походную канцелярию.

Председатель. — Значит, в воскресенье вечером вы получили телеграммы от Радко и Протопопова?

Воейков. — Я боюсь в точности сказать, когда; по-моему, в воскресенье утром.

Председатель. — И отпустили в отпуск Герарди?

Воейков. — Чтобы вам сказать, насколько я был осведомлен.

Председатель. — Расскажите вкратце, как наростали события в представлении лиц, сидевших в Ставке.

Воейков. — По-моему, Алексеев был в курсе всего. Государь, я думаю, был в курсе только в понедельник. Я от него узнал в понедельник вечером, вследствие телефона с Бенкендорфом; Бенкендорф сказал: «Посоветуйтесь с военным министром». Я переговорил с Беляевым по телеграфному аппарату, и Беляев ответил, что идет стрельба на улицах, военный мятеж, нельзя точно определить, какая часть встала, какая нет, одним словом, хаотический ответ. Тогда я пошел и доложил государю, что необходимо выезжать, вследствие беспорядков в Петрограде.

Председатель. — После телеграммы Хабалову бывшего императора, какое еще отдавалось распоряжение, в связи с полученными сведениями?

Воейков. — Я не знаю, ведь это не через меня шло, это я знал из разговоров. Когда я сообщил полученные сведения, государь сказал: «Нужно сейчас уехать». А для того, чтобы сейчас уехать, нужно было сделать целый ряд распоряжений. Поезд тронулся в три или четыре часа утра.

Председатель. — Вы не хотите дать объяснений по одному вопросу, к которому я вас подвожу: о вашем участии в некоторых решениях, которые были приняты 27 февраля.

Воейков. — Решений никаких не было.

Председатель. — Решение-то было, а каково было ваше участие?

Воейков. — Моего участия положительно не было. Ведь это же прямого отношения ко мне не имело.

Председатель. — Формально, по должности, не имело, но, вследствие отношений ваших с бывшим императором, такие разговоры могли иметь место и имели место.

Воейков. — Он говорил мне, что решил послать Иванова, что переговорил с Алексеевым.

Председатель. — Вы представляете это в форме отдачи вам приказаний, которые вы пассивно воспринимали. Мне хотелось бы восстановить истину в смысле вашей активной деятельности.

Воейков. — Моей активности в данном случае не было; я недостаточно был в курсе дела, чтобы принимать активное участие. Я сказал одно, что о случившихся событиях должен иметь сведения от Протопопова; но я этих сведений не получил; вот все, что я говорил императору.

Председатель. — Я бы хотел напомнить вам о совещании, которое было у вас, при участии генерала Алексеева и вашего родственника, графа Фредерикса.

Воейков. — Я не был на этом совещании. Спросите у Алексеева, спросите у графа.

Председатель. — Комиссии известно, что на этом совещании был поставлен очень важный вопрос, пойти на уступки или нет, принимать конституцию или нет; и вы были против этого.

Воейков. — Напротив, я всегда был сторонником этого строя потому, что я считал, что править государством, как правил до этого времени государь, представляет колоссальный риск и для государства и для его главы. За три года, как я был дворцовым комендантом, сменилось шесть министров внутренних дел. Я говорил, министры все время меняются, следовательно, никакой программы нет, никакой правильной работы быть не может.

Председатель. — Так что вы категорически отрицаете, что участвовали в совещании?

Воейков. — Могу вас заверить, что не участвовал. Даже больше того, когда мы вернулись из Пскова в Ставку, Алексеев попросил меня уехать из Ставки; я просил его объяснить, почему;

он говорит: «Вы знаете, вам здесь оставаться нельзя. Против вас все так возбуждены» — «Какую же причину вы мне укажете?» Так он мне причины и не сказал. «Такие события, и на вас, говорит, возводят обвинения». — «В чем?» — «В советах. Позвольте вас спросить, в день нашего отъезда, вы были у государя, докладывали ему?» — «Докладывал». — «Говорили о министрах?»—«Говорил». — «А почему же мне ничего не говорили?» — «Да мне в голову не приходило». Вот что сказал мне сам Алексеев. Тогда я сказал: «Хорошо, уеду, но при условии, чтобы он мне дал предписание уехать». Я пригласил Алексеева к себе — дать совет, как поступить. Я сказал, что уеду тогда, когда мне государь сам скажет. — «Так вы доложите ему сами». — «Нет, я говорю, вы сами доложите». Он пошел к государю и доложил; государь сказал, чтобы я уезжал.

Председатель. — Чем объясняется то, что говорил вам Алексеев? Очевидно, вас считали противником того, что в тот момент представлялось необходимым главе государства?

Воейков. — Если у вас есть на это какие-нибудь данные, то— это данные не реальные. Со своей стороны, я всегда государю указывал на то, что я в своей жизни делал; а я провел японскую кампанию и делал ее при участии общественных сил. Еще мои работы по спорту, вся мобилизация спорта...

Председатель. — Может быть, среди лиц, которые окружали бывшего императора, были люди, относившиеся к вам враждебно?

Воейков. — Главными моими личными врагами были высочайшие особы, потому что я к ним относился, в смысле аттестации, недоброжелательно, всегда критиковал вмешательство в ответственные дела лиц безответственных; и в Ставке мотивировал всегда тем же, что целый букет великих князей только приводит к замешательству; также и свита безусловно ко мне относилась недоброжелательно; во-первых, когда меня назначили дворцовым комендантом, еще в 1913 году, государь сказал: «Избавьте меня от лиц, которые меня сопровождают при выездах». На мою долю выпало приятное занятие, каждый раз, когда государь выезжал, всем лицам, которые собирались с ним выехать, сообщать, что им завтра ехать не нужно. Очевидно, этим я себе друзей не нажил. Вторая причина: когда дело близилось к войне, на меня, как на дворцового коменданта, был возложен вопрос высочайших путешествий во время войны; по мобилизации высочайшего двора оказалось, что надо иметь 13 поездов для того, чтобы куда-нибудь уехать. Я тогда просил министра двора этот вопрос коренным образом изменить; он обратился к государю и просил заменить двумя поездами. Значит, отставлено одиннадцать поездов друзей, которых я себе нажил. Затем, во время пребывания на фронте, все распоряжения, куда и как уехать, делались мною скрытно, и, поэтому, все лица свиты относились ко мне враждебно, называли меня «генерал секрет»;

а я делал это по той простой причине, что, с точки зрения охранения безопасности, гораздо благоразумнее ехать невзначай. Я лично считаю, что ко мне относились не очень дружелюбно; дружелюбие всегда связано с известным потворством, а я никогда этого потворства не делал.

Председатель. — Позвольте считать этот вопрос исчерпанным. Вы не знаете, кто посоветовал бывшему императору ехать на Псков? Вы утверждаете, что это было его желание?

Воейков. — Это было в три часа ночи. Я разбудил его в Вишере, он приказал ехать к ближайшему юзу, до Ставки было дальше, потому решили ехать на Псков.

Председатель. — А почему нельзя было ехать прямо в Петроград?

Воейков. — Потому, что было сообщено, по поручению поручика Грекова, что литерные поезда следуют не на Тосну, а прямо на Петроград. Это распоряжение было дано по линии и не сообщено мне; мне случайно показали телеграмму; вторая телеграмма была от железнодорожного полка. Мне был сделан доклад, что Тосна занята.

Председатель. — Какой разговор произошел у вас с государем по поводу этой телеграммы?

Воейков. — Я его разбудил и сообщил, что Тосна занята революционными войсками и что, поэтому, ехать туда рискованно.

Председатель. — Как он отнесся к известию, что революционные войска препятствуют его проезду?

Воейков. — Он отнесся совершенно спокойно. Он тут же надел халат, встал с кровати и сказал: «Ну, тогда поедемте до первого юза». Он вообще относился очень спокойно ко всему.

Председатель. — Вообще, да. Но ведь это было в первый раз в жизни и государства и главы государства.

Воейков. — Лично мне он ничего не сказал.

Председатель. — Нилов находился при этом?

Воейков. — Нет. Нилов спал. Все спали. Это было в три часа утра.

Председатель. — Скажите, а был разговор о том, чтобы открыть фронт немцам?

Воейков. — Нет. Я уже докладывал в Москве, что никакого подобного разговора не было.

Председатель. — Кому вы докладывали?

Воейков. — Была комиссия, которая допрашивала меня в Москве по поводу того, что напечатано в «Русской Воле».

Председатель. — А что дало повод «Русской Воле» это напечатать?

Воейков. — Я не знаю совершенно.

Председатель. — Вы не встречали на станции Дно какого-нибудь корреспондента газетного?

Воейков. — Нет. Источник мне совершенно неизвестен.

Председатель. — Вы долго стояли в Малой Вишере?

Воейков. — Минут двадцать.

Председатель. — Выходили с бывшим императором на платформу?

Воейков. — Нет, никуда.

Председатель. — Что же, он продолжал спать?

Воейков. — Вероятно, не знаю; я вошел только на две минуты, доложил и ушел сейчас же.

Председатель. — Так что, никого не было, никто не присутствовал?

Воейков. — Никто не присутствовал. В Дно мы приехали в среду, в 6 часов вечера.

Председатель. — Ваш поезд, должно быть, задерживали?

Воейков. — Нет, это было нормально.

Председатель. — Вы рассказываете так, как будто все происшедшее не произвело никакого впечатления ни на вас, ни на бывшего императора, как будто не произошло ничего важного в жизни всего государства и в жизни главы государства. Как это могло быть?

Воейков. — Я смотрел на это, как на дело службы. Мне сказали ехать на Дно; чтобы сделать это, надо было отдать целый ряд распоряжений. Я полагал, что, раз несчастье случилось, надо сделать все, чтобы предотвратить его; и я ушел сделать распоряжение.

Председатель. — А другие окружающие императора?

Воейков. — Они спали.

Председатель. — А проснулись вы только в Дне.

Воейков. — Нет, я совсем не спал в эту ночь.

Председатель. — А утром, когда вы увиделись с государем, может быть был разговор, который дал основание говорить об открытии фронта?

Воейков. — Никакого такого разговора не было. О событиях старались не говорить, потому что это не особенно приятно было.

Председатель. — Да, но как же можно было об этом не говорить? Я просто себе не представляю кружка живых людей, который молчит об этом; припомните суждения, плохие или хорошие, вредные или невредные, которые были в вашем кружке.

Воейков. — Общее впечатление было — испуга.

Председатель. — Испуг — это психология; а в чем вы реально искали выхода, какие у вас были мысли, надежды?

Воейков. — Вот, надежда была на то, что поедем в Псков, и все выяснится.

Председатель. — Тут поднимался вопрос об амнистии, об ответственном министерстве?

Воейков. — Нет, все эти разговоры были после приезда в Псков, когда получилась телеграмма от Родзянко, что он не приедет. В Псков мы приехали в среду 1-го марта, в 9 часов вечера, в десятом.

Председатель. — Ну, а в течение дня вы не обсуждали этого вопроса?

Воейков. — Да ведь я вам говорил, что у государя разговоров политических со свитой никогда не было. Вы, может быть, мне не верите, но это так было.

Председатель. — Я хочу добиться истины.

Воейков. — Да видите, весь строй, вся атмосфера была — манекен.

Председатель. — Разве царь был такой грозный?

Воейков. — Это было так принято. Такой строй, что могли быть всякие разговоры во время завтрака и обеда, только не о делах. Люди ходят все время, неудобно затрагивать такие темы.

Председатель. — Для этого есть французский язык.

Воейков. — Государь никогда не употреблял французский язык... почти никогда... два слова...

Председатель. — Я вас спрашиваю потому, что ваше имя связано со многими моментами политической жизни.

Воейков. — Я вас могу заверить, что в этих моментах политической жизни первое мое участие было — послать телеграмму Родзянке на станции Дно, когда государь сказал, чтобы ответить, что он ждет в Пскове.

Председатель. — Но вы читали о событиях в Петрограде?

Воейков. — Я получил единственное известие о продовольственном вопросе; там была оговорка о совещании без министра внутренних дел и без градоначальника. Дворцовый комендант лично не имел никакого вмешательства ни в какие дела; все сведения должны были ко мне поступать от министра внутренних дел, а я от него ничего не получил.

Председатель. — Изложите вкратце события 1-го марта в Пскове.

Воейков. — На ст. Дно телеграмму о согласии государя принять Родзянко Алексеев доложил сам. Он получил ответ, что Родзянко едет на ст. Дно. Я подошел к телеграфному аппарату, чтобы соединиться с Петроградом и узнать, вышел ли поезд. Мне ответили, что поезд готов, но, что с царскосельского вокзала телефонировали в думу, и там сказали, что Родзянко еще не выезжал. До Дна 6 часов езды, и государю надо 6 часов ждать; государь решил в Дне не ждать, а ехать в Псков; тогда я послал телеграмму Родзянке, чтобы он ехал в Псков. Там я получил телеграмму Бубликова, что Родзянко не будет. Я доложил государю, государь написал телеграмму Родзянке относительно ответственного министерства.

Председатель. — Скажите, кто сочинял эту телеграмму?

Воейков. — Сам государь.

Председатель. — Вам не было сказано, что эту телеграмму нужно подписать вам?

Воейков. — Нет, ничего подобного. Государь сказал: «Вы пошлите по юзу и покажите Рузскому». Я показал. Рузский вырвал ее у меня из рук. Я говорю: «Отдайте мне телеграмму». — Он говорит: «Я ее не отдам, я сам здесь должен посылать телеграммы». Он был даже не особенно любезен. Тогда я пошел и доложил государю, что так и так. Государь сказал: «Ну, пускай он пошлет». Я пошел и сказал: «Государь приказал вам послать».

Председатель. — Вы излагаете нечто странное, что требует некоторого пояснения.

Воейков. — Для меня было очень странно отношение Рузского. Мне казалось, он очень не хотел, чтобы я по юзу говорил с Родзянкой. Юз был в городе. Рузский рассказывал, что он говорил всю ночь, но о чем, не сказал мне; утром он пошел к государю; второй раз, после завтрака, он был с докладом у государя и сообщил ему телеграммы из Петрограда, со Ставки — от Алексеева, от всех главнокомандующих, от командира Балтийского флота; от Николая Николаевича, от Сахарова, Брусилова, Непенина, от Эверта. Результатом переговоров с Рузским было то, что государь около 4 часов дня сказал: «Я решил отречься от престола». После этого он мне сказал: «Рузский мне сообщил, что приезжают Гучков и Шульгин».

Председатель. — Когда государь сказал, что он решил отречься от престола, что было, во исполнение этого решения, вами или бывшим императором предпринято?

Воейков. — Он ничего не предпринимал. . . Моего в этом участия непосредственного не было. . . Алексеев послал телеграмму — форму отречения, которую Рузский передал государю. Утром я встретил Рузского и спросил его о результате телеграммы Родзянко. Рузский ответил: «Того, что ему послано, теперь недостаточно (т.-е. конституции), придется итти дальше».

Председатель. — Вы припомните хотя бы несколько лиц, которые присутствовали, когда государь решил отречься от престола. Нилов был?

Воейков. — Нет.

Председатель. — Граббе?

Воейков. — Нет.

Председатель. — Мордвинов?

Воейков. — Не помню.

Председатель. — Штакельберг?

Воейков. — Он не из тех, которые бывали.

Председатель. — Лейхтенбергский?

Воейков. — Он был в этот день дежурный, может быть, он и присутствовал, не помню.

Председатель. — Есть некоторый пробел в вашем рассказе. Государь объявил свое решение, вы все время в переговорах с Родзянко; казалось бы, во-первых, вы должны были как-нибудь отозваться, во-вторых, должен был быть поставлен вопрос о том, как реализовать решение.

Воейков. — Это решение произошло без меня. Основанием послужили телеграммы; в числе их была телеграмма Алексеева, где он изложил форму отречения, которую считал для государя желательной. Это отречение в пользу наследника с регентством Михаила Александровича. Телеграмма была передана Рузским. Затем государь сказал мне, что он решил отречься. На меня это произвело тяжелое впечатление. Я остался у него, государь был очень грустно настроен; я спросил у него, я этого не скрываю, не пожелает ли он мною воспользоваться и в будущем, если найдет это нужным.

Председатель. — Это личный разговор, который мало интересует комиссию; а какой был разговор государственного значения?

Воейков. — Этот разговор был с Рузским.

Председатель. — Вас удовлетворяло решение, вы признавали это единственным выходом из создавшегося положения?

Воейков. — Я не мог быть судьей, не зная всей обстановки. Как я докладывал, я должен был получить уведомление от Протопопова, но я его не имел. У меня было грустное отношение, это безусловно.

Председатель. — Грустное — это психологическая оболочка; а содержание отношения было положительное или отрицательное?

Воейков. — Раз положение вещей было такое острое, очевидно, лучше отречься, чем проливать кровь.

Председатель. — Я вас спрашиваю не о ваших мыслях, а о ваших действиях; в нашем распоряжении есть данные о том, что вы предпринимали некоторые действия, направленные к тому, чтобы не дать возможности реализовать решение.

Воейков. — Ничего подобного. Это сущая клевета.

Председатель. — Вы это положительно отрицаете?

Воейков. — Совершенно и категорически. — 2-го, около 9 часов вечера, приехали Гучков и Шульгин. Я в это время не присутствовал в поезде его величества, хотя никуда не уезжал с вокзала. В три часа дня государь принял решение, а тут подтвердил его, и пошли телеграммы. Государь два раза выходил к Шульгину и Гучкову. После первого раза он вернулся к себе и изменил текст телеграммы: не желая расстаться с Алексеем Николаевичем, отрекся и за него. Затем мне доложили, что государь вышел. Я хотел повидать А. И. Гучкова, чтобы спросить, что делается в Петрограде, потому что утром был один офицер, который рассказывал относительно погрома дома Фредерикса; я лично хотел ознакомиться, не случилось ли какого-нибудь несчастья с семьей. Поэтому, когда мне сказали, что государь вышел, я пошел туда

переговорить с Гучковым. Государь увидал меня и говорит: «Я решил отречься и за Алексея Николаевича». Это было в присутствии Гучкова, Шульгина, Фредерикса и Нарышкина.

Председатель. — Каково было настроение бывшего государя?

Воейков. — Когда мы были с ним вдвоем, он был в печальном, грустном настроении, очень печальном. Когда я, второго числа, предложил ему свои услуги, он меня поблагодарил за все; а 4-го, ровно через двое суток, в Могилеве он предложил мне его покинуть, после разговора с Алексеевым.

Председатель. — Когда вы выехали в Могилев и какая была цель этой поездки?

Воейков. — Мы выехали второго, в тот же вечер. Я спросил государя, куда теперь ехать, и спросил Гучкова, можно ли проехать в Царское Село. Он сказал, что до Алексеева можно доехать и что есть где-то снятые рельсы, — из разговора я понял, что — на императорском пути. Вместе с тем, кажется, относительно Луги поступали сведения, что на станции — непорядки. Я спрашивал Рузского, как лучше проехать; Рузский ответил: «Это — вне моего ведения, там теперь Хабалов, я ничего не знаю». В этом положении оставаться в Пскове или же ехать в Царское — государь решил ехать на Ставку и говорит: «Я туда поеду, там попрощаюсь со всеми.

Председатель. — Были вы в этот день в сношениях с Царским?

Воейков. — Ни в каких. Последнее мое сношение с Царским было тогда, когда Бенкендорф передавал мне о выезде ее величества навстречу.

Председатель. — Значит, вы выехали из Могилева, не имея никаких поручений?

Воейков. — Никаких. Я сказал Алексееву, что поеду только по приказанию. Он говорит: «Приказания не могу дать, могу дать предписание». Он дал мне предписание, которое у меня в Москве отобрали, ехать в мое имение Пензенской губернии, Казанского военного округа.

Председатель. — Это было ваше желание?

Воейков. — Мое первое желание было — ехать в Петроград. Он сказал — нет. Тогда — на фронт. Он говорит: «На фронт не могу пустить». Куда же мне деться? Я решил ехать к себе в имение и заручился документом Алексеева, чтобы меня никто не подозревал в бегстве.

Председатель. — Присягали вы в Ставке на верность временному правительству?

Воейков. — Нет. Меня об этом спрашивали, я заявил, что, раз государь отрекся от престола, я считаю себя свободным человеком и безусловно подчиняюсь во всем правительству.

Председатель. — Так что, вы просто не успели принять присяги? Ставка присягала 9 числа.

Воейков. — Я уехал 5-го вечером.

Председатель. — Перейдем к новому вопросу. — Что вызывает у вас в памяти «Вержболовская группа»?

Воейков. — Это вызывает в моей памяти Мясоедовскую историю.

Председатель. — Какая у вас была переписка с Андрониковым об этой вержболовской группе?

Воейков. — С Андрониковым я в переписке об этом не был. Он мне писал, но я ему ничего не отвечал.

Олышев. — Может быть, вы официально отвечали на письма Андроникова?

Воейков. — Он меня поздравлял.

Олышев. — Он присылал вам подарки?

Воейков. — Он мне икону прислал, а от икон нельзя отказываться.

Олышев. — А не присылал он вам маленький подарок, который очень удобен при езде на автомобиле? Вот письмо об этом.

Воейков. — Ничего не знаю.

Председатель. — Чем объясняется, что, при вашем отношении к Андроникову, он систематически пишет вам о том, что нужно сменить такого-то министра, такой-то хорош, а такой-то плох. Между прочим, он просит поддержать кандидатуру А. Н. Хвостова; это, вероятно, тоже неудачное назначение.

Воейков. — Когда я спросил, почему назначен А. Н. Хвостов, государь мне сказал, как сейчас помню: «Мне его рекомендовал покойный А. П. Столыпин, когда он был нижегородским губернатором; когда Столыпин хотел уйти из министерства внутренних дел и сделаться председателем совета министров, он называл мне его кандидатом на пост министра внутренних дел».

Председатель. — Но вам известно, что Распутин к этому предложению все-таки руку приложил?

Воейков. — Этого я не могу сказать.

Олышев. — Тут есть телеграмма к вам, в царскую Ставку: «Хотя поездка иерарха знаменательна, тем не менее необходима большая осторожность». Кто этот иерарх?

Воейков. — Вероятно, Питирим; все мои люди могут засвидетельствовать: когда мне говорили — князь Андроников просит к телефону, я не отвечал; а писал он мне без конца.

Председатель. — Скажите пожалуйста, какие 70.000 выхлопатывались для вас от Марии Федоровны весной 1916 года?

Воейков. — Для меня — ни одной копейки.

Олышев. — Тут есть письмо, он пишет о том, как жалко, что Барк отказал вам в 70 тысячах.

Воейков. — Ничего подобного, никаких денег.

Председатель. — Может быть, вы забыли.

Воейков. — У меня никаких денежных дел ни с кем не было. Это, может быть, по канцелярии главного наблюдающего за физическим развитием. Но это — не 70 тысяч, а может быть, 80, 90 тысяч.

Председатель. — Какое вы имели отношение к отправлению генерала Иванова сюда?

Воейков. — Когда я был в понедельник у государя, государь сказал, что он решил послать генерала Иванова с георгиевским батальоном. Иванова я видел на вокзале и спрашивал: «Когда вы едете?» Он говорил: «Завтра, в 9 часов утра». Когда мы были на ст. Дно, я спросил, проехал ли генерал Иванов; мне сказали — проехал.

Председатель. — Вы знали, что он едет с целью подавления восстания в Петрограде?

Воейков. — Это я знал.

Председатель. — Скажите, зачем, в некоторых случаях, по вашему требованию, заносились в списки чинов охранной агентуры фактически не работавшие там подведомственные вам лица?

Воейков. — Я могу назвать этих лиц. Один — Власов — жил у меня в доме, на Каменном острове. Он был внесен в список потому, что императрица Мария Федоровна жила на Елагином острове; я считал правильным возложить на него функции по наблюдению.

Председатель. — Власов не значится в списке лиц, которые командированы в ваше распоряжение. Очевидно, он считался несущим службу агента. А кроме него?

Воейков. — Ащин, Байрашев, Витковский, Власов; они мне обещали оказывать услуги по осведомлению, но не оказали, и я их вычеркнул.

Председатель. — О ком они должны были осведомлять?

Воейков. — Обо всем, что было мне интересно. Байрашев содержал буфет и столовую в Ставке, в Барановичах, когда там был Николай Николаевич.

Председатель. — Байрашев—знаменитый содержатель буфета на станции Любань. Какое же он имеет отношение к чинам охранной агентуры? Он вашу Куваку распространял.

Воейков. — Я с ним прекратил отношения. Куваку продал.

Председатель. — Т.-е. акционерному обществу. Вы, вероятно, имеете акции?

Воейков. — Да.

Председатель. — Т.-е. это некоторая трансформация делового предприятия. — А Витковский кто?

Воейков. — Один из его служащих.

Председатель. — Я понимаю, он мог накормить, но какие он мог давать сведения?

Воейков. — Раз там была эта столовая, я считал возможным иметь человека.

Председатель. — Разве агентура и секретные сотрудники входили в круг вашего ведения?

Воейков. — Да у меня их было около 300 человек.

Председатель. — Для внешнего наблюдения?

Воейков. — И для внешнего и для такого наблюдения.

Председатель. — А кто такой Линнаск?

Воейков. — Он не должен был даже отбывать воинской повинности. Человек средних лет, 15 лет служил у меня, я его считал для себя полезным. Жил он в Царском Селе и у меня в именьи, где заведывал конным заводом.

Председатель. — Но какое же осведомление о конном заводе?

Воейков. — Не только о конном заводе, а обо всем, что кругом делается.

Председатель. — А Мусин?

Воейков. — Один из служащих Байрашева.

Председатель. — Пушмунан?

Воейков. — Не помню.

Председатель. — Сугаков?

Воейков. — Он служил у меня в доме, в Царском Селе.

Председатель. — Цено?

Воейков. — Это — для министра двора.

Председатель. — Вы проводили их всех через Спиридовича?

Воейков. — Да, через охрану.

Председатель. — Значит, вы признаете, что часть этих людей не несла обязанностей агентов по охране царя и царской семьи?

Воейков. — Да, я стоял на той точке зрения, что для осведомления мне полезно иметь лиц, которые бы ставили меня в курс дела; если бы я не имел никого, то был бы в чрезвычайном затруднении, мне пришлось бы всецело доверяться моим помощникам.

Председатель. — Скажите, почему министр внутренних дел А. Н. Хвостов некоторое время находил нужным осведомлять вас о неправильных, по его мнению, действиях Белецкого, другими словами — посвящать вас в борьбу между ним и Белецким, в связи с Ржевским, Распутиным и К°, в борьбу, которая имела место в начале марта 1916 года?

Воейков. — Это я могу объяснить. Вначале А. Н. Хвостов пользовался полным доверием государя и считал себя очень твердо стоящим. Затем Белецкий, по моим сведениям, стал под него подкапываться и хотел стать на его место. В этой борьбе Белецкий стал подводить Хвостова, а Хвостов — Белецкого.

Председатель. — Отчего же они вас в эту историю впутывали?

Воейков. — Ко мне ведь масса поступала людей, которые стремились меня втянуть, но я этого совсем не касался.

Иванов. — Не можете ли вы нам сообщить, при каких обстоятельствах бывший император был назначен верховным главнокомандующим?

Воейков. — Это произошло в августе, вследствие обостренных отношений между великим князем Николаем Николаевичем и самим государем. Обострение было основано на том, что министры (по личному впечатлению моему докладываю, государь этого не говорил) постоянно ездили в Ставку, и государь получал целый ряд дел, уже решенных в Ставке помимо его, что производило на него неприятное впечатление. Николай Николаевич слишком много занимался делами государства, а не фронта; мне кажется, это и было причиной.

Иванов. — Государь император сам пожелал командовать фронтом или кто-нибудь повлиял на него?

Воейков. — Не знаю. Вначале он очень колебался.

Иванов. — Не считала ли императрица, что он должен командовать?

Воейков. — Она была с этим мнением вполне согласна.

Председатель. — Почему она решает, что император сам должен стать во главе?

Воейков. — Это — на личной почве отношений с Николаем Николаевичем; их отношения с Анастасией Николаевной были очень испорчены. До свадьбы — это были дружеские отношения, а после свадьбы — резко изменились.

Председатель. — Это не из-за того же Распутина?

Воейков. — Думаю, что нет, затрудняюсь сказать.

Председатель. — Откуда вы получили эту книгу: «Григорий Распутин»?

Воейков. — Кажется, Андроников прислал.

Председатель. — Вы не были ни в каких отношениях с Бадмаевым?

Воейков. — Он бывал у моего отца, с тех пор я его двадцать лет не видел, и только в самое последнее время получил от него какую-то записку, которую он просил представить государю. Я доложил государю, что есть какая-то записка Бадмаева. Государь сказал: «Ах, это такой хороший старик. Вы мне ее пришлите». Кажется, она была на нескольких листиках. Я ее доложил — это было только раз.

Председатель. — Г. секретарь, запишите, что предъявлены литографированная рукопись Гофштеттера с надписью тиснением «Хлыстовщина» и книжка «Григорий Распутин. Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествий по святым местам и вызванные ими размышления по религиозным вопросам». Ваши объяснения выслушаны, Комиссия их обсудит, и мы сообщим вам результат.

---

*

XXXI.

ДОПРОС Н. А. МАКЛАКОВА.

1 мая 1917 г.

Содержание: Неожиданность назначения на пост министра. Монархический образ мыслей Маклакова. Нападки и просьбы об увольнении. План политической реформы. «Последние могикане». Политическое credo Маклакова. Монархический съезд. Две встречи с Распутиным. Доклад царю о Распутине. Перелом во взглядах правительства в начале войны. Виноваты люди, а не строй. Отношение к Протопопову. Две Нарышкины. Отношение к войне. Роспуск и перерыв занятий государственной думы. Бланки царя у председателя совета министров. Передача министру некоторых прав верховной власти 24 июля 1914 г. Крыжановский, Щегловитов и законность. Политика министерства внутренних дел по отношению к правым организациям. Субсидии, их размер. Смерть Татищева и план реформы. Группа активной борьбы с революцией. Рептильный фонд и фонд департамента полиции. Секретные сотрудники. Белецкий и Брюнде-сент-Ипполит. Секретное совещание об очистке от провокаторов армии и флота. Циркуляр 1907 г. «о внутреннем освещении». Два вида внутренней агентуры. Дело Шорниковой. Дело Бейлиса. Дело Трещенкова. Отношения с Протопоповым. Еще о Распутине. Андроников. Вырубова. Доклады царю о думе. Проект возвращения к законо-совещательной думе. Выборы в четвертую думу по Черниговской губ.

Председатель. — Николай Алексеевич Маклаков, вы в заседании Чрезвычайной Следственной Комиссии, положение которой вы уже читали в камере.

Маклаков. — Слушаюсь.

Председатель. — Вы, конечно, знаете, что прежний режим пал, что армия, народ и правительство принесли присягу новому строю. Наша Комиссия имеет права 1-го департамента государственного совета по истребованию объяснений. Вы можете давать объяснения в каких угодно пределах, но мы поставим вам несколько вопросов, — я буду руководить течением ваших показаний, потому что у нас есть своя точка зрения, и таким путем вы, может быть, скорее удовлетворите желание Комиссии. — Вы заняли пост министра внутренних дел 16-го декабря 1912 года?

Маклаков. — Да, такой указ был. Фактически я вступил несколько позднее, в 1912 г., перед праздниками, и пробыл до 5-го июля 1915 года, когда меня сменил князь Щербатов.

Председатель. — А вы стали членом государственного совета.

Маклаков. — Нет, я до отставки был членом государственного совета.

Председатель. — Так что вы прямо из губернаторов были назначены членом государственного совета?

Маклаков. — Никак нет, я был назначен в 1915 году, в феврале, еще будучи министром.

Председатель. — Нам хотелось бы знать, при каких условиях вы вступили в должность министра внутренних дел? Нас интересует не столько внешняя сторона, как вы получили указ и т. д., сколько внутренняя сторона этого вступления. Как случилось, что вы были приглашены?

Маклаков. — Самое назначение для меня было, может быть, гораздо больше неожиданным, чем то, что я был потом арестован; никаких намеков на возможность назначения тогда не было. Из некоторых, сказанных потом, в разное время, слов государя, я лично понял, что мысль о назначении возникла у государя во время посещения Чернигова, когда я там был губернатором. Государь приезжал в Чернигов после того, как Столыпин был ранен в Киеве, в сентябре 1911 года.

Председатель. — За год с небольшим до вашего назначения. Зачем он приезжал?

Маклаков. — Помолиться иконе, больше ничего. К мощам чудотворца святителя Феодосия, — рака там помещается. Государь приехал на богомолье и пробыл там не более 5 — 6 часов. После впечатлений киевских, связанных с этим тяжелым событием, может быть, даже все обстоятельства сложились для Чернигова очень благоприятно. Отличная была погода, хорошее, бодрое настроение; я думаю, так и было. По крайней мере, у меня отдельные намеки на это есть. Так что ответить прямо на вопрос, каким образом случилось мое назначение, я могу только в этом смысле; когда потом государь вспомнил посещение Чернигова, он говорил больше об общем впечатлении, благоприятном, после пережитого горя.

Председатель. — Много ли раз вы виделись с бывшим императором? Вы были им приняты во время посещения Чернигова? Приезжали вы после этого, до назначения вашего министром, в Петроград? Какие связи здесь образовались у вас? Расскажите внутреннюю сторону этого.

Маклаков. — Говоря совершенно откровенно, все это, от начала до конца, была сплошная неожиданность. Когда я узнал от Коковцова о том, что возможно назначение, потому что Коковцов имел поручение переговорить со мной и вызвать меня в Петроград, для меня это было, как из чистого неба гром.

Председатель. — Это, видите ли, не случайность. Ведь были некоторые круги или кружки и отдельные лица, которые вас под-

держивали. Мы с вами не первый год живем в Российском государстве и знаем русские условия. Кто вас проводил на пост министра?

Маклаков. — Простите, может показаться, что я не искренно говорю; но именно, кто проводил меня, — совершенно не могу сказать. Указать на кружки? Никаких связей с теми, кто пользовался известным авторитетом в Петрограде, у меня тогда не было. В кругах служебных можно было бы назвать одного человека, с которым я до моего назначения познакомился и только раз видел его по поводу одной корреспонденции. Это был Мещерский, издатель «Гражданина». Он написал, по поводу черниговского дела, не совсем справедливую корреспонденцию. Я ответил ему письмом, где опровергал его обвинения против меня.

Председатель. — По приезде в Петроград, вы претворили эти письменные отношения в личные встречи?

Маклаков. — Да, потому что он просил зайти, когда я буду в Петрограде. Я виделся с ним только раз, и о назначении никакой речи не было.

Председатель. — Вы встретились с целым кружком? Вы оказались единомышленниками во взглядах?

Маклаков. — Не скажу, чтобы во всем. В некоторых случаях я шел гораздо левее его, в других правее.

Председатель. — Но в основном? В отношении к тому строю, который водворился в России после 17 октября больше на бумаге, чем в действительности, но все-таки водворился.

Маклаков. — Я буду совсем откровенен. Я всегда имел монархический образ мыслей и очень убежденно исповедывал его.

Председатель. — Монархизм вы понимали не в смысле ограниченной монархии, а в смысле неограниченной?

Маклаков. — Я разделял точку зрения, что законодательные учреждения ограничивают не самодержавие в его целом, а представляют, как бы, делегацию верховных прав государя народу в области законодательной деятельности и в области надзора. Я самодержавие не как фразу понимал, а разделял точку зрения, что в этом-то и заключается суть нашего своеобразного строя.

Председатель. — Т.-е. вы, значит, понимали конституцию, как самодержавие царя?

Маклаков. — Так точно. С некоторым ограничением его прав в законодательной области.

Председатель. — Что же, самодержавие царя в форме конституции было для вас предпочтительнее самодержавия царя без конституции? Или, наоборот, вы предпочитали самодержавие царя без государственной думы?

Маклаков. — Тут был целый ряд субъективных чувств. Они, может быть, не будут интересны Комиссии.

Председатель. — Нас интересует тот взгляд на основные политические вопросы русской действительности, который вы проводили в вашей политике, как бывший министр внутренних дел.

Маклаков. — Да, да. Позвольте так доложить: для меня совершенно ясно, что история, вообще, назад не ходит, так же, как река не ходит обратно; и совершенно ясно было, что мы уже подняли, так сказать, одну ногу, и надо было ждать, когда эта нога опустится, чтобы сделать следующий шаг в область определенной конституции в смысле западно-европейском. Но как раз, когда нам приходилось вступать на этот путь, когда о нем разговаривали (может быть, это очень странно покажется), в тех или других заседаниях государственной думы на нас делались нападки, часто совершенно несправедливые и без достаточной осведомленности; лично, скажем, на меня нападки иной раз были жесточайшие, высказанные в очень определенной резкой форме; они прямо отшатывали на громадное расстояние от тех или других зарождавшихся связей.

Председатель. — Кого отшатывали?

Маклаков. — Меня отшатывали. Казалось, раз есть предвзятость, какая же может быть работа? Эта мысль выливалась у меня неоднократно в столь определенную форму, что в течение двух с половиной лет, что я был у власти, я три раза просил государя меня уволить; один раз (на страстной неделе, в феврале 1915 года) большим письмом.

Председатель. — Копия письма сохранилась у вас?

Маклаков. — Нет. Когда я уходил из министерского дома, я пережег все, что было, и особенно то, что касалось его величества.

Председатель. — Позвольте мне несколько вернуть назад нить ваших мыслей. Итак, вы заявляете, что вы были сторонником законно существовавшего строя и расходились с Мещерским по этому основному вопросу?

Маклаков. — Нет, не по этому вопросу, а много — по еврейскому вопросу. О самодержавном строе Мещерский сам думал так же, как я.

Председатель. — Т.-е. он считал законодательную думу и государственный совет совместимыми с самодержавием?

Маклаков. — Считал. Но я хотел сказать, что в этой области только эволюционным путем постепенного перехода шаг за шагом можно дойти до какой-нибудь определенной цели. Это была основная точка зрения: большинство, передающее большинству.

Председатель. — Вы были в правой группе государственного совета? Очевидно, многие ваши товарищи по группе не разделяли эту вашу точку зрения примиренности с существующим государственным строем?

Маклаков. — Т.-е. в смысле неудовлетворительности его?

Председатель. — Да. В смысле желания повернуть назад.

Маклаков. — Ни у кого серьезно этого не было, ни у Мещерского, ни у одной души. Я никогда не слыхал. Часто бывали жалобы, но всегда это было не серьезно.

Председатель. — Серьезно или не серьезно, это дело оценки; все же мне хотелось бы знать.

Маклаков. — Я бы сказал неправду, если бы отрицал, что такие разговоры были, но это не фактор в течении работы думы, а, скорее, только показатель настроения.

Председатель. — Т.-е., вы хотите сказать, что к реализации этих мыслей не приступали?

Маклаков. — В первый год моего пребывания министром чаще говорилось о роспуске думы, но потом меньше.

Председатель. — Но ведь были кружки членов государственного совета, которые стояли несколько позади формальной группы государственного совета?

Маклаков. — Мне кажется, не было в этом смысле более правого кружка, чем тот, который мне приходилось посещать, кружка Римского-Корсакова.

Председатель. — Давно вы посещали этот кружок?

Маклаков. — Посещал, когда бывал здесь, уже после того, как ушел из министров. Вообще, я налетом приезжал в Петроград. Я здесь очень мало бывал и обыкновенно получал повестки и приглашения в деревню.

Председатель. — Стало быть, вы жили здесь, когда были членом государственного совета и министром?

Маклаков. — Когда был министром, — нет. Я был после того, как ушел, в 1916 году. В 1915 я, после отставки, уехал и до конца года не был.

Председатель. — Забежим несколько вперед, чтобы этот вопрос исчерпать. Вы посещали этот кружок последние месяцы в 1916 году и в начале 1917 года?

Маклаков. — В 1917 году тоже, должно быть, был.

Председатель. — Принимали вы участие в выработке плана политической реформы, которую предполагал этот кружок?

Маклаков. — Нет, я как раз отказался от этого. Действительно, предполагалось подать план реформы, он был впоследствии выработан. Не знаю, был ли предъявлен, но он вырабатывался с тем, чтобы быть представленным на рассмотрение государю.

Председатель. — Государыне?

Маклаков. — Государю. Но первоначально он в общих чертах обсуждался. Были довольно многочисленные суждения. Я очень категорически высказался против этого, потому что все то, что было сказано, давным давно было известно, и ничего нового нельзя было сказать в таком изложении мыслей, чаяний,

надежд, верований и пожеланий тех людей, с которыми мне приходилось видеться.

Председатель. — Вы все-таки принимали участие в собраниях этого кружка?

Маклаков. — Когда говорилось об этом, кружок был уже маленький. Документа я никогда не видал в глаза, не читал и не знаю его судьбы.

Председатель. — Кто из министров принимал участие в выработке этих положений?

Маклаков. — Никто.

Председатель. — А министр Протопопов?

Маклаков. — Он не бывал в кружке ни разу.

Председатель. — Почему вы знаете, что он не бывал, когда говорите, что вы тоже не бывали?

Маклаков. — Я не слыхал, чтобы он бывал, и при мне.....

Председатель. — Вам сколько раз приходилось быть в этом кружке?

Маклаков. — Думаю, раз пять за все время. В 1916 — раза два и в 1917 — раз.

Председатель. — Из кого состоял этот кружок?

Маклаков. — Из министров там был мой предместник Макаров, потом однажды — Кульчицкий. Из бывших министров — обер-прокурор синода Ширинский-Шихматов, который занимал очень центральное положение. Затем, Голицын, впоследствии председатель совета. Вот, кажется, все. Затем, там очень видную роль играл Павлов, известный дворянин. Кажется, главным образом, из-за его участия, дело не пошло. Я думаю (боюсь утверждать, потому что вхожу в область мне неизвестную), я не знаю (опять утверждаю), кажется, записка была подана. Тут принимал участие брат Ширинского-Шихматова — Андрей, а не Алексей.

Председатель. — Чем же объясняется, что, не сочувствуя этим мыслям, которые вам не казались новыми, вы все-таки некоторое отношение к этому кружку сохранили?

Маклаков. — В сущности, это была, как бы, нансеновская экспедиция. Это были просто последние могикане, которые отводили душу. Серьезного ничего не было и не могло быть. И тому, кто близко стоял к центру управления, как мне пришлось в течение двух лет, тому ясны были все карты исторической игры, которая шла. Для меня это было ясно, как дважды два четыре. И когда шел вопрос о том, чтобы выработать записку, я сказал, что это с моей точки зрения так же бесполезно, как черпать воду решетом. Так что я сюда ни надежд не вкладывал, ничего. Позвольте указать на одно обстоятельство, как на иллюстрацию к тому, что я говорю. В конце ноября, когда обсуждалась декларация председателя совета министров Трепова, я сказал в госу-

дарственном совете речь по поводу нее; я о ней упоминаю потому, что она, даже против моих чаяний, вызвала очень много неприятных для меня вещей, даже со стороны групп; а с другой стороны — вообще, в пространстве, потому что я получил несколько писем с угрозами и очень грубых; я говорил там как раз потому, что друзья — разные, не политические только друзья, а вообще друзья, — упрекали и меня и все правое политическое крыло, что в нем, в этом крыле, нет никого, кроме продавшихся журналистов, т.-е. таких, которые получали крупные правительственные деньги; кроме так называемых кабацких черносотенцев; нет догматики, нет чистого исповедания определенного образа политической мысли; и что никто не хочет сказать, потому что для всех очевидно, что колесо уже повернулось и что исповедывать это, — в лучшем случае, брать на себя роль дон-Кихота, борющегося с мельницами. Одно такое письмо и у меня было. Думаю, что, как раз в связи с этим, на правую группу, как из рога изобилия, сыпались всевозможные упреки, я скажу клеветы. Говорилось, что она стремится к скорейшему заключению мира, чтобы помириться с державой, где монархический принцип якобы стоит особенно крепко, с Германией. В частности, такие упреки, я скажу — клеветнические, обращались и ко мне лично, и один из них больно меня задел, потому что был брошен мне с кафедры государственной думы и, будто бы опирался на документальные данные, — когда член думы Савенко сказал, что я, Щегловитов и еще Таубе, товарищ министра иностранных дел, подавали такого рода записку государю. Это было сказано таким убежденным тоном, как будто документы были в руках, неоспоримый факт — налицо. Все это, вместе взятое, заставило меня попытаться изложить, так сказать, мое политическое credo вне программы, т.-е., как говорится, вне «погромных перспектив».

Председатель. — Вне погромных?

Маклаков. — Да, говорили ведь, что правая группа способна только кричать ура и громить евреев, и что мы теперь поджали хвост, видя, что наша песня спета. Я хотел все это положение разъяснить. Тут, между прочим, я опровергнул упрек относительно германофильства, и тут я указал на то, как сейчас вспоминаю, самое больное место, именно на то, что мы, действительно, стояли все время у могилы того, во что веровали. Я говорил, между прочим, о том, что исповедывать теперь правый образ мыслей не только не популярно, но даже не безопасно, что теперь правая вера и поругана, и осмеяна, и вышучена, и всячески в глазах всех замарана. Простите, что я останавливаюсь на этом.

Председатель. — Пожалуйста, я потом верну вас несколько назад.

Маклаков. — Это дает вехи, показывает, как проходила мысль, уже вне всякой суматохи и суеты бесконечного верчения

административного колеса, пока я был министром. А когда я ушел от жизни, от Петрограда, от политики, ушел в деревню, в навоз, в семена, в коров, и т. д., оттуда мне все это стало ясней и определенней. И так ясно стало, как разрешенный ребус. Вот почему я не принимал участия. Сказать, что я им не симпатизировал, нельзя. Нет, я им симпатизировал.

Председатель. — Т.-е. кому?

Маклаков. — Тем, которые собирались, потому что они верили и гораздо больше моего верили в то, от чего мне приходилось отказываться.

Председатель. — Вы говорите, что это последние могикане, что это дело — мертвое; но ведь они же пытались гальванизировать труп. Вы знаете, что группа все-таки делала попытку через некоторых лиц из правительства провести свою программу? Попытка казалась довольно достижимой и опиралась на людей, имеющих влияние.

Маклаков. — Одна такая попытка мне хорошо известна; попытка, которая относилась к Голицыну. В одной, если это называть попыткой, принимал участие лично я, когда у нас был разговор о том, что. . . . . ведь теперь самые события показали, до какой степени были серьезны и верны опасения, что строй рушится и будет заменен другим. Те, кто искренне веровал и кто должен был по службе, в качестве министра, его оберегать, — те, естественно, видели прямо свой служебный долг в оберегании; но все, что ни делалось, делалось как раз так, чтобы вызвать обратные результаты; в одной из попыток, в попытке указать, до какой степени мы идем зигзагами, без всякого плана, с заведомым крахом впереди, я принимал участие.

Председатель. — Скажите в нескольких словах об этой попытке.

Маклаков. — Я в большую область вхожу. Тогда остановите меня, пожалуйста. Я уехал из Петрограда, должно быть, в начале сентября 1916 года и возвратился. Приезжал я передавать свою квартиру одному французу, с тем, чтобы ликвидироваться в Петрограде. Тут маленькая подробность. Я приехал в деревню и получил письмо, в общем, в таких выражениях, если можно так сказать, ну, трогательных, трогающих даже. Некоторая группа людей просила меня принять председательствование на съезде монархических организаций. . . .

Председатель. — Попытка объединения разрозненных монархических групп?

Маклаков. — Был съезд, Щегловитов оттуда ушел. Мне было написано письмо за подписью члена государственной думы Левашева. Я сейчас же ответил по телеграфу категорическим отказом, благодарил очень. . . . Затем я приехал в Петроград к созыву законодательных учреждений, должно быть, в сентябре.

Тут было одно заседание, при чем я был не только у Римского-Корсакова, а был приглашен к Левашеву на его квартиру на Потемкинской улице. Там были представители отдельных правых организаций, и он опять обратился ко мне с той же просьбой.

Председатель. — Кто там был?

Маклаков. — Из крупных там были: одесский городской голова Пеликан, затем, архимандрит Виталий Волынский, затем Римский-Корсаков, Дубровин, Марков II.

Председатель. — Замысловский был?

Маклаков. — Нет.

Иванов. — А Орлов московский был?

Маклаков. — Да, Орлов был. Одним словом, были люди, с которыми я не виделся, кроме Пеликана. Они обратились с той же просьбой, я опять категорически отказался и сказал то, что сейчас вам докладываю, — что я не могу быть объединяющим центром, потому что не верю в успех дела.

Председатель. — Т.-е. в возможность повернуть назад колесо истории?

Маклаков. — Так далеко они не шли. О том, чтобы назад, — речи не было. Тут просто плотину ставили.

Председатель. — В какой форме?

Маклаков. — Говорили, что правительство должно быть единомысленным. Не может быть так, что сегодня Игнатьев, а завтра — Кульчицкий.

Председатель. — Т.-е. не только единомысленным, но и единомысленно-правым.

Маклаков. — Да, они так думали. Я же высказывался лево, хотя это было крушением всего, во что я верил: либо единомыслие правых, либо единомыслие левых.

Председатель. — Но ведь страна определенно не хочет правых?

Маклаков. — Тут ко мне обратились с просьбой — взять на себя председательствование на съезде, который предполагался. Я категорически отказался ходатайствовать перед Протопоповым о том, чтобы съезд был открыт, и этим отказом вызвал даже некоторое неудовольствие; а газеты написали, что я выбран. Я получил письма из Сибири с просьбой передать привет; а я даже не собирался в съезде участвовать. Это маленькая подробность. Вы говорите — как могло случиться? Вот как я себе представляю: раз мы переходим к представительному образу правления, каковой был в России до последнего переворота, то решает дело большинство. Следовательно, если создастся большинство желающих того-то и того-то, то постепенно оно свое возьмет. Хотя государственный совет и упрекали, что он тормозит, но он мог вносить такие ничтожные изменения в работу думы, в большинстве случаев. . .

Председатель. — Нельзя сказать, чтобы законодательство последнего времени было законодательством большинства и чтобы политика последнего времени была политикой большинства; политика последнее время шла, как вы знаете, под знаком Распутина; например, в смысле назначения министров.

Маклаков. — Этого вопроса я не хочу касаться. В последнее время было полное отсутствие политики, потому что не было никакого плана, не было представления, куда мы идем; шли, закрыв глаза, по инерции. Может быть, оно и к лучшему, а может быть, и к худшему. Я бы встретил с гораздо большим сочувствием определенный излом, чем такое постепенное топтание и вымирание. Я был совершенно уверен в том, что в низших слоях, куда еще сознательный анализ всех политических теорий и взглядов не дошел, что там совершенно патриархальный взгляд на дело. Вы спрашиваете о том, как делалась политика, о Распутине. Распутина я видел два раза в жизни, два раза говорил с ним. Я никогда не поверю, я сейчас искренно говорю, чтобы он мог определенно влиять в смысле той или другой политической точки зрения. Он мог подвинуть то или другое решение, скажем, назначение того или другого губернатора.

Председатель. — Или министра или премьер-министра. Ведь вы говорите, что историческая игра для вас была ясна. Вы знаете, что в последние годы значил Распутин?

Маклаков. — Он много значил. Но если бы с ним говорили здесь, он двух фраз не мог бы связать. Он пришел ко мне, когда я был министром, когда кончились торжества, и я возвратился в мае или осенью 1913 года. Он принес прошение, в котором ходатайствовал, чтобы я его назначил председателем строительной комиссии по восстановлению сгоревшего Троицкого собора, который находится здесь, по соседству. Там был целый ряд фамилий, я их не могу теперь сказать. Очень крупные лица, но не те, которые обыкновенно упоминаются в связи с именем этого человека. Перед этим была образована комиссия, государю угодно было назначить императрицу во главе ее. Я ему сказал об этом (он сейчас же переходил на «ты», очень низко кланялся у порога, раза три, пока подошел. Я ему также на «ты»). Я говорю: «Как же ты хочешь быть председателем комиссии, которая уже образована?» Он говорит: — «Она образована для разговора, а мне для дела, ты мне позволь, я богу хочу поработать», и т. д. Аудиенция продолжалась, может быть, минут пять. Прошение я отвез государю, его величество оставил его у себя.

Председатель. — Это частности. А когда вы второй раз его видели?

Маклаков. — Второй раз он был у меня, когда я был министром. Он приехал жаловаться на то, что его обвинили. Вы, может быть, слышали — в Москве был крупный скандал

в Яре, он там напился. Это было незадолго до московского погрома, за месяц. Ко мне приезжал градоначальник Адрианов и говорил: «Что делать, такое положение». Я сказал, чтобы дело, по возможности, не проникло в газеты.

Председатель. — А вам не казалось, что эту язву нужно вскрыть именно через газеты?

Маклаков. — Я по этому поводу был на докладе у государя. Потом то же сделал Джунковский, но несколько позднее. Но никакого отношения, — я утверждаю, — к этому факту мой уход не имел. Это я могу под честным словом сказать.

Председатель. — Вы доложили, что нужно этого человека удалить, чтобы он не срамил верховного главу правительства и государства? В особенности вы, как монархист, сказали, что его нужно удалить?

Маклаков. — Я сказал, что это становится притчей во языцех, все об этом говорят. Мне кажется, раз он говорит, что так предан престолу, то долг его заключается в том, чтобы беречь престол. Государь сказал: «я с ним переговорю» и оставил доклад у себя.

Председатель. — И вы не настаивали?

Маклаков. — Нет, я больше не говорил об этом. Что же мне было еще говорить?

Председатель. — Настаивать, выйти в отставку, добиться, чтобы позор, который падал не только на главу верховной власти и его семью, но и на все государство, где вы были министром внутренних дел, чтобы этот позор снять с России.

Маклаков. — Это уже сколько говорили. Но ему необычайно верили.

Председатель. — А в области ваших поступков?

Маклаков. — Я говорю: я счел долгом доложить об этом.

Председатель. — Это не поступок. Должно быть какое-нибудь действие со стороны министра внутренних дел. Ведь это же позор для России.

Маклаков. — Действия и не могло быть, потому что как раз вскоре после этого я сам ушел.

Председатель. — Но все-таки, между маем и 5 июля прошло два месяца. Я не знаю, как можно мириться с этим, в особенности человеку ваших взглядов. Хотелось бы знать, как министр внутренних дел ваших убеждений мог терпеть такое позорное пятно на громадной государственной постройке? Ведь страна и глава верховной власти — это связано.

Маклаков. — Вы об этом сейчас судите с точки зрения последних дней. В то время, в 1915 году, Распутин такой роли не играл, и не было ничего, кроме скандалов, самого обыденного, очень скверного, но совершенно не политического пошиба. Я в то время не могу указать ни одного назначения. Сколько раз он

обращался с просьбами о назначении, эти записки мы все получали и, бывало, друг другу показывали, но никаких назначений не было. А в последнее время, действительно, потому что новые люди были. . .

Председатель. — Вы изложили свой политический взгляд, которого вы держались и в бытность вашу министром внутренних дел и после, в связи с кружками. Вы сказали, что вы стояли за единую правую политику; во время отсутствия политики, вы стояли за единое правое министерство. Но как вы, отстаивая эти взгляды, относились к тому, что вся страна, — а вы говорили, что было правление большинства, — что вся страна этого не хочет, что вся страна считает это невозможным? С другой стороны — как вы относились к тому, что проводило правительство? Вам хотелось вести систематическую правую политику, вразрез со страной, в тот момент, когда страна, а не кучка министров, вела колоссальную войну. Как вы, министр внутренних дел и член государственного совета, относились к этим вопросам?

Маклаков. Относительно этих вопросов, именно в начале войны, тут был известного рода перелом, не только в моих собственных взглядах. . . . .

Председатель. — Я говорю не про начало войны, а про течение войны вплоть до последних моментов. Мы бросили факты и обратились в область ваших взглядов, как государственного деятеля, ибо министр внутренних дел и член государственного совета является государственным деятелем.

Маклаков. — С самого начала моего вступления, как я вам уже докладывал, я все думал, что страна совсем не выражается в настроениях, которые всегда набегали в Петроград. Я думал, что все то, что волнует верхи, не касается большинства России; не городов, а массы, 90% населения. Это — по первоначальной моей службе; а потом, в начале войны, уже весь совет министров значительно изменил свой взгляд. То, что я говорю, может быть, покажется вам невероятным и неправдоподобным, мне трудно доказать это внешними (хотя, во всяком случае, многочисленными) фактами, но значительное изменение произошло; в начале войны весь совет министров, не исключая меня, решил, что все политические разлады и споры должны быть оставлены в стороне. Я должен сказать, что шло так до 1915 года, т.-е. до половины 1915 года, по крайней мере, у меня не осталось никаких тяжелых воспоминаний, которые часто бывали результатом разлада между тем, что делаешь, и тем, что кажется надо было делать по настроению большинства; а в 1915 году пошли довольно определенные настроения. Был целый ряд фактов. Между прочим, в конце 1914 года, у меня произошел разговор с председателем государственной думы, Родзянко, если не ошибаюсь, после отступления с Карпат, когда не хватало сапог для армии; Родзянко хотел

созвать съезд из председателей губернских земских управ, по этому поводу приехал ко мне, и я ему на это возразил... Я на этом факте останавливаюсь, потому что он ярко показывает, как понемногу обострилось лезвие, которого вначале, в сущности не было. Я высказался, что съезд председателей губернских земских управ в думе, под председательством председателя государственной думы, по вопросам снабжения армии, представляется для меня не прецедентом вовсе, а просто — конструкцией совершенно непонятной; не будет ли ему угодно принять участие в этом съезде и отдать его под председательство либо военного министра, либо главного интенданта; но чтобы не связывать этим съездом думу с председателями губернских земских управ, как фронтон со зданием, если можно так сказать.

Председатель. — Отчего же не связать думу, хотя и несовершенную по своей форме, со страной, хотя и представленной несовершенными представителями, потому что это представители цензовые? — Вы немного уклонились в сторону от моего вопроса. Мой вопрос заключается в том, как вы, проводя правые идеи, в качестве министра внутренних дел и члена государственного совета, относились к тому, что страна этого не желает? Вы начали было на это отвечать и сказали: «по-моему, страна безмолвствовала». Но тогда, позвольте мне вас спросить, как же вы отнеслись к тому, что не безмолвствовала представительница страны, хотя и несовершенная, хотя и по цензовому началу выбранная, но, тем не менее, гораздо лучше представлявшая ее мнение, чем министры, назначенные Распутиным или разными кружками? Как вы относились к тому, что кричала страна? Вы даете нам объяснения не только по вашим взглядам 1915 года, а и 1916 года, когда уже все было ясно. Страна отвергает это течение — вы на нем настаиваете. Страна ведет войну — вы настаиваете на своем в тот момент, когда страна подверглась нашествию неприятеля, когда неприятель имеет успех, и целый ряд губерний им занят. В последние месяцы 1916 года вы остаетесь на позиции тех, которых вы считаете вымирающими, своего рода зубрами, последними могиканами, как вы говорите; мне интересно, как все это улеглось в вашей голове?

Маклаков. — Мне трудно ответить на это. Если судить по тому, как это выражалось в государственном совете, — я всего два раза говорил там. В комиссии я принимал участие в самой безразличной — в финансовой.

Председатель. — Будем говорить не о ваших речах, а о вашей политике.

Маклаков. — Я должен сказать, что я всегда голосовал, как мне казалось лучше. И должен сказать, что всегда был в меньшинстве. Бывали случаи, что я был совершенно в единственном числе.

Председатель. — Мне интересно знать, как вы относились к основному вопросу, к возможности проводить, быть может, самое совершенное, самое справедливое, однако, представляющееся вам отжившим, вразрез со страной в то время, когда неприятель в нее вторгся?

Маклаков. — Мне не приходилось принимать никакого активного участия. А если я высказывался, — audiatur et altera pars; мне кажется, что из всех мнений, слева и справа, преобладает то, которое является наиболее многочисленным. . .

Председатель. — Какое же многочисленное, когда вы знаете по опыту совета министров, что иной раз и без думы законом, во всяком случае, действующей нормой, становился взгляд меньшинства, утвержденный бывшим главой верховной власти?

Маклаков. — За все время, что я знаю, только один журнал, где мнение меньшинства было утверждено. Это об учреждении министерства здравия.

Председатель. — Вы не отвечаете на мой вопрос. Что вы скажете по поводу той мысли, что борьба с народом в момент внешней борьбы его с врагом, есть, в сущности, благоприятствование неприятелю? Если вы хотите благоприятствовать, — это другое дело, но реально — это есть благоприятствование неприятелю. Вы помните 1915 год, отступление, которое гасит немецкие снаряды своей кровью, когда гибнут тысячи людей, и вы ни на минуту не покидаете своей политики; вы стоите на ней и в 1916 году, когда ряд городов российского государства занят неприятелем. Не говорите о ваших голосованиях, не говорите о ваших речах, ответьте на основной вопрос, — как можно итти вразрез со страной, хотя бы представленной думой, говорящей, кричащей, как можно в такой момент итти вразрез со страной? Как это сочетается с тем, что враг у порога? Вам приходилось не только думать, но и высказываться по вопросу о войне. Я бы хотел от вас получить ответ на мой основной вопрос, потому что мы потом перейдем к частностям, а это самое главное.

Маклаков. — Простите меня, я не знаю, в чем собственно я шел бы в своих взглядах против народа. Я понимал, что ему может быть хорошо при том строе, который был, если этот строй будет правильно функционировать, т.-е. если люди, занимающие посты, будут честно исполнять свои обязанности. Я думал, что до последнего времени Россия не падала, что она шла вперед и росла под тем самым строем, который до последнего времени существовал и который теперь изменен. Я никогда не мог сказать, что этот строй был могилой для России, для ее будущего: поэтому, когда мне указывали выход из положения, я противопоставлял другой: по-моему, не в учреждениях было несчастье, а в том, что служащие в учреждениях не всегда правильно исполняли свои обязанности. Я не мог сказать, что эти учреждения

сами по себе были против народа. Весь народ был возбужден, это настроение было неизбежно, я сам переживал его во время военных неудач. Я никогда бы не сказал, что я бывал в единоборстве, как с врагом, со всем народом.

Председатель. — Но разве не казалось вам органической, а не случайной неудачей, например, поражение наше летом 1916 года?

Маклаков. — Мне очень тяжело сказать то, что я скажу, потому что это будет как бы осуждением сотоварищей по службе.

Председатель. — Простите меня, но мне кажется, то, что вы сейчас объясняете, бесконечно выше и важнее правил товарищества, и я просто хотел бы, чтобы вы их устранили.

Маклаков. — Я так же смотрю, но мне не хотелось бы. Я, может быть, в 10 раз хуже всех других в этом смысле был. В области военных неудач, это не только меня, но всех нас прямо убило. Все происшедшее убило, потому что все мы, в совете министров, были совершенно спокойны, что есть и снаряды, и вооружение. И отступление с Карпат было таким неожиданным для всех нас, прямо неожиданным ударом.

Председатель. — Но то обстоятельство, что вам так казалось, а в действительности было не так, — что это — случайность или это строй сделал? Нет ли в этом расхождении между действительностью и тем, что вам казалось, органических причин?

Маклаков. — Несомненно, мне придется говорить много того, что тогда бы я не сказал, но что теперь скажу; не потому, что изменились мои взгляды. Несомненно, здесь была органическая причина; скажем о роли Сухомлинова; это был результат системы; благодаря ей ведь все правительство оказалось в таком положении, что не устояло на высоте задачи.

Председатель. — Чтобы исчерпать вопрос, скажите, пожалуйста, вы не знаете о попытке этого кружка Римского-Корсакова войти в переговоры не только с князем Голицыным, но и с Протопоповым, министром внутренних дел того времени?

Маклаков. — С Протопоповым говорили об этом, но ему не очень верили. Говорили, что гораздо вернее это сделать с Голицыным, потому что все время ждали ухода Протопопова.

Председатель. — Ему не верили, а сам он как относился к этому проекту?

Маклаков. — Большинство на него смотрело, как на больного человека, с прогрессивным параличом, и те, кто у него бывал, приходили к таким же заключениям.

Председатель. — Чем же объясняется, что, смотря на него так, никто не старался, чтобы он оставил свой пост? Если на него так смотрела даже правая группа, значит, так же сметрел и князь Голицын?

Маклаков. — Князь Голицын, насколько мне известно, не предпринимал много шагов в этом смысле, равно как и Трепов, который ставил условием дальнейшей службы... Так что, относительно Протопопова была очень определенная точка зрения, и никакого значения в общем сцеплении игры с правой группой он не имел, насколько мне известно.

Председатель. — Вернемся значительно назад, к вашему назначению.

Маклаков. — Вы мне позволите, простите, я перебью... Относительно того, кто способствовал, я должен опять повторить, совершенно по чистой совести, что мне кажется, никто не способствовал.

Председатель. — Вы это сказали, не будем повторять. Скажите, какую роль сыграли в вашем назначении Нарышкина и люди, ее окружавшие.

Маклаков. — Нарышкину я знаю давно, она рожденная Чичерина, живет в Тамбове, большая благотворительница и никакого политического значения не имеет. Часто даже в газетах об этом писали: смешивают ее с Нарышкиной, которая была статс-дамой императрицы. С той Нарышкиной я, может быть, два-три раза виделся.

Председатель. — А какое отношение имела статс-дама Нарышкина к кружку князя Мещерского?

Маклаков. — Ни малейшего отношения. А та Нарышкина, о которой я говорю, она, действительно, старый друг, и я этой зимой к ней ездил. Это дало повод газетам написать, что я получаю новое назначение, благодаря ее помощи.

Председатель. — Т.-е. какое новое назначение?

Маклаков. — Не знаю. Так было сказано в газетах: «получает новое назначение». Эта Нарышкина живет в Тамбове, ей около 70 лет. Я, между прочим, душеприказчиком у нее состою. Я только на праздниках мог к ней выбраться. Ту Нарышкину, может быть, раза два-три видел, официальные были визиты.

Председатель. — Вам не приходилось высказываться в совете министров по вопросу о войне, в смысле вашего непонимания смысла этой войны?

Маклаков. — Никогда в жизни.

Председатель. — Так что вы не помните случая, когда бы вы обнаружили так называемые германофильские взгляды?

Маклаков. — Это тоже злостная клевета по отношению ко мне. Утверждаю, никогда этого не было. Один сын мой пошел туда вольноопределяющимся, другой уходит, третий на войне.

Председатель. — Вы изложили перед комиссией свое отношение к существующему государственному порядку. Вы сказали, несколько идеалистически объясняя этот порядок, как порядок самодержавный, что вы были сторонником существующих властей

и учреждений, стало быть, сторонником функционирования государственной думы и государственного совета. Выражалась эта точка зрения в ваших вотумах в совете министров, когда шел вопрос о том, распустить думу или дать ей продолжать работать?

Маклаков. — Да, да. Два раза, в бытность мою в совете министров, возбуждался вопрос относительно роспуска.

Председатель. — Мы будем говорить не только о роспусках, но и о прекращении занятий государственной думы, ибо были сторонники той точки зрения в составе правительства, что, в сущности, не нужно принимать радикальных мер — роспуска и назначения новых выборов, что великолепно устраивают систематические перерывы занятий государственной думы, потому что одинаково в том и в другом случае, думы нет. Так что мы будем говорить о перерывах занятий государственной думы так же, как о роспуске.

Маклаков. — Так в этом смысле, до 1915 года, до тех пор, пока я был в совете министров, этот вопрос возбуждался только в смысле временного перерыва занятий.

Председатель. — Но как вы относились к этого рода временным занятиям?

Маклаков. — Я подавал свой голос за перерыв занятий. А последнее время был в группе разговор относительно последнего, 1917 г. Я тогда так высказался: либо продлить полномочия, либо роспуск, а не перерыв.

Председатель. — Вы высказывались в группе государственного совета?

Маклаков. — В группе, только в маленькой.

Председатель. — В составе совета министров было две группы. Одна группа министров желала работать с государственной думой, а другая желала работать без думы. Вы к какой из этих двух групп принадлежали?

Маклаков. — Я ко второй принадлежал. И, если можно будет так сказать, не потому, что я не желал, а меня не желали. Это было настолько очевидно и ясно, настолько определенно...

Председатель. — Простите, этот вывод нелогичен. Если у вас есть некоторый принципиальный взгляд на дело, ваше отношение к думе должно определяться не отношением лично к вам гос. думы. И если гос. дума не желала с вами работать, а вы были сторонником работы гос. думы, то тогда нужно было уйти не думе, а вам, не правда ли?

Маклаков. — Я так и понимал, и потому хотел уйти. Я понимал так потому, что для меня было совершенно ясно, что я сам виноват был во многом, что создались такие предвзятые отношения.

Председатель. — Как же понимать ваш ответ? Вы говорите: я принадлежал к той группе в совете министров, которая желала работать без думы, потому что дума не желала со мной работать. Если же вы сторонник работы с думой, отсюда вывод, что сторон-

нику думы нужно уйти. Тем не менее, вы делали вывод, что дума должна уйти.

Маклаков. — Позвольте внести поправку. Я не высказывал и не проводил моего взгляда, что нужно, чтобы думы не было, но когда возбуждался вопрос, как поступить, что желательней было бы, — я высказывался, чтобы она не функционировала, чтобы был перерыв; и вызывалось это, ясно, теми соображениями, как следствие из причины, выходящими: когда собиралась дума, поднималась очень быстро атмосфера, потому что правительство, действительно, давало к этому повод; столько Ахиллесовых пят было, такой у нас был непорядок в постановке всего хозяйства; благодаря тому, что все разваливалось и крупные военные события надвигались, получилась картина совершенно хаотическая. Мы ее ощущали вполне.

Председатель. — Отчего вы не сделали вывода, что, если у правительства Ахиллесовых пят много, то Ахиллесу с пятой нужно уйти и дать место тому правительству, которое могло бы работать с народным представительством?

Маклаков. — Простите, я считаю, что подбор у нас был такой, и я в числе таких, которые не подошли, которые не справлялись с делом. Я не говорю, что система была плоха... Мне казалось, что сама система правления имеет больших сторонников в стране; но те или другие отдельные лица вносили с собой в крупные отрасли государственного хозяйства беспорядки крупнейшие; эти беспорядки отзывались на всем течении государственной жизни. Когда я подходил к министерству внутренних дел и его задачам, до такого симплитизма дошли во время войны: контингент новобранцев, а засим — поддержание государственного порядка, в величайшей степени трудная работа. Так что в области министерства внутренних дел больше всего сказывались непорядки во всех других отраслях; например, в транспорте. Неудовольствие думы перекидывалось в широкие круги...

Председатель. — Но вывод какой?

Маклаков. — Вывод такой, что за последний год я два раза просился уйти.

Председатель. — Но вотировали за роспуск думы?

Маклаков. — Я думал, что это необходимо; когда так сгущалась атмосфера, мы подходили к взрыву, которого можно было избежать эволюционным способом; и поэтому, мне казалось, что в думе появлялся фактор страшного обострения чувствительности, и настроение населения...

Председатель. — Но вам, как министру внутренних дел, было известно, что страна и армия держатся за думу. Держатся не за вас, не за Горемыкина, а держатся за думу. Роспуск думы не мог не произвести — это говорили вам ваши агенты — сильного впечатления на страну и на армию. Армия отражает нашествие

неприятеля, страна — тыл армии, не правда ли? Как же вы ко всему этому относились, когда вотировали в совете министров за отсрочку думы?

Маклаков. — Да, этот вопрос был, опять я не отстаиваю эту точку зрения, а я только объясняю ее: как к пороховому погребу спичку подносить. . .

Председатель. — Т.-е. кто же пороховой погреб и кто спичка? Это вы, распуская думу, подносили спичку к пороховому погребу.

Маклаков. — Это так вышло, совершенно верно, но когда я голосовал в этом смысле, я не то думал. Я считаю, что все, что страшно повышает настроение армии и всей страны, что расстраивает армию и волнует ее на позиции, временно должно быть удалено; потому что последствия этого страшные. Мне кажется, редакция отчета думских заседаний, где были резкие и часто беспочвенные нападки на правых, создавала такое впечатление, что армии нельзя было спокойно стоять на позиции.

Председатель. — Но вы не считали, что реляция о роспуске думы произведет не меньшее впечатление на армию?

Маклаков. — Нет, я не думал о том.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, как в ваше время, когда вы были министром внутренних дел, распускали думу? Были у Горемыкина бланки бывшего императора, куда он имел право внести число роспуска думы?

Маклаков. — Да, да. Я никогда их не видал, но кажется, что это право было дано, — с самого начала до последнего времени.

Председатель. — Т.-е. с начала нашей конституционной эры. Значит, это делалось вне зависимости от того, жил император в Ставке или в Царском Селе. Вы говорите, что это делалось до войны?

Маклаков. — Насколько мне известно. Я извиняюсь, что утверждать не могу, но, кажется, так было всегда.

Председатель. — Да, вы министром-президентом не были.

Маклаков. — Засим, это делалось всегда помимо министра внутренних дел.

Председатель. — Следующий вопрос я хотел бы вам задать, как свидетелю: как в вашей голове и в голове товарищей ваших по кабинету это укладывалось: когда объявляется высочайший рескрипт, за подписью тогдашнего главы верховной власти, императора Николая II, страна думает, что, соответственно закону, государь император решил, взвесив, так сказать, разные обстоятельства дела; может быть из-за шероховатостей между министерством и думой, «за благо рассудил» думу распустить. Между тем, фактически выходит, что за время войны, именно из-за шероховатостей, как вы говорите, между думой и министерством, дума распускалась, а министерство оставалось. В действительности же,

это самое министерство, или глава министерства, как раз и распускает думу, которая с ним спорит; так что, получается как будто полное извращение?

Маклаков. — Техника этого дела такова, что в большинстве случаев государя при этом не было ни в столице, ни в Царском Селе; либо он в Крыму пребывал, либо в армии: председатель совета министров докладывает, что идут такие-то обострения, что они отзываются очень тяжело на настроении. Я не присутствовал при докладах, но Горемыкин, я знаю, указывал на то, что едва ли такое настроение благоприятно отразится на армии, которой предстоят тяжкие испытания, что если так пойдет дальше, если настроение не сдаст, не уляжется (может быть, это только первые дни тяжелы), то тогда, пожалуй, придется распустить. Вот, смысл такой. Тогда государь давал ему полномочия своим именем постановить то или другое, т.-е., в данном случае, доверял мнению председателя совета министров.

Председатель. — А не известен вам случай, когда эти бланки, выданные на время одной думы, переживали ее и переносились на другую?

Маклаков. — Не могу этого вам сказать.

Председатель. — Вы были в совете министров, когда в начале войны 24 июля, был подписан бывшим императором указ на имя И. Л. Горемыкина; этим указом целый ряд функций верховной власти передавался совету министров. Что вам известно о том, как подписывался этот указ монархом?

Маклаков. — Государь хотел поехать с самого начала войны в армию — командовать. Потом, в совете, где я принимал участие, этот вопрос подробно обсуждался, и все министры, кроме Сухомлинова, и я в том числе, отговаривали его величество это делать. Государь сказал тогда, что, хотя ему это очень тяжело, но он подчиняется нашему решению; а затем сказал: «В виду того, что это не окончательное мое решение и впоследствии оно может быть изменено, я бы хотел, чтобы совет министров обсудил, какие дела могли бы разрешаться помимо моего участия; если даже я не приму командования, я буду все время разъезжать и осматривать войсковые части, лазареты, часто буду отлучаться надолго из Петрограда». — Было поручено обсудить этот вопрос. Принимал участие в его решении, главным образом, государственный секретарь Крыжановский, а затем был составлен конспект тех дел, которые почитались, с точки зрения совета министров, не существенными и не важными. Он был обсужден, а затем, по внесении самых ничтожных исправлений, не помню каких, был представлен на рассмотрение государя, и государь согласился.

Председатель. — Очевидно, министерству внутренних дел также приходилось пользоваться этим указом; проводя через совет министров некоторые свои дела, следовало довершить их

путем доклада бывшему императору; а этот доклад и, значит, утверждение императора, заменялось вотумом совета министров?

Маклаков. — Очень мне трудно сказать. Я не хочу сказать чего-нибудь мало-мальски неверного. Ведь теперь — год десять месяцев, как я ушел. Может быть, были, может быть, нет такие дела. Но лично я все время придерживался прежнего порядка. При мне были все время всеподданнейшие доклады государю до июля месяца, пока он не принял командования.

Председатель. — Крыжановский в среде правительства считался специалистом юристом. Он — творец закона 3-го июня. Как он аргументировал перед советом министров, на чем он основывал возможность издания такого закона, когда нужно было совершить coup d'état?

Маклаков. — Я не сумею вам сказать. В вашем присутствии очень трудно отвечать на эти вопросы. Я по образованию филолог-историк, в области юридических вопросов я всегда чувствовал себя слабым. Мне это даже служить мешало, так что в эти дебри я никогда не пускался. Это уж совет решал. Когда мне лично приходилось затрагивать этот вопрос, я поневоле погружался.

Продседатель. — Тогда И. Г. Щегловитов был министром?

Маклаков. — Он в этих вопросах считался главным лицом.

Председатель. — По части «законности». Скажите, этот указ или проект указа, должен был пройти по журналам совета? Мы его найдем там?

Маклаков. — Я в этом уверен. Это без высочайшего соизволения не могло быть проведено.

Председатель. — Мы уже несколько коснулись вашего личного отношения к правым группам; официальные группы государственного совета меньше нас интересуют, нежели эти неофициальные кружки. Мне хотелось бы спросить вас о политике министерства по отношению к правым организациям.

Маклаков. — В то время, когда я был у власти, это было очень слабое место; это область сплошного разочарования, должен сказать; одним словом, если бы вы могли присутствовать в министерском кабинете в течение двух с половиною лет, — как входили, зачем, с какими вопросами приходили — в сущности, это была одна грусть. Я сочувствую принципам в чистом виде, потому что исповедывал их с самых юных лет. Я, по крайней мере, не безнадежно смотрел на самый строй, а смотрел безнадежно на людей, которые занимали те или другие места. Зачастую приходили просить денежной помощи, субсидии. Потом начиналась бог знает какая грязь, друг на друга взводили обвинения, разобраться не было возможности, грызли друг друга, разногласия и клевета выступали в печати. Одним словом, получалось впечатление такого чада, что иной раз думалось — лучше бы не было того, что было.

Председатель. — Почему это не останавливало вас, как министра внутренних дел? Почему, по инерции, а может быть, и без инерции, продолжались эти субсидирования, в особенности правой печати?

Маклаков. — Этот вопрос проходил через совет министров. Я его получил совсем готовым, не я его обосновал. Во время моего управления министерством я напирал, главным образом, на «Сельский Вестник». Думал, что в этой области было сделано что-нибудь полезное. Мы расширили эту сторону работы. Что касается других субсидий, то здесь, при помощи очень почтенного, чистого и порядочного человека, который теперь лежит в гробу, графа Татищева, заведывавшего печатью, много было изменено, сравнительно с тем, что было до нас. Я получил дело в очень печальном положении, потому что деньги тут сорились без конца, и сорились, между прочим, потому, что появилось ad hoc; образовались разные бюро печати, которые должны были составлять публицистические статьи, освещающие те или другие современные события. Вам не безызвестно, что часть их перебивается с хлеба на воду, просуществует с год и уйдет, оставив долги. Другое появится, в расчете, не удастся ли получить каких-нибудь сумм, и т. д. В конце концов, они с удовольствием хватали готовый материал, который позволял им обходиться без местных, дорого стоющих сотрудников. Эти организации очень много стоили казне, и мы их совсем похерили; с сорока или шестидесяти тысяч, я сейчас боюсь сказать, свели до пятнадцати тысяч. Субсидий уже не выдавали, а давали ворох материала, из которого газеты выбирали; и в этом скоро разочаровались, потому что газеты такого рода успеха не имели. Когда я потребовал себе справку о тираже газет (потому что не количество расходуемых денег, а количество расходуемых экземпляров могло представлять интерес для решения вопроса о том, печатать или нет), то цифры оказались прямо уничтожающие: две, три тысячи подписчиков. Из этих газет, наиболее субсидированной до сих пор оставалась «Земщина». Ее Макаров получил от Столыпина. Затем Коковцов, на первых порах, домогался в разговоре со мной, нельзя ли исключить «Земщину», потому что там шла довольно недвусмысленная травля на него самого, когда он был председателем совета министров. Тогда мне пришлось поговорить о субсидии и обо всем. Коковцов просил не сокращать сумму, но наблюдать за ней. Это было введено в рамки, неблагопристойные выпады соблазнительного характера были оставлены. Из провинциальных газет большой орган была газета «Киев».

Председатель. — Но ведь на это тратились сотни тысяч?

Маклаков. — Да. Я получил, кажется, 700 тысяч. Позвольте мне доложить, как эти деньги тратились по общему правилу — к этой области я всегда щепетильно относился; отпускались сотни

тысяч в бесконтрольное распоряжение министра внутренних дел, на полицию, на печать, на пособие лицам, потерпевшим житейское кораблекрушение. Все, что касалось департамента полиции и полицейской части, проходило через руки человека, которому я всегда верил, — это Джунковский, бывший мой товарищ по должности. Он в год раз представлял мне отчет, который я представлял государю; четыре раза в год мне докладывал директор департамента полиции — в то время был Белецкий. Эти суммы проходили мимо меня.

Председатель. — Этого нельзя сказать, что не через вас проходили.

Маклаков. — Я говорю, что ассигновок не писал, в этом смысле передоверялись мои полномочия. То же самое и с печатью — эти дела ведал Татищев, который ежемесячно доставлял сведения.

Председатель. — Вам было известно, по этим докладам, что в целом ряде случаев, получение на издание газет, в сущности, сводилось к получению под предлогом газет, которые или вовсе не издавались, или издавались только в количестве нескольких номеров, для того, чтобы вам эти номера представлять? Как вы относились к этой форме траты так называемого рептильного фонда?

Маклаков. — «Земщина» представляет крупный пример. Кажется, три четверти выдававшейся субсидии идет на газету, а четверть — на поддержание правых организаций. Эта цифра была сокращена. При Столыпине была крупнее. Второй орган был — издание Пуришкевича. Я его очень поддержал, т.-е., когда оно осталось у него на руках, я его купил. Это — «Книга русской скорби»; было мое личное указание — не выдавать деньги прямо в руки, а взять за лежалый товар. Затем, ежемесячно, выдавалось из министерства внутренних дел по 5 тысяч в месяц на галичан, без всякого отчета. Когда я об этом вел разговор с председателем совета министров, Коковцов говорил, что есть более крупные дела, чтобы я оставил это, потому что порядок уже заведен и все-таки известная польза от него имеется. Польза предполагалась в том, что на местах поддерживаются очаги благоразумного, уравновешенного, спокойного, благожелательного к правительству отношения.

Председатель. — Вам не известно, что фактически было совершенно обратное? Что вместо благоразумного и спокойного отношения, в некоторых случаях население растравлялось?

Маклаков. — Здесь кто-то меня спросил об Орлове. Я от него отнял субсидию.

Председатель. — Но в газетах, например, шло натравливание на евреев, и т. д.

Маклаков. — Относительно еврейского вопроса — определенные указания давал Татищев.

Председатель. — Травить?

Маклаков. — Нет, этого никогда в жизни не было; скажу больше: когда я был губернатором в Чернигове, предполагался погром; после смерти Столыпина он уже висел в воздухе; а слободка входит в район черниговской губернии. Трепов, который был генерал-губернатором, телеграфировал мне, что ожидается погром: «сделайте все, что можно». Были приняты меры, и никто даже не подумал, что погром возможен. Мне всегда обидно слушать, что можно было предполагать. . .

Председатель. — В некоторых случаях, субсидированные газеты занимались травлей и без директивы из центра.

Маклаков. — Бывало. Тогда я вызывал редактора. Бывали даже случаи, что мы налагали на правые газеты взыскания, и субсидируемые нами газеты штрафовались.

Председатель. — В сущности, они платили вам из тех денег, которые вы одной рукой давали, а другой брали?

Маклаков. — Мы направляли дело не туда, куда хотели, и помогали развиться тому, с чем хотели бороться.

Председатель. — Вы говорите, что Орлова лишили субсидии; но Орлов получал не на газету, ему просто давали полторы тысячи.

Маклаков. — Ему давали из министерства путей сообщения. У нас по этому поводу была небольшая переписка с Рухловым, который ему верил, и говорил, что Орлов в 1906 году предотвратил очень крупные железнодорожные затруднения. Деньги ему давали в 1905 г., а я застал другое: были выборы в государственную думу, я тогда был губернатором. В Москве есть Марьина роща, там была масса избирателей, и он наобещал им турусы на колесах, но, в конце концов, обманул их и всю Марьину рощу поставил на дыбы. Они проклинали правительство, и строй, и Орлова. Орлов напутал так, что трудно было разобраться. После этого у меня был с ним серьезный разговор.

Председатель. — И вы лишили его субсидии. А вам известно, что он при ваших преемниках начал получать снова?

Маклаков. — Не знаю, я его видел только раз.

Иванов. — Вы изволили указывать, что вы неохотно расходовали суммы на выдачу пособий монархистским организациям, а Орлову даже отказали. Может быть, вы припомните, что в 1913 году он обратился к вам с просьбой о снабжении его литературой, и вами была дана резолюция вызвать Орлова и снабдить его деньгами. Как раз обратное.

Маклаков. — Позвольте, какими деньгами? Об этом можно навести справку.

Иванов. — Вы не помните?

Маклаков. — Я помню, он обивал пороги без конца.

Председатель. — Значит, помните вы или нет?

Маклаков. — Не помню, но и не отрицаю этого. Может быть, я и дал деньги; но, во всяком случае, он получил гроши.

Председатель. — Как же примирить это с вашим объяснением?

Маклаков. — Хронологически. Вы говорите, что это было в 1913 году. Я только что вступил.

Председатель. — Позвольте считать, что ваш ответ будет такой: это, повидимому, было, но до того, как вы его лишили субсидии.

Маклаков. — Раз есть моя отметка, значит так было. Но я начал службу в январе 1913 года.

Олышев. — Тут есть вопрос относительно суммы. Вы вступили в управление министерством внутренних дел в декабре 1912 года, тогда общий расход был 366.230 р., а в 1913 году он значительно возрос.

Маклаков. — Он не возрос; я получил сумму разасигнованною, вы увидите.

Председатель. — Когда вы были, сумма была 825 тысяч.

Маклаков. — Я вам докладываю — около 700 тысяч.

Председатель. — Вы говорите — было бюро, циркуляры которого с удовольствием печатали, чтобы не платить сотрудникам «бюро русских журналистов» 64 тысячи?

Маклаков. — Какой-то профессор был во главе.

Председатель. — А на что член государственной думы Бобринский получил 60 тысяч?

Маклаков. — На «Галицкую Русь». Он чуть в тюрьму не попал из-за этого. Он в пользу России вел пропаганду на православной почве. Эти деньги отпускались при покойном Столыпине.

Председатель. — А Степанова-Дезобри?

Маклаков. — Ее я вычеркнул, потому что до меня дошли сведения, что она или ее муж, или близкий ей человек, ведет крупную игру на тотализаторе на бегах или на скачках, что тут прямой шантаж.

Председатель. — А вам неизвестно было, что она в начале войны заняла точку зрения на войну, совершенно особливую?

Маклаков. — Я ее никогда не видал.

Председатель. — Но, может быть, вам докладывали?

Маклаков. — В мое управление она никакого интереса не представляла. А происхождение ее субсидии вот каково: она придавала себе большое значение, т.-е. говорила, что имеет вес среди заводских рабочих. И будто бы — я опять передаю то, что мне докладывал директор департамента полиции — будто бы, она предупредила покойного Столыпина о том, что на него готовится покушение; и что она осведомлена о всех крайних террористических кругах. После того, как это оправдалось (тогда был взрыв на Аптекарском острове), он назначил ей как бы пенсию, чтобы

она могла быть попрежнему осведомлена о том, что происходит в этих революционных низах.

Председатель. — Так вам докладывал Белецкий?

Маклаков.— Да; а когда я вступил на пост, мне было доложено об ее игре и об ее образе жизни, и я вычеркнул ее совсем из списка получающих деньги.

Олышев. — Тут есть письмо, она писала Татищеву. Может быть, вы забыли. Может быть, вы раз отказали, а потом восстановили?

Маклаков. — Скажите, в котором году это было?

Олышев. — Она пишет в 1913 году, что ей было отказано при вашем вступлении, а потом возобновили.

Маклаков. — Если это было вначале, то может быть, и было выдано.

Председатель. — Оглашается письмо от 13 мая 1913 г. за подписью Степановой-Дезобри: «Ваше сиятельство, Сергей Сергеевич. Позволяю себе обратиться к вашему сиятельству с этим письмом по следующему поводу: при покойном Петре Аркадьевиче, а также и при А. А. Макарове я получала известные суммы, последнее время 300 р., на поддержку моей деятельности среди рабочих. При вступлении на пост министра Николая Алексеевича Маклакова эта поддержка сначала была прекращена, а затем была снова возобновлена. Этот месяц я ничего не получила и убедительно просила бы ваше сиятельство не отказать мне дать ответ, надо ли считать, что поддержка эта совершенно прекращена или почему-либо временно задержана.

Ваше сиятельство, убедительно прошу вас не откажите мне в ответе, потому что мое положение сейчас самое невозможное — у меня квартира, общество, которое существовать без поддержки не может, и мне необходимо знать, могу ли я продолжать дело или должна его ликвидировать.

Еще и еще раз убедительно прошу исполнить мою просьбу. Телефон и адрес мой знает Мень. . . (следующие буквы фамилии не разборчивы).

Примите уверение в моем глубоком уважении и преданности.

В. Степанова».

Маклаков. — Мне помнится, было указание, чтобы прекратить.

Председатель. — А члену государственной думы Ветчинину за что 15.000 платили?

Маклаков. — Ему и члену государственной думы С. Н. Алексееву выданы были деньги на устройство газеты «Голос Руси» в Петрограде. Алексеев и сейчас продолжает ее вести, а Ветчинин ушел. Он после меня был назначен губернатором.

Председатель. — А протоиерею Востоpгову?

Маклаков. — Для ликвидации тех счетов, которые у него были с министерством. Он получал около 120 тысяч в год до меня, на распространение церковной и душеспасительной литературы. Был маленький журнал «Ведомости», который он и при мне продолжал издавать. Когда мы с Татищевым свели сначала на 30 тысяч, а потом на шесть, то поднялись с его стороны страшные жалобы. Он говорил, что разорен. Было такое положение: Макаров ушел в конце декабря, суммы на 1913 год были уже разверстаны. Я приезжаю в конце 1912 г. и получаю очень маленькую сумму, какая осталась, плюс обещание Татищева, что они имеют получить то-то и то-то. Я был в очень тяжелом положении: когда мне пришлось менять распоряжение моего предместника, посыпались большие жалобы, неприятности, и в числе недовольных был протоиерей Восторгов: мы дали 12 тысяч после большого торга между ним и Татищевым...

Председатель. — Затем здесь сказано кратко: «Пуришкевичу — 4.000».

Маклаков. — Сейчас скажу. Извините, если ошибусь, но я знаю, это он выкупил дом русского собрания — просветительное учреждение. Там предполагались всевозможные чтения, и он прямо ради бога просил, потому что дом должен был итти с молотка. Если не ошибаюсь, это было в конце года.

Председатель. — Затем, идет бюро Петцольд и бюро Бэм.

Маклаков. — Эти крупные организации свели к мелким. Были такие, которые распространяли литературу по провинциям...

Председатель. — Орловский губернатор вам стоил 1.700, Иркутский — 1.200.

Маклаков. — Орловский губернатор... Там издавалась какая-то газета, которая потом уже не получала. Один год мы давали, потом вычеркнули. Этот список — результат моего торга с теми, кому уже было обещано. А второй год мы повели дело на чистоту, все получили заблаговременно извещение, что больше не получат.

Председатель. — А вот тут Животовский — 215 тысяч.

Маклаков. — Животовский был издателем газеты «Россия», которая при мне была закрыта. Я сделал доклад совету министров, здесь была маленькая неприятность, потому что я вторгся в чужую область. Тут был очень заинтересован Гурлянд, он все время поддерживал существование «России», а когда вступил Горемыкин, я говорил ему об этом, совсем забыв, что дело касается председателя совета министров. Я доложил государю, что надо закрыть газету, никто ее не читает, а стоит она очень дорого. Горемыкин, узнав об этом, был очень недоволен.

Председатель. — А Шабельская-Борх?

Маклаков. — Она при мне получала субсидию на газету «Свобода и Порядок», мы наводили справки, тоже 2 — 3 тысячи подписчиков. Но Шабельская-Борх была добросовестнее.

Председатель. — Почему выдача денег Шабельской - Борх обставлялась секретом, в смысле хранения росписок? Еще других услуг она не оказывала?

Маклаков. — Нет.

Председатель. — А французской прессе платилось?

Маклаков. — Я никому не платил. Я платил только — был Башмаков, издавал газету в Париже.

Ольденбург. — Издавалась здесь.

Председатель. — А на французскую прессу в Париже, на «Фигаро»?

Олышев. — «Фигаро» получил 303 руб.

Маклаков. — В этой области была большая неразбериха, т.-е., когда я ушел, немножко осветилось. Постоянные смены. . .

Председатель. — Не будем растекаться в мелочах.

Ольденбург. — Если я вас верно понял, вы сказали, что испытали разочарование по отношению к субсидиям всей этой прессе. Вы испытали разочарование, как министр внутренних дел и, вероятно, это вылилось в форме какого-нибудь доклада, который был внесен в совет министров для того, чтобы печальная практика прекратилась, для того, чтобы те преемники, которые могут быть у вас, могли бы воспользоваться вашим опытом? К сожалению, мы замечали, что при ваших преемниках, эти субсидии не только не уменьшались, а, напротив, возросли. Чем объяснить, что, несмотря на то, что вы так категорически утверждали, что это был неправильный способ расходования государственных денег, вы, повидимому, все-таки не предприняли ничего, чтобы способствовало реальному прекращению дела? Или доклад этот где-нибудь существует, и мы можем ознакомиться с ним?

Маклаков. — Я сейчас докладывал председателю по этому поводу. По-моему, непременно, раз имеется крайность в одну сторону, должна быть крайность и в другую сторону. Я думал о литературе, что она может сослужить какую-то службу. Но по мере того, как я постепенно приходил к ликвидации всего, что было налажено. . . Вы спрашиваете, был ли какой-нибудь доклад? Мне мешал какой-то рок, мешал потому, что скончался Татищев, с которым мы могли обсуждать это. Решать надо было до наступления момента, пока суммы не распределены. А тут все приходят и спрашивают: получу ли я на будущий год субсидию? Я полагаю, что до наступления нового года надо это решить. Раз система обозначилась, она должна быть введена. И вот, в один из этих периодов, я лишился своего сотрудника. Потом подошла война. . .

Ольденбург. — Я все-таки верно понял, что у вас выработалось принципиальное отношение. Не могу не удивляться, что вы, как министр внутренних дел, не сочли нужным закрепить его чем-нибудь, чтобы прекратить пагубное расходование крупных народных

денег. Казалось, что при таком взгляде, который вы развиваете, вашей обязанностью было принять известные меры к тому, чтобы прекратить и не возобновлять. Между тем мы замечаем, что практика продолжала усиливаться, так что опыт, который вы получили, как министр внутренних дел, не повлиял, в данном случае, благотворно на ваших преемников.

Маклаков. — Относительно преемников, я не знаю. Но относительно себя, позвольте подчеркнуть одно: до меня субсидировалось бесконечное количество листков и газет повсюду. По мере того, как я убеждался в совершенной их бесполезности, мы пришли к первоначальному решению, что нужно организовать одну общую, большую газету, которая могла бы заменить все листки. Между прочим, с этой целью была ликвидирована «Россия», которая занимала такое бесцветное положение.

Председатель. — Какое положение? Бесцветное?

Маклаков. — Бесцветное, совершенно бесполезное. И мы думали соединить все имеющиеся деньги в одном крупном предприятии для издания газеты. Но так как это страшно трудно сделать, то мы перешли к этому постепенно: маленькие отбросили и стали субсидировать несколько крупных. Если они жизнеспособны, они сами себя оправдают. Так мы субсидировали новую газету Ветчинина и Алексеева «Голос Руси» и газете «Киев» в Киеве давали большую субсидию.

Ольденбург. — Но все-таки вы не проявили этого в форме какого-нибудь постановления или доклада совету министров?

Маклаков. — Мы шли... Это было указано начальнику главного управления...

Олышев. — Но если вы были против этого, как объяснить безусловное увеличение расходов? Так: в 1912 году—600.000 руб., в 1913 — 800.000 руб., в 1914 — слишком 900.000 руб., в 1915 — 1.000.000 руб., в 1916 — 1.600.000 руб; как видите, сокращения не было. Вы, может быть, сокращали, но нисколько не стеснялись деньгами. Вы «Киеву» дали 60.000 руб. и посылали их губернскому предводителю дворянства Безаку и Стельмашенко?

Маклаков. — Одному Безаку.

Олышев. — Не понимаю этой тенденции расширения.

Маклаков. — Я не против того... Я говорил, что если бы можно было создать большой орган с крупными силами... Если бы он даже дорого стоил...

Олышев. — Теперь я вас понимаю.

Маклаков. — Можно мне сказать? Я боюсь, чтобы не вышло недоразумения. О Дезобри я категорически утверждаю, что она не получала из моих сумм. Я должен доложить Комиссии, что директор департамента полиции имеет свои собственные суммы. Так что, может быть (я не уверен в этом), она получила оттуда. Это мелочь, которая легко могла забыться.

Председатель. — Вам известно, что за Дезобри-Степановой стоит группа, так называемой, активной борьбы с революцией?

Маклаков. — По докладу Белецкого. Я это просматривал. Если б я мог вам показать, сколько министр получает писем с указанием, когда и что с ним будет сделано. У нас вошло в обычай, что канцелярия все письма сжигала, потому что никогда ничего не подтверждалось.

Председатель. — Значит, вы только по докладу Белецкого знали о связи Дезобри с группой активной борьбы с революцией? Скажите, какая разница между безотчетными деньгами, выдаваемыми из рептильного фонда, и безотчетными деньгами, которые выдавались из средств департамента полиции?

Маклаков. — Департамент полиции имел свои огромные суммы. Тут вопрос прямо о миллионах идет, если считать содержание охранного отделения, агентуры, которая была сокращена до крайних пределов, жандармского управления; сам он получал авансом двенадцать тысяч. Вся чисто полицейская работа оплачивалась департаментом полиции. Что касается того фонда, о котором вы говорили, то он имеет специальное назначение — борьбу так сказать, с революцией в области чисто идеологической, в области, ну, просветительной, нельзя сказать; ну, одним словом, в области не полицейской борьбы, а революционных убеждений.

Председатель. — Не будем касаться убеждений, а будем говорить просто: фонд предназначался для субсидирования периодических изданий, которые поддерживали политику правительства?

Маклаков. — Да, да, но я считал — не политику правительства, а политику верности монархическим принципам.

Председатель. — Ведь вы знаете, что монархистами в последнее десятилетие старого режима назывались, собственно, группы, которые отрицали существующие законодательные учреждения; у вас, как вы сказали, были несколько другие мысли. Вы считали, что существование законодательной думы и совета не устраняет самодержавия. — Вам неизвестно, чтобы министерство внутренних дел, из сумм рептильного фонда или департамента полиции, поддерживало какую-нибудь рабочую организацию?

Маклаков. — Я знаю, в последнее время это делалось. Дезобри получала при Хвостове; но при мне этого не было, потому что область рабочая... Вот единственный мостик, который был: это — Шабельская, она утверждала, что есть масса элементов, так сказать, неспокойных. Ее газета, если вы когда-либо в глаза видели, она не крайнего совершенно направления, она была среднего.

Председатель. — Перейдем к такому вопросу: что было вам известно, по должности министра внутренних дел, о том, что департамент полиции и подведомственные ему органы пользуются

услугами, так называемых, секретных сотрудников, т.-е. провокаторов, и как вы относились к этому?

Маклаков. — Вот, мне кажется, единственный пункт, на котором, если бы я мог говорить открыто, я встретил бы поддержку в думе. Это первое, что мы сделали, когда товарищем поступил Джунковский. Я давно знал его лично, у нас были добрые отношения. Мы, прежде всего, занялись чисткой состава и наблюдением за политическим и общечеловеческим нравственным цензом служащих там.

Иванов. — Где — там? В департаменте полиции и корпусе жандармов?

Маклаков. — Да. Там крупную чистку произвели и, между прочим, много врагов осталось, потому что такие корифеи есть... имена их вы знаете, им пришлось оставить службу. Герасимов был при мне удален; потом — Комиссаров; они, как раз, олицетворение этой системы, которую я в корне отрицал; это не фраза, я могу подтвердить документальными данными, что при всех арестах, которых было очень мало в бытность мою министром, не было случая, чтобы арестованный вдруг скрывался и исчезал. Агентов у нас не было; наблюдение могло быть наружное, а не внутреннее, т.-е. не было соучастничества в преступлениях, которое дало бы возможность ближе подойти к его раскрытию.

Председатель. — Так что, вы утверждаете, что при вас не было секретной агентуры?

Маклаков. — Нет, этого я не говорю. Мы ликвидировали ее постепенно. Заграничную агентуру мы перекроили настолько, что подали записку государю...

Председатель. — Но перекройка платья—есть участие в создании платья.

Маклаков. — Красильников, который заведывал этим, глотал массу денег и считался специалистом по агентурной работе во всей Европе, кроме России. Джунковский поехал заграницу, произвел расследование и свел до ничтожных размеров деньги, которые он получал. Мы не могли сделать этого по службе, мы должны были освещать заграничное настроение. Но система была совершенно другая. Все сотрудники потом исчезли, часть из них была разоблачена Бурцевым в его записках, так что Бурцев, в значительной степени, шел по нашим следам.

Председатель. — На мой вопрос вы, таким образом, утверждаете, что у вас не было секретных сотрудников, но вы ответили: «нет, этого утверждать не могу». Значит, у вас были секретные сотрудники?

Маклаков.—Да, но наблюдали совсем немножко, а так—не было.

Председатель. — Вы говорите, что при вас никто не скрывался от ареста. А вам самому не приходилось кого-нибудь укрывать от ареста или вызволять?

Маклаков. — Был один такой случай. Я получил его в наследие. Было такое дело Шорниковой, она известна в связи с делом о депутатах социал-демократах.

Председатель. — Это — по делу социал - демократической фракции второй думы?

Маклаков. — Эта Шорникова скрывалась, должна была быть арестована, потому что над ней тяготело преступление.

Председатель. — О ней была розыскная ведомость. Она была включена в список лиц, которые подлежат задержанию?

Маклаков. — Да. В один прекрасный день, эта Шорникова пишет письмо директору департамента полиции (кажется, и мне писала), что умирает с голоду, что совершенно не может существовать, что ее никто не принимает, что она отдается в руки правосудия и едет в Петроград. Тогда возник вопрос, что делать; я внес на обсуждение в совет министров. Секретное заседание было на Елагином острове у Коковцова. Предлагали дать ей денег с тем, чтобы она уехала.

Председатель. — Не помните, кто высказывал такое предложение?

Маклаков. — Почти что все. Не могу сказать. Мне пришлось выдержать очень трудную борьбу, потому что я считал, что, если она виновна, то ее надо судить; если не виновна, надо сказать, что не виновна; если я дам деньги, то пристегну свое имя к укрывателям людей, которые значились в розыскных ведомостях. После больших дебатов она была предана суду. Она приехала, ее принял (я уже не был министром), по моей просьбе, Джунковский, ее судили и оправдали.

Председатель. — Мы сейчас перейдем к рассмотрению этого случая ближе. Но мне хотелось бы спросить вас, разве, по-вашему, участие Белецкого в перекройке не исключало возможности уничтожения провокации? Как вы относились к Белецкому? Совместимо ли с Белецким отсутствие провокации, или там, где Белецкий, там и провокация?

Маклаков. — Я отделился от него и просил его уйти. Мы перевели его в сенат. Но не было ни одного служебного поступка, который мог бы дать мне повод убрать его с удовольствием. Я только тогда стал покоен, что дело пошло другим путем, когда явился новый директор департамента полиции — Брюн-де-Сент Ипполит. Он был медлительнее и гораздо менее знающий, а Белецкий работал с утра до вечера.

Председатель. — Как ваши слова вяжутся с тем, что Белецкий проработал с вами весь 1913 год и январь 1914-го, а с Джунковским — с 25 января 1913 года?

Маклаков. — Не было ни одного шага, который бы мне позволил определенно установить, что он. . . Но у нас все время была не покойна душа, потому что он терпеть не мог сделать что-

нибудь неугодное... Если бы узнал, что в думе не так сказал, не так сделал... Это начался бы клубок, который распутать нельзя... В начале 1914 года он ушел. Надо было назначить другого директора департамента полиции. Разобраться в этой области техники, знаний и приемов очень трудно было; я подыскивал заместителя. Сперва думал взять Корсака, прокурора...

Председатель. — Вам советовали?

Маклаков. — Нет. Я не знал Белецкого, пока не вступил в должность.

Председатель. — А потом пришли к убеждению, что этот человек, действительно, не может быть терпим?

Маклаков. — Да.

Председатель. — Вы выразили известный взгляд на провокацию. А как же мирится с этим то, что генералом для поручений при вас, как и при ваших предшественниках, продолжал оставаться генерал Герасимов? — Он ушел только в августе тринадцатого года.

Маклаков. — Да, это верно, но все-таки быстро. Жизнь министра проходит — неделя, как час; это — совершенно сплошное колесо. Ведь приходится ведать 16 департаментов, все сложные, а департамент полиции — самая ответственная область министра.

Председатель. — Для того, чтобы сменить одного директора департамента, вы потратили целый год. — Вы уверены, что, так сказать, по вашему распоряжению, секретные агенты исчезли? Ведь министр внутренних дел, это — начальник, между прочим, и департамента полиции. Департамент полиции имеет щупальца в стране повсюду. Где тот акт, которым вы заставили отказаться от принципа секретных сотрудников, и почему вы думаете, что секретные сотрудники фактически исчезли?

Маклаков. — Я бы хотел смягчить... Я не могу поручиться, что во всей России их не было.

Председатель. — Каким актом министр внутренних дел искоренил эту систему?

Маклаков. — Всеми отраслями полицейской службы заведывал товарищ министра Джунковский.

Председатель. — Но вами что же сделано?

Маклаков. — Мы с ним совместно все это обсуждали неоднократно. Было решено очистить войсковую и морскую части. Я получил в наследие знаменитый процесс Балтийского флота, если припомните. Теперь я боюсь назвать фамилии, но, кажется, там был Орлов, который считался главным обвиняемым... В сущности, он заварил там кашу.

Председатель. — Он был агентом провокатором, в собственном смысле слова; даже не секретным сотрудником, а подстрекателем. С моей точки зрения, он был главным виновником.

Маклаков. — В начале 1913 года я просил приехать на совещание министров военного и морского. Оба не приехали, а прислали своих товарищей; кроме того, был флаг-адъютант Нилов, я и Джунковский. В этом секретном совещании я сказал, что мы снимаем всякую внутреннюю агентуру в войсках и во флоте. Я не хотел приплетать свое имя к постыдному делу с Балтийским флотом; я просил, чтобы они, раз навсегда, освободили меня от этого, чтобы не кивали на департамент полиции и чтобы сами предотвращали, если увидят что-нибудь опасное. Таким образом, мы взяли внутреннюю агентуру из двух громадных отраслей жизни России — из армии и флота. С этим постановлением затем согласился совет министров.

Председатель. — Был журнал совещания?

Маклаков. — Нет, журнала не было; просто совещание установило такой порядок, и они были уполномочены доложить своим министрам.

Председатель. — Потом это прошло через совет министров?

Маклаков. — Нет, совет министров не при чем.

Председатель. — Только ваше совещание с представителями военного и морского министров? Вы доложили об этом тогдашнему императору?

Маклаков. — Кто-то составлял докладную записку государю о том, не рискованы ли эксперименты министра внутренних дел; оставлять без надзора такую громадную и серьезную область жизни? Но я его величеству сказал, в чем дело, и государь совершенно со мною согласился. Мы решили не проводить этого на бумаге. — Когда у нас случались недочеты, то соответствующие указания шли на места, за подписью Джунковского, и вызывались, один за другим, начальники охранных отделений, затем — начальники жандармских управлений. Я не принимал, они получали определенные указания от Джунковского; так он верил, это было его credo.

Председатель. — Зачем же вы пытались сделать это домашним способом (хотя и не достигли, как мы теперь знаем)? Почему вы не издали об этом приказа по своему ведомству?

Маклаков. — Боюсь вам сказать сейчас. Может, документ там, у вас; циркуляр был, может быть. Я не хочу ввести вас в заблуждение.

Иванов. — Вы изволили совершенно определенно сказать, что были против секретных сотрудников и против системы соучастия агентов в сообщничестве. Я прошу вас объяснить, вы знакомы с циркуляром 1907 года по внутренним освещениям? Этот циркуляр для внутреннего освещения пополняет циркуляр, которым руководствовался департамент полиции и все агенты.

Маклаков. — Нет, я не знаю этого документа.

Иванов. — Он был в то время, как вы были министром, в 1914 году, дополнен, и дополнение усиливает сферу деятельности этих агентов.

Председатель. — Это не циркуляр, а инструкция.

Иванов. — Инструкция, которой департамент полиции до сих пор руководствовался.

Маклаков. — С указанием внутренней агентуры?

Иванов. — Да, да. Именно эта система была положена в основу.

Маклаков. — Кем она подписана, не можете сказать?

Иванов. — И при вас дополнена усиливающими фактами.

Маклаков. — Теперь департаментом полиции, который считался главным, управлял сам министр. В мое время этого не было. У меня было в неделю только два доклада товарища министра.

Иванов. — Меня интересует то, что вы принимаете известные меры борьбы против системы и в то же время существует инструкция, которой обязаны руководствоваться все чины.

Маклаков. — Если бы она была под рукой... Я думаю, едва ли такой смысл.

Председатель. — Это Комиссия может вам удостоверить совершенно определенно. Инструкция, которой пользовались в ваше время, стоит на той точке зрения, что без секретных сотрудников, участников преступных обществ, невозможен политический розыск.

Маклаков. — Позвольте мне по поводу того, что вы прочли, сказать: здесь надо понимать так — покупают язык, если есть такой язык.

Иванов. — Вы не изволите отрицать, что инструкцию знаете совершенно определенно?

Маклаков. — Я боюсь с вами спорить.

Председатель. — Вы ответили, что нужно различать покупку языка (я беру выше выражение), т.-е. уплату вознаграждения человеку, который, состоя в сообществе, согласился что-нибудь рассказать про это сообщество, от того случая провокации в грубом смысле, когда человек создает сообщество.

Маклаков. — Несомненно.

Председатель. — Ваше распоряжение о том, чтобы это прекратить, касалось обоих случаев или только первого?

Маклаков. — Приказание было: никакими способами не проникать туда. Зачастую не приходится покупать, а сами приходят продавать.

Председатель. — Так что вы оплачивали внедрение ваших агентов в сообщества?

Маклаков. — Agents...

Председатель. — Но не оплачивали пользование членами сообщества с целью получения сведений о нем?

Маклаков. — Я никаких указаний никогда не давал.

Председатель. — Чем же принципиально отличается одно от другого? Агент внедряется и состоит членом сообщества; это, по-вашему, недопустимо; но, по-вашему, допустимо от члена сообщества, проникшего туда, не в качестве агента, получать за плату сведения о жизни сообщества?

Маклаков. — В первом случае мы толкаем человека итти туда, куда он по своим убеждениям итти не может; он внедряется в доверие, как чужой человек, для того, чтобы раскрыть картину. В другом случае, если сам человек идет и открывает, это — не дело министра внутренних дел, а дело сыска, без конца грязное, по неизбежной обстановке своей работы; это — добрая воля, и мы не вводим человека в искушение.

Председатель. — Значит, секретным сотрудником следует считать не того, кто внедряется в сообщество, чтобы там добывать сведения для департамента полиции, а того, кто состоит в сообществе и, вместе с тем, получает деньги от департамента? Если же под секретным сотрудничеством подразумевать то и другое, следует признать, что вы боролись с одной половиной — с осведомлением, оставляя в силе другую половину.

Маклаков. — Я просто о ней не упоминал... Мы, может быть, и дошли бы; а с армией и флотом всякие сношения были отрезаны...

Председатель. — По министерству внутренних дел. Таким образом, следует сказать, что вы допускали внешнюю агентуру, т.-е. внешнее наблюдение, и ту часть внутренней, которая была представлена не служащими в департаменте, а приходившими в департамент или к его агентам и систематически сообщавшими сведения жандармским властям? Так?

Маклаков. — Так.

Председатель. — Теперь, расследуем случай с Шорниковой. Вы говорите, у вас было по этому поводу совещание в совете министров. Какую точку зрения вы отстаивали?

Маклаков. — Я совершенно отказался дать ей материальную возможность избавиться от правосудия, потому что в совете министров даже такой осторожный человек, как покойный Харитонов, говорил, что пойдет канитель. Создается большое дело, будут разговоры, это — нежелательно. Вот их точка зрения. Здесь я отказался. Я был в единственном числе и настоял на том, чтобы ее судили, раз она явится; а после того, как суд кончится, мы рассудим, как поступить.

Председатель. — Кто же из ваших товарищей по кабинету настаивал на ее сокрытии?

Маклаков. — Все до одного. Меня никто не поддерживал. Не то, что скрыть, а все опасались.

Председатель. — Вы это получили по наследству, ибо Щегловитов еще в 1912 году имел разоблачающее письмо?

Маклаков. — Позвольте добавить. Он написал мне по этому поводу, что просит меня принять меры к ее аресту, так как она разыскивается; а в совете министров все были против этого, и Щегловитов в том числе.

Председатель. — Вы же добивались, чтобы она была арестована и чтобы ее судили?

Маклаков. — Она сама написала о том, что хочет приехать и отдаться в руки правосудия. Это было крупное дело. Министр юстиции получил это письмо, ему ничего другого не оставалось делать, как указать на то, что министерство внутренних дел и полиция, в этом случае, должны исполнить свой долг.

Председатель. — С какой точки зрения ваши товарищи по совету министров, в том числе Щегловитов, находили невозможным и ненужным арестовать лицо, которое по розыскным ведомостям значилось, как привлеченное к следствию?

Маклаков. — Это соприкасалось с делом о членах государственной думы, а самое возбуждение дела поднимало весь тот вопрос, о котором члены совета министров полагали, что он обострил бы общую атмосферу.

Председатель. — Потому что обнаружилось бы, что в центре дела стоял провокатор?

Маклаков. — Да.

Председатель. — Но обнаружить, значит — вскрыть истину.

Маклаков. — Нет, они не считали ее провокатором. Конечно, она сообщала сведения департаменту полиции; но она без всякого сомнения, голодала, так, что, вероятно, вопрос был денежный.

Председатель. — Комиссия может установить, что она создала это дело, она принесла знаменитый Наказ, и Герасимов знал об этом.

Маклаков. — Совет министров не думал, что она создала; но молва и общественное мнение видели в ней центр этого дела. Если бы это было опровергнуто, поднялся бы шум, и страшно обострилось бы настроение.

Председатель. — А министров вашего времени, и в частности министра юстиции, не беспокоило то обстоятельство, что в центре большого процесса стоял агент охранного отделения, руководимый Герасимовым и его помощником? Герасимова вы характеризовали великолепно, как корень провокационного зла.

Маклаков. — Об этом не было разговора; был только страх перед ворошением дела, которому совет министров не придавал значения; он считал ее только прикосновенной, т.-е. фактически связанной с участниками.

Председатель. — Какова же была ваша резолюция по поводу этого дела?

Маклаков. — Я не помню.

Олышев. — Вероятно, Белецкий доложил вам бумагу относительно Шорниковой?

Маклаков. — Она была у меня в руках, и я говорил лично с министром юстиции.

Олышев. — Вы не поручали кому-нибудь переговорить с министром юстиции?

Маклаков. — Я думаю, что сам лично говорил.

Олышев. — А Джунковскому не поручали?

Маклаков. — Может быть.

Олышев. — Вы не помните, что доложил вам Джунковский после разговора с министром юстиции?

Маклаков. — Что министр юстиции всячески уклоняется от постановки этого дела. . .

Олышев. — Вы говорите, что ее судили и оправдали. Не внес ли министр юстиции, после разговора, это дело в сенат?

Маклаков. — Я не сумею вам сказать. В этой области я могу сказать совершенно несуразную вещь.

Председатель. — 26 июля 1913 года сенат это дело прекратил, за отсутствием состава преступления. Припомните подробнее ваш разговор с министром юстиции.

Маклаков. — Мне трудно рассказать не потому, чтобы я не хотел. . . .

Председатель. — Понимаете, дело перекидывается из министерства юстиции в министерство внутренних дел, а министерство внутренних дел этот мяч бросает обратно министерству юстиции. Ее хотели покрыть, хотели, чтобы это сделало министерство внутренних дел, путем не обнаружения, хотя ее товарищ по профессии Бродский указал вам и Щегловитову место ее жительства, причем говорил, что ее укрывает охранное отделение.

Маклаков. — Она в Саратовской губернии укрывалась.

Председатель. — Это было лучше для министерства внутренних дел, но хуже для министерства юстиции, потому что министру юстиции пришлось судить эту Шорникову, т.-е. свою секретную агентшу. Как же министр юстиции и министр внутренних дел решили разрубить этот узел?

Маклаков. — Я просил внести дело в совет министров, потому что Щегловитов определенно отстаивал свою точку зрения. Я приехал вместе с Джунковским в совет министров, со мной был Брюн-де-Сент-Ипполит, а Щегловитов привез с собой Корсака, прокурора судебной палаты. У Коковцова на даче было заседание, специально по этому вопросу; совет министров, после долгих обсуждений, принял в соображение все данные за и против и постановил, чтобы суд решил дело; извиняюсь, я не знаю, как решил сенат. . . передать в судебную инстанцию. . .

Председатель. — Мы вам удостоверяем, что 26 июля правительствующий сенат по 1. департаменту это дело ликвидировал,

т. е. оно ликвидировалось министерством юстиции. Теперь скажите, какое дальнейшее участие министр внутренних дел принимал в этом деле?

Маклаков. — После того, как мы получили официальнное уведомление, что она считается к делу не причастной, что она не преступница (она в ужасном виде пришла к Джунковскому), ей была выдана из департамента полиции, с моего разрешения, сумма. Что с ней дальше сталось, не знаю; она получила, кажется, две или три тысячи; она была совершенный инвалид, никуда негодный человек.

Председатель. — Оглашается расписка от 1 августа 1913 года: «За услуги, оказанные департаменту полиции и признанные правительствующим сенатом, в заседании от 26 июля сего года получила по распоряжению г. товарища министра внутренних дел, свиты его величества генерал-майора Джунковского, 300 руб. на лечение, 500 — на поездку заграницу, 1000 — на устройство своих дел, всего 1800 рублей». Выходит, что она оказывала услуги, и услуги эти были признаны правительствующим сенатом. Это вы помните? Таким образом, сокрытие этой женщины обстояло так: она была пропущена через сенат, который признал ее услуги, оказанные департаменту полиции, и прекратил дело, а затем уже министр внутренних дел дал ей деньги на выезд заграницу.

Маклаков. — О загранице я ничего не сумею сказать.

Председатель. — Вам кажется законной такая деятельность чинов министерства внутренних дел, Джунковского и других?

Маклаков. — Позвольте вот что сказать: мне кажется, судить было трудно; это был вопрос человеколюбия; но этот исход, сравнительно с тем, куда толкал департамент полиции, казался единственно возможным.

Председатель. — Вы считаете, что делом человеколюбия было и заседание совета министров с участием Корсака, Джунковского и Белецкого, когда совет министров, — вы понимаете, это высшее в стране правительственное учреждение,—разрешал вопрос, относиться ли человеколюбиво к этой женщине? Тут был громадной важности политический вопрос, вы понимаете, в чем он заключается. Столыпину, чтобы распустить думу и сделать coup d'état, нужно было создать процесс против членов с.-д. группы; потому-то, а не из человеколюбия, ваши товарищи по совету так и взволновались.

Маклаков. — Позвольте расчленить вопрос: ставить дело на суд, как требует министр внутренних дел или не ставить?

Председатель. — Почему-то, какая-то безвестная Шорникова вдруг заинтересовала всех министров государства! Вы не можете не видеть, что именно это имелось в виду в совете министров; потому что вы все этим занимались.

Маклаков. — Из данных департамента полиции было видно, что ее укрывали. Я получил запутанный комок, который нужно было так или иначе рассечь.

Председатель. — Вы, может быть, помните телеграмму от 26 июля 1913 года, т.-е. в день, когда заслуги Шорниковой были признаны сенатом, по терминологии расписки? Текст телеграммы, которую послал будущий директор департамента полиции Васильев директору департамента полиции Белецкому, такой: «дело прошло хорошо»; после этого были выданы деньги.

Маклаков. — Я даже не знал о существовании этой телеграммы.

Председатель. — Все-таки вы, может быть, не скроете от нас, что вам и вашим товарищам было совершенно ясно значение этого дела, потому-то так и возились? Ведь это верно?

Маклаков. — Да, это верно. Я скажу, что за всю мою службу это было самое тяжелое и неприятное дело; потому что она мне написала письмо; затем, она в ужасном виде пришла; она до такой степени устала от всех преследований: постоянно жила на-чеку — тут ее обнаружат, тут не обнаружат; только при помощи Комиссарова она пристроилась, где-то служила; она нигде не могла найти себе места; в кругах революционных на нее смотрели, как на предательницу, а в правительственных, т.-е. полицейских, как на человека, который может очень скомпрометировать; и все ее, как вы сказали, как мячик, перекидывали. Когда судьба привела ее к нам, был новый министр, новый товарищ министра, мы остановились перед этой дилеммой: в совете министров мне говорили, что это касается министерства внутренних дел. «Хорошо, вы не хотите себя запачкать, надеваете перчатки, из-за этого около дела может подняться такая буря, которая бог знает во что разразится, будут требовать пересмотра процесса»; вот что говорилось. Так что, мне казалось, что ход, который мы сделали, был самый чистый.

Председатель. — Но согласитесь, что, если вами с Джунковским, как вы заявляете, руководило чувство человеколюбия, то Герасимов и Белецкий этих чувств человеколюбия, судя по их деятельности, были лишены?

Маклаков. — По мере того, как я убеждался (не они одни, много было таких), я постепенно от них отходил, что было, не скрою, чрезвычайно сложно, потому что ни у одного министра не было такой организованной сети преданных людей, как у каждого из них, потому что они были окружены. Они могли как угодно вести свое дело. Это были маги своей техники, они знали всю закулисную сторону. Это было, как форт Шаброль.

Председатель. — Имею честь доложить Комиссии, что в деле департамента полиции девятого производства о мещанке Е. Н. Шорниковой имеется выписка 10 октября 1913 года из немецкой газеты «Vossische Zeitung» следующего содержания: «на-ряду с процессом

Бейлиса в Киеве, «русский суд» (в ковычках) предстал в настоящем освещении в сенате, в деле провокаторши Шорниковой. В этом деле, русское правительство, повидимому, решило разорвать со всеми «предрассудками» европейского правового отношения к суду. Сенат в Петербурге признал легальность и безнаказанность самого подлого провокаторства. Это дело доказывает отсутствие всяких оснований для процесса по обвинению в государственной измене социал-демократической партии второй думы». Газета требует пересмотра этого процесса и оправдания жертв царизма, невинно осужденных членов думы. (Оглашается подпись, сделанная, по словам Н. А. Маклакова, рукою Белецкого.)

Маклаков. — Может быть, я его оговорил?

Председатель. — Нет, не беспокойтесь. Все равно, он не станет отрицать своего почерка. Если ошибка, она будет вскрыта. В этой заметке упоминается второе дело — Бейлиса. Хотелось бы перейти к его рассмотрению. Все это было, значит, в январе и октябре 1913 года?

Маклаков. — Заседание совета министров по делу Шорниковой, должно быть, в мае или июне.

Председатель. — 26 июля; а осенью, как раз, приспело дело Бейлиса. Скажите, в каких сношениях по делу Бейлиса было министерство внутренних дел с министерством юстиции?

Маклаков. — Мне кажется, я был тогда губернатором.

Иванов. — Это было в 1913 году, в сентябре месяце.

Маклаков. — В 1913 году, ну, я извиняюсь. — Кажется никаких сношений не было. Разговоры были без конца, в совете министров, и везде.

Председатель. — Вы припомните, что вы, по докладу Белецкого, отдали распоряжение шифрованной телеграммой начальнику киевского губернского жандармского управления установить самое тщательное и осторожное наблюдение за всем составом присяжных заседателей . . .

Маклаков. — Так.

Председатель. — . . . . предстоявшей с 25 сентября сессии киевского окружного суда.

Маклаков. — Да, это может быть, было, опять — по просьбе министра юстиции, потому что там предполагался подкуп. У него были данные, так что указание «очень осторожно» было сделано и мною. Около этого дела разыгрывались страсти, бог знает как.

Председатель. — И до начала слушания дела Бейлиса. — При этом, чтобы «наблюдение производилось тонко, осветить все сношения присяжных заседателей и возможность влияния на них заинтересованных в деле лиц. О ходе наблюдения постоянно осведомлять прокурора судебной палаты Чаплинского, коему и докладывать все данные, могущие дать судебной власти материал

для суждения о настроении присяжных заседателей; накануне разбора дела все подробности наблюдения донести по телеграфу директору департамента Белецкому, для сведения министра внутренних дел».

Маклаков. Самая редакция текста этой телеграммы мне неизвестна. Общее наблюдение, как я говорил, могло быть установлено по ходатайству министра юстиции, а в какой форме, — это литература Белецкого, многословная и неясная. Это уж от него шло, а не мое.

Председатель. — Но все-таки он вам докладывал о ходе наблюдения?

Маклаков. — Да, потому что боялись еврейского погрома, в связи с делом.

Председатель. — Как же вы, предполагая погром, устанавливаете другое наблюдение: наблюдение филеров за присяжными заседателями?

Маклаков. — Я говорю, это дело нас интересовало с другой стороны, так что все другие доклады, не специальные, как, например, о настроении присяжных заседателей, для министра внутренних дел никакого интереса не представляли.

Председатель. — Как, собственно, с точки зрения законности, обстоит дело? Может ли министр внутренних дел распорядиться поставить филеров наблюдать за лицами, которые имели несчастие попасть в списки присяжных заседателей?

Маклаков. — Я не сумею вам сказать. Тут другое наблюдение, чтобы не было злоупотреблений, не было попытки подкупа присяжных заседателей со стороны заинтересованных в процессе лиц. Тут, говорил министр юстиции, мобилизованы были такие страшные силы. . .

Председатель. — Мало ли, что говорили. Как же, на основании того, что «говорят», министр юстиции просит министра внутренних дел, а министр, на основании этого «говорят», отдает распоряжение?

Маклаков. — Простите, министр юстиции, у которого идет громкий процесс, обращается в министерство и говорит, что, по его сведениям, могут быть подкупы, и он просит, в предотвращение такого явления, установить наблюдение. Это была не политика; так мне кажется, я не юрист.

Председатель. — Так что, вы думаете, что данный текст неверно передан?

Маклаков. — Я с этим текстом не согласен от начала до конца.

Председатель. — Но, кроме того, жандармскому полковнику было поручено принять тщательные меры к охране прибывших для обвинения по этому делу: прокурора судебной палаты Виппера и поверенного гражданского истца Замысловского. Вероятно, тоже говорили, что им что-нибудь грозит?

Маклаков. — Это через меня не шло: но, несомненно, докладывалось, что могут быть покушения на прокурора, а Замысловский сам об этом говорил; он потом писал книгу по этому поводу.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, зачем командировали от министерства внутренних дел чиновника особых поручений Дьяченко?

Маклаков. — Дьяченко? Я такой фамилии не помню.

Иванов. — Любимова?

Маклаков. — Любимова Белецкий командировал. Чтобы человек собственными глазами видел самое течение процесса, был там все время; чтобы, в случае, дать те или другие указания властям; чтобы там был человек, который мог бы дать указание, относительно интересовавшего нас погрома, и у него были такие указания.

Председатель. — Вы не находите, что лучше было, во избежание погрома, не ставить этого процесса, вместо того, чтобы его поставить и потом охранять? Вам известно, вас телеграфно уведомили, что, для наблюдения за присяжными заседателями, начальник жандармского управления поставил 23 филера? И, за недостатком местных филеров, вытребовал филеров из Житомира, Бердичева и Полтавы?

Маклаков. — Я сейчас в первый раз узнаю, такие подробности мне не докладывались.

Председатель. — Вы все-таки близко следили за ходом процесса?

Маклаков. — Не скажу, чтобы очень. Я читал газеты.

Председатель. — Вероятно, не только газеты; вы специально человека туда посылали.

Маклаков. — По возвращении он докладывал.

Председатель. — Разве он не слал телеграмм?

Маклаков. — Но это докладывалось Белецкому. Если посылал, то в департамент полиции.

Председатель. — А что вы решили, в связи с допросом свидетеля Махалина?

Маклаков. — Не помню.

Председатель. — Относительно показаний подполковника Иванова вы не встретили препятствий к несокрытию правды на суде?

Маклаков. — Нет, я не помню.

Председатель. — Но вопрос мог быть вам поставлен; вы не помните вашего распоряжения?

Маклаков. — Нет, не помню. Перед этим процессом были большие пререкания у прокурора с губернатором. Тут фигурировал начальник сыскной полиции, его фамилия малороссийская, как будто, Мищук. Им был недоволен прокурор палаты, а губер-

натор его отстаивал. С вещественными доказательствами вышло недоразумение какое-то.

Председатель. — Инцидент касается того, можно ли Иванову сказать, что Махалин был секретным сотрудником охранного отделения; в деле разрешено сказать ему это, но с тем, чтобы в показании он подчеркнул, что от его услуг жандармский надзор отказался в виду недобросовестности Махалина в денежных расчетах. Нас интересует деятельность Белецкого и министерства внутренних дел не с той точки зрения, что в данном случае человека подстрекнули к лжесвидетельству, а с той, что министерство внутренних дел интересовалось и существом процесса; как вы, может быть, помните, в телеграммах ваших чиновников, которые они сюда давали, отмечалось: «обвинение имеет шансы», «пошатнулись шансы защиты»?

Маклаков. — Это все мне докладывал Белецкий, два раза в неделю. . . А относительно сумм — не единичный случай. Ведь вопрос об охранном отделении — очень специальный. Мы ликвидировали, кажется, четыре охранных отделения в России.

Председатель. — Отчего все не уничтожили?

Маклаков. — Потом, понемножку, опять пришли. Я укажу, например, на петроградское отделение. Был сменен Комиссаров. Все они больше за наградами, каждую неделю какую-нибудь награду выхлопатывали; когда он был заменен другим, в течение одного года, из сумм охранного отделения было съэкономизировано более ста тысяч рублей; так что, за два года с половиной, в которые я заведывал министерством, из экономии по охранным отделениям, мы с Джунковским скопили около 480.000 руб. Тут, правда, и другие суммы были, оставшиеся от охраны по путешествию государя; эти деньги были употреблены с разрешения государя: мы купили место и построили собственное помещение для охранного отделения на Тверской улице, в Петрограде. Вот каковы результаты сокращения агентуры.

Председатель. — Позвольте спросить вас еще об одном деле — о деле Трещенкова. Помните, рабочих расстреливал? В какой момент вашей службы вам пришлось столкнуться с этим делом?

Маклаков. — Это — в начале 1913 года. Тогда вернулся член государственного совета Манухин, командированный для выяснения, и привез материал. Я присутствовал в совете министров, когда Манухин делал доклад. Я только что вступил в должность. Мне было очень обидно, что во всем громадном деле оказался ответственным какой-то, я бы сказал, беспросветный пьяница, человек, который транжирил деньги, был весь в долгу. Я сказал Манухину: здесь не может быть виновным один жандармский ротмистр, который был за неделю до расследования командирован, по указанию иркутского генерал-губернатора Князева, в Бодайбо; местные золотопромышленники сказали Князеву, что настроение

поднимается, и просили прислать дельного человека, который разберется; он указал, как на лучшего офицера, на Трещенкова. Трещенков был командирован. Когда приехал Манухин, оказалось... Я тогда в совете министров сказал: Трещенков был виноват, потому что допустил до такого размера, но виноваты были и войсковые части, которые страшно взволновались, струхнули немножко и, потерявши самообладание, стали стрелять пачками, а не одним залпом; так что виноват был начальник части и Трещенков, но все сосредоточилось на Трещенкове. В совете министров я склонялся к тому, чтобы отдать его под суд и произвести следствие. Конец был такой: когда была объявлена война, Трещенков просил, как милости, разрешить ему ехать на передовые позиции с тем, чтобы послужить родине; и тогда, по совету Джунковского, если бы он вернулся жив и невредим... Я не буду говорить. Он был убит в одном из первых боев.

Председатель. — Скажите, почему же в совете министров дело не было разрешено?

Маклаков. — Я вам доложил — почему. В этом же заседании я возбудил вопрос о том, что расследование Манухина очень подробно, но что оно задевает чуть-чуть тех должностных лиц, которые, в качестве обвиняемых или причастных к делу, нигде не допрашивались; в частности, я указал, что должно потребовать объяснений по существу от иркутского генерал-губернатора Князева и от губернатора: Князев не поехал, и губернатора не командировал, а дело серьезное. Состоялось постановление совета министров: по всем ведомствам. Военное ведомство свои расследования произвело; от министерства внутренних дел было потребовано объяснение, это и задержало дело на большой срок, до конца 1913 года.

Председатель. — Я вам скажу более: ваш товарищ министра Золотарев, председательствуя в совете министра, не согласился с заключением прокурорского надзора о необходимости предать суду Трещенкова, возбудил пререкание и внес дело в сенат — для рассмотрения его пререкания с прокурорским надзором. А вы, вопреки тому, что сейчас говорите, утвердили журнал и, вопреки тому, что сейчас говорите, высказали мнение о необходимости дело прекратить.

Маклаков. — Такая первоначально и была точка зрения. Потому что, как я вам докладывал, он оказался одним из самых маленьких винтиков во всей этой машине.

Председатель. — Почему вы стояли на точке зрения невинности Трещенкова?

Маклаков. — Я был уверен, что его оправдают по суду.

Председатель. — Только потому, что он всегда пьяный, весь в долгах?

Маклаков. — Нет, вообще, пьяной жизни.

Председатель. — Но почему вы оправдывали человека, который расстрелял несколько сот человек?

Маклаков. — Мне сейчас трудно все сказать; но я докладывал как будто; я обвинял войсковую часть. Я говорил в совете министров, что войсковая часть, по своему почину, стала стрелять, когда толпа не остановилась, и стреляла пачками, когда толпа обратилась в бегство; целый ряд ран был нанесен в спину, когда бежали.

Председатель. — Почему дело разрешено в совете министров только 23 сентября 1914 года?

Маклаков. — Должно быть, ждали, когда пререкания... Простите, это так давно уже было...

Председатель. — Вы говорите, что это такой скверный, запутавшийся, пьяный человек?

Маклаков. — Да, совсем плохой.

Председатель. — Что это — последняя спица в колеснице. Отчего же вы не возбудили вопроса о судебной ответственности лиц, которые, не будучи последними спицами, послали этого пьяного, запутавшегося в долгах, офицера в такое серьезное предприятие, в Бодайбо, где он оказался единственным представителем власти, за тысячи верст от центра, и должен был предпринять ответственные действия?

Маклаков. — В письме, которое имеется при деле, я потребовал объяснений. Князеву я, по этому поводу, написал письмо, и он был страшно обижен. Князев говорил, что у него не было выбора, что было три человека, как он сказал у меня в кабинете, — один другого хуже. Резолюция здесь написана моей рукой. Я в совете министров горячо возражал и говорил, что напрасно обрушиваются на одного человека. Я не защищал незаконных деяний, но считал такую предвзятость — выделить одного и оставить остальных — невозможной. Затем вы говорите, что я согласился с мнением Золотарева, который присутствовал в совете министров; я никогда, в этом смысле, не мешал, иначе выходило бы, что он являлся бы только моим рупором.

Председатель. — Почему же в то время, как департамент полиции соглашается с заявлением прокурорского надзора принять Трещенкова под суд, вы согласны с ним, и он согласен с вами?

Маклаков. — Департамент полиции, в значительной степени, сам виноват в этом деле: инструкционные телеграммы, которые шли туда, при наличности опасности и сомнительной сообразительности Трещенкова, могли вызвать... И товарищ министра Золотарев — хороший юрист, но в этом деле много был виноват. Трещенков — жертва целой сети очень прискорбных для него обстоятельств.

Председатель. — Но почему вы подумали об этой жертве, а не о других.

Маклаков. — Я очень их жалел; если бы нашли минуту прочесть, вы бы увидели это. Ответный материал был не такой, по которому я мог бы привлечь, а свое неодобрение я высказывал определенно.

Председатель. — Почему это дело появилось в совете министров? Почему до сентября 1914 года оно не было решено?

Маклаков. — Оно решалось не мною и не могло быть мною решено. Оно должно было итти через совет министра.

Председатель. — Но совет министра должен был дать заключение.

Маклаков. — Совет министра вступил в пререкания. В совет министров нельзя было входить по этому делу.

Председатель (читает). — «Что же касается до ротмистра Трещенкова, то полагаю желательным войти в разногласия и пререкания с сенатом». Это вы полагали в сентябре 1914 года, т.-е., спустя почти два года как познакомились с делом. Только потому, что суд над Трещенковым лишил его возможности поступить в действующую армию и «кровью своею искупить служебные ошибки». Помните, тут странная точка зрения: вы должны были судить по закону, а заботились о Трещенкове. Перед вами был чин подведомственный, которого нужно было отдать или не отдать под суд; вы же, в резолюции, заботитесь, чтобы этого чина не лишать возможности поступить в действующую армию и «кровью своею искупить свои служебные ошибки». Не преступление, а ошибки.

Маклаков. — Уверяю вас, я сейчас не защитник его.

Председатель. — Мне интересно, чтобы вы разъяснили эту резолюцию, вами положенную.

Маклаков. — Мне кажется, это ясно. Раз у него была возможность поехать, вместо суда, на поле, где умирают и борются за Россию, что он и сделал, я думаю, что и для родины это полезнее; если бы он вернулся, он все равно подлежал бы действию закона.

Председатель. — У вас была иная точка зрения, не в плоскости закона. Вопрос о предании суду есть вопрос сравнения данного жизненного случая с законом, а вы поступили с этим Трещенковым так, чтобы не лишать его возможности...

Маклаков. — Позвольте мне поставить вопрос: ведь если возбуждаются пререкания в совете министров и закон указывает дальнейший путь, пререкания идут в обычном законном порядке; пока они идут, он имеет возможность поступить в армию; если бы я отверг точку зрения Золотарева, Трещенков сидел бы на скамье подсудимых; пререкания шли и поступили в суд через известный промежуток времени, который давал Трещенкову возможность искупить одну кровь другою.

Председатель. — Вы ошибаетесь; лица, находящиеся под следствием, за преступления, по которым они могут быть лишены прав,

не могли быть приняты без особого высочайшего повеления в ряды действующей армии. В данном случае вы допускаете нарушение закона.

Маклаков. — Мое слабое место — юридические вопросы.

Председатель. — Чем объясняется некоторое сближение ваше с Протопоповым после убийства Распутина?

Маклаков. — Я не могу сказать, что это было после. С Протопоповым я виделся около 5 раз, но никакого сближения не было. Один раз он приехал ко мне, так сказать, с визитом, как к министру, когда я вернулся в город после отлучки.

Председатель. — Когда это было.

Маклаков. — В конце октября или в начале ноября. Я ему сделал ответный визит и сразу попал к нему на завтрак, потому что дожидаться его было невозможно. Завтрак был незваный, там было четыре человека. Второй раз я приезжал к нему с просьбой по департаменту полиции. Был в черниговской губернии один полицейский чин, помощник полициймейстера; он умер, осталась семья. Я принес прошение, чтобы Протопопов дал денежную субсидию из департаментских сумм. Еще раз я был у него с аналогичной просьбой, по поводу пенсии советнику губернского правления черниговской губернии. . .

Председатель. — Это частности. Затем?

Маклаков. — Затем, собственно, у меня никаких отношений с ним не было. Я всегда хожу в шефскую церковь министерства внутренних дел на Фонтанку. Раз мы встретились с ним там, но никакого сближения не произошло.

Председатель. — Относительно Распутина вы рассказали один случай, а второй?

Маклаков. — Второй, когда он жаловался, что государю было доложено, что он в Москве безобразничал. Позвольте мне еще сказать о Распутине. Я лично ни разу в жизни у него не был, все мое знакомство ограничилось этим. Я позволю себе подчеркнуть это потому, что не только здесь, в Петрограде, но и в Москве, где я должен был участвовать в дворянском собрании (должно быть, в январе 1914 года), по словам Джунковского, передавалось из уст в уста, будто я ни одного дела не начинаю без благословения Распутина. Целую ему руки. Я просил Джунковского, который знал мою жизнь и знал, кто у меня бывает, опровергнуть эту гадость, потому что меня замазали. Это настолько вздор, что мне даже неловко опровергать это.

Председатель. — Были у вас какие-нибудь отношения с Андрониковым?

Маклаков. — Мои отношения с ним очень своеобразные. Он один из первых прислал мне поздравительную телеграмму с назначением в министры. Я, когда ехал сюда, уже слышал от чиновника особых поручений, что собой представляет этот человек, что он,

между прочим, необычайно шантажирует на своем близком отношении к моему предместнику Макарову. На телеграмму я не ответил, а когда приехал в Петроград, нашел его карточку, но и карточкой не ответил. Он прислал письмо, что так радуется, просил принять его, спрашивал, неужели его успели оклеветать в моих глазах. Я не ответил. Я его никогда в жизни не видал, никогда не принял и даже больше — я чуть-чуть не попал с ним в неприятную историю из-за Сухомлинова. Сухомлинов был с ним близок, потом разошелся. В один прекрасный день (должно быть, в конце 1914 или в начале 1914 года), в совете министров, Сухомлинов мне говорит: «Государь повелел передать вам, чтобы вы выселили из Петрограда Андроникова». Будучи генерал-адъютантом, он имел право передавать высочайшие повеления; это было равносильно приказу; я ответил: «Владимир Александрович, вы напишите, а я скажу государю на докладе». «Что же,—говорит,— вам его беспокоить?» Когда я доложил об этом государю, государь сказал: «Я ничего подобного не говорил, я сказал: обратитесь к министру внутренних дел, он распорядится». Таким образом, никакой высылки Андроникова не вышло; но, так как вопрос был возбужден, было произведено негласное расследование, в высокой степени для него неблагоприятное. Мне казалось, что этот человек, денежно способный на все, очень мало честный, в нравственном отношении был настолько под знаком вопроса, что начальник кавалерийского училища, приказом по училищу, запретил юнкерам бывать у него на квартире. Подобные документы в прежнее время были поводом к высылке; у меня же не было к тому никаких оснований; мое отношение к нему было — никакое, а в нравственном отношении — всегда самое отрицательное. Даже больше — я его вычеркнул: он состоял при министерстве внутренних дел, и я, придравшись к статье о том, что лица, не посещавшие службу в течение четырех месяцев, считаются выбывшими, вычеркнул его. Тогда Саблер подобрал его в министерство православного исповедания.

Председатель. — Какие у вас были отношения с Вырубовой?

Маклаков. — Никаких. Я ее видел в Ливадии. У нас она никогда не бывала. Жена с ней познакомилась, кажется, у Танеева. Раз в жизни я был у нее по приказанию государыни, которая просила передать что-то по поводу лазарета, который они начали.

Председатель. — Вы говорите, что в совете министров вы обычно голосовали за отсрочки думы. А касались вы этих вопросов в ваших докладах бывшему императору?

Маклаков. — Несколько раз бывали разговоры. Надо вам сказать, что государь довольно холодно относился к этому вопросу. Он мало придавал значения. Но, когда заходил разговор, я говорил и там то, что вам говорю (вообще, я всегда одно

и то же говорю): либо продлить полномочия, либо — возьмите руль направо или налево; а то, что мы делали, — это походка пьяного, от стены к стене.

Председатель. — При этом, между левым и правым направлением, вы выбирали правое?

Маклаков. — Всегда правое. Я, как родился, всегда так смотрю.

Председатель. — Расскажите вкратце о том совещании, которое было в 1914 году незадолго до войны, в совете министров, при участии бывшего императора, по вопросу о необходимости вернуться к августовской законодательной думе.

Маклаков. — Это заседание было в Петрограде. Никто из нас не знал, зачем ехал. Делались всякие предположения; тогда председателем совета министров был Горемыкин; он высказывал предположение, которое, казалось, ничего общего не имело. Государь поговорил по какому-то общему вопросу, потом сказал: «Вот, я часто думаю, в какой степени тот закон, который сейчас существует, в какой степени от отвечает интересам России? Есть целый ряд законов, которые не осуществляются, потому что две палаты не согласны; есть такие, которые желательно провести, которые вносит правительственная власть, но они тонут в думе». Я сейчас рассказываю подробно, тогда это было сказано в нескольких словах, но смысл такой. Почти все высказались против изменений, по разным соображениям. Одни говорили — нельзя раздражать, другие — пусть соберется дума и сама сделает. Я вижу огромное количество слабых мест в решениях думы не только с правой стороны, но и с левой; и в этом смысле, я говорил государю, что положение наше сейчас — половинное, что мы приподнялись, но ни в ту, ни в другую сторону не пошли; считаю невозможной даже нашу выборную систему (я не в смысле четырехвостки говорю). Я считал, что у государя в области законодательной были отняты все права, государь не мог исправить некоторого несовершенства в законе, если он его видел; в этом смысле, мне казалось, надо сделать пересмотр. Нет никакого основания думать, что моя точка зрения была освещена юридически, сам я не юрист; просто, я считал положение нежелательным, в смысле сокращения и отсечения целого ряда прерогатив власти монарха, которой я бесконечно верил. Мне казалось, что Россия, на протяжении стольких сотен лет, все время поднималась кверху и занимала положение все выше и выше.

Председатель. — Вы высказались за поворот назад?

Маклаков. — Нет, назад — никогда. Я высказался за то, чтобы видоизменить...

Председатель. — Видоизменить в сторону самодержавия иного вида, чем тот, который был возвещен в октябре 1905 года?

Маклаков. — Это не вполне так, не так далеко. Просто мне казалось, что нужно пересмотреть выборную систему; жела-

тельно предоставление самодержавной власти права пересматривать тот или другой вопрос.

Председатель. — Т.-е. уничтожение права законодательствовать для гос. думы и для гос. совета?

Маклаков. — Почему нельзя вторично внести на обсуждение гос. думы тот закон, который отпал? Я государю сказал: «Я в этом смысле не беру на себя почина». Он говорит: «Я не знаю». Потом говорит: «Господа, как было, так и будет». И мы все разговоры оставили. С его стороны не было почина.

Председатель. — Как вы смотрели на закон? Вы не юрист, как несколько раз подчеркнули, но вы понимаете, что для этого нужен переворот?

Маклаков. — Можно было внести. Это вопрос самой думы.

Председатель. — Так что вы допускали возможность, что сама дума...

Маклаков. — Я не допускал... Это бесполезное выражение.

Председатель. — Какую позицию занял Щегловитов?

Маклаков. — У меня с ним всегда были добрые отношения, но здесь он указал государю так определенно, что мне неловко было слышать. Он сказал именно то, что вы говорите: «Если бы я дерзнул (его подлинное выражение), после того, как десять лет существует данное устройство, высказаться за пересмотр, я бы считал себя перед вашим величеством преступником». Так что, когда мы ехали назад, я его спросил: «Значит, с вашей точки зрения, это — теоретические обсуждения, а не мероприятия, не распоряжения? Вы, как бы, меня в этом смысле упрекнули?» Он говорит: «Нет, я только хотел сказать, как определенно смотрю».

Председатель. — Другие министры присоединились к вашей точке зрения или к точке зрения Щегловитова?

Маклаков. — Все присоединились к точке зрения Горемыкина, который сказал, что это не представляется желательным, что это ни к чему, что надо уметь ладить с думой, что она может работать. Тут, я не помню, было какое-то обострение, которое задело немножко наверху.

Председатель. — Значит, все министры, по разным соображениям, были против; вы — определенно за желательность, не касаясь вопроса юридически; а Щегловитов, с юридической точки зрения, — определенно против.

Маклаков. — Я не отрекаюсь от своих мыслей и взглядов; но я хочу сказать, что это был не доклад. Когда кончился главный доклад, государь как бы уронил этот вопрос. Это был обмен мнений, серьезного тут ничего не было.

Олышев. — Теперь вернемся к деятельности вашей, в качестве черниговского губернатора, по вопросу относительно выборов в четвертую гос. думу. Тут были неправильности; в думу был внесен запрос.

Маклаков. — Он не был принят.

Олышев. — В Суражском уезде черниговской губернии евреи-землевладельцы, обладающие полным земельным цензом, были исключены на том основании, что они не имеют права жительства. Вы считаете это законным?

Маклаков. — Да, было сенатское разъяснение.

Олышев. — Оно касалось тех евреев, которые жили вне черты оседлости.

Маклаков. — В селениях они не имеют права жительства.

Олышев. — Значит, вы понимали таким образом?

Маклаков. — Да, безусловно.

Олышев. — В городе Сураже был устранен прогрессивный выборщик, некий купец первой гильдии Рашаль. Его избрание было обжаловано, во-первых, вследствие того, что в помещении, где производились выборы, был телефон, во-вторых, потому что сделан был перерыв во время выборов. Черниговская губернская выборная комиссия утвердила, но вы не согласились и обжаловали в сенат. В сенат дело не последовало, а как только изменился состав комиссии, нашли возможным внести вторично вопрос, и тогда он прошел в желательном смысле.

Маклаков. — Я боюсь, что здесь что-нибудь не так, потому что этого комиссия не приняла бы.

Олышев. — Вы губернского предводителя дворянства Хоменко знали?

Маклаков. — Знаю.

Олышев. — Он перед самыми выборами собрал евреев и, ссылаясь на вас, советывал им не участвовать, грозя репрессиями, и, во всяком случае, советовал выбирать исключительно лиц, принадлежащих к правой организации.

Маклаков. — Я уверяю вас, что это проверялось тысячу раз. Надо сказать, что много было сильных людей, которые не прошли в думу и которые имели большой зуб против меня. Они собирали все против меня и собрали. Я прямо отрицаю, что давал эти указания.

Олышев. — Вы помните вашу переписку с Щегловитовым по поводу прокурора Ющенко?

Маклаков. — Помню.

Олышев. — Вы находили законным, что губернатор писал на прокурора, который поступал на основании закона? Если бы прокурор позволял себе нравственное неприличие, если бы никто об этом не знал, а губернатор нашел нужным об этом сообщить. . .

Маклаков. — Это стало таким легендарным делом, оно так нашумело. В думе несколько раз на него ссылались. Но в натуре оно проще, чем казалось. Когда я ехал в Чернигов, покойный Столыпин предупредил меня, что в губернском присутствии у губернатора была постоянная позиция, которая его ставила в смешное

положение: он указал, что такое положение для губернатора, в особенности такой губернии, как черниговская, невозможно, и обращал мое внимание на то, что по губернскому присутствию, должно быть больше единодушия в работе. Я тогда поехал к Ющенко. У нас с ним были личные отношения, совсем недурные, я во всей своей деятельности боролся только с людьми политически боевыми, Ющенко вращался в прогрессивном кружке, который a priori был заражен недоброжелательностью и недоверием к каждому губернатору; бывало так: говоришь с ним — он соглашается; встретишься в губернском присутствии, где председатель смотрит на Ющенко, — Ющенко говорит обратное тому, что только что говорил у меня в кабинете; и я систематически встречался не с тем, чтобы он мне противодействовал, но мне обидно было....

Олышев. — Совершенно правильно. Может быть, действительно, вы не могли бы с ним служить, и совершенно понятно, что прокурорский надзор и администрация должны поддерживать закон, чтобы не было тенденциозных отношений; но на это есть меры. Вы могли переговорить с Ющенко, — и пусть там разберут, кто прав, кто виноват; но вы, в своем письме, ударили по самому больному месту, начали с того, что Ющенко считается кадетом. Это мне кажется странным: вы могли написать Щегловитову, что этот прокурор не соблюдает закона; конечно, такой прокурор не годится; а когда вы играете на политических убеждениях, то выходит, что он был на высоте закона, а вы, может быть, ошиблись.

Маклаков. — Я вам всю правду сказал.

Олышев. — Бывали такие случаи, что прокурор с губернатором не могут ужиться; тогда их разводят. Его не перевели, а из прокуроров сделали товарищем прокурора, т.-е. наказали. А вам известен разговор Щегловитова с Ющенко? Щегловитов сказал, что считает его действия вполне законными, но, в виду того, что губернатор не может с ним служить, он его переводит.

Маклаков. — Но перевод в другой город казался мне совершенно необходимым.

Олышев. — Вы говорите, что Щегловитов тоже черниговский помещик?

Маклаков. — Да, я у него бывал; он сам указал мне, чего опасаться, и, действительно, я с этим встретился.

Олышев. — Вы исходили из убеждения, что все кадеты всегда тенденциозны?

Маклаков. — Нет, я говорю только про Ющенко.

Олышев. — А вы его тенденциозность объяснили тем, что он кадет?

Маклаков. — Я не помню выражений.

Олышев. — Ведь вопрос идет, главным образом, о рассмотрении выборов в губернском присутствии. Рассмотрение выборов — вопрос очень сложный. Выборы были сделаны крайне неправильно. . .

Маклаков. — Нет, простите, это другие выборы, это земские выборы.

Олышев. — Ах, это другие. «В бытность мою в Валуйце вы говорили мне, когда речь коснулась черниговского прокурора А. С. Ющенко, что вы подозреваете его в кадетских симпатиях. Я докладывал вам тогда, что он открыто не проявлял еще своего тяготения в левую сторону. Однако, обстоятельства последнего времени показали, как вы были правы». Значит, вы исходили из того положения, что человек виноват в том, что он — кадет?

Председатель. — «В Чернигове только что закончились выборы в уездные земские гласные. Все левые элементы, обыкновенно легко выбиравшиеся, оказались забаллотированными, и освободительная армия забила тревогу. Начали искать всеми правдами и неправдами поводов к отмене выборов. В заседании губернского присутствия, где жалоба была заслушана и оставлена — большинством пяти голосов против трех — без последствий, Ющенко откололся от правительственного большинства и баллотировал вместе с заведомо левыми председателями губернской и уездной земских управ. Бестолковое, пустое разглагольствование Ющенко в оппозиционном направлении мне приходилось наблюдать в присутствиях уже не раз, но в последнем, очень серьезном по существу, случае, его поведение выразилось особенно определенно, вызвало много толков и, в силу этого, оказалось крайне неудобно для дела. Присутствию предстоит разрешение целого ряда дел по преданию суду должностных лиц общественных управлений, приближаются, далее, выборы в губернское земское собрание, а впереди, наконец, и выборы в государственную думу. Если в составе губернского присутствия среди представителей правительственной власти не будет твердого единодушия, — мне будет очень трудно провести дело так, как этого требует присяга и подсказывают здравый смысл и опыт недавних позорных лет».

Маклаков. — Там трудно, действительно, было.

Председатель. — Где же в присяге говорится, что губернатор должен давить на выборы в том смысле, чтобы проводить правых? «Мнение прокурора в присутствии, как это само собой очевидно, мне особенно дорого. Трудно работать потому тогда, когда это мнение всегда, где только можно, присоединяется к правительственной оппозиции и когда оно инспирируется течениями, вносящими в административную жизнь разлад и осложнение. Все эти соображения заставляют меня взять на себя смелость покорнейше и усерднейше просить ваше высокопревосходительство, не най-

дете ли вы возможным перевести из Чернигова Ющенко и послать в родную вам губернию человека твердого, правого, благожелательного и серьезного». Вот требования, чтобы он решал вопросы юридические, с точки зрения твердости, принадлежности к правым партиям, очевидно, благожелательным к губернатору и серьезным.

Маклаков. — Нет, благожелательный не в том смысле.

Председатель. — Критерием для присылки человека вы поставили, вместо законности, твердость и правость, — хотя бы этот человек был беззаконник.

Маклаков. — Критерий законности это — само по себе.

Председатель. — «Много предстоит еще большой работы по установлению в губернии здорового равновесия, многое застарелое и пустившее глубокие корни надо изменить и переродить. Одному, без дружной помощи всех, это не по силам, а с противодействием представителя закона в губернских присутствиях это прямо и не осуществимо. Я почтительнейше прошу ваше высокопревосходительство простить меня за такую просьбу, но я считаю своим долгом доложить вам со всею откровенностью то положение вещей, которое очень затрудняет мне мою работу и которое, напротив того, укрепляет позицию и развязывает руки тем, с кем, по долгу службы, мне приходится бороться в губернии. . . (подпись Н. А. Маклаков)».

Маклаков. — Для меня это было совершенно неожиданно, потому что перевода с одного места на другое я не подозревал. Это было для меня совершенно неожиданно.

XXXII.

ДОПРОС М. С. КОМИССАРОВА

4 мая 1917 года.

Содержание: Служебная карьера Комиссарова. Деятельность Комиссарова в департаменте полиции. Наблюдение за посольствами, послами и военными агентами иностранных держав. Деятельность Комиссарова в охранном отделении. Характеристика заведующих агентурой. Секретные сотрудники. Инструкция департамента полиции о секретном наблюдении. Деятельность Комиссарова в Красноярске. Конспиративный характер сношений жандармских управлений с секретными сотрудниками. Провокация с точки зрения закона. Деятельность секретной агентуры и Джунковский. Отношения Комиссарова со служащими охранного отделения во время пребывания его в департаменте полиции. Отношения Комиссарова с Герасимовым. Шорникова и Бродский. Дело с.-д. фракции 2-й государственной думы. Бегство Шорниковой и ее отношение к охранному отделению. Дело Никитенко. Убийца «Тит» на службе у жандармского управления. Погромная прокламация департамента полиции. Роль заведующего «особым отделением» Макарова. Типографщик Соркин на службе у департамента полиции. Заявление кн. Урусова в государственной думе о погромных прокламациях. Комиссаров, Протопопов и Белецкий. Комиссаров и Распутин. Обед у Бурдукова после бурных ноябрьских заседаний государственной думы. Свидание Комиссарова с Курловым по поводу убийства Распутина. Отношение к Комиссарову женской половины двора. Канцлер — Распутин. О причинах гнева Распутина на Комиссарова. Окружающие Распутина. Тайные свидания А. Н. Хвостова с Распутиным. Распутин заводит сношения со Штюрмером. Гнев Хвостова на Распутина. О попытках Хвостова «ликвидировать» Распутина. Бурная сцена Комиссарова с Распутиным. Удаление Комиссарова в Ростов. «Контора по обделыванию дел» с Распутиным во главе. Отношения Комиссарова с Манасевичем-Мануйловым. Отношение к Комиссарову А. А. Хвостова. Комиссаров в дни революции. Заметки Комиссарова. Комиссаров и Столыпин.

Председатель. — Вы генерал-майор Комиссаров? Как ваше имя и отчество?

Комиссаров. — Михаил Степанович.

Председатель. — Вы в отставке?

Комиссаров. — Так точно.

Председатель. — Когда вы вышли в отставку?

Комиссаров. — 3-го августа 1916 года.

Председатель. — Вы перед этим занимали должность ростовского градоначальника?

Комиссаров. — Да.

Председатель. — Прежде, чем перейти в корпус жандармов, вы были в строю. Когда вы перешли в корпус жандармов?

Комиссаров. — В 1904 году.

Председатель. — Какое назначение получили вы в 1904 году?

Комиссаров. — По окончании корпуса я был прикомандирован к охранному отделению, а потом, кажется, с августа, в департамент полиции.

Председатель (Г. секретарь, внесите в протокол, что нужно вновь срочно запросить послужные списки арестованных.—Значит, вы сперва были при петроградском охранном отделении, а потом в департаменте полиции. Когда вы перешли в департамент полиции?

Комиссаров. — Кажется, в конце июля или в августе 1904 года.

Председатель. — До какого времени вы служили в департаменте полиции?

Комиссаров. — Я ушел приблизительно в сентябре или октябре 1906 года назад в петроградское охранное отделение.

Председатель. — Какую должность вы занимали в департаменте полиции?

Комиссаров. — Относительно департамента, может быть, Комиссия меня выслушает без посторонних.

Председатель. — Это все служащие Комиссии, обязанные торжественным обещанием, которое равносильно присяге, держать все в тайне. Позвольте мне сначала проследить вашу внешнюю карьеру, а потом вы расскажите по существу.

Комиссаров. — В течение двух лет я специально имел наблюдение за иностранными посольствами, послами и военными агентами. Я подробно доложу, в чем дело.

Председатель. — В сентябре или в октябре 1906 года вы перешли назад в охранное отделение. На какую должность?

Комиссаров. — Вначале я был командирован, а потом был помощником начальника охранного отделения.

Председатель. — До какого времени вы пробыли в этой должности?

Комиссаров. — До начала 1909 года. А потом я получил в Красноярске должность начальника губернского жандармского отделения и пробыл там 10 месяцев — до апреля 1910 года.

Председатель. — А с апреля 1910 года?

Комиссаров. — Был в Перми до 1912 года, а с июля 1912 года до начала 1915 года был в Саратове.

Председатель. — А с начала 1915 года?

Комиссаров. — Был три недели или около месяца в Вятке, потом был сделан начальником варшавского управления, но так

как оно было эвакуировано, то был прикомандирован в распоряжение министра и товарища министра внутренних дел.

Председатель. — И оставались в их распоряжении до какого времени?

Комиссаров. — До марта 1916 года. Потом, с марта по август, был градоначальником в Ростове.

Председатель. — Что вы хотели сказать относительно первого периода вашей службы в департаменте полиции? Вы упомянули о наблюдении за иностранными послами и посольствами.

Комиссаров. — В 1904 году, когда директором департамента был Лопухин, у нас началась война с Японией. До того времени у нас совершенно не было никакого наблюдения ни за посольствами, ни за военными агентами. Тогда меня вызвали и предложили устроить бюро на манер французского Sûreté générale. И вот это дело постепенно развивалось. Кроме того, шел политический контроль за державами. Это имело колоссальное значение во время Портсмутского договора. Мы знали все американские условия раньше, чем американский посол в Петрограде; мною были раздобыты шифры: американский, китайский, бельгийский, персидский— всего 12 шифров. Все иностранные сношения контролировались. Я жил в то время — эти два года — нелегально, потому что малейший промах, малейшая неудача могли бы вызвать колоссальный скандал в Европе и все послы уехали бы из Петрограда. Вот, собственно, в чем моя работа заключалась. В конце концов, в 1906 году, кто-то, видимо, нас продал, потому что английский посол, тогда был, кажется, Бенкендорф, — получил запрос о том, что в Петрограде работает бюро, которое контролирует и хозяйничает во всех посольствах. Между прочим, называли и мою фамилию. В силу этого бюро было раскассировано.

Иванов. — В котором году это было?

Комиссаров. — В 1906 году. За это время я к внутренней политической жизни абсолютно никакого отношения не имел. Это было совершенно отдельное учреждение, с отдельными служащими. Там требовалось знание всевозможных языков. Там были профессора, там работали частные лица, пользовавшиеся полным доверием, так как малейший промах мог вызвать неудовольствие в иностранных государствах.

Председатель. — Это было в 1904 году?

Комиссаров. — В то время, когда я был в департаменте полиции.

Иванов. — А в каком помещении находилось это бюро?

Комиссаров. — Это очень сложная вещь. Ведь приходилось иметь сношение со служащими посольств. Ни один из них, зная, что это департамент полиции, и близко не подошел бы. В силу этого я жил под другой фамилией, под видом иностранца. Все эти бумаги, документы и шифры, все это приносилось ко мне

туда, где я жил, на мою частную квартиру. Китайский шифр представлял собой 6 томов; американский — такая толстая книга, что ее не спишешь руками, — все документы снимались фотографическим путем. Вся эта работа обыкновенно шла по ночам. Кроме того, все телеграммы иностранных держав, которые получались посольствами, все они раньше попадали к нам. Официально в департаменте вся секретная работа была у меня. Утром ее приносили в департамент, там ее разрабатывали, потому что оставлять документы у себя я тоже не мог: если бы какая-нибудь держава проследила и потребовала бы внезапно, чтобы был произведен осмотр, получилось бы бог знает что. Поэтому, работа производилась по ночам. Таким образом, телеграммы, которые приходили из заграницы, получались на нашем телеграфе, копии расшифровывались переводчиком и, если они не представляли колоссального интереса, то сейчас же передавались в посольство. Телеграф передавал. А такие вещи, как перед Цусимой и во время портсмутского договора, нашему государству нужно было знать немного раньше, и потому их задерживали, на сколько возможно, — часов на 8 — 12.

Иванов. — Куда эти шифры девались?

Комиссаров. — В 1906 году они были, кажется, переданы министерству иностранных дел.

Председатель. — И ваш архив передан туда?

Комиссаров. — Большая часть архива была уничтожена, как секретная. Собственно говоря, это давало колоссальное преимущество министерству внутренних дел. Не было дня, чтобы не посылалось 1 — 2 всеподданнейших доклада по поводу этих разработок, и министр внутренних дел имел колоссальные преимущества, он был одним из самых интересных в это время. Но к министру иностранных дел это не имело никакого отношения.

Председатель. — Вы были помощником начальника охранного отделения до 1909 года?

Комиссаров. — Да, до февраля или марта 1909 года.

Председатель. — А кто был начальником охранного отделения?

Комиссаров. — Начальником был Герасимов. Первый месяц, когда я там был, был Кременецкий.

Председатель. — Вы ушли вместе с Герасимовым, приблизительно?

Комиссаров. — Приблизительно, да. Он ушел после меня.

Председатель. — Что вам известно по вашей службе о провокации в русском политическом сыске?

Комиссаров. — Когда я попал в охранное отделение в первый раз, то я, понятно, там абсолютно ничего не делал, потому что перешел туда из строя и ни о чем понятия не имел. Потом, когда я во второй раз перешел туда из департамента полиции, там был

Модель, который был помощником начальника охранного отделения. Когда он перешел в помощники московского градоначальника, я занял его место. Я, как помощник, заведывал всей канцелярией, т.-е. всей перепиской, какая была в охранном отделении, и всеми докладами. Агентурой же лично, т.-е. сношениями с революционными организациями, я абсолютно за эти два года не заведывал. Заведывали по партии с.-р. Кулаков, Доброскок, а по партии с.-д. Еленский и, кажется, Долгов. Остальную агентуру вел Герасимов.

Председатель. — Какую остальную?

Комиссаров. — Более крупную, центральную агентуру.

Председатель. — Вы можете сказать, кто именно из крупных агентов был в ваше время у Герасимова?

Комиссаров. — В мое время был Азеф.

Председатель. — А кроме Азефа?

Комиссаров. — Кроме него был один, — я не могу назвать фамилию, — но это тот, который дал нам последнюю группу. Я помню только фамилию А. М. Распутиной. Был еще Синегуб — это покушение на Николая Николаевича и Щегловитова.

Председатель. — По поводу этого покушения и был написан рассказ Леонида Андреева «О семи повешенных»?

Комиссаров. — Этого я не могу сказать.

Председатель. — Какая кличка была у этого провокатора?

Комиссаров. — Кличка его, кажется, Левский. Я предупреждаю вас, что я ни единым словом не преувеличиваю, не преуменьшаю, а, если я могу ошибиться, то это будет вполне добросовестное мое заблуждение. Как я уже сказал, я вел канцелярию и переписку, потому что все заведующие агентурой были не особенно грамотный народ. Там были такие, как Доброскок, который не особенно грамотен — кажется, он бывший телеграфист. Потом был Яковлев. Кроме того, некоторые офицеры передавали мне все свои сведения, а я составлял по этому поводу доклад, который подписывал Герасимов.

Председатель. — Кого еще, кроме Азефа, вы помните?

Комиссаров. — Левский появился таким образом. Герасимов страшно волновался о том, что предстоит покушение на Николая Николаевича и Щегловитова и еще на кого-то третьего. Тут, если не ошибаюсь, был революционер, — кличка его была или Максимов или Леонтович, — из партийных. И как будто этот Леонтович готовил и организовал это убийство. Но кто он такой и каким образом он организовал, — никак не могли установить. В одно прекрасное время явился какой-то доброволец и предложил свои услуги за довольно крупную сумму, — чуть ли не за десять тысяч рублей. Сейчас я не помню: или он прислал письмо, или сказал по телефону. Герасимов должен был пойти с ним на свидание, но сам, видимо, не пошел, а на свидании был Доброскок. В конце

концов, этот самый господин указал одну только фамилию Распутиной. Я помню, что пришел Герасимов, потребовал срочно, сейчас же проверки всего адресного стола и приказал найти Анну Михайловну Распутину. Это было часов в 12, когда он меня вызвал и приказал это сделать. Я послал человека, который узнал, что А. М. Распутина находится в Петрограде. Сейчас я ему это передал, он был взволнован, поехал сейчас же к министру.

Председатель. — Кто тогда был министром?

Комиссаров. По всей вероятности, Столыпин.

Председатель. — Вы знаете судьбу этого дела и знаете, что Герасимов был в сношении с Левским и что было установлено наблюдение?

Комиссаров. — Это продолжалось дней пять - шесть. Я должен сказать, что у нас все это страшно конспирировалось.

Председатель. — Вы уклоняетесь от ответа на мой вопрос. Я спрашиваю, что вам известно о системе провокации и о системе секретного сотрудничества? Как организовывалось это сотрудничество и провокация?

Комиссаров. — Вы спрашиваете, каким образом раздобывались секретные сотрудники?

Председатель. — Вообще, что вы знаете о постановке политического сыска? В частности, нас интересует не внешнее наблюдение, а внутреннее, т.-е. секретное сотрудничество и провокация.

Комиссаров. — Секретное сотрудничество организовалось таким образом: когда, например, производился обыск или аресты по известной группе, то, при допросах, старались склонить к откровенным показаниям или к тому, чтобы соглашались работать, т.-е. давали бы сведения, оставаясь в партии и получая за это определенное вознаграждение.

Председатель. — Вам известно, что это делалось по распоряжению департамента полиции, на основании циркуляров департамента полиции?

Комиссаров. — Только по распоряжению департамента полиции.

Председатель. — Вы знаете о существовании инструкции о секретном наблюдении?

Комиссаров. — Как же, безусловно знаю.

Председатель. — Это довольно объемистая тетрадь, разработанные правила?

Комиссаров. — Есть правила относительно внутренней агентуры и есть относительно наружного наблюдения.

Председатель. — Вы знаете, какого происхождения эта тетрадь? Кто вырабатывал эту инструкцию и кто выполнял? Она начала составляться, когда вы уже работали в петроградском охранном отделении, — несколько позже вашего поступления.

Комиссаров. — Я думаю, что начало было в 1902 — 1903 году.

Председатель. — Значит, до вашего поступления на службу?

Комиссаров. — Когда я попал в департамент полиции, при Лопухине, то в департаменте полиции был особый отдел, где до меня был Зубатов. И, насколько в департаменте полиции делопроизводители, помощники и младшие были народ интеллигентный, все с высшим образованием, универсанты и правоведы, настолько особый отдел имел странный, специфический вид.

Председатель.—В чем же заключался этот специфический вид?

Комиссаров. — Там был совершенно иной подбор лиц. Туда попадала публика из бывших охранников или из новых сотрудников. Там был при мне Меньшиков, человек полуинтеллигентный, Трутков — человек совершенно неинтеллигентный, Квицинский — это уж бог знает что. Такие типы были. Но, кроме особого отделения, там был сверх-особый отдел — самый главный. Там было два лица: Медников и Гурович.

Председатель. — Это были провокаторы?

Комиссаров. — Особым отделом заведывал Макаров, Н. А. — Он теперь, кажется, умер. Кроме того, как я сказал, был сверх-особый отдел, который ворочал всем и вся и даже самим Лопухиным: это были Медников и Гурович. Гурович прежде был рыжий мужчина, — фамилия его была Гуревич; в департаменте он стал жгучим брюнетом и Гуровичем.

Председатель. — Откуда вы все это знаете?

Комиссаров. — Из департаментских сфер, потому что у меня шла крупная борьба с Медниковым и Гуровичем.

Председатель. — Вы начали рассказывать все это в ответ на наш вопрос об инструкции?

Комиссаров — Я опять-таки говорю, что, будучи два года в департаменте полиции, я абсолютно никакого отношения к политическому розыску не имел. Но понятно, встречаясь с ними, слушал и знал более или менее, кто и что делал. После нескольких фактов, я вступил в полную борьбу с Гуровичем и Медниковым, и мне удалось их обоих выжить.

Председатель. — На какой почве?

Комиссаров. — На почве личной и служебной.

Председатель. — За что боролись вы и за что боролись они?

Комиссаров. — Позвольте, я постепенно перейду. Я говорю, что дело всего политического розыска было в руках этих двух лиц — Медникова и Гуровича. Они делили все поровну: Медников занимался наружным наблюдением, а Гурович секретной агентурой. И все, кто служил по разным отделениям, по жандармским управлениям, должны были слепо подчиняться и поклоняться этим двум господам. От них зависело все. Все были отданы Медникову и Гуровичу в полное подчинение, и сам Лопухин, безусловно, в этом отношении слепо подчинялся.

Председатель. — Вернитесь к ответу на вопрос об инструкции.

Комиссаров. — Первые указания начались, мне кажется, от Гуровича по секретному, а по наружному от Медникова. Вот, мне кажется, начало. После этого и начали вырабатывать инструкцию. Это делал полковник Еремин, частью Климович, который был в особом отделе, а после полковника Еремина был Беклемишев. Впервые мы получили печатную инструкцию в то время, когда она была разработана Ереминым и Беклемишевым.

Председатель. — К какому году это относится?

Комиссаров. — Я не могу сказать. По всей вероятности, это было в 1908 году.

Председатель. — В 1907 г. — Эта инструкция не была напечатана типографским способом?

Комиссаров. — Мне кажется, что нет, — не типографским способом, когда она шла от Гуровича и Медникова, она была отпечатана литографским способом, а после того была разослана Ереминым в печатном виде. И я помню, я получил ее в 1909 году, когда я был в Красноярске, потому что из этого вышла целая переписка.

Председатель. — Так что вы получили один печатный экземпляр этой самой инструкции?

Комиссаров. — Печатный экземпляр. Так.

Председатель. — Ведь по должности вашей начальника жандармского губернского управления вам приходилось ведать секретной агентурой?

Комиссаров. — Безусловно.

Председатель. — Как вы смотрели на существование этой предписываемой в инструкции агентуры? Вы не проверяли начальство с точки зрения закона, а просто исполняли требование начальства, т.-е. исполняли инструкцию?

Комиссаров. — Безусловно.

Председатель. — Но откуда вы брали секретных сотрудников и что они у вас делали?

Комиссаров. — Т.-е., видите ли, как раз в то время, в 1909 году, в те 10 месяцев, которые я провел в Сибири, там безусловно не было никакой агентуры. Вы можете убедиться в этом из департаментских отчетов.

Председатель. — Почему же там не было агентуры?

Комиссаров. — Я там пробыл всего 10 месяцев. Нельзя же пойти и упрашивать, чтобы кто-нибудь пошел в сотрудники.

Председатель. — Но, вероятно, до вас еще там была агентура. Вы же были там не единственный, и помощники у вас там были.

Комиссаров. — Нет, в Сибири этого безусловно не было. В Сибири было очень в этом отношении. . . Я сейчас не помню. . .

Председатель. — А в Вятке?

Комиссаров. — В Вятке — и говорить нечего. Я пробыл там три недели.

Председатель. — В Перми?

Комиссаров. — В Перми были сотрудники, я застал; не помню, кто, там и дела-то не было. 1900-е годы были самые спокойные.

Председатель. — Сотрудник обыкновенно ходит к вам, получает определенное жалованье каждый месяц?

Комиссаров. — Определенное жалованье.

Председатель. — Он ходит к вам в жандармское управление или на конспиративную квартиру?

Комиссаров. — На конспиративную квартиру. Это непременное условие. Если бы в жандармское ходил, то его убрали бы из департамента.

Председатель. — И это строго соблюдалось?

Комиссаров. — Нам категорически предписывалось иметь штатское платье.

Председатель. — Даже, кажется, пособие вы получали на штатское платье?

Комиссаров. — Вот, к сожалению, — я это как курьез говорю, — требовать-то требовали, а насчет пособий кончалось больше перепиской.

Председатель. — Другие были более счастливы, чем вы. В книгах департамента полиции оказались следы очень частых ассигновок на штатское платье. Итак, сотрудник ходит в штатском, видитесь вы на конспиративной квартире. Но, одновременно с этим, он состоит в какой-нибудь организации, что-нибудь освещает.

Комиссаров. — В этом отношении он ставит нас в курс дела, сообщает, что делается в той группе или организации, в которой он работает.

Председатель. — И через некоторое время вы, — что называется по инструкции, — ликвидируете эту организацию?

Комиссаров. — Ликвидируем.

Председатель. — До каких же пор вы даете работать этой организации?

Комиссаров. — До тех пор, пока она чего-нибудь конкретного не сделала, так как иначе это будет уже чистой провокацией, как вы изволили выразиться. У меня этого не случалось, вы сами можете видеть это из дел. Если у какой-нибудь организации являлось, положим, желание поставить типографию, — то, понятное дело, если только она поставит типографию, ни один мало-мальски порядочный человек не допустит эту типографию до существования, а сейчас же будет ликвидировать.

Председатель. — Но разве не жалко бывало, с точки зрения политического сыска, что вы захватили типографию, не получив еще дополнительных сведений?

Комиссаров. — Это как раз была тенденция Гуровича, что именно, как вы говорите, жалко. Такая система и была у Гуровича, — говорю то, как курьез, — что и награды давались обыкновенно по числу типографий.

*

Председатель. — Это была система Гуровича?

Комиссаров. — Гуровича. Как курьез, могу сообщить, что в Екатеринославе в течение года 9 типографий открылось, — конкуренция была!

Председатель. — Это Кременецкий. А сколько времени у вас продолжалось внутреннее освещение организации — до ликвидации ее?

Комиссаров. — Оно могло продолжаться, собственно говоря, бесконечно.

Председатель. — Но на практике?

Комиссаров. — Я не понимаю вопроса. Вы говорите: сколько времени сотрудник может пробыть?

Председатель. — Нет. Сколько времени вы продолжаете видеться с вашим сотрудником, не трогая самой организации?

Комиссаров. — Это, собственно говоря, в зависимости от того, в каком положении находится организация. Если организации нет, то ее и не трогают.

Председатель. — Потому что нечего трогать. А если организация есть?

Комиссаров. — То сейчас же сообщается в департамент полиции, и ее моментально ликвидируют.

Председатель. — Так таки моментально и ликвидируется?

Комиссаров. — Если организация начинает работать, то безусловно, моментально ликвидируется.

Председатель. — Через сколько времени, однако, это делалось в вашей практике?

Комиссаров. — В моей практике не было ни типографий, ни складов, ничего не было. У меня был только... не помню, как это называется (думает) — один только был арест — в Царицыне. И это продолжалось дней пять-шесть. Вы можете посмотреть по делам. Они были сейчас же переданы прокурорскому надзору для дознания.

Председатель. — Вы ликвидировали организацию через пять дней после того, как вам стало известно о ней?

Комиссаров. — Да, через неделю.

Председатель. — Не было ли у вас случая более продолжительного внутреннего наблюдения?

Комиссаров. — Внутреннего наблюдения? Как оно ведется?... За мое время организации не было безусловно. Были временно посылаемые лица. Но обыкновенно кто-нибудь приезжал, и тогда, если удавалось этого приезжего захватить, он и организовывал. Сама агентура может и не знать, потому что центральной большой агентуры в провинции обыкновенно нет.

Председатель. — Во всяком случае, организация некоторое время существует, и сотрудник освещает ее?

Комиссаров. — Освещает, безусловно.

Председатель. — А вы считаете это правильным, с точки зрения закона, что, во-первых, вы поддерживаете сношения и выдаете жалованье человеку, который является преступником, потому что он член организации, а, во-вторых, предоставляете этой организации некоторое время для работы?

Комиссаров. — Это безусловно неправильно.

Председатель. — Т.-е. незаконно? Так и вы считаете?

Комиссаров. — Т.-е. со стороны закона. . . (молчит).

Председатель. — Повидимому, это незаконно, не правда ли?

Комиссаров. — Повидимому, незаконно.

Председатель. — Скажите, а какие при вас были крупные организации, говоря терминами этой вашей инструкции, в Саратове, например, в 1912 — 1915 г.г.?

Комиссаров. — В Саратове крупных не было. Только в Царицыне.

Председатель. — Какая группа была там ликвидирована?

Комиссаров. — Не помню. Там небольшая группа были ликвидирована, — пять или шесть человек. Крупных не было.

Иванов. — Что значит ликвидировать? Это значит, просто арестовать? Я не знаком с этим языком.

Председатель. — Да, по инструкции — ликвидировать — это значит арестовать.

Комиссаров. — За мое время, в Саратовской губ. и в самом Саратове, может быть, было пять-шесть обысков, больше не было.

Председатель. — Как же департамент полиции не уволил вас за бездействие власти, за то, что ни одной типографии не открылось?

Комиссаров. — В мое время, слава богу, начался перелом. Когда я был в Саратове, тут был Джунковский.

Председатель. — Но вы начали, должно быть, при Золотареве.

Комиссаров. — Может быть, несколько месяцев, — месяц или два, — я был в Саратове при Золотареве.

Председатель. — А затем при вас директором департамента полиции был не только Джунковский и Белецкий и, если про Джунковского можно сказать, что он это не очень поощрял, то относительно Белецкого этого сказать нельзя.

Комиссаров. — Тон задавал всегда товарищ министра.

Председатель. — Вы думаете, что директора департамента всегда слушались товарища министра?

Комиссаров. — Если не слушались, то считались. Главным образом, тон задавал товарищ министра.

Председатель. — Скажите, а существовала в ваше время экспроприация, — экспроприация, возникшая при помощи сотрудников?

Комиссаров. — При мне — экспроприация?. . . где?. . . когда я был в Петербурге?

Председатель. — Относительно того, что происходило при вас в Петербурге, вы, может быть, и не очень осведомлены. Я спрашиваю о том времени, когда вы были самостоятельны в Саратове.

Комиссаров. — При мне была только одна экспроприация, т.-е. просто был ограблен один завод... Там ограбили свои собственные черкесы. А второй раз, почтальон украл 8 или 9 тысяч. Это были экспроприации без сотрудников.

Председатель. — С кем из лиц, ведающих охраной, вы были в хороших отношениях?

Комиссаров. — Из лиц, ведающих охраной, абсолютно, кажется, ни с кем. Потому что, — видите ли, — когда я был в департаменте полиции, мне пришлось быть совершенно отчужденным.

Председатель. — А потом?

Комиссаров. — Я был совершено отчужден от них всех, потому что в то время я, собственно говоря, почти совершенно разошелся с петербургским охранным отделением, довольно остро разошелся. И вот из-за чего. В то время я из корпуса прямо попал в Петербург. Сначала я не служил в департаменте, поэтому знакомств у меня там быть не могло, а те два года, до 1906 года, что я пробыл в департаменте, я ходил в гражданском и жил под чужой фамилией, так что меня почти никто не знал. У иностранных послов меня знали многие служащие, со своими офицерами и департаментом я совершенно не мог быть знаком. Я чуждался и жил особняком.

Председатель. — Но с генералом Герасимовым?...

Комиссаров. — С Герасимовым, я должен сказать, было таким образом... Я, собственно говоря, женился на жене Герасимова, и это не могло быть поводом к близким отношениям, а, наоборот, скорее послужило поводом к обостренным отношениям. И вот, так как Герасимов был у нас очень крупной фигурой, и большинство считалось с ним, из-за этих обостренных отношений с ним у меня и с остальными были отношения не особенно важные.

Председатель. — Скажите, неужели за все время вашей работы в Петрограде вы помните только двух секретных сотрудников — Азефа и Левского?

Комиссаров. — Я ни одного из сотрудников в глаза не видал.

Председатель. — Но вы знаете по делам.

Комиссаров. — По поводу дела 2-й думы знаю Шорникову и еще другого господина, которого я только видел у себя в кабинете, когда он получал паспорт. Это, несомненно, поляк. Знаю, что он жил где-то на границе России и Австрии или в Варшаве. Их было три брата, и он, кажется, был что-то в роде секретаря.

Иванов. — Бродский?

Комиссаров. — Бродский. Вот Бродского я видел. И Шорникову.

Председатель. — Вы узнали Шорникову, когда она сотрудничала в охранном отделении?

Комиссаров. — Я вам скажу, каким образом это было. Я помню, из жандармского управления была получена бумажка о том, что, при каком-то дознании, какая-то Шорникова выразила согласие давать сведения.

Председатель. — Когда это было?

Комиссаров. — Этого я не могу сказать. Вероятно, в 1907 году, потому что я был тогда в петербургском охранном отделении. Такие бумажки сейчас же передаются начальнику охранного отделения. И тогда было поручено — я не помню, Кулакову или Доброскоку? — кажется Кулакову — поехать и повидаться. И вот, через некоторое время, в охранном отделении докладывают, что пришла какая-то Шорникова. Я ее увидел тогда в первый раз и спросил, что ей надо. Я только один раз ее и видел.

Председатель. — А кто работал с ней или, как это называется, руководил ею?

Комиссаров. — Еленский, — безусловно. Я помню, что Еленский вел с нею сношения и, когда делался обыск в этой организации, она ужасно волновалась, чтобы его телеграмма к ней не попала там. Он послал ей телеграмму, потому что был с ней в сношениях. Я думаю, что Шорникова была в военной организации и если бы там нашли телеграмму помощника начальника охранного отделения и ее поместили бы в протокол, то . . .

Председатель. — Что вам известно об участии в этом деле Шорниковой, с одной стороны, и Столыпина, вообще вашего высшего начальства, с другой?

Комиссаров. — Об их участии в чем?

Председатель. — Об участии в постановке этого дела. Вы же знаете, что это дело было инсценировано, поставлено на суд.

Комиссаров. — Я знаю только одно, что Шорникова была и Бродский. Я узнал об этом post factum, — во время ликвидации. Помню только одно, что все они очень были довольны, что архив военной организации был, что-то такое в течение месяца, в их руках. Это я помню хорошо.

Председатель. — В течение месяца до ареста?

Комиссаров. — До ареста.

Председатель. — Значит, она передала архив?

Комиссаров. — Не знаю, она ли передала или Бродский, но только архив был у них, и они были довольны.

Щеголев. — Может быть, архив хранился в охранном отделении?

Комиссаров. — Нет, я только одно помню, что все они очень волновались, — Доброскок, Кулаков и Еленский.

Председатель. — Это было радостное волнение, оттого, что удалось заполучить архив?

Комиссаров. — Радостное волнение.

Председатель. — Вы знаете, что все дело Шорниковой было выдающееся дело. Вы были в охранном отделении в то время, скажите нам, как Герасимов ездил к Трусевичу, как ездил Макаров к Столыпину?

Комиссаров. — Опять-таки я говорю, что я лично в этом отношении. . .

Председатель. — Это мы усвоили. Вы сидели, заведывали канцелярией, — так как вы, повидимому, умеете отделывать и составлять бумаги, а офицеры были телеграфисты и не очень хорошо писали и т. д. Но мы не про вашу деятельность сейчас вас спрашиваем, а про то, что вы видели и слышали, как готовилось это дело с.-д. фракции 2-й государственной думы.

Комиссаров. — Разве вам кто-нибудь скажет!

Председатель. — Мы думаем, что вы можете сказать.

Комиссаров. — Сохрани бог и помилуй!

Председатель. — Хотя вы это не готовили. . .

Комиссаров. — Я вам скажу таким образом. Мне пришлось столкнуться с Шорниковой года через три или четыре.

Председатель. — Мы к этому перейдем. Вы расскажите о том, что относится ко времени дела с.-д. фракции.

Комиссаров. — Этого, уверяю вас, никто в канцелярии знать не мог. Я думаю, что и Доброскок в этом отношении вам не скажет. Это велось Еленским и Герасимовым.

Председатель. — Еленским и Герасимовым?

Комиссаров. — Еленским и Герасимовым, это безусловно.

Председатель. — Вам лично никогда не приходилось докладывать об этом деле Столыпину или Макарову?

Комиссаров. — Нет, никогда. Да разве это возможно было?

Председатель. — Вы сказали, что архив был некоторое время в распоряжении охраны. А вы знаете, что наказ гарнизону или воинской части тоже был в руках Еленского и Герасимова до производства ареста и в копии передан ими начальству?

Комиссаров. — Этого я не знаю. Я помню только, что они усиленно ждали, что наказ и солдаты будут во время обыска на Невском проспекте.

Председатель. — В с.-д. фракции государственный думы?

Комиссаров. — Я помню, что в то время, как отправлялись на обыск, Еленский и Герасимов твердили, что должны быть застигнуты нижние чины и должен быть застигнут наказ. Относительно наказа я хорошо помню. Но был ли этот наказ в руках Еленского или Герасимова — об этом я, даю слово, — понятия не имею.

Председатель. — А Шорникова была арестована в момент ареста?

Комиссаров. — Нет, не была. Видите ли, я только факты отдельные помню. Вот про телеграмму... Кажется, Шорникова ушла.

Председатель. — Другими словами, ей дали возможность скрыться.

Комиссаров. — Не помню. Очевидно, да.

Председатель. — А какие меры принимались к тому, чтобы дать ей возможность скрыться? Давались ей деньги, паспорт?

Комиссаров. — Нет... Опять я вам говорю, — это дело велось Еленским и Герасимовым.

Председатель. — Но до вас ничего не доходило по вопросу о том, как ее скрывали?

Комиссаров. — Я знаю только, что она ругательски ругала их, когда я с ней встретился потом впервые.

Председатель. — Т.-е. когда вы в Саратове встретились?

Комиссаров. — Она ругательски ругала их и говорила, что ее использовали и выбросили за борт, что дали ей всего 800 руб., и она путалась в Казани.

Председатель. — Не признавалась она вам, что она это дело сделала, т.-е. провоцировала?

Комиссаров. — Она, собственно, производила впечатление полунормального человека. Истеричка какая-то она была, по-моему.

Председатель. — А что же она говорила?

Комиссаров. — Она всецело обвиняла в этом отношении и Герасимова, и Еленского.

Председатель. — В каком отношении она их обвиняла?

Комиссаров. — Что ее использовали и бросили за борт.

Председатель. — Как именно ее использовали?

Комиссаров. — Относительно наказа?

Председатель. — Вообще относительно постановки этого дела.

Комиссаров. — Я в этом отношении, — верьте мне, — я только заведывал, писал. Когда я с ней встретился, она жаловалась. Я два раза с ней встретился. Один раз в Уфе, а другой раз она приехала в Саратов.

Председатель. — Значит, Шорниковой дали возможность скрыться. И, дав ей возможность скрыться, написали циркуляр об ее розыске и прописали ее в розыскных ведомостях?

Комиссаров. — Это безусловно.

Председатель. — Расскажите теперь, как эта Шорникова пришла к вам, через три года и что вы тогда сделали?

Иванов. — В Уфе и в Саратове.

Комиссаров. — Видите ли, я приехал в Уфу по распоряжению департамента полиции, так как там были нелады между губернатором Ключаревым и прокурором. Приехал я в Уфу и ознако-

мился с постановкой дела по жандармскому управлению. Мне показали там сотрудников и говорят: «вот бывшая Шорникова». Она была тогда уже замужем за каким-то машинистом.

Председатель. — Вам в числе сотрудников ее показали?

Комиссаров. — Да.

Председатель. — А по какой части она там сотрудничала?

Комиссаров. — Нет, она служила на железной дороге или в конторе — телеграфисткой или конторщицей. В Уфе это было.

Председатель. — Но что же она делала в качестве сотрудницы отделения?

Комиссаров. — Это так требовали, чтобы были сотрудники, и, как это ни смешно, много набирали их для счета. Но, смею вас уверить, она пришла в жандармское управление.

Председатель. — Что же она делала в жандармском управлении?

Комиссаров. — Понятия не имею. Она, кажется, конторщицей была.

Председатель. — А кто требовал, чтобы были сотрудники? Откуда эти требования исходили?

Комиссаров. — Из особого отдела департамента.

Председатель. — У вас началась по поводу Шорниковой переписка с департаментом полиции?

Комиссаров. — Она явилась ко мне в Саратов и стала просить, чтобы я ей дал денег, — она хотела уехать за границу. Так как я с ней никакого дела не имел и не хотел ничего брать на себя, я написал в департамент. Департамент не отвечал, я опять написал. Она говорит: «Куда же мне деваться?» В конце концов я уговорил ее, чтобы она уехала в Петроград, дал ей на дорогу денег и отправил к Джунковскому. Джунковский поставил мне в обвинение, что я Шорниковой нарочно ставлю затруднения в министерстве внутренних дел. Она была, как полупомешанная, когда была в Саратове, без копейки денег, совершенно обтрепанная, деваться ей некуда было, показаться на улицу боялась, потому что была пропечатана сотрудницей, а, с другой стороны, боялась департамента полиции, который ее использовал и ей отказал. Действительно, ее положение было отчаянное.

Председатель. — Вы говорите, что она была замужем?

Комиссаров. — Она вышла замуж, чтобы от своей фамилии отделаться.

Ольденбург. — Значит, она другую фамилию носила?

Комиссаров. — Да, но все же было известно.

Щеголев. — Вы здесь упоминали об инструкции. Скажите, когда вы были в Перми, Вятке и Красноярске, вы пользовались ею, как руководством?

Комиссаров. — Понятно, я ее просматривал. Мы обязаны были знать ее наизусть. Представлялся ежегодный отчет о том,

известна ли эта инструкция, и о том — все это черным по белому было написано: знание инструкции внутренней агентуры, знание инструкции наружной агентуры, а кроме того, в какой степени это усвоено.

Щеголев. — Когда вам пришлось руководить сотрудниками, вам приходилось посылать кого-нибудь за границу?

Комиссаров. — Метальников ездил.

Щеголев. — Из Перми?

Комиссаров. Да.

Щеголев. — Он был с вами в переписке?

Комиссаров. Да.

Щеголев. — Вы его посылали на счет вашего отделения или на средства департамента полиции?

Комиссаров. — На счет департамента полиции.

Щеголев. — Донесения он вам писал?

Комиссаров. — Донесений он никаких не писал. Между прочим, его жена была в хороших отношениях с женой Петрова и рассказывала, будто он имеет сношения со мной.

Председатель. — Что вы знаете о другом деле, происшедшем в бытность вашу в петроградском охранном отделении, — о деле Никитенко. Это дело приготовления к цареубийству, — провокационное дело.

Комиссаров. — Там даже никого из помощников не было. Это дело было всецело в руках Герасимова.

Председатель. — Который проводил его вместе с заведующим охраной в Царском Селе, Спиридовичем?

Комиссаров. — Фамилию Никитенко я помню. Там был, кажется, арестован один конвоец.

Председатель. — Он не был арестован, но был участником этого дела. Этот Ратимов, через которого они провоцировали.

Комиссаров. — Я помню, это дело вел Герасимов. Он страшно конспирировал. Вечно он имел сношения с начальником железнодорожного полка или батальона. Потом возился со Спиридовичем, с Дедюлиным. Помню, посылали какие-то письма или телеграммы. Это я знаю из рассказов.

Председатель. — Т.-е. Герасимов вместе со Спиридовичем посылал телеграммы?

Комиссаров. — Кому не помню, но помню, что письмо или телеграмму посылал.

Председатель. — Лейтенанту флота Никитенко, который был тогда письмоводителем присяжного поверенного Феодосьева?

Комиссаров. — Я помню, что какое-то письмо писалось от имени этого конвойца. Помню, я этого конвойца видел один раз в охранном отделении.

Председатель. — Его принимал Герасимов?

Комиссаров. — Безусловно. Должен сказать, что такие дела, как это, становятся известны в отделении уже post factum, потому что в то время, когда дело велось, об этом безусловно никто не знал в отделении. В этом смею вас уверить. Обыкновенно посылались филеры для наблюдения за кем-нибудь. Но почему, зачем посылались, этого безусловно никто не знал.

Председатель. — Постарайтесь припомнить еще какое-нибудь обстоятельство, касающееся дела Герасимова, Спиридовича, Ратимова и Никитенко.

Комиссаров. — Мне вспоминаются как будто два или три человека из батальона. После этого солдат-конвоец приходил к нам. Мы не видали тогда, когда он пришел; доложили Герасимову, — он в это время был в кабинете; он сейчас же бросил все и ушел. После мы узнали, что солдат, который приходил, был конвоец. Мы думали, что это от Дедюлина письмо, так как Герасимов был с ним в сношениях. А после я видел этого конвойца уже в лицо. В третий раз он был в нашем отделе, когда уезжал на родину: его или уволили срочно или просто он кончил срок, — не знаю.

Председатель. — А во второй раз он был до того, как дело раскрылось?

Комиссаров. — Во второй раз я видел его, — он был в форме конвойца. Он прошел к Герасимову и с ним разговаривал. А в первый раз мы его не видали, так как Герасимов сошел вниз, а мы были во втором этаже. Но мы заинтересовались, кто это был, потому что он ушел конспиративно. Говорили, что был кто-то в форме конвойца.

Председатель. — А вам известно, что Герасимов ездил в Царское Село для свидания со Спиридовичем?

Комиссаров. — Он безусловно ездил по этому делу, но с кем было свидание в Царском Селе, — с Дедюлиным или со Спиридовичем — этого я не могу сказать.

Председатель. — А вы знаете, что до сношения с Ратимовым было установлено наблюдение за Никитенко и что это наблюдение ни к чему не привело?

Комиссаров. — Нет. Должен сказать, что у нас наружное наблюдение подчиняется тому, кто ведет агентуру, а я, как заведующий канцелярией, с наружным наблюдением ничего общего не имел. Я помню, кажется, одновременно с этим был какой-то певчий.

Председатель. — Наумов?

Комиссаров. — Фамилии его не помню.

Председатель. — Сын заведующего почтово-телеграфной конторой?

Комиссаров. — Не могу этого сказать, помню, что, одновременно с этим делом, Герасимов имел дело с певческой капеллой.

Председатель. — Вы уже говорили, что Шорникову во время ареста членов с.-д. фракции государственной думы не только не арестовали, но помогли ей скрыться, дали ей денег и паспорт. Вам известны другие случаи из практики ваших сослуживцев, когда им приходилось покрывать людей, преступных с точки зрения закона? Не известны ли вам какие-нибудь особенно резкие случаи сокрытия более тяжких преступлений?

Комиссаров. — Я сейчас припомнить не могу.

Председатель. — Но это снабжение паспортами, укрывательство, это было обычным явлением и происходило согласно инструкции?

Комиссаров. — Понятно, давали укрываться.

Председатель. — Не было ли в практике саратовского жандармского управления особенно резкого случая — с убийством одного человека, когда убийцу не только не открыли, а, напротив, прикрыли, хотя он был известен?

Комиссаров. — Не будете ли вы добры напомнить мне?

Председатель. — Вам ничего не говорит кличка «Тит»?

Комиссаров. — Я сам писал в департамент, — сейчас хорошо не помню, но знаю, что я сам потребовал, чтобы его убрали вон. Я узнал, что этот Тит служит в Казани и что начальник казанского управления хотел иметь его у себя. Я тогда запротестовал и написал в департамент полиции, что считаю это совершенно недопустимым.

Председатель. — Почему?

Комиссаров. — Что же убийцу держать.

Председатель. — А к какому времени относилось совершенное убийство?

Комиссаров. — Я узнал об этом совершенно случайно. Когда я был в Казани, я рассматривал там дела и увидел, что, действительно, там был такой тип. Я запросил.

Председатель. — Вы заглянули в дело и убедились, что этот человек убил другого и что это дело замяли?

Комиссаров. — Да. Я написал об этом начальнику казанского управления, который отнесся к этому совершенно добродушно, спокойно. Я возмутился и написал в департамент полиции.

Председатель. — Этот убийца был до вас секретным сотрудником в Саратове?

Комиссаров. — Это было без меня, но знаю, что был такой случай.

Председатель. — Не помните ли вы, что мотивом убийства было то, что убитый, по предположению убийцы, мог его выдать?

Комиссаров. — Из дела это видно.

Щеголев. — Откуда вы узнали, будучи в Саратове, о том, что этот сотрудник был убийцей?

Комиссаров. — Из рассказов.

Щеголев. — Из чьих рассказов?

Комиссаров. — Кажется, полиции. В каждом управлении есть сотрудники, которые образуют нечто в роде справочного бюро. Таких в Саратове было два или три. И когда нужно было узнать, что было прежде, то зовешь этих справочников. Так, между прочим, помню, я и про этого Тита узнал. Когда я узнал, что этот Тит находится в Казани, я начал справляться, кто такой, и мне сказали, что он убил человека, — я написал в Казань Калинину, а через некоторое время, узнав, что Калинин выгнал его вон, я написал и Калинину и в департамент, что это недопустимая вещь. Вы из дела увидите это.

Щеголев. — Вы этого Тита никогда не видали?

Комиссаров. — Не видал.

Щеголев. — И не знаете, был ли он привлечен или нет?

Комиссаров. — Не знаю.

Председатель. — Вы помните, что к тому времени, когда вы служили в департаменте полиции, относится запрос по поводу погромных прокламаций, которые тогда печатались?

Комиссаров. — И которые приписывались мне?

Председатель. — Да, которые приписывались вам.

Комиссаров. — Двенадцать лет я молчал и ждал, и сейчас вы изволите узнать, что это за погромные прокламации. Никогда в жизни никакой прокламации я не писал. Все это от начала до конца ложь. Как я уже говорил вам, у нас был Медников, был Гурович, был особый отдел, которым заведывал Макаров. Лопухин был честнейший человек, но был в руках этой группы лиц и совершенно слепо исполнял все, что они от него требовали. Я занимался в то время иностранными делами, — вы можете это проверить, — у меня были заняты день и ночь, ответственность была колоссальная, малейший промах, малейший скандал—было бы чорт знает что. У меня в департаменте среди служащих были профессора, — проф. Попов и другие лица. Это сильно конспирировалось, — считали, что мы розыском занимались, — потому что в департаменте было несколько сот служащих, и если бы кто-нибудь из них узнал правду — это сейчас же стало бы известно. Это называлось у нас секретным отделением. У Макарова дела было мало, но дело было показное, выигрышное, красивое дело; я имел к нему отношение и, кроме того, я был ему всем обязан, он много для меня сделал. В один прекрасный день Макаров приглашает меня к себе и говорит: «пожалуйста, поезжайте в жандармское управление и возьмите там маленькую бостонку, — чтобы не давать эти бланки через департамент полиции». Говорит, чтобы я послал за ней служителя.

Председатель. — Что такое бостонка?

Комиссаров. — Это такая машинка маленькая (показывает). Привезли эту машинку, но никто не умеет с ней обращаться, не

знает, как печатать на ней бланки. Я прихожу к Макарову и говорю, что привез ее. И начинается такого рода разговор относительно тукумских событий, что в Тукуме какой-то эскадрон был перерезан латышами и что нужно написать воззвание к солдатам. Поговорили об этом, и я ушел. Дней через пять — шесть опять вызывает меня Макаров и говорит: «Вот вам листочек, это нужно будет вам отпечатать у себя». Я говорю: «Я не умею печатать». — «Вы, — говорит, — не беспокойтесь». Через несколько времени приходит какой-то франт. После выяснилось, что это некто Соркин, — служил в департаменте полиции, бог его знает. Соркин принес с собой немного шрифта, набрал что-то и отпечатал штук 300 — 400, небольшую пачку.

Председатель. — Что именно печатали?

Комиссаров. — Воззвание к войскам какое-то. Там было сказано по поводу тукумских событий, что солдат убили, солдаты должны быть возмущены, — в этом духе. Оно было короткое.

Председатель. — Обращение к солдатам, побуждающее их возбудиться по поводу этих событий?

Комиссаров. — Воззвания были отпечатаны, потом их взяли и унесли.

Председатель. — А Макаров какой листок дал напечатать?

Комиссаров. — Это был набросок воззвания.

Председатель. —Значит, вы сделали это по поручению Макарова?

Комиссаров. — Да, он мне дал.

Председатель. — Какую он занимал должность?

Комиссаров. — Он был заведующим особым отделом, потом был помощником в Москве, а потом уехал в Швейцарию.

Председатель. — Кто же печатал, — Соркин и вы? Или вы не печатали?

Комиссаров. — Безусловно, нет, Соркин печатал.

Председатель. — А я понял так, что вы печатали.

Комиссаров. — Побойтесь бога!

Председатель. — Почему же это в вашем присутствии делалось?

Комиссаров. — Выслушайте меня дальше, и вы сразу поймете. Я прихожу и говорю: «Возьмите эту бостонку к чорту, она мне не нужна». Мне сказали: «Отправьте ее в жандармское управление», — и я ее отправил назад.

Председатель.—Значит, единственное, что сделала бостонка,— это напечатанные прокламации?

Комиссаров. — Только одно воззвание к солдатам, потому что бланки печатать было невозможно. Нужно было иметь типографщика. Проходит месяца два, я совершенно об этом забыл. Приходит ко мне Макаров и говорит: «Вас просят к себе на обед Лопухин и кн. Урусов». Я Лопухина знал. Лопухин в это время,

после истории с ожерельем, совсем ушел из департамента, потом ушел из Ревеля и жил у Урусова на квартире. Когда я пришел на обед, там был Макаров. Зашел вопрос о борьбе между Витте и Дурново. Понятно, Лопухин и Урусов были на стороне Витте. Между прочим, Лопухин сказал мне: «Имейте в виду, — вы не бойтесь и не волнуйтесь, — но мы должны заявить о том, что в департаменте полиции печатались прокламации». И вот доподлинная фраза, которая мне врезалась в память (потому что двенадцать лет я ждал этого... Когда у меня дети были в учебном возрасте и ходили в учебное заведение, все газеты ругали меня и пропечатали это... Два мальчика ходили в учебное заведение, а на меня травля шла всюду и везде... Какую каторгу я вынес!), — вот доподлинная фраза Лопухина: «Видите ли, у нас игра, но в игре и маленькая пичка подчас пригодится»...

Председатель. — Как вы сказали?

Комиссаров. — Маленькая пичка, т.-е. — пика и та бывает нужна в игре. Я ушел. Опять-таки говорю, — вам, может быть, моя характеристика известна: кто мне делает добро, я никогда этого не забываю... Проходит опять месяц или полтора. Меня вызывает к себе Витте. Я ехать не хотел, потому что есть, видите ли, в этом отношении ревность: если поедешь к старшему, не доложивши, то после история будет. А я знал, что Дурново с Витте в скверных отношениях. Я отказался.

Председатель. — В каком году и в каком месяце это было?

Комиссаров. — Двенадцать лет тому назад. Я хорошо не помню.

Председатель. — В 1905 — 1906 г.?

Комиссаров. — Очевидно, в 1906 г., потому что Лопухин не был уже директором, а жил у Урусова. Так вот вызывает меня Витте. Я сказал, что собственно ехать не могу, — не имею на это разрешения. Через некоторое время является чиновник, берет меня за рукав и говорит, что Витте приказал ехать. Я тогда приехал к Витте. Витте, — слов нет, — любезно меня встретил в кабинете, и начинается разговор: «Чем вы занимаетесь?» — «Тем-то и тем-то». — «Какие последние сведения оттуда-то и оттуда-то по поводу иностранных государств?» — Я говорю: «такие-то и такие-то». Тогда Витте открывает стол и вынимает целую пачку прокламаций: «Вам это известно?» — «Нет, — говорю, — неизвестно». Тогда он начинает перебрасывать: — «А это вам известно?» Как раз вынимает, действительно, то самое. «Да, — говорю, — это известно». — «А это у вас печаталось?» Я говорю: «Да, печаталось». — «Каким образом?» Я подробно рассказываю. «А кто печатал?» Я говорю, что Соркин. — «Какой Соркин?» — «Не знаю, понятия не имею. Один раз в жизни видел».

Председатель. — Очевидно, это был кто-то из служащих департамента полиции.

Комиссаров. — Нет, я вовсе не знал. Я сорок раз просил опубликовать, когда меня травили. Знаете, как это для меня было важно в то время. Я потом узнал, — Соркин служил в Москве в одной из типографий, — кажется, бывшего заведующего особым отделом департамента, Сазонова. Одно время после Зубатова был временно Сазонов, это еще до меня. Соркин служил метранпажем и кем-то был там... И вот Витте показывает мне прокламацию. «Да, — я говорю, — верно». — «Это ваша?» — «Наша». — «Так вот имейте в виду, что вас на-днях допросят. Пожалуйста, скажите, нечего там вдаваться в подробности, а прямо скажите, что у вас печаталось». И вот (между прочим, и Лопухин, и Урусов живы, спросите, они вам скажут) оба говорили мне «об этом не беспокойтесь», — одним словом, чтобы я этим не волновался, молчал бы, потому что, во всяком случае, это для меня худо не будет. Вот, позвольте дальше сказать. — Я уехал. На другой день, что ли, являются Камышанский и Рачковский, — я занимался по вечерам в департаменте, — и вызывают меня. Я прихожу в кабинет к ним. Уселись: — «Вот, будьте добры, пожалуйста, отвечать на опросные пункты». Дали мне лист с опросными пунктами, — о том, что печаталось то-то, такая-то печаталась брошюра, не печаталось ли еще что, кто именно печатал. А после этого через несколько времени Урусов объявляет об этом в думе! Урусов первый заявил об этом в думе. Вот и пошла история! Спросите у Лопухина, Урусова, — они живы.

Председатель. — Значит, бумажку принес Макаров?

Комиссаров. — Макаров позвал меня и дал эту самую бумажку. Как теперь помню...

Председатель. — А за какой подписью? От имени какой организации?

Комиссаров. — Абсолютно никакой.

Председатель. — После этого произошла, значит, резня в Тукуме?

Комиссаров. — В Тукуме. Я теперь хорошо не помню, но в Тукуме стоял кавалерийский эскадрон, латыши ночью напали и перерезали эскадрон.

Председатель. — Значит, эта прокламация возбуждала солдат против латышей?

Комиссаров. — Не помню хорошо... В том смысле, что латыши бьют, потому что это революционные организации, а солдаты должны защищать правительство.

Иванов. — Возбуждение солдат против латышей?

Комиссаров. — Я теперь хорошо не помню. Должна же она быть где-нибудь.

Председатель. — Скажите, вы там, в департаменте полиции, один сидели по этому делу или у вас были сотрудники?

Комиссаров. — Там же работал профессор Попов.

Председатель. — В одной комнате с вами или как?

Комиссаров. — Нет, три комнаты было.

Иванов. — Скажите, а когда Макаров показал вам вот эту прокламацию и предложил ее отпечатать, вы читали ее в то время?

Комиссаров. — Читал.

Иванов. — И возражали? Или по содержанию этой бумаги ничего не возражали?

Комиссаров. — Ничего не возражал.

Председатель. — Вы сказали, что Соркин набрал эту прокламацию, и ее отпечатали?

Комиссаров. — И отпечатали.

Иванов. — Где теперь этот Соркин?

Председатель. — В Москве?

Комиссаров. — Должно быть, в Москве.

Председатель. — Это его настоящее имя — Соркин?

Комиссаров. — Да, настоящее.

Иванов. — Он не служил в департаменте полиции?

Комиссаров. — Не могу вам сказать.

Председатель. — Теперь перейдем к позднейшему времени. Скажите пожалуйста, каковы были ваши отношения с Протопоповым, министром внутренних дел?

Комиссаров. — Протопопова я знал лет 25 или 26 тому назад, когда я только что вышел в офицеры. После этого я два раза видел Протопопова на квартире у Белецкого, когда он был товарищем председателя государственной думы.

Председатель. — Когда вы его видели у Белецкого?

Комиссаров. — Я его очень часто видел у Белецкого.

Председатель. — Часто видели?

Комиссаров. — В течение всего 1916 года.

Председатель. — Вероятно, части этого года?

Комиссаров. — Т.-е. в августе 1916 года видел его там часто. Потом я уехал в Ростов, а когда вернулся из Ростова, я был уволен.

Председатель. — В течение 1916 или 1915 года?

Комиссаров. — Несомненно, 1915 года. Когда я приехал из Саратова, — значит, в конце 1915 года и в начале 1916 г., — он очень часто бывал у Белецкого.

Председатель. — А в каких отношениях вы были с Белецким?

Комиссаров. — В очень хороших, чисто семейных отношениях. Мы семьями были знакомы.

Иванов. — А Протопопов тоже был в хороших отношениях с Белецким?

Комиссаров. — Протопопов приходил по вечерам и всегда сидел в кабинете. Видимо, он был с Белецким в хороших отношениях, потому что часто бывал у него. После, когда я вер-

нулся из Ростова, я тоже видел Протопопова. Он приехал перед тем, как сделался министром — дней за десять.

Председатель. — Приехал в Петроград?

Комиссаров. — Я его видел на другой день, после того, как он приехал в Петроград. Я попросил, чтобы мне сообщили, когда он приедет, и я к нему обратился, как к товарищу председателя государственной думы: мне хотелось тогда повидать Родзянко, так как со мной обошлись крайне непорядочно, — очень даже подло обошлись. Мне хотелось со многими переговорить тогда и с Родзянко в том числе.

Председатель. — Вы имеете в виду ваше удаление в связи с Распутиным?

Комиссаров. Мое удаление по поводу Распутина. Все это, собственно, сплошь одно и то же. Мое увольнение из Ростова — это продолжение Распутинской истории. Я тогда пришел к Протопопову и просил его, чтобы он поговорил с Родзянко. Он мне ответил, что с Родзянкой он не в таких отношениях, а что он сам постарается урегулировать мои отношения с министерством. А дня через четыре он вызвал меня к себе и задает такой вопрос: «Скажите, пожалуйста, вы ничего не слышали? — «Нет, — говорю, — ничего». — «А вы не думаете, что я могу сделаться министром?» Между прочим, когда я был у Хвостова, то шел разговор, что он может быть министром торговли и промышленности. Я и говорю: «Министром торговли и промышленности». Он говорит: «Нет, не торговли и промышленности, а министром внутренних дел!» — Я говорю: «Нет, ничего не слыхал». Вот, когда я в последний раз с Протопоповым виделся. Когда он был назначен министром, я поехал и расписался у него. Понятно, не хотел войти, чтобы не быть назойливым, а только расписался. Проходит дней пять или шесть. Так как Протопопов относился ко мне хорошо, у нас были отношения приличные, — вместе вышли в офицеры, знакомы были. Он так мило относился, я все думал, что он меня позовет. Раз мне сообщают, что Распутин приказал не только меня не принимать, но, если кто меня примет, того выгонят вон.

Председатель. — Кто это вам сказал?

Комиссаров. — Белецкий.

Председатель. — Вы говорите, что вместе с Протопоповым вышли в офицеры?

Комиссаров. — Нет, не в офицеры вышли, а когда я вышел в офицеры и был в Петербурге, Протопопов был в нашей компании.

Председатель. — Он тоже был офицером?

Комиссаров. — Да, он конно-гренадер.

Председатель. — Значит, вы думали, что он вас позовет, а Белецкий вдруг сообщает вам...

Комиссаров. — Белецкий передал, что было приказано не только меня не принимать, но, если кто-нибудь меня примет, тот будет со стороны определенного круга подвержен каре. Белецкий мне заявил, что к нему лично это не относится, что ему все равно, но к Протопопову — мне было сказано — ходить нельзя. После этого я видел Протопопова, во время пребывания его министром, только у Бурдукова, а затем видел его уже в думе.

Председатель. — У Бурдукова вы несколько раз его видели?

Комиссаров. — Один раз. Он там бывал часто. Собственно говоря, это вышло таким образом. Вначале меня уволили без пенсии, без всего. После Хвостов, увидевши, что сделано было неправильно, вернул мне назад мундир и пенсию. Я просил, чтобы мне вернули действительную службу.

Председатель. — Т.-е. чего же именно вы добивались?

Комиссаров. — Я хотел или быть состоящим при министре, потому что состоящим при министре может быть и пенсионер (там несколько таких генералов было), или же получить место какого-нибудь градоначальника. И так как Протопопов меня, очевидно, принимать боялся, то Бурдуков позвал меня тогда на обед. На этом обеде было много народа: Маклаков был, Протопопов, Белецкий, Чехович, Ушаков. . . потом, я не помню фамилию, профессор политической экономии. . .

Председатель. — Мигулин?

Комиссаров. — Мигулин, кажется.

Председатель. — Когда это было?

Комиссаров. — Это было в ноябре или так около этого.

Председатель. — После думских заседаний, вероятно, на которых члены думы выступали с обвинениями против Штюрмера и Протопопова. . .

Комиссаров. — Не могу сказать (думает). Да, да, безусловно, потому что Протопопов рассказывал об этом.

Председатель. — Какое же было отношение к этому присутствовавших?

Комиссаров. — Протопопов рассказывал, все молчали, конечно.

Председатель.—Но он мог бы обидеться, если бы все молчали.

Комиссаров. — Сторонников у Протопопова, кажется, вообще не было.

Председатель. — Даже в числе обедавших?

Комиссаров. — Даже среди них. Кроме, разве, Бурдукова. Тогда Протопопов со мной заговорил. Вначале он, как будто, игнорировал меня, а после обеда позвал меня и говорит: «Я знаю, что с вами неправильно поступили». Я настаивал на том, чтобы постановили сделать официальную проверку. Протопопов категорически отказался, а вместо этого, предложил мне уехать на Кавказ или Финляндию. — Из Петербурга уехать.

Председатель. — На какую должность?

Комиссаров. — Ни на какую. Просто он говорил, что даст мне возможность уехать в Финляндию или на Кавказ.

Председатель. — Вы с Бурдуковым давно знакомы?

Комиссаров. — Нет, недавно. Я познакомился с ним у Белецкого... Я спросил: «Позвольте, почему же на Кавказ или в Финляндию?» Тогда Протопопов ответил, что раз у меня такие отношения с Распутиным, — а это такая персона, — то лучше мне на время уехать.

Председатель. — Ну, а затем, — в декабре, январе, феврале, — как и при каких обстоятельствах вы встречались с Протопоповым?

Комиссаров. — Я говорю, что, после назначения его министром, я всего один раз виделся с ним у Бурдукова, а во второй и последний раз виделся с ним в министерском павильоне.

Председатель. — В течение декабря, января и февраля вы жили в Петрограде?

Комиссаров. — В Петрограде. Я до сих пор не мог пенсии себе выхлопотать.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, не было ли предположения, что вы получите назначение от Протопопова или через Протопопова?

Комиссаров. — Вначале — да. Я просил место петрозаводского губернатора. Меня не назначили. Это началось еще при Хвостове. За меня усиленно хлопотал В. А. Бальц.

Председатель. — Почему он за вас хлопотал?

Комиссаров. — Потому что он меня знал. Он был товарищем прокурора палаты в Петербурге.

Председатель. — Бальц знал вас по вашей деятельности? Какой именно деятельности?

Комиссаров. — В охранном отделении я был.

Председатель. — Разве Бальц заведывал охранным отделением?

Комиссаров. — Он был товарищем прокурора палаты. Прокуратура в связи.

Председатель. — Вы фактически не исполняли должность генерала для поручений при министре внутренних дел?

Комиссаров. — Единственный раз меня вызвали, — когда убили Распутина. Я был где-то в гостях. Приехал домой; жена страшно взволнована, меня ждет жандармский офицер, полковник. Посадил меня в автомобиль и повезли в департамент полиции. Курлов говорит мне в упор: «Вы знаете, что случилось?» Тогда, по правде сказать, я знал и не знал. Одни говорили — убит, другие — сбежал. Я говорю: «В чем дело?» Он мне в упор: «Вы знаете, что Распутина убили?» Я говорю, что — нет, не знаю. Это единственное, что было у меня с департаментом полиции при Протопопове.

Председатель. — И что же, вас отпустили после этого?

Комиссаров. — После этого отпустили и просили, не могу ли я узнать, кто убил.

Председатель. — И вы занялись этим?

Комиссаров. — Как же я могу заняться!

Председатель. — Значит, вы отказались?

Комиссаров. — Нет, я сказал, что хорошо. И уехал.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, не было ли у вас предположения о том, что вы можете быть назначены диктатором Петрограда на 14 февраля в связи с предполагавшимися событиями?

Комиссаров. — Сохрани бог и помилуй! Как же я мог быть назначен?

Председатель. — Вы никому не высказывали такого предположения?

Комиссаров. — Я в здравом уме, — каким же образом я мог быть назначен чем-нибудь, если Распутин считал, что самое мое пребывание в Петрограде равносильно концу его. Так считала вся женская половина двора.

Председатель. — Я говорю о 14-м февраля этого года, когда Распутина не было уже в живых.

Комиссаров. — Почему 14-е февраля?

Председатель. — Как вы знаете, 14-го февраля, с открытием думы предполагались некоторые беспорядки, об этом писали в газетах.

Комиссаров. — Та же самая история была с департаментом, когда я был в Ростове! Когда я был назначен, из департамента полиции запрашивали у Аджемова, не может ли он сделать запрос, почему меня. . .

Председатель. — Кто запрашивал Аджемова?

Комиссаров. — Климович, кажется.

Председатель. — Климович спрашивал Аджемова, не может ли он сделать запрос относительно вас?

Комиссаров. — Относительно меня.

Председатель. — Это когда было?

Комиссаров. — Этого я не знаю. Это нужно у Аджемова спросить.

Председатель. — Откуда же такое плохое отношение к вам со стороны департамента полиции?

Комиссаров. — Плохое отношение со стороны департамента полиции?. . Во-первых, вот почему: министром внутренних дел был Штюрмер, а Штюрмер, как вам известно, был всецело подчинен Распутину, канцлеру.

Председатель. — Как подчинен Распутину?

Комиссаров. — Распутин был в то время канцлером.

Председатель. — Вы говорите, что, в бытность министром внутренних дел Штюрмера, в департаменте полиции хотели, чтобы был сделан запрос на ваш счет?

Комиссаров. — Хотели загрязнить меня тем или иным путем.

Председатель. — Но мой вопрос касательно вашего предположения, что вы можете быть назначены диктатором Петрограда, относится к более позднему времени — к началу февраля. Не было ли у вас в начале февраля. . .

Комиссаров. — Собственно говоря, я не знаю. По-моему, это не серьезная мысль. Если кто-нибудь и болтал. . . Вы говорите — в газетах. . . Это не серьезно.

Председатель. — Я не говорю о газетах. У нас имеются указания на это, и мы должны эти указания проверить. Вы были знакомы с Протопоповым давно. Вы встречались с ним у Белецкого. Отчего же ему было не назначить вас.

Комиссаров. — Когда Протопопов был министром, я виделся с ним только один раз, у Бурдукова, и он предложил мне ехать на Кавказ или в Финляндию.

Председатель. — Теперь скажите, пожалуйста, откуда гнев Распутина на вас и почему вы связываете свое увольнение от должности ростовского градоначальника с Распутиным?

Комиссаров. — Когда я был назначен начальником варшавского управления, оно было эвакуировано . . .

Председатель. — Т.-е. оно не существовало фактически, не функционировало?

Комиссаров. — Тогда меня прикомандировали в Петроград, и я был фактически в распоряжении Хвостова и товарища министра Белецкого. Когда я приехал, то Белецкий и Хвостов обратились ко мне, чтобы я познакомился с Распутиным. Я до тех пор его не видел и понятия о нем не имел. Между прочим, Хвостов и Белецкий говорили, что эта персона настолько серьезная и имеет такое колоссальное влияние на все, что приходится все-таки считаться с ним и что лучше знать, что там делается.

Председатель. — И Хвостов и Белецкий обратились к вам?

Комиссаров. — Да, оба.

Председатель. — Это, должно быть, было в конце сентября?

Комиссаров. — Вероятно, в октябре месяце.

Председатель. — Т.-е. после их назначения: Хвостова — министром внутренних дел, Белецкого — товарищем министра.

Комиссаров. — Повидимому, да. Я тогда познакомился с ним у Бадмаева.

Председатель. — С Распутиным?

Комиссаров. — Да. Ведь Распутин, видимо, был раньше знаком с Хвостовым и Белецким. После того, как я познакомился с Распутиным у Бадмаева, я у него был раза два-три, заходил к нему, по поручению, узнавать, что нового делается, какие новые

планы в Царском и у самого Распутина. Все это шло довольно прилично. Прошло недели две. Вечером, часов в 9, звонит ко мне Хвостов, чтобы я немедленно приехал. Я приезжаю к нему на Фонтанку. Хвостов говорит мне (я приехал в форме): «Есть у вас штатское платье? Поезжайте, переоденьтесь и возвращайтесь». Я поехал домой, переоделся и вернулся. Он говорит: «Вот, что, вы поезжайте к Распутину. Распутин в Царском Селе».

Председатель. — Вы тогда были в должности генерала для особых поручений?

Комиссаров. — Да. Я рассказываю, начиная с сентября 1916 года.

Председатель. — 1915 года.

Комиссаров. — «Я, — говорит, — поеду в лавру, митрополит Питирим ждет меня. Вы приедете с Распутиным». А я Питирима еще и в глаза не видел. Я приехал к Распутину. Его не было дома. Смотрю, через некоторое время приезжает Распутин и еще какие-то люди, — видимо его дочери, там разные женщины, которые у него жили. Я всех хорошо не знал. Он был в Царском Селе. И с ним же, как я в тот день узнал, секретарь митрополита.

Председатель. — Осипенко?

Комиссаров. — Осипенко.

Председатель. — Позвольте, как же они соединились: женщины, питиримовский секретарь и Распутин, который был в Царском?

Комиссаров. — Они были у Вырубовой, потому что, насколько я знаю, так всегда бывало: сначала заезжали к Вырубовой, потом отправлялись. Я говорю: «Поедем в лавру, там ждет Хвостов и Питирим». Говорил я тихо, потому что не знал остальных всех господ. Я только после узнал, что тут была Акулина и секретарь Осипенко. Акулина и секретарь Осипенко бегут бегом, — боятся, что я его куда-нибудь завезу. У меня стоял извозчик. Я сел на извозчика, ко мне лезут Акулина и секретарь. Мы поехали, а они сзади бегом. Я приехал в лавру без них.

Председатель. — Вы, значит, попросту удрали?

Комиссаров. — Я просто из мальчишества стал гнать извозчика, а они бегут и кричат: «Завезет тебя антихрист».

Председатель. — Это они вас звали антихристом?

Комиссаров. — Да, разные названия были. Когда мы приехали, — я в лавре ходов не знал, — в первый раз в жизни был там. Распутин разделся и бежит; я говорю: «подожди». Он свободно прошел, и мы вошли в какую-то комнату. Туда вышел какой-то келейник не келейник, — какой-то господин; что-то поговорил с Распутиным и ушел. Через некоторое время выходит Питирим. Тот с ним на ты. Расцеловались. Я поклонился, он меня благословил. Питирим вскинул глаза и спрашивает: «Кто такой». Я говорю: «Генерал для поручений Комиссаров». Тот

от меня шага на два отскочил. Распутин орет благим матом и побежал туда, где Хвостов. Хвостов не предупредил Питирима, что я приеду с Григорием. Питирим все время уверял Хвостова, что он с Григорием не виделся, а Хвостов хотел его уличить в том, что он в хороших отношениях с Распутиным. И когда келейник доложил Питириму, что приехал Григорий, он встал и говорит: «Извините, один господин ко мне приехал по очень важному делу. Я сейчас приду». И вдруг вместо господина явился я и Распутин. После этого Питирим слова не сказал, а на другой день поехал в Царское Село, — и пошло! Так как я привез Распутина, Питирим на меня, как бешеный, полез. Это первое неудовольствие, которое я вызвал. Хвостов очень курьезный человек; он, когда задумает, что сделать, то перед этим очень много говорит. В одно прекрасное время до Питирима дошел слух, будто Хвостов хотел его обстричь и будто бы Хвостов поручил мне его выстричь. Тут еще пуще пошло. Так продолжалось некоторое время. Хвостов виделся с Григорием Распутиным.

Председатель. — Где?

Комиссаров. — На особой квартире.

Председатель. — На чьей квартире?

Комиссаров. — Она была ничья, вроде конспиративной.

Председатель. — Вы нанимали эту квартиру?

Комиссаров. — Я нанимал, на Итальянской улице.

Председатель. — Долго была эта квартира?

Комиссаров. — Месяца три-четыре.

Председатель. — Специально для свиданий Хвостова с Распутиным.

Комиссаров. — Кажется, специально.

Председатель. — Какой номер дома?

Комиссаров. — Это был угловой дом, номер я не помню.

Председатель. — Пожалуйста, продолжайте.

Комиссаров. — В то время они начали усиленно валить Горемыкина, — Хвостов, Распутин и Питирим. Понятно, Хвостов думал, что он будет назначен председателем совета министров и в этом отношении рассчитывал на поддержку Распутина. В силу каких причин, не могу сказать, но знаю, что за Григорием Распутиным было неотступное наблюдение.

Председатель. — В том числе и вы наблюдали?

Комиссаров. — В том числе и мои люди наблюдали.

Председатель. — По поручению Хвостова?

Комиссаров. — Чтобы выяснить все его сношения. Мы, действительно, знали все, как свои пять пальцев, и всех, кто с ним знается. Между прочим, он с Протопоповым виделся несколько раз, когда тот был товарищем председателя государственной думы. Распутин все время уверял Хвостова, что он будет назначен председателем совета министров. Они страшно волновались, что им

не удается сломать шею Горемыкину. И вот тут было получено какое-то письмо из Ставки на имя Горемыкина, которое он должен был сообщить совету министров; а он это письмо не сообщил, а как-то полновластно распорядился. Тут Распутин через дамскую половину, — через Вырубову и Александру Федоровну, — наскандалил. Хвостов был в полной уверенности, что он будет председателем совета министров. В это самое время дума должна была собраться, и так как, несомненно, ходили слухи, что Хвостов назначен благодаря Распутину, а Хвостову, понятно, не хотелось иметь кличку распутинца, — Хвостов одновременно заставлял Распутина, чтобы он провел его в председатели совета министров, и в то же время хотел так или иначе выжить его из Петрограда. И когда он встречался с ним, он уговаривал его уехать, говорил, что чересчур много говорят о нем, что ему будет великолепно жить в Сибири, предлагал устроить и деньги, и поездку. В это время как раз узнается о том, что Распутин завел сношения со Штюрмером. Наблюдение указало, что Гришка... виноват, — Распутин, — ездит то в лавру, то на Бассейную — там жила гражданская супруга Манасевича-Мануйлова—и там встречается со Штюрмером.

Председатель. — Это в квартире Лерма?

Комиссаров. — Да.

Председатель. — Это ваше наблюдение установило?

Комиссаров. — Нет, это было установлено в петроградской охранке.

Председатель. — А у вас было специальное наблюдение.

Комиссаров. — Мы знали только тогда, когда он ездил на извозчике или ходил пешком, а он большею частью ездил на автомобиле. У нас не было автомобиля, — автомобиль был только в охранке. Итак, Хвостов узнал, что Распутин имеет сношение со Штюрмером. Каким образом, я не помню, но он узнал, что составлен даже доклад или указ и что Александра Федоровна писала в Ставку и что этот указ о назначении Штюрмера должен будет повезти Питирим. Тогда у Хвостова сразу изменилось отношение к Распутину, и он говорил, что нужно устроить скандал, чтобы Григория убрать вон во что-бы то ни стало, исколотить его, но не потихоньку, а так, чтобы он непременно попал в участок, — словом, разыграть форменный скандал. Это первое. А когда потом председателем совета министров был назначен Штюрмер, Хвостов попросту хотел его ликвидировать.

Председатель. — Вы говорите ликвидировать его — в смысле убить?

Комиссаров. — По всей вероятности.

Председатель. — Не по всей вероятности, а довольно категорически?

Комиссаров. — Да, хотел убрать. Он мне об этом несколько раз говорил совершенно определенно. Чуть не с ножом к горлу приставал, и один раз позвал меня и говорит: «Вот 100 тысяч, пожалуйста». Я на него посмотрел и говорю: «Извините, Алексей Николаевич, я никогда разбоем не занимался».

Председатель. — Это когда было? Штюрмер был назначен 20 января.

Комиссаров. — Это было в январе или феврале.

Председатель. — С 20 января Штюрмер был председателем совета министров, Хвостов еще оставался, а с 3-го марта Штюрмер был назначен министром внутренних дел, — значит, Хвостова уже не было.

Комиссаров. — Значит, в конце января.

Председатель. — Когда Хвостов еще был министром?

Комиссаров. — Я уехал из Петрограда, когда Хвостов был министром.

Председатель. — Итак, министр внутренних дел зовет своего генерала для поручений, но вы отказываетесь.

Комиссаров. — Я говорю: он показывает мне деньги, 100 тысяч, — две пачки по 50.000 рублей, и говорит: «По всей вероятности, вам придется уехать заграницу». Я говорю: «Мне уезжать заграницу не придется, потому что я убийства не признаю, и вы меня извините».—Но мало того. Ко мне приезжает кн. Ширинский-Шихматов и говорит, что его только что вызывал к себе Хвостов и просил оказать на меня нравственное влияние, чтобы я избавил Россию от Распутина. Я кн. Ширинского-Шихматова очень любил.

Председатель. — Это член государственного совета?

Комиссаров. — Член совета министров. Я посмотрел на него и говорю: «Князь, меня удивляет, как вы можете это говорить». Тогда князь встал, перекрестил меня, — он человек богомольный, — и говорит: «Слава богу, он с меня слово взял, что я передам, но я с ужасом думал, как вы к этому отнесетесь». Хвостов рвет и мечет, говорит, что сам побежит колотить Распутина, а тут дума на носу. Ему никак нельзя было оставаться. Я пришел к нему и говорю: «Вы меня, бога ради, избавьте. Дайте мне назначение». Должен вам сказать, что в 1915 году... Вы, вероятно, изволите знать члена государственной думы Алмазова?

Председатель. — Это воронежский?

Комиссаров. — Нет, саратовский. Когда Поливанов был министром, я приезжал в Петроград хлопотать и просил Алмазова и Пуришкевича, который был близок с Поливановым, чтобы меня перевели в военное ведомство и дали мне контр-разведку, так как я ею занимался. И Алмазов хлопотал. Я просил, чтобы меня взяли из корпуса жандармов. Тут я и стал просить Хвостова: «Бога ради, увольте от этого. Исполните обещание, дайте мне место,

чтобы я мог уйти из корпуса». Тогда же, чтобы кончить раз навсегда все свои сношения с Распутиным, я пошел к нему; настроение было очень повышенное; там была Вырубова и компания, мне Распутин что-то сказал, а я к нему по-русски обратился и очень неприлично отозвался о дамском обществе.

Председатель. — В это время А. Н. Хвостов уже ушел?

Комиссаров. — Нет, еще при нем. Понятно, сейчас же все это полетело в Царское Село. Вырубова рассказала Александре Федоровне, и на меня посыпались гром и молния.

Председатель. — Вы к Распутину с просьбой обратились?

Комиссаров. — Нет. Он себя держал подчас довольно неприлично, заносчиво. Понятно, он старался все время, чтобы министром внутренних дел был его ставленник, потому что без этого Распутин был нуль. Он всевозможные обделывал делишки. Если бы Распутин не мог обделывать этих делишек и удовлетворять всех просителей, он был бы чистый нуль. Он массу темных делишек обделывал. . .

Председатель. — Что же дальше?

Комиссаров. — В Царском Селе было сказано, чтобы меня немедленно убрать из Петрограда и, так как освободилось ростовское градоначальство, то меня назначили ростовским градоначальником. В это время Хвостов ушел, а остался Штюрмер.

Председатель. — Так что вы были назначены ростовским градоначальником при Хвостове?

Комиссаров. — Да. Через некоторое время, недели через три после того, как я оказался в Ростове, приехал туда новый наказной атаман, граф Граббе. Когда я ему представился, он обращается ко мне и говорит: «Странная вещь! когда я был у Штюрмера, он мне сказал про вас: пожалуйста, не церемоньтесь, — если возможно, уберите его». Вот первое, а второе: так как Аджемов наш депутат от Ростова, то его родственники предупредили меня с его слов о том, что в департаменте полиции просили сделать обо мне запрос и что газеты меня травят.

Председатель. — За вашу ростовскую деятельность?

Комиссаров. — Нет. Меня газеты лет пять-шесть не трогали, и вдруг все начали!

Председатель. — За вашу деятельность по департаменту? Или за что вообще газеты начали травить вас?

Комиссаров. — На меня все валили: и департамент, и все! Месяца за три перед тем была травля со стороны департамента, мне Руманов сказал об этом.

Председатель. — Кто же особенно недружелюбно относился к вам в последнее время?

Комиссаров. — Климович.

Председатель. — Нет, в последнее время — в декабре и январе?

Комиссаров. — Я тогда ни с кем абсолютно не виделся.

Председатель. — Вы директора департамента Васильева знали?

Комиссаров. — Знал.

Председатель. — Какие у вас с ним были отношения?

Комиссаров. — Абсолютно никаких. Он был человек бесцветный.

Председатель. — Что значит бесцветный?

Комиссаров. — Он был у Курлова, просто место занимал.

Председатель. — Вот вы все говорите — компания Распутина. Вы наблюдали за ними, у вас охрана была; как вам представляется эта компания Распутина, что это за группа?

Комиссаров. — Для меня это совершенно ясная группа. Они обделывали свои дела. Это вне всякого сомнения.

Председатель. — Кто там был?

Комиссаров. — Распутин и целая группа лиц, начиная с Вырубовой, понятно.

Председатель. — Так что вы не делаете разницы между женской и мужской половиной этой компании?

Комиссаров. — Кажется, все пользовались совершенно одинаково. Тут была какая-то Надежда, сестра милосердия, которая тоже какие-то дела проводила, несомненно, денежные.

Председатель. — Сестра Воскобойникова?

Комиссаров. — Я фамилии ее не знаю. Знаю, что Надежда. Там присутствовал Симанович, — это прямо была контора по обделыванию дел.

Председатель. — А еще кого вы из этой компании знали?

Комиссаров. — Т.-е. кто там бывал? Там больше всех бывала барышня Головина, затем старуха Головина; бывали там Танеевы, старик со старухой.

Председатель. — Вы встречали их у Распутина?

Комиссаров. — Я никогда ни с кем у Распутина не виделся, потому что я не был допускаем в это святая-святых. Я входил налево, в кабинет, и общения с этой публикой у меня никогда не было.

Председатель. — Откуда же вы знаете, что бывали Танеевы, старик и старуха?

Комиссаров. — По отчету наблюдений.

Председатель. — Вы составляли для А. Н. Хвостова листочки не только о том, кто у Распутина был, но и о том, что Распутин говорил?

Комиссаров. — Нет.

Председатель. — Не вы организовали наблюдения за тем, что говорил Распутин по телефону?

Комиссаров. — Я не мог этого делать, потому что телефон в ведении города. Вот за моим телефоном было наблюдение, это несомненно.

Председатель. — Итак, вы считаете компанию Распутина компанией, устраивавшей через него свои дела?

Комиссаров. — Там, несомненно, были еще психопатки, а из мужского персонала все устраивали дела. Например, возьмите Оболенского: когда его из градоначальства убрали, он забежал к Распутину, и тот обещал его оставить.

Председатель. — А женский психопатизм выливался в форму какого-нибудь сектантства или нет?

Комиссаров. — Сектантство — безусловно нет. Какое там сектантство!

Председатель. — Во всяком случае этот психопатизм был на почве религиозной?

Комиссаров. — По наблюдениям, — Лахтина, например, — та безусловно.

Председатель. — Это совершенная психопатка. А Вырубова, Александра Федоровна и другие?

Комиссаров. — Нельзя так в общую массу валить. . . Мне один раз удалось слышать такой рассказ. Опять - таки — Акулина. Она очень умная женщина, и допускать, чтобы Акулина верила в святость Распутина, — невозможно. Акулина раньше, — об этом были сведения, — чуть ли не сама брала за вход к Распутину, как к Иоанну Кронштадтскому, и допускать, что она верила в его святость, невозможно.

Председатель. — Вы знаете Вырубову? Вы встречались с ней у Распутина?

Комиссаров. — У Распутина я ее никогда не видел, но знаю, что она бывала. Один раз я видел ее на Царскосельском вокзале.

Председатель. — А Воейкова вам приходилось видеть в сношениях с Распутиным или устанавливать это по наблюдениям?

Комиссаров. — Я хорошо не помню, но Распутин про него очень часто говорил, и я думаю, что, по всей вероятности, он виделся с ним.

Председатель. — Это ваше предположение?

Комиссаров. — Да, предположение, я не знаю.

Председатель. — А Манасевича-Мануйлова вы знали?

Комиссаров. — Да, знал.

Председатель. — Где вы с ним встречались?

Комиссаров. — Я впервые встретился с ним в департаменте полиции, когда заведывал этим отделением. Манасевич привез из Франции японский шифр. Этот японский шифр он передал мне и тут я впервые познакомился с ним.

Председатель. — Он какую должность занимал во Франции?

Комиссаров. — Если не ошибаюсь, он вел дела с прессой.

Председатель. — Т.-е.?

Комиссаров. — Когда нужно было провести что-нибудь через петербургскую прессу. Это я помню, потому что Мануйлов при-

сылал всем желающим «Matin», «Ganlois» и «Figaro». А после приехал из заграницы Гартинг, он же Ландезен, и, повидимому, у них с Мануйловым были какие-то дела. Потом Мануйлов был уволен Треповым: доклад был сделан тогда по поводу заграничной деятельности Гартинга, и Мануйлов был уволен.

Председатель. — За что же?

Комиссаров. — Доклад очень большой был сделан.

Председатель. — Этот доклад вошел в дела департамента полиции?

Комиссаров. — Повидимому, нет. Там о делах политического свойства не говорилось, а о делах иного характера... Потом во второй раз я увиделся с Мануйловым, когда он состоял при Витте.

Председатель. — А когда вы в охранном отделении состояли, вы никакого расследования о Мануйлове не производили?

Комиссаров. — Нет, не производил (думает). Нет, производил. Относительно заявления Шапиро: получено было заявление о том, что Мануйлов хотел взять с Шапиро за открытие типографии 200 руб.... Потом я увиделся с Мануйловым, когда он был у Витте — может быть, раз или два я его видел.

Председатель. — А ближе к нашему времени?

Комиссаров. — В третий раз я увиделся с ним впервые у Белецкого.

Председатель. — Когда?

Комиссаров. — Когда я уже состоял при Хвостове, значит, в 1915 году.

Председатель. — У вас близкие отношения были с Белецким?

Комиссаров. — С Белецким — безусловно хорошие.

Председатель. — Как вы с ним познакомились?

Комиссаров. — Я знал хорошо Дуропа и жену его знал хорошо. Я познакомился с Белецким благодаря семьям, потому что в то время, когда я был в Петербурге, Белецкого в Петербурге не было.

Председатель. — Он в Перми не служил с вами?

Комиссаров. — Нет, он был в Вильне, а после в Самаре. Так вот, в третий раз я увиделся с Мануйловым, когда встретил его у Белецкого. Я стал бывать у Мануйлова. Это уже в последнее время.

Председатель. — Может быть вы надеялись подействовать через Мануйлова на Штюрмера?

Комиссаров. — Нет. Вернее сказать, — мне нужно было много раз узнать через него, у него ведь вообще было много связей.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, в августе, сентябре, октябре и т. д., словом, во вторую половину 1916 года и в начале 1917 вы были, значит, в отставке?

Комиссаров. — Был в отставке с 3-го августа 1916 года. Я и теперь в отставке.

Председатель. — Вы получали пенсию?

Комиссаров. — Получал. Но я получал ее из департамента полиции — по докладу Хвостова, потому что когда Хвостов разобрался в деле о моем увольнении, то извинился передо мной, говорил, что введен в заблуждение.

Председатель. — При чем тут Хвостов?

Комиссаров. — Я теперь об Алексее Александровиче Хвостове говорю, — он был в это время министром внутренних дел. Он вызвал меня и говорит: «Я сделал несправедливость по отношению к вам. Последний доклад с моею подписью будет доклад о вас».

Иванов. — Какую несправедливость он сделал?

Комиссаров. — Увольнение меня.

Иванов. — С должности градоначальника?

Комиссаров. — Да. Последняя бумага, которую Хвостов подписал, была о возвращении мне мундира и пенсии.

Председатель. — Эту пенсию вы получали из государственного казначейства?

Комиссаров. — Я до сих пор не получал. Это целая процедура в министерстве финансов.

Председатель. — Почему же вы из департамента полиции получали известную сумму?

Комиссаров. — Потому что мне пенсия чересчур мала. Кроме того Хвостов признал, что я уволен был напрасно. Спросите Бурцева и Хвостова. Хвостов мне лично сказал, что он извиняется передо мной и пусть пройдет месяц, два, три, — он меня вполне реабилитирует.

Председатель. — Скажите, вы знали полковника Васильева, заведывавшего особым отделом департамента полиции?

Комиссаров. — Нет. Я знал его так, т.-е. деятельность его знал. Он не моего был ранга.

Председатель. — Что это значит?

Комиссаров. — Да так, — пьяница.

Председатель. — У вас с ним дурные были отношения?

Комиссаров. — У меня с ним никаких отношений не было. Он был после в контр-разведке. А когда его, собственно говоря, Джунковский почти выжил из корпуса, то его подобрал Ерандаков.

Председатель. — Что вы делали в революционные дни в Петрограде?

Комиссаров. — Да сидел у себя. Положительно сидел у себя.

Председатель. — Вас не вызывал Протопопов?

Комиссаров. — Наоборот, — они хотели меня арестовать.

Председатель. — Протопопов?

Комиссаров. — Протопопов и охранники. Когда начались беспорядки, Глобачев официально орал, что нужно начинать с меня, первого убрать меня.

Председатель. — Что же вы превратились в их глазах в революционера?

Комиссаров. — В революционера.

Председатель. — Кому же говорил это Глобачев?

Комиссаров. — У себя в охранке. И Протопопов говорил, а я за это время положительно видел только Белецкого. Больше никого не видел.

Председатель. — По какому поводу видели вы Белецкого?

Комиссаров. — Белецкого я почти-что каждый день видел. Больше делать было нечего.

Председатель. — У меня вопросов больше нет. Комиссия обсудит ваши объяснения и сделает соответствующие выводы.

Комиссаров. — Скажите, пожалуйста, меня интересует одно: откуда эти разговоры о диктатуре?

Председатель. — Имеется одно свидетельское показание.

Комиссаров. — О том, что 14-го января...

Председатель. — О том, что вы сказали, что 14-го февраля вас назначат диктатором.

Комиссаров. — Это Протопопов сказал?

Председатель. — Я бы вас очень просил... Мы записываем ваши показания, но, если вы хотите сами что-нибудь написать, то войдите с подробным объяснением в Комиссию.

Комиссаров. — Верите ли — не могу! Доктор Манухин вам подтвердит, что я писать не могу. Я был парализован. Я бы с удовольствием написал, а все то, что я говорю о моей пенсии, — не пройдет полгода, как будет издано.

Председатель. — Что будет издано?

Комиссаров. — Мои заметки. Вне всякого сомнения, я издам их вместе с Владимиром Львовичем.

Председатель. — Может быть, они уже написаны. Нам было бы интересно ознакомиться с ними.

Комиссаров. — Сейчас их нет у меня. Прочтете.

Председатель. — Нам бы хотелось.

Комиссаров. — Вы знаете, что я скажу: редко, кто перенес столько! Ведь вы понимаете, что значит травля в то время, когда детям лет 13 — 14. Скажите, пожалуйста, вы Столыпина, П. А., знали?

Председатель. — Нет.

Комиссаров. — Но слыхали. Так вот, когда Столыпин поехал по Сибири и по России, помните вы это? Я был в Перми. Столыпин вызвал меня заведывать всей своей охраной.

Председатель. — Т.-е. охраной его самого?

Комиссаров. — А скажите, пожалуйста, почему? Столыпин

сказал: «Я знаю, что спасать меня и предупреждать покушение очень выгодно будет и жандармам и полиции». А вот были тут и Спиридович, и Герасимов, — однако, когда он поехал, то вызвал из Перми меня!

Председатель. — Вы Спиридовича знаете? Знаете что-нибудь о его деятельности?

Комиссаров. — Я вообще мало знаком со Спиридовичем. Одно могу сказать: когда Столыпин ездил по всей России и по Сибири, он вызвал меня и приехал, слава тебе господи! жив, здоров и счастлив. И за все время только четверо было задержано и то по распоряжению департамента полиции.

Председатель. — У вас установилось какое-нибудь отношение к убийству Столыпина и к участию в нем Спиридовича и других?

Комиссаров. — Я только по слухам это знаю.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, у вас нет каких-нибудь сведений об отношении Распутина к убийству Столыпина?

Комиссаров. — В первый раз слышу! Это, собственно говоря, даже ни в каких разговорах, ни в каких комбинациях не слыхал.

Председатель. — Вы знаете, что Распутин предрекал уход Столыпина и замену его Коковцовым за несколько дней до смерти Столыпина?

Комиссаров. — Это я знаю.

Председатель. — Как же вы объясняете это?

Комиссаров. — Я слыхал, — это известно было, что Столыпин после Киева или из Киева не вернется; предполагали, что он будет на Кавказе.

Председатель. — Значит, пока мы кончим.

Комиссаров. — Комиссия не может войти в обсуждение об изменении меры пресечения?

Председатель. — Сейчас пока нет. Нам нужно просмотреть ваши объяснения, обдумать и потом мы сделаем свои выводы, которые будут касаться, между прочим, и вопроса о том, подлежите ли вы привлечению в качестве обвиняемого или нет.

XXXV.

ДОПРОС КУРЛОВА

6 мая 1917 года.

Содержание: Движение Курлова по службе. Объяснения Курлова по поводу события в Минске 18 октября 1905 г.: расстрел митинга. Причина ухода Курлова из Минска. Курлов — товарищ министра внутренних дел, ведающий департаментом полиции. Курлов и провокация. Инструкция 1906 г. для лиц, ведающих политическим розыском. Попытка юридического оправдания секретной агентуры. Убийство Столыпина. Богров — бывший сотрудник Кулябко. Отношения Курлова к Васильеву. Роль Спиридовича. Письмо к Курлову от Васильева. Курлов и Манасевич-Мануйлов. Убийство начальника охранного отделения Карпова. Курлов и Герасимов. Иллюстрация к утверждениям Курлова о провокации и по отношению к секретным сотрудникам. Курлов — товарищ министра вн. дел в 1916 г. Неопубликованное высочайшее повеление.

Председатель. — Павел Григорьевич Курлов, генерал-лейтенант? Вам сколько лет?

Курлов. — 57.

Председатель. — Вы поступили на военную службу в 80-м году прапорщиком, товарищем министра внутренних дел вы были с 1 января 1909 года до средних чисел октября 1911 года?

Курлов. — Да.

Преседатель. — И затем вы были вновь назначены неопубликованным высочайшим указом на должность в 1916 году?

Курлов. — Я получил письмо министра 30 октября.

Председатель. — Назначены вы были 16 октября — сначала состоящим при министре внутренних дел, а 23 октября вот этим самым неопубликованным высочайшим указом на вас возложено исполнение обязанности товарища министра внутренних дел с заведыванием делами департамента полиции. Затем, 25 ноября вы уволены. Вы были товарищем министра месяц и два дня?

Курлов. — Я был меньше. Я вступил в должность только по получении письма, которое должно быть в делах.

Иванов. — Какого письма, от кого письма?

Курлов. — От министра внутренних дел, о том, что состоялось высочайшее повеление и что он предлагает мне вступить в должность.

Иванов. — Протопопов?

Курлов. — Да.

Председатель. — Что вы делали с 14 октября 1911 года, когда вы были уволены с поста товарища министра внутренних дел, командующего отдельным корпусом жандармов?

Курлов. — Я был в отставке. Засим, с начала войны, просил об определении меня на службу и был определен состоящим в распоряжении главного начальника снабжения северо-западного фронта. Было и второе предполагавшееся назначение — генерал-губернатором в Восточную Пруссию. Так, что я, по экстренной телеграмме, выбыл и приехал за неделю до Сольдау. И тогда, конечно, назначение уже не состоялось. Тогда я был назначен помощником . . .

Председатель. — Будьте добры излагать в более общих чертах.

Курлов. — После этого было два назначения военных. Я был назначен, точно не помню когда, — но помню: в октябре месяце — помощником начальника тифлисского округа и засим, по телеграмме верховного главнокомандующего, был назначен, с сохранением военной должности, исполняющим обязанности по гражданскому управлению прибалтийскими губерниями с подчинением, с одной стороны, главнокомандующему армией северо-западного фронта, а с другой — тогдашнему главнокомандующему 6-й армии.

Председатель. — Вам известно положение о Чрезвычайной Следственной Комиссии?

Курлов. — Да, это нам было объявлено.

Председатель. — Мы сейчас не допрашиваем вас ни в качестве обвиняемого, ни в качестве свидетеля. Это дело следователя, который будет после допрашивать. Мы просто требуем у вас объяснений. Нам принадлежит власть бывшего первого департамента государственного совета. В порядке истребования объяснений, мы и выслушаем ваши показания. В хронологическом порядке нам бы хотелось задать вам несколько вопросов относительно очень далекого прошлого, а именно — 1905 года; мы хотели бы выслушать ваши объяснения по должности вашей, как губернатора в Минске, по поводу известного и памятного вам кровавого события, которое имело место, кажется, 18 октября 1905 года. Перед манифестом 17 октября у вас в Минске происходили демонстрации?

Курлов. — Да . . . Собственно говоря, была забастовка.

Председатель. — Была забастовка, сопровождавшаяся демонстрацией?

Курлов. — Демонстраций особенных не было, — я, по крайней мере, теперь не припомню . . .

Председатель. — Какое было ваше отношение к этим забастовкам: вы принимали какие-нибудь меры против них?

Курлов. — Нет. В это время не принимал никаких мер... Так как забастовка была железнодорожная, то вокзал охранялся караулом; также охранялись караулом водокачка и электрическая станция.

Председатель. — Какие распоряжения были даны вами приставам г. Минска.

Курлов. — Я теперь положительно этого не припомню.

Председатель. — Вы не припомните разговора, который у вас был, в связи с этими забастовками и демонстрациями (про которые вы забыли, но которые были), с председателем казенной палаты, с управляющим государственными имуществами и с тогдашним прокурором минского окружного суда?

Курлов. — Если вы будете добры мне напомнить, я скажу. Я положительно не помню... Масса всяких разговоров было. А теперь столько времени прошло...

Председатель. — Вы выражали неудовольствие по поводу этих демонстраций и заявляли, что раз навсегда надо прекратить эти безобразия, заявляли, что вы уже дали приставам города Минска разрешение передать власть военному начальству в момент по их усмотрению и обещали, что «при первом удобном случае, вы этих мерзавцев расстреляете», что вы вскоре затем и выполнили.

Курлов. — Так я обыкновенно не выражался. Особенно в роли губернатора, по отношению к подчиненным мне лицам.

Председатель. — Не к подчиненным лицам, а к населению города, которое было целиком в вашей власти; населению, которое, в значительной части, — еврейское. Вы не помните никаких подобных разговоров и предположений?

Курлов. — Может быть, эти разговоры и были, но, например, такой разговор, что я приставам передал власть — это, безусловно, нет!

Председатель. — Не то, что вы приставам передали власть, а что вы приказали приставам, по их усмотрению, передать власть, в случае возникновения какого-либо движения, военному начальству.

Курлов. — Я не мог такого разговора вести, потому что это нельзя: я только один мог передавать власть военному начальству.

Председатель. — Если что-нибудь происходит на окраине города, где вас нет, но где есть пристав и полицейская часть, в этом случае, пристав может передать эту власть военной власти — не над городом Минском, а по отношению к этому месту?

Курлов. — Если войска уже вызваны.

Председатель. — Словом, вы этого разговора не помните?

Курлов. — Я его не отрицаю, но не помню.

Председатель. — Значит, вы не помните, что сказали: «я, при первом удобном случае, расстреляю этих мерзавцев, о чем нахожу нужным поставить вас в известность»? Т.-е. вы ставили об этом в известность прокурора окружного суда.

Курлов. — Это, безусловно, неверно.

Председатель. — Вам не стало потом известно, что, после этого разговора, прокурор окружного суда послал шифрованную телеграмму обер-прокурору сената, а копию министру юстиции Манухину, предупреждая, что такое настроение губернатора грозит большими несчастиями городу, и прося их указаний?

Курлов. — Когда это было?

Председатель. — Это было в последние дни перед 17 октября. А разговор ваш имел место 12 октября.

Курлов. — Не знаю... Я, по крайней мере, об этой телеграмме никаких сведений не имею... И я потом в Петрограде видел министра юстиции Манухина: мы с ним говорили и он мне ни о какой шифрованной телеграмме ни одного слова не говорил...

Председатель. — Вы помните, как был объявлен манифест 17 октября?

Курлов. — Т.-е. он совсем не был объявлен; тут произошло трагическое недоразумение...

Председатель. — Т.-е. в России не был объявлен или в Минске?

Курлов. — Он был объявлен потом... Дело в том, что министр внутренних дел не распорядился уведомить губернатора о том, что манифест 17 октября издан, и поэтому, до получения его, никакое объявление не могло иметь места. И тут, когда меня запросили, можно ли по этому вывешенному объявлению манифест распубликовать, я сказал, что в законе точно определены способы, когда может быть распубликован манифест: поэтому, до получения от министра внутренних дел соответствующей телеграммы, публиковать его в губернских ведомостях нельзя.

Председатель. — Вы приняли меры, чтобы запросить Петроград относительно того, был ли издан манифест, или вы просто отрицали манифест?

Курлов. — Я отрицать не мог, но мер принять тоже не мог, потому что в это время была почтово-телеграфная забастовка, так что послать телеграмму министру я не мог никоим образом.

Председатель. — Как же, в конце концов, был объявлен у вас манифест?

Курлов. — Я теперь не припомню. Потом уже получили, через несколько дней, вероятно, из министерства внутренних дел, и тогда был объявлен манифест в установленном порядке.

Председатель. — А не было ли так, что к вам явились делегаты горожане с городским головой во главе, вошли в дом губернатора, который был окружен вооруженными казаками, и эта делегация представила вам всю серьезность положения города и вашего лич-

ного положения и потребовала от вас немедленного оглашения манифеста? Тогда вы вышли на балкон и объявили этот манифест...

Курлов. — Это безусловно не совсем так. Дело в том, что, во-первых, когда уже утром я об этом узнал, то, должно быть, между часом и двумя, подошла толпа к моему дому. Я вышел на балкон, но никакого манифеста не объявлял. Затем делегация, — я не помню, был ли в ее составе городской голова, — вошла ко мне в дом. Я с ними говорил о манифесте и говорил, что как только я его получу, он будет немедленно опубликован. И больше никаких распоряжений не делал; никому в толпе его объявлять не мог, ибо мне нечего было объявлять: у меня ничего не было...

Председатель. — Вам известно, что народом было заявлено властям требование о вашем аресте в виду этих действий?

Курлов. — Не знаю.

Председатель. — Вы помните, что потом были освобождены некоторые политические арестованные из тюрьмы?

Курлов. — Может быть, были освобождены те, которые были в ведении судебной власти...

Председатель. — Вы помните, что освобожденных на руках понесли на площадь перед вокзалом, где вы разрешили устроить митинг, т.-е. заявили, что вы не имеете возражений против того, чтобы митинг был устроен?

Курлов. — Это совершенно неверно и опровергается имеющимся в сенате делом. Дело было так: когда депутация явилась ко мне и говорила о манифесте, она, между прочим, заявила о необходимости освободить всех из-под стражи. Я сказал: что те, которые находятся в ведении судебной власти, могут быть освобождены только прокурором, а что остальных я не могу освободить до тех пор, пока не получу соответствующих распоряжений. Затем, никто меня ни о каком митинге не просил, а толпа, когда от меня вышли депутаты, направилась к тюрьме, имея в виду, видимо, освободить арестованных. Около тюрьмы стоял постоянно караул все эти дни, и офицер, который командовал этим караулом, предупредил, что, на основании устава о службе гарнизона, он будет стрелять, если толпа подойдет ближе пятидесяти шагов. Толпа не подошла и затем отправилась к вокзалу. Значит, никакого митинга у вокзала я не разрешал. Затем, там тоже был постоянный караул, охранявший вокзал в эти дни. Командовавший караулом подполковник не сделал того же предупреждения, и толпа подошла вплотную к нижним чинам, стала хватать их за оружие, и тогда нижние чины без команды открыли огонь, что подтверждено следствием и приказом командующего войсками виленского военного округа.

Председатель. — Из каких же побуждений толпа, только-что перед тем добившаяся освобождения арестованных и только-что

узнавшая об акте громадного значения, — из каких побуждений эта толпа, по вашим сведениям, стала хватать ружья у солдат?

Курлов. — Не ружья у солдат . . . Я теперь не помню фамилию этого подполковника, он был подхвачен толпой, поставлен на стол и к его шашке был привязан красный флаг . . . То же самое предполагалось сделать, очевидно, и с солдатами.

Председатель. — Т.-е. началось, так сказать, братание толпы с солдатами, даже с полковником. Каково же было отношение губернатора к тому, что происходило? Очевидно, толпа была в очень радостном настроении: может быть, вы знаете, что некоторые свидетели этого события говорили, что «восторг толпы не поддавался описанию»?

Курлов. — Моего отношения никакого не было.

Председатель (продолжает цитировать). — «Все целовались, качали офицеров и солдат» . . . Было то мирное движение масс, которое мы всегда наблюдаем, когда спадают оковы с народа и все в радостном и умиленном состоянии.

Курлов. — Меня там не было.

Председатель. — Но вы по телефону дали распоряжение.

Курлов. — Какое?

Председатель. — Это вам следует знать.

Курлов. — Я никакого распоряжения не давал, потому что, когда мне сказали об этом, я сказал, что я сейчас еду, и приказал давать лошадей. В это время мне доложили, что все это произошло . . . Больше ничего. Никакого распоряжения я не давал и давать не мог.

Председатель. — Итак, вы утверждаете, во-первых, что вами не была высказана за несколько дней до того угроза по адресу населения Минска в том смысле, что будут расстреляны люди, которых вы назвали «мерзавцами», т.-е. собравшаяся толпа, и утверждаете, во-вторых, что вы в этот день не давали ни приказания расстрелять или стрелять, ни приказания, чтобы власть приняли две роты пехотного полка?

Курлов. — Никакого приказания не давал и давать не мог, потому что это были не войска, вызванные в помощь гражданским властям, а был военный караул. Так что никакого приказания давать я не мог.

Председатель. — Войска стреляли?

Курлов. — Да.

Председатель. — Они обступили толпу с трех сторон, а с четвертой, свободной по направлению к городу, стали городовые с револьверами, и, таким образом, толпа была окружена со всех сторон?

Курлов. — Я не думаю, чтобы это было так. Я теперь, конечно, сказать этого не могу, но, как я себе рисую вокзал Минска, стрельба происходила от караула, стоявшего перед вокза-

лом, и затем несколько выстрелов было со стороны моста, где стоял второй караул. Что касается до городовых, которые окружали с четвертой стороны, то там была четвертая часть . . .

Председатель. — Я говорю о городовых, которые закрывали доступ к городу, в силу чего толпа, окруженная со всех сторон, не могла двинуться и к городу.

Курлов. — Я не знаю, как четвертая часть . . . Там не могло быть такого наряда городовых, которые были с револьверами и окружали толпу.

Председатель. — Разве городовые были безоружные?

Курлов. — Они были плохо вооружены.

Председатель. — Сколько было убитых и сколько раненых тяжело и легко?

Курлов. — Я не могу припомнить, но всего около ста человек . . .

Председатель. — Убито было около семидесяти?

Курлов. — Этого я точно не могу знать.

Председатель. — Неужели это не врезалось в вашу память?

Курлов. — С тех пор прошло много лет . . . Я помню общую цифру, но не могу сказать точно, я могу ошибиться.

Председатель. — Во всяком случае, пострадавшие насчитывались сотнями?

Курлов. — Нет, сотней. Цифра точно установлена.

Председатель. — После этих событий вам пришлось скрыться из Минска, причем вы переоделись в платье офицера?

Курлов. — Ничего подобного никогда не было! Из Минска я не скрывался. А когда городской голова поехал жаловаться на мои распоряжения в Петербург и я получил телеграмму от министра сдать губернию и поехать для объяснений, я совершенно спокойный и обыкновенным образом выехал и ни во что не переодевался: поехал я в штатском платье, как всегда ездил, как всякий губернатор, выезжая из пределов губернии . . .

Иванов. — Скажите, пожалуйста, генерал, вы указывали, что приказали запрягать лошадей — а затем что же? Так и не поехали, узнав, что там происходят такие недоразумения? Какие меры вы приняли, чтобы предупредить?

Курлов. — Все было кончено.

Иванов. — Что это значит: кончено? — убили, расстреляли и кончено?

Курлов. — Все были немедленно увезены.

Иванов. — Об этом вы распорядились? Так что вы остались дома — совершенно безучастным к этим событиям?

Курлов. — Я больше туда не поехал . . .

Иванов. — Т.-е. вы вовсе туда не поехали?

Курлов. — Да.

Председатель. — Что вы делали в 1906, 7 и 8 годах?

Курлов. — После того, как я ушел из Минска? Я находил, что мне довольно тяжело было быть в Минске. . .

Председатель. — Быть может, вследствие ненависти, которая существовала по отношению к вам у местного населения?

Курлов. — Я не скажу, чтобы у местного населения существовала . . . А дело в том, что было неприятно после этих событий продолжать быть губернатором в этой губернии. И когда я был здесь, я просил министра внутренних дел, чтобы мне дал другую губернию. Мне была обещана нижегородская губерния. Затем, в это время переменились министры, т.-е. ушел Дурново и был назначен, если не ошибаюсь, П. А. Столыпин, и ему, как мне сказал директор департамента общих дел, Дурново ни слова об этом обещании не сказал. И нижегородская губерния была занята лицом гораздо моложе меня. Тогда я просил меня причислить к министерству, и я был причислен.

Председатель. — Когда на вас было покушение в 1906 году, вы состояли в должности минского губернатора?

Курлов. — Да, это было в январе.

Председатель. — Это покушение стояло в связи с расстрелом толпы?

Курлов. — Должно быть. По крайней мере, насколько это выяснилось на суде.

Председатель. — Покушавшиеся на вас были казнены?

Курлов. — Один. А другой был сослан на каторжные работы.

Председатель. — Через три года после этого случая, с 1 января 1909 года, Россия увидела вас в должности товарища министра внутренних дел, заведывающего полицией?

Курлов. — Такой должности в сущности нет. Я был товарищем министра внутренних дел и заведывал делами департамента полиции. Должность товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, до меня была упразднена.

Председатель. — Вы маленькую поправку вносите в терминологию?

Курлов. — Тут не маленькая поправка, — потому что должность товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, имеет очень большие и обширные права, потому что товарищ министра, заведующий полицией, по высочайше утвержденной инструкции, которая была учреждена для генерал-майора Трепова, состоит членом совета министров и, в сущности, не подчинен министру внутренних дел. Эта должность, как была учреждена (для Трепова), точно так же была и упразднена с уходом генерала Трепова. Поэтому, я «товарищем министра, заведующим полицией» никогда не был. Я был назначен товарищем министра внутренних дел и, затем, письмом министра мне было поручено заведывать делами департамента полиции, а через три месяца я был назначен командиром отдельного корпуса жандармов.

Председатель. — Итак, с 1 января 1909 года вы, в должности товарища министра внутренних дел, ведали департаментом полиции?

Курлов. — Я ведал департаментом полиции, департаментом духовных дел, техническим комитетом, а, по назначении меня в марте командиром корпуса жандармов, я был освобожден от заведывания департаментом духовных дел и технического комитета.

Председатель. — И сосредоточились на заведывании департаментом полиции?

Курлов. — И на командовании корпусом.

Председатель. — Что вам известно о принятой в ваше время и сохранявшейся вплоть до революции настоящего года системе политического розыска? Замечу, что нас интересует не внешняя сторона, а учреждение и существование, так называемой, секретной агентуры.

Курлов. — Вы желаете, чтобы я сказал, как это делалось?

Председатель. — Вы расскажите в нескольких словах о секретных сотрудниках.

Курлов.—Во всех организациях нелегальных были люди, которые оплачивались и которые давали сведения по поводу того, что происходило. Вот в общих чертах... Но тут в вопросе об организации, об агентуре идет тонкий вопрос о провокации. На этом, если вам угодно, мне бы хотелось остановиться более подробно, потому что это вопрос, который меня очень сильно интересовал и с которым я довольно усиленно боролся. Дело в том, что, по крайней мере, технически, при ведении розыска, провокацией называлось всякого рода, так называемое продвижение сотрудников, т.-е. не только продвигалось известное лицо, которое давало сведения, но этому лицу рекомендовалось занять более или менее выдающееся положение в партии или в известной организации. Вот против такой системы я безусловно восстал немедленно, и могу сказать, что за все время моего управления департаментом полиции ни одного случая провокации не было.

Председатель. — Причем вы под провокацией разумеете продвижение в партийной иерархии лица, оплачиваемого департаментом полиции?

Курлов. — Причем он, вызывая сам известного рода противозаконные, по тогдашним временам, дела, является подстрекателем. Вот, что я называю провокацией. И тогда, немедленно вступив в борьбу в этом направлении, я переменил весь состав петроградского охранного отделения. И, во-вторых, я повторяю, что провокации за свое время не знаю.

Председатель. — А переменили вы состав департамента полиции или, по крайней мере, главу департамента полиции?

Курлов. — Нет, его я не переменил.

Председатель.—При вас ушел Трусевич и был заменен Зуевым?

Курлов. — Я его не сменял. Трусевич имел в виду получение должности товарища министра. И когда П. А. Столыпин 12 декабря 1908 года, за несколько дней до его назначения, вызвал меня к себе, то он мне сказал, что предлагает мне товарища министра. Я ему сказал, что это такого рода положение: «на это место рассчитывает Трусевич, — и наше положение тогда не особенно удобное»... Он мне сказал: «ну, передайте Трусевичу сами, что это состоялось, и скажите ему, что я прошу его никуда не уходить и что он к пасхе будет назначен сенатором». Тогда я просил его назначения старшим из директоров...

Председатель. — Вы говорите, что приняли меры к тому, чтобы агентура в том виде, как вы ее очертили, не имела места. Но вам известно, конечно, о существовании инструкции, которая была еще выработана в 1906 году и которая была обязательным руководством для лиц, ведающих политическим розыском?

Курлов. — Это ведь не моя инструкция.

Председатель.—Это инструкция, которая раньше была создана и которая при вас существовала. Внесли вы какое-нибудь изменение в эту инструкцию в соответствии с вашими взглядами? А если не внесли, то почему? Вы, вероятно, помните: инструкция эта фактически и по существу стояла на точке зрения, несколько отличающейся от того, что вы объявляете вашей точкой зрения. Ну и как же ваша-то точка зрения, если она была, — реализовалась она, действовала на департамент полиции и охранное отделение?

Курлов. — Нет, она была очень действительной, потому что это внушалось определенно начальникам охранных отделений.

Председатель. — Объясните однако: как же это? — Товарищ министра, заведующий полицией, исповедует идею, что секретные агенты отнюдь не должны продвигаться по иерархической лестнице революционных партий (ибо это есть путь, который дается не иначе как при помощи нарушения закона, не правда ли?). А существующая инструкция стоит в этом пункте на совершенно противоположной точке зрения?

Курлов. — Я это знаю.

Председатель. — Инструкция желает и ценит особенно тех агентов, которые продвигаются.

Курлов. — Я внушал начальникам охранных отделений очень определенно. Но почему я не изменил этой инструкции, я не помню.

Председатель. — Какой-нибудь след письменный, в виде циркуляра, сохранился от этих внушений?

Курлов. — Вероятно, в департаменте есть. Но я теперь сказать не могу: дела департамента ведь теперь не у меня под руками.

Председатель. — Чем же объясняется, что эта инструкция продолжала свое существование? Ведь эта инструкция была некоторым законом для департамента полиции, и лицу которое хочет

изменить практику департамента полиции, естественнее всего отнестись к первоисточнику этой практики — к этому полицейскому закону.

Курлов. — Я знаю, что мы даже просматривали эти инструкции. Но во что это вылилось, я положительно не знаю. . .

Председатель. — Так что, если бы я вам сказал, что инструкция в этой части осталась совершенно нетронутой, вы бы не могли объяснить этого факта?

Курлов. — Да ведь у меня нет ничего под руками! . . Ничего не могу объяснить!

Председатель. — Но для этого ничего не надо иметь под руками: я вам задал вопрос основной, для которого незачем припоминать подробности.

Курлов. — Я ведь вам говорю только то, что помню: о своих разговорах с начальником охранных отделений. Но как это вылилось в письменной форме, — я припомнить не могу.

Председатель. — Как оценивали вы, с юридической точки зрения, с точки зрения законности такие отношения: подвластным вам чинам предписывалось, — об этом говорит один из параграфов этой инструкции, — «приобретение и сбережение внутренней и секретной агентуры, как единственного вполне надежного средства, обеспечивающего осведомленность», — причем в отношении секретных сотрудников имеется пункт, что они обязательно должны состоять членами одной из революционных организаций, о которой и дают сведения . . .

Курлов. — Совершенно верно. Это не противоречит тем взглядам, которые я высказал.

Председатель. — Меня интересует не противоречие или непротиворечие этого вашим взглядам, а противоречие или непротиворечие з а к о н у. Каким образом подведомственные вам лица выплачивали из средств государства деньги тем, кто совершал, с точки зрения существовавшего закона, преступления?

Курлов. — Эти деньги специально для этого существовали . . .

Председатель.—Но, я повторяю свой вопрос: как оценивали вы это с точки зрения законности, с точки зрения уголовного закона? Вы, юрист, стояли во главе организации, которая за деньги нанимала возможно большее число секретных агентов, т.-е. лиц, которые самым фактом своего существования и своей работой нарушили закон.

Курлов. — В этом отношении я не совсем так смотрел, как вы изволите говорить. . . Я понимаю под секретными сотрудниками, — это не противоречит инструкции, — приобретение сотрудников, уже существующих в партии: это не есть увеличение числа лиц, которые действуют против закона.

Председатель. — Это не есть увеличение, но в ряде случаев они должны были водворяться в партию.

Курлов. — Нет.

Председатель. — Неужели вы брали только тех, которые уже в партии состояли? Но и тех ведь надо было в тюрьму посадить, судить, сослать в каторжные работы, а вы им платили деньги, брали их на жалованье.

Курлов. — Нет, это не предусмотрено законом: дело в том, что принадлежность к партии не влечет за собою заключения в тюрьму . . .

Иванов. — Даже принадлежность к боевой организации?

Председатель. — По 102 статье уголовного уложения карается именно принадлежность к партии. Так что факт остается: ваши агенты отыскивали членов, принадлежащих к партии, и вместо того, чтобы посадить их на скамьи подсудимых, из месяца в месяц платили им деньги.

Курлов. — Да, запрещая им всякую активную работу . . .

Председатель. — Вот выписка из § 4 инструкции (читает): «Это не значит, что секретный сотрудник должен уклоняться от всякой активной работы, возлагаемой на него организацией. Он безусловно обязан доносить о таких случаях до сведения лиц, заведующих розыском» . . . Вот видите, — им рекомендовалось не уклоняться от этой работы.

Курлов. — Да, я сказал уклоняться от работы только в смысле возможного вреда . . . Потому что иначе, как же вы хотите?!.

Председатель. — А представляли вы себе, что даст в жизни это иезуитское положение, как оно реализируется в жизни?

Курлов. — Это зависит от того, кто в данный момент этими сотрудниками руководит . . .

Председатель. — У вас были сотрудники, которые из месяца в месяц, получая от вас деньги, состояли членами революционных обществ. Это не значит, что они не могли быть активными членами этих обществ — это им не возбранялось?

Курлов. — Нет.

Председатель.—Вам известно другое положение инструкции— о том, что ликвидация сообщества должна была происходить в момент наибольшего развития его деятельности, что такой момент наиболее выгоден именно для ликвидации сообщества? Как же обстоит дело с несчастным законом? Сначала человеку вместо того, чтобы его в каторгу сослать, дают деньги: это в момент открытия сообщества, в момент приобретения сотрудника, а затем, вместо того, чтобы соблюсти правила закона, из месяца в месяц, из недели в неделю, изо дня в день смотрят сквозь пальцы на то, что организация развивает свою деятельность, и попрежнему платят деньги. Ведь это нарушение закона?

Курлов. — Безусловно.

Председатель. — Безусловно. В 1911 году вы были в Киеве и, значит, при вас произошло убийство Столыпина?

Курлов. — Да.

Председатель—Вы приехали туда за тем, чтобы принять меры к охране особы тогдашнего императора и высших должностных лиц от возможных террористических покушений: вы вошли, по этому поводу, в сношения как с начальником местной охраны Кулябко, так и с начальником дворцовой охраны — Спиридовичем?

Курлов. — Да.

Председатель. — Вам было известно указание Богрова, что предполагалось террористическое покушение и что агенты революционной организации приехали для совершения этого преступления в Киев?

Курлов. — Совершенно верно.

Председатель. — Причем вы знали, что Богров есть секретный сотрудник Кулябко?

Курлов. — Это последнее не совсем верно — бывший сотрудник . . .

Председатель. — Бывший, но в тот момент, в момент вашего приезда вновь что-то Кулябке донесший?

Курлов. — Сделавший ему какое-то заявление: он, так сказать, сделал ему новое заявление, но сотрудником не был . . .

Председатель. — Значит, как вы говорите, вошедший с ним вновь в сношения, после перерыва, и сделавший ему заявление? Это верно?

Курлов. — Верно.

Председатель. — Вы знали, что Богров будет на представлении в театре?

Курлов. — Безусловно, не знал.

Председатель. — Вы когда узнали, что готовится террористическое покушение и что Богров сделал о том заявление? Изложите это, пожалуйста, вкратце — в дополнение к тому, что у нас имеется в нашем распоряжении по этому вопросу.

Курлов. — Позвольте: только немножко, так — вкратце — нельзя сказать . . . Я приехал в Киев 14 августа и в ту же ночь со мной случился удар, так что я не выходил, но принимал и руководил всем из моей квартиры, из гостиницы. Причем я должен сказать, что на меня, по высочайшему повелению, которое имеется, было возложено высшее наблюдение за охраной, а не непосредственное руководство розыском. Дело в том, что мне подробнейшим образом докладывали о всех обстоятельствах, которые, так сказать, могли нарушить мирное течение всех торжеств. За несколько дней — дня за четыре или пять (теперь трудно припомнить) — ко мне является полковник Кулябко и заявляет мне, что к нему явился его бывший сотрудник (буквальное выражение), который сказал ему, что готовятся террористические акты, может быть, даже и центральный, но, во всяком случае, на высших должностных лиц . . .

Председатель. — «Центральный»? Т.-е. вы имеете в виду покушение на царя?

Курлов. — Да. И что они имеют приехать, для того, чтобы его, этот акт, так сказать, осуществить. И этот Богров должен был им оказать услугу двоякую. Я, может быть, ошибаюсь, но мною было, в свое время, сенатору Шульгину сделано заявление. Следствие вел сенатор Шульгин. В моем показании сенатору Шульгину это все подробно изложено. Богров должен был им, приезжим, предоставить квартиру и нанять им моторный катер, так как они, по каким-то соображениям, мне не известным (Кулябко мне не докладывал, ему, очевидно, не говорил Богров), предполагали ехать рекой.

Председатель. — Т.-е. все это — лишь утверждали Богров или Кулябко, потому что действительность потом обнаружила, что этого не было?

Курлов. — Да. Так как катер должен был приехать в Кременчуг, то я распорядился послать отряд для наблюдения из Кременчуга, безусловно запретив въезд всяким катерам, а квартиру чтобы предоставили у жены или вдовы одного из бывших жандармских унтер-офицеров... Вот это был, так сказать, момент первый, который в себе ничего особенно тревожного не заключал. Но в тот день, когда Петр Аркадьевич приехал в город, я ему подробно доложил все эти сведения. Затем это дело заглохло, и новые сведения поступили только в день покушения.

Председатель. — Но как же такой вопрос мог заглохнуть? Вы приехали туда для охраны, за пять дней вам говорят, что приезжает террористическая организация, имеющая целью покушение, и вы говорите, что этот вопрос заглох. Как он мог заглохнуть?

Курлов. — Новых сведений не поступало. Был назначен отряд для наблюдения за Кременчугом: там никто не выезжал и катера не нанимал. Богров никаких сведений не давал. Так что в этом смысле я понимаю «заглох».

Председатель. — Теперь ясно. Дальше.

Курлов. — Так что новых сведений не поступало. Мне теперь очень мудрено припоминать некоторые обстоятельства и подробности. Потому что тут еще произошло побочное обстоятельство. Кажется, дня за два до этого был арестован... не помню фамилии: он застрелился и сначала думали, не находится ли это в связи, но потом, безусловно, было установлено, что это в связи не находится. Затем, в день покушения, утром, мне было доложено, что эта группа явилась в Киев не из Кременчуга, и что одно лицо находится на квартире у Богрова, и что, кажется, в 12 или в час, должны прийти другие лица и таким образом, так сказать, организовать покушение. На кого? Это еще не было определено. В 12 час. у меня был второй доклад: что не явились эти лица и что свидание лиц, приехавших, должно состояться на Бибиков-

ском бульваре, если не ошибаюсь, — вечером, — т.-е. перед самым театром. Все меры, которые полагаются в таком случае, т.-е. наблюдение, были приняты — за квартирой Богрова. Я приказал поставить наблюдение: на самый серьезный пост — начальника наружного наблюдения и принял некоторые меры, так сказать, полицейского характера, т.-е. мы не знали, с чем мы имеем дело (это было не выяснено), а день был боевой: государь уехал утром на маневры, должен был вернуться в час дня, затем поехать на ипподром, где был смотр потешным, и хотел уже поехать в театр . . . Я доложил Петру Аркадьевичу подробно то, что мне доложил Кулябко. В час дня я сел в мотор и поехал по управлению царским поездом и, затем, увидел, что большая толпа собралась— в виду выстроенного наряда. Тогда я принял, может быть, очень резкую меру, которая мне иногда удавалась: я останавливался почти на каждом углу и говорил полицейским офицерам, бывшим в наряде, что, вероятно, государь не приедет, что он задержится до вечера и что, поэтому, наряд снять. Наряд сняли, и тогда разошлась толпа. Я встретился с государем за городом и, как мне говорил командующий, он был очень удивлен, что проехал по пустой улице, где не было даже полицейского наряда — ни толпы, ничего. Засим, я предполагал отстаивать и отстаивал для проезда государя на ипподром закрытый экипаж, но он желал непременно поехать и поехал в открытой коляске, по тому пути, который был намечен раньше.

Председатель. — Вы, может быть, сократите немного эту часть и перейдете к другому моменту, который нас более интересует?

Курлов. — Т.-е. театр?

Председатель. — Пока еще не театр, а вот вы начали говорить, что приняли доклад по поводу террористической организации в 12 час., — а затем, что вы делали?

Курлов. — Затем я уехал встречать государя.

Председатель. — А далее?

Курлов. — Затем, я поехал с государем ко дворцу, поехал на ипподром . . .

Председатель. — А эту организацию вы потеряли из виду?

Курлов. — Как потерял?

Председатель. — Докладов вам не делали?

Курлов. — Дальше доклада не было, кроме сведений о Бибиковском бульваре.

Председатель. — Вы знали, что Богров член революционной партии?

Курлов. — Нет, я знал, безусловно, что он уже не член . . .

Председатель. — Кто же вам сказал, что он уже не член?

Курлов. — Полковник Кулябко.

Председатель. — Скажите, отчего вы, получив сведения о том, что один из приехавших революционеров у Богрова, не сделали распоряжения об его аресте?

Курлов. — По той причине, что мне нужна была вся группа, так или иначе, как мы знаем из практики, такие преждевременные аресты влекут . . .

Председатель. — Так что некоторое время этот человек должен оставаться на свободе?

Курлов. — Он должен был оставаться на свободе до 7 часов вечера.

Председатель. — Вы сделали какое - нибудь распоряжение, чтобы эта группа была арестована в 7 часов.

Курлов. — Безусловно, сделал.

Председатель. — Кому?

Курлов. — Полковнику Кулябке.

Председатель. — Как мирится ваше утверждение о том, что вы знали, что он не состоит членом ограназиции, с полученными вами сведениями о том, что, во-первых, этот человек предупрежден об этом, а, во-вторых, что члены революционной организации должны у него остановиться и он их должен встретить? Как вы знаете, по 102 статье, этого рода сношения и такого рода действия, как принятие к себе этих революционеров, составляют признак принадлежности к преступной организации, к преступному сообществу?

Курлов. — Вы хотите, чтобы я сказал . . .

Председатель.—Вы, на мой вопрос, сказали, что он не состоит членом организации, между тем, все факты, о которых вас предупреждали, они такого рода, что говорят о его принадлежности к этой организации: ибо если бы он был членом, эти факты не имели бы места.

Курлов. — Он был членом организации, затем вышел — так, по крайней мере, мне было доложено . . .

Председатель. — Но в тот момент, когда вам докладывали, он, повидимому, вступил в нее?

Курлов. — Юридически — вступил, несомненно.

Председатель. — И этот, юридически вступивший в организацию, член сообщества был отправлен в театр?

Курлов. — Никогда не был отправлен в театр. По крайней мере, я его в театр не отправлял. Никогда этого не разрешал, и это даже противоречит всем моим распоряжениям!

Председатель. — По вашему мнению, это было самовольное действие Кулябки?

Курлов. — Безусловно!

Председатель. — Какое письмо около 3 часов этого дня вы и Спиридович написали по поводу того, что эти лица не приходят на квартиру Богрова?

Курлов. — Кому письмо?

Председатель. — Вы не помните историю с этим письмом?

Курлов. — Я никакого письма не писал . . .

Председатель. — А вам не писали такого письма?

Курлов. — Не могу сказать . . . Положительно не помню . . .

Председатель.—Когда вы пришли на спектакль, что вы узнали об этом юридически вступившем (а юридически он вступил потому, что он фактически вступил) в организацию человеке, который состоял в сношении с Кулябкой и был раньше сотрудником?

Курлов. — Я, приехав в театр, ничего не знал . . .

Председатель. — Не хотели знать?

Курлов. — Я не мог знать — по обстановке: я приехал в театр, сопровождая государя, и вместе с ним вошел в партер.

Председатель. — Разве вы не потребовали доклада о том, как обстоит дело с этим молодым человеком?

Курлов. — Доклад я принял в первом же антракте: он (Кулябко) мне сказал, что свидание на Бибиковском бульваре не состоялось . . .

Председатель. — Я про этого молодого человека, про этого гостя, который пришел?

Курлов. — Что он у него находится, что наблюдение стоит и что об этом ему приехал доложить в театр Богров . . . Я приказал немедленно, чтобы Богров не смел отлучаться из квартиры, пока группа не будет выяснена.

Председатель. — Но как связать это с тем, что вам сказали, что Богров приехал в театр?

Курлов. — Да, по словам Кулябки, выходило так. . .

Председатель. — Значит, его отправили назад еще до доклада вам?

Курлов. — Да, по словам Кулябки, выходило так. . .

Председатель. — Вы помните, что именно до доклада Богров должен был уехать из театра, а не после?

Курлов. — Т.-е. после доклада мне?

Председатель. — Да.

Курлов. — Нет, по-моему, до доклада, насколько я теперь помню . . .

Председатель. — Так что вы продолжаете сейчас утверждать, что Богров без вашего ведома был отправлен в театр?

Курлов. — Безусловно!

Председатель. — Вы не знаете, зачем Кулябко, незадолго до этого убийства, вызывал другого своего сотрудника в Киев и рекомендовал ему взять с собою фрак и приехать?

Курлов. — Совсем не знаю . . .

Председатель. — Какие у вас были отношения с Васильевым, бывшим директором департамента полиции?

Курлов. — Когда я, в 1906 году, был назначен временно исполнять обязанности вице-директора департамента полиции, то

Васильев был заведующим особым отделом, и я с ним познакомился.

Председатель.—Значит, вы, после губернаторства, были назначены исполнять обязанности вице-директора департамента полиции?

Курлов. — Я был членом совета и исполнял обязанности вице-директора.

Председатель. — Сколько времени?

Курлов. — Восемь месяцев, — должно быть, в 1907 году . . .

Председатель.—Какие же у вас были отношения с Васильевым?

Курлов. — Я с ним познакомился впервые в департаменте и отнесся к нему в высшей степени симпатично: он мне очень понравился, и наши отношения не прекращались все время. Затем, когда я был назначен товарищем министра, то он в это время не служил в департаменте полиции, а ушел опять в прокурорский надзор, и мы продолжали видеться постоянно.

Председатель. — Вы помните, что вы были с ним в переписке, когда он несколько позже (это было, кажется, в 1912 году) находился в Киеве?

Курлов. — Очень может быть . . . Я теперь не помню, но возможно.

Председатель. — Вы помните, что он вам какие-то деньги доставал?

Курлов. — Да. Такая переписка была, т.-е. я не знаю, была ли это переписка или это было устно, но это имело место.

Председатель. — Какое у вас составилось представление об убийстве Столыпина, — в отношении участия в этом деле Кулябко и Спиридовича?

Курлов. — Дело в том, что по отношению к участию Кулябки у меня взгляд такой, что Кулябко совершил тот легкомысленный и недопустимый поступок, который так свойственен, к сожалению, офицерам розыска: это полное доверие к своим сотрудникам, — настолько сильное, что они рискуют своей собственной жизнью . . . Если разрешите, я вам иллюстрирую сейчас примером.

Председатель. — Примером Карпова?

Курлов. — Да.

Председатель. — К этому перейдем позже. . . Значит, Кулябко совершил поступок легкомысленный?

Курлов. — Рассчитывая на то, что это даст прекрасные результаты . . .

Председатель. — Какие результаты?

Курлов. — В том смысле, что, если кто-нибудь из этой группы лиц появится в театре, они будут своевременно задержаны и, таким образом, будет предупрежден террористический акт . . .

Председатель. — Вы не знаете, что есть прием, хорошо известный многим русским гражданам, жившим при старом режиме:

арестовывали человека и потом оставались в его квартире и устраивали засаду? Почему этот прием не был применен в отношении Богрова и его товарища-революционера, относительно которого он говорил, что тот находится в его квартире?

Курлов. — По той причине, что если бы должны были пойти в квартиру, — этот прием можно было применить, но, когда они отказались пойти в квартиру и свидание должно было быть на Бибиковском бульваре, то эта мера повлекла бы за собой...

Председатель. — Вам сообщили, что один революционер пошел туда?

Курлов. — Мне нужен был не один, а целая группа...

Председатель. — Но, позвольте, для этого именно и делали «засады». Скажем, живет студент, — пошлют полицию и его арестуют, а на квартире сидят. Звонок, приходит другой — другого арестовывают, и так просиживают по неделям.

Курлов. — Тут высиживать некогда было: тут шел вопрос о сегодняшнем вечере!

Председатель. — Но, не сделав этого, вы сделали то, что агент Кулябки пошел на место стрелять в Столыпина!

Курлов. — Дело в том, если бы мы их арестовали, засада не дала бы результатов: потому что они не собирались прийти...

Председатель. — Но вы же об этом не знали?

Курлов. — Напротив, — знали, что они туда не придут, а свидятся на Бибиковском бульваре.

Председатель. — Почему же не следили за Богровым и другим человеком?

Курлов. — За другим человеком нельзя было следить, потому что он из квартиры не выходил.

Председатель. — Тогда что же препятствовало взять его на квартире? Не руководило ли здесь, главным образом, стремление не предупредить преступление, а поймать человека в положении, более близком к виселице?

Курлов (прерывает). — Безусловно, нет...

Председатель (продолжает). — Ибо если задержать на квартире, то он может пойти лишь за сообщника, а вот если застать на месте преступления, то будет налицо покушение, и тогда можно повесить...

Курлов. — В этот момент я об этом совершенно не думал... Я думал только о безопасности лиц, которые мне были поручены!

Председатель. — Позвольте вернуться к письму на ваше имя Васильева. Итак, Кулябко был офицер, совершивший легкомысленный поступок. А Спиридович?

Курлов. — Спиридович розыском не ведал.

Председатель. — Каково было мнение Васильева относительно роли Спиридовича в этом эпизоде?

Курлов. — Он считал, что Спиридович, в силу своих отношений к Кулябке, должен был все знать, что знал Кулябко. ...

Председатель. — А что знал Кулябко, по поводу этого случая, по мнению Васильева?

Курлов. — Этого я теперь не припомню . . .

Председатель (читает). — «Отрадно мне было здесь слышать голоса о том, что все это дело — несчастный случай, в коем повинен один Кулябко, вероятно, по подговору рыжего» . . . Вы знаете, кто разумеется здесь под словом «рыжий»?

Курлов. — Знаю.

Председатель. — Кто это?

Курлов. — Спиридович.

Председатель (читает дальше). — «Другие подробности расскажу лично». Вы помните эту часть письма? Очевидно, автор этого письма стоит на той точке зрения, что в этом убийстве принимал участие не только в смысле легкомысленного допущения, но и несколько более серьезное, Кулябко, по подговору «рыжего».

Курлов. — Я понимаю, что этот подговор — именно совет — известного приема. Теперь мне очень трудно припомнить, что именно Васильев хотел этим сказать.

Председатель. — Скажите, это было в практике департамента полиции, что за товарищем министра, генерал-лейтенантом, за его перепиской следят настолько, что даже фотографируют письма к нему его подчиненных? Вы знали об этом? Вот письмо, которое вы получили (показывает фотографию письма): оно прошло через перлюстрацию и было фотографировано.

Курлов. — Я не был в то время товарищем министра.

Председатель. — Значит, письма бывших товарищей министра и министров фотографировались?

Курлов. — Значит, новый директор департамента нашел нужным это сделать . . . Я, по крайней мере, об этом никаких сведений не имел.

Председатель. — В каких отношениях вы были с Манасевичем-Мануйловым?

Курлов. — Собирался предать его суду, о чем имеется дело у прокурора петроградской судебной палаты, когда я был товарищем министра. И никаких других отношений не имею.

Председатель. — Вы собирались предать его суду, за что?

Курлов. — За мошенничество.

Председатель. — Которое выразилось в чем?

Курлов. — В том, что он имел, если я сейчас не ошибаюсь, фантастический телефон и брал деньги с тех, кто к нему приходил, за разговор по телефону с тем или другим министром, и, таким образом, он получил, кажется, четыре или пять тысяч, — я теперь не помню. По этому делу ко мне поступила жалоба, и я возбудил

судебное преследование, которое, за недостаточностью улик, было прекращено судебным порядком.

Председатель. — А вы собирались предать его суду?

Курлов. — Я возбудил уголовное преследование.

Председатель (оглашает документ): — «Милостивый государь, Владимир Евстафьевич, возвращая при сем предварительное следствие о коллежском ассесоре Манасевиче-Мануйлове, имею честь просить ваше превосходительство уведомить меня, не представляется ли возможным» . . . и т. д. Вот письмо, которое вы написали прокурору палаты Корсаку, оно противоречит вашему утверждению.

Курлов.—По-моему, оно нисколько не противоречит. Я говорю, что я возбудил дело, когда поступила жалоба, а когда по делу было произведено следствие, то улики были недостаточны. В. Е. Корсак был у меня вечером и передал мне, так сказать, содержание следствия, о котором я доложил министру Столыпину, а затем написал это письмо, находя нецелесообразным при той обстановке, которая была в следствии, возбуждать дело в суде.

Председатель. — Это значит, однако, что вы именно не желали предавать Манасевича суду.

Курлов. — Я говорю не о предании суду, а о возбуждении преследования.

Председатель. — Значит, вы возбудили преследование, по поводу которого потом высказались за прекращение, и притом не по недостаточности улик, а в виду нецелесообразности постановки настоящего дела на судебное разбирательство?

Курлов. — Я таким образом и понимаю.

Председатель. — Ну, а что это значит? Позвольте огласить из другого дела Манасевича-Мануйлова (оглашаются документы из дела, начавшегося в 1901 году и кончившегося в 1916 году, № 102): «Хотя, таким образом, с формальной стороны виновность Манасевича-Мануйлова в обманном получении денежных сумм с Антонова, Якобсона, Минца, Шапиро, Глухарева, Плотникова . . . высказался за направление данного дела, в порядке статьи 277, на прекращение».

Курлов. — Какой это документ?

Председатель. — Это имеющийся в деле Манасевича исторический очерк его деятельности, начиная с 1905 года. Вы помните, что вы писали это письмо Корсаку?

Курлов. — Помню.

Председатель. — Насколько же подобные действия совпадают с вашим желанием привлечь его к суду?

Курлов. — Я вам говорил, что когда это следствие было произведено, то о существе следствия я говорил с прокурором судебной палаты, так как, по моему мнению, насколько я теперь припоминаю, улики были довольно слабые, и надежды на то, что это дело

пройдет с обвинительным приговором, было мало. При этом Манасевич-Мануйлов до меня служил, и я боялся всевозможных разоблачений, которых и без того была масса, и я считал это несообразным.

Председатель. — Может быть, не слабые улики, а именно нежелание разоблачений и было причиною? Позвольте мне огласить часть записки, составленной по вашему поручению: «Кроме того допущение среди чиновников министерства внутренних дел человека, ныне привлекаемого за мошенничество» и т. д., вот соображения, побудившие вас написать письмо Корсаку, которое вы писали, уже зная знаменитую резолюцию Столыпина по поводу этого Манасевича. «Пора этого мерзавца сократить». И вот, когда возникло против «этого мерзавца», как выразился Столыпин, уголовное преследование, вы, несмотря на те улики, которые, судя по записке, составленной в вашем же департаменте, имелись, постарались повлиять на направление дела по 277 статье, в виду необходимости оградить человека, который был чиновником особых поручений министерства внутренних дел.

Курлов. — Я понятия о нем не имел... Я его никогда в лицо не видал!

Председатель. — Какой разговор вы имели со Спиридовичем, по поводу последовавшего уже значительно позже, при Штюрмере, повышения этого самого Манасевича-Мануйлова?

Курлов. — Со Спиридовичем? — Положительно никаких.

Председатель. — У нас имеется сфотографированное в департаменте полиции письмо Спиридовича на имя Манасевича-Мануйлова.

Курлов. — Это значит Спиридовича... Я не помню.

Председатель (читает): — «Только сегодня узнал от проезжавшего здесь Курлова о вашем производстве, дорогой Иван Федорович...» Вы не припомните этот ваш разговор со Спиридовичем?

Курлов. — Я говорил, вероятно, Спиридовичу о том, что Манасевич-Мануйлов играет роль очень, может быть, важную. Но я должен оговориться. До того момента, когда говорил со Спиридовичем, я никогда Мануйлова в лицо не видел. А его отношение ко мне, после возбуждения хотя и прекращенного потом дела, заключалось в том, что все боевые статьи против меня, после смерти Столыпина, в «Новом Времени» и «Вечернем» — писались Мануйловым. Вот единственное отношение, которое имеется...

Председатель. — Нам известно, что департамент полиции пользовался при вас секретной агентурой вообще, но не приходилось ли вам в вашей практике пользоваться такими лицами, которые были осуждены в каторжные работы?

Курлов. — Такого случая не помню.

Председатель. — И при этом вызволять их, дабы затем их «заагентурить», — кажется, такой термин существовал в департаменте полиции?

Курлов. — Мной лично? Я не помню.

Председатель. — Ну, с вашего ведома?

Курлов. — Я такого случая не помню.

Председатель. — Вы не помните таких случаев?

Курлов. — Не помню.

Председатель. — Вы не помните разве случая с убийством Карпова! Того самого, о котором вы упомянули? Ведь Карпов был убит своим собственным сотрудником?

Курлов. — Да.

Председатель. — Вы помните, что этот человек был склонен к поступлению в секретные сотрудники тогда, когда он был приговорен в каторжные работы, а затем бежал?

Курлов. — Этого я не припомню... Будучи товарищем министра, я подробности жизни сотрудников никогда не знал... Я даже никогда не спрашивал у начальников охранных отделений, кто у них сотрудники.

Председатель. — Думаю, однако, что вы не могли оградиться от докладов об их деятельности: они сами шли к вам с докладами.

Курлов. — Но без личности.

Председатель. — Но, может быть, с кличками?

Курлов. — С кличкой, да.

Председатель. — Не было ли такого случая, что вам докладывали: нужен такой-то сотрудник, а для того, чтобы его получить, — он каторжанин, — так его нужно освободить? И вот вы, товарищ министра, юрист по образованию, юрист в начале вашей карьеры, — разрешали устраивать побег такому человеку...

Курлов. — Я такого случая не помню.

Председатель. — Позвольте, в таком случае, огласить документ из дел департамента полиции № 175, 1909 года, о бывшем учителе Александре Петрове (он же Иван Филатов) — (читает)... Характерная, не правда ли, переписка двух начальников государственных учреждений о том, чтобы каторжнику дать возможность бежать: полковник пишет действительному статскому советнику, Нилу Петровичу, а Нил Петрович потом сенатором состоит... Но что же вам известно, так сказать, по содержанию этого документа?

Курлов. — Я безусловно это отрицаю. Я отрицаю вот почему...

Председатель. — Т.-е., что собственно вы отрицаете?

Курлов. — Что я такое распоряжение делал, согласие давал ген. Герасимову, потому что ген. Герасимова я, как только вступил, быстро убрал. Он моим доверием никогда не пользовался. Я никогда такой вещи не сделал бы!

Председатель. — А Климович пользовался вашим доверием?

Курлов. — Больше, чем ген. Герасимов.

Председатель. — Дополнительно оглашается из «секретного журнала, доложенного господину товарищу министра» (писано рукой Климовича): «Телеграфировал в саратовское жандармское управление на номер 44 — 68. Ожидайте приезд и указания генерала Герасимова. 26 апреля 1909 года». Как вы знаете, этот человек был, действительно, путем создания побега, освобожден, поступил на службу секретным сотрудником и благополучно убил Карпова. Потом был, конечно, повешен.

Курлов. — Такого распоряжения Герасимову я не давал, — это безусловно.

Председатель. — Ну, а Климовичу?

Курлов. — Это может быть...

Председатель. — Это все равно. Важна сущность распоряжения.

Курлов. — Я не отрицаю сущности распоряжения, но когда вы прочли первую бумагу, то отрицаю первое распоряжение — Герасимову.

Председатель. — Но меня, как юриста, поражает иное: поражает отсутствие другого распоряжения. Ведь, очевидно, этого самого полковника или генерала, которые устраивали побег, нужно было предать суду. Вы, как юрист, знали те статьи уголовного уложения, которые они нарушили, но продолжали оставлять их во главе учреждений, позволяли заведывать этими учреждениями. Вот что, собственно, останавливает на себе внимание. Как с этим быть?

Курлов. — Если есть такое удостоверение полковника Климовича, то я его отрицать не имею оснований. Что же касается до ген. Герасимова, то безусловно отрицаю.

Председатель. — Он был в апреле месяце уволен от должности?

Курлов. — Кто?

Председатель. — Герасимов.

Курлов. — Да, да!

Щеголев. — Об этом сотруднике, который был, таким образом, освобожден, у вас было какое-нибудь представление? Вы следили за его деятельностью? Для какого дела он предназначался?

Курлов. — Я теперь вам сказать не могу. Я не припомню. Очевидно, было какое-нибудь дело, по которому он был нужен. Я думаю, что это может вам сказать только полк. Климович, заведующий особым отделом, потому что я в такие подробности не входил.

Щеголев. — Раз вы находите нужным дать распоряжение об освобождении и устройстве побега, очевидно, этот сотрудник предназначался к какой-либо особой роли. Какая же роль предназначалась ему? А затем впоследствии разве вы им не интересовались? Он ушел у вас из поля зрения?

Курлов. — Нет, он был сотрудник Карпова, — это я знаю...

Щеголев. — А вы к нему больше отношения не имели? Вы о каких-нибудь дальнейших отношениях знали?

Курлов. — Я подробностей припомнить не могу. Но, в общих чертах, я припоминаю такого рода историю, — что уже Карпов мне докладывал о том, что он получает от Петрова серьезные сведения об опасности, угрожавшей государю императору, который ехал в это время в Крым, и что он, так сказать, ему безусловно верит... Но, насколько я теперь припоминаю, за два дня до моего отъезда, он мне рассказывал подробности тех сведений, которые ему передавал Петров. Я подробности эти припомнить не могу, но они показались мне столь маловероятными, что я ему сказал, чтобы он был поосторожнее и чтобы этим словам не доверял. И засим, когда я уехал в Крым, то я получил телеграмму от Карпова с повторением вновь этих сведений. На что я ответил ему телеграммой, которая была найдена у него на столе после его смерти: «Немедленно арестуйте Петрова».

Щеголев. — У нас в деле есть телеграмма противоположного свойства. Скажите, пожалуйста, когда Петров приехал из-за границы, вы имели сведения об этом?

Курлов. — Вероятно, имел, — я положительно теперь не припомню.

Щеголев. — Вы не настаивали на том, чтобы руководил Петровым исключительно Карпов и никто другой не имел к нему отношений?

Курлов. — Может быть.

Щеголев. — А на каком основании? Какие мотивы были для того, чтобы так подчеркивать эти отношения?

Курлов. — Карпов был человек, безусловно чуждый провокации, так, как я ее принимал.

Председатель. — Позвольте дать иллюстрацию к вашим утверждениям о провокации и по поводу отношений к секретным сотрудникам. Я оглашаю документ от 2-го октября 1913 года из дел департамента полиции (дело о мещанине Кирюхине, № 375, 1913 года): «Департамент полиции, начальник отделения по охранению общественного порядка...»

Курлов (прерывает). — В 1913 году я не был!

Председатель. — Да, но вот следующий факт имеет к вам отношение: департамент полиции ходатайствует о помиловании каторжника, бежавшего и вступившего в боевую организацию, за те услуги, которые он департаменту оказал... (читает).

Курлов. — Все это до меня!..

Председатель. — Погодите (продолжает читать): Все они поселились в Петербурге... Так вот я обращаю ваше внимание на факт, констатируемый в записке: «Таковых арестов произведено не было».

Курлов. — Совершенно верно.

Председатель. — Что же, вы считаете законным такой образ действия?

Курлов. — Законным — нет, но необходимым — да.

Председатель. — А вы не находите, что с точки зрения, так сказать, государственной, следует отдать предпочтение закону? Значит, поджидали, когда побольше под виселицу людей подойдет?

Курлов. — Это не совсем верно... Но не желали оставить таких, которые могут совершать террористические акты.

Председатель. — Не желали оставить таких, которые могут совершить террористические акты? (продолжает оглашение документа): «В первой половине марта 1910 года, за исключением Лидермана, скрылись за границу...» (читает). Скажите, пожалуйста, вы ушли из товарищей министра внутренних дел 14 октября 1911 года? И вы появляетесь в министерстве внутренних дел уже в 1916 году?

Курлов. — Да, да...

Председатель. — При каких обстоятельствах?

Курлов. — Я был зачислен в резерв чинов петроградского военного округа; и, так как в это время уже состоялось новое положение о резерве, при котором можно было оставаться шесть месяцев, а в это время А. Д. Протопопов был назначен министром, я просил его взять меня в состоящие при нем — по тем примерам, которые имелись, что он и сделал...

Председатель. — Вы были назначены состоящим при министре внутренних дел. Но через 7 дней вы были назначены исполняющим обязанности товарища министра?

Курлов. — Совершенно верно.

Председатель. — По высочайшему повелению?

Курлов. — Да.

Председатель. — Которое не было опубликовано?

Курлов. — Это уже не моя вина.

Председатель. — Почему оно не было опубликовано, — независимо от того, чья это вина?

Курлов. — Я не могу вам с уверенностью сказать. Я думаю, что тут события начались и пошли с такой быстротой, что было просто некогда подписать рапорт министру, — больше ничего! — Вот какое мое отношение...

Председатель. — Но для этого нужно было полминуты.

Курлов. — Об этом может быть знает директор департамента общих дел.

Председатель. — Вам известно, что Протопопов, с одной стороны, желал вас иметь, а с другой стороны, боялся, что это вызовет взрыв негодования и возмущения и против вас и против него?

Курлов. — Я не знаю, что думал Александр Дмитриевич в этом отношении. Но я должен только сказать, что я не настолько

наивен, чтобы войти в департамент полиции, подписывать бумаги и думать, что не было высочайшего повеления!..

Председатель. — Так что вы были уверены, что повеление было распубликовано?

Курлов. — Я не знаю... Позвольте вам в подробности рассказать это распубликование.

Председатель. — Т.-е. этого «нераспубликования»?

Курлов. — Нераспубликования... Когда я получил письмо о том, что состоялось высочайшее повеление, чтобы я вступил в исполнение обязанностей (как это всегда делалось), то я говорил с начальником отделения департамента общих дел, что пожалуйста пошлите рапорт в сенат... Так мы на этом и решили. Он говорил, что рапорт министру представлен, и я считал, что вопрос окончен. Прошло, кажется, две недели, — министр путей сообщения Трепов приказал мне приехать (он тогда еще не был председателем совета министров) для того, чтобы переговорить, по поводу какой-то организации наблюдения за вагонами, стоящими на станции. Мне вот Трепов и говорит: «Вы знаете, что это за история с вашим назначением?» — Я говорю: «Какая история? — Никакой истории!.. В чем дело?» — «Да, — говорит, — знаете, это не распубликовано в сенате...» Я тогда, приехавши, сказал Александру Дмитриевичу, что это необходимо распубликовать, а в то же время мне передал по телефону товарищ министра Бальц, что ему обер-прокурор первого департамента то же сказал. Но засим, дальнейшее, отчего не распубликовано, — я не знаю...

Председатель. — Вы раньше бывали назначаемы—вы не могли этим не интересоваться: вы знали, что, кроме распубликования, должна быть бумага, которую получает человек, по высочайшему повелению назначенный на должность.

Курлов. — Бумага эта была у меня: письмо министра — больше никакой! Этот приказ все равно не был бы напечатан: ведь это не приказ—это допущение к исполнению обязанностей...

Председатель. — И назначение на должность исполняющего обязанности товарища министра?

Курлов. — Да.

Председатель. — Юридически вопрос обстоял слабо. Высочайший приказ не был распубликован, и вас не хотел признавать сенат: когда вы послали ему бумагу, она вам была возвращена обратно. Но что же вы, фактически, делали в департаменте полиции? И в чем выражалось ваше сотрудничество с Протопоповым?

Курлов. — Принимал доклады и делал распоряжения по текущим делам.

Председатель. — По департаменту полиции?

Курлов. — По департаменту полиции.

Председатель. — Так что фактически, весь этот месяц с днями, вы ведали департаментом полиции?..

Курлов. — Да.

Председатель. — Где вы встретились с Протопоповым после вашей полковой службы?

Курлов. — Я встретился с ним у нашего общего доктора — Бадмаева...

Председатель. — Вы также встречались и с Распутиным?

Курлов. — Да.

Председатель. — При каких условиях состоялось решение назначить вас? Распутин, который очень интересовался своей охраной, был за это назначение?

Курлов. — Вероятно, не против... Александр Дмитриевич перед назначением министром предложил мне быть товарищем министра и командиром корпуса. Я сказал, что если корпус освободится, то я буду командиром в смысле строевом, но что в товарищи министра я не пойду. Поэтому, когда ушел Степанов, я взял это исполнение на время, дабы помочь Александру Дмитриевичу в первое время, пока он не подыщет себе кого-нибудь.

Председатель. — Что вы делали в январе и феврале, когда события все наростали и когда А. Д. Протопопов в Царском Селе заявил, что он справится с этими событиями, что он примет меры и т. д.? Какое было ваше участие в этих мерах, принятых Протопоповым?

Курлов. — Никакого.

Председатель. — Что же, вы перестали видеться с Протопоповым?

Курлов. — Да, я не видался с ним с 5-го января.

Председатель. — Вы жили в Петрограде?

Курлов. — Да, но я был болен, никуда не выходил. Я был настолько болен, что, когда умер отец моей жены, я даже не был на похоронах...

Председатель. — Где вы жили?

Курлов. — На Потемкинской, в своей квартире. Так что от всякого участия в делах я уклонился.

Председатель. — Значит, ваша деятельность, в последнее время, может только относиться ко времени от 16-го октября до 21-го ноября?

Курлов. — Нет, потому у меня были отдельные поручения в декабре, но уже не по департаменту полиции, а по департаменту общих дел. Потом А. Д. Протопопов вызвал меня к себе для разъяснения конфликта, происшедшего у него с командиром корпуса, в смысле строевом...

Председатель. — На какой должности вы состояли, когда были приглашены?

Курлов. — Состоящего при министре.

Председатель. — Значит, эту должность вы не оставили?

Курлов. — Я подал в отставку 5-го января.

Председатель. — Но отставка не была дана?

Курлов. — Да, не была дана. Я не знаю до сих пор ее участи.

Председатель. — Итак, вы продолжали состоять при Протопопове и исполняли его поручения?

Курлов. — Только два поручения было.

Председатель. — Какое же ваше было участие в совещании по департаменту общих дел?

Курлов. — Нельзя сказать, чтобы это было формальное совещание, но начальник двинского военного округа Зуев написал министру письмо по поводу того, что у него вышло какое-то недоразумение с рижским губернатором, что тот его не встретил и т. д., и, поэтому, требовал, во-первых, отозвания губернатора, а, во-вторых, исполняющего должность вице-губернатора . . .

Председатель. — И вам было поручено что же?

Курлов. — Мне было поручено выяснить юридически и ответить, правильно ли требование начальника двинского военного округа.

Председатель. — На этом мы и кончим.

XXXIII.

ДОПРОС М. И. ТРУСЕВИЧА

4 мая 1917 года.

Содержание: Дело о с.-д. фракции 2-й Государственной Думы. Был ли акт 3-го июня государственным переворотом. Об участии агентов в революционных организациях. Преступность по 102 ст. Реформа департамента полиции, произведенная Трусевичем. Азеф. Оправдание Трусевичем деятельности департамента полиции. Террористические акты в бытность Трусевича директором департамента полиции. Осведомление о террористических замыслах посредством агентуры. Инструкция 1907 г. по вопросам внешнего и внутреннего наблюдения. Агенты, участвовавшие в с.-д. фракции Гос. Думы — Шорникова и Бродский. Наказ войскам петроградского округа, переданный членам с.-д. фракции. Департамент полиции и Шорникова. Письмо Герасимова, удостоверяющее благонадежность Шорниковой. Шорникова и Климович. Дело о приготовлении к цареубийству. Дело об убийстве Петровым Карпова. Расследование Трусевичем роли Курлова в деле убийства Столыпина. Столыпин и Распутин.

Председатель. — Нам нужны ваши объяснения по некоторым пунктам. Вы были директором департамента полиции с 13 июня 1906 г. по 9 марта 1909 г.?

Трусевич. — Совершенно верно, по 9 марта.

Председатель. — 1909 года?

Трусевич. — Это, вероятно, из формуляра видно.

Председатель. — Вы были директором департамента полиции около трех лет?

Трусевич. — Без трех месяцев.

Председатель. — Расскажите, что вы знаете по делу социал-демократической фракции 2-й Государственной Думы?

Трусевич. — К сожалению, я, кажется, не помню.

Председатель. — Речь идет о работе Герасимова, затем Макарова, Столыпина.

Трусевич. — Может быть, вы могли бы мне предложить отдельные вопросы?

Председатель. — Извольте. Вы помните, как в среде правительства сложилась мысль о создании политического процесса

достаточно громкого, который помог бы разогнать Государственную Думу и совершить государственный переворот?

Трусевич. — Абсолютно ничего не знаю. Я знаю только, во-первых, что если и были подобные мысли, то у меня их не было, во-вторых, я не был посвящен.

Председатель. — Но вы имели личный доклад товарищу министра внутренних дел. А, с другой стороны, вы сами принимали доклад и присутствовали при докладах тогдашнего начальника охранного отделения Герасимова по поводу этого дела.

Трусевич. — Нет, прежде всего, я должен сказать, что, при докладах Герасимова министру и товарищу министра, я не присутствовал.

Председатель. — Вы не присутствовали?

Трусевич. — Нет, Герасимов, начальник петроградского охранного отделения, имел самостоятельный доклад министру.

Председатель. — Это безусловно. Это общее положение, но разве доклады по этому делу происходили не в вашем присутствии?

Трусевич. — Нет.

Председатель. — А доклады Герасимова по этому делу вы принимали?

Трусевич. — Вы ставите весь вопрос в иной плоскости.

Председатель. — Да, я задал вам вопрос политический и в государственной плоскости этого дела.

Трусевич. — Это для меня совершенно не понятно, потому что разогнать Государственную Думу на почве такого процесса. . .

Председатель. — И совершить государственный переворот.

Трусевич. — Мне представлялась эта мера совершенно иначе. Создавать процесс для разгона Государственной Думы просто бесцельно, тем более для совершения переворота, относительно которого я не понимаю, в каком смысле это переворот.

Председатель. — Акт 3-го июня вы не считаете государственным переворотом?

Трусевич. — Нет, это изменение основных законов.

Председатель. — Незаконным способом.

Трусевич. — В порядке высочайшего повеления. Я, откровенно говоря, не могу. . . Сейчас конституция наша. . .

Председатель. — Вы же юрист. Что же вы считаете, что по высочайшему повелению все можно сделать?

Трусевич. — В зависимости от того, как гласят об этом основные законы. Если изменение их предоставлено там одной высочайшей воле, то это не будет переворот.

Председатель. — Вы живете в России и знаете, что изменить избирательную систему могла только сама Дума, т.-е. обе палаты, что это не было предоставлено верховной власти.

Трусевич. — Не сумею на это вам ответить, но должен вам сказать, что это не касалось меня по должности.

Председатель. — Меня несколько удивляет ваш ответ, потому что даже И. Г. Щегловитов признает, что это — государственный переворот и акт совершенно незаконный.

Трусевич. — Может быть, с точки зрения правительственной это и так. Но у меня нет закона под рукой, и я не могу этого сказать, тем более, что это меня не касалось. Возвращаясь к вопросу о социал-демократической группе, я предполагаю, что вы имеете в виду переворот в каком-нибудь ином смысле, потому что роспуск Думы это не есть переворот. Может быть, вы говорите об уничтожении Государственной Думы? Я не представляю себе переворота, ради которого, как вы сказали, было возбуждено дело социал-демократической фракции 2-й Государственной Думы.

Председатель. — Столыпину, как вам, может быть, известно, нужно было как-нибудь разделаться с Думой, которую он считал революционной, потому что она боролась с ним.

Трусевич. — Значит роспуск. Не переворот в смысле уничтожения, а роспуск.

Председатель. — Переворот в смысле уничтожения избирательной системы, завоеванной народом в 1905 году и уничтоженной в 1907 году.

Трусевич. — Связи между делом социал-демократической группы и таким переворотом я лично не усматриваю. Обращаясь к фактической стороне дела, я могу сказать одно: что в правительстве были разговоры относительно того, что группа, лучше сказать, фракция социал-демократическая принимает участие в общей деятельности социал-демократической революционной партии, что она есть орган этой партии. . . И так как вся социал-демократическая революционная партия в то время подводилась под определенный закон, то, конечно, и тот орган, который действовал в ее интересах и для достижения тех же целей, был, очевидно, подведен под ту же самую статью. Я должен сказать, что квалификация юридическая не касалась департамента полиции. Это дело делалось в высших сферах. Затем, я имел указание на то, что раз что социал-демократическая фракция Государственной Думы признается органом революционной партии, то ее надлежит привлечь к ответственности.

Председатель. — Это, по вашему мнению, совершенно не относилось к департаменту полиции. Но, быть может, к департаменту полиции относилось то, что в этой революционной группе, о которой вы говорите, что с ней нужно было поступить по закону, участвовали агенты подведомственного вам петроградского охранного отделения. И притом не только пассивно участвовали, но и провоцировали эту группу и создали те улики, которые были положены в основу обвинительного приговора над целым рядом

лиц, состоявших депутатами 2-й Государственной Думы, т.-е. избранниками народа. Для вас это теперь ясно? Или продолжает быть неясным, как и нарушение закона актом 3-го июня?

Трусевич. — Для меня совершенно ясно одно, что никаких указаний на какую-нибудь провокацию в этой области у меня не было. Это я категорически утверждаю. Если такие доказательства впоследствии и обнаружились, — впоследствии, — я говорю. . .

Председатель. — А они обнаружились или не обнаружились? Это предположение ваше или факт?

Трусевич. — Я, собственно, привык котировать известные факты на основании доказательств. По данному же вопросу не производил никакого расследования, не ознакомился ни с какими документами и свидетельскими показаниями, которые установили бы создание улик или даже возбуждение революционной деятельности посредством агента.

Председатель. — А участие ваших агентов в революционной деятельности?

Трусевич. — Я категорически утверждаю, что если бы я наткнулся на такой факт, то несомненно эти агенты были бы преданы суду. Так это и было неоднократно произведено в бытность мою директором департамента полиции. В тех случаях, когда я натыкался на участие агента в преступном деянии, я настаивал на этом самым категорическим образом. Припоминаю даже одно дело в Владивостоке: там жандармский офицер был предан суду, по моему требованию, и осужден в ссылку. Я должен был выдержать некоторую борьбу с корпусом жандармов и добился того, что Заварницкий был осужден. Потом какое-то еще было дело. Очень трудно припомнить,—это было 10 лет тому назад. Какое-то дело было еще. Один раз мне попалось дело в Ростове или где-то. Я также потребовал, чтобы агенты были преданы суду, наравне с прочими обвиняемыми.

Председатель. — Вам известно, что, в бытность вашу директором департамента полиции, в основу деятельности директора, был положен документ, предусматривавший политический розыск при помощи агентов и их участие в революционных группах и организациях, как норму. . .

Трусевич. — Это непременно. Это всегда было, и до тех пор, пока будет существовать какой-нибудь розыск, даже не по политическим, а по общеуголовным делам, агентура всегда будет в той среде, которая расследуется. С моей стороны, тут нового ничего не было придумано. Что касается до участия агентов, то при этом было поставлено условием, вероятно, в этом самом документе, о котором вы говорите, абсолютное воздержание агентов от активной деятельности. И я должен сказать, что провокация понимается, например, мною и вообще чинами, прикосновенными

к розыскной деятельности, совершенно не так, как она понимается в общежитии. У нас различались понятия сотрудничества и провокации. Сотрудник это есть лицо, осведомленное и доставляющее сведения о том, что ему известно. Если мы возьмем любое сыскное отделение общеуголовного характера, то и здесь увидим ту же самую организацию. А провокация — это есть уже проявление инициативы агента в деле преступления. И если первое является нормальным условием розыскной деятельности, то второе является, с моей точки зрения, преступлением.

Председатель. — Оставьте на минутку вопрос об инициативе, а скажите, преступлением или же не преступлением является, с вашей точки зрения, такое положение, при котором ваш секретный агент принимает участие в деятельности революционного сообщества? Ведь и пассивное поведение агента предполагает тем не менее участие в заседаниях, о которых вы должны иметь сведения. Для этого они, эти агенты, и существуют. А между тем, вам, как юристу, не может быть неизвестно, что для состава 102 ст. угол. улож., предусматривающей тяжкое преступление, наказуемое каторжными работами, совершенно достаточно такого, например, действия, как посещение собраний, обществ, как участие в совещаниях, в дебатах и т. п.

Трусевич. — Насколько я припоминаю, были разъяснения сената в том смысле, что нужно проявить все-таки какую-нибудь активную деятельность. . .

Председатель. — Но когда вы изволили быть сенатором, вы, вероятно, отметили для себя, что сенат признавал, со своей стороны, совершенно достаточным признаком принадлежности к сообществу уже самый факт участия в совещании этого сообщества, выразившийся в том, что такой-то, тогда-то пришел на квартиру, на собрание людей. . .

Трусевич. — Совершенно верно. Но при этом остается второй вопрос: какова была цель этого участия? Если лицо участвует в собрании, но не ставит себе целью совершение преступления, а ставит себе цели осведомительные, то едва ли тут будет состав преступления.

Председатель. — Так что, вы считаете, что в состав преступления 102 ст. входит мотив деятельности, мотив участия в съезде или совещании?

Трусевич. — Несомненно. Никакого преступления без мотива не может быть. Если цель есть ниспровержение существующего закона. . .

Председатель. — Вам известно, что ни в тексте закона, ни в практике сената этот взгляд выражения себе не нашел? Вы, может быть, знаете даже целый ряд процессов совершенно иного характера.

Трусевич. — Едва ли кто мог быть осужден по ст. 102.

Председатель. — А вам неизвестны случаи, когда департаменту полиции приходилось вызволять своего агента, осужденного судебной палатой сословных представителей?

Трусевич. — Я их никогда не вызволял. Я сам возбуждал преследование против них.

Председатель. — Значит, вам представляется, что жизнь допускает участие вашего чина в сообществе, в целях осведомления, — с сохранением полной пассивности с его стороны? Вы считаете такое положение жизненным?

Трусевич. — Это есть условие, при котором известный политический строй, каков бы он ни был, отстаивает свое существование.

Председатель. — Вы не поняли моего вопроса. Я ставлю такой вопрос: разве директор департамента полиции или самый департамент полиции, стремясь к наилучшему осведомлению в делах партии, не заботится о том, чтобы его агент занял в партии более выдающееся положение, прошел в высшие партийные учреждения? Разве вам неизвестно, что деятельность такого агента и ценится выше и оплачивается дороже, чем деятельность иного рода агента?

Трусевич. — Совершенно верно. Но вопрос в том, каким путем это достигается: путем ли вовлечения его в активную деятельность? Я, напротив, считаю это недопустимым, а если дело сводится к известной интеллигентности агента, то это, действительно, ценится.

Председатель. — Но не интеллигентность же только ценится, а некоторые действия. Ведь агенты охранного отделения замешивались в партию, проходили известный стаж, возвышались там.

Трусевич. — Я должен сказать, что, как директор департамента, поставивший департамент на совершенно новую ногу, я в такие технические вопросы, в такие детали входить не могу.

Председатель.—Какие же это детали! Это общий вопрос политической агентуры. Важно не то, как вы смотрели на дело, а то, как было в департаменте в бытность вашу директором департамента.

Трусевич. — Я должен пояснить. Не кроется ли здесь какого недоразумения относительно меня? До меня департамент полиции действительно имел свою агентуру, и там были лица, которые вели непосредственные сношения с сотрудниками. Когда я вступил в должность директора, я, до принятия этой должности, поставил покойному Столыпину целый ряд условий, между прочим, условие о совершенном очищении департамента полиции.

Председатель. — Что же вы думаете: существование Азефа, в качестве агента департамента полиции, есть соблюдение или нарушение этого условия?

Трусевич. — Безусловно соблюдение. Потому что ни один чин департамента полиции не имел никаких сношений с Азефом.

Председатель. — За исключением, может быть, Герасимова?

Трусевич. — Он не чин департамента полиции. Охранное отделение это есть местное учреждение.

Председатель. — Так что вы оберегали чистоту учреждения на Фонтанке, и вас не касалось то, что делалось на Мойке?

Трусевич. — Несомненно. Я стоял на точке зрения, вытекающей из общего положения. Если мы возьмем, например, окружный суд и министерство. . . Точно так же я смотрю на департамент полиции, как на орган министерства.

Председатель. — Значит, Азеф с Герасимовым мог устроить террористическое покушение, а к вам это не имело отношения?

Трусевич. — Если бы Герасимов прямо сказал мне об этом, я бы знал, а если бы он с Азефом устроил что-нибудь тайное, я бы не знал.

Председатель. — Вы изволили точно указать на то, как вы понимаете участие сотрудников в разных сообществах, и говорите, что их преступность находится в прямой зависимости от цели. Если они преследуют цели осведомительные, то что бы они ни совершали — это безразлично. А если они участвуют в боевых организациях?

Трусевич. — Вопрос в том, предпринимает что-либо он или нет. Если он не участвует в создании террористических актов. . .

Председатель. — Вы юрист, вы отличаете участие в сообществе, наказуемое по ст. 102, от участия в убийстве должностного лица. Ведь если человек организует убийство, то он участник по ст. 13 или 51 угол. улож., а если он убийства не организует, но принадлежит к сообществу, которое организует убийство, то он отвечает по ст. 102 угол. улож.

Трусевич. — Таково положение, которое создалось веками и существует.

Председатель. — Слава богу, теперь уже не существует.

Трусевич. — Если бы какому-нибудь строю пришлось отстаивать свое существование, он не может без этого обойтись. Я могу сослаться на Францию, где все существует так же, как и у нас, это безусловно. Тут имеется дилемма: либо дать простор террору, чтобы направо и налево совершались убийства, либо бороться теми приемами, которые были установлены спокон веков.

Председатель. — Вы изволили быть на вершине этой лестницы. Разве вы не считаете, что обязанность слуг государства, лиц, управляющих государством, заключается в том, чтобы достигать цели средствами прямыми и чистыми, а не становиться на точку зрения, что цель оправдывает средства, как подсказывает мне сенатор Иванов.

Трусевич. — Вы совершенно правильно ставите этот вопрос в отношении прямого действия. Я говорю это не только по отношению к бывшему строю, но и к какому угодно. Если есть про-

тивник, который старается этот строй ниспровергнуть, и если это движение идет подпольно, скрыто, тайно, то, конечно, прямая борьба с ним становится невозможной. Потому что прямой способ борьбы с этим движением — удовлетворение всех тех требований, которые предъявляются им в самых разнообразных формах. Это я понимаю, но если прямого пути нет, то приходится принимать тот прием, который отвечает самому характеру революционного действия. Это совершенно неизбежный вывод, потому что как можно бороться с движением или течением, которое совершается тайно, как можно с ним бороться открыто? Опять-таки провожу параллель между общеуголовными и политическими делами. То же самое будет, если брать общеуголовное дело, скажем кражу...

Иванов. — А если сыщик участвует в этой краже?

Трусевич. — Тогда он отвечает. Я к этому и веду. Я вас уверяю, что если задачей полицейской власти будет предупреждение действий этой шайки, раскрытие этих действий, еще до того, как она их совершила, то я считаю, что это обязательно для полицейской власти. Агент и входит в эту шайку, чтобы не допускать преступления, его обязанность и сводится к предупреждению преступлений. Мы не можем взять отдельное лицо, отдельного преступника и определить, собирается он совершить кражу или нет. Но мы прекрасно знаем, что есть люди, которые занимаются кражей в виде профессии, и если в их среду попадает агент сыскного отделения, то это дает возможность предупредить.

Председатель. — Вам известны задачи боевой организации? Боевая организация партии социалистов-революционеров поставила себе задачей систематически устранять целый ряд лиц, которых она считала врагами народа, и этим путем итти к осуществлению нового строя. Задачей боевой организации являются политические убийства, потому-то она и боевая. У вас имеется там агент, который, по вашему мнению, сидит и ничего не делает. Эта организация совершает ряд террористических актов. Каково же будет ваше отношение к этому агенту, по существу, независимо от того, что он ходит в департамент полиции, не на Фонтанку, а на Мойку, т. е. в охранное отделение?

Трусевич. — Для меня это совершенно ясно. Если мне говорят, что начальник охранного отделения осведомлен о действиях боевой организации, так как у него там есть агентура, и если совершается какое-нибудь преступление, то начальнику охранного отделения ставится вопрос ребром: зачем же ваша агентура?

Председатель. — Вы ставили этот вопрос Герасимову?

Трусевич. — Я что-то сомневаюсь, были ли при мне действия боевой организации в партии социал-революционеров. В мое время действовала группа максималистов, в которой агентуры не было,

поэтому она совершила целый ряд жесточайших преступлений. Что касается до партии социал-революционеров, то, может быть, вам известны случаи?

Председатель. — Я могу вам сказать. Покушение на Рейнбота, на Гершельмана, убийство фон-дер Лауница, приготовление к убийству Николая Николаевича, так называемый процесс Щегловитова, процесс о приготовлении к цареубийству — целый ряд террористических актов.

Трусевич. — Я считал, что приготовление к убийству Николая Николаевича было делом максималистов. А потом я должен сказать, что, может быть, вам покажется это странным и невероятным, но фамилию Азефа я узнал, когда он был уже разоблачен.

Председатель. — Но может быть вы знали ранее его агентурную кличку? Затем, вы не могли не знать из докладов Герасимова, что в боевом центре партии социал-революционеров имеется секретный сотрудник.

Трусевич. — У меня не было такого впечатления, что агентура действительно имеется в центральном комитете. Но я всегда был того мнения, что если боевая организация осуществляет какое-нибудь предприятие, то это потому, что сотрудник центрального комитета был не осведомлен о нем.

Председатель. — Так вы признаете, что вы знали или предполагали, что Азеф находится в центральном комитете?

Трусевич. — Простите, не Азеф, а сотрудник, агент охранного отделения имеет отношение к центральному комитету.

Председатель. — Вы знаете, что задачей центрального комитета всякой политической партии является руководство деятельностью партии? Как же вы относились к тому, что, как вы сами сейчас сказали, в центральной группе партии, признававшейся тогда преступной, в группе, которая руководила деятельностью партии, состоит в течение целого ряда лет, в то самое время, когда вы являетесь директором департамента полиции, агент Герасимова?

Трусевич. — Это так формулируется только, а в жизни это немножко иначе. Сказать, что у Герасимова был агент в течение этих лет, я не могу. Герасимов не докладывал мне об этом. Герасимов являлся и говорил: «по моим сведениям, вот что делается, что затевается, что предполагается, то-то и то-то задумано, такие-то меры принимаются». Вот в чем состоял доклад. Иногда мне приходилось знакомиться со старыми делами, и я видел, что известное лицо находится в близком отношении с членами какой-нибудь организации...

Председатель. — Это по старым делам, а разве вы не интересовались новыми текущими делами?

Трусевич. — Конструкция самой агентуры меня не интересовала.

Председатель. — Но вас не мог не интересовать вопрос о том, не является ли преступною деятельность того самого учреждения, которое ставит себе задачей предупреждение и пресечение преступлений.

Трусевич. — Это невозможно! Что-нибудь одно: департаменту полиции нужно было либо отказаться от борьбы с террором, либо остаться при тех средствах, которые были выработаны практикой в течение многих лет.

Председатель. — Т. - е. оставаться при Азефах больших и маленьких?

Трусевич. — Об Азефе я говорю, что фамилию его я узнал лишь впоследствии. Например, если бы поставить вопрос так: Азеф много лет состоял сотрудником — я не утверждаю этого, но кажется, он имел непосредственное отношение к департаменту полиции; так вот, если бы вы меня спросили, имеется ли сейчас у Герасимова тот самый сотрудник, который был прежде в департаменте полиции, я бы не мог в этом разобраться, потому что я считал, что положение директора департамента полиции вовсе не таково, чтобы ему заниматься техникой. Его дело только общее руководство. Я должен отметить, что за все время существования департамента, в нем не было выполнено такой массы законодательных реформ, какая была выполнена при мне.

Председатель. — Департамент полиции, конечно, не законодательное учреждение, но одну реформу — постановку политического сыска не на преступную, а на законную почву, все-таки нужно было провести департаменту полиции.

Трусевич. — Я на эту тему беседовал с некоторыми лицами, не принадлежащими даже к бюрократическому строю, и я всегда говорил: «научите, как это сделать практически». Это было бы несомненно выполнено.

Председатель. — Но вы не находите, что если департамент полиции борется с преступлениями, хотя бы и политическими преступлениями, такими способами, которые сами по себе являются преступными, то нужно закрыть департамент полиции или уйти из него?

Трусевич. — С точки зрения охраны государственного строя это был прием практики, узаконенной самою жизнью, целыми столетиями.

Председатель. — Ну, относительно столетий нужно справиться в истории. А затем, что значит узаконение практикой? Закон должен во имя своего торжества бороться с практикой, а не говорить, что беззаконие указано практикой. Это есть уничтожение закона.

Трусевич. — Вы знаете целый ряд явлений, который установлен обычаями, usus'ом. Весь вопрос в том, в силу чего это создалось. Но если бы я поставил такой вопрос, то это ни к чему

не привело бы. Для каждого государственного строя это есть вопрос жизни и смерти. Можно сказать, подводя это под известную норму, что это есть создание необходимой обороны. Что-нибудь одно: или данному государственному строю надо отказаться от своего существования, или ему нужно принять те единственные доступные меры, которые практически доступны ему.

Председатель. — Так что, по вашему мнению, в настоящий момент нет государства, которое не имело бы на своей службе Азефов и не совершало убийств очень высоких должностных лиц при участии, содействии или, по крайней мере, с ведома своего агента, получающего за это деньги?

Трусевич. — Я думаю, что надо различать. Участие в таких действиях, это такое ненормальное явление, которое ни с какой точки зрения не может быть терпимо.

Председатель. — Но оно терпелось. Вы говорите, что Азеф существовал целый ряд лет.

Трусевич. — Я говорил: если он существовал, кажется — существовал. Во всяком случае, я не знал, кто это был. Я просил бы отметить, что личность этого агента была неизвестна мне. Если взять положение департамента полиции во Франции, то там — то же самое, у них те же сотрудники в анархических организациях, потому что там идет борьба с анархией. Возьмем самую упрощенную форму государственного строя — вольный город Гамбург. Я перед реформой полиции осведомлялся: там ведут борьбу с легализированными обществами, которые подрывают существующий там строй, и точно также там есть люди, состоящие в этих обществах и доставляющие сведения.

Председатель. — Мы говорим об инструкции, которая была выработана в 1907 году. Какое участие вы принимали в разработке этой инструкции по тайному и явному, т.-е. по внутреннему и внешнему наблюдению?

Трусевич. — Она была составлена, не помню, кем из членов департамента. Проект был мне представлен, и я его изменил. В каких отношениях я изменил и в чем дополнил, я не помню. Это было 10 лет тому назад.

Председатель. — Вы утвердили его?

Трусевич. — Насколько помню, он был утвержден министром.

Председатель. — Вы не помните, кто из чинов департамента полиции принимал участие в выработке этой инструкции?

Трусевич. — Она составлена особым отделением. Кто раньше принимал участие, я не могу сказать, — это было 10 лет тому назад.

Председатель. — Не было ли таких агентов — главнейших, — которыми бы ведал департамент полиции?

Трусевич. — В мое время не было.

Председатель. — Не было ли тайных, особенно секретных сведений в распоряжении департамента полиции, которые хранились бы в недрах самого департамента полиции?

Трусевич. — Особо секретных я не помню. Был архив. Может какие-нибудь старые записки. Одним словом, никакого специального помещения для хранения этих дел (вы в этом смысле спрашиваете) я не помню.

Председатель. — Не был ли этим помещением несгораемый шкаф, который стоял в комнате директора?

Трусевич. — Я такого распоряжения не делал. Должен сказать, что когда я вступил в должность, то департамент полиции функционировал уже много лет и, если какому-нибудь отделению было сказано, что оно должно хранить свои дела в таком-то ящике, то так это и делалось. Я не распоряжался этим.

Председатель. — Вы говорите, что выработка инструкции прошла при участии особого отделения. При вас особым отделением заведывал Васильев?

Трусевич. — Да, но не помню, был ли он в 1907 г.

Председатель. — Вернемся к делу с.-д. фракции 2-й Государственной Думы. Вам не стало известно, что и в деятельности этой группы принимали участие два важных агента — Шорникова и Бродский?

Трусевич. — Я, конечно, об этом был осведомлен, но не в то время, когда был директором департамента, а когда началось разоблачение по этому поводу в 3-й Государственной Думе.

Председатель. — Нет, я говорю о том времени, когда это дело создавалось.

Трусевич. — Это совершенно недопустимая вещь.

Председатель. — Вам неизвестно, что архив, т. е. документы этой военной организации хранились некоторое время в петроградском охранном отделении?

Трусевич. — Безусловно нет. Это доказано?

Председатель. — Да, это устанавливается; т. е. в охранном отделении или в распоряжении тех лиц, которые руководили секретными сотрудниками.

Трусевич. — На это я ничего не могу вам сказать. Во всяком случае, это было бы, с моей точки зрения, недопустимое явление, чтобы они хранились в охранном отделении.

Председатель. — Вы не помните, что серьезным обстоятельством, инкриминировавшимся обвиняемым, являлось сочинение наказа войскам, — кажется петроградского гарнизона, — наказа, который был передан членам фракции с.-д. и был арестован.

Трусевич. — Насколько мне помнится, дело шло таким порядком: были произведены обыски, и, кажется, все это дело было сразу передано в руки судебной власти. Результаты обысков были мне, в общих чертах, доложены.

Председатель. — К этому-то именно я и веду свой вопрос. Не помните ли вы, что Столыпин желал иметь в руках, на просмотр, этот самый наказ еще до обыска и что желание это было исполнено, так как вы сделали соответствующее распоряжение? Наказ был получен чинами петроградского охранного отделения, и о нем было доложено вам, Столыпину и Макарову?

Трусевич. — Не помню этого. Может быть это в ряду общих докладов, так сказать, было. Я не знаю, может быть Герасимов и говорил мне о том, что выработан такой-то наказ и что содержание этого наказа известно ему, так как агент доложил ему об этом; это совершенно возможная вещь. Во всяком случае, я могу утверждать одно: что ни с чьей стороны не было никакой инициативы в создании этого наказа. А если наказ был известен сотрудникам, то очень может быть, что Герасимов сообщил о нем.

Председатель. — Как же вы можете утверждать это, если в других местах вашего объяснения вы говорите, что вы не могли входить в детали деятельности ваших подчиненных?

Трусевич. — Я же не завишу от доклада. Я допускаю совершенно, что если Герасимов был осведомлен об этом наказе, — может быть даже очень детально, — и если он доложил мне о нем, то я знал. Было ли это, я теперь за давностью времени припомнить не могу. Конечно, слышал, крупное дело было, но чтобы отдельные эпизоды помнить, — не могу. Я допускаю, что если Герасимов узнал об этом наказе и доложил мне, то я, может быть, и знал содержание этого наказа.

Председатель. — Т.-е., с вашей точки зрения, это допустимо? Вы знаете о наказе и предоставляете событиям течь своим чередом, допускаете, чтобы этот наказ куда-то несли, а потом загребали там кучу людей, которые, может быть, вовсе не были бы захвачены, если бы подчиненные ваши . . .

Трусевич. — Мне было бы интересно, если это установлено у вас, сопоставить сроки, когда, скажем, Герасимов мог узнать об этом наказе и через сколько времени после этого были произведены обыски?

Председатель. — Он сам говорил, что он знал заранее, что копия была доставлена.

Трусевич. — Я отвечаю на ваш вопрос. Если прошло два, три дня, то это не могло иметь такого значения. Я говорю, что подлинного наказа я никогда не видал, — это наверное, — и не думаю, чтобы подлинный наказ был в охранном отделении. Но если сотрудник воспроизводил его и даже детально, то все равно, этот наказ где-то был. Где он был, я не знаю. Это все детали такие, которые, конечно, трудно разобрать теперь, и я не знаю, было ли это в средствах агентуры.

Председатель. — Значит, вы думаете, что когда к вашему подчиненному приходит с этим наказом агент, то остается еще

неясным, откуда агент получил этот наказ, — остается еще неясным то обстоятельство, что он был на собрании, принимал участие в обсуждении и редакции этого наказа, писал его и т. д.

Трусевич. — Может быть, этого и не было. Может быть, он лишь присутствовал при выработке его.

Председатель. — Вы думаете, что такой служака, как Герасимов, мог оставить неясной для себя эту часть объяснений агента?

Трусевич. — Я с агентурой никогда не имел сношений, так что не знаю, как техника происходит, но могу сказать...

Председатель. — Простите меня, как же вы хотите утверждать, что вы занимались только законодательством департамента полиции? Ведь несомненно, что это — основная задача ваша, основная работа ваша была.

Трусевич. — Нет, я смотрел так, что это одна из задач департамента полиции и моей работы. Но, если вы задаетесь целью выяснить какой-нибудь факт, скажем, дело социал-демократической фракции, то нужно выяснить при этом и положение директора департамента, принять во внимание тот крупный переворот, посмотреть на тот крупный переворот, который я произвел в департаменте, потому что я именно смотрел на департамент совершенно иначе.

Председатель. — Получается так, что нужно было реформировать департамент; для этого пришел Лопухин, затем вы, за вами следует, в качестве товарища министра, Джунковский, который тоже хочет реформировать, а департамент полиции живет до последнего времени попрежнему.

Трусевич. — Розыскная часть, действия агентуры, это действительно было. Я утверждаю, что это будет до тех пор, пока какому-нибудь государственному строю придется отстаивать свое существование. Не будет называться департамент полиции, будет называться как-нибудь иначе. Весь вопрос в том, что такое департамент полиции должен представлять собою, с моей точки зрения, и чем он был, когда я его принял.

Председатель. — Разрешите просить. Если эта часть, по вашему мнению, имеет отношение к делу, будьте любезны изложить ее на отдельной бумаге, в виде заявления.

Трусевич. — Я думаю, что я просил об этом в моем заявлении на имя министра. В общих чертах вы изволили записать это тогда, когда вы у меня были.

Председатель. — Когда вы подали заявление?

Трусевич. — Там два заявления, от 10 марта. Одно из них было прошение.

Председатель. — Простите, оба заявления от 10 марта?

Трусевич. — Оба от 10-го.

Иванов. — По поводу этой части вашего показания?

Председатель. — Относительно департамента полиции.

Трусевич. — Там, между прочим, говорится о том, как я вошел в департамент полиции и что было сделано. Самый лучший показатель произведенной реформы — это розыскной отдел. До меня в департаменте полиции был какой-то отряд филеров. Я совершенно его уничтожил.

Председатель. — Мы прочтем это в вашем заявлении. Если что будет неясно, мы у вас спросим. Итак, значит, в самых общих чертах вы были осведомлены об арестах в связи с делом социал-демократической фракции 2-й Государственной Думы. Детали вам неизвестны?

Трусевич. — Я в подробности не входил по той простой причине, что, как мне припоминается, дело это после обыска сразу было передано судебным властям.

Председатель. — Теперь скажите, пожалуйста, что вы помните относительно того более позднего момента, когда к вам стали поступать сведения о Шорниковой? Ведь вам известно, что Шорникова не была арестована в момент, так называемой, ликвидации?

Трусевич. — Очевидно. Во время ликвидации эта фамилия не называлась.

Председатель. — Вы знаете, может быть, что Шорниковой дали денег и паспорт, чтобы она скрылась.

Трусевич. — Понятия не имею. Когда она получила паспорт?

Председатель. — После ареста группы. Но вы считаете нормальным то обстоятельство, что агент ваш не был арестован, а, напротив, были приняты меры к тому, чтобы он скрылся. Вы считаете это законным?

Трусевич. — Это есть положение, вызываемое необходимостью поддержания известного строя. Я должен сказать, что теперь, когда вы смотрите ретроспективно, все это представляется вам совершенно иначе, чем представлялось, с точки зрения директора департамента, в ту минуту.

Председатель. — Остановимся тут на одном пункте. Департамент полиции допускает госпожу Шорникову бежать, даже выдает ей с этой целью паспорт и деньги. Затем следователь, как и все следователи, пишет постановление о привлечении этой госпожи по 102 ст. угол. улож., о чем и сообщает департаменту полиции, и департамент полиции помещает Шорникову в розыскные ведомости, как разыскиваемую и подлежащую задержанию. Как вам представляется такая двуликая деятельность департамента полиции? С одной стороны, этот орган министерства внутренних дел отпускает своего агента, члена сообщества; с другой стороны, орган министерства юстиции привлекает этого агента по 102 ст. и сообщает об этом органу министерства внутренних дел, за государственный счет пользуется трудом чиновника, который пишет: такую-то женщину нужно разыскать и арестовать, ибо она преступница.

Трусевич. — Это было бы совершенно справедливо, если бы департамент полиции знал, кто такая Шорникова, знал ее фамилию. Но я думаю, что если пересмотреть дела департамента полиции, вероятно, ее фамилии там вовсе не окажется.

Председатель. — Т. - е. вы утверждаете, что Герасимов не знал кто такая Шорникова?

Трусевич. — Герасимов не есть чин департамента.

Председатель. — Я забыл, что это на Мойке, а вы сидели на Фонтанке.

Трусевич. — Следователь сообщает: разыскать. Чиновник пишет об этом в розыскной журнал. Если бы Шорникова значилась в алфавите департамента, то чиновники, действительно, могли бы сказать: «позвольте, такая фамилия у нас есть»...

Председатель. — Вам не кажется, что так мог бы отвечать помощник столоначальника, которому ставится в вину какая-нибудь канцелярская описка! Но ведь вы стояли во главе учреждения, которое все время тем и страдало, что стремилось играть политическую роль в жизни страны.

Трусевич. — Я привел это в доказательство того, что директор департамента не касался вопроса, кто помещен в розыскную ведомость. Эта ведомость подписывалась, вероятно, начальником отделения, — чисто механическая была работа. Вы задаете вопрос, как это могло быть, что одно и то же учреждение играло по отношению к одному и тому же лицу двоякую роль. Я говорю, что если бы департамент знал, что агент Герасимова называется Шорниковой, то дело было бы иначе.

Председатель. — Но следователь, когда пишет свое постановление, знает о том, по какому делу она привлекается, и сообщает об этом департаменту, ибо он в постоянном сношении с полицией, в том числе и с департаментом полиции. Значит, достаточно было минимума внимания, а для Герасимова не нужно было никакого особенного внимания, чтобы установить, что дело идет о вашем агенте. Какой бы кличкой Герасимов ни окрестил Шорникову, она, во всяком случае, есть то самое разыскиваемое лицо, и никакого сомнения в этом ни для кого не могло быть.

Трусевич. — Для Герасимова, вероятно, не было сомнения, но до меня это даже не доходило.

Председатель. — Это имеет прямое отношение к вопросу, который я позволил себе поставить раньше. Вы распространились на тему о составе преступления по 102 ст. Выходит, что ваши агенты не могут, с вашей точки зрения, оказаться виновными по ст. 102.

Трусевич. — Если они были уличены, их осуждали. Я докладывал, что я сам возбудил несколько таких дел.

Председатель. — Вы помните, что в сентябре 1907 г. стали поступать сведения, что Екатерина Шорникова обнаружилась

и заявила, что служила сотрудником петроградского охранного отделения по группе социал-демократов. Вы получили такое сведение. Что, собственно говоря, вы должны были по этому поводу сделать и что вы сделали?

Трусевич. — Решительно не помню. Получил ли я такое сведение? Если установлено, что его получил, то, вероятно, потребовал объяснений от Герасимова, что это значит. А какие распоряжения я сделал, не могу сказать.

Председатель. — Вы были директором департамента полиции в 1913 году?

Трусевич. — Я в 1909 ушел.

Председатель. — Шорникова, наконец, сама заставила себя задержать. Тем не менее, по делу устанавливается, что в сентябре месяце, когда, кажется, судебный процесс и поставлен не был, разыскиваемая и обвиняемая по 102 ст. Шорникова обнаружена полковником Калининым. По этому вопросу известно вам или нет вот это? (Предъявляет документ.) Ваша это рука или нет?

Трусевич. — То, что я говорю: «прошу генерала Герасимова переговорить».

Председатель. — Это ваша рука? (Показывает.)

Трусевич. — Это — моя. А это, вероятно... не сумею сказать чья.

Председатель. — Вы так сказали, как будто все обстоит благополучно... Вы с Герасимовым говорили; что же сказал вам Герасимов?

Трусевич. — Что он сказал, я совершенно не помню.

Председатель. — Предъявлен документ — разбор шифрованной телеграммы на имя директора департамента полиции от 21 сентября 1907 года из дела № 562 по делопроизводству о Шорниковой. Что вами было сделано, когда эта госпожа нашлась?

Трусевич. — Я не знаю, что там телеграфировалось?

Председатель (читает). — «На №№ 1681 и 1696. Екатерина Шорникова обнаружена Казани, наблюдение установлено. Она заявила, что служила сотрудницей петербургского охранного отделения по военной группе с.-д. Подробности почтой. Полковник Калинин».

Трусевич. — Вероятно и даже наверное я вызвал Герасимова и просил его о наблюдении. Что он мне тогда сказал, я, конечно, не помню.

Председатель. — Так вот это было в 1907 году, а в 1908 году (вы ушли 9 марта 1909 года) — она на свободе. Почему Шорникову нужно было оставить на свободе?

Трусевич. — Я не знаю, была ли она привлечена. Это громадная разница.

Председатель. — Позвольте, она разыскивалась судебным следователем за № 1681.

Щеголев. — Судебный следователь по важнейшим делам обратился в департамент полиции с указанием на то, что товарищ Ирина уехала из Петербурга, по сведениям, в Казань. Она таких-то примет. После этого департамент полиции уведомил начальника казанского жандармского управления о том, что нужно установить наблюдение за Шорниковой. Начальник жандармского управления уведомил, что наблюдение установлено.

Трусевич. — Совершенно ясно. Первое распоряжение о том, чтобы ускорить наблюдение, ясно доказывает, что департамент полиции не имел никакого представления о том, что это агент.

Председатель. — И после телеграфного указания жандармского управления?

Трусевич. — Нет, после этой телеграммы, когда она заявила, — это, очевидно, уже обнаружилось. Мы сами ее разыскивали усиленным образом. Очевидное дело, — департамент не знал, что это агент.

Председатель. — Нет, вы ее не разыскивали, вы написали формально бумагу, а когда вы ее нашли, то позволили ей опять остаться на свободе. Из этого следует, что вы ее не разыскивали.

Трусевич. — Нет, простите, я утверждаю, что мы разыскивали.

Председатель. — А когда ее разыскали, то оставили на свободе.

Трусевич. — Тогда только обнаружилось для департамента, что это агент.

Щеголев. — Для департамента это было ясно раньше, потому что следователь просил разыскать и представить ее, а департамент полиции дал телеграмму начальнику казанского жандармского управления только о том, чтобы установить наблюдение за ней, а не арестовать. Значит, департамент был осведомлен в это время.

Трусевич. — Вероятно.

Председатель. — О чем вы говорили с Герасимовым?

Трусевич. — Не помню. Если моей резолюции нет, то дело кончилось словесным докладом.

Председатель. — Но как вы объясните следующее заявление. Госпоже этой, которая безуспешно разыскивалась судебным следователем и которую вы, обнаружив это, не заарестовали, госпоже этой вздумалось поступить в общину Красного Креста, и начальник казанского жандармского управления, у которого она, очевидно, сотрудничала, пишет вам от 24 октября 1907 года бумагу о том, что во вверенное ему управление «вновь явилась Екатерина Николаевна Шорникова и заявила, что начальница общины Красного Креста, желая зачислить ее, Шорникову, в общину, требует представить свидетельство о политической благонадежности. Донося об изложенном в дополнение к телеграмме моей за № 10326 и представлению моему от 21-го сентября с. г. за № 10334, имею честь просить департамент полиции почтить меня

уведомлением, как нужно будет поступить мне при получении мною от г. казанского губернатора запроса о политической благонадежности Шорниковой. Полковник Калинин». Как вы поступили, узнав, что ваша бывшая агентша, а ныне агентша казанского жандармского управления, привлеченная по 102 ст., хочет служить и потому желает иметь свидетельство о политической благонадежности, тогда как сотни русских студентов безуспешно добивались получить от департамента полиции это свидетельство? Вы не помните, что сделал департамент?

Трусевич. — Нет, этой переписки я не помню.

Председатель. — Я могу сказать. Это ваша резолюция или кого-нибудь другого? (Предъявляет документ.)

Трусевич. — Тут нет отметки, что доложено директору департамента. Я не помню такого факта, а между тем, это такой факт, который остался бы в памяти.

Председатель. — Так видите ли, значит, кто-то такой, может быть Васильев, это мы спросим, — послал эту бумагу при совершенно конфиденциальном письме ген. Герасимову, с просьбой дать заключение. И ген. Герасимов пишет милостивому государю Алексею Тихоновичу, что вследствие его письма он уведомляет, «что Екатерина Шорникова безусловно личность благонадежная, оказывала содействие в борьбе с революцией. В виду чего, ей следует выдать просимое свидетельство». И здесь надпись: «срочно сообщить полковнику Калинину». Каким образом ваш департамент выдает свидетельство о политической благонадежности лицу, которое, одновременно с этим, разыскивается по обвинению в политическом преступлении по 102 ст.?

Трусевич. — Мы все же возвращаемся к тому же вопросу. Это сотрудник, который участвовал в организации. С точки зрения благонадежности для государства, он, конечно, не опасен.

Председатель. — Так вы считаете нормальным, чтобы такой обвиняемый по 102 ст., которому грозит каторга, получал свидетельство о благонадежности?

Трусевич. — Я совершенно не помню этого. Думаю, что мне не было доложено. Я бы прямо сказал, что это совершенно лишнее занятие.

Председатель. — Что?

Трусевич. — Какие-то там свидетельства выдавать для представления в общество Красного Креста. Если бы мне пришлось натолкнуться, я бы сказал: бросьте это дело! Не все ли равно, куда она поступит. Снабжать своего агента какими-нибудь документами, — это было неправильно.

Председатель. — Ну, а дальше идет устройство г-жи Шорниковой на местечко. Дальше Шорникова во Владивостоке. Идет телеграмма из департамента полиции во Владивосток начальнику охранного отделения: «желаете ли принять опытного сотрудника

с.-д., военным организациям, жалования 50 руб., на проезд 100 руб.».

Трусевич. — Не знаю . . . Вероятно.

Председатель. — Вы считаете это тоже нормальным?

Трусевич. — Нет, это едва ли нормально. В сущности, это должен был делать тот, кто сносился с Шорниковой. Не помню даже, в мое время это было или нет. . .

Председатель. — Это было 19 марта 1908 года. Она снабжена свидетельством о благонадежности, служит в обществе Красного Креста, рекомендуется в качестве специалистки по с.-д. военным организациям во Владивосток, и эта рекомендация во Владивостоке принимается. (Предъявляет документ.) Вы не знаете, чей это почерк?

Трусевич. — Не помню.

Председатель. — И это делается в реформированном вами департаменте полиции! Затем, это дело имеет продолжение. Недогадливый начальник казанского жандармского управления 19 сентября сообщает департаменту полиции, что циркуляром от 2 августа текущего года разыскивается Екатерина Шорникова, подлежащая обыску и аресту. «В дополнение записки моей от 12 сего сентября за № 9681, имею честь просить указаний вашего высокоблагородия, как следует поступить в данном случае. Полковник Калинин». Вы знаете, что делает тогда департамент полиции? . . . «Телеграфировать лично. Циркуляр не применять, руководствоваться телеграммой 20 ноября 1907 года за № таким-то». Эта подпись не ваша, а Климовича. Вы об этом не знали?

Трусевич. — Я должен сказать, что о Шорниковой, как о личности, которая принимает участие в департаменте, понятия не имел.

Председатель. — Вам известно, что эта история имеет продолжение? Что Шорникова не удовлетворилась местом в общине казанского Красного Креста, пожелала быть сиделицей винной лавки, и что на залог, который требуется от сиделицы, ей высылается из департамента полиции 300 руб. Я должен предупредить, что это было после того, как вы ушли.

Трусевич. — Откуда же мне это знать! Я порвал все сношения не только с департаментом, но и со всем его личным составом.

Председатель. — Значит, этот вопрос о заарестовании Шорниковой проходил, когда вас уже не было? Это было в 1913 году. Теперь, что вам известно по делу Никитенко?

Трусевич. — Я прошу вас не забывать, что все это было десять и более лет тому назад.

Председатель. — Это дело коллективного творчества Герасимова и Спиридовича. Оно только докладывалось вам, но шло мимо вас. Это знаменитое дело о приготовлении к цареубийству. Дело

*

сына заведующего царскосельской почтово-телеграфной конторой Наумова, Пуркина и многих других.

Трусевич. — Судебное дело?

Председатель. — Настолько судебное дело, что трое были казнены. Там фигурировал казак-конвоец его величества Ратимов. Вы помните?

Трусевич. — В общем я припоминаю, что такое дело было.

Председатель. — Что вам докладывали об этом деле? Вы не отвергаете, что вам докладывали?

Трусевич. — Вероятно, докладывали. Безусловно.

Председатель. — Докладывали вам это дело в момент его открытия?

Трусевич. — Вероятно, если мне докладывали, то стереотипно, как и все докладывали: что получены начальником охранного отделения сведения о том, что то-то и то-то замышляется. Меня детали не интересовали. Меня интересовало одно: поставить розыскное дело так, чтобы можно было предупредить убийство. А как это дело выполнялось технически, это меня не касалось.

Председатель. — Что вам известно по делу об убийстве Карпова агентом полиции Петровым?

Трусевич. — Когда это было?

Председатель. — В декабре 1908 года.

Трусевич. — Конечно, мне было известно, что совершено убийство. Не помню, когда мне стало это известно, во всяком случае, не тогда, когда это подготовлялось. Я не помню, кто заменил Карпова.

Иванов. — Это было 8 декабря 1909 года.

Трусевич. — Я могу только предположительно говорить.

Иванов. — А не припоминаете ли вы тех обстоятельств, при которых некто Петров, по кличке Южный, — была еще кличка Филатов, — был приглашен в Петербург в качестве агента из Саратова?

Трусевич. — Не помню.

Иванов. — Не помните, чтобы вам была прислана от начальника саратовского охранного отделения Семигановского телеграмма о том, что имеется очень серьезный агент, который может сообщить сведения государственной важности?

Трусевич. — Не помню.

Иванов. — Он был осужден на каторжные работы, и перед вами был возбужден вопрос, нельзя ли как-нибудь освободить его, получить от вас разрешение на устройство ему побега?

Трусевич. — Не помню.

Иванов. — Не помните, что тут принимал участие Курлов? Это очень серьезная обстановка.

Трусевич. — Я не знаю. Думается мне, что едва ли я давал согласие на это, если он, действительно, был осужден.

Председатель. — Нужно будет установить это.

Иванов. — Телеграмма была на ваше имя. Потом была дополнительная бумага, поступившая 9 марта. Телеграмма была до вашего ухода.

Трусевич. — Не помню. Я должен вот что сказать, — это, может быть, имеет отношение: я не помню, когда был приказ о моем назначении.

Председатель. — Тут вопрос в днях.

Иванов. — Телеграмма была получена раньше, а затем 9 марта была получена бумага.

Трусевич. — Мы бы тогда могли установить совершенно определенно. Я должен сказать, что фактически я сдал должность раньше приказа о моем назначении — недели за три, потому что я был совершенно болен. Если тут есть какие-нибудь резолюции,— вероятно, это ген. Курлова. Все это можно установить.

Иванов. — Это было за несколько дней до 9-го, но телеграмма была послана на ваше имя. Конечно, вы могли ее не получить.

Трусевич. — На телеграмме должна быть резолюция. Кем она сделана?

Щеголев. — Суть в том, что этот жандармский полковник Семигановский на ваш запрос доводит до вашего сведения, что этот Петров — человек, осужденный на каторжные работы и бежавший из вятской тюрьмы, испрашивает у вас разрешения на принятие его сотрудником, на условии, что ему будет устроен побег. Вы начинаете телеграфировать Семигановскому. Сначала предполагаете, нельзя ли взять от него откровенные показания, а затем представить его на помилование. Но этот жандармский офицер телеграфирует вам, что на эти условия данное лицо не идет. Итак, подведомственное вам лицо доносит, что в его руках находится бежавший из каторги, и вы, вместо того, чтобы сделать какое-нибудь определенное указание, считаете возможным рассуждать о том, можно ли ему устроить побег или нет.

Председатель (обращаясь к Щеголеву). — Может быть это не относится к М. И. Трусевичу?

Щеголев. — Нет, эта телеграмма относится к М. И. Трусевичу.

Трусевич. — Этот Петров был арестован?

Иванов. — Он бежал из Вятки и был арестован.

Трусевич. — Значит, он не был освобожден. Мне Павел Елисеевич напомнил. Кажется, я делал такое распоряжение и кажется, ставил вопрос ребром: никакого освобождения, пускай даст объяснения. Ведь каждый может заявить, что он желает сделать государственное разоблачение и, на этом основании, будет просить освобождения. Пускай объяснит откровенно, — тогда видно будет. Если заслуга будет чрезвычайная, то можно будет возбудить вопрос о помиловании. Это характерный случай моего отношения к этим

вопросам. Мне чрезвычайно интересно было бы установить, какого числа был приказ.

Председатель. — Приказ был 9 марта. Это по официальным данным.

Трусевич. — Я дела по фамилии никогда не могу припомнить, а по деталям припоминаю, что я совершенно отказал в освобождении его, я хотел бы спросить вас: собственно говоря, следствие ведется на основании улож. о наказ. или уголовн. улож. со всеми постановлениями общ. части этих кодексов? В смысле совокупности давности все это применяется?

Председатель. — Да, пока все это применяется.

Трусевич. — Или, может быть, создаются какие-нибудь новые карательные нормы, которые могут быть применены?

Председатель. — Комиссия действует на основании существующих законов, а есть ли такие предположения или нет, — это нам неизвестно. Скажите пожалуйста, вы производили расследование по поводу действий Курлова? Мы не будем касаться того, что выражено в вашем докладе. Нам бы хотелось спросить вас изустно, в нескольких словах, как вы, ревизовавший дело об убийстве Столыпина, относились к участию в этом деле Спиридовича, Кулябко и самого Курлова?

Трусевич. — Я не знаю, у вас был всеподданнейший доклад или черновик?

Секретарь. — Все производство.

Трусевич. — Мне задача была поставлена весьма узкая. В конце концов, это было производство расследования, по поводу убийства Столыпина, организации охраны его величества и высших должностных лиц в Киеве. Для меня, конечно, это было самое тяжелое дело, какое только выпадало на мою долю, потому что это был, можно сказать, вихрь предположений. Высказывались и крайние предположения — о злоумышлении убийства Столыпина ген. Курловым; другие говорили, что абсолютно ничего нет, что это просто примазка Кулябки. В этих пределах надо было найти ту точку, которая отвечала действительности. Было давление со всех сторон, но я считаю, что мы провели это дело довольно удачно. Ни в одну из крайностей не впали, а выяснили хорошую середину, которая дала основание для предания Курлова и его помощника суду за бездействие и превышение власти. Два обвинения было. Надо сказать, что обвинение было поставлено в государственном совете совершенно в соответствии с моим всеподданнейшим докладом. Хотя потом было произведено предварительное следствие сен. Кузьминым, но я старался вести расследование настолько объективно, а это не особенно часто бывает, что административное расследование вылилось в то самое обвинение, которое было в постановлении государственного совета. Я тогда лечился. Меня вызвали, не спрашивая моего согласия, как сена-

тора. Я явился и выяснил вопрос относительно того, какова моя задача, затем сразу обратился в департамент полиции и взял там дело. При этом оказалось, что департамент полиции был устранен от участия в этом киевском деле. Затем я отправился в Киев. Курлов и Веригин находились в Петербурге, Кулябко был в Киеве, а Спиридович в Ливадии, и мне приходилось разбрасываться. В Киеве я явился в охранное отделение и отобрал все документы. Затем приступил к допросу Кулябка. Кулябко давал крайне сбивчивые показания, и все вертелось на вопросе, был ли осведомлен Курлов о том, что агент Богров был допущен в театр. Я установил, что он еще два раза был в толпе, в которой находился Столыпин. Кулябко после упорных, с его стороны, запирательств все-таки признал это. Я боялся, главным образом, что Кулябко свалит вину на Курлова и прикроется его приказанием. Поэтому, надо было вести дело чрезвычайно осторожно. В моем протоколе, я думаю, заметно, что в конце концов я вывел его на эту дорожку, мне стало ясно, что Курлов был осведомлен об этом. По отношению к Кулябке была обнаружена растрата с подлогом. Это дело было выделено и направлено, и он был осужден. Затем, относительно Курлова, было установлено, что Курлов был осведомлен о том, что агент был допущен в театр. Дело было поставлено чрезвычайно неудачно, проверки не было никакой. Я сам установил целый ряд фактов, которыми можно было проверить все заявления этого Богрова. Припоминаю, что там какой-то Николай у него на квартире сидел. Оказывается, там была прислуга, к которой один из филеров ходил в гости, и самое пребывание этого Николая в квартире можно было проверить 20 раз. И было бы обнаружено, что эта была сплошная ложь со стороны Богрова. Это я поставил в вину Кулябке.

Председатель. — Вы не ставили своей задачей установить, не был ли Курлов прикосновенен к самому факту убийства Столыпина?

Трусевич. — В каком смысле прикосновенен?

Председатель. — В том, чтобы он принимал некоторое участие?

Трусевич. — Т.-е., что это было организованное убийство? Я начал с этого. На этом вопросе пришлось остановиться, потому что в публике, в особенности в кругах близких к Столыпину, высказывалось это; но я должен сказать, что если бы даже подобного рода мысль и явилась, то она была бы выполнена как-нибудь иначе, а не так, как это было в данном случае, потому что привлечь к участию целый ряд людей, — это было бы совершенно...

Председатель. — Кого вы имеете в виду?

Трусевич. — Веригина, Спиридовича и Кулябку.

Председатель. — Могли быть свои люди.

Трусевич. — Я говорю, что если бы человек вел дело на умышленное убийство Столыпина, то они с Веригиным сделали бы как-нибудь иначе. Мне это представляется совершенно немыслимым. Затем я скажу одно: мотив какой-нибудь должен быть; занять место Столыпина — единственный мог быть мотив, потому что существовали ли какие-нибудь разницы в их программе, я, по правде сказать, не знаю.

Председатель. — У вас не было указаний на то, что Столыпин был неприятен Распутину?

Трусевич. — Нет. Я тогда о Распутине ничего не слыхал. Это было в 1911 году, — я тогда занимался географическим исследованием Кавказа, от этих сфер стоял далеко, и был ли тогда Распутин или нет, не знаю. Может быть я что-нибудь и слыхал о каком-нибудь старце, но чтобы Распутин уже в то время влиял на государственное управление, — я сомневаюсь. Я останавливаюсь на этом вопросе, так как умышленное убийство было бы бесцельно, потому что устранять Столыпина, как политического противника, у Курлова не было оснований; значит, единственный мотив мог быть карьеристический. Но ведь этим убийством он губил себя, потому что, раз он охранял и при нем совершилось убийство, шансы на то, чтобы занять пост министра внутренних дел, падали, — он самую почву у себя из-под ног выбивал этим, и выбил...

Председатель. — На этом мы сегодня и кончим.

Трусевич. — Когда будет продолжение?

Председатель. — Я думаю через несколько дней, когда мы прочтем запись ваших объяснений.

XXXIV.

ДОПРОС А. А. ВЫРУБОВОЙ

6 мая 1917 года.

Содержание: Сближение с царской семьей. Отношения с мужем. Знакомство с Распутиным. Отношение к Распутину. Переписка с Распутиным. Молитва Распутина. Телеграммы Распутина. Епископ Варнава. «Премудрость». Распутин и Протопопов. «Калинин». Передача просьб. Письма. Бадмаев и Курлов. Трепов. Манасевич-Мануйлов. Митрополит Питирим. Гусева. Протопопов. Политическая записка Орлова. Мария Головина. Бурдуков. Хвостов и Андроников. Штюрмер и Добровольский. Манус. Воскобойникова. Сухомлинов. Тайны хлыстовщины. Революция. Лахтина. Кем себя считал Распутин. Распутин и престиж власти. Хвостов и Белецкий. «Мама» и «папа». Приемы царицы в квартире Вырубовой. Книжка Распутина.

Председатель. — Вас зовут Анна Александровна Вырубова, вы — рожденная Танеева. Сколько вам лет?

Вырубова. — Тридцать два.

Председатель. — Вы состояли фрейлиной двора государыни или просто большого двора?

Вырубова. — Просто большого двора, десять лет тому назад.

Председатель. — Вы православного вероисповедания?

Вырубова. — Да, православного.

Председатель. — Кончили вы курс какого-нибудь учебного заведения?

Вырубова. — Я кончила на домашнюю учительницу.

Председатель. — В котором году?

Вырубова (вспоминает). — Я вышла замуж в 1907 году, родилась в 1884 году, значит, сколько это будет? 16-ти лет я при округе держала экзамен.

Председатель. — Вы стали фрейлиной десять лет тому назад, в 1907 году?

Вырубова. — В 1907 году я вышла замуж, мне было 23 года, а фрейлиной я была сделана 20-ти лет.

Председатель. — Вы родились в 1884 году, стало быть, фрейлиной стали в 1904 году?

Вырубова. — Да.

Председатель. — Когда вы сделались фрейлиной, то вы сразу же стали близкой ко двору?

Вырубова. — Нет.

Председатель. — Значит, некоторое время вы носили звание фрейлины, но не были знакомы с царской семьей?

Вырубова. — Да.

Председатель. — Когда же вы вступили в личные отношения?

Вырубова. — Первый раз меня взяли дежурить, когда заболела какая-то фрейлина, это было в 1905 году. Я поехала тогда на один месяц в путешествие с ними.

Председатель. — До замужества вы жили при отце вашем; он жил тогда в Царском или в Петрограде?

Вырубова. — В Петрограде жил, на Инженерной.

Председатель. — Значит, впервые вы поехали с семьей бывшего императора в 1905 году?

Вырубова. — Да.

Председатель. — До революционного движения?

Вырубова. — Да, потому что мы потом поехали заграницу, это было в августе месяце, а с ними я провела один месяц.

Председатель. — С этого года начинается ваше сближение с семьей?

Вырубова. — Да, тогда я познакомилась ближе; потом, через год, меня опять взяли дежурить, тоже летом, на месяц, тоже опять кто-то заболел.

Председатель. — Если вас взяли только через год, значит, ваше сближение произошло не тогда?

Вырубова. — Нет, я сблизилась с ними тогда, когда познакомилась, когда впервые поехала на «Полярной Звезде».

Председатель. — Но познакомились вы, вероятно, тогда, когда представлялись по поводу назначения фрейлиной?

Вырубова. — Это я не считаю. Я познакомилась в это путешествие, когда близко их видела.

Председатель. — Значит через год, в 1906 году, когда кто-то заболел, вас опять взяли?

Вырубова. — Опять взяли. Я опять путешествовала с ними в море, тоже осенью, кажется 2 месяца или месяц, не помню. На третий год — опять, три года подряд каждое лето.

Председатель. — Значит, в 1905, 6, 7 году вы продолжали жить у вашего отца в Петербурге?

Вырубова. — Да, у родителей. В 1907 году я вышла замуж, мой муж служил в походной канцелярии, мы взяли дачу в Царском, я жила с ним полтора года. Через год я развелась; у него психоз был.

Председатель. — Вы жили с ним полтора года, когда у него был психоз?

Вырубова. — Я всего замужем была полтора года.

Председатель. — Значит, с 1907 года, скажем, до конца 1908 года?

Вырубова. — Да, приблизительно.

Председатель. — В Царском вы часто встречались с семьей бывшего императора?

Вырубова. — Т.-е. не особенно часто; т.-е. что вы называете часто?

Председатель. — В последнее время, вы не отрицаете, вы были в очень тесной дружбе с семьей, особенно с императрицей?

Вырубова. — Да, конечно.

Председатель. — Нам интересно знать, с какого года это началось?

Вырубова. — Да вот, мой муж служил тогда в походной канцелярии, тогда меня звали вместе с ним. И вот четыре лета я ездила; он ездил в походной канцелярии, а я с ними.

Председатель. — Потом муж ваш был помещен в психиатрическую лечебницу?

Вырубова. — Да, он уехал в Швейцарию. Я забыла, в какой город, в лечебницу; потом мы развелись, так что я его с тех пор не видела.

Председатель. — Значит, в 1908 году кончилась ваша жизнь с мужем в Царском, и вы остались там жить после развода?

Вырубова. — Да, я не хотела возвращаться к родителям в Петербург и осталась там.

Председатель. — Что же вы там делали?

Вырубова. — А так, жила, как все другие.

Председатель. — Вы дежурили при дворе?

Вырубова. — Нет, не дежурила, я уже не могла, как замужняя женщина, нести разные обязанности. Меня иногда звали. Вот, например, брали уроки пения, вместе с государыней, у профессора Ирецкой, преподавательницы консерватории.

Председатель. — Это все внешние факты. Потом вы стали подходить все ближе и ближе?

Вырубова. — Да, т.-е. как?

Председатель. — В последнее время вы были уже самым близким человеком к семье бывшего императора?

Вырубова. — Т.-е., как близким? Часто бывала, они меня очень часто звали.

Председатель. — И они бывали у вас?

Вырубова. — Да, и они бывали у нас часто.

Председатель — На какой почве произошло ваше сближение?

Вырубова. — Т.-е., я не знаю на какой почве. Мы вместе брали уроки пения. У нее был низкий голос, у меня высокий, так что это подошло. Затем брали уроки рисования, шили, как все дамы там, вместе. Читали вместе.

Председатель. — Беседовали. . .

Вырубова (смеется). — Конечно, беседовали.

Председатель. — Скажите, когда и при каких обстоятельствах в эту жизнь вашу вошел Распутин?

Вырубова. — Я с ним познакомилась у великой княгини Милицы Николаевны и у Николая Николаевича. Милица Николаевна позвала меня познакомиться с ним в 1907 году, в год моей свадьбы; она сказала, что епископ Феофан привел ей интересного странника, который ясновидящий. Меня это очень заинтересовало, я пошла посмотреть.

Председатель. — Вы тогда интересовались вопросами религии?

Вырубова. — Я никогда особенно не интересовалась вопросами религии. Я верила в бога. Мне сказали, что он интересный странник. Пошла посмотреть. Думаю, наверно в России таких масса.

Председатель. — Кому же принадлежала мысль о том, чтобы ввести его ко двору?

Вырубова. — Мне кажется, они знали его уже до меня.

Председатель. — Т.-е. Александра Федоровна?

Вырубова. — Да, уже знала.

Председатель. — Через ту же Милицу Николаевну?

Вырубова. — Не могу вам сказать наверно. Вероятно, да. Я его первый раз увидела у них, на Английской набережной, за несколько дней до моей свадьбы.

Председатель. — Тогда ваша сестра тоже была там?

Вырубова. — Нет, сестры не было. Я совсем одна была, получила записку и поехала.

Председатель. — Он произвел на вас сильное впечатление?

Вырубова. — Т.-е. я не знаю. Она говорила, что он апостол. Как-то я очень интересовалась. Думаю, что особенного впечатления не произвел; он говорил о боге, я его спрашивала совета — выйти ли мне замуж. Он советовал, говорил, что очень хорошо, я тогда вышла замуж. Это было за несколько дней до моей свадьбы.

Председатель. — Когда же у вас завязались более тесные отношения с Распутиным? Ведь вы не отрицаете того, что были его горячей поклонницей?

Вырубова. — Вы сказали — горячей поклонницей, это слишком много. Во всяком случае, он умный человек мне казалось, самородок, и я любила его слушать; безусловно, не отрицаю. Я видела, когда приезжала к нему, как он принимает всевозможных людей, как разговаривает с ними, я любила смотреть на это.

Председатель. — Это ведь не был интерес холодного наблюдателя. Это был интерес женщины, захваченной его идеями?

Вырубова. — Нет, захваченной я никогда не была.

Председатель. — Т.-е. вы утверждаете, что идеи Распутина не были вашими идеями?

Вырубова. — Как же они могли быть моими? Я же с ним познакомилась только через два года после того, как они были с ним знакомы.

Председатель. — Нет, я выясняю теперь не внешние, а внутренние отношения ваши с Распутиным.

Вырубова. — Да, интересовалась ли я им как-нибудь особенно? Нет, особенно нет. Так.

Председатель. — Значит, неверно, что вы были его горячей почитательницей?

Вырубова. — Нет, неверно. Конечно, я интересовалась им, потому что он был интересен, но истерического какого-нибудь поклонения, — этого не было. Конечно, я никогда не была против него...

Председатель. — Так что вы утверждаете, что интерес к Распутину у вас был, как ко многим другим в вашей жизни? Или он представлял для вас исключительный интерес?

Вырубова. — Нет, безусловно, исключительный, нет.

Председатель. — Когда вас особенно захватило религиозное настроение?

Вырубова. — Я всегда верила в бога. Никогда особенно; мать моя говорила, что сказали про меня в «Новом Времени», будто я нахожусь в религиозном экстазе. Мы смеялись над этим. Никакого религиозного экстаза у меня нет, я верю в бога, как все православные женщины. У меня было очень много горя, муж с ума сошел, при дворе моя жизнь была совсем нелегка.

Председатель — Почему же она была нелегка?

Вырубова. — Потому что, вообще, жить при дворе нелегко. Вы думаете легко? Мне завидовали, меня любили. Вообще, правдивому человеку трудно жить там, масса зависти, клеветы. Я была проста, так что в эти 12 лет, кроме горя, я почти ничего не видела.

Председатель. — Вы были в переписке с Распутиным?

Вырубова. — Нет, потому что он ведь был безграмотен. Так что если писал, только телеграммы.

Председатель. — Но вы ему писали. Не потому, что он был безграмотен?

Вырубова.—Писем безусловно я ему не писала. Что же писать письма, он их не читал, давал посторонним, это не особенно приятно.

Председатель. — Но он вам писал?

Вырубова. — Телеграммы. У меня так: если болезнь бывала сестры или брата, или моя, я писала телеграммы, чтобы он помолился; или, если что-нибудь особенное в семье, я ему писала и получала в ответ телеграммы. Я их, должно быть, все бросила.

Председатель. — Что же было в этих телеграммах?

Вырубова — Ведь я вам говорю, я очень часто просила о сестре, о брате, о каком-нибудь больном; меня даже просили просить его помолиться.

Председатель. — Чем же вы его считали — пророком, святым, богом?

Вырубова. — Нет, ни богом, ни пророком, ни святым. — А вот считала, и отец Иоанн считал, что он, как странник, может помолиться.

Председатель. — Т.-е. вы относились к нему, как к обыкновенному страннику?

Вырубова. — Да, знаете, как у нас в деревне, я несколько таких видела, кормили их, просили помолиться.

Председатель. — Вы утверждаете, что Распутин в вашей жизни не играл никакой роли?

Вырубова. — Никакой особенной роли не играл. В смысле веры моей — никакой решительно.

Председатель — А в жизни царской семьи?

Вырубова. — В их жизни, — какую же роль играл он? Они так же верили ему, как отцу Иоанну кронштадтскому, страшно ему верили; и когда у них горе было, когда, например, наследник был болен, обращались к нему с просьбой помолиться.

Председатель. — И все отношения к нему, и ваши, и бывшего императора, и императрицы—сводились к тому, чтобы помолиться, и больше ничего?

Вырубова. — Да, и когда был болен кто-нибудь, они сейчас просили его помолиться, когда что-нибудь мучило их, он успокаивал их всегда.

Председатель. — А что вам известно о вмешательстве Распутина в политическую жизнь страны и в разрешение государственных вопросов?

Вырубова. — Вмешивался ли он? По-моему — нет.

Председатель. — Будем говорить не по-вашему, а по-действительному; это факт внешний, действительной жизни, который не мог быть вам неизвестен.

Вырубова. — Нет, безусловно, нет. По крайней мере, я никогда не видела; у него бывала масса народу, у него просили по многим делам; я не была там; все время бывали у него какие-нибудь такие господа.

Председатель. — Это по благотворительной части, а по делам министров, чтобы назначить того или другого?

Вырубова. — Это безусловно нет. Я бывала там близко, сколько же я слышала, — я бы знала.

Председатель. — А какое же вы имели отношение к разрешению некоторых политических и государственных вопросов?

Вырубова. — Безусловно никакого. Весь дворец это на меня валил; за 12 лет я, кроме горя и мучения, ничего не имела.

Председатель. — Вы говорите, что религия не имела отношения к вашей жизни, а Распутин имел большое; это вероятно, ваша тетрадочка, вы писали? (Показывает тетрадку.)

Вырубова. — Да, я писала.

Председатель. — Я оглашаю тетрадь № 1. Молитва Григория Ефимовича (читает): «Господи, ты сам выбрал и нас выбрал из глубины греховной в чертог твой вечный живота». Вы говорите, что вы православная; какое отношение к православию имели Григорий Ефимович и его молитва?

Вырубова. — Ведь всякий человек может составлять молитвы по своему желанию.

Председатель. — А знали вы, что этот Распутин был развратный и скверный человек?

Вырубова. — Это говорили все, я лично никогда не видела; может быть, он при мне боялся, знал, что я близко стою от двора. Являлись тысячи народа, масса прошений, но я ничего не видела. Во-первых, вы же знаете, ведь никакая женщина бы не согласилась любить его, ведь он старый человек; сколько же ему было, — 50 лет, я думаю.

Председатель. — Тетрадка полна разных записей, на какие-то мистические темы. . . «Дивный бог», «Ваша благодать». . .

Вырубова. — Да, я всегда массу записывала.

Председатель. — Так я вас спрашиваю, играло в вашей жизни роль это религиозное мистическое начало?

Вырубова. — Да, я всегда искала; массу записывала из книг; из того, что он говорил, очень много записывала.

Председатель. — Разве это не свидетельствует о том, что вы интересовались им исключительно?

Вырубова. — Им — нет; всеми, кто говорил что-нибудь.

Председатель. — В вашей тетрадке есть записи только о нем, а ведь вы встречали, наверно, не одного Григория Распутина. Почему нет других?

Вырубова. — Да, конечно, я многих встречала, но у других существуют сочинения, книги разных авторов; он же не писал, а говорил, его записывали, потому что он был неграмотный.

Председатель. — У вас записана телеграмма Распутина, из Покровского: «Ваш ему недоволен или мне я им не нуждаюсь, маленькой немного похворает ничего будет легче». Что это такое?

Вырубова. — Я не помню, это старое. «Маленькой», это, наверно, наследник, он очень часто болел, особенно ногою. Они всегда просили о нем помолиться.

Председатель. — «Отец ничего».

Вырубова. — Это, вероятно, мой отец, я просила помолиться.

Председатель. — «О докладе не беспокойтесь».

Вырубова. — Это, вероятно, я об отце что-то просила. Должно быть, очень старая тетрадка, посмотрите — в каком году.

Председатель. — А новее у вас ничего нет?

Вырубова. — Нет.

Председатель. — Вы все сожгли? Почему вы сожгли целый ряд документов?

Вырубова. — Я почти ничего не жгла.

Председатель. — Почти.

Вырубова. — Да, сожгла только несколько последних писем императрицы, не хотела, чтобы они попали в посторонние руки. Когда меня захватили, я сожгла несколько писем, но, кажется, у меня еще осталось все там, в домике. Там делали обыск. Я была больна. Не знаю, нашли что-нибудь или нет. Эта тетрадка — не помню какого года.

Председатель. — А по тетрадке вы не можете указать год?

Вырубова. — Я полагаю, что это самый первый год.

Председатель. — А все-таки... «Поручает мою хорошую Веру»... Кто это Вера?

Вырубова. — Правда, не помню совсем; я даже не помню, что у меня такая тетрадка была.

Председатель. — «Рачко бог знай, а Родзянко пусть судит бог»... Странник и Родзянко; это ведь какой-то особенный странник, который занимается немного и политикой?

Вырубова. — Говорят, он занимался политикой, но со мной лично он никогда не говорил о политике.

Председатель. — А вы сами политикой никогда не занимались.

Вырубова. — А зачем мне было заниматься политикой?

Председатель. — Разве вы никогда не устраивали министров, не проводили доклада?

Вырубова. — Нет.

Председатель. — Но вы сводили императрицу с министрами?

Вырубова. — Я даю вам честное слово, что никогда ничего подобного.

Председатель. — Вы лучше честного слова не давайте.

Вырубова. — Зачем мне министров сводить? Ведь я их совершенно не знала.

Председатель. — А Протопопова, Штюрмера?

Вырубова. — Штюрмера я не знала, Протопопова видела, когда он давно уже был министром.

Председатель. — Вы не можете объяснить это место телеграммы: «Родзянко пусть судит бог»...

Вырубова. — Нет, не знаю, за что судит; может быть, он просил чего-нибудь.

Председатель. — «Благословляю и целую тебя». Разве вы позволяли ему целовать себя?

Вырубова. — Да, у него был такой обычай. Когда я пошла к Милице Николаевне, она мне объяснила, что он всех целует три раза. Она сама подошла к нему, он поцеловал ее, и всех тогда целовал три раза, христосовался.

Председатель. — А вы не замечали в этом страннике никаких особенностей, может быть, он целовался не три раза, а много больше, не только христосовался, а немного больше?..

Вырубова. — При мне — никогда, я ничего не видела. Он был стар и очень такой неаппетитный, так что я не знаю.

Председатель. — Вы не отрицаете, что эта телеграмма — его?

Вырубова. — Да.

Председатель. — А тетрадка ваша к какому году относится?

Вырубова. — Вероятно, к 1907 или 1908; я потом ничего не писала никогда.

Председатель. — «Поцелуй всех». Что это значит?

Вырубова. — Всем привет передавал.

Председатель — (читает телеграмму). — «Духом радостно молимся отрадно всех вся тяжестей не надо не забудьте владыке за гулянку по Костроме всем дайте пусть и он носит просто напишите премудрости скоро увидимся. Тобольск Тоболяне». Что это значит: — «не забыть владыке за гулянку по Костроме?

Вырубова — Может быть, это про Варнаву.

Председатель. — Не относится ли это к 1913 году? Может быть, владыке не дали какой-нибудь награды?

Вырубова. — Вероятно, Варнаве; я не помню.

Председатель. — «Напишите премудрости». Кто назывался «Премудрость»? Вероятно, Николай Александрович?

Вырубова. — Подождите, «Премудростью», кажется, называли обер-прокурора. Нет?

Председатель. — Вы ошибаетесь. Итак, вы говорите, что ваши отношения с министрами были отношениями внешней вежливости, т.-е. они вам, как фрейлине и как близкому к семье императора человеку, наносили визиты?

Вырубова. — Да, безусловно, они ездили.

Председатель. — И вы не были с ними ни в каких сношениях по поводу государственных дел политической важности?

Вырубова. — Никогда.

Председатель. — Вы утверждаете, что Распутин никогда ни в какие дела не вмешивался?

Вырубова. — Безусловно не вмешивался. Мне говорили, что Протопопов ездил к нему.

Председатель. — И не только при вас, но через вас делал дела.

Вырубова. — Я никогда таких вещей не делала. Может быть, когда он бывал у них, у царей, может быть, он говорил с ними о чем-нибудь, потому что и Протопопов, и Штюрмер, и прокурор бывали у него.

Председатель.— Вы говорите, это старые телеграммы. Я беру новую — от 2 ноября 1916 года из Петрограда. Срочно. Вырубовой. Поезд ее величества. Ставка главнокомандующего. Калинин пускай пробудет только сутки. Кто это Калинин?

Вырубова. — Кого он называл Калининым? Кого-то из этих господ, кажется, Протопопова.

Председатель. — Не кажется, а наверное. — «Калинин пускай пробудет только сутки, более зависть будет хуже. Пошлите куда-нибудь на неделю побыть. Так долго в одних гостях только нельзя и те пока успокоятся. Не задерживайте его никак дольше». Эту телеграмму вы получили от кого?

Вырубова. — От Распутина. Между прочим, эти телеграммы не были переданы мне в ставку, я получила их здесь, когда мы вернулись, почему, — неизвестно. Вероятно, они были задержаны.

Председатель. — Во всяком случае, он писал и писал так, чтобы вы понимали. Какое вам дело до того, сколько времени Протопопов должен пробыть в ставке?

Вырубова. — Никакого дела.

Председатель. — Почему вам пишет этот Распутин, который тоже, по вашим словам, не имел отношения к политическим делам?

Вырубова. — Он очень хорошо относился к Протопопову.

Председатель. — Вы знаете, что он через вас его в министры поставил?

Вырубова. — Это, кажется, не через меня. Им очень увлекались. Протопопов, когда приехал из-за границы, хорошее впечатление произвел.

Председатель. — На кого?

Вырубова. — На бывшего императора.

Председатель. — И на вас, и на Александру Федоровну?

Вырубова. — Александра Федоровна его совсем не знала. А он ездил в ставку после заграницы; и тогда уже государь решил, что он будет одним из министров.

Председатель. — А вы какое принимали участие?

Вырубова. — Никакого. Я его тогда не знала... Вероятно, Распутин никому другому больше не мог телеграфировать, не хотел, только мне.

Председатель. — Значит, он телеграфировал вам, вместо Александры Федоровны?

Вырубова. — Да.

Председатель. — А она интересовалась какими-нибудь политическими вопросами: сменой министров, уходом министров?

Вырубова. — Она — совсем нет.

Председатель. — Почему же люди, не имеющие никакого отношения к политике, интересующиеся только молитвой и постом, находятся друг с другом в переписке политического содержания?

Вырубова. — Я говорю, что он очень хорошо относился к Протопопову; хотел ему хорошо сделать.

Председатель. — Через вас и Александру Федоровну?

Вырубова. — Через меня, главным образом, потому что — к кому же он будет телеграфировать?

Председатель. — Значит, вы интересовались этим вопросом?

Вырубова. — Я говорю, что я не интересовалась; но ко мне все лезли со всякими вопросами; это — да.

Председатель. — Ну лезли, скажем, день, месяц, год; но тут, лезли много лет подряд.

Вырубова. — Ужас что такое! Я говорю у меня вечно не было покоя от людей!

Председатель. — И вы передавали все эти бумаги и письма?

Вырубова. — Обыкновенно нет. Что я могла, — какое-нибудь прошение несчастных...

Председатель. — Это дело вашей совести. Если бы вы интересовались только благотворительностью, мы бы вас не допрашивали. Комиссию интересует вопрос о той государственной роли, которую вы играли, и о том вреде, который вы, благодаря Распутину, принесли стране своим политическим влиянием.

Вырубова. — Тысячи людей меня просили, я думаю, вы массу нашли телеграмм и писем.

Председатель. — Вы знаете, что телеграммы относятся как раз к тому времени, когда Государственная Дума была в борьбе с Протопоповым и требовала его смещения? А Распутин в этих телеграммах на ваше имя настаивает на том, чтобы вы и Александра Федоровна поддержали Протопопова.

Вырубова. — Я знаю. Вы думаете, просили только о нем одном?

Председатель. — Но это — не просьба о детях, которых нужно накормить, не просьба о вдове, которой нужно дать пенсию; это просьба содействовать утверждению власти министра, неугодного народному представительству.

Вырубова. — Что же я могла сделать? Он меня просил. Я не все передавала. Так и лежало.

Председатель. — Значит, вы не исполняли?

Вырубова. — Не могла исполнить. Меня не слушали, во всяком случае; иначе бы я здесь не была. Вы не можете себе представить, как меня люди просили!

Председатель. — Мы спрашиваем вас ради выяснения истины, которая нужна для народа. Разве при таких серьезных обстоятельствах ваша совесть не велит вам сказать правду?

Вырубова. — Я понимаю. Это правда. Я все время телеграммы получала, но какое действие они имели...

Председатель. — Вы не только получали телеграммы; нам известно, что вы делали по этим письмам и телеграммам.

Вырубова. — Я их передавала.

Председатель. — Теперь выходит, что вы их передавали.

Вырубова. — Все, что я получала, я передавала. Но эти телеграммы насчет Калинина я получила почему-то в Царском Селе, их в ставку не пустили.

*

Председатель. — Перейдем к письмам: «Многоуважаемая Анна Александровна. Все, что нужно было сообщить вам, многоуважаемая Анна Александровна, и ее величеству государыне императрице *по трем вопросам*, я вчера поздно вечером сообщил дорогому нашему Григорию Ефимовичу. По этим вопросам он также говорил и очень хорошо понимает значение серьезного их разъяснения. Разрешение этих трех вопросов в желательном направлении принесет, несомненно, спокойствие при дворе и в стране. Разрешить их надлежит задолго до созыва Государственной Думы, иначе она распространяет слухи, что все делается в России под давлением членов Государственной Думы и особенно председателя. Такое самомнение Думы я нахожу излишним в самодержавном государстве . . . В этом же духе я пишу ее величеству, так как ее просил принять меня и выслушать — теперь этого не нужно, ибо вы всегда можете видеть Григория Ефимовича, узнать от него и доложить ее величеству, если это найдете важным». Вы помните это письмо?

Вырубова. — Откуда это письмо? У меня этого письма нет.

Председатель. — Вы его уничтожили, но Бадмаев, который писал его вам, не уничтожил черновика. Итак, вы докладывали ее величеству по вопросам политической важности. «Глубоко благодарен вам и Григорию Ефимовичу за *Павла Григорьевича*, которого дорогой наш государь принял ласково и выслушал». Вы знаете, кто это — Павел Григорьевич?

Вырубова. — Нет.

Председатель. — Курлов.

Вырубова. — Препротивный человек, гадкий человек.

Председатель. — Может быть, он противный; тем не менее, вам благодарны, что Павла Григорьевича принял государь. Это письмо от 9 сентября 1916 года.

Вырубова. — Это Бадмаев пишет?

Председатель. — Да. «Ее превосходительству Анне Александровне Танеевой».

Вырубова. — Я не Танеева.

Председатель. — Ну, рожденная Танеева.

Вырубова. — Я такого письма никогда не получала. Это интересно. Во-первых, я Бадмаева видела только раз в жизни. Такой маленький старичок.

Председатель. — Вот документ, который вы получили. Какое вы имели отношение к тому, что Трепов, министр путей сообщения, «плохо ведет свое дело, нужно его заменить другим человеком?»

Вырубова. — Никакого решительно отношения.

Председатель. — Тем не менее, у вас найдена записка, которая посвящена именно этому вопросу.

Вырубова. — Я говорю, что мне со всех сторон писали и я все, что получала, передавала.

Председатель. — Значит, передавали механически?

Вырубова. — Механически.

Председатель. — Вы знаете дело Манасевича-Мануйлова, который совершил преступление?

Вырубова. — Отчаянный, гадкий человек.

Председатель. — Но вы принимали участие в том, чтобы его не судили?

Вырубова. — Меня так просила какая-то дама, кажется, жена его. Валялась в ногах. Она подала какое-то прошение, я передала, больше ничего.

Председатель. — Вы знаете, что это прошение имело успех?

Вырубова. — Его, кажется, осудили?

Председатель. — Его судили и осудили, но, после того, как вы передали прошение, министр юстиции получил шифрованную телеграмму за подписью бывшего императора о том, чтобы этого человека не судили.

Вырубова. — Я помню, может быть, за месяц до того, как меня взяли, приходила женщина и валялась у меня в ногах.

Председатель. — А того, что она приходила раньше, вы не помните?

Вырубова. — Во всяком случае, это было не через меня.

Председатель. — А зачем вам нужно было хлопотать против какого-то архиерея, когда митрополит Питирим послал вам выдержку из газеты, направленную против него?

Вырубова. — Я вам говорю, мне вся Россия присылала всякие записки. Это, вероятно, осталось у меня?

Председатель. — Нет, у вас не осталось. Получив от Питирима эту вырезку, вы написали письмо В. Н. Воейкову: «Посылаю вам, милый Владимир Николаевич, послужной список епископа от митрополита и вырезку из газеты. Сердечный привет».

Вырубова. — Что, он просит за него или как?

Председатель. — Да. Питирим прислал вырезку из газеты «Свет» о том, что нужно уволить какого-то епископа. Вот еще телеграмма на ваше имя от Распутина: «Скажите строжее Гусева жила в Царицыне».

Вырубова. — Это — Гусева, которая его ранила в первый раз. Наверное, он просил, чтобы ее судили?

Председатель. — Чтобы ее построже держали. Что и исполнено.

Вырубова. — Я не знаю, что сделали с этой женщиной. Кажется, она была выпущена?

Председатель. — А что вы сделали по этому поводу?

Вырубова. — Кому же было передать это?

Председатель. — Вероятно, бывшему императору Николаю Александровичу; он же, вероятно, передал министру юстиции и министру внутренних дел по принадлежности; и все это исполнилось.

Вырубова. — Кажется, не исполнилось, потому что эту женщину освободили.

Председатель. — Вы ошибаетесь, ее заключили в тюрьму, а потом в сумасшедший дом; освободили ее только тогда, когда произошла революция.

Вырубова. — Я не слыхала этого. Вы у меня, вероятно, массу нашли? Мне писали со всех сторон России.

Председатель. — Вы говорите, что ни к чему никакого отношения не имели. Вот письмо: «Глубокоуважаемый Александр Дмитриевич. Меня просили вам передать, что вас не приглашают к завтраку, чтобы лишние любопытные не спрашивали и не рассматривали. Храни вас Господь. Искренно вас уважающая Вырубова».

Вырубова. — Это было в ставке, потому что был страшный скандал; там было две партии, одна — за него, другая — против. И тогда несколько людей не приглашали к завтраку, чтобы не делать особенного любопытства.

Председатель. — Вы были за него?

Вырубова. — Я его почти не знала.

Председатель. — А Александра Федоровна была за него, или против?

Вырубова. — Я думаю, что они оба были за него. Тогда мне, наверное, велели написать, чтобы они не обиделись. Нескольких министров не звали: его, еще кого-то . . . чтобы не возбуждать . . .

Председатель. — Передо мной записка на политическую тему за подписью Орлова. Вы знаете эту фамилию?

Вырубова. — Я его лично не знаю.

Председатель. — Это — председатель главного совета патриотического союза, археолог. Записка на тему о Государственной Думе и о политическом устройстве России. Здесь надпись очень интересная: «Я очень прошу дорогую Анну Александровну прочесть и доложить». Вы говорите, что интересовались благотворительностью и религиозными вопросами, а политические записки зачем к вам попадали?

Вырубова. — Я там сидела при дворе, ко мне и левые и правые писали.

Председатель. — А вы знаете, что эту записку прислал Протопопов?

Вырубова. — Может быть.

Смиттен. — Вы говорите, что к вам писали и правые и левые. Не можете ли мне сказать, кто именно из левых к вам обращался?

Вырубова. — Ой, милый, право не могу сказать. И правые и левые. Я говорю, что все ко мне, все, кто мог, обращались.

Председатель. — Вы знали Марию Головину?

Вырубова — Конечно, она belle soeur моей сестры.

Председатель. — «Многоуважаемый милый Александр Дмитриевич. Была сегодня в Царском у Анны Александровны, говорила

ей, что хотела бы вас видеть, чтобы передать одно письмо и другие дела — она также хочет, чтобы мы повидались и вообще просила меня не прерывать моих отношений со всеми и не зарываться, а особенно с вами, — нашим общим другом». Видите, Протопопов был ваш друг.

Вырубова. — Я не могла считать его другом, я его мало знала. Он постоянно бывал у меня в лазарете.

Председатель. — Вы знаете Бурдукова?

Вырубова. — Знаю.

Председатель. — Вы передавали это длинное письмо на политическую тему?

Вырубова. — Ах, да. Если бы знали, как они все мне надоедали. Бурдуков всегда всем надоедал, он, кажется, нигде не состоял, но писем всем писал страшно много.

Председатель. — Вы с А. Н. Хвостовым были знакомы?

Вырубова. — Он у меня два раза был. Раз — с визитом и раз, кажется, обедал.

Председатель. — А вы не помните, что вы сами им заинтересовались, как политическим деятелем, после его речи в Думе по немецкому вопросу?

Вырубова. — Я заинтересовалась?

Председатель. — Не лично, а как политическим деятелем. Вы просили привезти Хвостова к вам, и он к вам приехал.

Вырубова. — Я скажу: это не Хвостов, это был такой ужасный князь Андроников, который ко всем лез. Я не знаю — знаете ли вы Андроникова. Он ко всем министрам лез и ко мне лез, всякие конфекты присылал. Отчаянный тип. Этот Андроников и привез мне Хвостова.

Смиттен. — А вы бывали у Андроникова на квартире?

Вырубова. — Нет, никогда в жизни.

Председатель. — И вы устроили Хвостову свидание с императором и императрицей?

Вырубова. — Это, вероятно, он сам устроил, потому что я его совсем не знала. Я помню, что Андроников страшно его рекомендовал.

Председатель. — Если Андроников такой отчаянный человек, вы бы просто его не приняли.

Вырубова. — Нет, Андроникова я приняла. Я его боялась; он отвратительный тип; он все время страшно врал.

Председатель. — А это большой недостаток — врать?

Вырубова. — Очень большой.

Председатель. — Я с вами согласен. Скажите, вы не звонили к Распутину перед назначением Штюрмера министром внутренних дел и не спрашивали, кого назначить министром внутренних дел?

Вырубова. — Я не могла телефонировать. Спрашивать Распутина, кого назначить министром внутренних дел? Это глупость. Они сами могли. Кто мог это сказать?

Председатель. — Вы не только телефонировали. Вы бывали у Распутина.

Вырубова. — Очень часто.

Председатель. — А Добровольского не вы устроили министром юстиции?

Вырубова. — Нет, не я. Я его не знала... тоже ужасный. Он был у меня в лазарете месяц тому назад.

Председатель. — С какого времени месяц назад?

Вырубова. — С тех пор, как меня взяли. До моей болезни, до кори. Я просила его заехать.

Председатель. — Значит, в декабре прошлого года?

Смиттен. — До его назначения министром или после?

Вырубова. — После назначения, когда он был с докладом, он приезжал в качестве министра.

Смиттен. — А до назначения он у вас не бывал?

Вырубова. — Нет, я его не знала.

Председатель. — Почему Протопопов в телеграммах назывался не Протопоповым, а Калининым?

Вырубова. — Он всегда себя так называл и письма подписывал — Калинин.

Смиттен. — Отчего же вы с таким трудом вспомнили, если это всегда так было?

Вырубова. — За последнее время он сам себя называл Калининым. Он себе такое прозвище дал.

Председатель. — Вы знаете Мануса?

Вырубова. — Знаю. Он был у меня в лазарете.

Председатель. — Вы знаете, какая кличка у него была, «Зеленый»?

Вырубова. — «Зеленый»? Не знаю, нет, не знаю. Он был жид какой-то.

Председатель. — Вы Воскобойникову знавали?

Вырубова. — Это — старшая сестра милосердия у меня в лазарете. Ее провели в старшие сестры. Протопопов был с ней очень дружен. Мы были сначала в хороших отношениях, а потом у меня явилось подозрение, что Воскобойникова поставлена, чтобы за мной следить. Протопопов ездил каждый раз после доклада в мой лазарет.

Смиттен. — Почему вы могли бояться, что за вами следят?

Вырубова. — Я ничего дурного не делала, но разве приятно иметь шпионов у себя в лазарете?

Председатель. — Чем вызывалось желание министра внутренних дел иметь в лазарете, где вы работаете, надзор за вами?

Вырубова. — Я не хочу клеветать. Может быть, это не он устраивал. Ради бога, не берите это, как факт. Во всяком случае, они были в хороших отношениях. Воскобойникова, когда это все началось, когда началась революция, — я была больна корью, — влетела ко мне и сказала, что ни одной минуты больше оставаться не может; сказала всем раненым, что мой лазарет будет сожжен, всех санитаров тоже подговорила уйти, так что был целый скандал; на другой день она ушла, куда-то пропала; но я знаю, что он ездил к ней почти каждый раз. Это мне было неприятно. Я даже сказала ему: «Что вы делаете, Александр Дмитриевич, как министр, ездите в лазарет. Мне это неприятно». Он говорит: «Извините, мне очень приятно там побыть, в такой обстановке простой». Она ему устраивала обеды, и сестра ее, — она свою сестру поставила ко мне сестрой, — и, они постоянно к нему ездили; с Воскобойниковой, я не знаю, что у них было, флирт какой-то. Она, безусловно, была влюблена в него.

Председатель. — Кото называли у вас Саной?

Вырубова. — Всех Александр.

Председатель. — А какие у вас были близкие Александры?

Вырубова. — Сестра моя Александра.

Председатель. — Александра Федоровна?

Вырубова. — Только ее так не называли.

Председатель. — Вы видели г-жу Сухомлинову?

Вырубова. — Видела — у Распутина. Она приезжала с прошением, чтобы освободили ее мужа.

Председатель. — Вы помогли ей?

Вырубова. — Это было невозможно.

Председатель. — Вы дали ей возможность видеться с царицей?

Вырубова. — Нет, она не виделась никогда; императрица не хотела ее видеть; у Сухомлинова дело какое-то невозможное: он был осужден...

Председатель. — Вероятно, при старом режиме он не был бы осужден. Откуда вы знаете, что императрица не хотела ее видеть?

Вырубова. — Говорили, что она хотела подать прошение императрице, но императрица не хотела принять.

Председатель. — Вы интересовались хлыстовщиной?

Вырубова. — Нет.

Председатель. — А почему эта записка была у вас найдена? (Показывает записку.)

Вырубова. — «Тайны хлыстовщины». — Кто-нибудь на Распутина писал; говорили, что Распутин — хлыст. (Рассматривает.) Ах, это Гофштеттер!

Председатель. — Вы не знали, что Распутин — хлыст?

Вырубова. — Я не видала ничего хлыстовского, при дворе никто ничего не говорил. Хлыстовщина — против церкви. Он, по крайней мере при мне, никогда ничего не говорил против церкви.

Председатель. — В революционные дни, когда был низвергнут старый режим, вы были в Царском?

Вырубова. — Я была в Царском. У меня была корь, меня взяли 21 марта, я была в постели.

Председатель. — А до того вы были под домашним арестом?

Вырубова. — Нет, я лежала во дворце; не знаю, была ли я арестована; во всяком случае, я была со всеми вместе, я ничего не знала. От меня даже скрывали тогда. Я помню, войско было вокруг, стреляли. Я была очень больна, у меня была корь и воспаление легких.

Председатель. — Когда вы заболели?

Вырубова. — Трудно вспомнить. Двадцать первого был месяц, что я заболела. Это в день отъезда бывшего государя в ставку; мы все заболели в один день тогда. Когда это было?

Председатель. — 21 февраля. Вы Лахтину знали?

Вырубова. — Знала, я приезжала к ней. Распутин жил у нее.

Председатель. — Вы очень часто видели Распутина?

Вырубова. — Первый год — раз, два, три, а потом чаще.

Председатель. — А последний год?

Вырубова. — Последний год он чаще был здесь. Я не знаю, что вы называете часто? Я, в сущности, больная; не могла ездить часто, я ездила в моторе. Знают же там, как часто я бывала; я не могу сказать; раз в неделю. Каждый раз, как бывала в городе; раз или раза два в неделю.

Председатель. — Вы помните встречу с Распутиным в Мраморном дворце несколько лет назад?

Вырубова. — В Мраморном дворце у Константина Константиновича? Нет, он там никогда не бывал. Его, наоборот, там очень не любили, кажется, я у Константина Константиновича никогда не бывала.

Смиттен. — Для вас не было секретом, кем сам себя считал Распутин?

Вырубова. — Кем он себя считал? Он всегда говорил, что он — один из странников одухотворенных; проповедывал слово божие.

Председатель. — В чем же заключалась эта проповедь?

Вырубова. — Это бывало довольно интересно. Я даже записывала. Я не знаю... Объяснял св. писание.

Председатель. — Разве он был начитан в св. писании?

Вырубова. — Он знал все св. писание, библию, все...

Председатель. — Но ведь он был неграмотен?

Вырубова. — Он все знал, все говорил, все объяснял.

Председатель. — Вам приходилось слышать от него, что его призвание — снимать страсти с людей, делать их бесстрастными?

Вырубова. — Этого я никогда не слыхала. Мне он никогда не говорил ничего подобного. Мне он много рассказывал про свои путешествия, массу; в Иерусалим, не знаю где, по всей России

он ходил в веригах, пешком. Это очень меня интересовало. Я слушала.

Председатель. — Это было раньше; потом он ходил в шелковых рубашках и вериг не носил.

Вырубова. — Да, ему все дамы шили. Мне, кажется, он носил что-то такое.

Председатель. — Почему вам это кажется?

Вырубова. — Он говорил, что у него все тело болит от того, что он на себя надевал.

Председатель. — Как он называл вас?

Вырубова. — Аннушка . . . Анна Александровна, разно называл.

Смиттен. — Скажите, пожалуйста, вам, как фрейлине двора ее величества, не казалось, что допущение к престолу такого лица, как Распутин, роняет престиж царя и царицы?

Вырубова. — Я боялась этого. Последнее время особенно. Говорили много гадостей.

Смиттен. — До вас доходили слухи, что Распутин — пьяница и развратник?

Вырубова. — Да. Я боялась . . .

Смиттен. — Вы говорили что-нибудь об этом царице?

Вырубова. — Они редко его видели, государь и государыня.

Смиттен. — Что вы называете редко?

Вырубова. — Раз или два, когда он приезжал.

Смиттен. — А приезжал он каждый день?

Вырубова. — Т.-е. в Петроград?

Председатель. — Не в Петроград, а в Царское Село.

Вырубова. — Редко приезжал.

Смиттен. — Что вы называете редко?

Вырубова. — К нам, во дворец, раза два в месяц, даже меньше. В сущности, когда государя не было, он никогда не бывал.

Смиттен. — Вы говорили с императрицей, что его нельзя допускать ко двору?

Вырубова. — Да, мы все говорили очень много.

Смиттен. — Но двор, как вы говорите, был против вас, все против вас интриговали?

Вырубова. — Мне было очень трудно. Они сами боялись этого; но они верили, что безусловно, когда кто-нибудь болен, когда его призовут, лучше будет. С наследником было так. А наследник был очень много болен.

Олышев. — Отвечая члену Комиссии, вы все-таки сказали, что предупреждали бывшую императрицу о том, что Распутина лучше дальше держать от двора.

Вырубова. — Я боялась, безусловно.

Олышев. — По указанию свидетелей, вы несколько раз в день виделись с императрицей и, когда уезжали к себе домой, вам часто

приносили от нее записки; говоря обыкновенным языком, императрица не могла без вас жить?

Вырубова. — Не могла жить. Я была, как дочь совершенно там.

Олышев. — Отчего же вы не сказали: пусть вы меня не слушаете, но я в своем доме вам свиданий не буду устраивать; вы ведь не отрицаете факта, что, когда приезжал Распутин, у вас бывала не только императрица, но и вся царская семья?

Вырубова. — Они несколько раз приезжали, но я безусловно говорю, что мне часто это было тяжело. Но как я могла сказать? Они всегда были выше меня.

Олышев. — Раз вы сами относились отрицательно к Распутину, зачем вы устраивали свидание?

Вырубова. — Но, раз они требовали?

Олышев. — Они могли принимать у себя во дворце.

Вырубова. — Да, я знаю. Мне часто сестра говорила: «они за твоей спиной»; но я всегда была готова все сделать.

Олышев. — После того, как Андроников привез вам Хвостова, вы устраивали ему обед вместе с Белецким?

Вырубова. — Обедал у меня Хвостов, вместе ли с Белецким, не могу сказать, не помню.

Олышев. — В вашем же доме произошло свидание государя с Хвостовым?

Вырубова. — Государь очень редко бывал у меня, раз или два в год; когда я бывала больна.

Олышев. — А кто такая — Прилежаева, которая посылала вам телеграммы от Распутина?

Вырубова. — Мне? Прилежаева? Это не мне, кому-нибудь другому.

Председатель. — Телеграмма от Распутина, которую вы признали, подписана Прилежаевой. Она его поклонница?

Вырубова. — Я не помню.

Председатель. — Кто в телеграммах назывался «мама»?

Вырубова. — Государыня.

Председатель. — А «папа»?

Вырубова. — Государь. Вот почему, я вам говорила, он не мог быть «премудрость».

Смиттен. — А кого называли при дворе «цветком».

Вырубова. — Не знаю.

Смиттен. — Вы говорите, что видели Добровольского только раз, после того, как он был с докладом, в качестве министра юстиции. Мне хочется, все-таки, еще напомнить о Добровольском; это особенная встреча, она предшествовала назначению Добровольского, который был вызван из Царского Села через гоф-фурьера и явился к вам на квартиру, где имел свидание с императрицей; она была в костюме сестры милосердия.

Вырубова. — Я вам говорю, я столько народу видела и принимала, что не могу помнить. Может быть, было. Если бы мог кто-нибудь дневник за меня вести, я была бы рада.

Смиттен. — Постарайтесь вспомнить содержание беседы. Это было так недавно, Добровольский был назначен 20 декабря 1916 года.

Вырубова (думает). — Это теперешний, который был министром юстиции, толстый, был ли он у меня? Может быть, очень часто бывали такие вещи с просьбами, что государыня у меня принимала.

Смиттен. — Почему такой прием?

Вырубова. — Всегда с посетителями, или у меня в лазарете, или у себя в лазарете, она много принимала.

Смиттен. — Специально назначались приемы у вас на квартире?

Вырубова. — Были часто.

Смиттен. — Почему императрица не приглашала во дворец?

Вырубова. — Во дворец труднее вызывать. Она предпочитала у меня: последние года два, три была полиция, следящая за всеми. У меня было на простой ноге, они любили просто приезжать.

Смиттен. — Если любили, они могли установить какой угодно простой порядок у себя. — Ведь гофмаршальская часть не записывала посещения ваши и Распутина при дворе?

Вырубова. — Этого я не думаю; не знаю, кто ведет эти записки, Бенкендорф, кажется?

Смиттен. — Позвольте поставить вопрос прямо; встречаясь у вас в квартире с разными лицами, которые занимали то или другое положение в государстве, императрица хотела скрыть эти встречи?

Вырубова. — Скрыть невозможно ничего. В Царском Селе у меня последние года два-три, была полиция, следящая за всеми, кто приходил и уходил.

Смиттен. — В чьих руках находилась полиция?

Вырубова. — В руках дворцового коменданта Воейкова.

Смиттен. — Каковы были ваши отношения с Воейковым?

Вырубова. — Не с ним, а с ней. Я видалась с нею.

Председатель. — Вы писали ему: «Милый Владимир Николаевич».

Вырубова. — Безусловно. Я знала его хорошо, особенно семью Фредерикс, дочерей Эмму и Нини, хотя они гораздо старше меня.

Председатель. — Пока мы прерываем ваш допрос.

Вырубова. — Мне ничего писать не надо?

Председатель. — А вы хотите писать?

Вырубова. — Нет, не то, что хочу, но если надо.

Председатель. — Хорошо, может быть, вы напишете все то, что знаете; хотелось бы, чтобы это было действительно то, что вы знаете.

Вырубова. — Если бы вы мне несколько вопросов поставили, так ведь трудно.

Председатель (предъявляет документ). — Что это такое?

Вырубова. — Это — Распутин, все его писание.

Председатель. — Это вы записывали?

Вырубова. — Нет, это было напечатано. Есть книжка такая.

Председатель. — Вы ее составляли?

Вырубова. — Нет, не я составляла, она в продаже была. Мы все покупали эту книжку. Вероятно, она существует. Это ведь на машинке написано, я не могла писать на машинке; это кто-нибудь мне дал, вероятно, с книжки переписанное.

XXXVI.

ДОПРОС С. П. БЕЛЕЦКОГО

12 мая 1917 года.

Содержание: Послужной список. Знакомство со Столыпиным. Курлов и Трусевич. Особый отдел департамента полиции. Трусевич и местные охранные отделения. Столыпин, Курлов, Виссарионов и районные отделы. Выделение из особого отдела секретного отдела департамента полиции. Проверочные наблюдения. Выезд царя в Россию в 1912 г. и деятельность департамента полиции по этому поводу. Злоупотребления при постановке типографий. Реформа Трусевича. Характеристика Трусевича, Виссарионова, Зуева и Курлова. Джунковский. Борьба штаба корпуса жандармов с департаментом полиции. Секретные сотрудники из воспитанников средних учебных заведений. Роль фон-Коттена. Отношение департамента полиции к секретному сотрудничеству и к провокации по существу. «Освещение» воинских частей. Два рода агентов. Объяснения Белецкого по вопросу об отношении его и других лиц к преступной деятельности сотрудников. Инструкция для внутреннего наблюдения. Руководство Малиновским. Деятельность Малиновского. Характеристика агентуры по партиям. Выдача паспортов. Секретный сотрудник «Американец». Циркуляр 1912—1913 г. о необходимости усиления и расширения внутренней агентуры. Циркуляры 1915 г. о необходимости секретной агентуры. Перлюстрация писем. Секретная агентура при Государственной Думе. Заграничная агентура. Авиационная агентура и контр-шпионаж.

Председатель. — Допрос, к которому мы сейчас приступаем, не есть допрос судебного следователя. — Вы будете сначала допрошены в порядке истребования от вас объяснений самой Следственной Комиссией. — Вы кончили курс в высшем учебном заведении?

Белецкий. — Да. Юридический факультет киевского университета по первому разряду.

Председатель. — Затем вы служили начальником? Потом вы были самарским вице-губернатором?

Белецкий. — Я был почетным мировым судьей.

Председатель. — На службу в департамент полиции вы перешли 1-го марта 1910 года в качестве исполняющего должность вице-директора департамента полиции?

Белецкий. — Это было при П. А. Столыпине. Когда я был губернатором.

Председатель. — Пожалуйста, немножко погромче.

Белецкий. — Я столько пережил... Вы меня простите. — После службы в Киеве, я перешел в Ковну и был там при двух губернаторах, Рогачеве и Ватадзе. Это совпало с тем временем, когда Столыпин был уездным предводителем и губернским предводителем. Кроме того, я занимал должность при правителе дел комиссии народного продовольствия, был непременным членом по продовольственному делу. Затем я был делопроизводителем комитета о народной трезвости.

Председатель. — Нам эти частности не нужны, нам нужно знать только общий характер вашей предшествующей служебной деятельности, ибо она подлежит нашему расследованию.

Белецкий. — Это дало мне в ту пору возможность познакомиться с П. А. Столыпиным и дало ему возможность узнать меня и назначить вице-директором законодательного отдела департамента полиции.

Председатель. — Почему вы сразу показались покойному Столыпину пригодным для работы в департаменте полиции?

Белецкий. — Я потом вам объясню. Столыпин имел удовольствие со мной познакомиться в общей работе по комиссии народного продовольствия, где он состоял в качестве губернского предводителя дворянства.

Председатель. — Какое же отношение имеет продовольствие к департаменту полиции?

Белецкий. — Как раз в это время шли преобразовательные начала, и комиссия народного продовольствия отживала свой век. Губернское присутствие по продовольственному делу совершенно иначе конструировалось; мною был написан целый ряд записок. Это дало Столыпину возможность познакомиться с моей деятельностью и с моей работой. Затем я работал с ним по учреждению первого народного дома в России — в Ковно. Когда начались работы по реформе полиции, он, зная мои работы по землеустройству и массу записок, которые я представлял, пригласил меня заведывать законодательным отделом департамента полиции?

Председатель. — Что это за законодательный отдел в департаменте полиции?

Белецкий. — Там рассматривались выработанные Столыпиным вопросы по реформе департамента: вопрос о паспортном уставе, социальные законы, по рабочему вопросу.

Председатель. — И все эти законодательные предположения, по мысли Столыпина, должны были проходить через департамент полиции?

Белецкий. — Они осуществлялись в департаменте. Кроме того, я был во всех комиссиях представителем по всем законопроектам, которые представлялись. Потом я заведывал финансовым отделом департамента полиции.

Председатель. — Будем отделять существенное от несущественного. Будьте добры, в этом отношении, несколько подчиниться мне. Я буду вам указывать существенное, а вы дополняйте. Значит, с 1-го марта 1910 года по 14-е дакабря 1911 года вы были вице-директором департамента полиции; с 14-го декабря 1911 года по 6-е декабря 1912 года вы исполняли должность директора департамента полиции?

Белецкий. — В сущности, разница маленькая. Считайте, что я два года был директором.

Председатель. — Вот официальная справка: с 6-го декабря 1912 года по 28-е января 1914 года вы были директором департамента полиции; с 28-го января 1914 года по 28-е января 1915 года были сенатором первого департамента правительствующего сената; затем, по 13-е февраля 1916 года были товарищем министра внутренних дел, а с 13-го февраля 1916 года по 15-е марта 1916 года, т.-е. месяц и два дня, были иркутским генерал-губернатором, оставаясь в звании сенатора.

Белецкий. — Согласно прошению, я был уволен от должности иркутского генерал-губернатора; причем в этот период времени, с начала войны, я работал в комитете великой княгини Марии Павловны в качестве главноуполномоченного, а затем, когда ушел с должности товарища министра, в течение года работал в Георгиевском комитете Михаила Александровича, затем в комитете великой княгини Ксении Александровны.

Председатель. — Значит, ваше формальное отношение к делам департамента полиции началось 14-го декабря 1911 года, когда вы стали исполнять должность директора, а фактически были директором. Департамент полиции, по своему назначению, должен был предупреждать и пресекать преступления; в план нашего сегодняшнего допроса входит, между прочим, и расследование политического розыска. Поэтому позвольте поставить вам общий вопрос: каким планом деятельности вы руководствовались в качестве директора департамента? Нас интересует коренной вопрос о секретном сотрудничестве, вопрос о провокации и вопрос об отношении департамента к некоторым преступным деяниям, которые были ему известны. Департамент полиции руководился в этом отношении инструкцией?

Белецкий. — Позвольте мне подробнее разъяснить вам. Что касается департамента полиции и его политического отдела, то он получил свое округление, свое последнее завершение при бывшем директоре М. И. Трусевиче, работавшем в эпоху 1904 — 1905 годов. Когда товарищем министра был назначен Курлов, все сделанное Трусевичем его как бы не удовлетворяло. Это были лица противоположные, и друг к другу относились с недоверием, в силу свойств личного характера; у Трусевича был характер самовластный, а Курлов был человек самолюбивый, ставил себя высоко;

поэтому то подчиненное положение, в котором он находился по отношению к Трусевичу, когда Трусевич не считался с его самолюбием, побудило Курлова, когда он сам стал товарищем министра, поставить Трусевича в такое же положение и заставить его переживать ту горечь, которую он переживал; заставить его уйти из департамента полиции и затем — подвергнуть критике все, что было сделано Трусевичем. После того, как Жученко бросила провокационную бомбу в Курлова, положение было очень тяжелое. Это было в 1904 году, в разгар рабочего движения в Минске, когда был пожар минской мастерской; тогда заведывающим особым отделом был Климович. Жученко была сотрудницей. Тогда, при Столыпине, Курлова должны были внести в проскрипционный список, т.-е. в список тех лиц, которых революция должна была так или иначе стереть с административных постов. Он был прикомандирован к министерству внутренних дел и причислен к департаменту полиции. Здесь он фактически никакой роли не играл, но Столыпин, зная его, как прокурора, и вообще как человека деятельного, прикомандировал его к особому отделу, где он имел свою собственную часть, в качестве докладчика.

Председатель. — Какую часть он имел?

Белецкий. — Я не могу этого сказать, я в это время служил в провинции. Особый отдел является своеобразным учреждением, которое может восполнить собой департамент любого министерства. В этот период времени происходили трения между Курловым и Трусевичем, дошедшие до того, что Курлов, хотя положение было тяжелое для его самолюбия, просил назначения в другое место и был назначен начальником охранного отделения, а потом — товарищем министра. Когда Курлов был товарищем министра, он пожелал сделать директором департамента Зуева, который служил все время в Петрограде: по окончании училища правоведения служил сначала в министерстве юстиции, затем перешел, в качестве делопроизводителя, в департамент полиции и прошел целый цикл должностей, до должности директора включительно. У Курлова с Зуевым были странные отношения. Курлов ему очень верил. Зуев был почтенный человек. Он завел административно-финансовый отдел, тот, который потом перешел ко мне. Я в это время, по личному желанию Столыпина и вопреки желанию Курлова, был назначен заведывать законодательным отделом после Зуева. При мне завершилась та в некотором роде реформа, которую я застал. Курлов, по некоторым соображениям личного характера и в силу своей минской истории, не пожелал оставить Климовича заведывающим особым отделом; он пригласил вице-директором бывшего товарища прокурора по политическим делам ярославского окружного суда С. С. Виссарионова. Он знал его раньше, знал, что это — человек очень исполнительный, не способный его подвести; поэтому он пригласил его

в качестве вице-директора политического отдела. Вместо заведующего особым отделом Климовича он назначил ген. Еремина, начальника жандармского управления. Еремин — рядовой казак области Войска Донского, человек очень прямолинейный, который не пойдет на сделки со своей совестью, способный сказать резкость даже своему начальству, воспитанный в старой школе. Курлов когда-то с ним встречался, может быть, знал его и верил в трудоспособность, опытность и знание этого человека. Еремин был очень трудящийся человек, знающий свое дело, он все время боролся с провокацией. Этих двух лиц, Виссарионова и Еремина, Курлов связал вместе и дал им в заведывание особый отдел департамента полиции. Трусевич, в силу свойств революционных очагов, — я позволяю себе так называть, потому что говорю о том периоде времени, — Трусевич разбросал по России целую сеть, так называемых, охранных отделений. Эти учреждения были незаконные, нелегальные; для того, чтобы легализировать их, проведен был в порядке ускоренного законодательства вопрос об учреждении при департаменте полиции должностей чиновников особых поручений различных классов, до V включительно. В законе было указано, что на этих лиц возлагается департаментом и прокурорским надзором производство дел розыскного характера, политического свойства. Таким образом, эти лица как бы сами собой замещали лиц, производивших политические дознания. Под видом этих чиновников особых поручений гражданские чины или (большинство из них) офицеры корпуса жандармов были прикомандированы к департаменту полиции. Они были рассеяны по России. Таким образом, в тех очагах, где происходили революционные вспышки, создавались местные охранные отделения, на которые было возложено дело борьбы с революцией; вы сами знаете, что общественные массы говорили много против злоупотреблений этих органов; Столыпин, став министром внутренних дел, признал эти органы не отвечающими своему юридическому назначению, тем более, что структура их нарушала свойства военной этики: например, ротмистру был подчинен генерал, потому что охранное отделение данного округа — это административная политическая ячейка — заменяло существующие законные органы. Вот почему Столыпин и предложил Курлову заняться этим вопросом. Был произведен ревизионный объезд. Курлов взял с собой Виссарионова, и они объехали почти всю Россию, все крупные центры; результатом было некоторое изменение в политическом розыске; охранные отделения мало-по-малу стали исчезать, а так как в эту минуту революция перешла на окружную систему, явились боевые районы: северный, восточный и южный, — это вылилось в создание противовеса им — районных отделений. Я бы не сказал, что эти органы были юридически правильно обоснованы. Я их уничтожил, но в то время, быть может, сама жизнь

вызвала их необходимость; одним словом, Курлов пошел по этому пути.

Председатель. — Значит, охранных отделений не осталось в губернских городах; там они входили в конфликт с жандармскими управлениями, во главе которых мог стоять генерал, тогда как во главе охранного отделения стоял ротмистр?

Белецкий. — Реформа заключалась в том, что охранное отделение упразднялось, а кто-нибудь из начальников губернского жандармского управления (например, полковник Коттен, который был начальником охранного отделения петроградского района) между местными учреждениями или ячейками, входящими в состав района, вводил соответствующую инструкцию. В силу этого он, как представитель центра, был в курсе всего, что делалось в революционных очагах, и, таким образом, мог давать те или другие директивы и вести борьбу с рассеянными по России революционными ячейками. Здесь приходилось иногда, по свойству политического момента, ставить во главе управления лиц, которые в чинах своих были ниже начальников губернских жандармских управлений; поэтому все время происходила большая путаница, шли большие интриги между штабом, который доносил, и департаментом полиции, который игнорировал это, стараясь, главным образом, чтобы были офицеры достойные—хорошо знавшие политический розыск. Так продолжалось при Зуеве, когда во главе министерства внутренних дел стал, после смерти П. А. Столыпина, А. А. Макаров. Н. П. Зуев почувствовал себя больным и просил об отставке в сенат, что и было исполнено А. А. Макаровым. Возник вопрос о замещении должности директора департамента полиции. А. А. Макаров, знавший меня по работам в комиссии по реформе полиции, председателем которой он состоял, выдвинул мою кандидатуру. Но его, некоторым образом, стесняло то, что я не был в прокурорском надзоре, не занимался вопросами политическими. Когда я управлял Самарской губернией, мне с политическими делами приходилось иметь дело только в смысле докладов, а, так сказать, детальные тонкости не были мне известны. И тогда зашёл вопрос о назначении товарищем министра Золотарева, которого он лично знал. Золотарев изъявил свое согласие на принятие должности товарища министра и принял ее. Я также вошел в состав департамента полиции, зная все отделы департамента полиции, кроме политического отдела, с которым мне впервые пришлось знакомиться. Я знал А. А. Макарова, как человека, безапелляционно дающего указания должностным лицам; притом, товарищем министра был назначен человек, знакомый с политическими делами; все это давало мне возможность знакомиться с деятельностью особого отдела департамента полиции. Особый отдел тогда получил некоторое внутреннее преобразование.

Председатель. — С какого момента?

Белецкий. — С момента, когда Еремин при Зуеве вошел в курс особого отдела заграницей; благодаря разоблачению Бурцева, последовал целый ряд агентурных проверок, показавший, что некоторые из секретов департамента полиции уже не представляли секрета для рядового чиновничества и поэтому становились известными революционным кругам. Трусевич удалился из департамента полиции. Самолюбие заставило его это сделать; затем— история с Лопухиным; тоже оказывалось, что били человека по самолюбию. И вот, Еремин выдвинул совершенно секретный отдел департамента полиции и поручил его, в смысле сотрудников, ведению жандармских офицеров. Были приглашены те офицеры, которые более или менее специализировались так сказать на знании партий. Например, по партиям большевиков и меньшевиков, соц.-демократов, от офицеров, которые ведали агентами, требовались специальные знания. Затем сотрудники, которые содержались в департаменте полиции, начали получать партийные клички; так называемые клички давались по тем особенностям, которые были свойственны каждому из сотрудников; например, клички давались филерам наблюдения. Если в департаменте полиции сомневались в тех или других сведениях, сообщаемых данным агентом, департамент требовал справку, кто он такой. Если эти сведения представляли какой-нибудь интерес, то они, без его ведома, совершенно секретно записывались в особую книгу и хранились под особым наблюдением заведующего отделом, под его личной ответственностью; таким образом, для рядового чиновничества дела эти оставались неизвестными, они были более или менее известны тем, в ком департамент был уверен. Знал только тот офицер, который вел дело, и заведующий всем отделом. Что же касается директора департамента полиции, товарища министра и министра, то спросите меня, спросите любого из министров, разве только Климович, который был начальником охранного отделения, у него, может быть, память известным образом специализировалась и он дольше помнит, — каждый из нас получал эти сведения только во время доклада; те сведения, которые доносились агентами, скользили по памяти и не оставляли особых следов. Только тогда остается в памяти след, когда человека знаешь, когда приходишь с ним в личное соприкосновение или когда его имя связано с крупным событием. Для лиц наблюдающих, для нас, важно было, чтобы освещение партии было правильно поставлено, чтобы было как можно больше сведений, чтобы эти сведения правильно группировались; на департамент полиции, на его особый отдел, было по этому поводу возложено, так называемое, проверочное наблюдение.// Каждый донос проверялся на основании данных, имевшихся в департаменте полиции. Сведения, получаемые с мест, проверялись на основании сведений, идущих из заграницы, на основании литературы, которая всюда

признавалась революционной, которая шла зеленым полем, т.-е. контрабандой, и которая посылалась из заграницы. Все это сводилось, концентрировалось по партиям, по отделам, по различным ячейкам; таким образом, достигалась известным образом большая или меньшая цельность впечатлений от того, что делается, какая идеология, какие стремления, реальна или нереальна психологическая постановка каждой партии, и так далее. Доклад о положении дел представлялся через директора департамента полиции товарищу министра и министру внутренних дел. Так что высшие чины министерства получали по каждому вопросу материал, прошедший, так сказать, сквозь большой проверочный фильтр. Было постановлено образовать кадр чиновников особых поручений (что и было создано при Трусевиче) для того, чтобы посылать их на места, для ревизионных объездов по России, чтобы знать, что делается. В это самое время, в 1912 году, как раз впервые состоялся выезд государя в Россию; это было время Бородинских торжеств и примирения государя с Москвой. Были различные придворные течения. Великий князь Николай Николаевич, в отсутствии А. А. Макарова (тот был заграницею), позвал меня и требовал представления ему твердых доказательств, что безопасность государя вполне обеспечена. Одним словом, многие были против поездки государя на Бородинские торжества, но Коковцов стоял на той точке зрения, что это способствует сближению царя с народом.

Председатель. — Почему вы относите к 1912 году первый выезд государя в Россию и первое его примирение с Москвой, когда в сентябре 1911 года бывший император был вместе со Столыпиным в Киеве?

Белецкий. — Я говорю — в смысле торжественности, про торжественную поездку, связанную с известным моментом. Он в Москве не был с 1905 года. Это была печать его неудовольствия на то, что Москва стала во главе этого движения.

Председатель. — Вооруженного восстания? Так что это был гнев на Москву. Пожалуйста, продолжайте ваш общий очерк.

Белецкий. — Этот выезд заставил произвести объезд крупных центров России для того, чтобы узнать партийные дела. Ездил Виссарионов; затем же была совершена поездка заграницу, чтобы узнать, какие там настроения. У полковника фон-Коттена была тогда агентура, которая говорила о возможности боевых выступлений, приуроченных к этому торжеству или к Романовским торжествам 1913 года. Он с уверенностью утверждал, что покушение на бывшего императора должно совершиться. Вот почему, когда эти сведения были получены, об этом было доложено дворцовому коменданту, кажется, Дедюлину. Пошли разговоры, я был вызван к великому князю Николаю Николаевичу. Я считал, что первая поездка будет безусловно безопасна и даст

возможность царю сблизиться с народом; и в этом я был прав, поездка оставила у царя самое приятное воспоминание. К этому времени состоялся объезд всех крупных революционных очагов.

Иванов. — Когда это было?

Белецкий. — Объезды России продолжались во все время моего директорства. В ту минуту, когда я хотел знакомиться с деятельностью на местах, мое внимание обратили некоторые явления, которые, с моей точки зрения, нуждались в известном освещении. Так, например, при Трусевиче каждое открытие типографии влекло за собой отпуск больших денежных сумм лицам, открывавшим ее. Расследование некоторых случаев показало мне, что тут были злоупотребления.

Председатель. — В чем выразились злоупотребления?

Белецкий. — В том, что типографии ставились; это не была настоящая типография, революционная, это была так сказать типография агента охранного отделения: он сам ее ставил, а затем давал возможность раскрыть и арестовать тех лиц, которых собирал.

Председатель. — И, таким образом, получить вознаграждение?

Белецкий. — Нет, не скажу, чтобы получить вознаграждение. Вся система была отрицательная. Золотарев и я, мы упразднили это. Это дало нам возможность, при более крупных явлениях, посылать то или другое лицо проследить за лицами, стоящими во главе розыска в революционном пункте. Затем — 1913 год; это был год большой, год Романовских торжеств; он также заставил иметь особое наблюдение за местными организациями, совершать громаднейшие объезды, и так далее.

Председатель. — Через того же Виссарионова?

Белецкий. — Виссарионов был не один. Он заведывал политическими отделами в более крупных центрах. Не только Виссарионов, но большинство чиновников особых поручений, например, Губонин, Дьяченко, Броецкий, чтобы дать возможность внести некоторую законность в эту область.

Председатель. — Вы дали нам очень интересный общий очерк. Позвольте теперь задать вам несколько вопросов. По поводу назначения Курлова, вы упомянули о том, что в него, в 1904 году, была брошена провокационная бомба Жученко, сотрудницею Климовича. Что дало вам основание сказать, что это была провокационная бомба?

Белецкий. — Я в это время не был в департаменте полиции и могу сказать только то, что приходилось слышать. Жученко была исключена из партийной среды, должна была скрыться, бежала и последнее время жила заграницею.

Председатель. — Вы сказали, что, во исполнение реформы Трусевича, в порядке ускоренного законодательства, был создан

ряд должностей чиновников особых поручений. Что называется порядком ускоренного законодательства?

Белецкий. — Не в форме проведения через законодательные учреждения, а в период между-думья, если не ошибаюсь, в 1905 году.

Председатель. — Вы сказали, что Еремин выделил совершенно секретный отдел из особого отдела. В чем заключалась реформа?

Белецкий. — Вот, например, эта комната. Сидят офицеры, которые ведают делами сотрудников. В другой комнате, положим, сидит чиновник Зыбин, который занимался тем, что письма переводил. Вот все то, что относилось к секретному сотрудничеству, Еремин сосредоточил в руках своих и в руках офицеров, у которых есть своя честь, мундир и т. д. Он давал возможность верить в полную изолированность.

Председатель. — К какому времени эта реформа относится?

Белецкий. — Она началась при Зуеве, при мне она закончилась.

Председатель. — Вы можете охарактеризовать деятельность всех этих лиц не со стороны формальной, организационной, а вообще с точки зрения того направления, какого они держались? Например, Трусевич?

Белецкий. — С Трусевичем мне пришлось встретиться, как с вице-директором департамента полиции; он давал объяснения в министерстве по поводу телеграфной жалобы, последовавшей со стороны самарских депутатов, левых партий на недозволение им дать отчет по поводу своих занятий в Покровской слободе около Саратова. Это было как раз перед роспуском 2-й Думы. Затем, мне пришлось столкнуться с Трусевичем в качестве свидетеля по делу об убийстве П. Г. Курлова.

Председатель. — Вы, может быть, хотели сказать П. А. Столыпина? П. Г. Курлов не был убит.

Белецкий. — Я был вызван в качестве свидетеля по поводу израсходованных сумм, предназначенных для этой поездки из секретного фонда.

Председатель. — Что же, вы нашли, что он неправильно расходовал?

Белецкий. — Я только фактическую сторону доложил: какие суммы взяты и какие возвращены.

Председатель. — Мне хотелось бы знать, какую, собственно, линию вел Трусевич в департаменте полиции.

Белецкий. — Трудно дать характеристику человека, когда лично не приходишь с ним в соприкосновение служебное; но, как приходилось слышать, я скажу с полной откровенностью. Это был тип карьериста, который, так сказать, на политике хотел создать себе карьеру; этот человек не щадил самолюбия чиновников; вообще в департаменте полиции, у всех, кто его близко

знал и даже кто был обязан ему своим назначением, он вызывал воспоминания самого отрицательного характера.

Председатель. — Это, как начальник; а как директор департамента полиции, по существу его деятельности?

Белецкий. — Офицеры, которые с ним работали, считали, что более незаменимого руководителя они редко встречали до того времени и после того. Собственно, как раз в эту эпоху, некоторые офицеры делали себе карьеру.

Председатель. — Это была эпоха Герасимова и Комиссарова?

Белецкий. — Что касается Герасимова, то у него были два человека, которые выдавали друг друга. У Герасимова был на руках Азеф, а Трусевич не был с ним связан. Я говорю, что Герасимов, как большинство начальников охранного отделения, поставил себя в несколько изолированное положение к департаменту полиции; это было начало, потом по его следам пошел Коттен. Начальники петроградского охранного отделения имели право делать доклады непосредственно министру.

Председатель. — Значит, Герасимов и Трусевич ревновали друг друга по поводу Азефа: Трусевич не имел Азефа, а у Герасимова он был на руках?

Белецкий. — Я передаю только то, что слышал.

Председатель. — Скажите о направлении деятельности Виссарионова.

Белецкий. — Виссарионова офицеры корпуса жандармов не особенно любили, потому что он все старался разузнать с целью проверки: вы сами знаете, что ревизующий не представляется желательным человеком для тех, у кого есть служебные промахи. Он был человек требовательный. Я лично до настоящей поры питаю к нему глубокое уважение, потому что он предохранил меня от многого, что я мог бы сделать, если бы во главе стоял кто-нибудь другой. Я его считаю человеком очень честным, безусловно порядочным, не способным ни на какой провокационный акт, человеком, боровшимся с провокацией.

Председатель. — Расскажите относительно Зуева.

Белецкий. — Зуев — очень почтенный человек; но я говорю, что самодовлел Курлов; это был человек, который поглощал в себе должности товарища министра и директора департамента полиции. Так что Зуев все крупные вопросы передавал ему на решение.

Председатель. — Позвольте понять, что Зуев был бледной фигурой?

Белецкий. — Я его знал по сенату. Он очень умный человек, много начитанный, но, по свойству своей натуры, он немножко ленив. Затем, брать на себя он многого не хотел, и потому, когда Курлов захотел самовластно царить над департаментом, это его спасало. Например, в деле убийства Столыпина; когда

я приехал из Карлсбада, Зуев послал телеграмму о том, что представляет собой Богров, и предупреждал Курлова от сношений с этим человеком. Эта телеграмма при мне составлялась.

Председатель. — Значит, Курлов, с назначением его на должность товарища министра, самовластно царил в департаменте?

Белецкий. — Он был очень близок к делам, тем более, что Столыпин, будучи председателем совета министров и министром внутренних дел, сам был лишен возможности посещать департамент полиции. Курлов выдвинулся в первый ряд, тем более, что Столыпин верил лицам, которых назначал.

Председатель. — Вы служили при Джунковском. Близко ли интересовался он делом департамента полиции?

Белецкий. — В 1912 году, когда Джунковский был московским губернатором, я исполнял должность директора департамента. У меня отношения были с ним хорошие; когда он, при Маклакове, был назначен товарищем министра, я, в виду своей должности, которая требовала установления известных взаимоотношений между министром, товарищем министра и директором, счел долгом написать письмо Джунковскому и указать, что, если он находит в моем характере или в моей деятельности что-нибудь несовместимое с его взглядами на должность директора департамента, я, хорошо понимая, какую роль ему предоставил Маклаков, прошу поставить меня в известность, чтобы я мог ликвидировать свои служебные отношения с министерством внутренних дел. В ответ я получил любезное письмо, где он приглашал меня остаться. Отношения наши в первое полугодие были хорошие; в последнее время, в силу свойств петроградского чиновничества, старающегося внести раздор между начальствующими лицами, в силу известного наговора, может быть, в силу того, что некоторые особенности моего характера могли не понравиться, я начал замечать в нем отношение несколько предубежденное. Когда я узнал, что он высказался в этом духе Маклакову, я переговорил с ним лично, и это послужило к моему уходу.

Председатель. — Вы приписываете ваше расхождение с Джунковским свойствам петроградского чиновничества, которое норовит поссорить. На чем же поссорили вас с Джунковским, что ему могли про вас сказать?

Белецкий.—Мало ли что можно сказать про человека. У меня, как у малоросса, характер несколько упрямый. Мои взгляды на чиновничество заставляли меня писать приказы по департаменту, которые могли ему не нравиться. Затем, мало ли какой характер можно придать служебному деянию человека. Джунковский — человек, который сразу не высказывался. Бывают люди, которые способны крикнуть на человека, потом отойти, и отношения остаются хорошие, какие были раньше. У Джунковского, наоборот, накоплялось и затем могло вылиться в известную форму.

Могли быть вопросы, связанные со свойством моего характера, со служебными взглядами. Например, у нас главным вопросом была реформа полиции, которая рассматривалась в законодательных учреждениях. Я имел возможность давать объяснения по каждому вопросу, который возникал, и давал разъяснения, как это делается в практике западных государств: почему, какие мотивы заставили, как прошла статья и т. д. Может быть, Джунковскому не нравилось это, потому что, казалось бы, первая роль должна принадлежать товарищу министра. Я должен сказать, что в это не вникал. Потом, могли быть вопросы кастовые: я — человек, вышедший из народа, а он — человек придворный. Когда я объяснялся с ним лично, он сказал, что отдает должное моей трудоспособности, моим знаниям, но, в силу некоторых обстоятельств, желал бы видеть в роли директора департамента полиции человека, которого он близко знает, и указал на Брюн-де-сент-Ипполит, который был в то время прокурором московского окружного суда.

Председатель. — Ведь вы с Джунковским прослужили целый год, и вдруг через год он сказал, что мало вас знает. Очевидно, и для вас и для него было ясно, что это просто манера сказать, а существо другое. Выясним, в чем вы расходились во взглядах по существу.

Белецкий. — Суммировка различных причин повлекла к тому, что он пригласил вместо меня другое лицо.

Председатель. — Вы — русский чиновник, а мы присматривались к русской чиновничьей среде и знаем, что каждый чиновник может сказать, по какому поводу он разошелся с начальством.

Белецкий. — Я говорю, что очень много накопилось за год, в том числе и расхождение во взглядах. Он сразу отнесся к Виссарионову и к Еремину с недоверием, так как, при объездах по России, он слышал жалобы на отношения Еремина и Виссарионова к жандармским офицерам. Затем, он взял нового начальника штаба, генерала Никольского.

Председатель. — Это частности.

Белецкий. — Нет, и это имеет большое значение. Я попросил бы вас прочесть статью, вы увидите. Я затрудняюсь в присутствии дам говорить. В этой статье вы найдете некоторое разъяснение отношений между этими двумя лицами. Я должен сказать, что статья написана под влиянием сообщений лиц, более или менее осведомленных.

Председатель. — Так что, по вашим сведениям, эта статья, о которой вы говорили, соответствует действительности?

Белецкий. — Боже сохрани, — я не позволю себе этого сказать, потому что я не так близко знаком с Владимиром Федоровичем и с Никольским, чтобы знать интимную жизнь. Но

я должен сказать, что и раньше взгляд начальника штаба для Джунковского представлял собою нечто непреложное. Когда начальник штаба предлагал департаменту полиции поступать так-то и так-то, для Джунковского это было непреклонно, хотя это и грешило против истины; был момент, когда штаб взял на чашке весов верх над департаментом полиции. Никольский много осложнил мои отношения с Джунковским, которые до тех пор были нормальны. Впоследствии, из того, что мне сообщал Джунковский (во время объезда он разговаривал с офицерами корпуса жандармов; за полтора года своего пребывания в должности товарища министра он 45.000 прогонов получил; можете судить, сколько он был в разъездах), я понял, что он поверил не департаменту полиции, а корпусу жандармов, штабу; правда, может быть, он имел основания для предвзятого отношения; это заставило его усиленно заняться нормировкой отношений сотрудников; вербовались сотрудники путем морального насилия. Во время первых объездов мною был издан циркуляр, что в сотрудники можно приглашать только тех лиц, которые сами охотно дают показания, а не тех, которых нужно путем устрашения, наказания заставлять итти в сотрудники.

Председатель.—Джунковский был за то, чтобы их заставлять?

Белецкий. — Наоборот, я говорю, что Джунковский шел еще дальше. Я говорю, что как раз к этому времени, путем объезда, выяснилась целая сеть отрицательных сторон розыскной деятельности на местах; они могли дать известную картину Джунковскому и могли породить отрицательное отношение его к Виссарионову и Еремину.

Председатель. — Которых вы защищали?

Белецкий. — Да.

Председатель. — Стало быть, косвенно, и к вам, как к их защитнику. Но ведь вы, как и они, были против того, чтобы вербовать сотрудников путем морального насилия? Значит, он шел дальше вас?

Белецкий. — Он хотел поднять значение офицеров корпуса жандармов.

Председатель. — Что же, он думал, что руководить сотрудниками должны не офицеры корпуса жандармов, а штатские люди?

Белецкий. — Я думаю, что если бы он дольше оставался в роли товарища министра внутренних дел, то, безусловно, он к этому должен был притти. Он считал, что если офицер идет на свидание переодетым, это роняет его мундир.

Председатель. — Значит, он считал, что военное лицо должно быть заменено штатским? А не был ли Джунковский по существу против учреждения института секретных агентов? Не хотел ли он, чтобы ни один агент полиции, ни в военном, ни в штатском платье, не занимался секретным сотрудничеством?

Белецкий. — Он вообще к этим сотрудникам относился с некоторым недоверием. Это проходило красной линией.

Председатель. — Хотел он заменить их более достоверными секретными сотрудниками или он вообще не хотел секретного сотрудничества?

Белецкий. — Нет, до этого он не дошел. Если бы он не хотел, то, при его характере, при том положении, которое он занимал при Маклакове, он бы потребовал. При мне было потребовано, чтобы не позволяли себе морального насилия над принимаемыми в сотрудничество, чтобы это был акт добровольной сделки. Джунковский потребовал, чтобы в донесениях офицеров корпуса жандармов всегда было указание, от кого донесения идут, чтобы знать, насколько они заслуживают доверия. Проверяя это, он относился известным образом к тем офицерам, донесения которых были несколько непродуманны и поспешны; эти офицеры были у него на замечании. Вообще, он хотел, чтобы сведения, представляемые в департамент полиции, носили характер достоверности. Затем, при мне закончилась работа по отношению к сотрудникам средних учебных заведений.

Председатель. — Вы вместе с ним искореняли это?

Белецкий. — Да, циркуляр шел от него за моей подписью.

Председатель. — Значит, до Джунковского, были сотрудники среди учеников средних учебных заведений?

Белецкий. — При ревизионных объездах пришлось убедиться в этом из отчетов. В это время мы делали сверстку всех данных объезда, давали направление деятельности на местах. Из этих данных пришлось убедиться, что в средних учебных заведениях, в старших классах, имелась своя агентура. Против этого явления я и Джунковский восстали циркуляром.

Председатель. — Это — циркуляр от 1-го мая 1913 года? Значит, до издания циркуляра, вы целый год были директором департамента полиции и стало быть целый год терпели агентуру в старших классах средне-учебных заведений, т.-е. развращали мальчиков и девочек?

Белецкий. — Это удалось узнать из ревизионных данных, но вопрос ставился не в первый раз. Даже при Кассо, если не ошибаюсь, был закон Государственной Думы, который дал возможность сейчас же обратить внимание, потребовать, чтобы в ревизионных объездах проверили, насколько это правильно; я сам даже этого не предполагал.

Председатель. — Вы не помните, в каких охранных отделениях была обнаружена агентура среди учеников и учениц средних учебных заведений?

Белецкий. — Это здесь, в Петрограде. Я командировал начальника охранного отделения Коттена.

Председатель. — Что же, был он подвергнут взысканию?

Белецкий. — Он был потом устранен от службы.

Председатель. — Т.-е., когда потом?

Белецкий. — В конце 1913 года.

Председатель. — Значит, он после этого циркуляра некоторое время продолжал благополучно служить?

Белецкий. — Много было оснований для его ухода.

Председатель. — Вы не находите, что вербовка секретных сотрудников среди учеников средних учебных заведений есть преступление, даже помимо моральной стороны, помимо внесения морального разврата в семью? Вы сами изволили сказать, что путем морального насилия нельзя вербовать сотрудников, а по отношению к юношам в возрасте 15, 16 и 17 лет? — Не был полковник фон-Коттен предан суду?

Белецкий. — Не был.

Председатель. — Мы подвели факты. Не можете ли вы подойти к начерченной вами схеме с внутренней стороны: сказать, как при вас и при ваших предшественниках в департаменте полиции стояло дело в отношении политического сыска, в частности, в отношении секретного сотрудничества и провокации?

Белецкий. — Когда я был директором департамента полиции, с провокацией все мы боролись до крайности. Так, например, при Джунковском, после объезда Царства Польского и выяснения деятельности начальника охранного отделения, последовал приказ немедленно уволить его в отставку.

Председатель. — Так что, при Джунковском, начальник охранного отделения был уволен за секретную агентуру?

Белецкий. — За секретную агентуру, принятую вопреки нашим указаниям. Здесь было положено начало ряду строгих мер по отношению к офицерам корпуса жандармов, которые могли, вопреки требованию департамента полиции, иметь на местах секретный розыск. Это было в конце 1913 года. Это было по отношению в военной агентуре; мне пришлось столкнуться с тем, что «освещение» (это—технический термин) воинских частей делалось посредством агентуры. Начальник части, например, ротный или полковой командир, даже не ставились в известность о том, что кто-либо из воинских чинов сообщает сведения начальнику или офицеру корпуса жандармов. Такое ненормальное положение вещей, во-первых, безусловно осложняло дело войсковой дисциплины, потому что солдат-сотрудник, чувствуя за собой известного рода поддержку, в смысле военном отличался некоторой бравировкой; во-вторых, оно влекло за собой массу недоразумений для войскового начальства — при сношениях, при допросе, при требовании разъяснений. Словом, когда пришлось натолкнуться на это, я просил военного министра высказаться, насколько он считает подобное положение нормальным, и запросить мнения командующих войсками всех округов. По соглашению с военным и морским

министрами, было издано циркулярное распоряжение: если в той или другой части командиру понадобится осветить, насколько революционное движение проникло в войсковую среду, то начальник губернского жандармского управления не может вести это дело, не войдя по этому предмету в соглашение с командиром части, чтобы командир или ротный знали об этих солдатах.

Председатель. — Неужели этот циркуляр опирается на факты? Меня интересует вопрос, неужели находились начальники частей, которые обращались в охранку?

Белецкий. — Да, в охранку.

Председатель. — Вы можете это удостоверить?

Белецкий. — Я удостоверяю, что пришлось завести агентуру в их частях.

Председатель. — Мы все ближе подходим к сути дела. Итак, попытка борьбы с секретным сотрудничеством в средних учебных заведениях; затем попытка ограничить работу секретных сотрудников в войсках; но, по существу, какое было отношение директора департамента полиции к институту секретных сотрудников, т.-е. к тем людям, которые совершали преступление против действовавших тогда законов, состоя членами преступного сообщества, поступая за определенную плату на службу по вольному найму в местные охранные отделения?

Белецкий. — К тому, что я уже ответил, я прибавлю, что, придя в департамент полиции, я был совершенно незнаком с политическими делами, я принял должность, когда во главе ведомства стоял А. А. Макаров, бывший перед тем и товарищем министра и прокурором; это была заведенная система, мне принадлежала только последующая роль. Это была практика освященная.

Председатель. — Но это также практика освещения, а не освящения; она давала вам возможность освещать, но она была преступна.

Белецкий. — Я вам должен доложить, что агентура есть двух родов: есть агенты, которых воспитывает начальник управления или розыскной офицер. Такого агента проводят в партию. Значит, лицо не является партийным, это лицо тем или другим образом вводится в партию, как лицо свое; и такая агентура является агентурой более или менее ценною, потому что человек, так сказать, верен правительству, он пошел служить, если не ради идеи, то ради чего-нибудь другого. Во всяком случае, воспитание, которое дал такому человеку розыскной офицер, позволяет относиться к нему с доверием.

Председатель. — Это — первая категория.

Белецкий. — Затем, были сотрудники, которые вербовались во время производства того или иного охранного расследования. Была даже система специальная. Есть циркуляр о том, что больше известного времени затягивать дело нельзя; всякое политическое

дознание производилось жандармским офицером в качестве судебного следователя. Вначале расследование имеет общее с образом действий следственной власти, пока еще нащупывается преступление; когда же, во время объяснений и т. д., офицер видит по свойству лица опрашиваемого, что с ним можно иметь дело, что это человек, вначале запуганный, человек, которого можно обойти, — тогда, имея с ним свидание наедине, он приглашает его в агентуру и передает, таким образом, в охранное отделение. Тогда переписка заканчивается в порядке охраны; с него берется показание, что он раскаивается в проступке; считается, что, вследствие раскаяния, наказание с него слагается. Показание о его раскаянии остается залогом морального воздействия на будущее, он же является в качестве сотрудника и вводится в партию. Первое время за ним оставляют наблюдение; соответствующий офицер следит, насколько он правильно дает сведения, проверяет, насколько он ценен в данной среде, и т. д. Вот основное. Большинство таких сотрудников составляют лица, уже находящиеся в руках охранного отделения. Те лица, на которых воздействовали морально, которых звали и брали, эти лица редко могли дать полезные указания, потому что они тяготились ролью сотрудников. Сотрудники первых категорий очень ретиво относились к отношениям, которые устанавливались между ними и офицерами, неохотно переходили от одного к другому. Они следуют за тем офицером, с которым работали вначале. Например, офицера переводят на службу из Киева в Петроград; сотрудник идет за ним, потому что, чем он больше меняет офицеров, тем больше пропадает у него чувство самоуважения; в нем уже нет апломба, который нужен, чтобы прочно поставить себя в рядах партии.

Председатель. — На мой вопрос вы ответили фактической справкой. Итак, есть две категории агентов. Но как все-таки стояло дело с законностью деятельности департамента полиции, который содержал лиц, совершавших формальное преступление и получавших за это плату от правительства?

Белецкий. — Понималось так: правительство боролось теми же путями, какими шла революция. Ведь революционные организации также имели своих лазутчиков, они также старались проникнуть и в жандармское управление, и в департамент полиции.

Председатель. — Так что вы рассматривали это, как акт борьбы?

Белецкий. — Я не рассматривал, как акт борьбы; это велось годами, я принял это, как факт; освещение было, и мне пришлось с ним считаться. Когда я впервые познакомился с делом, я не знал его структуры. Политический отдел был так поставлен, что никто не мог знать, что там делается.

Председатель. — Значит, вы не рассматривали этого вопроса с точки зрения соответствия с законом?

Белецкий. — С этой точки зрения, ни я, ни кто из моих предшественников не рассматривал.

Председатель. — Вы упомянули: «так было при Макарове». Как он относился к этому вопросу? Он ведь юрист.

Белецкий. — Так же. Имейте в виду, что я был единственным директором департамента из административных, а ведь до меня были все директора — прокуроры судебных палат. Большинство министров были также прокуроры судебных палат, например, Трепов, Дурново, Макаров, все это — люди с юридическим багажом. Товарищи министра внутренних дел все были юристы. Ну, идет машина по заведенному порядку.

Председатель. — Не может быть, чтобы рядовые работники знали, а те не знали!

Белецкий. — Как мог не знать Макаров, когда он был товарищем министра в самую тяжелую пору, в 1904 году? Это — тот самый товарищ министра, про которого Бурцев сказал, что он — единственный человек, объяснявшийся с народом, когда правительство закрыло свои двери. Отсюда была его известного рода популярность. Каждый обращался к Макарову.

Председатель. — Значит, они были великолепно осведомлены. При них эта система существовала, они были выше вас поставлены, поэтому вы приняли эту систему, как нормальную?

Белецкий. — Директор есть особа третьего класса, равная по положению товарищу министра внутренних дел. Он является, все-таки лицом, подчиненным министру. Следовательно, вся программная работа лежит на министре, директор получает только известные указания от него или от товарища министра, который переуполномочен министром в этой отрасли действовать. Так что, в данном случае, директор находится под давлением. Если бы вопрос краеугольного характера пришлось решать при Макарове, т.-е. если бы пришлось сделать сводку всех ревизий и натолкнуться на агентов в средне-учебных заведениях, то, я убежден, последовал бы циркуляр, подобный изданному при Джунковском. Джунковский первый обратил внимание на постановку в военных частях. Вопрос этот меня очень озабочивал во многих отношениях именно потому, что возникали вопросы чисто специальные. Например, сотрудник, который взят на военную службу, переходит из города икс в город игрек. Партия делает сообщение о том, что лицо поехало. Следовательно, военная организация требует пропаганды действий. Как поступать в дальнейшем? Много было таких вопросов. Например, волнения в Балтийском, Черноморском флотах, волнения в Туркестане, все это выясняло и теневые стороны отношений командного состава к нижним чинам, вопросы эти доходили и до государя императора; мне пришлось докладывать, по поручению министра, лично государю в Александрии, например, о волнениях в Туркестане, которые вызывались непра-

вильным отношением командного состава к солдатам. То же самое в Балтийском флоте. Пришлось неоднократно говорить с Эссеном. Был устроен целый ряд совещаний по военным и морским делам относительно волнений в Черноморском флоте. Я хочу сказать, что это имело серьезное значение, страшно озабочивало меня, и, в смысле моих постоянных отношений с военным и морским министерством, был выработан модус. К этому периоду относится целый ряд ревизионных замечаний о недостатках агентуры на местах. Об этом я доложил министру Макарову; с его разрешения, мне удалось устроить съезд начальников губернских жандармских управлений, где все эти вопросы по программе, выработанной заранее в особом отделе и одобренной министром внутренних дел, были поставлены на обсуждение. Съезд коснулся и общей постановки вопроса, и самой структуры дела; он был разбит на несколько секций, результаты были доложены товарищу министра и министру. К этому времени как раз началась смена министров, Маклаков был назначен министром внутренних дел, а Джунковский — товарищем. Джунковский вошел в сводку всех замечаний, которые были добыты путем ревизионных объездов департаментом полиции; в то же время состоялось заключение офицеров, которые были вызваны на совещание. Я поясняю затем, чтобы вы могли понять, почему некоторые циркуляры, уже чисто законного характера, последовали в позднейший период времени. В числе вопросов довольно серьезное внимание было обращено на постановку военной агентуры, которая осложняла отношения между солдатами и поселяла рознь в офицерском составе. Государь император также относился к этому с особым вниманием.

Председатель. — То, что вы мягко называете теневыми сторонами дела, обнаружилось на процессах; выяснилась роль провокации в этих делах.

Белецкий. — Это не есть провокация в военных делах, это есть этика отношений. Я покойному адмиралу Эссену докладывал; в морском министерстве имеются еще живые свидетели, например, Григорович, которые могут засвидетельствовать, с какой страстностью я докладывал о несправедливостях по отношению к нижним чинам.

Председатель. — Вы постоянно уклоняетесь в сторону. В чем же заключались «теневые стороны» постановки секретного сотрудничества?

Белецкий. — В военной среде это недопустимо, с точки зрения этики отношений. И департамент полиции требовал освещения того, что происходит по всей России.

Председатель. — А вместо этого ваши агенты развивали известное движение?

Белецкий. — Нет, с этим я боролся. Я хочу указать на циркуляры, которые были изданы. Я пользовался результатами

съезда, сводкой данных, которые сообщались начальниками губернских жандармских управлений, о том, что происходит в воинских и флотских частях. Это — большой труд, очень интересный, особое дело, там есть замечание товарища министра Золотарева и мой доклад.

Председатель. — Когда это было?

Белецкий. — Это было при Макарове, приблизительно в период от сентября до ноября 1912 года. Сводка показывает, с чем мы боролись, какие вопросы поставили, на какие вопросы я и мое непосредственное начальство — министр и товарищ министра — обращали большое внимание. И вы увидите, что это совпадает с временем изменения в министерстве, когда, при Джунковском, пришлось реализовать те наблюдения, которые у нас вылились. Джунковский также считал недопустимым, чтобы солдат был шпионом среди своих товарищей...

Председатель. — Значит, борьба с агентурой в военной среде предпринималась по побуждениям специально военным, а не по моральному или законному отвращению к этому делу?

Белецкий. — Здесь был принцип морального характера; в сущности, и государь император, и товарищ министра Джунковский, и военный министр считали, что это нарушение этики взаимоотношений.

Председатель. — Почему же то, что считалось безнравственным в среде военной, не было перенесено на среду гражданскую, на всю страну, на массу людей, подвергавшихся действию системы?

Белецкий. — Военная среда имеет совершенно другой характер. Это — семья, спаянная особыми узами и отношениями между офицерами, солдатами, начальниками высшими и низшими; с точки зрения этики ритуально-военной, с точки зрения клятвы — присяги, эти отношения сами по себе исключают возможность такого рода деятельности. Вот почему, при Джунковском, было собрано специальное совещание.

Председатель. — Я ставлю вопрос, почему политический разврат, то, что не дозволено и безнравственно с вашей точки зрения в среде военной, — почему это дозволено, нравственно и законно для среды невоенной?

Белецкий. — Потому что проникнуть в партийную организацию, в особенности в партию с.-р., никакими другими путями вы, конечно, не в состоянии. Это показала практика не только русская, но и наблюдения розыскные, то, что делает сыскное отделение, когда оно нащупывает среду грабительскую. Без своих агентов туда не проникнуть. Ни в одном из цивилизованных государств Европы нет другого способа. Агентуру имеют также и республиканские государства, Франция, например.

Председатель. — Значит, иных способов политической борьбы, кроме способов безнравственных и политически незаконных, в распоряжении департамента полиции не было?

Белецкий. — Я просил бы указать, какой другой способ мог быть?

Председатель. — Комиссия не может давать вам указаний.

Белецкий. — Существует международная конвенция для наблюдения за анархистами. Во всех государствах, в Англии, Франции, также есть тайная полиция; путем той же самой агентуры они принимают людей в свою среду. Так что другим путем проникнуть нельзя, и этот путь освящен со времени Плеве.

Председатель. — Вы утверждаете, что моральных и законных средств в вашем распоряжении не было?

Белецкий. — Если бы я был законодателем, я бы нашел средства для оздоровления общества, но я к этому не был призван. Я понимал только одну работу — работу общественную и государственную; она могла способствовать тому, чтобы уйти с этого пути. Возьмите такую партию, как к.-д., там тоже имеются агенты. Это у нас была редкая, слабая агентура.

Председатель. — Принципиально это не меняет дела.

Белецкий. — Для того, чтобы улучшить дело, чтобы больше знать, что делается. Позвольте доложить по поводу военной агентуры; этот вопрос был поставлен в особом совещании, были доложены все данные, которые имелись в нашем распоряжении, и единогласно было решено отменить военную агентуру. Последовал циркуляр за подписью Джунковского.

Председатель. — Вы упираете на то, что для одного миллиона русской армии вы сделали отмену, а для 200 миллионов русского народа вы этого не сделали.

Белецкий. — Если бы вы рассматривали события с той точки зрения, что человек служил известное количество лет. Вы сами хорошо знаете, что директор зависит от министра; министр уходит, и директор должен уйти. Он, может быть, не сумеет осуществить той работы, которая ему представляется, не сумеет ознакомиться с делом.

Председатель. — Циркулярная деятельность департамента полиции, регулирующая внутреннее наблюдение, стала слагаться в отдельную инструкцию еще в 1907 году, до вас. Вы знаете эту инструкцию?

Белецкий. — Да, при мне она была разработана; здесь было много такого, что с точки зрения времени, с точки зрения моей и министра казалось несовместимым.

Председатель. — Но начало секретного сотрудничества и связанная с ним провокация не были исключены, они были усовершенствованы и развиты?

Белецкий. — Если вы изволите взять труды съезда, вы увидите, там проведено красной нитью, что офицеру, наблюдающему за сотрудником, вменяется в обязанность не возлагать на сотрудника исполнительной роли.

Председатель. — Т.-е., роли активной. Не ошибаетесь ли вы, не помните ли вы параграф инструкции, где говорится: «Так как нельзя обойтись без активной работы, то нужно по поводу активной работы в каждом отдельном случае спрашивать разрешения лица, руководящего агентурой». Значит, с разрешения, — можно?

Белецкий. — Ему можно дать известный совет, но он не имеет права брать на себя, например, постановку типографии.

Председатель. — Т.-е. имеет право поставить типографию только с разрешения руководящих офицеров? Состояние в сообществе, как вы знаете, будучи юристом, есть преступление с точки зрения закона. Даже пассивное состояние, — например, молчаливое участие в собраниях, есть признак принадлежности к сообществу. Таково общепринятое толкование. Параграф восьмой инструкции говорит: «а если хочешь еще что-нибудь сделать, то делай это с разрешения в каждом отдельном случае руководящего офицера».

Белецкий. — Но руководящий офицер ему бы этого разрешения не дал, так как имел указания от департамента полиции, что подобного рода дела суть дела провокационные. Например, был у нас сотрудник Малиновский, член Государственной Думы. Выступления его вы сами хорошо знаете. Принадлежа к партии большевиков, он отличался ораторским талантом и представлял довольно крупную фигуру. На него возлагались поручения — выступать с кафедры Государственной Думы. Что он должен говорить с кафедры Думы, с точки зрения партийной? Партия может дать ему указания; но тот, кто наблюдает, может указать, чтобы это не имело характера того, что мы называем провокацией.

Председатель. — Я тут ровно ничего не понимаю. Вы, как директор департамента полиции, знаете, что выступления Малиновского с кафедры Государственной Думы были выступлениями очень крайними, очень большого агитационного напора. Малиновский, тайный агент департамента полиции, призывал страну к революции. Укажите на этом примере, который вы сами взяли, в чем заключалось воздействие лица, им руководившего?

Белецкий. — Если вы прочтете речи Малиновского в стенографическом отчете, то вы увидите, что именно до последнего предела, до призыва, он никогда не доходил.

Председатель. — Вы думаете, что можно быть еще более крайним?

Белецкий. — С точки зрения партийной, в ту минуту, при тех требованиях, какие шли от центрального комитета, он должен был играть большую роль.

Председатель. — Вы берете на себя мужество утверждать, что роль его руководителя была умеряющая?

Белецкий. — Безусловно утверждаю.

Председатель. — Желательно было департаменту полиции, чтобы человек шел по революционной иерархии, чтобы он восходил все выше, к центру революционной партии?

Белецкий. — С точки зрения только осведомленности.

Председатель. — Вы знаете, что для того, чтобы двигаться в этой иерархии, нужно иметь известные заслуги перед партией. Стало быть, с точки зрения вашей, сотрудник был тем ценнее, чем больше он имел заслуг перед партией, чем ближе он стоял к центру?

Белецкий. — Безусловно.

Председатель. — Так как дело идет о революционных партиях, т.-е. о тех политических группах, которые наиболее активны, значит, — чем он был активнее, тем он больше двигался по иерархии и тем более дорогим агентом он был для вас?

Белецкий. — Активность могла заключаться не во внешних проявлениях, а в том значении, которое он завоевал себе в среде партийной.

Председатель. — Но для завоевания нужно действие. Можно, по-вашему, бездействием завоевать себе положение в партии?

Белецкий. — Безусловно нет. Конечно, он должен был проявлять себя в смысле пропаганды.

Председатель. — Значит, наиболее желательным для вас был наиболее активный, завоевавший себе наибольшее положение, путем работы в партии?

Белецкий. — Но каким путем? Путем, который мы преследовали, — провокационным.

Председатель. — Что значит провокационный путь? — Путь действий. Вы с этим не можете не согласиться. Мы все жили в России старого строя и знаем, что такое деятельность революционная. Это значит: печатание и распространение прокламаций, организация собраний, пропаганда, — иных действий нет. Теперь возьмем другую сторону: инструкция предусматривает, что, так называемая, ликвидация должна была произойти в момент наибольшего развития партийной группы.

Белецкий. — Я могу только сказать, какая была при мне руководящая деятельность: предупредительная.

Председатель. — При вас руководились инструкцией, а параграф 8 говорит: «Необходимо помнить, что все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центра революционных организаций и к уничтожению их в момент проявления ими более интенсивной деятельности...» Как это вяжется с вашим представлением о пассивной роли агента?

Белецкий. — Вы, вероятно, изволите рассматривать ту инструкцию, которая рассматривалась на съезде и была переработана.

Председатель. — Она не была переработана в этой части; провокационное начало, которым она пронизана, осталось. Оно осталось и в инструкции 1907 года и дожило до ее последней редакции 1914 года. — Как вяжется ваше утверждение с тем, что, ликвидируя группу, рекомендуется ликвидировать не всех, а оставлять на разводку, чтобы создавались последующие группы и чтобы не наступил такой момент, когда департамент полиции вдруг оказался бы без осведомителей?

Белецкий. — Переработанная инструкция была введена после меня. Она была переработана на съезде, представлена товарищу министра Золотареву, им были положены некоторые замечания, затем она находилась в распоряжении Джунковского. Я не смею теперь сказать, была ли она утверждена; по этому вопросу за председателя съезда был Виссарионов. Он вообще специалист, можно сказать, профессор в этом отношении, он все это знает.

Председатель. — Параграф 9-й: «Секретных сотрудников надлежит иметь в каждой из действующих в данной местности революционных организаций и по возможности по нескольку в одной и той же организации». Вы знаете, что это правило в точности исполнялось вашими агентами и были организации, которые состояли сплошь из агентов, например, по Владимиру?

Белецкий. — Нет, это было сделано для того, чтобы иметь проверку правильности донесений того или другого сотрудника.

Председатель. — Утверждая, что пресекали и предупреждали преступления, вы сами понимаете, что вы вводили в организации людей активных; ведь, если бы несколько человек бездействовали, бездействовала бы вся организация, а если бы она бездействовала, ее нельзя было бы ликвидировать в момент наивысшего развития деятельности.

Белецкий. — Это общий вопрос. Я, в данном случае, представляю только звено в цепи. Вопрос о сотрудниках стоял также и при мне и после меня. Я припоминаю циркуляр Брюн де сент-Ипполита, в сентябре или октябре 1914 года, о внедрении в партию социалистов-революционеров. Министр, князь Щербатов, несмотря на общественную складку его деятельности, взял директором Моллова — на правах товарища министра. Моллов — типичный представитель прокурорского надзора школы И. Г. Щегловитова, был всегда товарищем прокурора по политическим делам и всегда шел навстречу заявлениям агентуры. Моллов был очень короткое время, он ушел, потому что А. Н. Хвостов его немного знал и не хотел его иметь; наконец, в эту минуту Болгария объявила войну, Моллов — болгарин, считалось неудобным, чтобы во главе департамента полиции, где проходили иногда доклады по

контр-разведочной части, стояло лицо, выходившее из балканских кругов...

Председатель. — Теперь позвольте спросить вас, кто, в частности, руководил деятельностью Малиновского?

Белецкий. — Малиновский был старый сотрудник. Полковник Мартынов, начальник московского охранного отделения, во время выборов в Государственную Думу приехал в Петроград и доложил о возможности прохождения Малиновского в члены Государственной Думы. Доложил он в особом отделе заведывающему Еремину и Виссарионову. Они доложили об этом мне. Мы обсуждали, при чем Еремин высказывался против проведения его в Государственную Думу, указывая на то, что это — прием довольно опасный, так как дело выборов вел сам министр Макаров при товарище министра Харузине. Не знаю, известно ли было Харузину относительно Малиновского, этого не смею утверждать; но, в виду серьезности дела, я переговорил по телефону с Золотаревым; Золотарев принял Мартынова и сказал, что нужно поставить вопрос в зависимость от Джунковского: если Джунковский согласится на проведение, объясним ему, что представляет собой Малиновский, и примем этого сотрудника; на этот случай даны были указания, чтобы разговоры с Малиновским вел я и Виссарионов. Тогда Мартынов отправился в Москву (может быть, поехал Виссарионов, боюсь утверждать). Во всяком случае, Джунковскому было доложено и, с разрешения Джунковского, Малиновский был проведен через избирательную комиссию.

Председатель. — Почему нужно было проводить через избирательную комиссию?

Белецкий. — Потому что у Малиновского были в прошлом известные дефекты, не дающие ему возможности быть членом Государственной Думы по закону.

Председатель. — Вы опять смягчаете. Если поставить точку на и, эти дефекты окажутся обвинением Малиновского в краже со взломом. Таков был его дефект?

Белецкий. — Этот дефект известен, в справках о судимости всегда можно найти обвинение.

Председатель. — Вы опять уклоняетесь. Это то, о чем я говорю.

Белецкий. — То, что я докладываю, я подтверждаю; вы видите, что я не уклоняюсь от истины. — Прошел известный промежуток времени, который дал возможность Малиновскому загладить. В партийной среде он представляет величину довольно крупную. Он даровитый и способный человек. Я и Виссарионов имели с ним свидание и знали таким образом, какие пожелания идут от партии большевиков, которых у нас было много в среде социал-демократической; сведения Малиновского давали возможность департаменту полиции проверять сведения загра-

ничной агентуры; затем — давать осведомительные сообщения о руководящих началах будущих работ этих партий; затем, посредством его, разбивать то, что могло так или иначе мешать правительству. Он относился с таким доверием, что некоторые письма, которые он сообщал департаменту полиции в копиях, давали нам возможность знать о задачах партии. Наконец, он был командирован фракцией в Швейцарию, на съезд партии. Если вы помните, это был большой съезд большевистских и меньшевистских организаций, задача его заключалась в слиянии пропаганды для общей работы. Малиновскому были даны указания, чтобы он, по возможности, способствовал разделению партий. Пользовались им, чтобы знать, что делалось в среде анархистов, в среде социал-демократической, и не только по партии большевиков, но и меньшевиков, потому что эти партии были так или иначе связаны; для министра внутренних дел эти сведения имеют большое значение.

Председатель. — Значит, вы с Виссарионовым имели свидания с Малиновским, согласно инструкции, на конспиративной квартире?

Белецкий. — Свидания происходили в различных местах. На конспиративной квартире редко, они устраивались чиновнику Курочкину. А с Малиновским мы виделись в разных местах, чтобы не обращать внимания; в отдельных кабинетах ресторана, и т. д.

Ольденбург. — Скажите, департаменту полиции не приходило в голову, что проведение в высшее государственное установление, каким является Государственная Дума, государственного преступника, принадлежавшего к партии большевиков, человека с запятнанным прошлым, есть акт провокационный?

Белецкий. — Я сам сказал о Малиновском, не дожидаясь вашего вопроса. Я считал себя виновным в том, что произошло.

Председатель. — Вы считаете, что это провокация?

Белецкий. — Я считаю себя виновным. Я сознаю, потому что это меня упрекало всегда.

Председатель. — Вернемся к истории дела, Мартынов приехал к вам спросить по поводу этого случая; как вы решили вопрос с Макаровым и Золотаревым?

Белецкий. — Когда вопрос был разрешен наверху, я даже не докладывал, я себя отстранил от этого. Мы рассматривали его в своей среде. Мартынов по ходу дел знал, что представить Малиновского можно, что Малиновский может пройти в члены Государственной Думы, если есть желание, и высказывался, что он ценный сотрудник, аттестацию дал о ценности его; возник вопрос о том, что мы, при помощи его, имеем возможность проникнуть в центр партии, он впоследствии был членом Ц.К. (Центрального Комитета). Полковник Еремин высказался против, считая, что вопрос может разоблачиться, и выйдет большой государственный скандал. Эти

соображения были высказаны мной Золотареву по телефону (у нас был особый дворцовый телефон, который не подвергался наблюдению). Не смею вам сказать, какой был доклад Золотарева у Макарова; но только, когда явился ко мне Мартынов, он явился с указанием, что Малиновского можно проводить. Надо было войти в контакт с председателем комиссии (кто-то из членов окружного суда). В виду серьезности дела, оно было поручено мне с Виссарионовым, Виссарионов не высказывался ни в ту, ни в другую сторону.

Председатель. — Значит, руководили этим сотрудником вы с Виссарионовым?

Белецкий. — Виссарионов хорошо знал раньше особенности характера сотрудника, знал все партийные тонкости. Он мог задавать такие вопросы, а я говорил с Малиновским по вопросам общего характера. Он продолжал сотрудничать при Маклакове, которому с самого начала было доложено об этом генералом Джунковским; притом я обращался к Джунковскому, как раз перед уходом Еремина. Я увидел, что Джунковский недоволен моей работой, и поднял вопрос о смене. Брюну, который принимал от меня департамент полиции, я сказал об этом сотруднике, сказал, что вводил его вместе с Виссарионовым. Брюн мне ничего не сказал, и потом Малиновский был передан мною А. Т. Васильеву, вице-директору департамента полиции. Затем он был провален.

Председатель. — Как провален?

Белецкий. — Не могу сказать. У нас была такая этика, никто из нас не интересовался тем, что делалось в департаменте полиции, чтобы не подчеркнуть, что кто-нибудь интересовался, вмешивался. Я знаю, что Малиновский провален при Джунковском и бежал.

Председатель. — Бегство и отказ от звания члена Государственной Думы объясняется, по вашим сведениям, провалом?

Белецкий. — Я думаю, что он был провален; в сущности, для того, чтобы вести такого центрального сотрудника и использовать его сведения, надо иметь много, если не умения, то, во всяком случае, такта. Например, он дает сведения, что приезжает такой-то. Если вы его схватите, вы безусловно провалите лицо указавшее. Сведениями Малиновского мы пользовались не для того, чтобы творить розыск; для этого в каждом городе, в особенности в Петрограде и Москве, была хорошо поставлена партийная агентура; Малиновский был нам нужен, как член Ц.К. (Центрального Комитета), как лицо, играющее крупную роль, которое знает, что делается в партии. Эти сведения давали возможность узнавать на местах, что предполагается, какие задачи будут преследоваться данной организацией в тот или другой момент. Затем, — затруднительное положение, в которое он всегда попадал, когда приходилось говорить с кафедры Государственной Думы. Если спросите пятерку из Сибири, они скажут, что Малиновский иногда долго болел для

того, чтобы не выступать; потому что были такие запросы, которые могли поставить правительство, если бы роль Малиновского потом разъяснилась, в самое щекотливое положение. Я сознаю и считаю, что должен был бы настаивать по совести; но я, по слабости человеческой, этого не сделал, должен вам сказать и прошу верить, что все, что произошло, ссылка депутатов и т. п., осуществилось через год. Я знал, что делается в партийной среде, даже имел в своем распоряжении архив партии в течение ночи, я знал, чем они дышат; тем не менее, ни один член Государственной Думы не понес при мне никакого наказания, хотя я великолепно знал, где, когда и кто из них бывает. Вам могут подтвердить те же члены фракции, что в то время, когда полиция могла знать, что будут собрания, удваивалось наблюдение. Если вы возьмете делопроизводство пяти, вы увидите, как я его охранял. Мне он нужен был, как сила центральная, открывавшая путь широкой проверки. А с точки зрения розыскной, его провалило бы охранное отделение, потому что он был единственный сотрудник департамента. Охранное отделение имело здесь широкую агентуру, оно сейчас же всячески провалило бы, если бы знало, что такое лицо имелось в распоряжении департамента полиции. Они знали, что мы имеем, по сведениям, которые давались; но думали, что эти сведения идут из заграницы.

Председатель. — Ваш преемник, Брюн-де-сент-Ипполит, был осведомлен?

Белецкий. — То, что говорилось, облекалось потом в форму доклада, конечно, без указания на лицо, и представлялось министру и товарищу; эта самая система была при Маклакове и Джунковском. Джунковскому я докладывал лично, до представления письменного доклада. Я заявил, что видел этого сотрудника.

Председатель. — И заявили, что он «портной»?

Белецкий. — Он знал, ему было доложено. Надо сказать, Малиновский поехал на свое место и там добыл посредством взятки, если не ошибаюсь, у волостного писаря Плоцкой губернии, свидетельство о нравственной порядочности.

Председатель. — А вы сами не докладывали А. А. Макарову, когда приехал Мартынов?

Белецкий. — Нет, я не докладывал сам. Я бы нарушил общие указания, потому что доклады я делал в присутствии товарища министра, или товарищ министра докладывал без меня, после переговоров со мной. Я послал Мартынова к Золотареву.

Председатель. — А Золотарев говорил с Макаровым или нет?

Белецкий. — Безусловно. Золотарев — человек очень осторожный; отношения у него были с А. А. чисто дружеские, они исключали даже возможность подчиненности. Не смею вам сказать, знал ли Харузин, который вел избирательную кампанию

потому что я избирательным делом не заведывал. Если бы я задал ему этот вопрос, и если бы он не знал, я мог бы дать лишние уши, которые могли быть в будущем для нас вредны.

Председатель. — Значит, решались два вопроса: вопрос о возможности сокрытия уголовного преступления и вопрос политический, решиться ли вам этого человека пропустить?

Белецкий. — Да. Я оставил в департаменте полиции все секретные дела в несгораемом шкафу и вел особую опись. Я ее представил министру; думаю, что она там сохранилась.

Щеголев. — Она сохранилась.

Председатель. — Я оглашаю бумагу особого отдела 19 октября 1912 года за № 30930, на бланке вице-директора департамента полиции Виссарионова от 11 октября 1912 года: «Совершенно секретно. Господину директору департамента полиции. Представление. Вследствие личного приказания имею честь представить вашему превосходительству Положение о выборах в Госуд. Думу и доложить, что согласно 1 п. 10 ст. известное вам лицо, как отбывшее наказание в 1902 году за кражу со взломом из обитаемого строения, как за кражу в третий раз, по моему мнению, не может участвовать в выборах. К изложенному считаю долгом присовокупить, что вы изволили приказать доложить вам, что надлежит возбудить перед господином министром вопрос о том, следует ли ставить в известность о существующем ограничении московского губернатора или это лицо должно пройти для него совершенно незамеченным. — Вице-директор (подписал) С. Виссарионов. — 6 октября 1912 года». Значит, вопрос был решон в том смысле, что московский губернатор требует поставить; вы знаете, что его поставили?

Белецкий. — Что он доложит Виссарионову, он доложит и министру.

Председатель. — Двенадцатого октября, значит, на следующий день, «предоставить дело избрания его естественному ходу». Это ваша надпись? (Показывает бумагу Белецкому.)

Белецкий. — Да.

Председатель. — Что значит, «естественному ходу»?

Белецкий. — Т.-е., по закону, чтобы доложено было, как я вам говорил.

Председатель. — Т.-е., именно, не по закону. Ведь, дело касается лица, совершившего третью кражу. Вы уверены, что А. А. Макарову докладывали?

Белецкий. — Как же, всегда подписывалось министром. Министру представляется доклад, на котором он делает резолюцию. Иногда доклад делается лично или по телефону, и тогда о том, что он говорит, пишется резолюция. Особа третьего класса занимает равноправное место, подписывает резолюции, его подпись имеет то же значение.

Председатель. — Значит, вы положили резолюцию, основываясь на словах Золотарева, которого просили по телефону принять Мартынова?

Белецкий. — Мартынов явился ко мне и сказал, что министр решил проводить Малиновского в Государственную Думу. Надо знать характер А. А. Макарова, человека, который имеет волю, человека в своих решениях твердого и определенного. Наши сведения о Малиновском выливались в форму доклада министру внутренних дел, без указания, конечно, имени; я лично всегда докладывал министру, какие сведения были.

Председатель. — Так что он после узнал, что Малиновский — член Государственной Думы? . .

Белецкий. — Я докладываю вам, что потом заявил Джунковскому. Вообще избирательная кампания не мною велась.

Председатель. — Оглашается соответствующая справка (читает). «Ведомость справок о судимости, издаваемая министерством юстиции. Списки осужденных в 1899 году. На стр. 191 имеется с левой стороны, третья сверху, запись: 28414. Малиновский, Роман Вацлавов. К. Липн. У., гм. Чагне, дер. Глодова, 19 л., рд. Гостын. у., в дер. Слубице: Плоц. О. С. (в 3 о.) 134, 135, 140, 2 ч. 1647 и 2 ч. 1655 У., тюр. 2½ г. 96 г. 11518, 1647 У. (94 г. 47049, 169 М.». Затем телеграмма шифрованная «Московскому начальнику охранного отделения. Вопрос об участии известного вам лица в выборах предоставьте его естественному ходу. № 1254. — И. д. директора — Белецкий. 17 октября 1912 года». Это ваша телеграмма. Затем разбор шифрованной телеграммы из Москвы. «Дело предоставлено его естественному ходу. Успех обеспечен. № 290502. — Подписал подполковник Мартынов». Что значит: «успех обеспечен»?

Белецкий. — Что генерал Джунковский изъявил согласие и что кандидатура Малиновского пройдет.

Председатель. — Т.-е. «успех обеспечен» в том смысле, что кандидатура Малиновского пройдет. Разбор шифрованной телеграммы из Москвы к 290502. «Исполнено успешно. Подполковник Мартынов». 26 октября 1912 г.

Белецкий. — Первая телеграмма говорит, что выборы обеспечены, а вторая, что он представил все документы. Я думаю, что это после его поездки.

Иванов. — Известно ли вам, цензуровались или нет речи Малиновского в Государственной Думе?

Белецкий. — Я докладывал, что речь составлялась партией, и ему давалась. Мы просматривали ее, и, если она не отвечала нашему направлению, была агитационная и возбуждающая, мы обсуждали вопрос, можно ли ему выступать или нельзя. Партия может подтвердить, что были случаи, когда он отказывался.

Председатель. — Значит, речи, которые он произносил, проходили через цензуру?

Белецкий. — Бывало, что ему представляли запросы, и он должен был отвечать от себя, помимо указаний. Но, в большинстве случаев, содержание речей, в особенности по бюджету, было известно.

Председатель. — Было ваше распоряжение Малиновскому, чтобы разъединить единую фракцию с.-д.?

Белецкий. — Я сознаюсь, что вся задача моего руководительства заключалась в том, чтобы не дать возможности партии соединиться. Я действовал по принципу «divide et impera».

Щеголев. — Вы упоминали, что большевистское течение имело агентуру по Москве и по Петрограду.

Белецкий. — Агентура районная была особенно в Москве и Петрограде. В Петрограде были руководящие кружки. Партия с.-д. в мое время была очень хорошая, вот почему Малиновский был нам важен в смысле широкого, общего, руководительного освещения. Вообще же партия с.-д. освещалась агентами или розыскными органами департамента довольно широко. В партию с.-р. было труднее всего проникнуть; она имела меньше всего хороших сотрудников, так что освещалась слабо и заграницей, потому что там сидел филер департамента и Бурцев, который разоблачал нас, бил нас нашим оружием очень часто; переводить заграницу кого-нибудь из местных деятелей было очень затруднительно; партия отличалась конспиративностью, тут меньше всего были в сношениях друг с другом; партийная переписка мало попадалась, партии же с.-д. и к.-д. много писали, и их переписка не ускользала от розыскных органов.

Щеголев. — Вам был известен состав Центрального Комитета партии с.-д.? Скажите, как вы поступали с теми членами Центрального Комитета, которые входили в круг наружного наблюдения? Вы давали приказ об их аресте?

Белецкий. — Члены Центрального Комитета, во время моего директорства, переизбирались в четвертую Государственную Думу. Туда вошли Петровский, Малиновский. Моя политика, по отношению к членам Государственной Думы, была — никого не трогать. Когда я стал товарищем министра, было дело Абрамсона и Водовозова. Они были арестованы помимо моего указания. Я сейчас же освободил их. Карабчевский тогда обращался ко мне с письмом.

Председатель. — Принцип разъединения и властвования был частью вашей общей политики в отношении с.-д.?

Белецкий. — Это была общая политика. Это было отражением правительственных начинаний борьбы в этой области; политика сводилась к тому, чтобы два течения не могли слиться и представить собою крупную силу, которую трудно было бы разбить. Кроме того, Малиновский для нас сыграл роль, потому что на

съезде, куда он был отправлен, намечались вопросы боевого характера. Как известно, партия с.-д. по большевистскому течению в некоторые моменты своей деятельности не отрицает возможности выступлений боевого свойства. Благодаря влиянию Малиновского, эти вопросы на съезде были решены отрицательно.

Председатель. — Вы приписываете большевистской фракции с.-д. террористический прием политической борьбы?

Белецкий. — Нет, не террористический прием; я говорю о борьбе на экономической почве, с администрацией.

Председатель. — Вы утверждаете, что партия имеет в своей программе террор?

Белецкий. — Я утверждаю, что такие указания были рассмотрены на съезде, и утвержденными являются акты о ликвидации счетов с мастерами и владельцами фабрик; например, в Николаеве, на судостроительном заводе. Когда я был товарищем министра, там была забастовка, там, между прочим, было убийство.

Председатель. — Но это не касается партийной программы.

Белецкий. — Это есть тактика.

Председатель. — Это не есть тактика. Скажите, Малиновский давно состоял агентом-сотрудником?

Белецкий. — Он состоял давно, насколько я припоминаю. Но он вначале сотрудничал в охранном отделении Москвы, в Петрограде он не работал.

Председатель. — Не помните, кем он был заагентурен, я употребляю ваше выражение.

Белецкий. — Не сумею вам этого сказать. Это может сказать Виссарионов. Малиновский был очень популярен в московском районе, в рабочей среде.

Председатель. — На заграничную командировку департамент полиции давал ему денег?

Белецкий. — Он получил полномочия фракционные. Он поехал через зеленую границу, т.-е. как эмигранты идут (это — их термин); через посредство своих сотрудников, по поручению стачечного комитета, разузнавать, как идет транспортировка литературы.

Председатель. — Вы снабдили его паспортом?

Белецкий. — Нет. Вообще я, последнее время, паспортов из департамента старался не выдавать.

Председатель. — Но все-таки выдавали?

Белецкий. — Выдавал чиновникам, когда они ехали заграницу; например, Виссарионову.

Председатель. — На имя вымышленного лица?

Белецкий. — Да. Виссарионову — на имя выбывшего лица. Потом такие паспорта я давал офицерам генерального штаба, главного морского штаба. Так, что у меня получали только чиновники и офицеры; другим лицам я паспортов не выдавал.

Председатель. — Ну, а секретным сотрудникам? Например, когда фон-Коттен послал двух агентов в связи с поездкой бывшего императора?

Белецкий. — Я думаю, он мог получить их свободно от градоначальника. Когда я был товарищем министра, Ржевский по поручению Хвостова заезжал — Кафафов это может подтвердить — и спросил меня, могу ли я выдать заграничный паспорт. Я ему по телефону сказал: «боже сохрани выдавать».

Председатель. — Подразумевался паспорт на имя вымышленного лица?

Белецкий. — Я вообще боялся выдавать. В розыскных отделениях из отчетов приходилось видеть получение подложных паспортов для конспирации. Затем начальники губернских жандармских управлений, пользуясь своим влиянием, обращались к губернаторам; так что это проходило вне департамента полиции, у нас этих сведений не было. Из доклада иногда узнаешь. Я хотел еще сказать, что я министру указал еще одного сотрудника.

Председатель. — Про кого вы говорите?

Белецкий. — Я лично видел этого сотрудника, его фамилии не знаю, кличка была «американец». Виссарионов хорошо знал его. Это относится к тому периоду, когда шла большая забастовка в черноморском торговом флоте, эта забастовка была постановлена советом рабочих центрального совета, и был командирован для ее поддержания свой делегат из заграницы. Вот этот делегат и был заагентурен на месте полковником Заварзиным, начальником губернского жандармского управления. Затем, он о нем сообщил, возникло судебное дело. Забастовка грозила России миллионными убытками, потому что совпала со временем экспорта нашего хлеба заграницу, и весь частный торговый флот прервал связь с Европой и Батумом. Вопрос дошел до председателя совета министров. В виду его серьезного значения, как передавал мне товарищ министра торговли и промышленности Барк, на квартире председателя совета министров состоялось совещание по этому поводу. Был вызван одесский градоначальник Сосновский; из данных, сообщенных министрами торговли и финансов, мы увидели, что забастовка принесла большой финансовый ущерб не только частной промышленности, но и государству, в смысле пошлин, в виду чего председателем совета министров было предложено обратить внимание на эту забастовку и, по возможности, во что бы то ни стало, ликвидировать. Такая крупная забастовка не могла ускользнуть от внимания департамента полиции; поэтому было предъявлено мною требование полковнику Заварзину держать департамент полиции в известности о всех перипетиях дела. Затем я предложил также прокурору палаты и судебному следователю, если будут сведения о недостаточной деятельности чинов корпуса жандармов, послать в помощь соответствующих чинов департамента полиции, т.-е.

чиновников особых поручений для производства дознания. Из Румынии был вызван наш жандармский офицер Кречунеско для того, чтобы сообщить, какие там были сведения. Полковнику Заварзину удалось делегата, который все время скрывался, заагентурить. Дальше он не знал, что с ним делать, и этот делегат был вызван в Петроград; я и Виссарионов видели его два раза. Он представил свои полномочия и сказал, что ему не только принадлежит право открывать забастовку, но что он уполномочен на право закрытия ее в любой момент, когда признает нужным. Доложил, как обстоит дело в настоящее время. Сказал, что рабочие дошли до момента, когда психологически у них является порыв так сказать приступить к работе, а средства на местах исчерпаны. Говорил, что забастовка имела большое значение для владельцев, которые достаточно увеличили, согласно требованиям, заработную плату; что в этот момент он считает возможным сказать даже в партии, что забастовка проведена с успехом. Вот почему я с ним сговорился и просил на месте дать соответственные директивы. Он отправился на место, дал директивы и, возвращаясь заграницу, был здесь, в Петрограде, с докладом. Это — молодой человек в студенческой форме, но студентом он не был. Американцем его называли потому, что он совершал поездки с частным торговым флотом в Америку.

Председатель. — Вспомните, в общих чертах, содержание этого документа (предъявляется циркуляр № 112144, от 3 октября 1912 г., совершенно секретный, личный, за подписью Белецкого). Здесь имеется ссылка на министра внутренних дел и шефа жандармов, которым был тогда А. А. Макаров. Это сделано по его распоряжению. Я предъявил циркуляр за № 113144 «о необходимости усиления внутренней агентуры как общегородской, так, в особенности, между войсковыми частями, среди воспитанников высших учебных заведений, среди крестьян — для подавления зарождающихся крестьянских братств, среди железнодорожных служащих».

Белецкий. — Это в Воронежской губернии были братства.

Председатель. — Исторической части циркуляра я не докладываю, а в заключительной части директор департамента полиции, ссылаясь на приказание господина министра внутренних дел, шефа жандармов, в развитие циркуляров с 1908 г. и по 1912 г., обращается с настоятельною просьбою к начальникам жандармских управлений, охранных отделений, «безотлагательно принять самые энергичные и действительные меры к приобретению агентуры, способной всесторонне осветить переживаемые явления в оппозиционной и революционной среде, обратив особое внимание на освещение преступных партийных начинаний среди воспитанников высших учебных заведений, крестьянских обществ, железнодорожных слу-

жащих, войсковых и морских частей. К изложенному считаю долгом присовокупить, что при ревизиях будет обращено исключительное внимание на выполнение приведенного моего предложения, и наличность или отсутствие агентурного освещения послужат основанием для докладов господину министру внутренних дел о поощрении служебной деятельности достойных чинов или о возможности дальнейшего оставления в занимаемых ими должностях не отвечающих своему назначению должностных чинов». Судя по объему тех групп, общественных и народных, на которые предполагалось воздействовать путем усиления агентуры, приходится считать, что вы не только не стремились сократить или уничтожить секретную агентуру, но стремились ее развить.

Белецкий. — Докладывая вам о постановке военной и морской агентуры, я рассказывал историю этого вопроса; все эти вопросы меня мучили. Это было в 1912 году, т.-е. когда это лишь началось у меня. Самое завершение и издание этих циркуляров об уничтожении войсковой агентуры, за подписью Джунковского и моею, последовало или в январе 1914 г. или в декабре 1913 года. Как я вам докладывал, я много сделал по этому вопросу. Входил в сношения с командным составом, узнавал их мнения. Если вы возьмете деятельность департамента полиции с 1907 года до Протопопова включительно, вы найдете за каждым директором обилие такого рода циркуляров; найдете у Брюна, найдете также у Климовича. Он бывает только перефразирован, причем пишется дополнительно ко всем. В последнем случае, не будут писать для военной среды, потому что при мне циркуляр отменяется; не пишется о средне-учебных заведениях, потому что в ту пору циркуляр отменен; а в высших учебных заведениях как была агентура, так и осталась.

Председатель. — Вы указывали, что вас мучила и беспокоила, по крайней мере, одна часть, — т.-е. агентура среди войсковых частей. Каким образом, в результате вашего беспокойства и даже мучений, мог возникнуть циркуляр, требующий усиления агентуры, между прочим, в сухопутных и морских частях?

Белецкий. — Я вам докладывал, что циркуляр последовал лишь в январе 1914 года или в конце 1913 года. Этот циркуляр относится к 1912 году, т.-е. к тому моменту, когда мысль об отрицательной стороне только выливалась.

Председатель. — Значит, ваше беспокойство и ваше мучение начались потом. Я хочу сказать, что лица, которые издают 3 октября 1912 года этот циркуляр, совершенно уверены в системе секретного сотрудничества, положительно к ней относятся и желают ее развить. Они грозят своим подчиненным увольнением; они обещают награду только, или, главным образом, в том случае, когда подчиненные разовьют эту самую агентуру.

Белецкий. — Да, безусловно, но затем начинают являться теневые стороны, которые заставляют вдумываться и доводят до созыва съезда.

Председатель. — Значит, вы намечаете перелом где-то после съезда?

Белецкий. — После съезда.

Председатель. — Перелом произошел не только у вас, но и в деятельности департамента полиции?

Белецкий. — Если считать департаментом полиции двух моих ближайших помощников.

Председатель. — В каком же циркуляре выразилось ваше стремление ослабить или устранить секретную агентуру в войсковых частях? Было ли у вас стремление ослабить секретную агентуру в других частях или такого стремления у вас не было?

Белецкий. — Я вам говорил, какие циркуляры были изданы, чтобы не было действий провокационного характера.

Председатель. — Оглашается для сведения Комиссии циркуляр более поздний, когда С. П. Белецкий уже ушел, от 22 октября 1915 года, в подтверждение того обстоятельства, что в рассматриваемый сейчас период деятельности департамента полиции не ослабилось, а увеличилось стремление пользоваться секретной агентурой, за подписью директора департамента Моллова. «Циркулярно. Товарищ министра сенатор Белецкий обратил внимание на недостаточно полное в донесениях освещение как местной революционной деятельности, так равно и всех сторон общественной и политической жизни (точка). Посему и в виду напряженного настроения страны и пробуждающейся работы революционных организаций его превосходительство предлагает немедленно озаботиться приобретением хороших партийных сотрудников и соответствующих заслуживающих доверия осведомителей, дабы впредь донесения отличались исчерпывающей полнотою (точка). До сведения довожу о предстоящих ближайшем времени приказанию товарища министра объездах высших чинов департамента целью осведомления местах деятельностью розыскных учреждений и органов». Значит, вы продолжали стоять на точке зрения полной необходимости этой агентуры.

Белецкий. — Я этого не отрицаю. Я считал, как и другие лица, подлежащие вашему расследованию, что другого способа нет; мы другого способа не видели.

Председатель. — Как только вы вступили в должность товарища министра, меньше чем через месяц, этот усиливающий циркуляр был издан.

Белецкий. — Не только этот циркуляр, я написал письмо (не лично я написал, наверху было написано): просили личным сообщением поставить их в курс всех вопросов, которые давали возможность знать и общественные и революционные организации.

*

Председатель. — Действительно, за пять дней до оглашенного мною циркуляра, 17 октября 1915 года, имеется за подписью Курочкина 6 делопроизводства департамента полиции шифрованный по военным обстоятельствам циркуляр начальникам губернских жандармских управлений, начальникам охранных отделений, г.г. офицерам, ведающим розыском. Подписано, за управляющего министерством внутренних дел сенатор Белецкий. По уполномочию директор Моллов. № 976. «Личному исполнению. Поручаю вам немедленно получении сей телеграммы составить полный доклад настоящем положении дел вашем районе (точка). Этом докладе должно быть представлено непреувеличенном освещении (двоеточие): (первое) крестьянский и рабочий вопросы (тире) — отношение рабочих и крестьян войне, не замечается ли настроении поворота к миру, нынешний взгляд крестьян земельный вопрос вообще и связи ликвидациею принадлежащих немцам имений, отношение лицам немецкого происхождения, военно-обязанным военно-пленным и принудительным работам последних, к работам Государственной Думы последнего времени, к религии, не замечается ли усиление рационалистического сектантства: штунды, баптизма и адвентизма, отношение частым воинским призывам к местным властям, также местной и высшей правительственной власти, частности мнения крестьян и рабочих о заботах правительства обеспечении увечных семей призванных, правительственных мерах против дороговизны, развивается ли движение пользу кооперативов, потребительных обществ, (второе) общее настроение земцев, частности, низших земских служащих, также врачебного фельдшерского земского персонала, (третье) настроение педагогического персонала, также учащихся, особенности духовных учебных заведениях, (четвертое) влияние на общество различных союзов просветительных и профессиональных обществ, отношение населения таковым, (пятое) влияние на местное общество и значение прессы вообще, усилилась ли месте оппозиционная печать новыми органами, заметно ли возрождение или попытки постановке рабочих газет, нет ли подпольной прессы, (шестое) замечалась ли тенденция городского самоуправления выступать политическими резолюциями, какими и когда, отношение населения к проявляемым правительством заботам и принятым связи этим мероприятиям беженцах мер обеспечения населения жизненными продуктами, (седьмое) общее отношение общества к евреям в связи расширением черты оседлости, сказалось ли и какую сторону влияние прибывших евреев местную жизнь и пробудилось ли их появлением оживление левых элементов общества и подпольная работа, (восьмое) полное освещение местной деятельности всех революционных партий, частности, не замечается ли агитационная работа их среди железнодорожных, трамвайных служащих, почтово-телеграфных рабочих, особенно предприятиях, приспособленных удовлетворению воен-

ных нужд, (девятое) роль промышленных комитетов деле увеличения боевых рессурсов для надобностей обороны, интенсивна ли их деятельность, если нет, в силу каких причин и нет ли агитационных мотивов в заминках при исполнении заказов, (десятое) роль союзных организаций сфере расширяющейся деятельности их связи обстоятельствами военных действий, наконец, нет ли отражения в местной жизни московской резолюции по поводу ухода Самарина, чем оно выразилось конкретно, захвачено ли этим и насколько дворянство (точка). В конце отчета дайте общий вывод (точка). Доклад ваш изложенным пунктам, равно другими данными имеющимися вас, препроводите срочным заказным пакетом, адресуя лично мне. В виду повышенного в связи войной общественного настроения, имеете мне дополнительно затем представлять эти сведения возможно чаще, но не менее раз месяц, кроме выдающихся событий, о коих доносите, не ожидая общей сводки». Таким образом, департамент полиции стремится объять все решительно группы русского общества и народа.

Белецкий. — Позвольте доложить, что этот циркуляр последовал по поручению А. Н. Хвостова. Я был товарищем министра и просил этим циркуляром, чтобы сообщалось лично мне. Все эти сообщения никакого дальнейшего движения, кроме общего доклада министру, не получали. За этот период была такая частая смена министров, что А. Н. Хвостов, например, не успел получить из департамента справку об общественной и политической жизни России.

Председатель. — Позвольте спросить еще про один способ осведомления в ваше время, до и после вас: про широкое применение системы перлюстрации писем. На это тратились деньги из сумм трех с половиной миллионного фонда. На каком законе зиждилась эта перлюстрация, по какому праву департамент полиции залезал в личную переписку всех граждан русской земли?

Белецкий. — Не будем говорить о последнем времени, потому что, как вы сами знаете, последовал специальный закон о перлюстрации писем в виду военного времени, по которому переписка каждого из нас подвергалась просмотру специальных чинов. По агентурному докладу Плеве, последовало высочайшее повеление покойного императора Александра III, там имелось в виду освещать не только группы, интересовавшие департамент полиции, а даже придворные отношения.

Председатель. — Вы не поняли моего вопроса. Я могу вам сказать больше, что соответственные указания о перлюстрации писем были не только у Александра III, а и у Александра II и Николая I. Первая Екатерина II интересовалась частной перепиской и издала указ о перлюстрации. Все это имеет уже историческое значение. Меня интересует вопрос — на каком за-

коне основывались перлюстрации после того, как были изданы основные законы 1906 года?

Белецкий. — Надо сказать, что это был акт, так сказать, секретного происхождения. Он был незаконным, но давал возможность широкого ознакомления. Доносилось, главным образом, в управление по делам печати, в так называемую иностранную цензуру. Это была область министра внутренних дел, и даже председатель совета министров мог знать постольку, поскольку находился в хороших отношениях с министром; министр внутренних дел мог не дать копии тех писем, которые могли быть интересны председателю совета министров. В департамент же полиции представлялись только те письма, которые имели отношение к партийной среде.

Председатель. — Вы, как юрист, знаете, что скрытность действия не исключает его преступности, напротив, даже предполагает; целый ряд преступлений совершается секретно. Так что, из того, что министерство внутренних дел делало это потихоньку, не следует, что это не преступно.

Белецкий. — Я говорю о том, что это покоилось на высочайшем повелении Александра III, которое я передал моему заместителю. Так, например, при Маклакове я лично имел свою перлюстрацию. Мардариев передавал мне только письма партии с.-д., кадетские и т. д. Маклаков имел общественную, при нем этим ведал Джунковский. Коковцов — тоже.

Председатель. — Вам известно, что Протопопов и его предшественники докладывали содержание частных писем представителю высшей власти в стране?

Белецкий. — Я не сумею доложить. А. А. Макаров, я думаю, не докладывал, по свойству своего характера; это человек, который не позволит вмешиваться партийно, чтобы письма того или другого министра были освещены. Он не позволит себе говорить против кого-нибудь дурное. Он всегда в этом отношении был воздержан и скромен. Что касается Н. А. Маклакова, не смею сказать. Я не так близко с ним знаком. При А. Н. Хвостове, это не докладывалось государю; одна только переписка была ему доложена, переписка, касающаяся иркутского архиепископа. Она была перехвачена военной цензурой в Иркутске и в виду того, что там имелся специальный шифр, она была прислана к нам; в департаменте полиции был такой расшифровщик Зыбин. Это был специалист в этом деле, я думаю, очень редкий, он мог расшифровать всякий шифр. И в данном случае ему удалось найти в священной библии соответственное место. Это была любовная переписка между архиепископом и игуменьей одного монастыря; в одном месте он выражал свое отрицательное отношение к некоторым пунктам программной деятельности царствования последнего времени.

Председатель. — Т.-е. о Распутине?

Белецкий. — Нет, нет, об этом говорил обер-прокурор. Докладывалось, но переписка не представлялась. Переписка, которая присылалась военной цензурой, расшифровывалась и представлялась А. Н. Хвостову.

Председатель. — Почему делу перлюстрации придавался в вашей среде такой секретный характер, что вы передавали своему преемнику?

Белецкий. — В высочайшем повелении Александра III указывалось пожелание государя, чтобы освещались даже лица, близко к нему стоящие, кружки, которые он посещал; например, кружок кн. Мещерского; чтобы он мог знать, среди каких лиц вращается. Он желал как бы провести черту тех или иных льстивых отношений; поэтому такие широкие директивы и давались. Акт хранился у директоров, я получил от Зуева, оставил Маклакову — в шкафу и в копии.

Председатель. — Так что при вас все министры знакомились с перлюстрацией?

Белецкий. — Я знаю, что посылалось Коковцову, потому что он интересовался избирательной кампанией. Затем, при А. Н. Хвостове, Горемыкину посылалось все, что могло его интересовать, например, копии некоторых писем членов Государственной Думы, принадлежащих к партии к.-д.; Штюрмер, будучи председателем совета министров, не имея еще портфеля министра внутренних дел, потребовал от Хвостова, чтобы вся перлюстрация шла первоначально к нему, так что порядок был изменен. За последующих министров я не сумею сказать.

Председатель. — Неужели все письма перлюстрировались?

Белецкий. — Нет, только лиц определенных; если шла чья-нибудь переписка с революционной организацией, которая останавливала на себе внимание, то список этих лиц передавался тайному советнику Мардарьеву. Зная, что письма таких-то лиц интересуют департамент полиции, он делал внизу, на копиях писем, отметки, что это относится к переписке между Х. и У. Затем министры перлюстрировали письма, когда их интересовали отношения лично к ним тех или других сочленов по кабинету. Они тоже давали указания, что их интересует, и им представлялись копии таких писем.

Председатель. — Сколько же, таким образом, набиралось тайн у тайного советника Мардарьева?

Белецкий. — Я обыкновенно получал от Хвостова пакеты. Министру посылалось средним числом в день от двадцати до двадцати пяти писем.

Председатель. — Письма задерживались или снимались копии или фотографии?

Белецкий. — С некоторых снимались фотографии, а обычно — перепечатывались на машинке и представлялись в копии. Я беру среднее число, но иногда бывало больше сорока.

Председатель. — Вы знаете, сколько лиц состояло под наблюдением?

Белецкий. — Каждый министр наслаивал. Когда Мардарьеву было уже невмоготу, он представлял список тех, кто может не интересовать. Но это относилось к общественной агентуре.

Ольденбург. — Это относилось к письмам государя или нет?

Белецкий. — Нет, я глубоко убежден в том, что перлюстрация писем государя не производилась. Я позволяю себе говорить за свое время и за время тех трех министров (Маклакова, Хвостова и Макарова), при которых я состоял. Я передавал Мардарьеву, чтобы письма великокняжеские и государя не подвергались перлюстрации.

Председатель. — Почему нужно было передавать такое распоряжение Мардарьеву?

Белецкий. — Потому что при нем возникло одно дело: Марией Фёдоровной было послано письмо в Тобольск.

Председатель. — К Распутину?

Белецкий. — Письмо к месту своего назначения не дошло; против меня вел кампанию Мещерский, и Макаров получил приказание уволить меня с пенсией в отставку за то, что я чересчур усилил наблюдение за Распутиным; государыня прислала ко мне Спиридовича с просьбой отдать это письмо, если я его взял. Я даже командировал своего офицера из департамента полиции, чтобы он поехал на место. Я вызвал Мардарьева, доложил министру, министр докладывал государю, ручаясь за то, что этого не могло быть; но, думаю, подозрение все-таки осталось, потому что Мария Федоровна жаловалась, будто на одном письме нашла оттиск пальца. Но это иногда бывает на почте, когда почтальон ставит штемпель. Вот что дало повод думать, что кто-нибудь перлюстрирует. Она думала, что печать снимали, и оттиск, таким образом, остался, сказала об этом государю, который передал Маклакову. Тогда Мардарьев клятвенно мне божился, что им эти письма никогда не вскрываются.

Ольденбург. — Можно найти циркуляр о том, чтобы эти письма не перлюстрировать?

Белецкий. — Такого циркуляра не было, потому что я лично передавал распоряжение Мардарьеву, указывая на два случая. О перлюстрации даже не писалось. Когда нужно было передать распоряжение, вызывался Мардарьев, которому говорилось лично. Если интересовала переписка партийных лиц, туда посылался чиновник, и фамилии передавались из рук в руки, чтобы не было лишней переписки.

Председатель. — От кого вы могли скрывать переписку с Мардарьевым? Ведь Мардарьев сам письма вскрывал. Это выходит — самому от себя таиться.

Белецкий. —Кроме особого отдела, было еще четыре отдела, это целое министерство. То, что было в особом отделе, не должны были знать остальные. Это было секретно для чиновников, чтобы не было разговоров. Все, что шло от Мардарьева, шло в трех пакетах, потому что вскрывает секретарь: чтобы он, вскрывши пакет, по ошибке, не натолкнулся на переписку, на которой написано: «лично».

Щеголев. — Не можете ли сказать, как была организована секретная агентура при Государственной Думе?

Белецкий. — Я в деталях не могу вам сказать. Там агентура была двойная. Во-первых, агентура смотрителя павильона для председателя совета министров. Находясь в непосредственных сношениях с членами Государственной Думы, смотритель павильона имел дело по впускным билетам. Он входил в некоторое знакомство, более тесное и близкое; путем своего длительного нахождения на службе в Думе он сделался как бы своим человеком, так что некоторые вещи от него не скрывались. Он человек неглупый, воспитанный Крыжановским, им же поставленный, посылавшийся специально для этого заграницу. Полковник Бертгольд имел агентуру в ложе журналистов. Бертгольд, по свойству своего образования, не мог во многом разобраться. Здесь ему много помогал Александровский, который фактически как бы ушел из Думы, — его взял к себе Гурлянд, но я думаю, что он остался в прежней роли. Сведения получались из департамента полиции по мере требований Берттольда. В мою пору ежемесячно давалось три с половиной тысячи.

Щеголев. — А дальнейшей организации вы не знаете?

Белецкий. — Насколько припоминаю из доклада Бертольда, я могу сказать, что — из среды журналистов. То же самое, путем знакомства с членами Государственной Думы; потому что многие, выходя из фракции, могут сказать.

Щеголев. — Он называл фамилии некоторых журналистов?

Белецкий. — Я боюсь вам это сказать. Я с полной откровенностью говорю все, что могу, нисколько себя не оправдывая.

Председатель. — Комиссия это видит.

Белецкий. — Потому что за два месяца содержания здесь я много перестрадал, много пережил. Я помню, что мне Бертольд представлял как-то схему организации. Не сумею вам сказать, отдал ли я ее в департамент или она осталась у меня дома. У меня сегодня было свидание с женой. Если вы мне позволите и комендант разрешит дать письмо жене, я попрошу ее порыться у меня в кабинете.

Председатель. — У вас дома был обыск или нет?

Белецкий. — Не знаю. Министр говорил, что он этого не сделает. Я согласен все передать. У меня маленькие дети, старуха мать, которая больна сердцем.

Щеголев. — Скажите, с составом заграничной агентуры вы не были знакомы?

Белецкий. — По именам назвать не могу. Но, смею вас уверить, что я не отрицаю своего знания в министерстве. Я служил двадцать лет, имею широкие знакомства; смею вас уверить, мелькают имена — товарищ такой-то. Когда государь ездил на французские маневры, я посылал Виссарионова, чтобы сговориться с представителями полиции дружественных держав для принятия мер охраны, которая всецело зависела от добрососедских отношений между мною и шефом французской полиции, — он к нам приезжал. Виссарионов специально был командирован мною, чтобы видеть Красильникова. Красильников представлял собою тип прокутившегося барича. Это офицер, широко поживший, настолько широко, что исполнительных листов не хватило бы, если бы у него имелись капиталы для оплаты долгов. Курлов, его однокашник по полку, устроил его заграницу. Не будучи знаком ни с розыскным делом, ни с органами министерства, он был поставлен как бы представителем департамента полиции заграницей, причем полномочия были довольно широкие: он должен был сноситься с полицией Франции, Англии, Германии, Италии, Швейцарии; ему помогало то, что он был человек образованный, в летах, много пожил, великолепно говорил на многих иностранных языках и, с точки зрения представительства, удовлетворял своему назначению. Ему были приданы два офицера, которые, чтобы не быть разоблаченными Бурцевым, были законспирированы, жили французскими гражданами с семьями и были известны только Красильникову, шефу полиции Эбергарду и фон-Мек. Лица проверялись, они были обнаружены Бурцевым и тогда их заменяли другими. Из докладов Виссарионова я знаю, что в партии с.-р., по его впечатлению, была не особенно сильная агентура. Вначале я доложил, что проникнуть в эту партию было трудно, но агентура была. Была квартира, оплачиваемая из сумм департамента полиции, одной русской дамы, очень образованной, уже немолодой; она была близка с семьей Натансона, была изолирована. У нее вся эмигрантская колония бывала; этим путем она имела возможность сообщать Красильникову все сведения, идущие от Натансона. Одно время Бурцев на нее натолкнулся, и положение ее пошатнулось; на время пришлось прекратить с ней всякие свидания. Затем в Италии была небольшая агентура, стоящая около Савинкова. Савинков ушел, потому что в последнее время на него было подозрение в смысле денежном. Когда я стал товарищем министра, я счел долгом позаботиться, чтобы Бурцеву дали

шире права; я считал, что процесс Бурцева в ту пору был сделан несправедливо.

Щеголев. — По поводу этой дамы, может быть вы вспомните ее кличку?

Белецкий. — Вам это Виссарионов может сказать; она немолодая женщина; к ней в 1913 году наезжал отсюда доктор Рамм, а в последнее время, Каган, бывший доброволец, с большой бородой. Он был знаком с Натансоном. От нее шли сведения о том, что теперешний министр юстиции был членом Центрального Комитета партии с.-р.; вот почему за ним имелось наблюдение, что ставилось мне в большую вину.

Щеголев. — Это, очевидно, та самая дама, которой платили от двух с половиной до трех с половиной тысяч франков?

Белецкий. — Да, ей большие суммы уплачивались. Потом Красильников много денег тратил на наружное наблюдение. Но Бурцев скрывал следов больше, чем Красильников употреблял усилий для обнаружения действий Бурцева.

Щеголев. — Когда началась война, Красильников был обращен на военную агентуру?

Белецкий. — Я в тот период был товарищем министра. Граф Игнатьев, поехав туда (я графа знаю), обратился ко мне, прося дать ему возможность использовать наличные силы в наших органах. Я дал ему письмо на имя Красильникова, прося Красильникова ввести его в курс с нашими филерами. Меня интересовало узнать от Красильникова внутреннее положение Германии и Австрии. Это был предсмертный период Франца Иосифа, когда начались первые голодные бунты в Берлине. Так как у наших наблюдательных агентов своя связь, я думаю, он оставил там кого-нибудь. Я запросил об этом, чтобы сделать доклад государю императору и совету министров; он прислал даже газеты и сообщил сведения, из которых было видно довольно обстоятельно, как толпа народа шла к кайзеру, ко дворцу. Говорил о настроении разных слоев Австрии, об упадке воинственного духа, о положении наших пленных. Затем, он осветил своей агентурой лагери наших военнопленных в Германии и то тяжелое положение, в котором они находились, ту пропаганду социалистическую, украинофильскую, которая велась со стороны германцев в этих лагерях. Меня интересовало это, потому что сведения совпали. Трепов был председателем совета министров. Меня интересовал вопрос, какие меры принимаются в Германии для урегулирования транспорта предметов первой необходимости. Мне было сообщено, что Геофельд учредил специальные недели, когда прекращалось пассажирское движение и шло только движение продовольственное. 25 декабря 1915 года, товарищем министра, я был на совещании у Трепова и там докладывал об этом донесении Красиль-

никова; оттуда была взята нами схема прекращения пассажирского движения.

Щеголев. — Вам не приходилось узнавать что-нибудь о деятельности сотрудника Шарль?

Белецкий. — Не могу сказать, но это — провокатор. Этого человека мы разоблачили. Дошли сведения, что он знаком с нашей революционной эмигрантской колонией и указывал на места, где можно найти склады бомб. В общем, Красильников не был специалистом в этом деле, имея личное соприкосновение с Шарлем, он легко попался на его удочку; он имел с ним несколько свиданий, что стоило ему много денег. Эти сведения в департамент полиции поступали по всем вопросам, даже по вопросам военной техники, боевой техники; когда все это к нам сошлось, мы поручили передать его в руки агентурного офицера, и Шарль был разоблачен.

Председатель. — Вы не знаете, кто этот человек?

Белецкий. — Переписка есть в департаменте полиции. Был задержан один француз, на него пало подозрение, что он продавал сведения Австрии. Наши сведения совпали. Затем я его видал в декабре 1916 года; в форме; видимо, он был возвращен.

Щеголев. — Вы можете сказать об авиационной агентуре, о сотрудниках заграничных, которые занимались авиацией? Может быть, у вас остался в памяти циркуляр департамента полиции?

Белецкий. — В первое время, когда я еще был директором департамента полиции, перед выездом государя в Москву, было донесено заграничной агентурой, что предполагается или пустить навстречу царскому поезду особый поезд, на паровозе которого были бы взрывчатые вещества, или путем авиационным сбросить бомбу. Была послана телеграмма следить за авиационными аппаратами, которые привозятся в Россию, и вообще иметь наблюдение за теми, кто вносится в списки авиаторов.

Щеголев. — Я хотел обратить ваше внимание на то, что для слежки за авиаторами пришлось завести сотрудников среди них. Департамент полиции выдал даже взнос в школу авиации за поломку аппарата — 500 р. Затем командировал сотрудника в Париж учиться при авиационной школе.

Белецкий. — Это находится в связи с доносом, если не ошибаюсь, того же Шарова, что хотят путем авиационным бросить бомбу в государя; но, когда разоблачили этого Шарова, все пропало. Полковник Коттен поставил еще какого-то студента; полковник Коттен говорил, что его фамилия — Петров. Я хотел доложить, что, когда я был товарищем министра, мне пришлось натолкнуться на то, что постановка военного контр-шпионажа у нас была ниже всякой критики. Ни в одном из иностранных государств он не был так плохо поставлен, как в России.

У нас не было торгово-промышленного шпионажа. Дело было еще молодое, началось только в 1913 году, когда при главном штабе образовалось отделение контр-шпионажа. Офицеры корпуса жандармов, которые были командированы штабом в распоряжение каждой армии, были изолированы в силу особой высочайше утвержденной инструкции от наблюдения департамента и от наблюдения штаба. Таким образом, они могли представлять офицерам генерального штаба сведения вне контроля. Затем поездки государя в действующую армию; они все это просматривали в тех или других целях; поездки эти были обставлены так легко, что о них было известно в Германии; там знали маршрут царских поездов. Так, например, в ноябре, когда государь ехал с наследником на фронт, агентура западного фронта сообщила, что на участке за Бахмачом должна быть брошена бомба с немецкого аэроплана. Поезд шел со станции Сарны. Немецкий аэроплан шел навстречу. У них в распоряжении имелись сведения о маршрутах царских поездов даже по часам, что я впоследствии проверил. Я поставил в известность генерала Воейкова, чтобы эти поезда лучше скрывались от них. Получив сведения определенные, я прекратил телефонные сношения и дал срочную телеграмму Воейкову, чтобы он боялся этого пролета. Произошла случайность: у наследника случилось кровоизлияние из носу, и поезд, повернув назад, срочно отправился в Царское. Но в тот самый час, на этом пролете, с высоко стоявшего немецкого аэроплана, была действительно брошена бомба в вспомогательный поезд, который идет впереди царского. Она не попала, поезд проскочил. Я по этому случаю составил записку и передал в ставку генералу Алексееву. Лично я передал записку о контр-шпионаже.

XXXVII.

ДОПРОС И. Л. ГОРЕМЫКИНА

15 мая 1917 года.

Содержание: Рескрипт 24 июля 1914 г. о передаче совету министров некоторых прав верховной власти. Порядок роспуска законодательных учреждений и перерыва занятий Государственной Думы. Мероприятия в порядке 87-й статьи основных законов и отношение к Государственной Думе. Издание актов в порядке верховного управления. Назначения. Распространение деятельности военной цензуры на дела внутреннего управления. Стремление к восстановлению предварительной цензуры. Отношение к закону.

Председатель. — Благоволите занять место, Иван Логгинович. Вы в заседании Чрезвычайной Следственной Комиссии, которая нашла нужным потребовать от вас объяснения по некоторым пунктам, выяснившимся в течение работ Комиссии. В особенности, это нужно было сделать в виду подачи вами заявления о необходимости для вас отлучиться из Петрограда. Мы здесь не следователи и допрашиваем вас не в качестве свидетеля и не в качестве обвиняемого. Нам законом предоставлено право истребовать объяснения от бывших высших должностных лиц государства. В последний раз вы занимали пост председателя совета министров с 30 января 1914 года по 20 января 1916 года?

Горемыкин. — Да, совершенно верно.

Председатель. — Значит, вы были председателем совета министров в момент начала военных действий против Российского государства?

Горемыкин. — Да.

Председатель. — К вам был обращен рескрипт бывшего императора от 24 июля 1914 года, подписанный в Петергофе?

Горемыкин. — Это что за рескрипт?

Председатель. — Рескрипт о передаче совету министров права разрешать некоторые дела на время отсутствия бывшего императора из Петрограда. Вы помните этот рескрипт?

Горемыкин. — Я помню, слабо уже теперь помню. Но дело только в том, что этот рескрипт никогда не приводился в исполнение, потому что бывший государь никогда не был в отлучке так долго.

Председатель. — Пожалуйста, когда вы устанете, вы тотчас же мне заявите, чтобы можно было прервать наше заседание.

Горемыкин. — Хорошо.

Председатель. — Скажите, каково происхождение этого рескрипта. Вероятно, он был издан по инициативе председателя совета министров?

Горемыкин. — Нет.

Председатель. — Пожалуйста, изложите в нескольких словах те обстоятельства, которые предшествовали получению вами этого рескрипта.

Горемыкин. — Я не знаю, что вам угодно, чтобы я вам объяснил. Что, собственно говоря, вам нужно?

Председатель. — Был ли у вас какой-нибудь доклад бывшему императору в связи с появлением этого рескрипта или же он был для вас полной неожиданностью?

Горемыкин. — Совершенно неожиданно было для меня появление этого рескрипта. И потом этот рескрипт никогда не приводился в исполнение, как я вам доложил.

Председатель. — Значит, ему не предшествовал никакой доклад ваш, как председателя совета министров?

Горемыкин. — Никакой.

Председатель. — Останавливали вы ваше внимание на существе этого рескрипта; на том, что делегировалось главою верховной власти учреждению, хотя и высоко стоящему в иерархии, но все же не могущему принять на себя даже часть прав верховной власти?

Горемыкин. — Я повторяю, что этот рескрипт никогда не был приведен в исполнение.

Председатель. — Однако, вы предприняли некоторые исполнительные действия в связи с получением этого рескрипта?

Горемыкин. — Т.-е. какие?

Председатель. — Вы разослали его в копиях всем министрам.

Горемыкин. — Может быть; я должен был это сделать по своей обязанности, для того, чтобы всем сообщить.

Председатель. — Но ведь обязанность председателя совета министров не является обязанностью механической, даже по отношению к таким актам. Председателю совета министров принадлежит право, а, может быть, вменяется в обязанность, заботиться о том, чтобы акты верховной власти были правомерны.

Горемыкин. — Может быть.

Председатель. — Нет, это даже наверное.

Горемыкин. — Это я понимаю.

Председатель. — Сделали вы какое-нибудь представление бывшему императору о некоторых сомнениях, которые возбуждает этот рескрипт с точки зрения его правомерности?

Горемыкин. — Это я не помню совершенно, делал ли я какое-нибудь представление или нет. Этого я не могу сказать, решительно не могу.

Председатель. — Может быть вы можете указать нам лицо, которое стояло в курсе дела и, по обязанности своего положения к вам, могло бы объяснить нам это обстоятельство?

Горемыкин. — Я не знаю, какое лицо я мог бы вам назвать. Могу только указать на бывшего производителя дел, И. Н. Лодыженского.

Председатель. — Позвольте перейти к следующему вопросу. Какой порядок испрошения высочайших повелений на роспуск и перерыв занятий законодательных учреждений был установлен в то время, когда вы были председателем совета министров?

Горемыкин. — В этом отношении я получал прямые указания от государя императора; бывшего государя императора.

Председатель. — Вероятно, по вашему докладу?

Горемыкин. — Т.-е., как вам сказать? Это довольно трудно сказать в настоящее время, потому что все эти разговоры были очень длинные.

Председатель. — Они были очень длинные, но нас интересует их содержание. В каждом данном случае вы, вероятно, излагали свои соображения?

Горемыкин. — Я излагал свои соображения. Свое мнение излагал. А затем в настоящее время, я не помню ничего.

Председатель. — Но, вероятно, в вашей памяти удержался следующий яркий факт: с некоторого времени начинается испрошение у носителя верховной власти бланковых разрешений на роспуск или на перерыв заседаний законодательных учреждений?

Горемыкин. — Это зависело только от отъездов государя. Он иногда писал бланковые утверждения перед отъездом своим в ставку.

Председатель. — По делу, видите ли, устанавливается, что в то время, как народ, вследствие опубликования высочайшего повеления, полагал, что государственные установления распускаются главою верховной власти, глава верховной власти, в ряде случаев, не имел никакого отношения к роспуску государственных установлений, а соответственные действия предпринимались председателем совета министров, в силу бланковой подписи бывшего главы верховной власти; т.-е. бывший государь подписывал листы белой бумаги с некоторым текстом о роспуске?

Горемыкин. — Нет, нет.

Председатель. — И туда вписывали, когда нужно собрать и распустить Государственную Думу.

Горемыкин. — Нет, это относительно числа только может быть разница. Бывший государь никогда не писал чисел; только относительно числа тут может быть речь.

Председатель. — Нет, не относительно числа; не испрашивали ли вы у бывшего носителя верховной власти разрешения на роспуск Думы в тот момент, когда вы это найдете нужным?

Горемыкин. — Нет, нет. Такого разрешения никогда не давалось.

Председатель. — Такого испрошения с вашей стороны, по вашим словам, не было?

Горемыкин. — Нет, нет. Число только.

Председатель. — Господин секретарь. Из дела канцелярии совета министров по делам Государственной Думы оглашается документ от января 1915 года, касающийся Государственной Думы. (Читает.) «Долгом поставляю всеподданнейше представить к подписанию вашего императорского величества проекты двух указов правительствующему сенату о перерыве занятий государственного совета (вставлено) «до 15 ноября сего года» и Государственной Думы (вставлено) «до 1 ноября сего года», испрашивая полномочия вашего величества проставить в указанных начальные сроки сих перерывов впоследствии, по соглашению с председателями государственного совета и Государственной Думы». Из содержания этой бумаги видно, что дело происходило не так, как вы изволили сейчас сказать; просто, вы поставили потом число, решив с бывшим императором, что определение дня роспуска или перерыва заседаний Государственной Думы принадлежало не носителю верховной власти; вы испрашивали соизволения принять на себя разрешение вопроса. Это приобретает тем большее значение, что в борьбе Думы с правительством, которая происходила и в ваше время и в которой решающим фактором, по смыслу основных законов, должен был являться глава верховной власти,—решающей являлась одна из борющихся сторон, т.-е. председатель совета министров.

Горемыкин. — Нет, это не совсем так. Потрудитесь еще раз прочитать.

Председатель — (повторяет прочитанное).

Горемыкин. — Вот, соглашенье с председателями государственного совета и Государственной Думы было главным решающим фактором. А затем (вздыхает) — извините, пожалуйста, я так, немножко тяжело вздохнул, мне тяжело говорить, я припоминаю, что принципиально решалось это бывшим государем, т.-е. тою властью, которая тогда существовала. А затем, все это как бы об одном — о числе, о числе.

Председатель. — Видите ли, когда Государственная Дума находится в борьбе с правительством, тогда, во-первых, соглашение с председателем ее является пустым звуком: Дума ведь не желает расходиться; во-вторых, выбор числа не является выбором просто

цифровым, канцелярским, а является выбором момента; Дума живет и борется с правительством, надо пресечь эту борьбу; выбор момента для пресечения предоставляет себе председатель совета министров.

Горемыкин. — Нет, это не так; всегда вопрос решался только на основании совещания с бывшим царем, нужно или не нужно закрыть Думу. А затем, мне только предоставлялось право проставлять числа, больше ничего.

Председатель. — Т.-е. выбрать момент?

Горемыкин. — Выбрать момент.

Председатель. — Значит, вы признали, что простановка числа, без указания этого числа со стороны бывшего государя, есть выбор момента?

Горемыкин. — Я не знаю, — выбрать момент, может быть, это имело место когда-нибудь; но в этом отношении я не могу дать никаких объяснений, кроме того, что число не было поставлено. А затем вопрос о роспуске или о нероспуске разрешался повелением бывшего государя.

Председатель. — О роспуске вообще или о роспуске в данный момент?

Горемыкин. — В известный момент.

Председатель. — Как же это вяжется с тем, что вам было предоставлено право проставлять число, т.-е. выбирать момент? Если вам было предоставлено право, путем росчерка пера, выбрать момент, то, значит, момент выбирал не государь по соглашению с вами, а вы?

Горемыкин. — Может быть, момент, но это сводится только к тому же числу, потому что самый вопрос о роспуске Думы был уже разрешен раньше.

Председатель. — Видите ли, в жизни конституционного государства, которое обладает законодательным народным представительством, имеет громадное значение один, два или несколько дней. Тут не должно быть принципиального рассуждения, что Думу хорошо распустить, тут должен быть, в каждом данном случае, конкретный вопрос: необходимо распустить Думу в такой-то момент.

Горемыкин. — Конкретный вопрос: распустить Думу в такой-то срок. А потом, это самое число предоставлено усмотрению председателя совета министров.

Председатель. — По этому вопросу, очевидно, будет невозможно... Скажите, пожалуйста, в бытность вашу председателем совета министров были случаи, когда с момента передачи вам бланка, подписанного бывшим императором, до фактического перерыва занятий законодательных учреждений проходил довольно большой промежуток времени?

Горемыкин. — Я уже не помню этого, но, очень может быть, и проходило некоторое время.

Председатель. — Не было у вас такого бланка за подписью бывшего императора тогда, когда вы передавали должность председателя совета министров вашему преемнику Штюрмеру? Бланка, который давал бы право вписать число роспуска будущей Думы?

Горемыкин. — Нет, нет.

Председатель. — Во всяком случае, вам в этом деле предоставлялось усмотрение, хотя бы в пределах нескольких дней. Как же вы относились к тому, что перерыв деятельности законодательных учреждений наступал не по воле представителя верховной власти, а по воле председателя совета министров? Когда страна читала указ о роспуске Думы за подписью государя императора Николая II и думала, что так решил глава верховной власти, в сущности, за этим скрывалось решение председателя совета министров.

Горемыкин. — Этого не было никогда; никогда этого не было и не могло быть.

Председатель. — Нет, это было всегда, раз число проставляли вы.

Горемыкин. — Число как же государь может проставить? Понятное дело, это невозможно.

Председатель. — В жизни нормального государства, если у главы верховной власти есть такое большое право пресекать законодательную деятельность представителей народа, который имеет право истребовать запросы у власти о закономерности ее действий, то глава верховной власти не только может, но и обязан сделать такую простую вещь, т.-е. вписать число и тем пресечь работу народных представителей.

Горемыкин. — Этого никогда не было. Число всегда писал я.

Председатель. — Важно, что вы писали при том условии, что и выбор дня был предоставлен вам. Господин секретарь, из того же дела оглашается датированный 17 января 1916 года документ. (Читает.) «Долгом поставляю всеподданнейше представить к высочайшему вашего императорского величества подписанию проект указа правительствующему сенату о возобновлении занятий государственного совета и Государственной Думы 5 февраля 1916 года, а равно проекты двух указов о перерыве занятий совета и Думы, испрашивая полномочия вашего величества проставить в двух последних указах начальные сроки сих перерывов впоследствии, в зависимости от обстоятельств. Подписал председатель совета министров И. Горемыкин». Имею честь доложить Комиссии, что здесь пропущены даже те слова, которые были написаны в январе предшествующего года, — о соглашении с председателями законодательных учреждений. Позвольте присовокупить справку, что документ датирован 17 января 1916 года, что, в момент составления этого документа, он, повидимому, не был доложен, и Дума, как это видно из его содержания, не была еще созвана, ибо она была созвана 9 февраля 1916 года. Вы видите из содержания этой

бумаги, что председатель совета министров испрашивал соизволения высочайшей власти на созыв Государственной Думы и государственного совета и еще до созыва законодательных учреждений испрашивал для себя in blanco право распустить Думу впоследствии, в зависимости от обстоятельств.

Горемыкин. — Это не получило одобрения государя.

Председатель. — Да, потому что произошла смена министров и через три дня на ваше место был поставлен Штюрмер; в связи с этим, Дума была собрана только 9 февраля 1916 года. Нас интересует точка зрения председателя совета министров; вы, вероятно, делали это с согласия совета министров?

Горемыкин. — С согласия совета.

Председатель. — Следовательно, такая точка зрения, в бытность вашу председателем совета министров, вошла в правило; одновременно испрашивались указ на созыв Думы и смертный приговор для сессии, когда она еще не успела наработать себе смертного приговора; при этом, вопреки тому, что вы изволили сказать несколькими минутами раньше, в безусловное ваше распоряжение предоставлялась не только пометка на бумаге, когда умереть этой Думе, но и выбор момента для перерыва работ еще не начавшей работать Думы. Считали ли вы закономерным такой порядок?

Горемыкин. — Я затрудняюсь ответить на все эти вопросы, потому что я решительно теперь ничего не могу соображать и не могу припомнить.

Председатель. — Но если вы не помните отдельного конкретного случая, то ведь общий порядок не может не оставаться в вашей памяти?

Горемыкин. — Общий порядок был такой, что докладывалось бывшему государю, и затем выбирался момент.

Председатель. — Вами выбирался момент. Таким образом испрашивалось у бывшего императора принципиальное разрешение на то, чтобы Дума, еще не созванная, поскорее умерла.

Горемыкин. — Я не знаю, что это был за случай, был ли он представлен даже, был ли он подписан.

Председатель. — Вы возбуждаете вопрос, было ли это подписано. Может быть, вы позволите предъявить вам это: здесь есть подпись председателя совета министров И. Горемыкина.

Горемыкин. — Может быть, что это и было, но это не получило никакого утверждения.

Председатель. — Это совершенно правильно. Но тут важен заведенный вами порядок и ваше отношение к работе законодательных учреждений, которое ярко выражено в этой краткой бумаге.

Горемыкин. — Может быть, оно ярко выражено, но я вам только повторяю, что все эти вопросы о созыве и роспуске Госу-

дарственной Думы были разрешаемы не иначе, как всеподданнейшим докладом.

Председатель. — Да, но в той форме, что председатель совета министров во всеподданнейшем докладе испрашивает себе разрешения распустить Думу, когда он найдет нужным.

Горемыкин. — Нет не тогда, когда найдет нужным.

Председатель. — Тут сказано: разрешить распустить Государственную Думу в зависимости от обстоятельств.

Горемыкин. — Да, но этот доклад не был утвержден.

Председатель. — Оглашается из того же дела документ от 17 июля 1915 года. (Читает.) «Долгом поставляю всеподданнейше представить к высочайшему вашего императорского величества подписанию проекты двух указов правительствующему сенату о перерыве занятий государственного совета и Государственной Думы на срок не позднее ноября 1915 года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств, испрашивая полномочия вашего величества поставить в указах начальные сроки сих перерывов впоследствии, по соглашению с председателями государственного совета и Государственной Думы. Подписал председатель совета министров И. Горемыкин». Я могу вам дать справку, что Дума, согласно указа, распубликованного в собрании узаконений за № 1545, за 1915 год, начала свои занятия 19 июля. Таким образом, за два дня до начала работы Думы, вы, как председатель совета министров, еще не ознакомившись с течением работ Думы, уже предусматриваете ее кончину и испрашиваете себе разрешение прервать течение работ законодательных установлений; разрешите указать вам, что к этому докладу не может относиться ваше указание на то, что это не было приведено в исполнение, потому что здесь имеется пометка бывшего главы верховной власти, т.-е., как это называется, «знак рассмотрения».

Горемыкин. — Так что же из этого?

Председатель. — Это 17 июля; и только 19 июля, в соответствии с той справкой, которую я доложил, председатель совета министров сообщает, уже имея у себя in blanco, указ о роспуске, что Дума начала свои занятия.

Горемыкин. — Это было до отъезда в ставку.

Председатель. — Но вы были соединены прямым проводом с государем?

Горемыкин. — Нет.

Председатель. — Во всяком случае, вам известно, что прямые провода имелись в распоряжении военного министра и других военных учреждений; в каждый момент, при помощи телефонных переговоров или тысячи иных способов, вы могли с ними снестись.

Горемыкин. — Да, но дело в том, что все это только предположения, которые с действительностью не сходятся, потому что государь делал свои распоряжения вперед.

Председатель. — Государь был, по существовавшим законам, безответственным; он мог делать свои распоряжения вперед и как угодно; но ответственен был председатель совета министров, который не мог принимать к исполнению незаконные распоряжения.

Горемыкин.—Эта точка зрения, которую я нисколько не могу оспаривать, потому что я не могу же оспаривать эту точку зрения.

Председатель. — Ну да, она совершенно правильна.

Горемыкин. — Это, как вам сказать, правильна ли она . . .

Председатель. — Она законна.

Горемыкин. — Может быть, это закон такой, но только закон . . . Очень тяжело . . .

Председатель. — Может быть вам дать воды или сделать перерыв?

Горемыкин. — Нет, нет, пожалуйста, извините . . . У меня был удар, поэтому мне трудно говорить.

Председатель. — Притом у вас очень почтенный возраст; естественно, что вам трудно говорить.

Горемыкин. — Трудно именно говорить. Видите, в этом отношении мы всегда сговаривались раньше. А затем, вы изволите говорить, что были отношения у военного министерства; может быть, они были, я не знаю, но дело в том, что мы никогда не прибегали к такому способу.

Председатель. — Да, вы сговаривались раньше, но о чем же вы могли сговариваться, как не о том, что лучше, чтобы Дума поменьше работала, поменьше жила; в такой общей форме; между тем, закон требовал от вас иного.

Горемыкин. — Я вас понимаю, но дело в том, что я не знаю; может быть, это правда; но я ничего не могу сказать в настоящее время.

Председатель. — Вы в состоянии ответить еще на несколько вопросов?

Горемыкин. — Пожалуйста. Я должен вам сказать, что мне сегодня страшных усилий стоило приехать сюда и, может быть, лучше было бы, если бы вы отпустили меня сегодня совсем; поэтому я вас попрошу предъявить мне все вопросы, какие есть.

Председатель. — Если это не стоит вам чрезвычайных усилий; в противном случае, мы можем прервать ваш допрос хотя бы до завтра.

Горемыкин. — Мне это все равно. Это одно и то же.

Председатель. — Внимание Комиссии остановило чрезвычайное развитие за последние годы мероприятий, издаваемых в порядке 87 статьи основных государственных законов. Не можете ли вы сказать нам, каково было принципиальное отношение ваше и совета министров к 87 статье, какие пределы пользования этой статьей считали вы законными и какие незаконными?

Горемыкин. — Я не совсем понимаю этот вопрос. Дело в том, что 87 статья применялась тогда, когда не было законодательных учреждений.

Председатель. — Да, да. Чтобы пояснить мой вопрос, позвольте обратить ваше внимание на то, что издание мероприятий по 87 статье основных законов обусловлено рядом обстоятельств, которые содержатся в этой статье.

Горемыкин. — Скажите, пожалуйста, а в мое время, какие были распоряжения по этой статье?

Председатель. — В ваше время было очень много таких распоряжений; именно: всего за время вашего председательствования издано 384 мероприятия в порядке статьи 87. Среди них есть очень серьезные, с точки зрения интересов граждан: например, проведение налогов по 87 статье. Как вы, с точки зрения законности, относились к этого рода мероприятиям?

Горемыкин. — Я не знаю. Ведь это было по представлению совета министра финансов.

Председатель. — Это было по представлению министра финансов, но ведь вы были председателем совета министров, так что это представление проходило через вас; вы действовали не механически, вы были не только передаточным пунктом; и вы принимали на себя ответственность перед законом и страной, контрассигнуя высочайшее повеление, последовавшее на представление министра финансов. Следовательно, эти представления были и вашими представлениями.

Горемыкин. — Может быть.

Председатель. — Вернемся к вопросу: какие же мероприятия вы находили подходящими под 87 статью с точки зрения закона?

Горемыкин. — Я не совсем понимаю этот вопрос. Что я должен вам объяснить, я не совсем понимаю.

Председатель. — В ваше время очень мало созывали законодательные учреждения; между тем, вы очень много законодательствовали, что не предоставлено вам законом по 87 статье. Ваши преемники, с вашей легкой руки, законодательствовали еще больше и, с точки зрения Комиссии, злоупотребляли статьей 87.

Горемыкин. — Пожалуйста, покажите мне эту статью.

Председатель. — Я могу вам прочитать.

Горемыкин. — Пожалуйста.

Председатель (читает): — «Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, совет министров представляет о ней государю императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в основные государственные законы, ни в учреждения государственного совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в совет или Думу. Действие такой меры

прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект, или его не примут Государственная Дума или государственный совет».

Горемыкин. — Буквально так и понималось советом министров.

Председатель. — Так и понималось. Вы находили возможным вносить всевозможные мероприятия по 87 статье?

Горемыкин. — Я лично не помню, какие были мероприятия по 87 статье.

Председатель. — Вот, например, проведение налогов.

Горемыкин. — Так это по представлению министра финансов.

Председатель. — Но ведь вы были председателем совета министров и контрассигновывали соответственное высочайшее повеление.

Горемыкин. — Что же из этого? Через два месяца это вносилось в Думу, и Дума могла отменить.

Председатель. — Возьмем конкретный вопрос: о повышении ставок некоторых существовавших обложений и о введении новых налогов. В 1914 году вы распустили Думу 26 июля; 2 сентября, под вашим председательством, составлен особый журнал совета министров, который получил высочайшее утверждение 4 октября и распубликован 12 ноября 1914 года. Естественно, в начале войны сразу возник вопрос о новых налогах; почему же вы не внесли соответственный законопроект в ту Думу, которую так быстро распустили?

Горемыкин. — Я не могу вам на это ответить, это министр финансов. От него зависело внести в Думу или не вносить в Думу.

Председатель. — Но не от вас ли зависело сделать так, чтобы министр финансов поступал по закону, на основании статьи 71 основных законов (читает): — «Российские подданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно постановлениям закона». Отчего министр финансов не вносит этого законопроекта в Думу июльскую или в следующую январскую Думу? Отчего, наконец, не созвать для такого важного акта, как учреждение новых налогов, специальной сессии Государственной Думы?

Горемыкин. — Я не знаю, требуется ли это по закону во время роспуска палат.

Председатель. — Прежде всего, находите ли вы, что статья 87 дает вам право учреждать новые налоги?

Горемыкин. — Новые налоги, конечно, дает право.

Председатель. — Как же, в таком случае, быть с законом, который говорит, что новые налоги могут быть введены только

в порядке закона? Те мероприятия, которые вы могли проводить в порядке 87 статьи — не законы, ибо законом считается только то, что утверждено законодательными учреждениями или верховной властью.

Горемыкин.—Ведь это подлежит рассмотрению Государственной Думы.

Председатель. — Почему же вы не внесли на рассмотрение законодательных учреждений?

Горемыкин. — Это я вам не могу сказать; потому что это зависело от разных обстоятельств.

Председатель. — Таким образом, вы считали законным, несмотря на существование 71 статьи, введение новых налогов в порядке 87 статьи, без утверждения Думы?

Горемыкин. — Конечно, я считал.

Председатель. — Прошу вас ответить на следующий вопрос: 19 июля 1915 года начала функционировать Государственная Дума. Между тем, 19 июня 1915 года, т.-е. за месяц до созыва Думы, составляется журнал совета министров, который вам докладывается, и 4 июля, т.-е. за 15 дней до созыва Думы, утверждается бывшим главой верховной власти; и за 5 дней до созыва Государственной Думы публикуется мероприятие по 87 статье: все налоги, введенные также по 87 статье, имеют силу до 1 января 1918 года. Какие же чрезвычайные обстоятельства заставляли вас издать закон о предоставлении взимания пошлин и налогов на два с половиной года вперед, за несколько дней до созыва Государственной Думы, которую вы потом, через месяц, и распустили?

Горемыкин. — Я не в состоянии вам дать этих объяснений, потому что, как же я могу помнить теперь, какие были чрезвычайные обстоятельства?

Председатель. — Тут не нужно помнить, тут нужно дать общий ответ. Я перед вами ставлю два факта: статья 87 — чрезвычайная статья; вы, как председатель совета министров, контрассигнуете важное мероприятие, касающееся налогов, которые возлагают на граждан тяжелое бремя; контрассигнуете на два с половиной года, как раз накануне созыва законодательных учреждений, которым, в силу 71 статьи основных законов, надлежит этим ведать.

Горемыкин. — Я не могу вам объяснить все эти числа, но объясню это просто канцелярщиной, нашей обыкновенной канцелярской работой.

Председатель. — Какая тут канцелярщина, тут дело гораздо глубже. Совет министров, зная, что Дума будет собрана через месяц, решается на такую важную вещь, спешит издать такое мероприятие, между тем как закон дает ему право только на издание мероприятий, в обстоятельствах чрезвычайной спешности;

потом, собравшаяся Дума распускается, чтобы она не выразила протеста.

Горемыкин. — Я не могу вам ответить по всем этим обстоятельствам, потому что память мне теперь не служит. Таким образом, я не могу ничего сказать.

Председатель. — Я должен обратить ваше внимание на то, что, точно так же в порядке 87 статьи, издается закон, очень важный для рабочего класса: о допущении некоторых отступлений от правил в работе женщин, подростков и малолетних и о продолжительности и распределении рабочего времени. Точно так же издается закон 3 марта 1915 года о допущении лиц женского пола и недостигающих 15-летнего возраста малолетних к ночным и подземным работам на каменноугольных копях Европейской России.

Горемыкин. — Это по представлению министра торговли. Плохо шло дело очень на этих копях.

Председатель. — Итак, вы припоминаете это обстоятельство?

Горемыкин. — Я случайно припоминаю, потому что вы говорите.

Председатель. — А почему, в порядке 87 статьи 31 октября 1914 года вам понадобилось ходатайствовать об отпуске средств из казны на выдачу вознаграждения за особые труды чинам центрального управления министерства народного просвещения? Какие чрезвычайные обстоятельства диктовали вам брать эти средства, вопреки Думе?

Горемыкин. — Я решительно не помню этого обстоятельства.

Председатель. — Вы помните, кто тогда был министром народного просвещения?

Горемыкин. — Я не помню.

Председатель. — Так что вы не можете дать нам общий очерк вашего отношения к 87 статье?

Горемыкин. — Нет, не могу дать в настоящее время.

Председатель. — Прекращать занятия Государственной Думы и после законодательствовать, — это ведь незаконное действие со стороны вашей и совета министров?

Горемыкин. — Это было бы совершенно неправильное действие, если бы такое действие было: но дело в том, что все меры принимались по 87 статье вследствие отсутствия законодательных учреждений.

Председатель. — Но их отсутствие зависело от вас. Это вы именно их распускали и потом законодательствовали по 87 статье.

Горемыкин. — Нет, мне кажется, это не совсем так. Это совершенно случайная мера; потом это все в Думу вносилось.

Председатель. — Да, но кратковременность жизни Думы опять таки зависела от вас; она не могла в эти немногие дни своей работы в 1914 и 1915 годы переработать хотя бы ваши триста восемьдесят четыре мероприятия, по 87 статье проведенные.

Горемыкин. — Может быть, не все они требовали такого серьезного рассмотрения. Я думаю, что много было и пустяков.

Председатель. — Во время вашего председательствования с начала войны Дума функционировала в 1914 году один день (26 июня), в 1915 году — два дня (27 — 29 января) и сорок четыре дня (19 июля — 3 сентября). Чем объясняется, что Дума работала так мало? Вызывался ли роспуск желанием самой Думы или это было желанием правительства?

Горемыкин.—Нет, тут правительство, повидимому, не играло никакой роли.

Председатель. — Но в руках правительства было такое могущественное средство, как высочайшее повеление in blanco о роспуске.

Горемыкин. — Я понимаю; вы изволите говорить, что Дума мало собиралась. Может быть, может быть это и было.

Председатель. — Кому же принадлежала инициатива роспуска? Или сама Дума говорила: распустите нас, мы кончили свою работу?

Горемыкин. — Дума говорила во многих случаях, что кончили; а перед июлем 1914 года Дума собиралась ведь на долгое время.

Председатель. — Нас интересует время с начала войны.

Горемыкин. — Так ведь она собиралась довольно долго; когда была объявлена война, тогда ведь Дума собиралась: это знаменитое заседание было.

Председатель. — Из самой цифры мероприятий, проведенных вами в порядке 87 статьи, видно, что была громадная потребность в законодательстве. Отчего же вы не заставляли Думу работать все время, — пускай она это все сделает?

Горемыкин. — Было много распоряжений таких, которые Дума не сделала бы и не хотела делать.

Председатель. — Значит, было много таких мероприятий, которые вы принимали потому, что их все равно не приняла бы Дума.

Горемыкин. — Нет, не потому что не приняла бы Дума, а потому, что Дума отнеслась бы совершенно безразлично к этому. Я не помню, впрочем, этих мероприятий.

Председатель. — Ко времени пребывания вашего в должности председателя совета министров относятся вот эти три тома чрезвычайных распоряжений в порядке 87 статьи. Таким образом, за полтора года вашего председательствования государство фактически перешло к строю, существовавшему до 1906 года, т.-е. законодательные учреждения были упразднены, и вы законодательствовали путем высочайших повелений.

Горемыкин. — Ведь война же была тогда.

Председатель. — Почему же во время войны вы не собирали Думу? Нужно было напряжение всех народных сил.

Горемыкин. — Я затрудняюсь в настоящее время дать вам ответ на этот вопрос; но дело в том, что во время войны все эти мероприятия неизбежны.

Председатель. — Почему же они не шли в законном порядке? Почему вы не созвали для этого Думу?

Горемыкин. — Я не знаю.

Председатель. — Не нужно ли искать ответа на этот вопрос в том, что вы как будто начали объяснять, что Дума не приняла бы значительного количества этих мероприятий, по крайней мере в том виде, как они издавались?

Горемыкин. — Они издавались по мере надобности, по докладам членов совета министров.

Председатель. — Вы не отвечаете все-таки на вопрос: почему все то важное, что содержится в этих трех томах и что тяжелым бременем ложилось на народ, не было внесено в Государственную Думу в законном порядке?

Горемыкин. — Потому что многие из этих распоряжений требовали скорого времени; ведь механизм Думы очень длительный.

Председатель. — Почему же вы не созывали ее скорее и не позволяли ей рассмотреть эти распоряжения?

Горемыкин. — Они все рассмотрены Думой. Дума сама уклонялась от рассмотрения этих законов.

Председатель. — В чем выразилось ее уклонение?

Горемыкин. — А просто в том, что она их не рассматривала.

Председатель. — Как же можно успеть рассмотреть все эти законопроекты, раз вы прерываете работу Думы на второй день, на сорок четвертый день?

Горемыкин. — Сорок четвертый день — достаточный срок для того, чтобы рассмотреть все эти законоположения. Может быть, достаточный срок.

Председатель. — Скажите, все ли эти мероприятия были внесены вами в Государственную Думу? По закону, вы должны вносить в пределах двухмесячного срока; между тем, Дума ни разу не собиралась на такой срок.

Горемыкин. — Может быть.

Ольденбург. — Есть некоторое противоречие в ваших словах. Вы говорите с одной стороны, что не вносили потому, что механизм Думы так тяжел, что нельзя скоро провести, с другой стороны, оказывается, что сорока четырех дней, по вашему мнению, довольно, чтобы провести такую массу законопроектов.

Горемыкин. — Я этого вовсе не говорю. Ведь в то время было внесено только известное количество законопроектов; те, которым срок еще не истек.

Ольденбург. — Вам ведь известно из законодательной практики, что законодательные палаты могут очень быстро,

в несколько дней, срочные законопроекты проводить? Вам не может быть неизвестно также, что законодательные палаты держались другого взгляда, чем правительство: они настаивали на том, чтобы Дума собиралась. Председатель, собственно, желал бы знать ваше мнение по этому вопросу, потому что тот аргумент, что это будто нельзя было по времени, не убедителен, по крайней мере для членов законодательных палат.

Горемыкин. — Я не могу теперь дать прямого ответа на этот вопрос, потому что я в настоящее время массу вещей перезабыл и не владею уже достаточно памятью для того, чтобы вам все это объяснить.

Председатель. — Этот вопрос мы будем считать исчерпанным. Чем вы руководствовались, когда приводили в действие своими докладами другую функцию верховной власти: функцию издавать акты в порядке верховного управления? Считали ли вы необходимым, чтобы этого рода акты были согласованы с законами?

Горемыкин. — Я все эти функции свожу к личному назначению.

Председатель. — Нет, этого мало. В порядке верховного управления вы привели в действие целый ряд мероприятий, направленных к ограничению свободы печати, к введению предварительной цензуры, к распространению военной цензуры за пределы ее полномочий в область внутренней жизни.

Горемыкин. — Этого не помню; с моей стороны не было никаких в этом отношении настояний. Я получил только от графа Фредерикса письмо, что государь недоволен назначением ко двору Саблина, и потому было сделано распоряжение, чтобы никаких известий и распоряжений не публиковать до тех пор, пока правительство не встанет на какую-нибудь точку зрения, кого назначить.

Председатель. — Только в одном этом случае вы вышли за пределы законных прав?

Горемыкин. — Я только сделал распоряжение, чтобы военная цензура не допускала этого. Но это никогда не было исполнено. А что касается назначений, то я могу сказать только одно: по моим представлениям состоялись только два назначения министров, — графа Игнатьева и Александра Алексеевича Хвостова. Все остальные против моего желания были назначены.

Председатель. — Что же это за порядок, когда министры назначаются против желания председателя совета министров?

Горемыкин. — Не знаю. Был назначен А. Н. Хвостов, несмотря на мои протесты. Шаховской кажется был назначен. Кто же еще был назначен? — Я уже не помню теперь.

Председатель. — Вы говорите, что Шаховской был назначен против вашего желания?

Горемыкин. — Нет, Шаховской не против. Шаховской был просто назначен высочайшим повелением. Меня даже не спрашивали в этом отношении.

Председатель. — Что же, представляли вы бывшему императору о невозможности и нежелательности такого порядка?

Горемыкин. — Представлял — не о порядке самом, а о той или другой личности.

Председатель. — Ну и что же?

Горемыкин. — Ничего.

Председатель. — Значит, вы указывали на невозможность назначения Хвостова по его личным свойствам?

Горемыкин. — По его личным свойствам.

Председатель. — Какие же личные свойства его служили в ваших глазах препятствием к занятию им поста министра внутренних дел?

Горемыкин. — Все его прошлое.

Председатель. — Что именно в его прошлом?

Горемыкин. — Я не помню теперь. Вы спросите его дядю, Александра Алексеевича Хвостова; я просил, чтобы выслушали мнение Александра Хвостова, который лучше его знал, чем я.

Председатель. — Что же, мнение дяди не было спрошено?

Горемыкин. — Было спрошено, сколько мне известно. Несмотря на это, Хвостов был назначен.

Председатель. — Может быть, дядя похвалил племянника?

Горемыкин. — Нет.

Руднев. — Скажите, пожалуйста, Маклаков при вас ушел с поста министра внутренних дел?

Горемыкин. — Да, да, при мне.

Руднев. — Он назначен тоже без вашего участия? Вы принимали меры, чтобы он ушел. Вы были довольны его деятельностью?

Горемыкин. — Я никакого неудовольствия против него не имел. Почему он ушел, я совершенно, решительно не знаю.

Руднев. — Князь Щербатов был назначен при вашем содействии? Вы делали указания на него?

Горемыкин. — Нет, я не указывал. Не помню теперь.

Руднев. — Не известна ли вам причина ухода Щербатова?

Горемыкин. — Нет, мне это неизвестно.

Руднев. — Вы говорили, что отрицательно относились к А. Н. Хвостову; а вы не имели желания провести на этот пост Стремоухова, когда ушел князь Щербатов.

Горемыкин. — Стремоухова? Я в первый раз слышу эту фамилию.

Руднев. — Не было ли при вас, когда вы были председателем совета министров, разговоров о мариавитской секте?

Горемыкин. — Не было разговоров.

Руднев. — Не было ли при вас разговора об учреждении ипотечных банков в Польше?

Горемыкин. — Я не помню теперь, может быть, и было.

Руднев. — Теперь скажите, вы знаете князя Андроникова?

Горемыкин. — Как же, знаю Андроникова — странный человек. Он ко мне приставал, он несколько раз бывал и никогда не являлся с пустыми руками, всегда с букетом роз или с конфектами, которых я не ем, потому что мне запрещены конфекты.

Руднев. — А с докладами для государя он не являлся к вам?

Горемыкин. — Нет, нет. Он меня раз просил доставить письмо великому князю Николаю Николаевичу, но я должен сказать, что я этого письма не доставил. Я передал его, сколько помню, князю Орлову.

Руднев. — Затем, он вам иконы преподносил?

Горемыкин. — Может быть.

Руднев. — Освященные в присутствии митрополита Флавиана и В. К. Саблера в Москве.

Горемыкин. — Понятия не имею.

Руднев. — А в юбилее вашем принимал какое-нибудь участие Андроников?

Горемыкин. — Как же. Юбилей мой справлялся 75 лет от рождения, в первый год моего назначения, в 1914 году. Он писал во многие места и, сколько я помню, принимал участие.

Руднев. — А не был ли он автором адреса, вам поднесенного?

Горемыкин. — Не знаю, может быть.

Руднев. — Не в то ли время составлена брошюра на правах рукописи «И. Л. Горемыкин»?

Горемыкин. — Может быть.

Руднев. — Вы знаете Анспах, преподавателя французского языка во многих учебных заведениях? Этот Анспах у вас не был с Андрониковым по поводу составления этой брошюрки?

Горемыкин. — В первый раз слышу. Может быть. Я решительно не помню. Анспах для меня новая фамилия.

Председатель. — Мы остановились на частном вопросе, в виду вашего указания на то, что деятельность ваша в порядке верховного управления проявлялась единственно в назначениях; не было ли мероприятий более общего характера, которые вы с бывшим императором проводили в порядке верховного управления?

Горемыкин. — Что такое?

Председатель. — Вопреки букве и смыслу изданного в порядке 87 статьи высочайшего повеления от 20 июля 1914 года о военной цензуре, вами была проведена мера, направленная к распространению деятельности военной цензуры на дела внутреннего управления.

Горемыкин. — Нет, этого никогда не было, я никакой цензурой не занимался.

Председатель. — Я напомню вам историю вашей деятельности в этом направлении. Не помните ли вашего письма военному министру Сухомлинову от 18 ноября 1914 года?

Горемыкин. — Пожалуйста, прочтите это письмо, так я не помню.

Председатель. — Письмо совершенно официальное. Оно довольно большое, но, в виду выраженного вами желания, я позволю себе его огласить. Письмо председателя совета министров И. Л. Горемыкина военному министру Сухомлинову от 18 ноября 1914 года, совершенно доверительно (читает): — «Высочайше утвержденным, 9 ноября 1914 года, особым журналом совета министров, перечень воспрещенных к оглашению в печати сведений, касающихся внешней безопасности России и ее военноморской и сухопутной обороны, дополнен особым пунктом нижеследующего содержания: «Сведения о предположениях, постановлениях и мероприятиях по совету министров, как связанных с чрезвычайными расходами на потребности военного времени, так равно вызываемых военными обстоятельствами». Целью приведенного постановления является недопущение в печати таких материалов и известий, несвоевременное оглашение которых не отвечает государственным интересам, либо может послужить на пользу нашим врагам. В соответствии с этим, в примечание к упомянутому перечню введено указание в том смысле, что от действия вновь устанавливаемого запрета изъемлются сведения, кои опубликованы или впредь будут опубликованы канцелярией совета министров или же будут разрешены ею к опубликованию. Изложенные постановления, в согласность с предоставленными правительственной власти, законом о государственной измене путем шпионства, полномочиями по изданию ограничительного перечня, распространяются лишь на данные, связанные с государственною обороною и внешнею безопасностью страны. Между тем, в печать теми или иными скрытыми путями нередко проникают сведения, хотя и не могущие быть подведенными под указанный общий признак, но появление коих на страницах газет и иных изданий представляется, особенно в нынешнее военное время, весьма нежелательным. К числу таковых сведений должны быть, прежде всего, отнесены сообщения о возникающих в среде совета министров разномыслиях по отдельным вопросам, дающие повод, сделавшись достоянием гласности, ко всевозможным неблагоприятным для совета в его целом и для отдельных его членов суждениям. Не подлежит сомнению, что в обстановке переживаемых событий, вызывающей напряжение всех правительственных сил, всемерное поддержание авторитета высшего органа государственного управления в лице совета министров составляет

повелительную потребность настоящей минуты. Равным образом, существенно важным представляется недопущение разглашения в печати о находящихся в производстве совета министров правительственных предположениях в области окраинных, инородческих, вероисповедных и других однородных вопросов. Пока таковые предположения не облеклись в законченную форму и ознакомление с ними общества не входит в виды правительства, — обнародование их или сообщение слухов о них может поставить совет министров в затруднительное положение и возбудить среди заинтересованных кругов населения либо несбыточные надежды, либо нежелательные, с политической точки зрения, разочарования, а в некоторых случаях — повлечь за собой обострение национальной розни и вражды. Само собою разумеется, что подобных явлений следует всячески избегать в современных условиях, когда в единении всех подданных России и сплочении их вокруг общего знамени кроется один из серьезнейших залогов доведения до конца успешной борьбы с нашим врагом. Нельзя, наконец, не отметить, что в интересах планомерного течения правительственной деятельности было бы необходимо ограждать от разглашения во всеобщее сведение печатью слухов о взаимоотношениях совета министров и законодательных установлений, а равно официально необоснованных сообщений о возможных перемещениях в составе членов совета министров с суждениями о вероятных кандидатах на якобы освобождающиеся министерские посты. Изъясненные соображения побуждают меня обратиться к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбою, не изволите ли вы признать возможным, в целях устранения вышеприведенных нежелательных явлений в деятельности печати в условиях военного времени, преподать обслуживающим военную цензуру специальным органам руководящие указания о недопущении появлениях в газетах и иных повременных изданиях сведений и сообщений в соответствии с приведенными в настоящем письме объяснениями. Обязываюсь присовокупить, что все те данные и материалы по совету министров, сохранение которых в тайне не вызывается безусловною необходимостью, будут обнародываться канцеляриею совета министров или непосредственно, или через осведомительное бюро при министерстве внутренних дел, или, наконец, через заслуживающих доверия сотрудников периодических изданий, которые будут снабжаться соответственными удостоверениями. Примите, милостивый государь, уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности. (Подписал) Горемыкин». Таким образом, в этом письме, пользуясь законом о военной цензуре, которая не допускает оглашения сведений, могущих повредить военным интересам государства, вы выразили пожелание, чтобы были запрещены к печатанию сведения о деятельности совета министров, слуг государства, по ряду вопросов,

касающихся существенных прав граждан; пожелание о том, чтобы не военные интересы государства, а интересы совета министров и отдельных его членов были охраняемы от возможных нареканий органами военной цензуры, которые призваны блюсти интересы государства.

Горемыкин. — Я понимаю; а что же вы хотите этим сказать?

Председатель. — Я хочу сказать, что это начало целого ряда мер, которые вы приняли для того, чтобы, вопреки статье 89 основных законов, стеснить печатное слово, вы завершили его двумя представлениями верховной власти, получили и исполнили два высочайших повеления, которые и были, вопреки закону, направлены к расширению круга сведений, подлежавших изъятию.

Горемыкин. — Вы ставите мне это в вину?

Председатель. — Нет, я спрашиваю у вас объяснений. Быть может, вы объясните нам это и вины вашей не окажется.

Горемыкин. — Я ничего не помню сейчас, ничего не могу вам сказать.

Председатель. — Вы не помните, что вы вели переписку по этому поводу с военным министром?

Горемыкин. — Это вы мне прочитали, и теперь я помню эту переписку с военным министром. Что же, все это сделать зависело от военного министра.

Председатель. — От него зависело, т.-е. он должен был этого не сделать, потому что ваше требование шло вразрез с существовавшим законом; он и указывал вам, что это ваше требование, клонившееся к введению предварительной цензуры незаконно.

Горемыкин. — Может быть это незаконно, но я не могу теперь сказать ничего решительно. Ничего не помню.

Председатель. — Вы помните, что обратились тогда с таким же требованием и к тогдашнему министру внутренних дел Маклакову?

Горемыкин. — О чем?

Председатель. — О том, чтобы чрезвычайная охрана следила за тем, чтобы не разглашались сведения о деятельности совета министров и отдельных его членов, чтобы народ ничего не знал о том, что делает его правительство по серьезнейшим и важнейшим вопросам государственной жизни.

Горемыкин. — Теперь решительно ничего не могу вам сказать, потому что я не помню уже этой переписки с Маклаковым. Какая там была переписка?

Председатель. — Я вам сейчас напомню переписку с Маклаковым, но предварительно должен вам сказать, что письма ваши к Маклакову и к Сухомлинову были направлены к тому, чтобы вы и группа министров удержались у власти, чтобы ваша деятельность была тайной и не подвергалась критике.

Горемыкин. — Может быть, но я в настоящее время ничего не помню. Ничего не могу привести. Могу только сказать, что это было в связи с требованием Фредерикса.

Председатель. — Это, в связи с Саблиным?

Горемыкин. — Да.

Председатель. — А почему Фредерикс так интересовался Саблиным?

Горемыкин. — Это мне неизвестно.

Председатель. — Вот это письмо к Маклакову подписано вами, значит, оно должно считаться исходящим от вас, и, значит, вы за него ответственны. Оно обличает в авторе человека, хорошо знающего все вопросы. Скажите, вы составляли это письмо или вы его только подписали?

Горемыкин. — Это канцелярия составляла.

Председатель. — Это не был Гурлянд?

Горемыкин. — При мне не было никакого Гурлянда.

Председатель. — Может быть, Лодыженский?

Горемыкин. — Не знаю, он был ответственен за канцелярию.

Председатель. — Позвольте огласить выдержки из вашего письма на имя Маклакова. Оно датировано 4 декабря 1914 года. Вы писали между прочим (читает): «с введением в действие... дополнительного пункта перечня воспрещенных к оглашению в печати сведений и с преподанием военным министром надлежащих распоряжений по военной цензуре, выполнение содержащихся в высочайшем рескрипте от 6 февраля 1912 года (ос. жур. сов. мин. от 4 ноября 1914 года) предуказаний и соблюдение связанных с деятельностью совета министров особых интересов переживаемого времени, должно почитаться обеспеченным в районе театра военных действий. Что же касается местностей, вне этого района расположенных, то в последних, не подчиненных действию военной цензуры в полном объеме, никаких предупредительных мер против разглашения печатью несоответственных данных не существует, и борьба с нежелательными выступлениями в периодической прессе достижима лишь в порядке последующей судебной кары, притом только в случаях нарушения военной тайны. Между тем, среди провинциальных повременных изданий имеется немало влиятельных органов, пользующихся сравнительно широким распространением и могущих поэтому, при отсутствии должного на них воздействия, приносить вред путем разглашения нежелательных в вышеизъясненном смысле сведений. При таких условиях, считаю долгом покорнейше просить ваше превосходительство не отказать почтить меня отзывом, какие именно мероприятия вы признавали бы соответственными принять к ограждению от появления в печати вне театра войны сообщений и заметок, касающихся доверительных сторон деятельности совета мини-

стров при нынешних исключительных обстоятельствах военного времени, и не представлялось бы возможным использовать в данном случае те особые полномочия, которыми пользуются местные власти в порядке положения о чрезвычайной охране. Обязываюсь присовокупить, что все те данные и материалы по совету министров, сохранение которых в тайне не вызывается безусловною необходимостью, будут обнародываться канцеляриею совета или непосредственно, или через осведомительное бюро при главном управлении по делам печати, или, наконец, через заслуживающих доверия сотрудников повременных изданий, обслуживающих печать лояльного направления. (Подписал) Горемыкин». Этой бумагой вы устанавливаете взгляд, что печать не должна освещать из действий совета министров ничего, кроме того, что пройдет через осведомительное бюро. А ведь вы имели в составе совета такого министра, как Сухомлинов; его деятельность, как вы, может быть, и сами признаете, в высшей степени нуждалась в освещении путем печати и в контроле народного представительства, всего народа.

Горемыкин. — Ведь это что же? Требуется его заключение, ничего больше.

Председатель. — Да, это только история ваших действий. Позвольте мне изложить ее продолжение: Маклаков объясняет вам, что критика действий совета министров не может быть воспрещена в том порядке, в каком бы вы хотели, т.-е. в порядке предупреждения нарушения государственной безопасности; ибо может быть (добавляю я от себя) в интересах общественного порядка и государственной безопасности, нужно критиковать деятельность министров; вы же продолжаете вашу работу. Позвольте попросить вас вспомнить: до сведения вашего несколько позже была доведена циркулярная секретная телеграмма начальника штаба верховного главнокомандующего от 31 июля 1916 года за № 2873.

Горемыкин. — Какая телеграмма? — Не помню.

Председатель. — В этой телеграмме верховный главнокомандующий стоит на точке зрения высочайшего повеления о военной цензуре и говорит, что военная цензура не должна вмешиваться во внешние дела государства; она должна ограждать военные интересы государства, а ограждать от нареканий совет министров и отдельных министров — не ее дело. Вы помните эту телеграмму, которая стала вам поперек дороги?

Горемыкин. — Не помню.

Председатель. — Тогда вы, может быть, помните то распоряжение, которое вы испрашивали в порядке верховного управления 14 сентября 1915 года? Это был момент, когда страна должна была напрячь все свои силы, момент отступления из Галиции и разгрома русской армии. В этот момент, вы испрашивали высо-

чайшее соизволение на то, чтобы в печать не проникали слухи, касающиеся предполагаемых его величеством назначений.

Горемыкин. — Это, вследствие письма Фредерикса.

Председатель. — Но разве вы не имели в виду, что вы нарушали основные законы?

Горемыкин. — Нет, не имел.

Председатель. — Вы вовлекали верховную власть в борьбу, например, с резолюцией московского съезда. Вы настояли на том, чтобы речи и резолюции московского съезда и статьи по поводу таковых не появлялись в газетах без предварительного просмотра; вы испросили для них, вопреки закону, предварительную цензуру. Между тем, как вы помните, резолюции московского съезда были направлены против вас и против совета министров; они требовали ответственности вашей и министров перед народным представительством.

Горемыкин. — Очень может быть, но только я ничего не помню.

Председатель. — Но вы не отрицаете, что это высочайшее соизволение было вами испрошено?

Горемыкин. — Как же я могу отрицать, когда вы его читаете?

Председатель. — Вы, ответственный, получили подпись безответственного по закону носителя верховной власти, действия которого совершенно противоречат закону. Получив высочайшее повеление, вы написали военному министру Поливанову два письма с требованием, чтобы это высочайшее повеление было приведено в действие.

Горемыкин. — Эти письма, какие они были, — теперь не помню.

Председатель. — Затем, 7 декабря 1915 года вы испросили новое высочайшее повеление, также в порядке верховного управления.

Горемыкин. — О чем?

Председатель. — О том, чтобы, вопреки закону, понятие военных интересов было распространено и на внутренние дела.

Горемыкин. — Я ничего не помню.

Председатель. — Но вы также не станете отрицать, что этот доклад бывшему императору, называемый докладом о постановке надзора за повременною печатью, был вами сделан?

Горемыкин. — Может быть, я не помню. Я не могу сейчас дать вам никаких объяснений, потому что ведь я действовал по распоряжению власти, которая меня поставила.

Председатель. — Да, но вы — юрист, и знаете, что вы должны исполнять только законные требования власти и отвечаете за незаконные.

Горемыкин. — Я совершенно понимаю; но дело в том, что закон и незакон трудно чрезвычайно различить.

Председатель. — Как же может действовать министр, который затрудняется различать законные действия от незаконных?

Горемыкин. — Это совсем дело другое, — как там действуют министры. Дело только в том, что по многим вопросам это может быть спорно: законное или незаконное это распоряжение.

Председатель. — Считаете ли вы спорным вопрос о том, что нельзя ввести предварительной цензуры без законодательных учреждений в государстве, где предварительная цензура по закону отменена?

Горемыкин. — Так нигде ее и не вводится; где же она вводится?

Председатель. — Мы только что говорили об этих мероприятиях.

Горемыкин. — Так что же я могу вам сказать?

Председатель. — Я хотел бы обратить ваше внимание на следующее: мы знаем, что в силу вашего возраста в вашей памяти могут не сохраниться отдельные конкретные факты; но дело идет о целой полосе вашей деятельности как председателя совета министров, а не о конкретных фактах.

Горемыкин. — Что же я могу сделать в этом отношении?

Председатель. — Объясните нам.

Горемыкин. — Я объясняю вам, что в этом отношении я подневольный человек.

Председатель. — Вы знаете великолепно, что вы не должны были испрашивать соизволения на незаконные распоряжения и что грань между законным и незаконным вы должны были проводить в своей деятельности.

Горемыкин. — Теперь я не в состоянии и это обсудить.

Председатель. — Не будем больше спрашивать. Мы обсудим ваши объяснения и через несколько дней дадим вам ответ на вашу просьбу о разрешении вам выезда.

XXXVIII.

ДОПРОС С. П. БЕЛЕЦКОГО

15 мая 1917 года.

Содержание: Военная агентура. Волнения в Туркестане, в Балтийском и Черноморском флотах. Регистрационный отдел. Боковое освещение. Циркуляр Климовича 20 мая 1916 года. Заграничная агентура. Книга по поводу 300-летия дома Романовых, изданная в Германии. «Масоны». Ревизионные поездки заграницу для проверки агентуры. Воздействие на иностранную прессу. Отношения с французской, английской, германской и итальянской полицией. Международная конвенция об анархистах. Балканская агентура. Секретные сотрудники, призывающие к террору и экспроприации. Сотрудники из лиц, совершивших государственные преступления или уклонившихся от воинской повинности. Тактика по отношению к деятельности умеренных и активных групп. Циркуляр Кафафова о евреях. Письменные показания Белецкого.

Белецкий. — Я не докончил еще вопросов о военной агентуре и о заграничной агентуре.

Председатель. — Выслушаем сначала о военной агентуре.

Белецкий. — В дело военной агентуры был внесен известный порядок. Как я вам уже доложил в прошлый раз, при мне было сношение с военными властями; после совещания с военным ведомством вербовка сотрудников среди нижних чинов происходила уже так: командир части был поставлен в известность о сотруднике тем розыскным офицером, который этого сотрудника вел; командир части знал, о чем докладывает сотрудник жандармскому офицеру. События в Туркестане, волнения в Балтийском и Черноморском флотах, с одной стороны, дали возможность министерству внутренних дел осветить отсутствие заботливости, надлежащих отношений, настроение воинских частей; с другой стороны, они показали, что сотрудники сгущают свои показания. Все это дало возможность настаивать в военном и морском министерствах, чтобы вопрос был урегулирован.

Председатель. — Что вы называете сгущенностью показаний сотрудников? Будем называть вещи своими именами.

Белецкий. — Т. - е. преувеличенность показаний и т. д., которые разъяснениями некоторым образом не подтверждались; так, например, при расследовании: сведения, которые были у меня в распоряжении, были доставлены соответствующему министру. Я и полковник Еремин принимали участие в работах комиссий, которые по каждому ведомству возникали. По туркестанским событиям было поручено министром Сухомлиновым произвести дознание генералу Звонникову, он получил все дело в департаменте. Также было предписано, если не ошибаюсь, полковнику Сизых, начальнику охранного отделения, получить все сведения; правда, показания дали возможность видеть, что при 50 градусах жары, которая была в Туркестане, войска одевали в теплый зимний костюм и водили в самый разгар солнца, в 12 часов, на ученье и на работы; это само собой, являлось причиной недоразумений; затем, недостаток в пище, злоупотребления в пищевом хозяйстве и т. д. Но вместе с тем, были сведения и другого характера, которые показывали, насколько сотрудники сгущали так сказать если не пропаганду, то неудовольствие, которое было в частях.

Председатель. — Т. - е. занимались провокацией?

Белецкий. — Я не скажу, чтобы это была провокация; но может быть, они не могли понять. Я могу сказать только со слов генерала Звонникова, актов дознания у нас не было, потому что суд шел по военному ведомству, и акты были в руках военного министра. Затем, в морском министерстве, неоднократно заседала комиссия под председательством самого адмирала Григоровича, с участием начальника штаба Князева; сведения дали возможность покойному адмиралу Эссену прекратить волнения вначале; если вы изволите припомнить, в то время Балтийский флот встречал английскую эскадру; это дало возможность провести всю летнюю кампанию с малыми сравнительно жертвами. Затем в тот же период 1912 — 1913 г.г. волнения были в Черном море, когда там был Эбергард. Туда выезжал товарищ министра Золотарев узнать, насколько начальник охранного отделения, полковник Попов, правильно вел дело, потому что чересчур много лиц проходило по дознанию. Сведения, как касающиеся воинских частей, были доложены государю императору. По поручению Макарова, я также был вызван для доклада государю в Александрию, около Царского Села, летом; государя несколько смущало то, что нахождение сотрудников во флоте было как бы нарушением спайки воинской. К этому времени как раз относится переворот, совершившийся в Португалии. Государь поручил министру внутренних дел на этом вопросе все-таки остановиться. Таким образом, ни военное, ни морское министерства не требовали от министра внутренних дел окончательного искоренения этой агентуры; так вопрос стоял до назначения товарищем министра Джунковского ему принадлежит исключительная инициатива снятия агентуры. Он выслушал

доводы, которые ему были представлены мною по справке особого отдела; затем ему было указано значение португальского переворота, происшедшего преимущественно при помощи воинских частей; он все-таки перенес вопрос на обсуждение министра внутренних дел Маклакова. Доклад его освещал вопрос со всех сторон, т.-е. и положение настоящее, и его моральные взгляды. Маклаков также не решил вопроса лично; переговорив с военным и морским министрами и с представителем дворцового ведомства, он устроил у себя совещание. На совещании присутствовали представители военного министерства; я помню только, что из штабных генералов, не было Беляева, из морского ведомства был покойный Зилотти, адмирал Князев. Дворцового коменданта в ту пору не было, представителем являлся флаг-адмирал Нилов со своим адъютантом. Затем был Джунковский и я. На совещании я доложил все, что докладывал министру. Джунковский высказал свои соображения. После полуторачасового обсуждения, единогласно было решено всеми членами снять агентуру в воинских частях и во флоте. Циркуляр по этому предмету был отдан за моею скрепою. Я не хочу, чтобы вы думали, что эта мысль принадлежала мне; нет, она была возбуждена всецело В. Ф. Джунковским.

Председатель. — Джунковский вступил 25 февраля 1912 года?

Белецкий. — Во всяком случае, это было вначале. Джунковский придавал делу большое значение. После того я поставил на обсуждение товарища министра и министра другой вопрос, связанный с этим, о комплектовании гвардейских частей петроградского гарнизона и сводного полка, окружающих Царское Село. По всей вероятности, Комиссии известно, что нижние чины поступали в эти части по тщательной проверке, в особенности, в сводный полк, где поверялась не только политическая, но и нравственная благонадежность. Это были отборные солдаты пехотных частей петроградского гарнизона. После переговоров генерала Джунковского с дворцовым комендантом Дедюлиным, вопрос остался в прежнем виде. Затем вопрос о представлении государю императору команд новобранцев: каждая команда представлялась после присяги и несколько обученная; государь император принимал или во время путешествия или в Петрограде. Департамент полиции вместе с дворцовым управлением (дворцового коменданта не было) делал проверку политической благонадежности частей, которые сюда приходили. Это были не гвардейские части, уже проверенные, а переходные части, которые должны были представляться в силу причин, исходивших от государя; это делалось так быстро, потому что в распоряжении департамента полиции был хорошо поставленный регистрационный отдел; вы не знакомы с этим отделом? Он поставлен по образцу английского и стоил более ста шестидесяти тысяч. При Трусевиче начато, при мне закончено: карточная система, куда вносятся имена всех лиц,

по бумаге проходивших при вступлении в департамент; на каждое лицо, о котором в департаменте имелись хотя бы отдельно идущие сведения, была карточка и соответственный № делопроизводства, по которому можно выяснить.

Председатель. — Кем вы были заменены, когда ушли с должности товарища министра?

Белецкий. — После меня был сенатор Степанов. Это при Штюрмере было.

Председатель. — Вы знаете, какое течение принял вопрос о военной агентуре после вашего ухода?

Белецкий. — Я оставил порядок, какой был раньше. Я в прошлый раз объяснил, что, в силу известных отношений между уходившими и вступающими заместителями, связь с департаментом порывалась. Штюрмер — человек, которому я обязан своим уходом, так что, при нем я никак не мог. А. А. Хвостов — дядя Хвостова—недовольный за племянника; даже за мною наблюдение было установлено — кто посещает мой дом. Позднее мне пришлось слышать, что боковое освещение воинских частей было.

Председатель. — Что значит боковое освещение?

Белецкий. — Боковое освещение не проникает внутрь частей, а освещает их средствами побочными; посредством знакомств с воинскими чинами, посредством квартир, которые они посещали, квартирных хозяек и т. д. Одним словом, подобного рода собирание сведений — не есть агентура. Это есть собирание сведений о состоянии частей в военное время. Этот вопрос мог итти помимо департамента полиции, на разрешение генерала Алексеева, как вопрос военного времени.

Председатель. — Позвольте огласить, в дополнение этого показания, документ на бланке директора департамента полиции. Совершенно секретно. Генерал-майор Климович. 20 мая в Петрограде (читает): «На состоявшемся 20 мая 1916 года, в комиссии, образованной при главом управлении генерального штаба, под председательством генерал-от-инфантерии Беляева и при моем участии, рассматривался вопрос о необходимости агентурного освещения в войсках. Постановлено: 1) Циркуляры 1911 года, в интересах конспиративности, не отменять. 2) Вопрос об агентуре в войсках, находящихся на фронте (действующая армия), обсуждению не подвергать. 3) В войсках внутреннего района империи и в тыловых учреждениях признать желательным секретное агентурное освещение, для выполнения чего: а) допустить использование секретных сотрудников, принятых на службу в войска, при условии соблюдения их полной конспиративности и с устранением их от вмешательства в дела, не имеющие значения и касательства к политическим вопросам; б) определять, путем перевода, секретных сотрудников на такие должности, при которых они могли бы свободнее развивать свою деятельность по освещению военной среды

и которые обеспечивали бы возможность свиданий их с их руководителями; в) о необходимости осуществления этих переводов входить через департамент полиции с главным управлением генерального штаба. Положения эти прошу VI делопроизводство принять к руководству и, в надлежащих случаях, к исполнению».

Белецкий. — До меня, ни полковое, ни ротное начальство не знало. Джунковский прямо не хотел, чтобы осталась память особого отдела, и номенклатура была изменена (VI делопроизводство ведало делами общественного движения). Степанов был товарищем министра, а заведывающим особым отделом был Броецкий, бывший товарищ прокурора. Это был тот период времени, когда директор департамента полиции имел права товарища министра, с правом присутствия в правительствующем сенате и с правом давать разъяснения в законодательных учреждениях; этот период длился до назначения Штюрмера.

Председатель. — Таким образом, вы видите, что вскоре после вашего ухода, агентура среди солдат была восстановлена; солдаты, находившиеся в товарищеской среде, играли роль секретных сотрудников, имели руководителей из чинов жандармского управления; и в последнее время все осталось попрежнему.

Белецкий. — Я, по крайней мере, этот вопрос оставил, как было при Джунковском. Я думал, что будет боковое освещение.

Председатель. — Видите, тут солдат развращался. Следующий вопрос — о заграничной агентуре.

Белецкий. — К концу 1912 года, когда все работы комиссии по устройству торжественного празднования 300-летия дома Романовых были в разгаре, и вырабатывался маршрут поездки, если вы припомните, в Германии была издана книга в противовес трем юбилейным изданиям комиссии. Первое, — было роскошное издание в ограниченном количестве экземпляров; второе — огромное издание для широких интеллигентных кругов; третье — народное, для раздачи народу во время проезда, при посредстве должностных лиц министерства внутренних дел. К этому времени, в Лейпциге, была издана книга, напоминавшая старый пергамент с виньеткой, с тисненым орлом государственным. Многие русские, посещавшие Германию, набрасывались на эту книгу и, несмотря на то, что департамент полиции и главное управление по делам печати следили, книга в Россию широко проникла. Придворные круги поставили в известность дворцового коменданта. В этой книге 300-летняя деятельность Романовых описана с отрицательной стороны; собрано все, что было в революционной и заграничной литературе по каждому царствованию, и дополнено некоторыми изысканиями из архивов. Это был все-таки научный труд; закончен он периодом первой Государственной Думы, именно тем моментом, когда воинские части являлись в Думу с требованиями. Книга снова несколько подняла вопрос, безопасно ли будет путешествие госу-

даря в 1913 году; к этому еще прибавились некоторые сведения из разных крупных центров, из губернских жандармских управлений; якобы партия социал-революционеров предполагает (решили заграницей) устроить террор. Запрошенный по этому поводу Красильников дал отрицательный ответ. Тем не менее, полковник фон-Коттен, начальник охранного отделения, настаивал, на основании данных, которые якобы у него имелись. В виду этого, с разрешения товарища министра Золотарева и министра внутренних дел, было предложено Коттену послать соответствующих сотрудников по партии социал-революционеров. Он сказал, что имеется два ценных сотрудника, но поставил условие, чтобы они не подчинялись тому требованию, которое при мне введено было в департамент полиции; чтобы без Красильникова, представителя заграничной агентуры, никто не командировался туда начальником жандармского или охранного отделения. Я припоминаю одну фамилию, которую полковник Коттен называл, это студент 4-го курса Петровский. Другой фамилии не могу припомнить. Полковник Коттен дал хорошую характеристику и сказал, что они несут некоторую жертву, потому что должны были держать экзамен в юридической комиссии. Первые письма, которые Коттен представил, как бы подтверждали его сведения. Потому, когда вступил Джунковский, департамент был несколько встревожен. Неоднократные проверки через Красильникова показывали, что сведения Коттена не отвечают действительности, резко расходятся со сведениями Красильникова. Поэтому, когда приходилось осуществлять поездку, главный руководитель, генерал Джунковский и я настаивали на осуществлении полного маршрута, что совпадало с желанием государя. Маршрут булыгинской комиссии был осуществлен, но мы все время поддерживали связь с заграничной агентурой, даже телеграммы посылались. Сведения полковника Коттена, письма, химическими чернилами написанные, были явно неправдоподобны; ни у меня, ни у Джунковского никакого доверия к этим сведениям не было. Коттен, видимо, впоследствии убедился сам, потому что этих лиц он отозвал. Затем по вопросу о масонах...

Председатель. — Какое же отношение имеет департамент полиции к масонам?

Белецкий. — Если разрешите, я вам сейчас расскажу. Дело в том, что это было в политическом отделе. Я не был знаком с вопросом о масонах, был знаком только с литературой, как все мы знакомы, до назначения своего директором департамента полиции. Впервые я познакомился тогда, когда великому князю было угодно меня спросить по этому вопросу. Я потребовал справку — это было на первых порах моего директорства, потребовал все материалы и натолкнулся на три большие записки. Они представляли собою историю масонства в общих чертах, написанную

довольно живо, потому что писал ее Алексеев, окончивший с медалью лицей, при бывшем директоре департамента, кажется, при Курлове (он потом уже ушел и был при министерстве земледелия). Курлов был под влиянием революционно-правой прессы, которая почему-то считала, что все события в России в последнее время являются следствием деятельности масонских организаций, особенно — французских и германских лож. Курлов, секретно от департамента полиции, сосредоточил у себя все материалы. Департамент полиции имел только одного офицера, который вел это дело и который получал случайного характера справки из заграницы.

Председатель. — Значит, до специального интереса, который под влиянием органов печати проявил Курлов, департамент постоянно интересовался масонством, так что даже имелся особый офицер?

Белецкий. — Да, был специальный офицер, я забыл фамилию, потом он ушел из департамента. В материалах я нашел три записки и массу литературных данных из периодической прессы последнего времени; затем те отрывочные сведения, которые были в департаменте полиции. Мне пришлось натолкнуться на схему одной из масонских организаций, никем не подписанную, без препроводительной бумаги; из этой схемы ясно можно было понять, что будто бы, сдвиг всего настроения в сторону общественности, при председателе совета министров Витте, был обязан тому, что Витте являлся представителем одной из лож, заседавших в Петрограде, что, будто бы отсюда шел даже акт о веротерпимости 17 апреля 1904 года, акт о веротерпимости! Будто бы, преосвященный Антоний, который в то время был митрополитом и сторонником освободительных идей Витте, также принадлежал к этой ложе. Это, конечно, не имело для меня никакого значения. Думаю, что когда я явился к великому князю, он тоже находился под влиянием Курлова, потому что Курлов имел доступ к нему. Великй князь даже крестил его ребенка и, несмотря на то, что Курлов только что вышел в то время из-под суда по делу покойного Столыпина, он, тем не менее, получил назначение военным губернатором в Прибалтийском крае. Думаю так, потому что вопрос интересовал только одного Курлова. Из разговоров департаментских, из того, что я слышал от В. К. Алексеева, автора записки, я узнал, что эти записки должны были быть доложены государю императору. Во время киевской поездки был убит не государь, а Столыпин, интрига против которого уже вполне созрела; Курлов хотел указать (и я повторяю, по слухам среди чиновников департамента полиции), что и Столыпин принадлежал к одной из масонских организаций.

Председатель. — Это вам передавали чины департамента полиции?

Белецкий. — В. К. Алексеев был чиновником департамента для особых поручений, он работал по этим запискам, обладал хорошим, бойким пером, был чиновником высокого образования, сравнительно молодой; его оставляли для профессорской кафедры, но он ушел, неудачно женившись. Рассмотрев внимательно все, что мне дал департамент полиции, я пришел к заключению, что ни о каких масонских ложах, которые могли играть политическую роль в Петрограде, не могло быть речи. Когда агентура была уже направлена к великому князю, оказалось, что это не что иное, как оккультные кружки. В ту эпоху как раз увлекались оккультными течениями, Крыжановской, — кружком Изиды и т. д.

Председатель. — Так что за масонов сходили оккультные кружки?

Белецкий. — По крайней мере, у меня было такое впечатление. Меня этот вопрос интересовал, потому что великий князь дал мне сведения, что в среде офицерского состава гвардейских частей петроградского гарнизона имеются масонские ложи. Я сказал, что у меня таких сведений не имеется, но, по требованию великого князя обещал выяснить. Узнав, что заграницей в ту пору проживал Ратаев, который писал в «Новом Времени» (я потом просматривал статьи о масонстве, принадлежавшие перу Ратаева во французском журнале «Иллюстрасион»), я обратился с письмом к Ратаеву, прося его дать мне по этому предмету сведения. Затем я обратился в Красильникову, чтобы узнать, есть ли возможность влияния заграничных масонских кружков на петроградское общество. Просил я также полковника Коттена узнать. Как я вам докладывал, в ту пору пришлось даже затратить крупные суммы, чтобы пригласить к сотрудничеству одного из крупных секретарей одной из парижских лож, не помню фамилии, но пришлось притти к заключению, что то, что считалось масонскими ложами, было оккультными кружками.

Председатель. — Я хотел бы установить связь с главной темой, которая нас интересует. К чему вы ведете ваш ответ?

Белецкий. — Я хочу быть только правдивым; я хотел сказать вам все, что знаю по вопросу о заграничной агентуре, где работал Ратаев. Как вы узнаете из бумаг, с этим временем совпадает устройство пропагандистской школы в Италии. Туда были проведены полковником Коттеном два человека и еще один из московского жандармского управления. Когда вы будете допрашивать Виссарионова, вы узнаете, что эта система была отменена раньше. По крайней мере, начальник губернского жандармского управления иногда сам проводил своих сотрудников заграницу, чтобы таким путем иметь широкие, частные и общие сведения. Иногда агентура на агентуру наскакивала, иногда это требовало больших денег для наружного наблюдения. Офицеры, которые желали полезных сотрудников для более широкого освещения,

сообщали об этом нам, в департамент; затем, если последовало разрешение департамента полиции, давалась явка на квартиру Курочкина; затем давалось знать заведывающему этим отделом вице-директору, а он давал явку на тот адрес, по которому эти лица могли его свести с офицерами.

Щеголев. — Скажите, во время вашего управления были ревизионные поездки заграницу с целью проверки постановки агентуры?

Белецкий. — Да, были. Виссарионов ездил, Зуров ездил. Как изволите припомнить, бывшая государыня лечилась грязями. Тогда была поездка в Италию, во Францию. Государь император ездил на маневры французские, так что Виссарионов был раза три заграницей.

Щеголев. — Один Виссарионов?

Белецкий. — Еще другие лица были, но это лица несерьезные, безличные, которые не понимали политического характера, только с целью корыстной они присваивали себе значение политического розыска. Затем была поездка в мое время товарища министра Золотарева и товарища министра Джунковского, но как тот, так и другой с сотрудниками не видались. Они получили только общие доклады, и поездка их скорее имела целью установить отношения добрососедские. Они были в Германии и знакомились с шефами полиции и министрами, что давало возможность выяснить отношения между нами и теми, услугами которых мы пользовались. Французская и германская полиция помогла не только во время проезда государя, она помогла и в исполнении отдельных поручений, когда ощущалась надобность в наблюдении или в смысле судопроизводства.

Щеголев. — А заграничная агентура, в лице Красильникова, получала какие-нибудь директивы для воздействия на прессу?

Белецкий. — Вопрос о прессе, если позволите его коснуться, был поставлен более широко, потому что, впервые, воздействие на заграничную прессу началось с графа Витте. Граф Витте придавал громадное значение принципам европейским при обсуждении бюджета, колоссальные деньги тратились в то время теми лицами, которых он командиравал тогда; они должны были пользоваться в ту пору указаниями товарища министра Путилова, им были предоставлены широкие сметы. Кривошеин и П. А. Столыпин придавали громадное значение закону о землеустройстве, который обратил на себя внимание законодательных учреждений, поэтому общественное мнение заграничное было важно; в ту пору в распоряжении Кривошеина был очень образованный поляк, чиновник особых поручений Маевский, некий человек с широким кругозором; он воспитывался заграницей, получил высшее образование, прожился немного и пошел на службу. Этот Маевский имел широкие знакомства в органах французской и лондонской прессы и, благо-

даря этому, ему удалось писать, иногда за деньги, а большею частью, благодаря знакомствам, ужинам и т. д., разные статьи. В Германию Голицын командировал Чурикова, это — редактор «Нового Времени», который в последнее время состоял чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел и давал заметки в прессу, если министру нужно было провести известного рода сообщение. Чуриков воспитывался в германском университете, это известный переводчик Гёте, великолепно владеет языком, он имел большие литературные связи в студенческом мире. Он ездил туда и устанавливал хорошие отношения с органами прессы, хотел, чтобы это была единственная организация, а не то, чтобы каждый министр имел свою. Затем я воспользовался услугами Маевского и издал заграницей небольшую книгу, которая посвящалась значению юбилея 300-летия дома Романовых. Затем ряд статей, приготавливающих к путешествию государя заграницу и к тем важным событиям, которые готовились в жизни России (освещая их с точки зрения указаний министра внутренних дел). Таких статей было мною помещено немного. Затем давались поручения лично Красильникову.

Председатель. — Статьи оплачивались из средств так называемого рептильного фонда?

Белецкий. — По смете секретного стопятидесятитысячного фонда департамента полиции. Затем путем выписки, мы получали несколько газет. Если ту или другую нельзя было получить, то известное количество экземпляров покупалось правительством, газета об этом знала; эти газеты главным управлением по делам печати раздавались главным чиновникам министерства внутренних дел; только это давало возможность получить «Иллюстрасион».

Щеголев. — А через кого вы проводили в английской печати?

Белецкий. — Я писал в английской печати только о значении Столыпина, после его смерти. Это была моя дань уважения человеку, которому я ничем не был обязан.

Председатель. — Вы ее поместили за деньги?

Белецкий. — Нет, бесплатно, благодаря знакомству, через Маевского. А затем, может быть, товарищ министра давал поручения, потому что Красильников имел такие поручения, когда приезжал. В английской прессе также Красильников помещал статьи.

Щеголев. — Столыпин действовал на английскую прессу через кого-нибудь или непосредственно?

Белецкий. — Может быть, через Красильникова он давал личные поручения, может быть через своего двоюродного брата.

Иванов. — Это было по аграрному вопросу. А при Витте — по какому?

Белецкий. — По финансовому.

Председатель. — Скажите, сообщала заграничная полиция свою точку зрения на различных заграничных революционных деятелей? Не оказывалось ли иной раз агентам иностранной полиции особенного внимания представителям революционных течений? Например—Малиновский входил заграницей в связь с некоторыми лицами и у этих лиц встречал какое-то особенное отношение.

Белецкий. — Нет, о том, что Малиновский был сотрудником департамента полиции, не знали ни в России, ни заграничные органы.

Председатель. — А революционные деятели, не имевшие сношений с полицией?

Белецкий. — Кроме Малиновского, у нас участвовали другие агенты, и Красильникову было сказано, чтобы он познакомил иностранные органы с министерством внутренних дел, чтобы чины заграничной полиции наблюдали и давали некоторые сведения; стеснять мы их собственно не могли, потому что французская полиция жила с нашей в самых лучших отношениях, все, что можно было, она всегда давала нам с наибольшей предупредительностью и помогала представителям русских органов, т.-е. Красильникову, в тех или других просьбах. Это было еще до меня, я это, как слух, передаю. Вот Бурцев, который в Англии за одну из своих статей был присужден к тюремному заключению без права посещения Англии; это, конечно, состоялось не без воздействия департамента полиции. Засим, кроме филерного наблюдения, как я докладывал раньше, они помогали еще в судах. Например, если была статья против какого-нибудь лица, которая давала возможность, по закону французскому, привлечь к ответственности, они, через Красильникова, просили содействия русской полиции. Я лично очень благодарен французской полиции, она мне давала широкие материалы. Во время приезда государя французская полиция мне предоставляла даже возможность обращатъся непосредственно к чинам ее с тем или другим предложением. Что же касается Германии, то она помогала мне менее широко, к ней нужно было обратиться с просьбой, сказать, что̀ желательно и что Германия могла удовлетворить, то она сама уже исполняла; даже во время приезда государя в Берлин, германская полиция поставила первым условием, чтобы русская ни одного своего агента там не имела. Германская полиция за русской студенческой молодежью наблюдала без всякого воздействия со стороны агентуры русской, в силу той политики, которую она проводила в своих университетах, как вы сами знаете. В особенности по отношению к еврейской молодежи и затем к русской молодежи с юго-западной стороны. В Италии мы пользовались также широкой любезностью полиции.

Председатель. — Дружеские сношения между русской полицией и заграничной вели к образованию, в составе заграничной поли-

ции, секретных сотрудников. Французы также освещали русские революционные организации?

Белецкий. — Когда нужно, они проверяли их тем или другим путем. Во всяком случае, во Франции, мы к ним не обращались. Ведь там, в сущности говоря, жизнь более свободная. Каждый портье, то, что у нас дворник, каждый швейцар, — агентура в гостиницах сильно развита в Англии и во Франции, а в особенности в Германии, это все были агенты полиции. Потому всякое приезжее лицо, как бы оно ни называлось, известно полиции на другой день. Перлюстрация широко поставлена во Франции. Так что в этом отношении они нам оказывали помощь только внешним образом. У них много тратилось на секретный фонд, наша установка была взята оттуда. У них секретное сотрудничество было только по партии анархистов, везде и в Англии, в особенности в Германии. По международной конвенции, каждое государство обязано о каждом анархисте иметь карточные сведения и наблюдать за ним.

Председатель. — Под именем анархистов шли лица, ничего общего не имеющие с анархизмом, т.-е. и социалисты государственники, противники существующего буржуазного строя?

Белецкий. — Нет, в этом отношении заграницей разбирались; они боялись общественного мнения русской колонии, которая обладала не только своей прессой, но и заграничной, а затем, в смысле распознавания оттенков политического деятеля, французская и английская полиция гораздо шире образована; они привыкли вращаться в социальных вопросах; им легко разбираться в этом, так что, путем бокового освещения им довольно ясно видно, какой перед ними политический деятель. Мне приходилось даже читать карточки для обрисовки личности того или другого лица. Действительно видно, что лицо, дающее сведения, хотя и принадлежит рядовой полиции, но имеет известный образовательный ценз.

Щеголев. — Может быть вы дадите некоторые сведения о балканской агентуре?

Белецкий. — В балканской агентуре при мне в эту минуту находился Кречунеско. Он владел славянскими языками довольно свободно, хорошо знал Балканы и поэтому имел там знакомства среди полиции. Он там все вел и являлся лицом посредствующим. Я бы не сказал, что у него агентура была широко поставлена, потому что, в сущности, не было в ту пору особых вопросов, которые могли заставить ввести широкую агентуру. Славянский вопрос был обострен, министерство иностранных дел было ревниво ко всякому вмешательству министерства внутренних дел в местную жизнь, так что Кречунеско был сильно связан в своих действиях. Он не мог приступить к наблюдению, не переговоривши прежде с генеральным консулом или с послом. Как раз в эту минуту он давал много сведений через Одессу, снесся с департаментом

полиции во время переворота в Персии, потом — по партии Дашнакцутюн.

Председатель. — А секретные сотрудники?

Белецкий. — Их очень много бежало. У него имелось много агентов, но во время революции в Константинополе они были убиты.

Председатель. — По вашим словам, балканскую агентуру организовал Кречунеско. Его хорошо знает Еремин, потому что находился в соприкосновении с ним в Тифлисе, в разгар революции, и его ревизовал Виссарионов.

Щеголев: — Сотрудникам по балканской агентуре не выплачивалось никаких сумм?

Белецкий. — У Трусевича были сотрудники в департаменте полиции; что касается меня, сознался, что имел свидания с двумя и отклонял от себя. Даже если выдавались некоторым, то выдавались заведывающим особым отделом, по докладу, по журналу, больше никак. Они были убиты во время переворота.

Председатель. — Перейдем к следующему вопросу. Не помните ли случая, когда секретные сотрудники на собрании организаций, к которым они принадлежали, яро отстаивали необходимость террора во всех видах и экспроприаций? Сведения о деятельности таких сотрудников доходили до департамента полиции. Ставился вопрос, можно ли оплачивать их труды и расходы по поездкам, и вопрос этот решался в смысле удовлетворительном, т.-е., несмотря на осведомления такого рода, деятельность их признавалась «вполне плодотворной», и поэтому произведенный ими расход признавался всецело оправданным доставленными ими сведениями.

Белецкий. — Я, по крайней мере, лично не сторонник был этой системы. Но, может быть, случай такой был. Это за моей подписью?

Председатель. — Позвольте огласить документ (читает): «Начальнику отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве, от 9-го ноября 1913 года, за подписью С. П. Белецкого как директора. По полученным сведениям, на съезд группы «Братства вольных общинников» (федерация анархистов-коммунистов) в Париже прибыл из Москвы старый опытный работник, отбывший 3-годичное тюремное заключение в тюрьме на Таганке. По ремеслу он токарь-рабочий, но на вид интеллигентен, что дает повод усомниться в действительности его профессии. Выяснить фамилию названного лица не представилось возможным, в виду крайне конспиративного его поведения. Названный делегат работал в Москве с членом группы Плехановым «Логидзе» и находился в дружеских отношениях с членом группы Иловайским и давно знаком по России с Николаем Музилем (псевдоним Рогдаев). На съезде делегата называли «Степаном»

и «Игнатом»; присутствуя на семи заседаниях съезда этот делегат обратил внимание всех участников съезда на свое ярое отстаивание, вместе с Николаем Музилем, необходимости террора во всех видах и экспроприаций. После этого «Степан-Игнат» выехал в Россию; по дороге был арестован австрийскими властями, но вскоре был освобожден. Приметы его: 25 лет, выше среднего роста, плотный, коренастый шатен, волосы острижены ежом, маленькие усы, бороду бреет, глаза серые, нос широкий, скулы выдающиеся, лицо слегка угреватое, говорит низким басом, носит черный поношенный костюм, черный котелок, при нем большой черной кожи чемодан. Судя по донесению вашему от 29 минувшего октября за № 269278 вышеупомянутым «Степаном» — делегатом из Москвы на съезд представителей «Федерации вольных общинников» является сотрудник вверенного вам отделения «Кривцов». В виду изложенного департамент полиции считает необходимым указать вашему высокоблагородию, что вообще выступления секретных сотрудников на съездах и собраниях с предложением о применении террора и экспроприаций недопустимо, о чем розыскным органам подтверждено было циркуляром департамента от 5 февраля 1909 года за № 123224, тем более недопустимым представляется ярое отстаивание на съезде «Степаном» (Кривцовым) необходимости применения широкого террора и экспроприаций. Сообщая об этом вашему высокоблагородию, департамент полиции предлагает обратить особенное внимание на необходимость постоянного соответственного инструктирования подведомственных вам сотрудников особенно же при выполнении ими таких серьезных поручений, как участие в качестве представителя на партийном съезде». Казалось бы все хорошо, но появляется бумага от 23 ноября 1913 года (читает): «Начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве подполковник Мартынов, письмом от 3 сего ноября за № 269280, ходатайствует о возмещении из сумм департамента полиции 600 руб., кои им израсходованы на поездки секретных сотрудников «Мека» и «Кривцова» за границу для освещения первым «Ленинского совещания 25 сентября сего года в Галиции» и вторым «Октябрьского съезда вольных общинников в Париже». О разрешении департаментом полиции отправки сотрудника «Мека» заграницу в делах особого отдела сведений не имеется, отправка же «Кривцова» разрешена письмом бывшего вице-директора С. Е. Виссарионова от 18 февраля сего года, за № 111170. По рассмотрению донесений подполковника Мартынова о результатах освещения помянутых двух съездов, особый отдел приходит к заключению, что работа сотрудников «Мека» и «Кривцова» является вполне плодотворной, и поэтому произведенный на их поездку расход всецело оправдывается доставленными ими сведениями. Ценность таковых сведений, по мнению особого отдела, не умаляется

тремя нижеприведенными обстоятельствами отрицательного характера, являющимися результатом недостаточно настоятельного и точного со стороны полковника Мартынова инструктирования сотрудника «Кривцова». По донесению командированного министерством внутренних дел заграницу для сношения с местными властями и Российскими посольствами и консульствами от 23 октября сего года, за № 1648, «Кривцов», выступавший на съезде под партийной кличкой «Степан» и «Игнат», обратил на себя внимание ярым отстаиванием террора и экспроприаций во всех их видах. В дальнейшем по получении сведений о выезде сего лица в Россию, департамент полиции сделал распоряжение об аресте его на границе, запросив предварительно подполковника Мартынова, не является ли «Степан» — сотрудником «Кривцовым». Как оказалось, эти партийные клички «Кривцова» не были известны подполковнику Мартынову, и поэтому он ответил, что «Степан» и «Кривцов» разные лица, введя, таким образом, департамент полиции в заблуждение. Лишь благодаря счастливой, в данном случае, невнимательности пограничного пункта, «Степан», он же «Кривцов» не был арестован на границе при возвращении со съезда, иначе он был бы несомненно провален. Изложенное недоразумение не последовало бы, если бы подполковник Мартынов осведомил, как это установлено циркулярами департамента полиции, командированного министерством внутренних дел заграницу для сношения с местными властями и Российскими посольствами и консульствами о выезде своего сотрудника на съезд в Париж. Так как недопустимость слишком активного выступления сотрудников во вред правительству предусмотрена циркуляром департамента полиции от 5 февраля 1909 года, за № 123224, то по сему поводу ваше превосходительство изволили сделать надлежащие указания подполковнику Мартынову, изложенные в уведомлении от 9-го сего ноября, за № 106307». Вместо того, чтобы арестовать этого человека, как очень опасного, департамент полиции выражал свое удовольствие по поводу его неарестования, ибо иначе этот ценный для полиции человек, был бы, несомненно, провален. (Читает) «Докладывая об изложенном вашему превосходительству, особый отдел полагал бы обратить означенный расход на агентурные суммы отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве, о чем и осведомить подполковника Мартынова». Бумага эта за подписью исполняющего обязанность вице-директора Васильева.

Белецкий. — Я, конечно, косвенно, должен отвечать за это. Для выяснения я хотел бы доложить, что в тексте, где я просматривал, писалось сбоку «С. Б.». Тут же — подпись Джунковского, товарища министра, 4 декабря 1913 года. Это ассигновочный доклад, который шел к подписи Джунковского. Генерал Джунковский требовал, чтобы все ассигновочные журналы проходили через

него. А. Т. Васильев — кандидат Джунковского, он его назначил, когда Виссарионов ушел. Его больше знал Курлов, который был связан с делами чисто коммерческого характера. Это я прошу не писать.

Председатель. — Нет, почему же? У нас имеются все сведения.

Белецкий. — Поповский был секретарем, которого Джунковский очень ценил, он был с А. Т. Васильевым в хороших отношениях. Генерал Джунковский, вероятно, подписал, не думая, потому что он этой мысли не держался. Хотя я ушел от него, но считаю своим долгом заявить, что генерал Джунковский был поклонник того заявления, которое я в циркуляре провел. Во всяком случае, если бы он утвердил, то обратил бы на это серьезное внимание.

Председатель. — Вы также не станете отрицать, у нас есть указания на это, что, весьма часто, розыскные учреждения прибегали к услугам лиц, которые совершили государственные преступления и были привлечены в качестве обвиняемых к дознанию и следствию, а также лиц, скрывавшихся от воинской повинности?

Белецкий. — В сущности, вы сами хорошо знаете эту систему. Комплектовался состав агентуры при содействии лиц прокурорского надзора из тех, которые привлекались по 102 статье, по тем или другим делам политического характера.

Председатель. — Вы, повидимому, сочли необходимым соблюсти в этом отношении некоторую умеренность. Судя по содержанию циркуляра, вы потребовали представления списка всех сотрудников и предполагали выяснить степени их полезности делу политического розыска (читает): «Начальникам губернских жандармских управлений, жандармских полицейских управлений железных дорог, отделений по охранению общественной безопасности и порядка и г.г. офицерам отдельного корпуса жандармов, ведающим розыск. Милостивый государь, практика приобретения соответственной секретной агентуры весьма часто вынуждала розыскные учреждения прибегать к услугам лиц, совершивших государственные преступления и состоящих под судом или привлеченных в качестве обвиняемых к дознаниям и следствиям. Лица эти, с началом сотрудничества, в целях уклонения от следствия, суда и вообще розыска лиц, переходили на нелегальное положение и проживали по подложным документам. Эти последние обстоятельства чрезвычайно затрудняли приискание сотрудниками подходящих занятий, нередко расстраивали их семейную жизнь и вообще действовали угнетающим образом на их нравственное состояние. Кроме секретных сотрудников, совершивших преступление до начала сотрудничества, розыскные органы пользовались услугами лиц как привлеченных к дознаниям и следствиям, так и разыскиваемых властями за принадлежность к революционным организациям и по обвинению в общеуголовных преступлениях уже

во время состояния их при розыскных учреждениях и впоследствии также перешедших на нелегальное положение. Вместе с тем розыскные учреждения пользовались услугами лиц, скрывавшихся от воинской повинности и подлежавших розыску и ответственности за неявку к исполнению таковой. Сообщая об изложенном и имея в виду, что розыскные учреждения и в настоящее время продолжают пользоваться услугами сотрудников, находящихся в вышеописанных или подобных им условиях, имею честь просить вас, милостивый государь, по получении сего, незамедлительно представить мне совершенно секретно, по особому отделу, в зашифрованном виде и с соблюдением циркуляров департамента полиции от 21 января 1910 года за № 125041 и от 19 июня 1913 года за № 111804, список всех таких сотрудников, состоящих при вверенном вам учреждении, указав степень той пользы, которую они приносят делу политического розыска. В список должны быть внесены: кличка сотрудника, действительные имена, отчество, фамилия, возраст и полное звание его, а также все данные, извлеченные из документа, по которому сотрудник нелегально проживает. Кроме того надлежит указать, в каком году, кем был привлечен секретный сотрудник и каким учреждением разыскивается. При составлении этих сведений необходимо также отметить, когда было совершено преступление данным лицом, т.-е. до начала сотрудничества или же во время таковото, и, в распоряжении какого розыскного учреждения оно в то время состояло. Надеясь, что собрание этих сведений, конечно, останется в тайне от сотрудников, прошу вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности».

Белецкий. — Да, это я помню.

Председатель. — Предъявлен С. П. Белецкому совершенно секретный циркуляр от 5 сентября 1913 года за его подписью, и Белецкий признал, что такой циркуляр действительно и был разослан. — Желательно выслушать дополнительный ответ на вопрос, связанный с делом Малиновского. Имеется указание, что вы предоставляли иногда свободу действий представителям крайних течений и ликвидировали более умеренные группы, например, среди социал-демократии.

Белецкий. — Я заявил, что относительно Малиновского я признал свою виновность. Я понимаю всю нравственную нечистоплотность этого дела, но я должен сказать, что я не позволил бы себе указать Малиновскому на это; я бы просил иметь в виду историю, если бы поинтересовались, 5-е делопроизводство посмотрите за этот период времени. Затем я не позволил бы себе сделать то, что через год было сделано: возбуждение уголовного преследования против депутатов той же самой партии. При мне, как вы знаете, ни один из депутатов, даже в уличных движениях, где был, например, Петровский и Бадаев. . .

Председатель. — Через год были посажены на скамью подсудимых более крайние члены партии. Нас интересует, в связи с делом Малиновского, обратное положение.

Белецкий. — Из дел департамента полиции вы увидите, что нас, как практиков, больше интересовала не идеология, представителями которой являлись меньшевистские организации, а те, кто осуществлял; нас интересовала партия большевиков и ее задачи; если иногда натыкались на такие случаи, то эта случайность была; я не скажу, чтобы это была система. Нет, мое единственное желание было не дать соединиться этим двум течениям в одно, чтобы легче было бороться; здесь имеют значение еще два отделения. Для вас будет иметь громадное значение, если вы заинтересуетесь трудами седьмого делопроизводства. Это делопроизводство, которое при мне было довольно широко поставлено; в последнее время, при генерале Джунковском, должен отдать справедливость генералу Джунковскому, оно наблюдало за ходом, как последней переписки в фазисе розыска (через розыскные органы наших офицеров), так и за охраной переписки, за дознаниями; вы видели листки красные, зеленые, — это форма судебного ведомства, которая была принята в министерстве, главным образом, для обвинения. Первоначальное обвинение даст вам возможность судить, какова форма агентурных данных, чтобы возбудить против данного лица то или другое обвинение. А затем вы уже увидите, какой сравнительно небольшой процент из данных дел (я сам заинтересовался этим вопросом в конце моего директорства) проходит в следственном порядке, и какая часть идет в смысле охраны переписки. Затем, если вы возьмете краткие журналы особого совещания (только не те, которые подписывались в заседаниях наших), в каждом деле, при кратком журнале, вы увидите подробный доклад о содержании; тут можно проследить течение, которое в тот или другой момент, при том или другом директоре, при том или другом министре, по отношению к той или другой партии, существовало; я, например, боялся в делах, когда ставилась типография и т. д., чего-нибудь скользкого. Иногда, в первое время, вы увидите, что, наоборот, облицовка, так сказать, дела довольно интересна. В вашем распоряжении имеется много чиновников, которым можно поручить это сделать. Тогда, в сумме данных, вы можете получить характеристику деятельности, это очень интересно. П. К. Лерхе — он 40 лет в департаменте полиции, в большинстве случаев заведывал делом о высылках. Он может дать вам характеристику каждого директора, отношения каждого товарища министра и министра к делам.

Председатель. — Мы должны вам задать вопрос, касающийся известного циркуляра о евреях 9 января 1916 года, за подписью Кафафова, который послужил основой для запроса в Государственной Думе, вы можете вкратце изложить историю этого циркуляра, ваше отношение к нему и отношение к нему Кафафова?

Белецкий. — Если позволите сказать откровенно, Кафафов в данном случае не виноват, он проглядел; он подписал необдуманно, потому что отношение его к евреям не таково. В последнее время он отошел уже от прокурорского надзора, а до этого он был членом судебной палаты, так что политикой сравнительно мало интересовался. Я хорошо знаю его мировоззрение; у него, может быть, есть отрицательные стороны, но он не отличался человеконенавистничеством и нетерпимостью, воззрениями крайне правыми, чтобы сделать это сознательно. Затем этот циркуляр, хотя я должен за него отвечать, потому что я был тогда товарищем министра, мне не показывался. Это было, как снег на голову.

Председатель. — Вы помните, что в основу циркуляра было положено не проверенное вами письмо начальника главного штаба Алексеева на имя министра внутренних дел от 16 декабря 1915 года?

Белецкий. — При обсуждении в Государственной Думе, насколько я знаю от членов Думы, в руках кадетской партии находились документы, указывающие на несколько сгущенное отношение некоторых командующих армиями к евреям, жившим в полосе командования; когда я был уполномоченным и объезжал эти районы, мне приходилось уже слышать такие отзывы.

Председатель. — Не ошибаетесь ли вы, говоря, что не видали этого циркуляра? У нас имеются указания, что он был показан, и вы на нем положили свою резолюцию: «Издать распорядительный циркуляр для пресечения сего и сообщить об этом в департамент общих дел, как ведающий делами о евреях».

Белецкий. — Это, может быть, на письме генерала Алексеева. Только самого циркуляра я не видел. Резолюцию ведь можно написать так и так. Весь вопрос заключается в форме циркуляра. Я бы иначе конструировал, придал бы, может быть, другую облицовку. Иногда бывает, что, если директор затрудняется, он представляет товарищу министра на просмотр; вы найдете много дел, которые я своей рукой исправлял.

Председатель. — Не важно, где находится резолюция, а важно выяснить, сделали ли вы распоряжение об издании распорядительного циркуляра для пресечения этого, а также о сообщении директору департамента общих дел, как ведающему делами о евреях?

Белецкий. — Раз у меня резолюция имеется, значит я сделал это. Мне говорил об этом генерал Алексеев, когда я был в ставке, кроме того, я знаю со слов генерала Троцкого.

Председатель. — Постарайтесь вспомнить, что вам Кафафов говорил в связи с этой пометкой.

Белецкий. — Кафафов мне этого циркуляра не показывал, и потом, когда мне пришлось отвечать в Государственной Думе, он сказал прямо, что он его подмахнул, т.-е. этот циркуляр надо было написать совершенно иначе.

Председатель. — При приведении в исполнение не возникли ли трудности, вследствие чего, вместо распорядительного циркуляра, был послан осведомительный?

Белецкий. — Нет, он мне не докладывал по этому предмету; если бы он докладывал, я заинтересовался бы, и была бы отметка: «доложено товарищу министра к исполнению». Ответ в Думе давался Штюрмером. По инструкции о контр-разведке, чины корпуса жандармов работающие в районе расположения армии, должны всецело исполнять требования, касающиеся борьбы со шпионажем. Именно это распяжение имелось в виду, чтобы в этих случаях они были осведомлены, чтобы могли принять предупредительные меры и поставить в известность чинов военных; но только сгущенные. . .

Председатель. — Дело не в сгущении, а в том, что здесь выдвигается обвинение против целой нации. В особенности в атмосфере того времени это могло иметь очень серьезные последствия.

Белецкий. — О моем отношении к еврейскому вопросу, я думаю, многие знают, я не отличался человеконенавистничеством; даже такой знаток по еврейскому вопросу, как докладчик, может всегда сказать; если вы возьмете дела департамента полиции, вы увидите, что во время процесса Бейлиса вопрос стоял остро, могли быть погромы в Юго-Западном крае. Погромов тогда не было.

Председатель. — Было ли так: когда этот секретный циркуляр обнаружился, и можно было ожидать запроса в Государственной Думе, вы, встретившись с Кафафовым, упрекали его, зачем он подписал циркуляр, тогда как вы этого не рекомендовали?

Белецкий. — Когда я уже ушел и когда Кафафову пришлось выступать, я удивлялся, как он мог такой циркуляр написать в такой редакции; он говорил мне, что подмахнул. Вообще, я должен сказать, что приходилось очень много исправлять, потому что иногда писалось, не понимая; сотни тысяч номеров входящих и сотни тысяч номеров исходящих. . .

Председатель. — Сколько заявлений вы подали министру?

Белецкий. — Я министру подал больших заявлений два и третье о том, что кроме того, что я мог сказать, я другого не знал. Они скорее имеют значение личного характера. Это то, что я вам доложил о сотрудниках. К министру дошли сведения о моей близости с Курловым в последний период, когда я уже нигде не состоял на службе и занимался только благотворительною ролью уполномоченного. Потом вопрос о моей близости к великой княгине Марии Павловне. Затем, в связи с Протопоповым. Может быть, это все связано с тем заявлением, о котором в одной из своих речей сказал Пуришкевич, называя меня и Курлова нимфами и мегерами.

Председатель. — Изложите письменно период, когда вы были товарищем министра внутренних дел, т.-е. время вашего сотрудничества с Хвостовым и директорства Васильева.

Белецкий. — Может быть, разрешите мне потом написать вопросы? Так трудно мне будет осветить. Эта моя деятельность прошла в такое время, когда на меня возлагалось очень много поручений чисто так сказать конфиденциального, придворного свойства, касающиеся Распутина и т. д. Может быть, вам было бы интересно выслушать сначала, а потом зафиксировать?

Председатель. — Из всего того, что вы говорите, видно, что вы великолепно ориентируетесь в том, что нам нужно. Если бы вы вкратце изложили все в форме заявления, это бы очень облегчило наш допрос.

Белецкий. — Т.-е., я сделаю на себя обвинительный акт?

Председатель. — Почему обвинительный акт?

Белецкий. — Я вам говорю, что я так много пережил за это время. Я далек от мысли что-нибудь скрывать, потому что моя совесть заставляет меня говорить.

Председатель. — Так что это не будет обвинительным актом против вас?

Белецкий. — Нет, я даже рад повиниться в том, в чем я чувствую, что меня совесть упрекает; по поводу тех пунктов, в которых мне совесть подсказывает, меня могут обвинить с точки зрения сегодняшних взглядов.

Председатель. — Я бы желал, чтобы вы продолжали и представили нам быт ваш товарищем министра, ваши отношения к Распутину, ваши придворные связи.

Белецкий. — Это много преувеличивают. Я все скажу вам, но мои отношения к Распутину т.-е. не к нему, но к тем, кто был выше его, распадаются на три периода: первый период относится к моему директорству при Маклакове; второй период — ко времени, когда я был товарищем министра; он закончился моим уходом; третий период — знакомства, оставшегося с того времени; тут связь моя с Вырубовой и, быть может, влияние, которое я имел.

Председатель. — Я хочу вам предоставить полную свободу, потому что мы не следователи.

Белецкий. — Завтра, как раз день, когда я имею право писать жене. Разрешите передать его вне очереди. Это письмо по делу.

Председатель. — Лучше написать сейчас, это будет сразу передано.

Белецкий. — Я ничего не имел бы против, если бы сделали осмотр того, что находится в моем кабинете, но у меня мать старуха, жена — больной человек, маленькие дети. Когда меня взяли окончательно, это на них страшно подействовало. Я попрошу жену передать эту записку, если она найдет, и записку, которую я представил через Вырубову государю императору; это единствен-

ная записка, которую я прдставил, а затем, если это будет интересно, я могу представить доклад о жизни Распутина, который имеется в моем распоряжении, один экземпляр, потому что за мной наблюдал комиссар. Остальное я сдавал аккуратно в министерство, в департамент полиции.

Щеголев. — Вы говорили в прошлый раз о том, что известия об отношениях Джунковского и Никольского попали в заграничную печать; никаких известий не было в самом департаменте полиции?

Белецкий. — Я хотел сказать, что я припоминаю. Я не для записи.

Председатель. — Почему же это не может быть записано? Вы неприличных вещей говорить не будете? Это можно записать.

Белецкий. — Я говорю, что, насколько я припоминаю, один раз, когда Джунковский лечился в Киссингене и приехал в Париж, он заметил фигуру генерала Герасимова в штатском платье. Я спросил тогда, проверяя через некоторых знакомых (я тогда с генералом Герасимовым не был знаком, познакомился с ним позднее, в Ялте, когда оставил при Джунковском свое место), потом я проверял через заграничную агентуру, через Красовского. Одна дама в больших бриллиантах, довольно красивая, приходила и давала какие-то материалы Бурцеву; можно думать, что это дело Герасимова. В. Л. Бурцев здесь, он, может быть, скажет, кто давал. Генерал Джунковский, несмотря на то, что дочь Герасимова вышла замуж за его племянника, относился отрицательно к генералу Герасимову и к Комиссарову. Герасимов был уволен с должности генерала для поручений, которую занимал при Маклакове. Безусловно, при том самолюбии, которое имел генерал Герасимов, у него осталось известное недоброжелательство к Джунковскому и до настоящей поры.

XXXIX.

ДОПРОС С. П. БЕЛЕЦКОГО

17 мая 1917 года.

Содержание: Письменное показание Белецкого. Дополнительные показания (французская агентура, отмена одного из циркуляров Белецкого при Джунковском). Содержание агентурной записки. Дело Бейлиса. Принадлежность союзу русского народа мысли о ритуальном убийстве. Малороссийская легенда о христианской крови. Цель процесса. Установление наблюдения за присяжными заседателями. Недостаток данных для ритуала. Недостаток улик против Бейлиса. Охрана Замысловского и Виппера. Командировка Дьяченко и 23 филеров. Книги для Шмакова. Караев. Переписка во время процесса. Статья Фрейната в «Вестнике Полиции». Требование обвинения министерством. Донесения Любимова о ходе процесса. Доклад Белецкого по поводу Караева. Свидетель Махалин и роль Дьяченко. Свидетельские показания жандармских офицеров в зависимости от данной им инструкции, как общее правило. «Пробковая» комната. Сотрудничество Махалина в интересах сыска скрывалось. Донесение Любимова с похвалами Иванову и Махалину. Отписки, продажа документов. 25.000 рублей Замысловскому на издание книги о суде над Бейлисом. Расходы департамента полиции и министерства внутренних дел.

Председатель (берет от Белецкого бумаги). — До какого момента вы дошли в ваших записках?

Белецкий.—Я объяснил свою программу действий, когда я был товарищем министра А. Н. Хвостова, потому что мы тогда с ним соединились. Мне приходилось брать на себя функции не только по заведыванию департамента общих дел, но и по управлению министерством, т.-е. по вопросам других департаментов. Затем я коснулся секретного фонда, сумм, которые могут интересовать Комиссию. Эти вопросы я затронул потому, что были вопросы политики министерства. Потом, в последней части, я перешел к роли департамента полиции, оттенил рабочее движение. Если позволите, я сейчас вкратце доложу затронутые вопросы: вопрос о беженцах, продовольственный вопрос, вопрос об отношениях А. Н. Хвостова к прессе, о роли Гурлянда и осведомительного бюро, — всю эту подноготную часть, чтобы так или иначе обрисовать построение. Коснулся правых организаций, двух

последних съездов, которые были в этот период — петроградского и нижегородского; затем, — некоторых волнений и причин, которые вызывали предпринятые предприятия; движение среди донского казачества, которое может иметь значение чисто исторического материала. Переходя, затем, к департаменту полиции, я указал, кто были мои ближайшие сотрудники, как распределялись обязанности, какой план мною намечался, иногда — в отступление от предыдущих. Касаясь рабочего движения, я указал точку зрения и действия в этом отношении, потому что это тесно переплеталось с ролью промышленных комитетов. Затем начались выборы в Москве и Петрограде. Потом я установил отношение совета министров к А. И. Гучкову, его связь с Поливановым; затем я дошел до контр-шпионажа. Теперь остаются только, может быть, некоторые вопросы.

Председатель. — Я думаю, что вы будете представлять нам свою работу по этим вопросам, а мы будем просто выслушивать ваши объяснения. Чтобы не было траты времени, мы перейдем к отдельным делам. Я хочу перейти к делу Бейлиса, выяснить отношение к этому делу министра внутренних дел, департамента полиции, а также и министра юстиции.

Белецкий. — Дело Бейлиса для меня немножко неожиданный вопрос. Может быть, я упущу из памяти некоторые моменты, но потом — я их обдумаю. Я еще хотел сказать, я припомнил из прошлого доклада, был ли кто-нибудь из влиятельных лиц в составе французской прессы, которая помогала нам. Я тогда доложил, что, по докладу Красовского, это лицо довольно крупное, близкое к дипломатическим сферам; даже намечалось его назначение на один из видных дипломатических постов. Действительно, в ту пору сведения были таковы, что даже Сазонов от посла таких сведений не имел. Фамилию лица я не помню, но, вероятно, в департаменте вы найдете. Затем, может быть, тоже будет иметь значение: во времена Джунковского было отменено одно из циркулярных писем, которое было послано мною при Макарове. Я не могу сказать содержание письма, но, в общих чертах, оно касалось того, чтобы офицеры корпуса жандармов сообщали сведения о представителях губернских администраций, если они могут иметь значение в местной жизни. Джунковский придал этому циркулярному письму большое значение, считая, что офицеры корпуса жандармов, работающие на местах, являются органами, подчиненными губернатору, и что поэтому, безусловно, сноситься по вопросам, касающимся губерний, помимо губернаторов, он не может. В этом духе при Маклакове был издан циркуляр за моей подписью.

Председатель. — Это все — дополнения; чтобы покончить с прошлым, я должен сказать, что у меня сегодня была ваша супруга и сказала, что она сожгла все, за исключением истории с Распутиным.

Белецкий. — Боже мой... Неужели?.. Я этого не знал.

Председатель. — Она была сама очень огорчена.

Белецкий. — Я не мог передать ей при свидании, так как наши свидания, как вам известно, происходят в присутствии двух лиц. Я не говорил ей даже намеками. Содержание агентурной записки, в общих чертах, сводилось к тому, что агентуру вел полковник Бертголд с Александровским. Так как полковник Бертгольд не отличался большими горизонтами, а Александровский был человек очень умный (хотя у него в прошлом и была судимость, что не дало ему возможности выдвинуться) и имел связь с журнальной ложей. Это так делалось, что наши корреспонденты, сидевшие в журнальной ложе, не знали, что они сообщают сведения, которые могут пригодиться. Затем знакомство Куманина. Меня интересовало, насколько широка Куманинская агентура, и насколько выше или ниже те сведения, которые представляет министру внутренних дел полковник Бертгольд; я просил Бертгольда как-нибудь устроить возможность получения мною записок, параллельных тем, которые шли к председателю совета министра. Эти записки были в моем распоряжении; я думаю, что они находятся в особом отделе, так как я все там оставил, когда уходил. Оказалось, что наши сведения — сведения Бертгольда были гораздо шире.

Председатель. — Пожалуйста, дайте краткий очерк вашего отношения к делу Бейлиса. Документы в нашем распоряжении; расскажите все, что вам известно.

Белецкий. — По делу Бейлиса я могу сказать то, что касается департамента полиции. Дело Бейлиса, как вам известно, началось в ту пору, когда министром внутренних дел был Маклаков. Отношения Маклакова ко мне, как к лицу, назначенному Макаровым, были несколько предубежденные; тем не менее, я прослужил у него в течение года. Он ценил во мне трудолюбие и знание всех дел, как впоследствии мне высказал. Затем, когда отношения мои с Джунковским не наладились и я уходил, Маклаков все-таки, несмотря на то, что я первоначально был назначен олонецким губернатором, доложил государю императору о назначении меня в сенат. Отношения мои с Маклаковым потом восстановились, и я против него ничего не имел, а в последнее время я с ним часто виделся. В этот период времени Щегловитов и Маклаков были в большой дружбе. Мне не было известно, может быть, переговоры по делу Бейлиса первоначально и велись; я знаю только следующий период, о котором и доложу.

Председатель. — Давайте говорить о первом периоде; вы имели доклады или беседы со Щегловитовым?

Белецкий. — Да, имел.

Председатель. — Скажите о том, что знаете о первом периоде не непосредственно, а из бесед с Маклаковым и Щегловитовым.

Белецкий. — Все, что поступало в департамент полиции, докладывалось мною Маклакову и, по его приказанию, Щегловитову.

Председатель. — Эти приказания касались исключительно дела Бейлиса? Когда вы получали эти приказания?

Белецкий. — Я получал в средний период, когда процесс был в стадии судебного разбирательства.

Председатель. — Ваши доклады касались всего дела, поскольку оно было вам известно?

Белецкий. — В департаменте полиции вся эта переписка должна была остаться.

Председатель. — В пределах этой переписки не было обстоятельств, неизвестных Маклакову или Щегловитову?

Белецкий. — В пределах этой переписки — не было. Это было важно в смысле беспорядков, которые могли народиться.

Председатель. — Это было важно вам?

Белецкий. — Я говорю, с моей стороны. Например, когда уже вопрос шел относительно защиты...

Председатель. — Почему вы забегаете вперед? Мы начнем с происхождения этого дела, его постановки и отношения к его постановке министра внутренних дел и министра юстиции. Нужно думать, что департамент полиции здесь играл исполнительную роль? Вероятно, инициатива постановки принадлежала не департаменту полиции?

Белецкий. — Насколько я могу сейчас сказать, дело было возбуждено в Киеве. Прокурором судебной палаты в ту пору был Чаплинский, ему возбуждение и принадлежало; даже Ф. Ф. Трепов, насколько помню, лично мне об этом говорил. Он отнесся к этому делу не то, что предвзято, но с некоторым недоверием. Губернатором тогда был А. И. Гирс. Гирс, приехав ко мне, говорил о неудовольствии, которое возникло у Трепова по поводу действий начальника местного сыскного отделения. Я не помню его фамилию.

Иванов. — Его фамилия — Красовский.

Белецкий — Да, да, Красовский. Гирс приезжал ко мне с просьбой дать кого-нибудь из петроградской сыскной полиции; тогда был дан Мищук, который играл в процессе большую роль, потому что его показания вначале были за, и потом — против.

Председатель. — Как мотивировалась необходимость дать Мищука?

Белецкий. — Он мотивировал тем, что роль начальника охранного отделения не понравилась и Трепову и прокурору судебной палаты Чаплинскому; он, в последнее время, играл двойную роль и уже не являлся тем так сказать сотрудником, который оправдывал бы все пожелания.

Председатель. — Кому и в какой момент пришла в голову мысль о том, что убийство ритуальное? Пришла эта мысль кому-

нибудь из чинов министерства юстиции или министерства внутренних дел или эта мысль была проведена в правительственную среду извне?

Белецкий. — Эта мысль была проведена извне, местной организацией союза русского народа, во главе которой стоял тогда Голубев. Голубев очень близко стоял к Замысловскому; так как Замысловский был большим лицом в министерстве юстиции и имел связи со Щегловитовым, с мнением которого считались, безусловно, весь прокурорский надзор старался итти в духе настроения момента; он считался с теми лицами, которых так или иначе кредитовал своим доверием Замысловский.

Председатель. — Какая была связь между Голубевым, Замысловским и Чаплинским?

Белецкий. — Чаплинский выдвинулся в последнее время этим делом; до того момента он принадлежал к числу лиц, которые не пользовались большим реномэ в судебном мире; он был человеком очень гибким, отвечающим настроению той эпохи, когда между министром внутренних дел и министром юстиции была тесная связь и когда взаимно друг другу помогали чины прокурорского надзора. Эта связь шла сверху донизу и представляла собой, в особенности по политическим делам и по делам общественным, известное знамение времени. Чаплинский православным сделался впоследствии: в юности он был, кажется католик. Поэтому, он старался приблизиться к местному православному духовенству, среди которого пользовался большим влиянием и авторитетом; когда он уходил, ему было дано митрополитом благословение, от духовенства была поднесена икона с адресом, и т. д. Затем, он принадлежал и подчеркивал свою принадлежность к правым организациям. Всегда посещал все собрания, в особенности, когда собирались представители высшей духовной иерархии.

Председатель. — Вы знаете это по тем сведениям, которые вы получали, как директор департамента и как товарищ министра?

Белецкий. — Я Чаплинского знал и часто с ним встречался. Я сам воспитанник киевского университета, моя сестра замужем в Киеве, и мне приходилось туда наезжать. Я имею знакомство с киевским духовенством и слышал, что Чаплинский близок с Голубевым.

Председатель. — Они были партийными товарищами?

Белецкий. — Не только. Тот часто у него бывал. Чаплинский особенно доверял Голубеву. Голубев убит во время последней войны, в чине прапорщика запаса, он имел Георгия. Это было обнародовано, было даже особое торжество. Голубев — был экспансивной личностью, очень может быть, — даже даровитой личностью. Я его видел один раз только, когда его ко мне прислал Замысловский, чтобы с ним познакомиться. Он был экзальтированный, возбуждающийся, нервный; с ним приходилось считаться

всему составу киевской администрации, с ним считался губернатор и генерал-губернатор.

Председатель. — Почему?

Белецкий. — Потому что Трепов, по складу своих убеждений, не был человеком крайне правым. В своей политике он старался приближаться к известным общественным течениям. Быть может, на него имел большое влияние его зять, губернский предводитель дворянства, кажется, на Волыни, человек либерального склада; также его жена, Елизавета Сергеевна, женщина, шедшая за известными общественными лозунгами. Так что Трепов — противоположность графу Игнатьеву, при котором был расцвет монархический в отношении администрации к православию. Затем генерал-губернаторское управление занималось не только вопросами обрусения Волынской и Гродненской губерний, но также вопросами поддержки православия в этих губерниях.

Председатель. — Вы далеко отходите.

Белецкий. — Голубев, как и большинство членов правых организаций, в Киеве действующих, был противником системы управления, которую проводил Трепов, и был сторонником правых течений, выразителями которых являлись Гирс и Чаплинский.

Председатель. — Почему такую роль играл Голубев? — Только ли, как член правых организаций и товарищ по партии Чаплинского, или — в силу своих связей с Замысловским, Щегловитовым и т. д.?

Белецкий. — Со Щегловитовым у него связей не могло быть; он мог, как и я, видеть его один раз, два, не больше. Может быть, его проводил тот же Замысловский. Но здесь у него были связи большие с центральными органами—с Замысловским и Марковым. Он сюда приезжал, это давало ему значение. Я ему денег не платил, я его не знаю. Вообще мне не приходилось этой организации давать денег. Я говорю, что я его один раз только видел, и то Замысловский прислал, при чем сказал мне по телефону, что это—интересный тип. Мысль о том, что это ритуальное убийство, принадлежала организации. Затем, насколько я припоминаю из докладов, туда были командированы чиновники особых поручений из департамента полиции, сначала Дьяченко...

Председатель. — Давайте говорить в некотором порядке. Это все видно из дела. Мы выясняем момент создания дела Бейлиса, как дела ритуального. Скажите, как случилось, что они заинтересовались: власти их заинтересовали или они просто по криминальной хронике заинтересовались случаем убийства мальчика?

Белецкий. — Нужно знать немного Киев. Я, как уроженец Малороссии, должен сказать, что у нас, к известному времени, приурочивается легенда крови христианской, употребляемой в мацу. Эта легенда жила, живет и, может быть, будет жить, пока ее не вытеснят из умов. Православное население чутко прислуши-

вается к этому моменту. Это случилось на окраине, где живет темнота, которая питается этими слухами и которая быстро эти слухи распространяет. Затем, полиция, которая могла быть Красовским. . ., этого я вам в точности не могу сказать. Во всяком случае, такое выдающееся преступление пройти бесследно, при южном темпераменте, не могло. Оно стало быстро известным и повлекло массу разговоров. Безусловно, могли заинтересоваться не только правые организации, но и прокурорский надзор. Заинтересовался и начальник сыскного отделения, который сейчас же дал доклад и на первых порах шел по следам; он же нашел рубашку окровавленную.

Председатель. — Каково же было отношение министра Маклакова к этому делу?

Белецкий. — Маклаков был сторонник этого дела. Первоначально тут судебная власть заинтересовалась. Чаплинский сюда приезжал, делал доклад. Чаплинский был у министра внутренних дел и ему об этом говорил. Был и у меня. Из разговоров с ними я выяснил, что постановка этого дела уже твердо решена, и Маклаков был сторонником его постановки. Во всяком случае, впечатление, которое я вынес из соотношений Щегловитова и Маклакова, это впечатление цельности убеждений в необходимости постановки судебного дела.

Председатель. — С политической или с государственной точки зрения ставилось дело?

Белецкий. — Я не могу сказать, Маклаков не высказывался. Но я не думаю, чтобы Маклаков мог создать это дело для того, чтобы можно было создать погромное движение против евреев; я помню, и тогда и после я обращал серьезное внимание, и даже телеграммы были очень настойчивы; одну из них Маклаков проредактировал сам; но, с точки зрения разрешения еврейского вопроса, это очень возможно; в еврейском вопросе Маклаков был и остался убежденным противником каких-либо расширительных прав евреев.

Председатель. — Значит, процесс был поставлен затем, чтобы, несмотря на несочувствие министерства к погромам, использовать дело в целях разрешения вопроса о еврейских правах в отрицательном смысле?

Белецкий. — Да, я думаю, скорее так.

Председатель. — И, может быть, затем, чтобы, не учиняя погромов, держать, тем не менее, в некотором трепете и страхе еврейскую массу?

Белецкий. — У меня этой мысли не было.

Председатель. — Меня интересует больше политика министерства.

Белецкий. — У департамента полиции ее не могло быть. Я говорю о Маклакове, об его отношении к еврейскому вопросу.

Это я хорошо знаю, потому что Маклаков говорил, что виновниками революции 1905 года он считает евреев, участие еврейского капитала, и т. д. Затем его отношение к еврейскому вопросу по департаменту общих дел дает ясную иллюстрацию.

Председатель. — Скажите, в какой момент департамент полиции вошел в это дело?

Белецкий. — Вначале департамент полиции выяснял, так что я точно не могу сказать. Я думаю, в делах вы найдете. Только помню, что я посылал Дьяченко в свою пору, чтобы выяснить общее настроение; затем сюда приезжал Чаплинский, и мы только побочно так сказать помогали министерству юстиции... Я, например, могу вам сказать, что, когда этим делом особенно интересовались, Замысловским был приглашен в состав Шмаков покойный, который считался специалистом и знатоком по еврейскому вопросу. Ему понадобились очень ценные и редкие издания.

Председатель. — Погодите, вы забегаете вперед. Какая была связь между Замысловским и Голубевым?

Белецкий. — Связь партийных работников. Он Голубева очень уважал; Замысловский неоднократно после смерти Голубева говорил, что считает эту смерть большим уроном для партийного дела на юге России. Он придавал Голубеву большое значение и с теплотою о нем говорил. Он Голубева ценил не только, как партийного сотрудника, но и как человека, близкого ему по духу.

Председатель. — Г. секретарь, оглашается из дела секретный документ, помеченный 16-го сентября 1913 года. Это вы писали, может быть, вы и прочтете?

Белецкий. — Я могу сказать вам, с какою целью. Разрешите, я прочту. «Г. министр приказал немедленно по телеграфу предложить начальнику киевского городского железнодорожного управления установить, по докладе г. губернатору, наблюдение за присяжными заседателями, назначенными в эту сессию суда, когда будет слушаться дело Бейлиса. Наблюдение вести до 25-го сего сентября, когда присяжные будут изолированы. Наблюдение надо поставить тонко, умело инструктировать филеров и обо всем держать в курсе прокурора судебной палаты и накануне суда донести телеграфно в подробностях департаменту. Желательно осветить их сношения, возможность влияния на них и все малейшие данные, могущие дать судебной власти отправную точку для суждения о настроении их. 2) Установить охрану за командируемым из Петербурга обвинителем по этому делу товарищем прокурора Виппером и гражданским истцом членом Государственной Думы Замысловским, как здесь, так и в Киеве в особенности. 16/9, С. Б.».

Председатель. — Здесь есть несколько моментов. Вы устанавливаете наблюдение за тем, чтобы никто на присяжных засе-

дателей не имел влияния. Больше того, вы поручаете этому наблюдению выяснить данные, могущие дать судебной власти отправную точку для суждения о настроении присяжных заседателей. Не будете ли добры пояснить это; ведь настроение присяжных заседателей сказывается в приговоре, в зависимости от того, что они слушают на суде.

Белецкий. — В деле Бейлиса министерство юстиции и министерство внутренних дел как бы заодно действовали, т.-е. два министра вполне были солидарны. Это случилось как раз после приезда прокурора судебной палаты Чаплинского. Чаплинский докладывал министру юстиции Щегловитову, прося его установить наблюдение, так как он имел сведения, что будто бы еврейская среда, которую дело Бейлиса сильно нервировало, может подкупить присяжных заседателей. Затем насколько я припоминаю из разговоров с Чаплинским, у них еще не было уверенности в том, что фактический материал серьезен, что он мог воочию доказать ритуал, и они возлагали большую надежду...

Председатель. — Т.-е., значит, данных для этого не было?

Белецкий. — Не то, чтобы не было, данные были, как докладывал прокурор судебной палаты; но он указывал на то, что начальник сыскного отделения Красовский, якобы так сказать под влиянием денежного свойства, отошел, и показания его могут влиять уже на совершенно другое настроение...

Председатель. — Хорошо, это могло дать повод наблюдать за Красовским, само собою, наблюдение было. Но ведь тут наблюдение не за настроением Красовского, а за настроением будущих судей.

Белецкий. — Настроение заключалось в том, что прокурору судебной палаты Чаплинскому внушался, во что бы то ни стало, приговор обвинительный. То же самое желание было у тех лиц, которые выступали в помощь Випперу и гражданским истцам. Безусловно, если устанавливалось наблюдение, если оно поручалось начальнику губернского жандармского управления, это само собой знаменует не филерское наблюдение, которое может только показать, кто проведен, а более глубокое внедрение, которое могло бы нащупывать, как данное лицо относится к делу. В газетах различных направлений были статьи по этому поводу. Вообще это дело очень волновало широкие общественные круги, не только наши, но и европейские. Здесь так сказать имелась двойная точка зрения. Например, во время процесса, как бы сказать, смотрели (Любимов мне потом объяснял), какое впечатление произведет то или другое показание экспертов: даже считали по пальцам, что можно ожидать от состава присяжных заседателей.

Председатель. — Значит относительно будущих судей было установлено не только внешнее наблюдение, но, употребляя терми-

нологию департамента полиции, и внутреннее освещение при помощи секретных агентов?

Белецкий. — Не то, что секретных агентов, их могли узнать посредством знакомств. Вообще малороссы более общительный народ, более гостеприимный. Завести с ними знакомство...

Председатель. — Итак, общительность и гостеприимство малороссов могло служить проводником для тех лиц, которые должны были осветить изнутри их настроение?

Белецкий. — Да, узнать их настроение.

Председатель. — Это ужасно. А знаете вы, что, когда будущие судьи уже отправляли свою судейскую задачу, к ним в совещательную комнату, под видом слуг, были внедрены агенты министерства внутренних дел?

Белецкий. — Я не знаю. Если есть эти сведения...

Председатель. — Разве вы не помните, что два жандармских унтер-офицера были одеты в платье судебных курьеров и прислуживали присяжным заседателям?

Белецкий. — Да, да. Я помню.

Председатель. — Прислуживали им, приносили чай. Таким образом, в эту «святая святых» нашего суда вторгалось министерство внутренних дел со своими агентами.

Белецкий. — Это было с ведома председателя.

Председатель. — Тем преступнее был председатель.

Белецкий. — Я теперь пережил многое, я сам понимаю...

Председатель. — Извините. Мы — русские граждане; мы не можем не волноваться, когда говорим о таких нарушениях.

Белецкий. — Я краснею сам в настоящую минуту. Я так много пережил, что, в этом отношении, я сам могу краснеть за многое, что делал.

Иванов. — Скажите, большой был состав лиц, наблюдающих за присяжными заседателями?

Белецкий. — Я не смею сказать.

Иванов. — Вы не помните. Для наблюдения за присяжными заседателями было назначено 23 филера и было сообщено вам, что этого мало, что нужно срочно выписать еще из Житомира, из Полтавы и Бердичева.

Белецкий. — Очень возможно.

Председатель. — Вы говорите, что, по словам Чаплинского, не было уверенности в достаточности данных, устанавливающих ритуал. Значит, о недостаточности этих данных для ритуала вы докладывали как министру внутренних дел, так и министру юстиции? Знали ли эти два министра о том, что в этом деле недостаточно прочно именно то, что составляет для них главный интерес?

Белецкий. — Чаплинский приезжал перед самым судом, чтобы рассказать, какое было положение во время производства судеб-

ного расследования. Как раз в минуту производства шел разговор о том, кого выбрать для обвинения, и т. д. Почти все это время были непрерывные сношения.

Председатель. — В связи именно с этой недостаточностью?

Белецкий. — Да. Чаплинский ко мне приходил сравнительно мало. Я получал приказания от министра юстиции и министра внутренних дел. Они были спаяны и вполне солидарны. У меня была роль докладчика. Я передавал Щегловитову письма и те сведения, которые получал от своих чиновников, командированных на рассмотрение дела. Безусловно, министр юстиции и министр внутренних дел имели сведения, раз мне Чаплинский говорил, он и им также говорил. Он говорил, на каких свидетелей можно положиться. Чаплинский долго и подробно разговаривал относительно бывшего начальника сыскного отделения. Это его страшно беспокоило. Ведь в этом деле вся карьера Чаплинского была на чашке весов. Какие побуждения были у правых партий, во главе которых стоял Замысловский? О Замысловском я не смею сказать, я в ту пору его не видел; он имел возможность говорить с Маклаковым. Ко мне он являлся, если были дела денежного, формального свойства. А затем он приходил ко мне, как я вам говорил, для получения книг, которые были мною выписаны.

Председатель. — Потом мы перейдем к этому. Вы говорите, что было беспокойство в связи с недостаточностью данных о ритуале. Ну, а было беспокойство в связи с недостаточностью фактических улик против Бейлиса? Что не удастся установить фактическую связь Бейлиса с убийством, установить самый факт убийства этого ребенка этим человеком?

Белецкий. — Видите ли, вопрос этот также озабочивал Чаплинского; даже, в один из приездов, я помню, он говорил, что Замысловский озабочен. Даже была у них поездка в Харьков, где был кто-то из свидетелей, который мог, так сказать, эту связь установить. Во всяком случае, мысль о недостаточности вещественных дознаний существовала.

Председатель. — Не будем говорить о вещественных дознаниях, будем говорить об уликах; так вот, если бы потом министр юстиции или министр внутренних дел кому-нибудь говорили, что улик достаточно, что Бейлис уличен и ритуал доказан, то это шло бы вразрез с тем, что вы им докладывали, и с тем настроением, которое существовало внутри? Вы, конечно, не могли не наблюдать настроение этих двух лиц, когда сталкивались с ними?

Белецкий. — Нет, в них жила прочная уверенность в правильности постановки дела.

Председатель. — Ну, да, может быть, они были юдофобски настроены. Может быть, у них было мнение, что евреи всегда пользуются человеческою кровью. Я спрашиваю, как они

смотрели на обоснованность обвинения с фактической стороны и со стороны ритуальной?

Белецкий. — Чаплинский все время поддерживал в них мысль, что некоторые интервалы, пробелы некоторые, во всяком случае, не будут иметь большого значения; потому что вся сумма собранного им материала тех обвинений, которые он выдвинул, безусловно должна повлиять на присяжных заседателей в связи с атмосферою общею, которою питалось так сказать местное простое население.

Председатель. — В соответствии с тем, что говорил раньше С. П., я оглашаю следующий документ: «Киев. Начальнику губернского жандармского управления. Лично. Установите самое тщательное осторожное наблюдение за полным составом присяжных заседателей предстоящей сессии киевского окружного суда, во время коей предстоит слушание дела Бейлиса. Наблюдение ведите вплоть до начала слушания дела, инструктируйте филеров самым подробным образом дабы наблюдение было проведено тонко и умело. Необходимо наблюдением осветить все сношения заседателей, возможность влияния на них лиц, заинтересованных так или иначе в исходе дела. О ходе наблюдения держите постоянно в курсе прокурора судебной палаты и докладывайте его превосходительству все данные, могущие дать судебной власти материал для суждения настроений заседателей. Накануне разбора дела все подробности наблюдения донесите мне по телеграфу для доклада господину министру. Обо всем этом лично доложите губернатору, испросив если в чем понадобится содействие и ближайшие указания. Независимо от того примите тщательные меры охраны прибывающих из Петербурга для обвинения по делу Бейлиса товарища прокурора судебной палаты Виппера и выступающего гражданским истцом члена Государственной Думы Замысловского. Подписал директор Белецкий. 17 сентября 1913 года». Скажите пожалуйста, почему эти два лица так нуждались в охране? Это была их собственная инициатива или предусмотрительность департамента полиции и министерства внутренних дел?

Белецкий. — Нет, здесь имелись в виду сведения, которые дошли до правых партий: что возможно выступление против них, чтобы они не принимали участия в судебном разбирательстве; настолько, что когда окончилось разбирательство дела, Випперу был выдан заграничный паспорт на другое лицо.

Председатель. — Что же, были серьезные данные, что против них что-нибудь замышляется?

Белецкий. — В распоряжении департамента полиции этих сведений не было; они были в распоряжении правых групп, Замысловский об этом говорил министру юстиции, а министр юстиции просил об этом Н. А. Маклакова.

Председатель (читает).—«Киев. Начальнику губернского жандармского управления. Для присутствования на разборе дела Бейлиса министром внутренних дел командируется состоящий при его высокопревосходительстве чиновником особых поручений статский советник Дьяченко, на коего мною возложено ознакомление с ходом порученного вам наблюдения, ежедневного о том доклада по телеграфу. В виду сего вам надлежит ставить статского советника Дьяченко в полный курс наблюдения и получаемых сведений, относящихся к таковому. Подписал директор Белецкий. № 1081. 18 сентября 1913 года». Следующий документ: «Разбор шифрованной телеграммы из Киева от полковника Шределя на имя директора департамента полиции. Подана 20-го сего сентября 1913 года. Пока в наблюдении двадцать три за недостатком филеров вызвал наличных Житомира, Бердичева и Полтавы». Это мобилизация всех сил города. Значит, 23 присяжных были подвергнуты наблюдению?

Белецкий. — Как начальник района, он мог вызвать. Разрешите мне коснуться другого вопроса. Ко мне обратился Замысловский, когда выяснилось, что Шмаков примет участие; так как Шмакову были нужны книги — Талмуд, я просил прислать Красильникова; он достал их с большим трудом в Италии. Уходя из департамента, я хотел получить их обратно, как казенное имущество, но Замысловский их не представил.

Председатель. — Расскажите вкратце историю с Караевым. Караев — один из свидетелей защиты по делу Бейлиса, находящийся в селении Кежемском, Енисейской губернии, в ссылке. Что сделал департамент полиции, сам ли он действовал, или с ведома обоих министров, или одного из них, когда узнал о том, что Караев вызывается защитой в качестве свидетеля?

Белецкий. — Я сейчас хорошо не припомню, но знаю, что все распоряжения делались по соглашению между двумя министрами, а департамент полиции играл роль только исполнительную.

Председатель. — Вы не припомните, за что был сослан Караев? По вашему распоряжению было перехвачено письмо этого Караева на имя Красовского; в нем Караев пишет, что очень беспокоится, что его не вызовут в качестве свидетеля по делу Бейлиса; между тем, он много по этому делу знает и решил приехать ко дню разбора самовольно и дать свои показания; пусть тогда арестуют его — беда небольшая — только несколько месяцев тюрьмы.

Белецкий. — Если не ошибаюсь, есть сведения, что показание Караева не могло быть благоприятным для защиты.

Председатель. — Но вы не руководствовались в своих действиях по отношению к свидетелю тем, как бы этот свидетель не причинил вреда защите? Я вам напомню два ваши действия: во-первых, вы распорядились письмо Караева к Красовскому бывшему вашему начальнику сыскной полиции и посланное заказ-

ным, не пересылать по адресу: во-вторых, вы сделали телеграфное распоряжение о том, чтобы были приняты все меры к недопущению побега, т.-е. к удержанию свидетеля на месте его жительства.

Белецкий.— Видете ли, на Красовского к этой поре было прокурором судебной палаты Чаплинским наброшено подозрение; он считал, что Красовский находился уже вне сферы, т.-е., что показания его будут для обвинителя неудобны.

Председатель. — Значит, дело не в том, что Караев мог повредить защите, а в том, что он мог повредить обвинению?

Белецкий. — Конечно. Все, что касается Караева, я хорошо не припомню; но письмо Красовскому не было представлено. Быть может, оно было послано потом или передано прокурору судебной палаты.

Председатель. — На письме имеется резолюция директора департамента: «Получено 20-го сентября. Письма не посылать. Телеграфно предложить его арестовать, как бежавшего из ссылки, независимо от дела Бейлиса. Пометка Броецкого: I-е отделение. Для исполнения». Со стороны закономерности, эти действия вряд ли могут считаться правильными; во-первых, вы не имели права это письмо задерживать на том основании, что явка свидетеля могла повредить обвинению; во-вторых, какое у вас было основание сделать распоряжение об аресте, и, когда оказалось, что он еще не успел уехать, о мерах «к недопущению побега»? Из другой телеграммы полковника Шределя видно, что енисейская администрация отказывается его препроводить. Казалось бы, раз суд его допускает в качестве свидетеля, раз он сам хочет, нужно оказать содействие в интересах правосудия, чтобы свидетель на суд явился. Тут имеется «разбор шифрованной телеграммы из Киева. От чиновника особых поручений Дьяченко на имя директора департамента полиции. Подана 23-го сего сентября 1913 года. Настроение в Киеве приподнятое, среди союзников и кругах еврейской буржуазии, меры предупреждения беспорядков приняты. Замысловский, Виппер охраняются, наружное наблюдение за присяжными заседателями пока не провалено, осуществляется осторожно, но результатов не дает и дать не может, состав присяжных мало интеллигентный — половина крестьян и мелких собственников. Подполковник Иванов категорично доложил, что Караев не оказывал ему агентурных услуг по делу Ющинского». Относительно этих мер: задержки письма Караева, арестование и задержание свидетеля на месте, — вы докладывали министру внутренних дел?

Белецкий. — Я говорю, что ни одного распоряжения не было сделано помимо двух министров. Я докладывал лично или пересылал письма при своем письме, в своем конверте.

Председатель. — Так что, иногда были устные, а иногда письменные доклады?

Белецкий. — Это уже впоследствии. Получая письма, я всегда делал отметки. Потом, также было приказано сообщать Замысловскому все интересные сведения до момента его отъезда, так что, история с Караевым Замысловскому была известна. Возможно, что все мероприятия были сделаны под влиянием совета Замысловского, который с этим делом был хорошо знаком.

Председатель. — В деле имеется копия телеграммы о наблюдении за присяжными заседателями, которое «осуществляется осторожно, но результатов не дает»; затем копия доклада на бланке директора департамента полиции с выяснением личности Караева. Это действительно было вами препровождено Щегловитову от имени министра внутренних дел, который, «свидетельствуя совершенное почтение его высокопревосходительству Ивану Григорьевичу, препровождает ему копию телеграммы чиновника особых поручений Дьяченко и доклад директора департамента полиции, относящийся к делу Бейлиса». Вы говорите, что-то еще устно докладывалось?

Белецкий. — Сам Маклаков с ним очень много говорил. Они в ту пору были в самых лучших отношениях. Маклаков распорядился, чтобы Щегловитову сообщалось все по делу Бейлиса.

Председатель. — А почему нет отметок, что Замысловскому сообщалось? Очевидно, это несколько конспирировалось?

Белецкий. — Да, это несколько конспирировалось, потому что Замысловский мог говорить со мной, с министром... Многого в резолюциях не писалось.

Председатель (предъявляет бумагу). — В этой бумаге говорится, что Караев принадлежит к группе анархистов и является типичным представителем подонков общества. Затем буквально значится вот что: (читает): «Из содержания поступившего в департамент полиции совершенно секретного документа, доложенного мной вашему высокопревосходительству 2-го сего сентября, усматривается, что Караев за вознаграждение предложил евреям свои услуги свидетеля при разрешении судом дела Бейлиса в пользу сего последнего и с этой целью предполагал бежать из места водворения. Как видно из донесения начальника киевского губернского жандармского управления Караеву переведена сумма 200 рублей присяжным поверенным Марком Виленским». Не можете ли вы припомнить, какой «совершенно секретный» документ был вами доложен министру внутренних дел 20-го сентября?

Белецкий. — Я не припомню. Я бы вам с удовольствием рассказал, но у меня в памяти нет.

Щеголев. — По терминологии — «совершенно секретный документ» к чему относится?

Белецкий. — Совершенно секретный документ — это могли быть перлюстрированные письма, агентурные записки с надписью. По особому отделу все считалось особо секретным, что касалось

агентуры. Очень возможно, что полковник Иванов принимал большое участие и находился в распоряжении прокурора судебной палаты. Может быть, он мог сообщать за своей подписью, что и было представлено.

Председатель. — А не было ли это место доклада взято в виде вывода не вполне правильного?

Белецкий. — Нет, нет, этого не могло быть. В этом письме, кажется, не говорится о деньгах.

Председатель. — О деньгах тут говорится со всем в другом отношении. Автор письма заявляет, что он не имеет ни копейки денег, чтобы приехать, что он хотел бы дать свои показания, и заявляет, что, в виду неимения денег и так как он уверен, что ему могут выслать, он послал 6-го августа телеграмму с просьбой выслать 200 рублей, но до сих пор даже ответа не получил, и что путь до Киева — 25 дней.

Белецкий. — В докладе говорится, что получено?

Председатель. — На письме имеется пометка директора «доложено 20-го сентября». Судя по этой пометке, это есть именно доложенный документ, из которого вы только в докладе на имя министра внутренних дел сделали не вполне точный вывод, что он «за деньги предлагает свои услуги свидетеля евреям при разрешении судом дела Бейлиса в пользу сего последнего». В этом же документе имеется указание этого человека на два убийства: в августе 1911 года и в 1912 году. Автор письма говорит, что лица, участвовавшие в убийствах, в 1911 году одного еврея на Подоле и летом 1912 года в Пуще Водице околоточного надзирателя или городового, находятся среди свидетелей по делу Бейлиса. Может быть, эту часть письма вы утаили от Маклакова?

Белецкий. — Я докладывал вам, что ко мне мог относиться с доверием Макаров, который меня знал, знал также некоторые мои слабости, но верил, что я правильно ему докладывал; Маклакову я не мог бы этого сделать, потому что отношение его было ко мне таково, что я все докладывал в точности и не мог бы иначе сделать.

Председатель. — Так что, вы утверждаете, что эти места не могли не быть доложены?

Белецкий. — Дело Бейлиса так интересовало этих двух министров, что нет ни одного документа, который бы не был в подлиннике им показан.

Щеголев. — Эти письма вы оставляли у министра, а у себя — оттиск или копию?

Белецкий. — Эти письма нам доставлялись из перлюстрации от Мардарьева. Если это было письмо, по которому была необходимость снимать копию, то подлинное письмо отправлялось, причем давались указания — возвратить или уничтожить.

Председатель. — Из документа выясняется, что министру юстиции Щегловитову вы копии этого письма не посылали, но из ремарки на письме видно, что вы его докладывали.

Белецкий. — Нет, я говорю, что в деле Бейлиса все докладывалось; думаю, что никто из них не может отрицать, что они были в курсе. Конечно, под влиянием времени, человек может сам своей точке зрения изменить,—что он сам ошибался; в настоящую минуту я многого бы не делал из того, что я делал; но для этого надо пережить, я вас уверяю. Вы сами видите, что на некоторых есть отметка министров. Затем у нас было принято, что, при устных докладах, делалась надпись директора, что доложено министру и его резолюция. Я был третьего класса по должности, равный товарищу министра, представлял собой фигуру центральную в министерстве.

Председатель. — Из письма Красовскому: «Николай Александрович, помните ли убийство в 1912 году в одном из дачных мест города Киева, не помню не то Пуща Водица, не то Святошино, околоточного надзирателя и городового, не помню их фамилий. Околоточный был вызван неизвестным лицом в рощу, где будто бы был повешен человек, конечно, вы припомните это. Так вот среди свидетелей обвинения есть лица, причастные к этому убийству». Скажите пожалуйста, были проверяемы эти сведения или нет?

Белецкий. — Эти сведения не были проверяемы. Я хочу еще добавить. Замысловский приходил от имени того или другого министра и говорил, что нужно сделать. Замысловский был в этом деле настолько широко аккредитован, что все его замечания принимались к неуклонному руководству. Все сообщалось Замысловскому, он был в курсе.

Председатель. — Интересно, что письмо это задержано, а телеграмма Красовскому с просьбой выслать 200 рублей пропущена; эти двести рублей от имени присяжного поверенного Виленского, как видно из донесения, действительно были этому человеку, в чаянии, что он приедет в Киев, переданы.

Белецкий. — Это просто объясняется тем, что телеграфной перлюстрации не существовало. Телеграмма случайно могла быть задержана; во главе этого дела стоял инженер Осадчий, с которым Мардарьев боялся входить в сношения. Я помню, однажды я ему говорил о необходимости устроить телеграфную перлюстрацию; он ответил, что с Осадчим нельзя в этом деле совместно работать.

Председатель. — В деле имеется «Справка. 16-го сего сентября министр юстиции сообщил господину министру внутренних дел о необходимости доставления в город Киев под охраной в киевский окружный суд хранящихся в С.-Петербурге в архивах центральных управлений разных дел, имеющих существенное зна-

чение при разрешении судом дела Бейлиса. Дела эти: 1) об учреждении в С.-Петербурге особой специальной комиссии для разбора еврейских дел и манускриптов; 2) об убийстве в городе Саратове двух христианских мальчиков; 3) по вопросу об употреблении евреями христианской крови с религиозной целью и 4) о секте хасидов были доставлены архивами названных учреждений в департамент полиции, откуда 17-го сентября вечером под охраной отдельного корпуса жандармов ротмистра Фока, командированного в город Киев по приказанию господина министра, были отправлены в распоряжение председателя киевского окружного суда и сданы под особую расписку. . . 26-го сентября статский советник Дьяченко донес, что из вызванных 219 свидетелей не явилось 34, из 14 экспертов не явились три, защитники подсудимого энергично пытались сорвать процесс, настаивая на отложении дела за неявкой существенных свидетелей. Суд тем не менее приступил к слушанию дела. Присяжными заседателями избраны 7 крестьян, 2 мещанина, 2 неимеющих чина, 1 телеграфный чиновник, который и избран старшиной присяжных. Заседание 25-го сентября прошло без инцидентов. В городе тихо, забастовки в учебных заведениях не было, порядок нигде не нарушался. Председатель суда ведет заседание очень мягко. Защита представлена на суде гораздо сильнее обвинения».

Белецкий. — Это, вот, мнение всех писем и газет. Эти дела из министерства юстиции, которые касались ритуальных убийств предыдущих. Они были под охраною жандармскою доставлены туда и обратно. Я даже все письма по этому делу срочно сдавал в департамент полиции, чтобы их у себя не оставлять.

Председатель. — Затем следует письмо Дьяченко от 24-го сентября на имя его превосходительства глубокоуважаемого Степана Петровича, в котором говорится, между прочим, что, по циркулирующим слухам, союзники решили сжечь Бейлиса независимо от оправдательного или обвинительного приговора; что Болдырев, председатель суда, сильно волнуется, боясь политических выступлений со стороны адвокатов (в особенности В. А. Маклакова). Затем указывается на то, что наружное, по крайней мере, наблюдение, за присяжными заседателями, по условиям местным, крайне опасно, ибо, в случае провала, т.-е. обнаружения, левые поднимут сильный шум. Между тем, оно никаких решительно результатов не дает.

Белецкий. — Видите ли, нам приходилось считаться все время. Голубев вел большую агитацию среди правых; вообще агитация была сильная. Так что, еврейский погром висел в воздухе. Все вырезки из газет того времени я собирал и давал указания во избежание погрома.

Щеголев.—Скажите, пожалуйста, какая история была с Фрейнатом, по поводу напечатания статьи по делу Бейлиса в «Вестнике

полиции»? Он напечатал статью и за это получил замечание от вас.

Белецкий. — Я вообще был недоволен постановкою «Вестника полиции». Я хотел его сделать наподобие тех полицейских журналов, которые издаются в Берлине и во Франции. Вообще, по отношению к Фрейнату, когда он был редактором, я был несколько предубежден, потому что многое знал о его деятельности. После его ухода, это оправдалось. Он не пользовался моим доверием. С Фрейнатом у меня были неоднократно стычки из-за направления газеты. Он хотел противоположного мне.

Председатель. — Следует бумага начальника киевского губернского жандармского управления: по его сношении с енисейским губернским управлением выяснилось, что Караев 23-го сентября уже находился в красноярской тюрьме и что на его имя денежных переводов на сумму 200 рублей не поступало. Из последующей справки выясняется, что, может быть, секретный документ, давший основание сделать эту справку, вопреки перехваченному письму Караева к Красовскому, основывался на этом же письме, несколько переиначивая отношение Караева к этому делу.

Белецкий. — Я теперь припоминаю, что относительно Караева я говорил с Замысловским.

Председатель. — Так что, распоряжение об аресте сделано по его указанию?

Белецкий. — Да, по его указанию. Это я теперь сознательно припоминаю; это было до его отъезда.

Председатель. — Будьте любезны прочитать вашу прибавку, у вас почерк очень неясный.

Белецкий. — «Телеграфирую Дьяченко, что Караев в силу циркуляра задержан, но, что на приезд его еще было выслано присяжным поверенным 200 рублей и что, как ныне по делу департамента полиции выяснилось, Караев, бывший сотрудник недобросовестный, просить его об этом доложить прокурору палаты. И если только теперь нужно его доставить, с тем чтобы потом объявление о его сотрудничестве могло поколебать материалы защиты, то пусть прокурор мне телеграфирует, и мы его срочно доставим».

Председатель. — Степан Петрович, вы, вероятно, заметили, что вы своим признанием...

Белецкий. — Я прошу верить, что во мне лично перелом произошел, что я понял многое из того, что было. Я так душевно много пережил, что хочется, ну, что ли, поисповедываться и быть полезным.

Председатель. — Вы нас этим просто обезоруживаете. Я хочу задать вам вопрос: совершенно определенно министерство внутренних дел стояло на точке зрения обвинения и не желало помогать защите? Такова была директива?

Белецкий. — Да, такая директива была ясная, я не отрицаю. Потребность в этом была. Маклаков, может быть, виноват в том, что был принципиален в еврейском вопросе. Но Маклаков действовал под большим гипнозом Щегловитова и в политике много проводил взглядов Ивана Григорьевича. Маклаков молод был еще, а Иван Григорьевич — человек с большим умом, человек с большой политикой, знавший и умевший плавать. Н. А. Маклаков находил в Иване Григорьевиче своего руководителя, и Иван Григорьевич довольно много им пользовался. И в совете министров они представляли тройное ядро — он, Сухомлинов и Щегловитов. Это была сильная, спаянная группа, которая пользовалась своим влиянием и очень много проводила.

Председатель. — Дальше, имеется донесение второго агента министерства внутренних дел, исполняющего должность чиновника особых поручений Любимова, от 28-го сентября.

Белецкий. — Позвольте мне несколько коснуться Любимова. Я Любимова послал, потому что этому лицу очень верил. Это был недавно окончивший университет молодой человек, любил сыскное дело, много им занимался. Много работал по разведению полицейских собак. Его настолько заинтересовало дело Бейлиса, что, когда началось рассмотрение, он испросил разрешение поступить в духовную академию вольнослушателем. Окончивший юридический факультет университета, он стал вольнослушателем духовной академии и окончил ее. Я его командировал, потому что хотел ему поручить собрать сведения, которые могли меня лично интересовать, о подлинном содержании процесса; я просил его как можно шире характеризовать все, что происходило, не стесняясь формою изложения. Донесения Любимова я тому и другому министру показывал.

Председатель. — В этом письме Любимов рассказывает об условиях, в которых велся процесс: о том, что защита все заносит в протокол, что сильно нервирует прокурора, который каждую минуту пьет воду, нервно перебирает руками, все время меняет позы на кресле; что защита довела его до состояния почти полной невменяемости уже на четвертый день процесса.

Белецкий. — С ним обморок даже был.

Председатель. — Так что, трудно предсказать, что будет. Страсти разгорелись. Прокурор теряет самообладание. Начинает делать повышенным тоном возражения. Позволяет себе кричать на свидетелей. Не дает им говорить и, постоянно перебивая, сам ведет рассказ от лица свидетелей. Защита занимает пассивное положение и просит только присяжных заседателей обратить внимание на то, как прокурор обрабатывает свидетелей. Затем, указывается на недостаточность полицейского дознания. Высказывается опасение, что В. А. Маклаков не преминет говорить об этом с трибуны Государственной Думы, на что департаменту поли-

ции нужно обратить внимание. На этом письме также имеется надпись «доложено министру 6-го октября». В следующем письме, от 25-го сентября, Любимов останавливается на составе суда, защиты, экспертов, в частности, на прокуроре Виппере, относительно которого у автора письма имеется опасение: «пожалуй, он не произведет особого впечатления на присяжных заседателей, потому что слишком быстро говорит и притом невнятно и без дикции», — хотя автор предполагает, что он разойдется. Но, впрочем, думает автор письма, «прокурор человек опытный, так как сумел отвести из присяжных заседателей всю интеллигенцию, чем привел в заметное замешательство защитников».

Белецкий. — Здесь, как я вначале сказал, Чаплинский считался с психологией народных масс Южного края. Это письмо представлялось только Золотареву; может быть, Маклакова не было, тогда Золотарев управлял.

Председатель. — Дальше, 10-го октября, от имени директора департамента С. П. Белецкого был составлен доклад в связи с тем же свидетелем Караевым. В докладе, между прочим, говорится, что было сделано надлежащее распоряжение к предотвращению побега и самовольной явки Караева в город Киев; тем не менее в последнее время в печати появилась заметка о том, что административная власть препятствует Караеву прибыть в суд и выступить в качестве свидетеля со стороны защиты. В виду этого, докладываете вы министру, во избежание дальнейших нареканий на действия администрации, вы предложили Дьяченко спросить прокурора судебной палаты, не будет ли найдено нужным доставить Караева в суд; но не указать ли, с целью поколебать его свидетельские показания, как материал для защиты, что Караев был сотрудником и оказался не заслуживающим доверия? Дальше вы излагаете, что, по этому поводу, вышло разногласие между прокурором судебной палаты Чаплинским и гражданским истцом Замысловским. Чаплинский заявил, что прокуратуре Караев не нужен, а Замысловский полагал, что нужен в интересах гражданского иска. В виду этого, вы не предрешаете вопроса о доставлении Караева на суд и предоставляете это «на благоусмотрение вашего высокопревосходительства». Здесь есть резолюция министра внутренних дел Маклакова, которая как будто идет вразрез с вашим предыдущим объяснением, что участие департамента в деле Бейлиса не было актом самостоятельным; надпись Маклакова — уклоняющегося свойства: «нет нужды нам прикладывать свои старания к тому, чтобы во что бы то ни стало Караев был в Киеве, это дело суда, а не министерства внутренних дел». Министр внутренних дел этой надписью становится на точку зрения Чаплинского о невмешательстве. Как вы совместите то, что говорили раньше, с этой умывающей руки надписью?

Белецкий. — В данном случае, может быть, он не советовался со Щегловитовым; может быть, они не переговорили.

Председатель. — Не помните ли вы отношения департамента полиции к другому свидетелю по делу Бейлиса, к Сергею Махалину?

Иванов. — Это был секретный сотрудник?

Белецкий. — Кажется, я так припоминаю.

Иванов. — Может быть, вы припомните об этом Махалине, не он ли удостоверял, что сознавался Сигаевский, что Ющинский был убит тремя ворами в квартире Чеберяк?

Председатель. — Телеграмма от 11-го сентября очень тревожная. В телеграфном донесении на ваше имя Дьяченко рассказывает: «Махалин общем умело, логично, доказывал, что Ющинский убит тремя ворами в квартире Чеберяк; показания Махалина связи показаниями Красовского нанесли серьезный удар обвинению; перекрестный допрос был безрезультатен, только выяснилось революционное прошлое Махалина. | Председатель Болдырев, прокуратура, Замысловский убеждены Махалин был сотрудником подполковника Иванова. Раздраженный Замысловский требует, чтобы Махалин был на суде разоблачен Ивановым недобросовестном сотрудничестве, заявляет мне, если дело провалится, он думской кафедры будет обвинять охранное отделение в провале дела. Подполковника Иванова провокации, подкупе. Ходатайство телеграфировать мне сведения сотрудничестве Махалина, иначе затрудняюсь действовать. Сегодня получил сведения, евреи скупают билеты для входа на процесс, предполагают освистать Пранайтиса во время экспертизы. Просил жандармское управление тщательно расследовать, принять по соглашению председателем соответствующие меры. | Председатель, прокуратура часто советуются со мной, просят распоряжений, вынужден проявлять активную деятельность». Вы понимаете, что кроме председателя и обвинителя на суде является какой-то ваш чиновник, уставом уголовного судопроизводства не предусмотренный?

Белецкий. — Это не в смысле вмешательства, а в смысле внешнем; тогда стояла громаднейшая толпа перед судом.

Председатель. — То, что это ваше предположение вряд ли правильно, следует из соседней фразы: «Не имея инструкций, затрудняюсь действовать, дабы не итти вразрез с желаниями министерства»; дальше — доклад: «Прокурор палаты мне заявил, что нужда приводе сосланного в Иркутскую губернию Бориса Андроникова Рудзинского теперь миновала». Значит, вы после этого распорядились по департаменту, чтобы вам дали справку о Махалине. Вам эту справку дали: из нее видно, что Махалин был секретным сотрудником под псевдонимом «Василевского» в киевском жандармском управлении; затем, в 1911 году, в киевском охранном отделении, под псевдонимом «Депутат»; получал 50 рублей в месяц жалованья, при чем летом 1911 года оказывал услуги под руковод-

ством подполковника Иванова; он одновременно ухитрялся получать жалованье из киевского губернского жандармского управления и из охранного отделения. В виду этого, по сообщению полковника Шределя, он был признан не совсем чистоплотным в денежных расчетах, и в настоящее время не состоит сотрудником. Вы положили на этой справке какую-то резолюцию, будьте добры прочесть ее.

Белецкий (читает). — «Доложено г. министру внутренних дел 11-го октября, который, в интересах правосудия, не признает возможным, чтобы подполковник Иванов, если ему будут заданы вопросы на суде о Махалине, мог скрыть правду. Он должен заявить о сотрудничестве Махалина, но вместе с тем оттенить, что от услуг этого лица жандармский надзор отказался в июле в силу недобросовестности Махалина в денежных расчетах. Об этом телеграфировал полковнику Шределю и статский советник Дьяченко».

Председатель. — Что же это за порядок? Вызванный на суд свидетель Иванов по совести должен показать все, что ему известно по делу, и еще нуждается в каком-то указании из департамента полиции, что ему показывать, что не показывать. Получается разрешение — показать, но, вместе с тем, дается инструкция, чтобы, установив секретное сотрудничество Махалина, Иванов вместе с тем указал на обстоятельства, которые Махалина, а, стало быть, и его показания опорочивают.

Белецкий. — Дело заключается в том, что розыскные офицеры, в смысле выдачи сотрудников, были воспитаны в том, что эта тайна должна умереть вместе с ними; они не могли ее открыть. Они были наказаны примером. Если вы припомните, по делу Мясоедова, — когда в Вильне разбирался процесс относительно транспортировки из-за границы оружия якобы на революцию и обвинение пало на некоторых лиц, которые были захвачены таможенными властями, оказалось, что в числе этих лиц был чиновник департамента полиции, агент департамента, который жил на станции Вержболово и орудовал в этом деле. Опрошенный на суде полковник Мясоедов сказал об этом; это произвело в то время (было освободительное течение) громаднейшее впечатление, вызвало массу разговоров, чуть ли не с кафедры Государственной Думы, в связи с прокламацией, которая была прислана в Вильну из так называемой «пробковой комнаты» Комиссарова (о ней говорил бывший товарищ министра Урусов). (Это я говорю не для записи, а как курьез. Я потом доложу.) Мясоедов был за это уволен от должности. Это было при Столыпине. У него была протекция, за него просили Мария Федоровна и графиня Карлова, но он не был принят и был возвращен в корпус. Так что офицеры были очень инструктированы и всякий раз спрашивали, когда нужно было обнаружить то или другое на суде.

*

Председатель. — Он дал такое показание в виду личных счетов?

Белецкий. — Он хотел как бы насолить департаменту полиции за то, что департамент мог устанавливать, не сказавши ему, наблюдение за ним.

Председатель. — Как мог установиться такой порядок, что жандармский офицер давал на суде правдивые показания только тогда, когда хотел насолить департаменту полиции? Ведь есть же обязанности общие и для жандармских офицеров свидетелей на суде?

Белецкий. — Это была традиция розыскного дела.

Председатель. — Как можно было установить эту традицию? Вы знали, что нет политического процесса, по которому, в качестве свидетелей, не выступало бы несколько офицеров корпуса жандармов. Если была такая традиция, то, по всем решительно процессам, часть свидетелей обвинения или защиты была связана в смысле обнаружения истины; стало быть главнейшие свидетели и обвинения по процессам, по которым назначались каторжные работы, а иной раз и смертная казнь, не смели говорить правду?

Белецкий. —Появление свидетеля на суде было бы провалом агентуры. Когда нужно было сохранить ценного сотрудника, объяснений жандармского офицера было достаточно для того, чтобы его заявления считались правдивыми. Его показания конспирировались и не вызывали свидетельских показаний; их даже на суд не вызывали.

Председатель. — Тем более важно было это показание, покрывавшее свидетельские показания, тем ужаснее с точки зрения правосудия, если, как правило, офицеры правды не говорили или, по крайней мере, скрывали ряд сведений, которые могли иметь значение для дела.

Белецкий. — Только те сведения, которые доказывали, что этот агент — сотрудник.

Председатель. — Это для большинства процессов могло иметь решающее значение?

Белецкий. — Я не следил, потому что департамент полиции, только когда какой-нибудь процесс был интересен с точки зрения общественной или политической, командировал чиновников особых поручений. Но бывали случаи, когда лицо, дающее показание, доходило до такого психологического момента, когда можно было видеть, что это лицо можно провести в агенты - сотрудники, тогда товарищ прокурора уходил, а офицер входил с ним в известное сношение, в контакт; товарищ прокурора опять появлялся и сидел. Это была система, которая вырабатывалась годами, и министры с хорошими именами смотрели на это, как на аксиому. Я должен сказать, что в судебном ведомстве существуют два класса, диаметрально противоположные в своих воз-

зрениях, магистратура и прокуратура; это особенно ярко сказалось в эпоху Ивана Григорьевича Щегловитова. Одна была в затмении, другая делала карьеру, конечно, на том, насколько она могла быть полезна министру внутренних дел. Судьба товарища прокурора зависела от того, признает ли его годным начальник губернского жандармского управления или охранного отделения; в особенности при Трусевиче, — в случае непригодности, это лицо теряло службу. Вот какие времена были.

Председатель. — Прокуратура делала карьеру, тесня ряды магистратуры. Вы указываете, что в данном случае не было ничего нового, что это были частные случаи общей системы; тем не менее, исключительно то, что вы, сидя в центре, распоряжались дачей показаний; в большинстве других процессов таких показаний все-таки не испрашивалось.

Белецкий. — Если что-нибудь касалось сотрудника, жандармские офицеры получали те или другие распоряжения. Между прочим, я хотел сказать о пробковой комнате. Это была комната во втором делопроизводстве. Небольшая комната, стены которой были сделаны из пробки, чтобы работа типографская не была известна чиновникам. Она была сильно законспирирована; оттуда шли прокламации по указанию Джунковского. Это были времена, когда командировались эмиссары пропагандировать в толпу. Тогда особый отдел был иной, им заведывали лица из филеров. В дальнейшем состав чинов полиции пополнялся из состава судебного ведомства лиц, окончивших лицей, училище правоведения и университет.

Председатель. — Вы помните, что затем чиновник особых поручений Дьяченко, в телеграмме от 12-го октября, донес вам, что он, признав разоблачение Махалина в сотрудничестве вредным для интересов розыска, согласился с полковником Шределем сотрудничество Махалина пока держать в тайне. Таким образом, чиновник, посланный вами, доложил, что он, по соглашению с местным начальником жандармского управления, решил, в интересах департамента полиции, чтобы подполковник Иванов утаил на суде то, что ему известно. Вы приняли какие-нибудь меры, чтобы воспрепятствовать такому образу действий?

Белецкий. — Этого я вам не могу сказать.

Председатель. — Значит, меры не были приняты?

Белецкий. — Я не знаю. Исполнительное донесение было послано.

Председатель. — Не было послано.

Белецкий. — Раз не было послано, значит подполковник Шредель считал, что этот сотрудник будет все-таки для него ценен.

Председатель. — Нас интересует то, что ваши агенты безвозбранно сравнивали интересы правосудия с интересами политического сыска и, в ущерб первому, действовали в пользу второго.

Эта бумага имеет свою историю, на ней есть штемпель: «Копию представить министру». Повидимому, министру внутренних дел, а не министру юстиции вы сообщили эту телеграмму в копии, за исключением некоторых мест; именно, вы исключили как раз указание на это обстоятельство.

Белецкий. — О сотрудничестве.

Председатель. — Вы припоминаете? А также на то, что, по слухам, Макаров и Золотарев в свое время были против постановки на суде дела Бейлиса. Он рекомендовал чинам полиции и жандармским не оказывать содействия судебному ведомству, почему, будто бы, Иванов умышленно направлял деятельность своих агентов на ложный путь. Дьяченко вам доносит, что он принимает все меры, чтобы не вышло конфликта. Почему вы вычеркнули это место из донесения?

Белецкий — Т.-е. не послал министру юстиции? Потому что это имело министерский характер. Отношения между Макаровым и Щегловитовым исключали эту возможность. Может быть, Щегловитов мог повредить Макарову.

Председатель. — Что же, министру была представлена полная копия или с выпусками?

Белецкий. — Вам это расскажет чиновник департамента полиции. Это делает секретарская часть. У меня заранее были заготовлены печатные бланки, я даже их заранее подписывал и счетом выдавал своему секретарю.

Председатель. — Это по делу Бейлиса?

Белецкий. — Нет, вообще. Когда получалась шифрованная телеграмма, мне присылали копию, товарищу министра и министру; потом ставился штемпель, что копия представлена министру; значит, она представлялась в подлинном виде, как была прислана.

Председатель. — В это время был Джунковский, значит, он знал?

Белецкий. — Да.

Председатель. — Но, как же тут сказано «Возвращено г. министру»?

Белецкий. — Я уже вам рассказывал, что Маклаков был в дружбе и в контакте; по этому делу он передавал сам.

Председатель. — Не следует ли из этого, что министру внутренних дел было послано не то, что министру юстиции? Не утаили ли вы от Маклакова части этой бумаги?

Белецкий. — Нет, нет.

Председатель. — Значит, как телеграмма, так и последующее письмо были посланы и министру юстиции, и министру внутренних дел, но министру юстиции — за исключением нескольких слов?

Белецкий. — Письмом было сообщено министру юстиции; что касается телеграммы, подлинник ему не представлялся, а министру

внутренних дел и товарищу министра она была представлена в подлиннике.

Председатель. — Дальше следует донесение другого вашего чиновника, Любимова, от 16-го октября 1913 года. Из содержания письма видно, что Любимов действовал в полном согласии с Дьяченко в отношении дачи инструкции Иванову для показаний. Вы подтверждаете это?

Белецкий. — Да. Но Дьяченко был уже официально уполномочен. Любимов был еще молод, он никогда не служил в судебном ведомстве. Дьяченко был товарищ прокурора, имел судебную практику, был опытный. Большинство чиновников особых поручений было из прокурорского надзора.

Председатель. — В этом письме восхваляется показание Иванова, который, в силу полученной инструкции, не сказал всей правды о Махалине; сообщается, что прокурору и Замысловскому очень хотелось провалить на суде другого свидетеля из компании Махалина; оба они задавали ему несколько раз вопрос, — не состоял ли он сотрудником охранного отделения? Но Махалин, зная, что, по инструкции, подполковник Иванов его не провалит, твердо отвечал, что к охранному отделению никогда не принадлежал. Вообще показание подполковника Иванова было верхом совершенства. Он дал веские данные для обвинения, не сказав ничего ненужного, и слово «охранное отделение» ни разу не сорвалось с его уст. Таким образом, изложение вашего чиновника идет вразрез даже с прокурором и Замысловским, в интересах политического сыска. Значит они, очевидно, во-первых, в письме этом восхваляли, так сказать, поведение Иванова и Махалина, и в этом заговоре против правосудия Махалин на прямые вопросы, — состоял ли он на службе у охранного отделения, отвечал отрицательно, зная, что, по инструкции, подполковник Иванов лгал под присягой, не обнаружив при вопросах, что тот состоял. . .

Белецкий. — Сотрудником охранки. Махалин был поставлен в известность подполковником Ивановым об обстоятельствах дела. Ему было указано говорить то-то, что подполковник Иванов скажет.

Председатель. — Махалин был, значит, кроме того в сношении с свидетелями?

Белецкий. — Да.

Председатель. — Вы не помните, полковник Шредель был в числе свидетелей или нет?

Белецкий. — Нет, кажется, не был, потому что Иванов фигурировал.

Председатель. — Значит, образовалась группа из двух командированных чинов министерства внутренних дел: одного не бывшего свидетелем — полковника Шределя и затем свидетелей подполковника Иванова и Махалина. Так?

Белецкий. — Да.

Председатель. — Вот будьте добры сказать, каким министрам вы сообщили только-что оглашенное донесение?

Белецкий. — Только министру внутренних дел.

Председатель. — Только министру внутренних дел? Почему вы так помните?

Белецкий. — Видите ли, здесь как раз затрагивался вопрос об агентуре и, так сказать, о противодействии прокурорскому надзору.

Председатель. — Вы можете удостоверить Комиссии, что сообщения, часть которых я огласил, стали известны министру?

Белецкий. — Я, в сущности, не хотел бы перекладывать вину.

Председатель. — Нас интересует истина.

Белецкий. — Я беру на себя ответственность. Я говорю: я виноват в том-то. При Макарове, как вы сами знаете, было оглашено, что чиновник должен был бы по закону три раза доложить своему начальству, что это не отвечает требованиям закона. Теперь я многое понимаю. Я шел на некоторые уступки и сделки со своей совестью. В следующем показании, по делам личного характера, касающимся Распутина, вы еще больше увидите. Там больше всего стыдно мне за себя и перед семьей. Я виноват, я всецело возьму на себя грех.

Председатель. — Дальше следует письмо Щегловитова на имя Белецкого с благодарностью за полученные сведения.

Белецкий — Из этого дела и из других дел господа члены Комиссии могут убедиться, что я массу резолюций клал таких, которые могли быть для меня неудобны. Возьмите, например, эпоху Климовича, когда был особый отдел, тот период, когда он был начальником охранного отделения, когда проходили дела об убийстве Герценштейна. Это не для записи. Часть донесений, которые шли в эту минуту в департамент, всегда задерживалась заведующим особым отделом, ни я и никто не мог найти. Мне пришлось с прокурором судебной палаты Корсаком писать по поводу знаменитого письма графа Витте, где он хотел о Петре Аркадьевиче... о провокационной установке бомб наверху его дома на Каменноостровском проспекте. Это имело громадное значение как исторический документ. Витте мемуары хотел писать и держал документы за границей. Петр Аркадьевич знал всю подноготную этого дела; но когда обратились в департамент полиции, чтобы не ставить Витте в ложное положение (у нас таких три письма было), многое не было найдено только потому, что лицо, которое проходило по этой компании, проходило и по делу Герценштейна.

Председатель. — Т.-е. у Климовича?

Белецкий — Он был заведующим; это — сотрудник. Казанец. Так что, видите ли, был у меня незначительный материал.

и нам с Корсаком приходилось извилистым образом выдумывать ответы, которые имели значение отписки, но тонкой отписки, ни два, ни полтора, что называется. После смерти графа Витте они были оглашены Клячкой, в отдельном издании.

Щеголев. — Скажите, значит, действительно кое-какие документы исчезали? У вас система подшивки дел такова, что можно изъять всякий документ, потому что он не перенумеровывается.

Белецкий. — Представьте себе: директор департамента требует дело. Разве позволит себе кто-нибудь напоминать, чтобы я возвратил это дело? От меня потребуют, когда я буду уходить. Я могу вырвать из дела. Когда я был при Еремине, Еремин был офицер сыскной старой школы, но это был человек, которому я глубоко верю; при нем этого не могло быть. У него были свои особенности, но у него была своя порядочность. Единственный человек, который знал дела. Многое можно было бы из этой переписки личного характера не только взять к себе, но составить архив; я не составил архива, а все отдал. Я даже сдал больше. Я застал у Зуева, в ящике, массу бумаги со времен предыдущих директоров. Это единственный человек, который привел в порядок. Даже при Маклакове я сдал секретарскую часть, это вам скажут секретари.

Председатель. — Будьте добры огласить пометку на вашем донесении о командировании чиновника Любимова, от 21-го ноября.

Белецкий. — «Доложено г. министру внутренних дел 2-го декабря, который не находит целесообразным теперь, по окончании дела, без инициативы министра юстиции подымать снова расследование, но вместе с тем находит желательным запросить письмом министра юстиции, насколько он считает законным начатые попытки частных сыщиков производить новое расследование в связи с данными судебного следствия, так как подполковник Иванов, в бытность свою теперь на приеме у меня, мне докладывал, что, по имеющимся у него сведениям, на еврейские деньги нанят бывший начальник киевского сыскного отделения Рудой и приехал из Лондона заграничный сыщик».

Председатель. — Затем следует доклад Любимова от 4-го декабря касательно торжественного заседания Всероссийского национального клуба, на котором был заслушан доклад сотрудника «Нового Времени» Никанорова о впечатлении по делу Бейлиса.

Белецкий. — Это пометка Джунковского: «К сведению, 7-го числа».

Председатель. — Остальные отметки подтверждают ваше утверждение, что все, до последней бумажки, по делу Бейлиса докладывалось Маклакову. Вот бумага от 14-го декабря 1913 года, ваше представление чиновника Любимова от 13-го декабря о докладе в русском собрании члена киевской судебной палаты Куткевича.

Белецкий. — Это я, помню, докладывал Маклакову.

Председатель. — О том, что следовало возбуждать и вести судебное дело?

Белецкий. — Это так широко захватывало. На этом карьера Чаплинского создавалась. Он в государственный совет попал.

Председатель. — Затем, от 22-го декабря 1913 года, отчет Любимова о докладе священника Красницкого на тему: цель еврейских убийств. Доклад был сделан в русском собрании.

Белецкий. — Это тоже доложено Маклакову. Второе дело относится к истории принятия предупредительных мер против погрома. Это громогласно все выражали. Я сделал запрос телеграммой. В запросе прямо была высказана принципиальная точка зрения министерства.

Председатель. — Теперь будьте добры выяснить денежные расчеты департамента полиции по процессу Бейлиса с Замысловским, с профессором Косоротовым.

Белецкий. — Чтобы не было полуслов, г. председатель. Из песни слова не выкинешь. При А. Н. Хвостове, по просьбе Замысловского, было отпущено мною 25.000 рублей из секретного фонда на издание его книги по процессу Бейлиса.

Председатель. — Из сумм трех с половиной миллионного фонда. Вы контролировали, стоило ли это издание 25.000 рублей?

Белецкий. — То, что давалось на сторону, никогда не подлежало контролю. Это я вам так говорю.

Иванов. — Это известно?

Белецкий. — Нет, это неизвестно. Вы не найдете документов; нигде не указано, на что. Там есть много интересных расходов, они не указаны. Даже потом Пуришкевич, на одном из последних заседаний, демонстративно подошел к Замысловскому, спросил 400 книг и заплатил деньги.

Председатель. — Почему демонстративно?

Белецкий. — Чтобы показать, что он не теряет связи с партией. У Пуришкевича, я считаю, была двойственная игра в последнее время. У него нежелание было, с одной стороны, отказаться от связи с правительством, а с другой стороны, у него была игра на общественность.

Иванов. — А Замысловский продавал это издание?

Белецкий. — Да, это мы знали: здесь было выпущено в свет. Что касается Замысловского, в сущности говоря, я играл исполнительную роль; единственно, когда я принимал участие в выдаче, это в деле Косоротова; Замысловскому полторы тысячи, кажется, было...

Председатель. — Нет, Замысловский получил две с половиной тысячи 9-го ноября 1913 года, когда Маклаков был министром внутренних дел.

Белецкий. — Он получал большие деньги, так сказать, из различных источников на расходы. Он ездил туда, вел процесс бесплатно, давались деньги Голубеву. Одним словом, он просил дать ему деньги, и Маклаков сделал распоряжение — отпустить; тогда не указывалось, на какую цель. Когда я был товарищем министра, были некоторые расходы, но которых департамент полиции не знал. Расходы были большие. Чтобы не подумали, что я беру в свой карман, я ввел новую систему; я делал ежемесячные представления министру внутренних дел, отчетную ведомость. Наверху была надпись сделана, что сумма отпущена по приказанию министра на указанную им надобность и употреблена правильно. Он подписывался. Даже, например, Кафафов и остальные не знали, на что и какие деньги я употреблял; знал только министр, который в этих деньгах давал отчет только государю императору. Знал иногда председатель совета министров, если по его приказанию что-нибудь делалось.

Председатель. — Как контроль относился к этим деньгам?

Белецкий. — Контроль не мог касаться, потому что суммы из десятимиллионного фонда, на известные его императорскому величеству потребности, не подлежали контролю. Они подлежали только контролю государя. Эта история приобрела большое значение, и в Государственной Думе неоднократно, при обсуждении каждой сметы, поднимались вопросы об этом. Даже настолько, что, когда Зуев был директором, а я вице-директором, и мы выступали в комиссии, нам предлагали гораздо большую сумму на поездки по охране государя, лишь бы только эти деньги шли законным порядком; но мы благородно отказывались, потому что деньги тогда подлежали бы контролю, и выяснилось бы, куда они употреблялись; выяснилась бы та секретная работа, которая так или иначе производилась, в видах ли момента, в видах ли политики, и т. д.; потому что суммы колоссальные. Когда я дальше буду, так сказать, беседовать со своей совестью, я вам все расскажу, напишу. Здесь я только знаю, он говорил, что Голубеву нужно давать, что расходы свои были.

Председатель. — Мы к вопросу об этих расходах вернемся. Итак, был десятимиллионный фонд; три с половиной миллиона шли отсюда?

Белецкий. — Отсюда. Ведь десятимиллионный фонд в распоряжении министра финансов. Еще было полтора миллиона, которые поступали из департамента общих дел.

Председатель. — Из десятимиллионного фонда три с половиной миллиона шли департаменту полиции?

Белецкий. — И еще полтора миллиона — тоже в департамент полиции.

Председатель. — Значит, в распоряжение министра внутренних дел? Дальше?

Белецкий. — Дальше, шло еще полтора миллиона в распоряжение так называемого рептильного фонда. Затем, во время выборной кампании были особые ассигнования, так сказать, выборные деньги, которые были в распоряжении министра внутренних дел; они в той или другой степени не проходили по сметам; есть выборные деньги, которые проходят по сметам и по которым испрашивается кредит из Думы, — это обычные расходы; есть расходы необычные, секретные; там, где нужно выбирать то или другое лицо и для этого произвести соответствующие расходы — послать чиновников. Это называлось — выборный фонд. В последнее время, когда я ушел, я узнал, что, при мне и Маклакове, шесть тысяч выборных денег оставалось. При Хвостове этих денег не было, но потом мне пришлось узнать случайно у Протопопова, что эти деньги были получены; кажется, около миллиона.

Председатель. — В котором году?

Белецкий. — Это было в 1915 году.

Председатель. — Т.-е. когда подготовка к выборам еще не начиналась?

Белецкий. — Подготовка с той точки зрения, как понимало ее министерство; нужно было создавать ценз, она должна была начаться периодом раньше.

Председатель. — В 1915 году — за два года. Так что министерства внутренних дел касались, кроме особых сумм, три суммы, всего — шесть с половиной миллионов?

Белецкий. — Еще была одна сумма, которой министр внутренних дел мог располагать только на печать; это—доходы с «Правительственного Вестника», на что содержались организация Гурлянда, осведомительное бюро и т. д.

Председатель. — Мы потом вернемся к этому. Скажите, за что Замысловский получал деньги, кроме денег на Бейлиса?

Белецкий. — На правые организации, на газеты. Тогда как раз Голубев издавал газету «Киев».

Председатель. — Эти расходы шли через вас?

Белецкий. — Нет. При Маклакове, Макарове, даже при Хвостове я просил меня освободить от сношений с депутатами Государственной Думы в этой области и от разговоров с ними о программе политики; я играл только исполнительную роль по даче приказаний. Я знал, например, при Хвостове, с которым я был в близких отношениях (первые месяцы он даже не стеснялся рассказывать мне интимные стороны, которые я не имею права рассказывать, потому что это область личных отношений), на что и почему; а при Макарове и Маклакове я получал распоряжения по телефону или на словах.

Председатель. — Сколько же в год получал Замысловский?

Белецкий. — Он получал большею частью из выборных денег. Он много получал, потому что, когда я был товарищем министра

при А. Н. Хвостове, он был председателем фракции. Я его однажды спросил, какие у него отношения к Протопопову; он говорил, что при Протопопове он получал еще больше. Видимо, у Протопопова не только этот фонд имелся. Большею частью департаменту выдавались деньги из фонда выборного. Начало этому было положено при Крыжановском.

Председатель. — Как же случилось, что Замысловский получил деньги? Значит, вы получили приказание от Маклакова?

Белецкий. — Получил приказание выдать — и больше ничего. Он пришел ко мне, я ему выдал две с половиной тысячи. Это небольшая сумма.

Председатель. — Вы не интересовались или не имели права спрашивать, какие негласные расходы он сделал?

Белецкий. — Я его не спрашивал.

Председатель. — Как же ставился вопрос? Почему департамент полиции должен был заботиться приглашением и оплатой негласных расходов по поездкам гражданского истца по делу Бейлиса?

Белецкий. — В сущности, оставляя Замысловского в деле Бейлиса, правые организации видели в этом род политической борьбы по еврейскому вопросу. Замысловский ездил и выступал по делам с точки зрения политической. Возьмите последнее выступление Замысловского в новочеркасской судебной палате по делу местного миллионера, купца Парамонова, председателя промышленного комитета, принадлежащего к либеральным кругам, с редактором местной газеты правого направления; Замысловский ездил туда единственно в силу партийных соображений.

Председатель. — Вы помните, что Косоротов, 22-го октября, по возвращении из Киева, обратился к вам с письмом, в котором извещал о его приезде и просил вас об уплате остающейся части причитающейся ему суммы?

Белецкий. — Я хорошо помню. Была, кажется, его расписка на четыре тысячи рублей. Это дело имеет некоторую историю. В данном случае, министр внутренних дел Маклаков вызвал меня и приказал отправиться к Щегловитову — получить от него указания по поводу Косоротова; Косоротов, по словам Замысловского, отказывается ехать в виду того, что начались его занятия и что это может отразиться на его практике; поэтому надо вопрос урегулировать; какую сумму скажет министр юстиции, если возможно, обдумайте, постарайтесь Косоротову дать. Я отправился к министру юстиции. Он сказал, что вопрос идет о выдаче четырех с половиной тысяч. Так как участие Косоротова важно, Замысловский уже с ним говорил, его экспертиза имеет большое значение для следствия, то он говорил с Маклаковым и заручился его согласием. Я отправился к Косоротову на квартиру, сразу с ним сговорившись по телефону. Был поставлен вопрос, что это может

отразиться на его существовании (конечно, тут цель была совершенно конспирированная, другая, я хорошо ее понимал, и министр понимал). Я приехал к нему вечером, он тогда жил на Выборгской стороне, против академии. Я с ним поговорил, сказал, что его участие очень ценно и важно, что, если его стесняет материальная сторона и расходы в Киеве, то вот кредит командировочный в его распоряжении; сколько будет стоить вместе с подъемными, я ему выдам. Я выдал, не помню, какую часть сначала; потом выдал остальную, взяв от него расписку, чтобы показать Маклакову. Мне приказано было сумму выдать; но от уменья моего дать деньги зависело все; Маклаков считал, что это мною будет сделано в такой форме, которая могла его не обидеть.

Председатель. — Она его настолько не обидела, что он получил еще вторые деньги, от суда?

Белецкий. — Да, это само собой.

Председатель. — Точка зрения Косоротова была вам известна?

Белецкий. — Мне — нет. Я только знал, что Замысловский придавал ему большое значение в этом деле, что для него было очень ценно показание Косоротова.

Председатель. — Значит, из бесед со Щегловитовым и из поручения Маклакова, вы убедились, что Замысловский предварительно снесся со Щегловитовым и, надо думать, с Косоротовым?

Белецкий. — Безусловно. Он говорил, мне передали Маклаков и Щегловитов. Щегловитов меня потом благодарил, когда я сказал, что поручение исполнено.

Председатель. — Как вы смотрели на эти траты из сумм департамента полиции? Ведь все-таки эти суммы, вероятно, должны были итти на какие-нибудь цели в пределах деятельности департамента полиции. Каким образом дело Бейлиса, дело судебное, должно было субсидироваться из средств департамента полиции?

Белецкий. — В данном случае, когда мне сказали об этой сумме, я так и предполагал, что это законспирированное сочувствие Косоротова делу.

Председатель. — Вы имели в виду именно то, что таким образом усиливалась сторона обвинительная?

Белецкий. — Например, Пранайтису я не давал денег. Я не знаю, давал ли ему Замысловский. Я имел сношение только с Косоротовым, исполняя желание министра юстиции.

Председатель. — Будьте добры подписать ту часть вашего показания, которую вы нам передали.

Белецкий (подписывает). — То, что я говорю, я говорю с удовольствием; я говорю как бы с своей совестью. Мне тяжело и больно для будущего, стыдно перед детьми, которые будут читать это потом. Но лучше облегчить свою совесть. Я считаю для себя лично это тоже смелостью; это тоже своего рода подвиг, крест. . .

Вы прикажете дальше писать, может быть, вы поставите какие-нибудь вопросы?

Председатель. — Мы хотели бы осветить денежные траты.

Белецкий. — Между прочим, в третьем делопроизводстве финансового отдела вы можете взять большой мой доклад за то время, когда я был вице-директором департамента полиции. (Столыпин интерсовался и поручил этот вопрос урегулировать.) Коковцов о нем знает; он интересовался и куда деньги идут. Вы увидите, какая отчетность была. Это фонд, которым пользовались довольно широко, на разные дела. Конечно, не лично для себя, а на такие дела, которые имели отдаленное отношение; например, Распутин нам очень дорого стоил; больших денег, по различным источникам. Я не говорил в департаменте, потому что это слишком осложняло разговоры. Потом я имел командировку. Вы увидите типичные картины различных охранных отделений; это и послужило материалом, чтобы их уничтожить. Я ездил в охранное отделение в Одессу... Вы увидите даже пикантные вещи...

XL.

ДОПРОС С. П. БЕЛЕЦКОГО

19 мая 1917 года.

Содержание: Агентура по партии с.-р., наблюдение за Керенским. Начальники охранных отделений—Глобачев и Мартынов. Распутин, начало его карьеры, отношение к нему разных членов кабинета и других лиц. План Думбадзе избавиться от Распутина. Попытки избавиться от Распутина вел. кн. Николая Николаевича и Джунковского. Андроников, его положение, отношение к нему Маклакова и Сухомлинова. Его отношение к Германии. Взаимные услуги Андроникова и Белецкого. Епископ Варнава. Волжин. Самарин. Знакомство Белецкого с Распутиным и с Вырубовой. Назначение Хвостова. Андроников и Воейков. Андроников и Маклаков. Белецкий и Мещерский. Штюрмер и Горемыкин. Горемыкин и Распутин. Схема дальнейших показаний Белецкого. Распутин. Финансовая часть департамента полиции. Белецкий мог стать обер-прокурором синода. Дело Шорниковой.

Белецкий. — Я дошел в своих объяснениях как раз до эпохи Распутина. Я хочу просить вас просмотреть, насколько я в своем рассказе отвечаю вашему желанию и желаете ли вы, чтобы я продолжал в том же духе, или нет.

Председатель. — Может быть, вы прочтете вслух то, что написали. Я думаю, что это будет сокращением времени.

Белецкий (читает). — «По партии с.-р. в этот период времени сильной агентуры ни в Петрограде, ни в Москве, ни, тем более, в других крупных центрах России не было, не потому только, что эта организация несколько изменила во время войны свою партийную тактику и, в силу этого, работа ее не интересовала департамент, а вследствие того, что она была очень конспиративна. Но тем не менее, освещение этой группы было и при мне, по моим требованиям, в особенности в Петрограде как наблюдение, так и внутреннее проникновение в группу эту было усилено. Указать различия работавших в этой группе сотрудников охранного отделения я не могу, так как, хотя начальник отделения Глобачев и представил мне в особой папке лично на квартиру справки по всей деятельности охранного отделения с некоторыми инструкциями для филеров и со сметами, но я, выслушав его доклад и правдивое сознание о сла-

бости в некоторых противо-правительственных организациях агентуры, ограничился беглым просмотром и указанием на необходимость усиления агентуры, папку оставил у себя, дав ее на просмотр пришедшему ко мне С. Г. Виссарионову, прося его просмотреть инструкции, которые затем через некоторое время Глобачеву возвратил, а все оставшиеся в папке возвратил ему по оставлении службы, возвратившись после пасхи в Петроград. Но помню одно, что когда депутат А. Ф. Керенский обратился ко мне с телеграммой по поводу болезни арестованного охранным отделением Ежова (кажется, я правильно назвал эту фамилию) на предмет помещения его в больницу, то я вызвал к себе г. Глобачева для доклада и от него узнал, что около Ежова, близкого к А. Ф. Керенскому, находилась агентура отделения в лице друга и товарища его (фамилии не припомню), который теперь, после ареста Ежова, может укрепиться около А. Ф. Керенского и быть ценным сотрудником. Но тем не менее, г. Глобачев подтвердил, что Ежов сильно заболел (кажется, чахотка в последних градусах), и поэтому я приказал его выпустить. Ежов затем, через некоторое время, скончался. Как во время моего пребывания в должности директора, так и на посту товарища министра, за депутатом А. Ф. Керенским велось усиленное наблюдение, которое, как я знаю, не снималось с него и до последнего времени, в силу того, что, по сведениям г. Красильникова, он состоял членом Центрального Комитета партии с.-р., имел в России крупное значение в партийной прессе, и выступления его в Государственной Думе по бюджету и запросам всегда нервировали правительство». О Керенском, может быть, в силу того, что он является министром юстиции, не стоит говорить...

Председатель. — Если это не входит в ваши задачи, скажите, по поводу того, что состоялось, по требованию правой группы.

Белецкий. — Хвостов и группа требовали более усиленного наблюдения, потом мне Глобачев представлял об этом в записке, в которой указывал на то, что Керенский как бы тяготеет к германофильским кругам, и Хвостов и другие хотели возбудить судебное преследование. Но я этого не допустил, потому что логическая посылка не имела фактов. И затем, моя точка наблюдения крайних левых партий ясна, за время моего пребывания на посту товарища министра. Но здесь я, по соображениям личного характера, не позволил себе сказать.

Председатель. — От вас требовали, чтобы вы дали материал для открытия против Керенского преследования по 106 статье уголовного уложения, за измену?

Белецкий. — Ну да. Я знаю, есть ли эта записка в делах департамента полиции. Она была представлена мною.

Председатель. — Будьте добры продолжить.

Белецкий (читает): — «Что касается Бурцева, то, в дополнение к сказанному мной лично Комиссии, могу добавить, что я с ним

познакомился в этот период, когда он ко мне явился на приеме, заранее испросив час по телефону, после удовлетворения мною его письменного ходатайства о разрешении ему приезда в Петроград. В отношении его, я искренно считал необходимым исправить ошибку, допущенную сейчас же после его ухода из должности директора, его задержанием и преданием суду, так как он с первых дней войны был сильным пропагандистом идеи национализации ее не только словами, но путем неоднократного выступления в заграничной прессе; поэтому я широко шел и отстаивал его просьбы, несмотря на то, что против приезда его на жительство в Петроград был председатель совета и министр юстиции А. А. Хвостов, который затем впоследствии брал на свое рассмотрение все дело о нем. Но так как эта мера была проведена путем всеподданнейшего доклада, то при мне это разрешение осталось в силе, и вопрос о нем возник уже при генерале Климовиче». Генерал Климович хотел применить ряд репрессивных мер по отношнию к Бурцеву. Это может подтвердить Манасевич-Мануйлов, потому что он был близок к Бурцеву и, через Штюрмера, добился оставления в силе моих мероприятий, которыми Бурцев оставался в Петрограде; Климович вел против Бурцева определенную политику, не знаю в силу каких соображений, но только взгляд на Бурцева у него был определенный, и он не хотел его оставлять. (Читает.) «Но вместе с тем, я нисколько не уменьшил наблюдения за его сношениями ни в Твери, где, несмотря на все требования департамента, оно проваливалось, ни в Петрограде, имея в виду этим путем выяснить, с кем из чиновничества он знаком, какие и с кем связи его с представителями общественных кругов и с думскими деятелями и кто субсидирует его издательскую деятельность. Затем через давнишнего его знакомого Мануйлова я, кроме указанного выше интервью, получил сведения, подтверждавшие доклад Красильникова об издании книги Илиодором, направленной к разоблачению Распутина и его придворного влияния, что сильно озабочивало сферы. Поводом к этому послужила статья Пругавина, помещенная в конце 1915 года в фельетонном отделе, в одной из больших московских газет, под заглавием «Святой чорт», в которой давалась характеристика этому труду Илиодора. В виду этого было приказано принять все меры к ослаблению распространения этого издания. Из моих сношений с Красильниковым, которому были даны мною широкие полномочия принять все меры к изъятию этой книги и ее оригинала, не стесняясь в запретах, выяснилось, что книга эта не издана еще и что по поводу этого издания Илиодор имел переговоры с Бурцевым, который, при проезде в Россию, заезжал к нему в Христианию. Мануйлов, путем опроса Бурцева, узнал, что издание этой книги, на которую даны были средства из Москвы, отложено до окончания войны, и что рукопись Илиодра не заграницею, а в Москве». Пользуясь посещением меня Бурцевым и извинившись

перед ним за свой вопрос, я сам его об этом спросил, и он мне подтвердил это. Конечно, я не позволил себе далее опрашивать его, где именно хранится эта книга, так как г. Бурцев и Мануйлову об этом не сказал и не мог бы, конечно, сказать мне. Это, правда, Бурцев, хотя был знаком с Манасевичем-Мануйловым, но все-таки в своих разговорах, когда партийных дел касалось, он более сведения собирал от других. Он имел свидания с Комиссаровым и генералом Герасимовым. Каждый из них старался, по возможности, обелить себя в прошлом. Тут у него роль была издательская. (Читает.) «Доклад об этом, в форме агентурной записки без подписи, составленный Мануйловым, был мною представлен Хвостову. В будущем г. Хвостов по делу Ржевского уверял А. А. Вырубову, что Ржевского он послал заграницу для скупки именно этой книги; то же он доложил и государю. Кроме этих сведений, Мануйлов дал еще 2 — 3 записки, которые, с его слов, у меня на Морской, на машинке печатал помощник моего секретаря Крупчанова, о том, что он слышал от Бурцева; но они не имели особого значения, и в памяти у меня содержание не осталось. Хранятся они, после представления Хвостову, в политическом отделе. Что касается двух начальников охранного отделения столичных центров, сведения коих всегда учитывались и министром внутренних дел и департаментом полиции, в виду влияния этих пунктов на жизнь России, то я застал в Петрограде полковника Глобачева, назначенного после моего оставления должности директора департамента полиции, генералом Джунковским, а в Москве — полковника Мартынова, который был назначен по моему представлению (согласно указанию С. Е. Виссарионова) А. А. Макаровым; по переходе полковника Заварзина в Одессу, полковника Глобачева, хотя С. Е. Виссарионов и не считал его подходящим для Петрограда, и на министра А. Н. Хвостова, он, как и на Б. В. Штюрмера (о чем мне говорил генерал Климович) производил впечатление несколько вялого человека, я не только оставил, но, после двух испытаний, отстоял и относился к нему с большим доверием и поддерживал его впоследствии у Протопопова и у А. А. Вырубовой, когда начались против него интриги. При мне он, в изъятии, был награжден раньше времени, по моему ходатайству, чином генерал-майора. В силу этого и чтобы не отрывать его от работы и не нервировать, я ревизии охранного отделения не производил, тем более, что, при последовавшем впоследствии усилении агентуры, даваемые им сведения по Петрограду меня вполне удовлетворяли. Что же касается полковника Мартынова, то я и С. Е. Виссарионов несколько разочаровались в нем впоследствии, как в отношении лично к себе, так и в бледности, с точки зрения департамента, освещения общественной и партийной жизни Москвы, которая тогда текла особенно сильным темпом. Оставляя вопрос отношения его к себе, после оставления должности директора, так как я потом убедился, что

он также отнесся и к генералу Джунковскому, я тем не менее, по просьбе генерала Климовича, градоначальника, обещавшего им поруководить в его работе, вопрос об оставлении Мартынова в Москве поставил в зависимость результатов ревизии его С. Е. Виссарионовым, коего я рекомендовал тогда по ревизии нескольких управлений. Хотя С. Е. Виссарионов нашел упадок осведомительной деятельности в московском охранном отделении и многие другие дефекты в хозяйственной части, я, по выслушании личных объяснений полковника Мартынова, его оставил впредь до представления письменного объяснения; после этого я сам ушел, и Мартынов остался до последнего времени». Я о себе не писал, что он был невнимателен, но, как штрих, я вам скажу, что, например, когда Джунковский был товарищем министра — это в период времени до меня — Джунковский к нему относился очень хорошо, то портрет Джунковского висел на стене в охранном отделении. Когда Джунковский приехал в Москву, и в Москве получились сведения, что на посту товарища министра Джунковский не останется, и сведения эти стали известны полковнику Мартынову, то он даже не поехал провожать Владимира Федоровича на вокзал, об этом мне говорили близкие ему лица. Затем, при мне, думая мне угодить, он снял портрет Джунковского со стены и повесил его в комнату филеров. На это я обратил внимание, но потом, как вы сами видите, он оставался все же на посту. (Читает.) «Распутин-Новых. Во время моего нахождения на посту товарища министра мне пришлось очень близко войти в соприкосновение и особо считаться с влиянием покойного старца, крестьянина села Покровского, Тюменского уезда, Тобольской губернии, Распутина, переменившего впоследствии свою фамилию, с соответствующего разрешения, на Новых. Так как я свои сношения с ним и с его большой почитательницей А. А. Вырубовой продолжал до смерти Распутина, а с А. А. Вырубовой не прерывал знакомства до последних дней (до заболевания ее корью), то я свое показание или, лучше сказать, исповедь, разобью на три периода, и начну со времени моего директорства. До назначения моего директором, когда я был вице-директором при В. А. Сухомлинове, мне не пришлось, ни в служебной, ни в частной моей жизни, с ним сталкиваться, но в этот период его имя начало просачиваться в средние круги петроградского общества, так как он тоже был принят во дворце великого князя Николая Николаевича его супругою и им самим, бывал в великосветских гостиных, был близок к семье гр. С. Ю. Витте, которого он до конца своей жизни вспоминал с особой теплотой и о котором он при жизни графа, как он мне сам говорил, неоднократно говорил в высоких сферах, мечтал об обратном его возвращении к власти, познакомился уже с А. А. Вырубовой и через посредство ее вошел и во дворец. В первых шагах Распутина в Петрограде, кроме ректора Академии, епископа Феофана, разочаровавшегося в нем впослед-

ствии, и тех великосветских саврасов, которые интересовались церковными вопросами, к которым его ввел епископ Феофан, особую поддержку ему оказывал и предоставлял ему у себя жить, Г. П. Сазонов, охладивший свои отношения к нему впоследствии, когда Распутин изменил свой образ жизни». Это — Сазонов, который был издателем. В нем есть штрихи меткие... газетный материал...

Председатель. — «Святой чорт», это теперь издано.

Белецкий. — Ах, она издана в Москве?

Председатель. — В Москве.

Белецкий. — Так я и думал. (Читает.) «Наблюдение за Распутиным в это время, т.-е. при А. П. Столыпине, вел П. Г. Курлов. В чем оно выразилось, — следов в департаменте полиции не осталось, но впоследствии, со слов Распутина, я знаю, что последний с того времени знаком с П. Г. Курловым. При А. А. Макарове, когда я вступил в должность директора и до моего оставления этой должности, я лично также с ним знаком не был, как и А. А. Макаров и Золотарев, которые избегали возможности с ним познакомиться, не желая этого и впоследствии (я имею в виду А. А. Макарова). Что касается Н. А. Маклакова и генерала Джунковского, то Н. А. Маклаков был в хороших отношениях с Распутиным (не знаю, как он познакомился, но думаю, что через покойного князя Мещерского, знавшего Распутина и дававшего даже ему почет еще тогда, когда он не был вхож во дворец). Джунковский же, с первых своих шагов по вступлении, относился к нему отрицательно-демонстративно, несмотря даже на то, что к концу моего директорства, влияние Распутина можно было считать прочно установившимся. Выступление А. И. Гучкова с кафедры Государственной Думы, по поводу влияния Распутина, повлекло за собой принятие мер к охране его личности, в силу полученных указаний свыше министром А. А. Макаровым, воспрещение помещения в прессе статей о нем и наблюдение за Гучковым, которое потом мною, при назначении генерала Джунковского, было снято. Вместе с тем, А. А. Макаровым было предложено мне и выяснение образа жизни Распутина. В силу этого мною с полковником Коттеном был выработан план охраны, сводившийся к командированию к Распутину развитых и конспиративных филеров, коим было поручено, кроме охраны Распутина, тщательно наблюдать за его жизнью и вести подробный филерный дневник, который к моменту оставления мною должности представлял собою, в сделанной сводке, с выяснением лиц, входивших в соприкосновение с Распутиным, весьма интересный материал к обрисовке его, немного односторонне, не личности, а жизни. Затем в Покровское был командирован филер на постоянное жительство, но не для охраны, так как охрана из постоянных при Распутине филеров, в несколько уменьшенном только составе,

его сопровождала и не оставляла его и при поездках Распутина, а для сотрудничества, ибо на месте выяснилось, что агентуры завести и нельзя было, так как служащий элемент, поставленный Распутиным, держался им и мог бы ему передать о специальном наблюдении за ним, а крестьянство местное жило с ним в хороших добрососедских отношениях, и он многое сделал для своего селения». Служебный элемент — начальник почтово-телеграфной конторы местной и другие; Распутин окружал себя везде своими людьми. Он и в церкви, и в школе был почетным попечителем, вообще хлопотал о своем селе. (Читает.) «Такая система двойственного наблюдения продолжалась до моего ухода. Сведения о Распутине докладывались Коттеном, при многих его докладах, министрам, товарищам и мне, а то, что поступало в письменной форме, я держал у себя,—в служебном кабинете, не сдавал в департамент, и, при уходе, в форме дела, оставил в несгораемом шкафу, внеся ее в опись, представленную мною Н. А. Маклакову, но на другой день, по требованию Маклакова, в числе нескольких других дел, его заинтересовавших, ему сдал и это дело. У себя лично я только оставил копию сводки его образа жизни. Председатель совета В. Н. Коковцов очень интересовался личностью Распутина, и я о нем докладывал неоднократно, так как он хотел положить конец его влияниям, путем доклада о нем государю, о чем я слышал не только от самого В. Н. Коковцова, потом А. А. Макарова; но не знаю, докладывал ли он. Впоследствии от Распутина я слышал, что он, незадолго до ухода Коковцова с своего поста, виделся с В. Н. Коковцовым и убеждал его уничтожить винную монополию, о чем Распутин неоднократно, по его словам, говорил государю и давал ему понять, что это будет стоить ему его поста; насколько это правильно, я не знаю, так как против В. Н. Коковцова были в ту пору настроены некоторые из влиятельных членов кабинета (Н. А. Маклаков, И. Г. Щегловитов и В. А. Сухомлинов, а также и некоторые: князь Мещерский и генерал Богданович). По уходе своем, В. Н. Коковцов виделся с Распутиным на квартире князя Адроникова, но особого примирения, по словам князя, не произошло. Я в ту пору тяготел к кружку покойного генерала Богдановича, с содержанием писем которого, вызвавших даже к нему одно время немилость, направленных против Распутина, я был знаком, так как давал ему и материалы из жизни Распутина за этот период времени». Это — действительно. Богданович вел определенную линию. Это может подтвердить, в будущем также изменившая свое отношение к Распутину, фрейлина Никитина, о которой я уже писал, которая при Штюрмеме была большим, крупным лицом, имела сношения и так сказать была посредствующим звеном. (Читает.) «Докладывал ли А. А. Макаров государю в подробностях о Распутине, я не знаю, но только заявляю, что часть подлинных писем к Распутину от государыни, кои были

у Илиодора, были добыты, при содействии г-жи Карабович из Вильны, от Замысловского, а также от одного казачьего офицера (я не помню фамилии), и переданы лично А. А. Макаровым государю, что и послужило причиной гнева на Макарова со стороны государыни, не пожелавшей даже принять его, когда он, спустя продолжительное время, был приглашен Б. В. Штюрмером в кабинет, на пост министра юстиции, и имело также свое значение и в отношении к уходу его снова в государственный совет. Н. А. Маклаков, хотя и знал мое и генерала Джунковского отношение к Распутину и то, что я снабжал Богдановича сведениями о нем, тем не менее, ни разу мне по этому поводу не сделал указаний о прекращении сообщения этих сведений Богдановичу, быть может, потому, что не желал обидеть Богдановича, искренно к нему расположенного. В последние месяцы моего директорства при Н. А. Маклакове, когда августейшая семья находилась в Ливадии и Распутин был вызван в Ялту, от ялтинского градоначальника, покойного генерала Думбадзе, назначенного особым распоряжением государя и бывшего под большим воздействием генерала Богдановича, который протежировал Думбадзе, мною была получена шифрованная телеграмма с надписью «лично» от генерала Думбадзе, приблизительно следующего содержания: «разрешите мне избавиться от Распутина во время его переезда на катере из Севастополя в Ялту». Расшифровал эту телеграмму работавший в секретарской части департамента А. Н. Митрофанов; посылая мне на квартиру дешифрант, он предупредил меня по телефону, что телеграмма интересна. Я, подписав препроводительный бланк, послал ее срочно с надписью: «в собственные руки» Н. А. Маклакову и затем, по особому, для разговоров только с министром, телефону спросил его, не последует ли каких-либо распоряжений; но он мне ответил, что нет, я сам. Какие были посланы указания Думбадзе и были ли посланы, я не знаю; но проезд, в сопровождении филеров, состоялся без всяких осложнений. Этой телеграммы в деле нет, так как Н. А. Маклаков мне ее не возвратил, а Митрофанов, по расшифровке и скрепе, порвал подлинник, как это делалось в департаменте с шифрованными телеграммами. Но эти, по всей вероятности, помнят, так как я спросил у него копию для своего дела». И даже просил навести справку, нельзя ли кому-нибудь поручить.

Председатель. — Он дал вам копию?

Белецкий. — Нет, он ее порвал. Это было правило — раз расшифруется телеграмма, чтобы шифр не был вынесен. Так как его перерабатывали, то расшифровка рвалась, а подпись секретаря показывала правильность шифранта, потому что часто шифр попадал в руки лица, против которого расшифровывалось. Так что, шифры менялись неоднократно.

Председатель. — А вы потом не спросили Маклакова, ответил он что-нибудь на эту телеграмму?

Белецкий. — Я не спрашивал. Я припоминаю, когда я был, после оставления должности товарища министра, в Ялте (нам было приказано всем разъехаться — мне и Хвостову, как главным действующим лицам; Хвостов уехал в деревню, а я в Ялту), я спрашивал полковника Троцкого, говорил ли ему что-нибудь Думбадзе. Он сказал — нет, но говорил, что у Думбадзе были планы покончить с Распутиным, но планы заоблачного характера. Там есть скала, на которой построен купцом из Москвы железный замок, стоящий за Ялтой; он думал туда его привезти, чтобы оттуда сбросить или вообще какое-нибудь разбойное нападение сделать, но все это в области предположений, и Думбадзе в этом отношении ничего не предпринимал. (Читает.) «Сводка филеров наблюдений из жизни Распутина, о коей я говорил ранее, в общих чертах рисовала отрицательные стороны его характера, сводившиеся к начавшейся уже тогда его наклонности к пьянству и его эротическим похождениям. В бытность мою сенатором, ко мне, в конце 1914 года, обратился, через посредство своего управляющего хозяйственной частью, дворцового полковника Балинского, великий князь Николай Николаевич, жена которого и он сам перестали уже принимать Распутина, с момента его проникновения во дворец, с просьбой, не могу ли я дать сведения о порочных наклонностях Распутина, так как, по словам полковника Балинского, великий князь решил определенно поговорить с государем об удалении Распутина из Петрограда. Сведения эти я дал, черпая материал из имевшейся у меня лично на руках сводки. Впоследствии я уже узнал, что великий князь свое желание осуществил, и Распутин до конца своей жизни, что я сам слышал, не мог этого простить великому князю, причем перед уходом великого князя на Кавказ, с чьих только слов, не знаю, Распутин утверждал, что великий князь мечтает о короне. Затем, как я проверил впоследствии у самого же Распутина, генерал Джунковский, незадолго до своего ухода, пользуясь исходатайствованным для него (Н. А. Маклаковым еще) правом непосредственных докладов по штабу и высочайшим проездом государя, воспользовавшись полученными им из Москвы сведениями о недостойном в опьянении поведении Распутина в ложе ресторана «Яр», докладывал их государю в связи с общей характеристикой; это, как мне сам говорил Распутин, вызвало сильный на него гнев государя; таким он никогда до того даже и не видел государя; но, по словам Распутина, он в свое оправдание говорил, что он, как и все люди — грешный, а не святой. По словам Распутина, государь после этого его долго не пускал к себе на глаза и поэтому Распутин не мог слышать или говорить спокойно о генерале Джунковском до конца своей жизни. Правда, потом генерал Адрианов, после немецкого погрома в Москве ушедший из должности градо-

начальника, находясь под сенаторским расследованием, после свидания с Распутиным в Петрограде лично и затем в письменном изложении через меня, передал А. А. Вырубовой заявление, что никакой, по лично им произведенному расследованию, неблагопристойности Распутин не производил в «Яре». В это время шел разговор об оставлении генерала Адрианова в свите, и он был вызван графом Фредериксом в Петроград. В свите затем он был оставлен, но, когда значительно позднее уже, по окончании расследования, генерал Адрианов, при министре внутренних дел Протопопове, приехал в Петроград, чтобы представить министру юстиции свою объяснительную записку пред слушанием дела в сенате, и был у меня с просьбой сказать за него несколько слов А. А. Макарову, для чего даже и оставил один экземпляр записки, то он имел в виду передать через Распутина экземпляр и государю; но, как мне говорил г. Адрианов, Распутин отказался его принять. Когда я, при встрече, спросил Распутина, почему он не захотел повидаться с генералом Адриановым, то он ответил, что все-таки генерал Адрианов, хотя и дал другое показание, но ему бы нужно было в свое время, когда он был градоначальником, посмотреть, что такое полиция о нем писала генералу Джунковскому. Уйдя из министерства внутренних дел, я все-таки, хотя и был назначен с некоторыми затруднениями в сенат, тем не менее, остро чувствовал в себе обиду на генерала Джунковского за то, главным образом, что я, не будучи предупрежден, мог бы, если бы меня заранее не осведомили мои друзья, прочитать через три дня в «Правительственном Вестнике» о своем назначении, согласно прошению, олонецким губернатором, с правом оставления за мною мундира III класса, по старой должности. Это чувство осталось у меня и по назначении на должность товарища министра. В промежуток этого времени, я не прерывал своих хорошо установившихся отношений с князем Андрониковым, со времени министерства А. А. Макарова, когда я впервые с ним познакомился. Я часто бывал у него, он также вечером заезжал ко мне, и от него я слышал всегда много интересных из придворных и министерских сфер новостей, так как он имел широкий круг влиятельных знакомцев и бывал у графа Фредерикса, Воейкова, у большинства министров, у председателя совета Горемыкина, имел знакомых при великокняжеских дворах, знал многих директоров департаментов почти всех министерств и других чинов из министерств, которые, считаясь с его влиянием у министров, боялись вооружить его чем-либо, поддерживали с ним лучшие отношения и старались исполнять его просьбы, предпочитая его иметь лучше своим хорошим знакомым, чем сильным и опасным врагом. Он в этот период был занят, довоенной им затем до конца, крупной финансовой операцией по покупке, при содействии военного министра Сухомлинова, на акционерных началах, в Бухаре и Хиве, больших земельных площадей, прилегающих

к речным артериям. Ко мне он был искренно в ту пору расположен, так как во времена моего директорства, у него никаких дел в департаменте полиции не было, и он только пользовался бесплатными проездными билетами на предъявителя. При генерале Джунковском, которого князь Андроников знал еще по пажескому корпусу, в силу отрицательного отношения к Андроникову Н. А. Маклакова и под влиянием просьб к начальству со стороны министра Сухомлинова, с которым в ту пору, после продолжительной и неразрывной дружбы, князь Андроников разошелся и повел упорную борьбу, последовало увольнение князя Андроникова от должности причисленного к министерству внутренних дел чиновника, дававшее князю Андроникову некоторым образом официальное положение. Это его задело сильно, и хотя он и был устроен, путем всеподданнейшего доклада обер-прокурора Саблера, на должность чиновника особых поручений при святейшем синоде, но этой обиды не мог забыть Н. А. Маклакову и, где мог, старался подорвать к нему доверие». Тут даже была установлена контр-разведка за квартирой Андроникова. Сухомлинов хотел как-нибудь Андроникова поймать. Осуществлял расследование полковник Ерандаков, который предупредил меня, чтобы я не так часто бывал у Андроникова.

Председатель. — А были основания у контр-шпионажа наблюдать?

Белецкий. — Я этого вопроса не касался. Я думаю, что некоторые основания были, потому что, при графе Витте, это лицо посылалось неоднократно в Германию. Он был знаком, представлялся императору Вильгельму. Затем у него были какие-то сношения с лицами, которые под видом коммерсантов приезжали к нему. Излюбленный язык его был немецкий. У него был брат офицер, гвардеец конного полка, получивший за отличие георгиевское оружие, который говорил ему: «Перестань ты говорить по-немецки, это до добра не доведет». Может быть, тут имелось какое-нибудь значение. Я за ним этого наблюдения не устанавливал, потому что контр-разведка, по инструкции, принадлежала военному министерству. Я думаю, это и было причиной, что его в эту минуту сильно боялся Сухомлинов, потому что у него были записки с некоторыми фактами об интимной жизни Сухомлинова, и затем разоблачения мадам Сухомлиновой, из-за которой произошла ссора. Все это послужило материалом. В следственном материале вы найдете все эти показания Андроникова, которые, может быть, и сгущали все, но они дышали личной страстью.

Председатель. — А не говорил ли полковник Ерандаков, что кой какие данные получаются из его наблюдения?

Белецкий. — Нет, не говорил.

Председатель. — А вам не казалась фигура Андроникова, в смысле возможности сношений с неприятельскими странами, в момент войны, подозрительной?

Белецкий. — Что он относился к Германии хорошо, он этого не скрывал в разговорах с посторонними, но он был очень конспиративен в этом отношении. Я, в сущности говоря, в ту пору на него смотрел, как на человека, который поразительно мог проникнуть к каждому министру. Это у него идет красною нитью по всей его жизни. Он даже надевал красную рубашку и пахал перед государем. Он много ездил и всегда с портфелем. Плеве интересовался этим портфелем и наблюдал за ним. В конце концов, этот портфель схватили, но там ничего не оказалось, кроме газет. Он всегда старался принимать вид человека делового. Его в «Новом Времени» и «Вечернем Времени» описывали в замаскированной форме, как тип. Потом, в последнее время, предполагалось в газете, которую хотел издавать Протопопов, в «Русской Воле», поместить ряд разоблачений. С этой стороны его учитывали, потому что, если бы эти сведения были в дознании, то Макаров, у которого он часто бывал, мог бы с ним партийно не соглашаться.

Председатель. — Департамент полиции интересовался контрразведкой. Может быть, у департамента и стало быть, у вас, были какие-нибудь данные?

Белецкий. — Если департамент полиции интересовался, то случайно, когда наводил, и это вызывало конфликт. Я потом объясню, какая была цель моей записки. Эти сведения должны были передавать в неразработанном виде. У генерала Батюшина можно найти какие-нибудь сведения, потому что он был начальником контр-разведочного дела в штабе округа; он заведывал сначала по 6-й армии и состоял при Рузском, а потом — в ставке. Он имел свои филерные отряды. Андроников старался проникнуть в торгово-промышленные сферы. Может быть, когда он проникал в Русско-Азиатский банк, тут что-нибудь могло оказаться. Но я могу сказать, что не было в истории прошлого периода таких моментов, чтобы Андроников не проводил кого-нибудь из министров под тем или другим предлогом.

Председатель. — Это, безусловно, но, согласитесь, что такое общественное положение Андроникова несколько двусмысленно?

Белецкий. — Двусмысленно было в том отношении, что он вел свои коммерческие дела. Средств и имений он не имел, потому что это — обедневшая семья на Кавказе, а трен его жизни был очень широк. Временами у него были большие деньги, временами он был без денег, и его поддерживали знакомые. Временами он давал много на чаи, у него всегда кто-нибудь обедал, а это что-нибудь стоит. Затем его последние операции — Бухара, Хива... Его записки были очень интересны. Он их представлял Марии Федоровне, государю и государыне. (Читает.) «В своих записках к графу Фредериксу для высоких сфер Андроников давал очерк деятельности министров, сообщал те или другие о них сведения, давал обрисовку событий, волновавших Петроград и т. д. Записки эти были

стильно написаны, в большинстве — отличным французским языком, зло иногда обрисовывали какие-либо факты из деятельности или жизни тех высших сановников, против коих что-либо имел князь, и прочитывались им тем, кто был противником этих мер. За этот период времени князь несколько раз писал обо мне, как о человеке, который не был в достаточном отношении использован. Взамен этого я помог ему в выпуске к 50-летнему юбилею брошюры, изящно им изданной, «О государственных заслугах И. Л. Горемыкина», и в составлении ему адреса, подписи на котором были собраны князем Андрониковым. В конце апреля 1915 года скончался у меня старший сын. Смерть его нас поразила сильно. По возвращении в Петроград, осенью, князь Андроников, узнав о моем прибытии, первый позвонил ко мне, прося зайти. Когда я пришел к нему, то от него я узнал, что, за время моего отсутствия, он близко сошелся с Распутиным, проник через него в особое доверие А. А. Вырубовой, вошел в более лучшие отношения с статс-дамой Нарышкиной, и что предстоят большие перемены в составе кабинета, которые могут повлечь за собою обратное мое возвращение к активной работе и что почва достаточным образом подготовлена, так как им сделано многое в мою пользу, поставив условием в будущем действовать с ним солидарно». Позвольте вам напомнить, какое это было время. Это было время борьбы Самарина. Когда ушел Самарин, Кривошеин и министр внутренних дел.

Председатель. — Вы считали, что князь Андроников влиял на эти изменения или нет?

Белецкий. — Безусловно, он имел громадное значение. Простите. Когда я дошел до этой грязи, в которой купался, я все пережил, я не спал. Я искренно сознаюсь и буду дальше в этом смысле действовать. Я много нравственно пережил, и мне память стала изменять. Я даже забыл фамилию такого лица, как управляющий двором Марии Федоровны . . .

Председатель. — Шервашидзе.

Белецкий. — Сегодня я даже доктора спрашивал, и он объяснил мне это с точки зрения чисто медицинской. Я даже не мог написать, оставил пробел. Так, вот, он бывал у Шервашидзе, безусловно, влияние он имел. Меня просил впоследствии Танеев всячески оберегать А. А. Вырубову, освободить ее от воздействия на нее князя Андроникова. Так как Андроников был близким человеком, он туда вошел, передавал непосредственно записки государю. Но вы сами знаете, какое он имел влияние на государя, который был однолюб.

Председатель. — В каком смысле однолюб?

Белецкий. — Я прошу этого не записывать. Я говорю в том смысле, что с именем государя, со времени его женитьбы, не связывается ни одной, не только связи, но ничего, что могло бы говорить о нарушении им супружеского долга. Этим и объясняется его силь-

ная привязанность к жене. Это его характер, это его склад. (Читает.) «Когда же я сказал Андроникову, что Распутин, который был в это время на родине у себя, может потом пойти против меня, под влиянием недоверия ко мне за прошлое, и так как, при оставлении должности моей, когда он мне передавал о его желании со мною познакомиться, и я, по просьбе жены, отклонил, он меня успокоил тем, что все уже предусмотрено, и я охотно согласился. Здесь же я познакомился с тобольским епископом Варнавой, который был у князя, во время своей борьбы с Самариным, по поводу канонизации мощей св. Иоанна тобольского и, сойдясь с ним близко, помог ему, пользуясь своим знакомством с сотрудниками газет. Узнав затем ближе владыку и поняв многие стороны его души и характера, я искренно относился к нему и все время поддерживал с ним сердечные связи. Мне впоследствии приходилось видеть лиц, предубежденных против него за его связь с Распутиным, которые, познакомившись ближе с ним, резко переменили свое к нему отношение». Я этого не выписывал. Может быть, вы мне скажете, интересны ли вам эти сведения, так как оберпрокурор святейшего синода, который потом был назначен по рекомендации А. Н. Хвостова, Волжин, меня просил, умолял (мы были с ним в хороших отношениях), так как он знал, что на меня возложено было много по сношению с Распутиным, он умолял всячески устранить, потому что Распутин хотел познакомиться с каждым из министров и желал потом с семьей познакомиться и подчеркнуть свое знакомство. Так он просил во что бы то ни стало его устранить. Когда он впервые начал знакомиться с делом относительно канонизации мощей... Если угодно, я могу вам рассказать, это относится к эпохе Самарина, что и послужило поводом, что он оставил эту должность. Когда Волжин познакомился с Варнавой, у него было впечатление совершенно другое. Варнава представлял из себя такой тип; у него было, как и у многих из духовенства нашего времени, много честолюбия, много карьерных инстинктов, ради которых он шел на сношение и связь с Распутиным, но не было такого мужества, как, например, у епископа Феофана или у князя Ухтомского, чтобы порвать и выступить против него. Но вместе с тем, в отдельных своих чертах, это была действительно интересная, с бытовой точки зрения, личность. Я этого не писал. Но вы скажите, в этом ли духе вас интересует, или в другом? (Читает.) «Я не хочу этим сказать, что он не имел своих недостатков, но они поглощались очень многими хорошими его качествами. Выйдя из простой среды, не получив даже и среднего образования, он обладал от природы пытливым умом, наблюдательностью, подобно старообрядческому начетнику, хорошо ознакомившись со священным писанием и догмою и не потеряв связи с народом, знал, что нужно его пастве и его жизни; образные собеседования с народом влекли к нему их сердца». Например,

наблюдение, которое было по департаменту полиции, в Тобольской губернии, — когда он служил, церковь была переполнена. Он служил, как служат старообрядческие священники, в нос, у него много было старообрядческого. Когда он шел, народ сопровождал его. Идет, например, крестьянка, это эпизод...

Председатель. — Простите, мы все-таки слишком отвлекаемся в сторону. Нам все же нужно держаться точки зрения государственной.

Белецкий. — Я хотел дать обрисовку, какое он имел влияние. (Читает.) «Его незлобие и отношение к иноверцам создали ему на месте его служения глубокое к нему почитание со стороны последних. Его народный говор, уснащенный народными поговорками и умело примененными текстами священного писания и примерами из жизни святых, давало особый интерес в собеседовании с ним. Я это показываю потому, что объяснить его умиротворяющее влияние в высших сферах, где он тонко, дипломатично парализовал, не задевая Распутина, влияние последнего, что чувствовал Распутин. Вследствие этого при мне уже можно было наблюдать, что приезды епископа Варнавы нервировали Распутина, он подозрительно относился к нему, старался причинить ему затруднения в приемах в высоких сферах и всячески противодействовать сильному стремлению епископа Варнавы уйти из тобольской епархии на север. Но не могу умолчать, что, сделавши ту или другую владыке неприятность, Распутин через некоторое время старался чем-либо исправить ее. Так, например, даваемое обычно архиепископство при открытии мощей в епархии, было заменено очередной звездой, но через промежуток времени, по настойчивым просьбам Распутина, владыке, без его о том напоминания, было пожаловано архиепископство. Отличительною чертою владыки было то, что во время приездов своих в Петроград он посещал всех своих знакомых и бывших в милости, и впавших в немилость, относясь так же к последним, как и тогда, когда они были в силе, что учитывал и не забывал Распутин в своей борьбе с ним. По совету моему, Самарина и князя владыка, в интересах своего дела, в исполнение воли синода, не представившись государю, выехал из Петрограда, так как по сведениям князя Андроникова, коему Самарин к тому времени предложил официально подать прошение об увольнении, Самарин был в числе лиц, кои должны были уйти из кабинета И. Л. Горемыкина. Но владыка уехал не в свою епархию, а сперва на родину—в одну из северных губерний, а затем в Москву, где и остался, поддерживая сношение с князем Андрониковым через своего близкого человека, архимандрита Леонида (много, между прочим, вредившего ему в деле управления епархией), в ожидании нового назначения обер-прокурора и ожидаемого скорого приезда Распутина из Покровского, зная, что в данном деле этот последний

ему поможет, так как назначение Самарина обер-прокурором состоялось неожиданно для Распутина; Самарина он не знал, но знал, что последний к нему относится отрицательно и что священник Востоков, публично выступивший против Распутина, состоял воспитателем по закону божию детей Самарина. К этому времени я уже познакомился с Распутиным, секретно от жены, в конце 1914 года, в квартире князя Андроникова, несколько раз с ним там виделся, был два раза у него на квартире по Гороховой улице. В воскресенье, туда, после обедни, приезжала в эти дни А. А. Вырубова пить чай в небольшом кружке избранных Распутиным лиц, и здесь я познакомился с А. А. Вырубовой. Распутин тоже был у меня один раз, когда я, воспользовавшись отъездом жены из Петрограда в Москву, к матери, и тем, что дети были в церкви на вечерней службе, пригласил его к себе на чай; но тем не менее, отношения эти не были в ту пору тесными, так как и он, и я, и А. А. Вырубова друг к другу приглядывались, мне было неловко чувствовать, что они понимают цель моего сближения, так как им тоже в это время было известно, что я до того не был его сторонником и давал сведения Богдановичу и великому князю Николаю Николаевичу; единственно, что их примиряло со мною, это то, что в мое время жизнь Распутина была в безопасности, так как покушение на него, устроенное по инициативе Илиодора, случилось уже после моего ухода, при генерале Джунковском. Когда он мне передал о предстоящих переменах, то, под строгим секретом, он мне сообщил, что им еще задолго до этого, с лета уже, выставлена кандидатура А. Н. Хвостова, которого он сблизил и с дворцовым комендантом генералом Воейковым и с А. А. Вырубовой, что А. Н. Хвостов уже был вызываем во дворец государыней, произвел на нее самое лучшее впечатление, и что теперь подготовляется благоприятная для него почва к приему у государя, что туда по всему успех назначения обеспечен и что это делается очень тонко, так, что даже Горемыкин не посвящен в это назначение, так как это назначение, как он думает, могло бы встретить противодействие со стороны Горемыкина, имевшего своего кандидата (это был бывший товарищ министра, государственный секретарь Крыжановский. Я об этом не писал здесь), к провалу которого, путем сообщения о нем некоторых сведений, приняты уже им, князем Андрониковым, меры и что А. Н. Хвостов, который раньше ко мне относился, будучи губернатором, несколько предубежденно, теперь, под влиянием его, князя, рад будет совместному служению со мною». Я тут подробно пишу о назначении Хвостова. Назначение Штюрмера проходило таким же порядком. Это картинка нравов. Тяжело... (Волнуется, читает). «На другой день было назначено, в квартире князя Андроникова, свидание мое с А. Н. Хвостовым в присутствии епископа Варнавы, повлекшее за собою ряд ежедневных свиданий, нас тесно сблизивших, и затем состоялась моя совместная поездка

к А. А. Вырубовой, где я встретил доверчивый прием, и к генералу Воейкову, с которым до этого времени я познакомился через князя Андроникова и бывал неоднократно. Эти сведения меня убедили, что князь Андроников весьма точно передал мне обстановку дела и что вопрос о переменах в кабинете — вопрос самого близкого будущего, и назначение А. Н. Хвостова предопределено, судя по полученным уже из дворца известиям». Состоялась моя поездка втроем, потом вдвоем мы ездили. В первый раз А. А. Вырубова все-таки подозрительно отнеслась. Но значит работа была правильная.

Председатель. — Т.-е. работа Андроникова, а с другой стороны — Распутина?

Белецкий. — Нет, не Распутина. Я не был здесь в течение трех месяцев. Это был период, когда мы уехали с женой, после смерти старшего сына. Распутин летом бывал, так что безусловно князь Андроников влиял на него по личной симпатии. Я правдиво описал вам, какое было взаимоотношение друг к другу. Вначале она отнеслась ко мне подозрительно, здесь же я увидел совершенно другое отношение Анны Александровны, сразу доверчивое, как к своему человеку. Я вспоминаю, что в одну пору, когда Хвостов был нижегородским губернатором, к нему Распутин ездил. Это после убийства П. А. Столыпина. И он предполагался государем к назначению на пост министра внутренних дел. Но настойчивость В. Н. Коковцова именно тогда отвоевала это, и тогда не он был назначен. В. Н. Коковцов не был поборником Хвостова, и только потом мне удалось их несколько сблизить. Я это потом напишу. (Читает.) «Действительно, скоро последовал вызов Хвостова к государю, особо милостивый прием с воспоминанием о его прошлой службе, сообщение о том, что его назначение состоится на-днях, и согласие на приведение предначенной А. Н. Хвостовым программы в исполнение. До опубликования указа, дело было в большом секрете, но Андроников познакомил тоже тогда Горемыкина с положением дела, как с фактом совершившимся и, пользуясь своим сильным на него влиянием, убедил его не противодействовать, так как это ничего не изменит, добавив, что А. Н. Хвостов будет в будущем считаться с его, Горемыкина, повелениями, что Горемыкин может всегда воздействовать на А. Н. Хвостова через особо близкого к себе человека для Хвостова, министра юстиции А. А. Хвостова, и просить его принять А. Н. Хвостова. Против моего назначения И. Л. Горемыкин ничего не имел, так как я часто бывал у него, и он относился ко мне хорошо. А. Н. Хвостов был у Горемыкина, и тот обещал ему не противодействовать его назначению, если ему не будет предоставлено выбора. Я тоже был у Горемыкина, после назначения А. Н. Хвостова, и было условлено, в случае моего назначения, что я его буду держать докладами с ведома министра (о чем он ему

и заявил) в известности о настроении России. Это мною в точности было исполнено, вплоть до доклада ему о предстоящей смене его, Горемыкина, и о назначении на его место Штюрмера, чему г. Горемыкин не поверил, настолько это было для него неожиданно».

Председатель. — Скажите, а кто проводил Хвостова?

Белецкий. — Распутин к нему ездил, и он даже вспоминал о том, что он сказал, я об этом напишу. Как штрих, могу сказать, какие времена были. Это всенародное покаяние, что я и жене сегодня сказал, что детям потом придется пережить. Ах, г. председатель, не дай бог. (Плачет.)

Председатель. — Я думаю, это все к лучшему, к выяснению истины, не правда ли?

Белецкий. — Я сам понимаю.

Председатель. — Вы своими показаниями можете восстановить очень интересные моменты политической жизни старого режима.

Белецкий. — Да, но дети. У меня девочка 15 лет в гимназии; сын, его товарищи могут сказать... (Плачет.) Я страшно расстроен, в особенности, когда дошел до этой грязи.

Председатель. — Хотите сделать перерыв?

Белецкий. — Нет, спасибо, вы тепло относитесь ко мне, нет, спасибо. Это ужасно, какие были времена! Архиепископ, который, может быть, занимает теперь место митрополита и пользуется общественною популярностью, говорил: «Дай мне митрополичий клобук в Москве, Григорий, это не мне нужно, это нужно России». Это не только на нас, но даже на Григория подействовало. «Нет, Макарий тишайший святой пусть там останется, пока не умрет». Вот, я говорю, нравы того времени какие были!

Председатель. — Вы хотите сказать, до какой глубины падения доходили люди, соприкасавшиеся с Распутиным, что даже Распутин...

Белецкий. — Возьмите таких людей, я не говорю о себе, как Горемыкин, Штюрмер. Немного было таких, как Самарин, которые имели крупное мужество не соглашаться. Это были люди обеспеченные, но возьмите человека среднего положения, живущего на жалованье, имеющего детей, с некоторою слабостью характера и находящегося в условиях петроградской атмосферы. Это был упадок времен Франции, первой республики; тот же был период разрушения всех идеалов общественных и политических. Я люблю государя по настоящее время, потому что в нем было много хорошего, я многим ему обязан. Но теперь, когда я пережил многое, я подумал, что я был одной из единиц, которая способствовала тому, что в настоящее время он переживает и что произошло, и т. д. Вот, насколько я понимаю, я говорю с своей совестью. Тогда у меня была единственная совесть — жена от

которой я скрывал, иногда многое скрывал, но она мне много прощала.

Председатель. — Характерно очень. Вы, значит, скрывали от жены и от детей вашу связь с Распутиным?

Белецкий. — Да, мне было стыдно, я скрывал. Мне теперь все равно, я все равно, что священнику говорю. Я так и жене сказал, что ей в будущем придется пережить еще больше горя.

Председатель. — Позвольте задать вопрос: отношение Воейкова к Андроникову не было отношением к докучливому посетителю, с трудом терпимому?

Белецкий. — Нет, нет, никогда в жизни. Это были страшно тесные отношения. Я в эту пору приезжал сам с Андрониковым. Я говорю правдиво. Мы сидели рядом, я слышал его доклад. Андроников не скрывал писем, которые ему писал, с обрисовкою лиц. Это была общественная агентура Воейкова. Он так и мог на нее смотреть. Это не то, что чувствуется, что когда человека терпят, пользуются им, как пользовались мы сотрудниками, но когда у вас гости, вы его не вводите. Нет, это был человек, с которым отношения были очень близкие. Граф Фредерикс и князь Шервашидзе — у них отношения были налажены.

Председатель. — Чью политику, в отношении личного состава, проводил Андроников? Ведь он, как выясняется, не опирался ни на какую партию.

Белецкий. — У него оригинально был составлен кабинет. Он бывал у разнообразных лиц, которые даже друг с другом сражались политически. Ему каждый из министров был дорог, потому что этот министр давал ему ту или другую пользу.

Председатель. — Так что, если верно то, что вы говорите, то Андроников мог провести в министры, и Россия получала министра, который был угоден даже не определенной партии, а лично Андроникову?

Белецкий. — Я рассказал историю с Маклаковым, это объяснялось влиянием кружка князя Мещерского, с которым князь Андроников потом примирился. Но Мещерский до конца своей жизни относился к Андроникову отрицательно, и с ним сближения не было особенного. Маклаков отклонил от себя возможность поднесения иконы. С иконы это началось. Он не принял этой иконы, а затем так до конца шло. Однако он с Маклаковым не враждовал, потому что чувствовал его большую силу. Но это только до того, пока не выяснилась возможность его ухода, пока, наконец, он не получил пощечину, удар от Маклакова — это предложение уйти. Тут он пошел против него. Поход этот заключался в том, что он собирал сведения из личной министерской жизни, все смешные эпизоды, которые были у министров в их обиходе, эпизоды с женою и т. д., одним словом, освещал его интимную жизнь, и это все сообщалось в смешном виде. Конечно,

сегодня прочтут, завтра прочтут — посмеются, а в конце концов, все же остается впечатление.

Председатель. — И это действовало на решение государственной важности?

Белецкий. — Это действовало, например, я могу указать на Мещерского, с которым я был вначале близок, а потом от него отошел. Он повел против меня политику. Писал против меня в «Гражданине» целый ряд статей. Они были смешные. Государь читал этого «Гражданина». В конце концов, это вылилось в такую форму, что когда Макаров уходил (а я предупредил его, и он сам подал прошение, иначе он мог получить неожиданно обратное возвращение в государственный совет), то он получил записку от государя о том, что Мещерский писал, чтобы предложить мне уйти. И Макаров, позднее, через год, когда я узнал частным образом, мне сказал об этом. Макаров настолько ценил меня, что он даже поехал к государю, испросил аудиенцию и меня защитил. Я остался, но тогда я этого совершенно не знал. Вот, какие влияния могли быть. Тут многое объясняется сложностью натуры государя и вообще отношениями придворных кругов. Много можно было бы об этом говорить.

Председатель. — Вы, повидимому, думаете, что Андроникову это нужно было для коммерческих дел, которыми он жил?

Белецкий. — Я не могу сказать про контр-разведку. Я говорю, он был сторонником, тяготел к Германии по складу своей структуры. Его связь с Вильгельмом, портрет которого с надписью он имел, переписка личная со многими герцогинями отдельных великих княжеств германских; может быть, там что нибудь и было. Потом Витте был сторонником Германии. В ту минуту все так на него смотрели. Спросите Шаховского, который был в хороших отношениях с князем Андрониковым. Он подтасовывал себе желательный кабинет. А его отношения, например, Горемыкин с Коковцовым; Коковцову сообщалось все, что делал Горемыкин; как видите, Коковцов пошел на то, что в квартиру Андроникова являлся с Распутиным. Вот какое было время.

Председатель. — Так что, полная политическая беспринципность, с проведением в область политическую личных интересов одного человека?

Белецкий. — В вопросе о назначении министра, для него вопрос государственный не играл никакой роли. Он писал письма, хвалил, поддерживал в нужную минуту, показывал предварительно эти письма; он мне показывал два раза, что писал обо мне. Это все у него было, чтобы знать, что это лицо знало, что он пишет. Я хотел сказать еще о Горемыкине: Штюрмер упорно, в это время, бывал у Горемыкина, в течение недели, с женой и т. д. Это самая была тесная дружба. И в это время Штюрмер вел переговоры

*

с Распутиным и Вырубовой, и должно было состояться назначение. Он даже приезжал в тот самый день. Я знал об этом. Я приехал к старику, к которому я питал уважение, как бывший крестьянский деятель, воспитанный на крестьянских законах и разъяснениях его; я ему сказал: «Вы мне не верите, но сегодня поезжайте на вокзал, Штюрмер, одетый в мундир, поедет к государю». «Это он едет по другому делу, он мне говорил, по делу обер-прокурора святейшего синода. Я сегодня буду у государя». И такой самодовольный. Я знал старика. Он, действительно, после этого просидел у государя 20 минут и вернулся оттуда уже не председателем. Увидя его, я сказал: «Я был прав, зачем вы не послушались?»

Председатель. — Вы были в курсе?

Белецкий. — При мне назначение Штюрмера состоялось.

Председатель. — Вы через кого-нибудь узнали?

Белецкий. — Я знал от Манасевича, из филерских наблюдений о том, где был Распутин, где был Штюрмер, где были свидания с ним.

Председатель. — То-есть, когда были свидания его с фрейлиной Никитиной в Петропавловской крепости?

Белецкий. — Нет, когда Штюрмера назначение состоялось. Они видались на второй квартире Распутина.

Председатель. — У Лермы?

Белецкий. — Да, если это вам известно, у Лермы, Бассейная 35.

Председатель. — Но ведь Горемыкин был тоже близок с Распутиным?

Белецкий. — Да, он с Распутиным был близок. Я даже вам опишу одно письмо, которое удалось изловить, письмо, где он канцлером его проводил. Т.-е. не проводил. Письмо осталось, оно было похищено. По некоторым соображениям, вы, быть может, не запишите фамилии того лица, которое я назову.

Председатель. — Продолжайте чтение.

Белецкий. — (Читает). «Как только назначение А. Н. Хвостова состоялось, на первом докладе его как министра, было им испрошено согласие у государя на мое назначение, и до опубликования я официально не вступал в должность, фактически уже приступив к ознакомлению с делами, так как безотлучное мое нахождение при А. Н. Хвостове, который мало знал состав министерства и обстановку министерского обихода, само собой ясно подчеркивало близость моего назначения. Только тогда, когда уже было испрошено обо мне высочайшее повеление, я передал об этом жене, и должен был сознаться ей о моем знакомстве с Распутиным, и не скажу, чтобы я ей этим доставил удовлетворение, так как она, зная мою доверчивость к людям, мою наклонность увлекаться, слабость и неуравновешенность моего характера, высказала мне много соображений, которые мне тогда, под влиянием жажды

к работе и не остывшего, как я сказал ранее, чувства горечи, связанного с моим уходом, а также и охвативших меня, за время службы в Петрограде, карьерных побуждений, не принял в расчет. В особенности горько ей было мое сближение с Распутиным, что она мне указала, оттенив, что теперь, в силу обстановки сложившейся, я их должен буду поддерживать и волей-неволей войти в круг влияния этого кружка».

Председатель. — Женская точка зрения — этическая точка зрения.

Белецкий. — Нет, она в этом отношении человек правдивый. Она дочь профессора тактики военной академии.

Председатель. — Это все?

Белецкий. — Это то, что я написал сегодня, до 12 часов. Дальше у меня идет целый ряд: приезд Распутина, что делалось там, как проводили министров. Я писал правдиво, я ничего не скрываю.

Председатель. — По-моему нужно приветствовать эту точку зрения, потому что это точка зрения истины. Нам очень интересны ваши указания.

Белецкий. — Вы предыдущее мое показание изволили прочитать? Там есть много вещей, которые, может быть, тоже остановят ваше внимание.

Председатель. — Да, я его просмотрел.

Белецкий. — Может быть, вы изволите прослушать намеченную мною схему?

Председатель. — Пожалуйста прочтите вашу схему, я, может быть, вам кое-что подскажу.

Белецкий. — (Читает). «Мое назначение. Приезд Распутина. Присматривание к нему». Так как мы не так учитывали фигуру Распутина, я его мало знал, а Хвостов, может быть и знал раньше, но не понимал, во что вылилась эта фигура. Когда я бывал по воскресеньям, это был небольшой кружок лиц, так сказать, подходящая компания, а не то, в чем купался—это не те сведения о Распутине, которые проникали в широкие массы, когда к нему полилась Россия. Когда я начал просить полковника Глобачева рассказать о лицах, которые у него были, указать, что такое, я в ужас пришел. Я думал, что можно с ним говорить, можно влиять, но, когда мы увидели, что он собой представляет, тогда князь Адроников, Варнава и я выработали план. Тут Дума приближалась, и Родзянко говорил, что о Распутине будет разговор, что это неизбежно. Его отношения с Хвостовым наладились, мне удалось их наладить. Может быть, вы припомните, тут были ему большие награды вне всякой очереди, 6 декабря. Так что отношения были самые теплые. Я об этом потом буду писать, сейчас это для вас только лишний труд. Затем выработка плана, что нам нужно сделать по отношению к Распутину. Приглашение Комиссарова.

Роль Комиссарова в этом деле. Задобрение всех лиц, которые входили в эту сферу. Выдача денег Распутину. Мнение Хвостова. Я увлекающийся человек. Я понял, что Хвостов из меня хотел сделать, потому что вся грязь на меня вылилась; все прошения ко мне шли; все дамы, которые приходили — тоже ко мне. Потом.— «Вызов лиц, которые были с ним близки. (Мы имели в виду, чтобы он уехал.) Как нас провел Распутин, оставшись здесь. Планы наблюдения. Наем конспиративной квартиры. Сношения на конспиративной квартире. Роль, которую мы принимали в назначениях, через Распутина и Вырубову, при сменах, которые последовали в составе кабинета. Лица, которых я представлял».

Председатель. — Что значит «представлял»?

Белецкий. — Т.-е., которые окружали Распутина. К этому времени Хвостов начинает говорить о необходимости покончить с Распутиным, путем его ликвидации. Здесь я впервые об этом узнаю, он мне этого не говорил, когда я назначался.

Председатель. — Т.-е. путем его убийства?

Белецкий. — Да. Затем. «Что мной делалось. Какая роль была моя и Комиссарова. Появление Торопова из Москвы. Когда Хвостов понял, что я его провожу, что я оттягиваю под всякими предлогами, что он в моем лице не встречает сочувствия. Посылка ко мне некоторых депутатов. Посылка лица, которое я особенно любил и с которым я был в хороших отношениях и которое было против Распутина, а именно—князя Ширинского-Шахматова, не члена государственного совета, а его брата — князя Андрея. Его испытание (он на это средство не пошел бы). Испытание Глобачева, насколько я могу на него положиться в смысле охраны. Дело Ржевского. Мой уход».

Иванов. — Может быть, кроме дела Ржевского, припомните дело Петца?

Белецкий. — Нет. Это дело Манасевича-Мануйлова, у меня оно записано. Я откровенно вам все расскажу. Я даже скажу, что официально я мог бы сказать все иначе, но я говорю всю подноготную, вы будьте спокойны. Значит, потом. «Дело Манасевича-Мануйлова. Дело Сухомлинова. Роль Распутина. Что проводилось». Затем, когда я состоял в отъезде летом, когда я ушел и мои отношения с Распутиным восстановились, то меня вызвали телеграммой для большого назначения; тогда я, благодаря влиянию жены (Распутин хотел провести меня, а владыка хотел провести Раева), я не поехал, хотя купэ было приготовлено, и был назначен Раев. «Щегловитов, его сношения с Распутиным». Это вам известно?

Председатель. — Пожалуйста это осветите. Он нам говорил об этом, но хотелось бы, чтобы вы поближе остановились на теме, которую вы отчасти задели в прошлый раз, о порче судебного ведомства; согласитесь, что для страны очень важно министерство

внутренних дел, но еще важнее министерство юстиции. Я бы хотел, чтобы вы вспомнили все, что касается судебного ведомства. Мы хотели бы, чтобы русский суд стоял на высоте беспристрастия и законности.

Белецкий. — Позвольте, я кончу о Распутине. «Значит Щегловитов». Потом был назначен Протопопов. Я не знаю, интересует ли вас личность Протопопова?

Председатель. — Да, конечно.

Белецкий. — «Мои отношения к Протопопову», которые меня заставили несколько прервать связь, не бывать так часто у Анны Александровны, по некоторым соображениям. Я потом объясню, почему. Потом я заболел. В этом отношении на меня влияла жена, она заставляла меня часто выезжать в командировки по делам комитета. Мы уезжали вместе месяца на полтора, она сидела на Кавказе, на водах, а я кружился — лишь бы я не возвращался. Вообще она все меры принимала. Она чувствовала сердцем, хотела, чтобы я остался для семьи. Затем, «Назначение членов государственного совета». Это осенние месяцы. Тут было заседание правой фракции государственного совета, на котором я не бывал. Государственный совет был мною недоволен за мои выступления в печати, по делу Ржевского. Это мне многие из правых ставили в вину. Но все-таки остались некоторые лица, которые продолжали со мною знакомство. Тут отношения наладились, и я знал, будучи знаком с Римским-Корсаковым, что делается.

Председатель. — На этом вы пожалуйста остановитесь.

Белецкий. — Сегодня я видел жену. Не подумайте, что хотел ей что-нибудь подсказать. Я ее просил, и она вам представит документы. Я ей сказал, где она может найти. У меня остался очень интересный документ, подписанный Римским-Корсаковым, который я не передал Воейкову, так как он был в отсутствии. Там целая группа вопросов программного свойства, которые предстоят государственной политике в пожеланиях фракции; единственный документ, который вам может дать отправную точку зрения историческую. Там по каждому министерству было сказано, какая программа: по министерству земледелия, и т. д. Там говорится о записке, которая составлялась при Штюрмере; но эту записку Штюрмер государю не представил. Протопоповым мое показание заканчивается. Потом у меня написано заключение: как я понимал А. А. Вырубову, как я понимал Распутина. Одну сторону характера этого человека можно воспринять, но трудно представить себе, чтобы малокультурный человек мог иметь столько влияния на людей, которые получили, как например, государыня, образование; она — доктор наук, очень широко образованный человек: или, например, на государя, который также великолепно образован, — как мог влиять этот человек, чем он мог брать, что в нем было особенного; потому что,

кроме отрицательных сторон, были и другие стороны, которыми он мог брать.

Председатель. — Вы стоите на точке зрения гипноза?

Белецкий. — Нет, точка зрения гипноза, это его влияние на лечение, а я хотел сказать о страшно сильной его воле, которую он в себе воспитывал, о том, как он действовал на государя; я знаю, что он иногда даже кулаком стучал. Вот, что я хочу сказать; это была борьба слабой воли с сильной волей. Этот человек ходил по гостиным лучше, чем другой царедворец, он понимал и учитывал все людские слабости, на которых мог играть. Это был очень умный человек.

Председатель. — Вы не читали рукописи Илиодора? Интересно, чтобы вы дали самостоятельный очерк.

Белецкий. — Я вам даю мою точку зрения. Потом у меня переход к суммам. Затем вице-директорство. Я просил секретарскую часть найти мою записку Столыпину, печатанную на машинке, где я давал критический обзор. Потом моя поездка и впечатление, которые я вынес в год убийства Столыпина, в 1911 г.

Иванов. — По финансовой части вы что хотели сказать? Мне бы хотелось вам подсказать некоторые вопросы.

Белецкий. — «Краткая история. Что я составил. Какая была система при Трусевиче. Что было сделано при мне. Что мне было поручено при Зуеве. Внесение порядка в это дело. Штатная эпоха. Эпоха Джунковского. Сколько денег мною оставлено при оставлении. Агентурные данные. Деньги по департаменту». Я говорю, специально по департаменту, потому что иначе они выдавались по сметам.—«Выдача их по авансовым счетам заведующим особым отделом. Заведывающим вице-директорам. Какая была отчетность. Выдача по хозяйственной части. Выдачи на руки директорам. Какая отчетность».

Иванов. — Отчетность была забронированная?

Белецкий. — Это—система взаимного доверия. Затем, когда я был назначен товарищем министра. — «Выступления. Расходы, с этим связанные. Что я сделал во избежание излишних расходов. Как я изменил надпись на представляемых министру отчетах. Какие за мое время крупные расходы были произведены» (мне министр в первый раз показал список сумм, которые были).

Иванов. — Я очень просил бы вас ответить на некоторые вопросы; например, о выдаче крупных сумм чинам департамента, Курлову; на каких основаниях они выдавались, по какому распоряжению? Мне не важны цифры, а важен порядок выдачи таких крупных сумм. Затем припомните о пятимиллионном фонде, который был в распоряжении Штюрмера?

Белецкий. — Я против этого тогда стоял.

Иванов. — Затем вы сами сказали относительно сумм Распутину и другим, не принадлежащим департаменту. Затем о расходах на перлюстрацию.

Белецкий. — Я не могу припомнить сумм.

Иванов. — Мне неважны цифры, а какой был порядок?

Белецкий. — Я не помню, из какого источника эти деньги были. Может быть, вы будете любезны, у вас в делах имеется, и вы мне скажете время?

Иванов. — При допросе мы вам напомним. Затем частный вопрос: 15 декабря 1915 года было выдано министру Хвостову 18 тысяч на поездку в ставку. Что это такое?

Белецкий. — Это было время, когда и я в ставку ездил.

Иванов. — (читает): — «15 декабря 1915 года. Сенатор С. П. Белецкий приказал представить 18 тысяч на известное министру внутренних дел назначение. Деньги представлены лично. На поездку в ставку».

Белецкий. — Тут есть расходы и на мою поездку.

Иванов. — Вы укажите нам, каким порядком выдавались и расходовались эти суммы.

Белецкий. — Может быть, вы у министра возьмете? У него был список сумм, мне отпущенных. Мне хотелось бы, чтобы у вас не было сомнений, что я мог себе присвоить.

Председатель. — Мы это точно выясним.

Белецкий. — Мне это важно лично для себя, потому что там были деньги, которые мне давались на поддержание престижа. Я скажу, как, для чего и с какой целью они расходовались. Во избежание разговоров, я сделал некоторую отчетность, потому что тут я расписок не брал. Например—умер Распутин, я мог написать, что дал ему триста тысяч, положивши из них двести тысяч в карман. Но я ему не давал, я давал значительно меньше. Предположим, умершему Корфу я мог написать—10 тысяч, но, кто же мне не позволит написать 15.000? Ведь покойника не спрашивают, а что всякий получал, это каждый скажет.

Председатель. — Вам, в личных интересах и в интересах истины, нужно это установить.

Белецкий. — Вы видите мою точку зрения. Я хочу многое сказать, но не могу припомнить.

Председатель. — Мы вам многое по отметкам напомним. Дела сохранились и в большом относительно порядке.

Белецкий. — В ревизии одесской имеется отчет. Можете получить впечатление полной картинки. Громадная печатная моя записка, с характерной отметкой Столыпина. В каком виде находилась отчетность на местах; мне приходилось не по политическим делам, а как финансовому вице-директору.

Председатель. — Вы сделаете отметки, чтобы запомнить. Мне нужна Вырубова, Горемыкин. Мне хотелось бы установить,

насколько у Горемыкина было политической инициативы в отдельных мероприятиях. В частности, еще вопрос о цензуре, военная цензура, внутренняя цензура.

Белецкий. — Я то, что знаю, могу. Но мне так трудно. Я не могу быть точным настолько, чтобы к моим словам относиться с особенным доверием.

Председатель. — Где не знаете, вы оговорите. Затем мне нужна обстановка назначения министров, известная вам за последнее время смена министров.

Белецкий. — Я немного постараюсь обрисовать эту картину. Хотелось бы коснуться картины назначения Штюрмера, из которой вы могли бы судить о возможном будущем. Я уходил, я был вдали.

Председатель. — Интересно выяснить, что представлял собой Распутин, который имел такое громадное влияние. Стояла ли за ним определенная политическая группа или это была тоже «трость, колеблемая ветром», т.-е. он проводил свою личную политику, немножко в параллель Андроникову. Затем нам хотелось, чтобы вы очертили личность Воейкова и Вырубовой с точки зрения их значительности и влияний. Вы были довольно близко, наверху этой лестницы. Дайте нам очерк политической жизни двора. Нам интересно очертить политическую атмосферу или отсутствие атмосферы.

Белецкий. — Они были очень конспиративны. Потом у Распутина и у Вырубовой были известные особенности, свойственные их характеру. Например, при назначении Хвостова, вы видите картину скрытности. Я буду высказывать свой взгляд на Вырубову и ее отношения к Распутину в тот период, когда я их видел. В обществе живет масса легенд. Я буду говорить, как я себе представляю.

Председатель. — Затем я вас удержал, когда вы заговорили об эпизоде из жизни церкви, о мощах Иоанна, и т. д. Дайте краткий очерк того, что вам известно из жизни церкви, из жизни верхов духовенства, в связи с Саблером, с Самариным. Вы готовились стать обер-прокурором?

Белецкий. — Я не готовился... Это случайность... Я мог. Я боюсь сказать, я боюсь одного. Я говорю, я от этого не отказываюсь, я даже один эпизод рассказал, но вы сами знаете, что в составе нашего духовенства были лица, которые выступали против Распутина и обвиняли его. Я укажу на этих лиц.

Председатель. — Затем мне хотелось бы, чтобы вы, ради интересов родины, ради интересов истины, указали малейшее проникновение шпионажа и измены в эту среду. Вы помните, что развал верхов государства в высшей степени благоприятствовал проникновению всяких таких течений. Не было ли у вас каких-нибудь фактов?

Белецкий. — У меня было дело Васильчиковой. Письма ее, заявления и т. д. Но ведь в этой области я всего государыню в жизни видел три раза, в первый раз, когда был в университете, во второй раз, когда представлялся, когда вся Россия представлялась во время трехсотлетнего юбилея дома Романовых, и в третий раз—лично. Я об этом буду писать в свое время, свои впечатления. Я знал ее влияние, как я себе представлял ее значение. Но вот тонкости, могло ли тут проникнуть германофильское течение, — этого я взять на душу не могу.

Председатель. — Я задавал вопрос в более общей форме; даже не имел в виду двор, я имел в виду лиц окружающих,—Штюрмера, Протопопова, этих господ, эти верхи правительства. Быть может, даже не в то время, когда вы были еще у власти, несколько позже, в те интенсивные месяцы развала, которые предшествовали революции. Не забудьте вопроса о канцлерстве Горемыкина.

Белецкий. — Этот вопрос входит в сумму вопросов. Между прочим, дело касается сына (не знаю, сенатор ли он теперь) старика, который был несчастен в детях, первоприсутствующего соединенного первого и уголовного кассационного департаментов А. М. Кузьминского. Если это нужно, я могу написать.

Председатель — Затем о Сухомлинове. Мне хотелось бы, чтобы вы сказали все, что знаете об изменнической стороне действий Сухомлинова, по отношению к статье 108, за исключением того, что нам известно по делопроизводству.

Белецкий. — Я могу сказать об интимной стороне, что предпринималось для дела и под чьим влиянием. Первая часть этого дела проходила при мне. Я знаю Сухомлинова еще с Киева. Он был одно время профессором генерального штаба, мой тесть был тоже профессором генерального штаба. Первое, арест Манасевича, который при мне проходил. Я знаю Манасевича давно, с Киева.

Щеголев. — В связи с Мануйловым осветите дело Фрейната и Гроттуса.

Председатель. — Я хотел, чтобы вы осветили переходы Штюрмера с поста председателя совета министров на пост министра внутренних дел и, в особенности, на пост министра иностранных дел.

Белецкий. — Это случилось в мое отсутствие. Поливанов и я ушли. Я ушел за беседу. Но Штюрмер хотел, повидимому, примириться со мной, потому что я знал, какими путями он проходил. Я его знал давно. Я знал его с Самары, потому что сын его как раз в ту пору приезжал туда. Теперь я припоминаю, что я в то время был в числе тех лиц правой группы, которые во второй половине 1914 года, по субботам, собирались вечерами. Тогда Штюрмер хотел устроить у себя политический салон, реагирующий на политические запросы; вопрос о Галиции, постановка там православных начал, поднятый Самариным вопрос о Польше,

точка зрения московского Базилевского, она там проходила; это время интересно. Может быть, вы обратите внимание еще на одно интересное дело. Вы можете его сопоставить со многими делами. Вы увидите даже влияние сената, что делает сенат, как он действует. Вы его там найдете. Это дело хранилось под особым секретом, — дело перводумских депутатов. Может быть, вы припомните, что в 3-й Думе были запросы по этому предмету и затем некоторые члены Думы были командированы. Министр юстиции обязался показать, что это было правильно, и Думу успокоил. Но тут было скрыто одно обстоятельство.

Председатель. — Вы не стесняйтесь. Мне хочется проверить мою точку зрения.

Белецкий. — Вы возьмете это дело для проверки и увидите. Там было указано депутатам Государственной Думы и даже была указана статья о розыске скрывшихся лиц, в числе которых была...

Председатель. — Вы имеете в виду Шорникову и Бродского?

Белецкий. — Да, я хотел сказать по делу Шорниковой. Шорникова была в секретарской части, и она документы представила. Дело Шорниковой при мне возникло, потому что она приехала из заграницы, боясь возможных на нее покушений, в Петроград. Я хотел бы рассказать по этому делу, когда оно будет у вас в руках.

Председатель. — Оно здесь. На что вы хотите обратить внимание? Я думал, что вы нам укажете какое-нибудь интересное дело, которое нам не попадается.

Белецкий. — Это дело интересное, вы там найдете мой доклад Корсаку в присутствии всего совета министров относительно Шорниковой.

Председатель. — Остановимся на деле Шорниковой. Первый период вам мало известен?

Белецкий. — Когда я ушел из этой комнаты, мне припомнилось, что мое участие в деле Шорниковой началось с того момента, когда Шорникова явилась сюда, в Петроград, к начальнику охранного отделения. Был разговор о том, что с ней делать. Она по розыскному циркуляру значится. Она явилась, нужно принять меры к осуществлению розыскного циркуляра; между тем она имела соприкосновение с второ-думскими депутатами. И вот был составлен доклад. Это дело я сейчас же доложил Джунковскому и министру внутренних дел. Здесь мне впервые пришлось встретиться с точкой зрения Джунковского определенного свойства. Он сказал, что раз ее разыскивают, то что же мешает? Ее нужно сейчас же взять и предать суду.

Иванов. — Потому что она разыскивалась судебным следователем?

Белецкий. — Потому что она значилась по розыску судебного следователя. Она подлежала суду верховному в сенате. Меня

останавливала в ту пору точка зрения департамента, что она была сотрудницею, что это может вызвать большое смущение умов, взволновать Государственную Думу и т. д. На этом можно было построить целую систему революционной агитации. Вот почему я ему сказал, что департамент полиции в этом отношении держался в смысле охраны сотрудников. Как, например, я привел ему сотрудницу генерала Климовича—Жученко, которая за последнее время находилась в Берлине и как ее охраняли. Вообще провал может сказаться нежелательно. Я даже по этому делу говорил с Корсаковым, прокурором судебной палаты, который во многом, конечно, помогал охранному отделению, как и весь состав прокурорского надзора. В ту пору работал по делам политического розыска И. К. Смирнов. Тогда дело было доложено Маклакову, который переговорил с Щегловитовым. Но Джунковский на этом деле настаивал прочно, настолько прочно, что говорил, что, если это нужно, даже готов, чтобы дело было доложено и дальше. Так как это дело касалось Государственной Думы, могло взволновать ее, то правительство с этим должно было считаться; поэтому дело было доложено председателю Совета министров Коковцову. Это была вторая половина лета 1913 года, когда государь император, вместе с августейшей семьей, после торжеств юбилейных, находился в шхерах. Было назначено экстренное заседание совета министров на даче В. Н. Коковцова, на Каменноостровском. Только не там, где жил Столыпин, потому что после его смерти этот дворец был отдан императрице Марии Федоровне, и в нем жила Ксения Александровна. Это был маленький флигелек, который находится параллельно к левой стороне, недалеко от летнего помещения канцелярии министра внутренних дел, на Елагином острове. На заседании присутствовали, насколько я припоминаю, из министров — Сазонов, Кривошеин, Григорович, Щегловитов, Тимашев, Коковцов, Маклаков, Джунковский.

Председатель. — Золотарев?

Белецкий. — Нет, Золотарев не был; за министра, во время выездов Маклакова в подмосковную дачу, Джунковский, как старший; он был товарищем министра по политическим делам. Я и прокурор судебной палаты Корсак.

Председатель. — Какой вопрос из дела Шорниковой интересовал совещание?

Белецкий. — Переговорив с особым отделом, мы пришли к заключению, что лучше с Шорниковой не связываться, дать ей заграничный паспорт под вымышленной фамилией, дать около трех, четырех тысяч денег и отправить ее снова куда-нибудь заграницу, но не в те круги, где много наших эмигрантских колоний; предпочтительно отправить ее в славянские земли, где ей не придется встретиться с революционными деятелями, которые могли ее узнать, и т. д. Джунковский стоял на другой точке

зрения. Она, действительно, производила впечатление (я говорю со слов Коттена и лиц из особого отдела, я лично ее не видел раньше), что все в ней было убито, понимаете, как бы надломлено было. Она была в состоянии прострации полной, и уже задора, ничего такого, в ней не было. Она в нас видела последнюю возможность спасения от того, что могут ее убить. Она верила, что мы должны ей помочь, что-то для нее сделать. В этот период полковник Коттен поселил ее в меблированных комнатах, под вымышленной фамилией, без прописки паспорта. По моему распоряжению выдавалось ей содержание на руки, до того момента, пока не разрешится вопрос. Она приходила несколько раз в департамент. Потом ей сказали, чтобы она уменьшила свои прогулки в департамент, чтобы не обращала на себя внимания, потому что могла кого-нибудь встретить, или в департаменте, случайно, или по дороге. Так вот был возбужден вопрос. Мною была доложена моя точка зрения В. Ф. Джунковскому. Джунковский стал на совершенно противоположную точку зрения. Н. А. Маклаков на себя решения этого вопроса не взял, в виду важности вопроса, и было созвано экстренное заседание совета министров.

Председатель. — В чем была важность?

Белецкий. — Важность, как я подчеркнул, заключалась в опасении, что зарождение этого дела, а следовательно и выяснение роли Шорниковой, могло бы вселить уверенность в составе членов Государственной Думы, что весь процесс о втородумских депутатах покоился на таких основах, которые подорвали бы к нему доверие. Об этом, как я уже докладывал, был в Государственной Думе запрос, и тогда правительству удалось устроить, через Щегловитова, так что выборным членам Государственной Думы был показан следственный материал; это на них произвело впечатление, что дело покоилось на незыблемых следственных материалах.

Председатель. — Вы не помните, когда и при ком это было показано?

Белецкий. — Это было до меня.

Председатель. — Скажите, в чем правда в деле Шорниковой? Почему произошел такой переполох в правительстве, что летом, когда всем хочется отдохнуть, высшее учреждение собирается и говорит по поводу какой-то секретной сотрудницы?

Белецкий. — Важность заключалась в самом департаменте полиции. Как я раньше сказал, департамент знал всю сферу производства первоначального. Во время последней стадии судебного разбирательства дела я не был. Я командировал чиновника в Петропавловскую крепость, когда рассматривался процесс балтийских моряков, чтобы он мог дать очерк того, что происходило в судебных заседаниях (при мне началось желание оставлять известный материал по таким важным делам), вот насколько первая часть показаний отвечает второй части. Но в департа-

менте полиции, когда я говорил с Ереминым, который просматривал некоторые документы, у меня невольно, из того, что передавалось, вылилось впечатление (почему я и говорю, нервно относился к этому делу), что, если только правильно было бы поставлено в будущем судебное расследование, то, конечно, могла бы быть провокаторская роль Шорниковой и Бродского разоблачена. В ту пору Бурцев знал, и в литературе о Шорниковой уже было, и в партии было известно. Так что, мое убеждение безусловно склонялось к тому, что это должно остановить внимание, не может так пройти.

Председатель. — Позвольте еще больше углубить ваше внимание. Вы говорите — провокационная роль Шорниковой. В чем она именно заключалась? Ведь вы же опытный человек.

Белецкий. — Я не помню, г. председатель. Мне был доклад, была дана справка. Я не припомню.

Председатель. — Вы помните, что дело было поставлено в очень боевой момент для Столыпина; в момент борьбы его с Думой, вы помните, что в деле фигурировал наказ, к которому имела отношение Шорникова?

Белецкий. — Да. Этот наказ был в охранном отделении. Мне дали справку.

Председатель. — Вы помните, что архив военной организации был пересмотрен охранным отделением?

Белецкий. — Я докладывал об архиве с.-д. фракции.

Председатель. — Нет, военной организации?

Белецкий. — Было, было.

Председатель. — Свяжите все факты, которые я вам напомнил. Может быть, чины охранного отделения умаляли свою роль?

Белецкий. — Там ведь был Герасимов. Я тогда не служил. В то время, мы были в этом деле мало заинтересованы. Я верил Виссарионову. Может быть, он скрывает, может быть он не переживал многого, но я знал, что Виссарионов меня не подведет, он правду скажет мне, как он понимает.

Председатель. — Это во время его вице-директорства?

Белецкий. — Был Еремин. Я бы сказал, — это человек, может быть, жестокий по отношению к своим подчиненным, резкий в сношениях с офицерами, но вместе с тем, я в нем ценил, что он со мной часто спорил, когда я говорил, что надо сделать так-то. Еремин был человек, которому я верил, что он поймет эту провокацию. Тогда Еремин высказывал свои опасения, что, безусловно, обнародование, оглашение этого дела даст богатый материал не только для запроса, но и для скандала для правительства; правительство убедилось в необходимости процесса. Когда я доложил во всех подробностях, нисколько не скрывая, чего достигает департамент, я сказал, что мы думаем, что лучше в эту минуту не ставить; Коковцов стоял за это.

Председатель. — Джунковский был в совете министров?

Белецкий. — Он в это время был в отъезде. Был Маклаков. Но я знал точку зрения Джунковского и подробно ее изложил. Он был не то в Москве, не то выехал в Киссинген лечиться. Во всяком случае, его точка зрения была мною ясно высказана. Например, я помню, что это произвело на Кривошеина впечатление сильное, он взялся за голову. Такое же тяжелое впечатление произвело и на Сазонова. На Коковцова — растерянное — что же делать? Все понимали, что если как-нибудь это дело не замаскировать, оно может вызвать скандал. Тогда я был поражен: единственный, кто поддерживал точку зрения Джунковского, был Щегловитов. Вероятно, переговорил с ним заранее. Джунковский и Маклаков ездили к нему. Иван Григорьевич считался с влиянием Джунковского, с ним тогда считался и Воейков, как дворцовый комендант, он считал его своим противником. Иван Григорьевич влияние придворное всегда учитывал.

Председатель. — Корсак был в совете министров?

Белецкий. — Да. Я с Иваном Григорьевичем не говорил, я был в уверенности, что он встанет на эту точку зрения; но он мне прибавил: «Я не вижу никакого опасения в этом деле, но приму с своей стороны все меры, чтобы процесс прошел в самом желательном духе, чтобы это не возбудило общественного мнения».

Председатель. — Значит, Щегловитов высказался за возможность судить Шорникову?

Белецкий. — Он считал, что постановка процесса необходима в это время (это были сенатские каникулы), а в обычное время — это будет иметь широкое значение.

Председатель. — Значит, нужно поставить его летом?

Белецкий. — Это дальше был разговор. Тогда Кривошеин и Сазонов несколько успокоились, что особой угрозы, опасности для правительства не будет. Для меня это было неожиданностью, но впечатление у меня было такое, что я позволил себе не согласиться с Иваном Григорьевичем и сказать, что если это дело будет проходить, оно должно не только разоблачить, но и дать в будущем основание для возбуждения запроса в Государственной Думе. Коковцов с этим мнением считался.

Председатель. — Я вас понимаю так, что министерство внутренних дел, в лице вашем или Маклакова, было лучшего мнения о министерстве юстиции, т.-е., вы думали, что раз дело станет на суд мало-мальски правосудный, тогда все это. . .

Белецкий. — Я говорю, что Кривошеин за голову схватился.

Председатель. — Вы остановились на том, что Щегловитов считал нужным дело пропустить теперь.

Белецкий. — Да, но надо, говорит, поставить дело в такие формы и в то время, когда не будет Государственной Думы. Коковцов говорил, что дело само по себе важно, потому что связано

с выступлениями, а государь чутко прислушивается к выступлениям Государственной Думы, и его раздражали те или другие запросы. Коковцов говорит: «Я на себя взять решение этого вопроса не могу». Тогда была поездка к государю. Поехали: Коковцов, Маклаков и, кажется, Джунковский.

Председатель. — А Щегловитов?

Белецкий. — Он не ездил. Но было решено (было две точки зрения) — что скажет государь. Если государь станет на точку зрения, которую я проводил, т.-е., если дело грозит опасностью, тогда поступить так, как я говорил, т.-е. выдать заграничный паспорт и постараться направить ее туда, где бы она не могла встретиться с эмигрантской колонией. Если же его величеству будет угодно поставить дело на суд, тогда уже предоставить Ивану Григорьевичу возможность поставить его в такую обстановку, как он высказывал. А он сказал, что поставит дело в такие условия, что оно не получит громкого оглашения. Кто же будет выступать в смысле того, как опубликовать это дело? Надо же, чтобы были свидетельские показания, не вызывать же депутатов; одним словом, как поступить со свидетелями? Тут Иван Григорьевич подсказал, что это могут сделать чины министерства, кто-нибудь из директоров департамента, они могут быть свидетелями. Как я раньше говорил, начальник отделения является на суд, и его показания являются настолько достоверными, что суд более не спрашивает свидетелей. Я могу мелочи забыть, но я стараюсь в этом деле быть точным. Так вот, тогда была составлена поездка. Я не помню, ездил ли Джунковский.

Щеголев. — Он ездил.

Белецкий. — Вот, вы мне напомнили. Теперь и я вспоминаю, что он ездил. И точка зрения Джунковского взяла перевес. Мы с нетерпением ожидали их возвращения. Шорникова страшно нервировалась, прокурор судебной палаты тоже, причем Иван Григорьевич сказал, что он даст соответствующие указания по этому поводу прокурору судебной палаты Корсаку. После прибытия этих чинов, было созвано, кажется, второе совещание.

Председатель. — Щегловитов настаивал на том, что это дело можно ликвидировать судом. Но он не высказывал своих предположений относительно тех форм и тех путей, которыми можно было ликвидировать?

Белецкий. — Это уже было второе заседание. На этом заседании совета министров доминирующая роль принадлежала Щегловитову, как это устроить. Было решено предуведомить Шорникову о том, чтобы она не боялась производства, что она должна подлежать суду, но что это будет, так сказать, ее спасение; что после этого она будет устроена, что ей будут выданы соответствующие кредиты, причем Иван Григорьевич сказал, что он даст соответствующие указания прокурору судебной палаты,

которому приказал явиться на другой день, и сказал, что переговорит относительно того, кто будет говорить с Шорниковой.

Председатель. — Остановитесь на этом собрании. Вы помните, как было в судебном порядке ликвидировано дело?

Белецкий. — Я этого не помню, потому что у меня тогда была при смерти жена. Я был вызван срочной телеграммой, я боялся, что я ее не застану. Она отравилась рыбным ядом. Я просидел около нее, и только через месяц мы могли ее возить. Я на суде не был, на суде выступал Джунковский, почему-то это в моей памяти зафиксировалось.

Председатель. — В сущности, нужно было войти в сношение с Шорниковой и обещать ей оправданье?

Белецкий. — Да. Успокоить ее, что она не понесет той тяжелой кары, которую могла бы понести по тем статьям, по которым она привлекалась.

Председатель. — Я вам напомню следующее обстоятельство. Дело это не было поставлено на суд для рассмотрения по существу. Оно окончилось 6 июля 1913 года определением сената о прекращении возбужденного производства. Так что дело в судебном порядке ликвидировалось легче и еще с меньшей опасностью, чем предполагалось.

Белецкий. — Это относится к области указаний, которые Иван Григорьевич сделал в совете министров; именно, что он даст Корсаку на другой день указания. Мне нужно было переговорить с Корсаком, почему мы заехали в ресторан, в отдельный кабинет, пообедать (потому что мы не завтракали). Посидели с ним и согласились, что я вызову Коттена, который возьмет из департамента полиции деньги и т. д. Потом, когда я возвратился, я спрашивал Виссарионова и узнал, что ей давали деньги. Не знаю, давали ли ей паспорт, потому что Джунковский сказал: «Бедная женщина, без куска выброшенная». Одним словом, дали ей, как благотворительность. Джунковский смотрел на это не с точки зрения агентурных денег, а с точки зрения благотворительности.

Щеголев. — Ей дали 1.800 рублей.

Белецкий. — Сравнительно мало. Я первоначально указал 3.000 рублей.

Щеголев. — У вас вообще скупо деньги выдавали. Просят двести, а дают сто.

Белецкий. — Это была эпоха, когда мы скопидомничали. Джунковский очень ограничивал. Возьмите, проваленным сотрудникам сколько давали? Зато потом широко было.

Председатель. — Вы стали иметь отношение к этому делу, повидимому, 24 ноября 1912 года? На бланке, исполняющего должность директора департамента полиции, имеется доклад, вызванный письмом Щегловитова, а письмо это вызвано обращением к Щегловитову Бродского, который ставит вопрос, и как

это, с одной стороны, она разыскивается, а с другой стороны, охранное отделение великолепно знает, где она находится. По этому поводу была составлена подробная справка, на ней вы сделали резолюцию, которую будьте любезны прочесть. (Показывает бумагу.)

Белецкий (читает): — «Доложено господину министру внутренних дел 1 марта». Дело заключается в том, что оно несколько раз докладывалось. Оно было мне доложено 21 декабря.

Председатель. — Чем же объясняется, что у вас дело пролежало целый месяц? Бумага составлена 24 ноября.

Белецкий. — Нет, это была составлена справка. Предполагалось, может быть, что я должен ее подписать и представить министру. Но она не подписанная. Предварительно она была доложена заведующему особым отделом.

Председатель. — Очевидно, эта бумага сразу вызвала большое сомнение?

Белецкий. — Тут были большие разговоры. Тут имеется отметка полковника Еремина: «господин директор приказал представить ему эту переписку в личный доклад министра», т.-е., когда я имел очередные дни, тогда секретарская часть отдавала мне бумаги к личному докладу, чтобы я вечером с ними мог ознакомиться. Тут написано: «была представлена и возвращена обратно 9 января 1913 года». Затем моя отметка: «доложено министру, который приказал передать эту справку господину товарищу министра внутренних дел для личного представления объяснений по этому делу министру юстиции»...

Председатель. — Министром был Макаров; товарищем министра, о котором идет речь, был Джунковский?

Белецкий. — В это время был, кажется, Золотарев.

Председатель. — Будем считать установленным, что товарищ министра Золотарев должен был переговорить со Щегловитовым.

Белецкий. — Нужно представить министру юстиции, потому что она у него останется; и когда я указал на серьезность, Маклаков переговорил с Щегловитовым; «в виду этого необходимо эту справку исправить в последней ее части, так как нам известно, где ныне находится Шорникова, а также более ярко осветить, по данным департамента, деятельность ее по революционной организации». Это — моя резолюция.

Председатель. — Что же, со Щегловитовым говорил Золотарев или Джунковский или тот и другой?

Белецкий. — Я не могу вам в точности сказать. Я не помню, когда приехал Владимир Федорович. Золотарев говорил безусловно. Я знаю характер Золотарева. Я знаю наверное, что он ездил; он не мог не поехать.

Председатель. — Затем имеется бумага от 9 января 1913 года, начальника самарского губернского жандармского управления,

на имя С. П. Белецкого, в которой он сообщает, что к нему явилась Юдкевич, по первому мужу Шорникова, урожденная Головина, заявила, что она сотрудничала по партии с.-р., под кличкой «Казанская», а затем, в 1910 году, под кличкою «Эртель», в Уфе, и предложила ему оказывать услуги, причем пояснила, что хотя ее деятельность в Петербурге стала известна, она надеется, что в Самаре известна не будет, так как она носит теперь фамилию второго мужа. Снеслись по телеграфу с полковником Коттеном, который сказал, что она заслуживает доверия, но тем не менее испросил указания, может ли он пользоваться ее услугами и насколько вески имеющиеся в партии доказательства о ее прикосновенности к розыскным учреждениям. Эта бумага имеет помарку, это вымарано в департаменте полиции?

Белецкий. — Это не вымарано. Это шифр, потому что дело касается сотрудников. Я уже рассказывал, что при Еремине была принята система сокрытия сотрудников, чтобы это не было известно чиновникам. Так что, когда писали шифром, то потом, восстановивши шифр, вымарывали.

Председатель. — Вместо уничтожения, прямо вычеркивали?

Белецкий. — Ее нельзя уничтожить.

Председатель. — «По телеграфу предложить полковнику Познанскому отклонить услуги Шорниковой». Это — резолюция С. П. Белецкого. Имеется еще телеграмма из Саратова от полковника Комиссарова, который тоже запрашивает полковника Познанского.

Белецкий. — Это был районный начальник охранного отделения. Насколько я припоминаю, она все время ездила в погоне за куском, она была даже в Казани.

Председатель. — Комиссаров пишет, что Шорникова безусловно провалена (упоминается «Будущее» Бурцева), под своей фамилией никоим образом жить не может. В разосланном по полиции циркуляре советует предварительно запросить мнение департамента. Затем следует бумага начальника жандармского управления Познанского на имя С. П. Белецкого о том, что личность, упоминаемая в письме, разыскивается циркуляром департамента полиции. Тут ваша резолюция. (Передает бумагу.)

Белецкий (читает): — «Представляется его превосходительству господину директору, в дополнение к письму начальника самарского губернского жандармского управления. Доложено товарищу министра 26 февраля».

Председатель. — Это кому?

Белецкий. — Золотареву. Джунковский, кажется, еще не приехал 26 февраля. Из дел третьего делопроизводства можно взять доклады финансовые, и вы сразу увидите, когда он вступил в должность. Есть приказ по штабу корпуса жандармов.

Председатель. — Господин секретарь запишите — затребовать из штаба корпуса жандармов копию приказа о вступлении в должность генерала Джунковского.

Белецкий. — Это в январе или в феврале 1913 года. Значит написано: циркулярно предложить всем розыскным учреждениям Шорникову не принимать, как сотрудницу.

Председатель. — В соответствии с этим, С. П. Белецким была послана телеграмма в Самару: «Услуги отклонить. 27 февраля 1913 года». Затем имеется довольно интересная справка директору департамента полиции, за подписью Виссарионова, от 28 февраля 1913 года, по поводу некоторых препятствий, которые он встретил. Именно, он пишет, что Шорникова, в случае предложения услуг какому-либо из розыскных органов, может подвергнуться задержанию и быть предоставлена в распоряжение прокурора петербургской палаты; обстоятельство это, вследствие принесенных Шорниковой услуг розыску, едва ли является желательным и допустимым, в особенности, вследствие письма министерства юстиции о Шорниковой от 17 ноября прошлого года, в котором оно запрашивает, верно ли, что место жительства ее известно и она, вместе с тем, разыскивается? Виссарионов пишет, что это письмо было своевременно директору департамента представлено с докладом, но не возвращено в особый отдел; об изложенном особый отдел представляет директору департамента полиции на благоусмотрение, испрашивая указания. Прочтите, пожалуйста.

Белецкий (читает). — Вопрос идет относительно использования агентурной услуги Юдкевича. «В виду этого и надлежит об этом только поставить в известность наши розыскные органы. Что же касается господина министра юстиции, то по этому поводу будет сделан его высокопревосходительству соответствующий доклад, а, в зависимости от его указаний, будут даны мною особые распоряжения. 4 марта».

Сенатор Иванов. — Было доложено?

Белецкий. — Я не знаю.

Щеголев. — Как вы себе представляете дело? Такое сообщение все-таки не освобождает от необходимости подвергнуть ее аресту? Ведь циркуляр остается.

Белецкий. — Циркуляр остается, но остается циркуляр о ком? Она сотрудничала, ее знали под фамилией Юдкевич, а циркуляр был о Шорниковой.

Щеголев. — Ах, вот центр тяжести!

Белецкий. — Но все-таки есть стремление одно: этому делу придается особое значение и, вместе с тем, департамент полиции хочет от него, до известной степени, обелиться.

Щеголев. — Это больной зуб был у вас?

Белецкий. — Это страшно больной был зуб.

Председатель. — В результате: 7 марта 1913 года, за подписью Виссарионова: «циркулярно разослать, что по имеющимся в департаменте полиции сведениям, Юдкевич предлагает розыскным органам свои услуги, в качестве секретной сотрудницы. Принимая во внимание, что Юдкевич делу политического розыска не может быть полезна (глухо сказано), об изложенном имею честь уведомить вас, на случай предложения названным лицом своих услуг по розыску». В следующей бумаге от марта 1913 года, начальника саратовского губернского жандармского управления Комиссарова, излагается заявление Шорниковой о том, что подполковник Еленский и генерал Герасимов выбросили ее из Петербурга с тридцатью пятью рублями, что она выбилась из сил, больше жить так не может и потому просит выдать ей другой вид на жительство, под которым она могла бы укрыться; просит поддержать ее материально и дать ей возможность выехать из пределов России, причем считает, что жить в Западной Европе ей невозможно, и потому она предполагает уехать в Америку. В конце разговора, она заявила, что решила ехать в Петербург и требовать от департамента полиции устройства ее судьбы, так как она своевременно оказала делу розыска большие услуги, а ее использовали и выбросили без всякой поддержки, благодаря чему она находится в отчаянном положении. Комиссаров говорит, что он вынес впечатление о ней, как о женщине мало развитой, потрепанной жизнью и что в чьих-либо руках она может принести много вреда; особенно, принимая во внимание статью о ней Бурцева в «Будущем» и ненависть ее к подполковнику Еленскому и генералу Герасимову, которых она отождествляет с департаментом полиции. Докладывая об этом, Комиссаров просит указаний, следует ли оказывать ей поддержку впредь до разрешения вопроса о ней департаментом полиции. На следующей бумаге имеется пометка С. П. Белецкого. Это — бумага члена консультации при министерстве юстиции, вице-директора первого департамента министерства юстиции Лядова, от 10 апреля 1913 года. Он просит, в дополнение к письму министра юстиции от 17 ноября 1913 года, сообщить сведения по содержанию заявления Броецкого о том, что петербургское охранное отделение знало местожительство скрывшейся от судебного преследования Шорниковой. (Передает бумагу Белецкому.)

Белецкий (читает): — «Доложено господину министру 12 апреля».

Председатель. — Это значит, Маклакову?

Белецкий (читает): — «Так как по предыдущему докладу было поручено господином министром внутренних дел господину товарищу министра внутренних дел, командиру корпуса жандармов (значит можно установить, как раз Джунковский приехал, не нужно справляться) переговорить лично с министром юстиции,

то его превосходительство был у министра юстиции и подробно ему доложил соображения департамента полиции, изложенные в составленной специально для того особым отделом справке. И министр юстиции согласился считать переписку оконченной, вполне удовлетворившись представленным ему объяснением. Поэтому Джунковский поставил об этом в известность господина министра внутренних дел, оставив всю переписку у себя. Затем И. Г. Щегловитов вчера, при личном свидании с господином министром внутренних дел, обо всем этом подтвердил его превосходительству. В виду этого я, по полномочию министра внутренних дел, 13 марта обо всем этом поставил в известность действительного статского советника Лядова. К делу». Значит, как видите, в виду того, что Комиссаров писал о том, что она едет, должны были сказать в подробностях. Я все факты сообщил Джунковскому, а Джунковский сказал: «Что вы сами запрашиваете, а между тем это для дела может иметь большое значение. Ну, заграницей Бродский, проваленный сотрудник, он, видимо, предаст для того, чтобы снискать внимание известных организаций, чтобы к нему особых требований не предъявлялось. Считать с Бродским эту систему законченной.

Щеголев. — А с Шорниковой в этот момент как было решено?

Белецкий. — Не трогать ее. Даже не посылать ей денег. Она все время находилась в полной неизвестности.

Щеголев. — Комиссаров вас бомбардирует письмами.

Белецкий. — Я ни на одно письмо не отвечаю.

Щеголев. — Министр юстиции согласился считать переписку законченной. По этому поводу, вы официально не должны были отвечать. Но что вы могли ответить Комиссарову, какую позицию по отношению к Шорниковой должно принять?

Белецкий. — Мы не ответили ничего. В виду этого, Комиссаров сделал отвод на департамент полиции. Мы, со стороны департамента, считали, что подобного рода дела о сотрудниках должны разрешать начальники охранных отделений или районных охранных отделений, пользовавшиеся известным влиянием, не доводя до департамента полиции. И решили к делу Шорниковой приступить только тогда, когда узнали, что она не хочет больше там жить, что она уедет. Комиссаров пишет, что она собирается ехать, он не пишет, что она едет. Он пишет, что она находится в тяжелом положении.

Председатель (просматривает бумаги). — Следовательно, в то время, как вы были в Костроме, повидимому, Комиссаров начинает беспокоиться. Шорникова рвется в Петербург, он ее удерживает, удержать не может. Запрашивает телеграммой в Петербург, следует ли удерживать. Вас нет в Петербурге, и вице-директор Кафафов телеграфирует вам, в Кострому, прося указать, что телеграфировать полковнику Комиссарову?

Щеголев. — 9 июня телеграфирует, наконец, 12-го телеграфирует, что Шорникова 11 июня выехала в Петербург, не дождавшись никакого ответа. Как вы смотрели на дело? Вы не участвовали в зарождении дела; но ведь ясно, что если бы Бродского и Шорниковой не было, этого дела не удалось бы создать?

Белецкий. — Я уже доложил до вашего прихода, почему я так интересовался. Какие соображения заставили дойти до государя императора, я также представил свои соображения. Я даже об этом деле вспомнил сам.

Председатель (просматривая бумаги). — Здесь есть какая-то записочка черновая по делу. Помощник начальника петербургского охранного отделения, подполковник Еленский, упоминает о наказе.

Белецкий. — Этот наказ был в охранном отделении.

Председатель. — Часть войска петербургского гарнизона была привлечена к дознанию. Но это не подлинник, а копия; наказ был доставлен охранному отделению Шорниковой. Подлинный наказ с революционной печатью, хотя и был обыск у нижних чинов и у кого-то из членов Государственной Думы, при обыске не обнаружен.

Щеголев. — У Озоля в кармане остался. Нельзя было взять. А так как по делу требовались вещественные доказательства, Камышанский представил наказ, доставленный ему Герасимовым, и он фигурировал в деле, в качестве отобранного. Это Шорникова сняла две копии. Одна была написана от руки, солдаты плохо разбирали. Один экземпляр она дала солдатам, другой Герасимову. Затем она пришла с солдатами и это было передано Озолю, а он положил в карман. Тут был большой скандал для власти, не оказалось самого главного вещественного документа. Тогда дали из охранного отделения второй экземпляр и на основании этого документа провалили Озоля.

Белецкий. — Озоль у нас сотрудником не состоял, но мы ничего не предпринимали, если не ошибаюсь, не предпринимали никаких мер для того, чтобы восстановить значение Озоля, когда начали появляться слухи о том, что он был сотрудником нашим.

Председатель. — На самом деле, он не был? Вы молчали — пусть себе его подозревают?

Белецкий. — Мы молчали для того, чтобы дело не возникло.

Председатель. — Т.-е. революционная партия напала на ложный след?

Белецкий. — Это тот документ, который показывался членам 3-й Государственной Думы, когда они явились к Щегловитову и знакомились со следственным материалом.

Председатель. — Т.-е. документ, полученный из охранного отделения. (Просматривает бумаги.) Дальше, 9 июня тот же Комиссаров пишет, что она нервничает, он просит указаний. Она

полагает, что снова будет фигурировать в процессе, как одна из причастных к делу фракции с.-д. 2-й Думы и решил не позже 11 июня выехать. Вы не помните, какой судебный следователь вел дело с.-д. фракции?

Белецкий. — Нет. Я говорю, у меня тогда жена была при смерти, я не был, и переговора с Комиссаровым не было. Какая постановка этого дела на суде, не помню. Хотя я потом и виделся с Корсаком, но не говорил.

Председатель. — Имеется телеграмма товарищу министра Джунковскому, от 20 июня 1913 года, повидимому ваша. (Передает бумаги Белецкому.)

Белецкий. — Моею рукою наверху написано карандашом, я сам составлял: «Товарищу министра. В виду приезда в Петербург из Саратова Ирены, министром предложено поступить немедленно же согласно розыскной статье. Об этом приказании министра, как и о принятом решении, доложено мною председателю совета министров».

Председатель. — Т.-е. Коковцову?

Белецкий. — Маклаков часто уезжал в деревню. Он был под тем же самым впечатлением. Я поехал вечером к председателю совета министров Коковцову и доложил ему. Вот почему Коковцов собрал экстренное заседание, которое вас интересовало. А после — «поручить просить министра отложить решение до возвращения министра». Дело в том, что он вызывает с Кавказа министра Щегловитова, который находился там в ту минуту (я забыл, что Щегловитов отсутствовал), для совместного обсуждения, так как последствием процесса должен быть пересмотр всего дела, начавшегося с высочайшего ведома. Не имея возможности теперь определить всех могущих быть последствий, председатель полагает, что предварительно надлежало бы и министру представить вниманию государя. Министр, коему было мной по телефону сообщено (телефонное сообщение было с Москвою, а оттуда передаточное в деревню, с его домом), заявил, что он в промедлении видит завязывающийся узел для нашего министерства (это я тоже любил писать не официально) и полагал бы оставаться при прежнем решении. (Читает.) «Но в виду такого заявления председателя, мог бы теперь поехать в Петербург, если бы имел гарантию, что государь соблаговолит его принять и при условии получения определенного письма председателя совета. Предварительно же, его высокопревосходительству хотелось бы с вами переговорить и просить вас заехать теперь к нему. Я высылаю сегодня министру материалы». В это время Джунковский несомненно где-то находился. (Продолжает читать): «В течение последних четырех дней филерные наблюдения, обслуживающие охрану министра Кассо, обнаружили подозрительное поведение все время попадавшихся на линии проезда министра трех молодых людей. Полковнику

Коттену предложено мною в течение этих двух дней, которые Кассо проведет дома, выяснить личность и цели наблюдения за Кассо». Это к делу не относится, потому что с Джунковским у нас был сговор, когда он уезжал куда-нибудь, я ему ежедневно или через день посылал телеграмму о всем, что интересно. Часто телеграммы посылались вдогонку. Я могу сказать, что действительно Кассо остановил внимание на том, что его преследуют. Выяснилось, по поводу этого наблюдения, что три молодых студента не преследуют его, а по личному делу хотели переговорить с Кассо и были самого одобрительного поведения, приехавшие из провинции.

Председатель. — Затем заведующему особым отделом департамента полиции представляется резолюция правительствующего сената по делу о бывших членах Государственной Думы второго созыва и отпуск всеподданнейшей записки со списком осужденных по сему делу лиц. Дальше это ваша рука?

Белецкий. — Да, это моя рука.

Председатель. — Вашей рукой написано: «Заседание 1 июля совета министров, на котором постановлено возбудить о Шорниковой судебное следствие».

Белецкий. — Я был краток.

Председатель. — Это формальная отметка, а определенное содержание в нее вы вложили своими объяснениями.

Щеголев. — Почему у вас справки не уничтожались, а хранились в конвертах на всякий случай?

Белецкий. — Иногда бывало, что вырывали справки для интереса, иногда директор или вице-директор оставляли. За мой период я старался, чтобы оставались следы. Теперь, может быть, они обвинительным материалом являются для меня.

Председатель. — Вы видели Шорникову?

Белецкий. — Не помню, кажется, не видел. Мне полковник Коттен докладывал.

Щеголев. — Дело было так: она явилась к Джунковскому в вашем присутствии?

Белецкий. — Да, да, я вспоминаю. Это вы верно говорите. Мы с Джунковским ее допрашивали. Она произвела впечатление забитой, а я думал, что мне Коттен говорил.

Щеголев. — Значит, это появление Шорниковой было обусловлено частным разговором?

Белецкий. — Тогда мы ее поселили в меблированные комнаты на Невском.

Щеголев. — Скажите, пожалуйста, когда происходили совещания совета министров и когда Щегловитов объяснил свой план, говорил он о том, что на суде Шорникова будет фигурировать, как секретная сотрудница?

Белецкий. — Нет.

Щеголев. — Ведь дело было поставлено таким образом; как секретная сотрудница, она освобождается от суда.

Белецкий. — Мы опрашивали для себя, потому что после было заседание совета министров. Это давало мне возможность говорить о роли. Мои впечатления все подтверждались этим. Нас интересовало, что такое она из себя представляла.

Председатель. — Вы говорили, Щегловитов сказал, что даст указания Корсаку. В деле действительно имеется переписанная рукопись С. П. Белецкого, которую он признал. Явившаяся 25 июня на прием к Джуковскому Шорникова в присутствии С. П. Белецкого заявила, что она была в 1905-6 году, 22 лет от роду, арестована. Она работала в с.-д. фракции, в Казани. Ее допрашивал товарищ прокурора генерал Иванов и подполковник Еленский. Они уговорили ее оказывать услуги политическому розыску. «Затем, меня отвезли в охранное отделение, где полковник Кулаков предложил быть секретной сотрудницей». Она согласилась. На конспиративной квартире виделась с генералом Герасимовым один раз, а с ротмистром Еленским все время, почти ежедневно. Встретила партийного работника «Анатолия», который просил работать. Охранное отделение согласилось провести ее в центр, и она была организаторшей атаманского полка. Полковник Еленский настаивал на проведении в секретари организации. Так и случилось. Ей предложили быть секретарем, она согласилась. Затем по вопросу о выработке наказа она сказала, что на одном из заседаний комитета, в котором она имела голос, было решено, что сами солдаты должны итти в форме и нести наказ. Тут сказано: наказ не был составлен по инициативе охранного отделения, но какую роль играло охранное отделение в выработке наказа, она не знает, ибо наказ составляли Озоль и Бродский. Полковнику Еленскому она сообщила день и час, когда должны были явиться солдаты во «Францию». На это полковник Еленский сообщил, что начальник охраны Герасимов ездил к министру Столыпину, который выразил желание иметь наказ, написанный еще от руки, т.-е. в черновом виде. Так как солдаты плохо читали написанное, то ей было предложено напечатать на пищущей машинке. Заботясь об охранном отделении, она вместо одного напечатала два, при чем первый экземпляр с печатью комитета отдала в организацию, а второй — полковнику Еленскому. Наказ же от руки она, с членом организации Алабеевым, уничтожила. Затем она рассказывает, что она тут же сообщила, когда и куда пойдут солдаты, и спросила, будут ли аресты или обыски, но полковник Еленский сказал, что арестов не будет. Она решила итти, будучи уверенной, что их не арестуют. Наказ остался в портфеле Озоля, в обвинительном акте фигурирует не тот наказ, а второй экземпляр, переданный полковнику Еленскому. На другой день Еленский вызвал ее телеграммой на конспиративную квартиру

и объявил о несчастном случае в морском экипаже. Было буйство матросов. Там взяли в пьяном виде Архипова, и он, думая, что его взяли за посещение фракции, все рассказал. (Читает.) «В организации было устроено заседание, где был поднят вопрос о причинах провала и было установлено, что провал произошел по вине самой организации, вследствие ее небрежности». Затем из показаний Шорниковой интересно следующее место: она говорит, что ее не понимало охранное отделение, с ее стороны нет никакой просьбы, она должна уехать в Южную Америку, она больной человек, и потому ей нужно хотя бы две тысячи. Раз ей департамент полиции выдает деньги на проезд, значит он считает себя обязанным заботиться о ней. Она просит дать ей возможность уехать, так как она не сама пошла в революционную работу. Ей обещали за сотрудничество полную ненаказуемость. «К сожалению у нас жандармские офицеры ничего не понимают в розыске. Зная о таких результатах, я никогда не пошла бы в сотрудницы. Убеждения вырабатываются не в 22 года. Теперь бы я не пошла. Мне заявил товарищ прокурора, кажется Юркевич, что я буду безнаказанна». Тут объясняется, что она при двух или трех лицах говорила; оказывается, ее убеждал Юревич и генерал Иванов. Она скрывалась под покровительством власти. Раз она попадет в руки с.-д., будет лишь лишний шум; это — 25 июня. Будьте добры, просмотрите вашу отметку.

Белецкий (читает): — «Получил приглашение от министра доложить председателю совета министров 17 июня». «...Когда я был у него на даче, в восемь с половиной часов Коковцову 18 июня». «Было доложено за министра 20». «Доложено товарищу министра внутренних дел (значит Джунковскому) 23 июня».

Председатель. — Значит накануне того, как вы ее видели вместе с ним. Тут, очевидно, вы и сговорились, чтобы она пришла?

Белецкий (читает): — «Приехал министр 24, и утром доложено. Дело дано товарищу министра 24/VI».

Председатель. — Затем имеется копия письма за министра внутренних дел Джунковского, от 25 июня 1913 года; он излагает историю дела и считает долгом довести до сведения министра юстиции, в виду того, что Екатерина Шорникова разыскивается прокурором судебной палаты для привлечения по 102 статье, департаментом полиции установлено за ней по месту ее настоящего жительства негласное наблюдение (в то время, как она должна была бы быть арестована, согласно циркуляру) до получения соответствующих указаний; надлежит ли ее немедленно же арестовать и передать судебной власти (вопрос, с точки зрения юридической, бесспорный), или же оставить под наблюдением, в виду выяснившейся ее роли в 1907 году в качестве сотрудницы петербургского охранного отделения? Скажите, кто это писал?

Белецкий. — Вероятно, Сенько-Поповский. Нет, это даже не Сенько-Поповский.

Председатель. — А это не Владимир Федорович писал?

Белецкий. — Нет. Мне даже известно, как это письмо составлялось, известны мотивы этого письма. В данном случае, видя, что министр юстиции хотел как бы нас поставить в такое положение, чтобы в будущем... Ведь у нас переписка вначале была о Бродском. Джунковский, стоя на определенной точке зрения, тем не менее, хотел заставить Щегловитова, который медлил, оставить след.

Председатель. — Но министр юстиции тоже знает, как с ведомствами переписываться, они сейчас же мяч в вашу сторону отбросили?

Белецкий. — Я ему говорю — не пишите. Он говорит — напишу, и написал. Если бы писал департамент, мы бы написали совершенно иначе.

Председатель. — Значит, министерство юстиции отбило удар. Оно написало: «Шорникова разыскивается судебною властью и подлежит передаче петроградской судебной палате».

Белецкий. — Переписка была у Владимира Федоровича. Это его надпись: «для исполнения».

Председатель. — Значит, вы ее арестовали на 20 дней. Это 1 июля писалось. 3 июля вы говорите, что отдается приказ об ее аресте. Это после заседания совета министров, когда решили ликвидировать дело благоприятно. Мне кажется, что у вас какие-то отметки были, когда сделано.

Белецкий. — Там было написано, когда прибыть. 24 июня было заседание совета министров.

Председатель. — Позвольте считать установленным, что распоряжение об ее аресте было дано после обоих заседаний совета министров, посвященных ее делу; и тогда было решено, что Щегловитов сумеет благоприятно для нее, но судебным порядком ликвидировать дело.

Белецкий. — Будьте любезны, обратите внимание, когда написал Владимир Федорович?

Председатель. — Это случилось очень скоро, 25 июня.

Белецкий. — Значит как раз на второй день после первого заседания, но раньше второго; было решено большинством голосов поставить в известность министра юстиции. Значит Владимир Федорович на заседании был.

Председатель. — Значит бумага управляющего министерством юстиции Веревкина о том, что дело подлежит передаче прокурору петроградской судебной палаты, была после того, как — будем говорить прямо — комедия суда была решена.

Щеголев. — Когда Шорникова дала показания в присутствии вашем и Джунковского, что вы ей сказали еще?

Белецкий. — Не помню.

Щеголев. — Отпустили и успокоили?

Белецкий. — Безусловно, мы ее успокоили и сказали, что она не будет арестована. Потом она говорила по поводу материальной стороны. Я уже сказал, что Владимир Федорович смотрел, что это несчастная женщина, брошенная.

Председатель. — Потом, как известно Комиссии, последовало определение правительствующего сената по I департаменту о прекращении уголовного преследования; и дальше имеется расписка от 1 августа 1913 года, причем в расписке этой говорится, что за услуги, признанные департаментом полиции и правительствующим сенатом, в заседании 26 июля, прекратившем преследование, она получила по распоряжению генерал-майора Джунковского, триста рублей на лечение, пятьсот рублей на выезд заграницу и тысячу рублей на устройство своих дел, а всего 1.800 рублей. Дальше имеется бумажка начальника петербургского охранного отделения о том, что она без наблюдения выехала из Петербурга заграницу по Северо-Западной железной дороге 4 сентября, сдав свои вещи в багаж до Будапешта, при чем наружное наблюдение никаких партийных связей с местными революционными организациями не заметило. Затем 1 ноября 1913 года последовал запрос министрам внутренних дел и юстиции по поводу неправильных действий чинов охранного отделения, в деле привлечения к судебной ответственности членов Государственной Думы второго созыва, принадлежавших к социал-демократической фракции, за подписью тридцати шести членов Государственной Думы. Первым, подписавшим этот запрос, был член Думы Малиновский, который состоял также секретным сотрудником.

Щеголев. — Как подписавшийся первым, он должен был и выступить?

Белецкий. — Он не всегда выступал, как я вам говорил.

Ольденбург. — Вы не знаете, Шорникова жива?

Белецкий. — Я не припомню. Потом мне кто-то говорил, что ее видели заграницей, кажется, в Болгарии.

Председатель. — Еще есть окончание: Васильев С. П. Белецкому: «Гора Провал. Дача. Деловая. Дело прошло хорошо. 26 июля». Как раз в день сенатского решения.

Белецкий. — Меня интересовало окончание дела. Я просил, чтобы меня поставили в известность. Я дал адрес, и он мне телеграфировал.

Щеголев. — И еще раз департаменту пришлось оказать услугу Шорниковой, когда она хлопотала о разводе.

Белецкий. — Но ведь это, в сущности, чисто благотворительная.

Председатель. — Почему так переплетен экземпляр этого запроса?

Белецкий. — Я просил собрать все материалы по делу, чтобы в случае необходимости были под рукой; тогда у Бертгольда взяли.

Иванов. — А Бродский до сих пор жив?

Белецкий. — Нет. Он провален. Он заграницей. Потом он подыгрывался к партии, желал восстановить себя.

Иванов. — Он молодой?

Белецкий. — Нет, ему более тридцати лет.

Щеголев. — По поводу Озоля, вы указали, что, когда появились слухи, департамент полиции не считал возможным их опровергнуть. А скажите, не было ли в практике таких случаев, когда департамент полиции, наоборот, кое-что делал для того, чтобы люди, заведомо не принадлежавшие к департаменту и не бывшие секретными сотрудниками, могли считаться таковыми?

Белецкий. — Не помню.

Щеголев. — Не может ли быть, чтобы упоминались фамилии лиц, которые не были сотрудниками?

Белецкий. — Нет, нет, за мое время этого не было. Может быть, это может осветить Комиссаров за свою пору. Я понимаю вас. Но за мой период времени этого не было, и за полковника Еремина я ручаюсь, что он не мог этого допустить.

Щеголев. — Вы не помните такого циркуляра о Хрусталеве-Носаре?

Белецкий. — Я помню, что в свою пору, интересовался, что такое Хрусталев-Носарь, когда был заграницей. Мне сообщали некоторые сведения; был разговор, что Хрусталев украл часы, когда дошел до такого состояния. Потом я узнал, что он больной и не имеет никакого значения.

Щеголев. — Нет, в смысле прикосновенности?

Белецкий. — Нет, нет, такого циркуляра не могло быть. Хрусталев обращался, чтобы получить разрешение для возвращения в Россию, для окончательного разрешения его дела.

Председатель. — Мы на некоторое время прервем ваш допрос, чтобы дать вам возможность написать.

Белецкий. — Это не так-то легко, шесть листов написать, когда в грязь окунешься, когда каждое слово является страданием душевным. Я не сплю, доктор может подтвердить. Он мне прописывает и молоко и яйца, а я ничего не могу есть.

Председатель. — Если вы ничего не имеете, я к вам зайду, и вы мне передадите, что вы написали, чтобы мне постепенно с этим ознакомиться.

Белецкий. — Я просил бы просмотреть мое первое показание, которое касается промышленных комитетов, административной части. Может быть, я увлекся. Я люблю административное дело.

Председатель. — Я прочел, я задам вам вопросы. Пожалуйста, поработайте интенсивнее, чтобы закончить ваш допрос и сообразить, какие из него делать выводы, если это позволит состояние вашего здоровья. Дайте нам что-нибудь в понедельник и что-нибудь в среду.

Белецкий. — Слушаюсь. Для понедельника у меня суббота и воскресенье, а для среды — понедельник и вторник.

XLI.

ДОПРОС О. А. ЛАХТИНОЙ

24 мая 1917 года.

Содержание: О дневнике Лахтиной. Отношение Лахтиной к Распутину. Об отношении Распутина к политическим делам.

Председатель. — Вот эти вещи, где они у вас отобраны?

Лахтина. — Это все у меня в монастыре, в моей келье.

Председатель. — Теперь тепло, почему вы одеты?

Лахтина. — Извините, у меня тут образ, мне не хотелось с ним расстаться.

Председатель. — Но ведь вы там снимали?

Лахтина. — Я пришла, немножко вспотела и сняла.

Председатель. — Где ваши дневники?

Лахтина. — Все отобраны.

Председатель. — Кем?

Лахтина. — Кто меня арестовал.

Председатель. — А за прошлые годы где ваши дневники?

Лахтина. — Я не всегда вела.

Председатель. — А в прошлом году вы вели дневник?

Лахтина. — Я сейчас вспомню. Все, что записано, у меня отобрано. У меня нет больше помещения. Все что было, все взято.

Председатель. — Вы не ответили на мой вопрос. В прошлом году вы вели какой-нибудь дневник?

Лахтина. — Я теперь не припомню хорошенько. То, что взято, то и было.

Председатель. — Но в этих бумагах нет ваших дневников?

Лахтина. — Это все и есть мои записки. Тут записано какой год. А больше у меня нет. Я, правда, не помню, какой год.

Председатель. — Вы в Петрограде теперь с какого времени?

Лахтина. — С воскресенья.

Иванов. — А последнее время вы где были?

Лахтина. — Я, арестованная, жила в Верхотурье в женском монастыре.

Председатель. — Мы сейчас уезжаем. Вас допросит следователь. Вы ему расскажете правду, которую знаете. Как вам быть с едой?

Лахтина. — Я уже обедала в тюрьме. Меня нарочно верно покормили раньше.

Председатель. — Но к вечеру вы опять захотите?

Лахтина. — Если мне дадут стакан чая, я могу ограничиться.

Председатель. — Скажите пожалуйста, старые дневники, которые у вас кто-то из старых властей отобрал, возвращены вам?

Лахтина. — У меня никто не отбирал.

Председатель. — Вы их кому отдали? Вы их отцу Илиодору отдали, а у него отобрали?

Лахтина. — Этого я не знаю.

Председатель. — Вы не читали книгу Илиодора о Распутине?

Лахтина. — Нет, я не видала.

Председатель. — Вы к Распутину как относитесь, хорошо или плохо?

Лахтина. — Он меня исцелил.

Председатель. — Так что вы теперь хорошо относитесь?

Лахтина. — Да.

Председатель. — От какой болезни он вас исцелил?

Лахтина. — У меня была неврастения кишек, я пять лет лежала в кровати.

Председатель. — Вы считаете Распутина каким человеком?

Лахтина. — Я его считаю старцем.

Председатель. — Что это значит?

Лахтина. — Старец, который опытом прошел всю жизнь и достиг всех христианских добродетелей.

Председатель. — А вам неизвестны дурные вещи — по крайней мере с общелюдской точки зрения — по отношению к Распутину? Мы все думаем, или многие думают, что он развратный человек, скверный, что его жизнь была не духовная.

Лахтина. — Я не знаю его с этой стороны.

Председатель. — Но вам может быть говорили?

Лахтина. — Я верю только себе. Я знаю, что так со мной было.

Председатель. — Но если вам хороший человек скажет правду?

Лахтина. — Я на себе испытала силу его святости, так что для меня теперь уже все закрыто. Я два раза ездила заграницу, никто мне помочь не мог, была калека.

Председатель. — А вы знаете, что Распутин лез в такие дела, в которые старец вряд ли должен лезть? Вот вы говорите старец, который прошел жизнь, а в дела политические он лез.

Лахтина. — Я за него не могу говорить. Я знаю, что ему это приписывали.

Председатель. — Например, вы помните эту телеграмму, которую он послал и которую вы записали в своем дневнике: «Миленькаи папа и мама! Вот бес то силу берет окаянный. А Дума ему служит; там много люцинеров и жидов. А им что? Скорее бы божьего помазаннека долой. И Гучков господин их прихвост, — клевещет, смуту делает. Запросы. Папа. Дума твоя, что хошь, то и делай. Какеи там запросы о Григории. Это шалость бесовская. Прикажи. Не какех запросов не надо. Григорий».

Лахтина. — Простите, но такой телеграммы я не писала.

Председатель. — Вы не писали ее, но в вашем дневнике такая телеграмма имеется.

Лахтина. — Никогда не могло быть, ничего подобного я не видала.

Председатель. — Вы записывали в своем дневнике телеграммы Распутина?

Лахтина. — Нет.

Председатель. — Никогда не записывали?

Лахтина. — Нет. Если я писала — под его диктовку телеграмму, то копия ее оставалась.

Председатель. — А такого содержания телеграмму, вы не припомните?

Лахтина. — Нет.

Председатель. — Бывая около Распутина, вы не видели, что он пользуется своим влиянием не только для того, чтобы проповедывать святую жизнь, но и для того, чтобы направлять деятельность людей в политической их жизни не туда, куда бы эти люди хотели, а туда, куда хотелось ему?

Лахтина. — Я этого не видала.

Председатель. — Будьте добры сказать всю правду, какую вы знаете, расскажите следователю, который вас допросит. Мне кажется, вам будет жарко, вы икону выньте и можете ее взять.

Лахтина. — Почему вас так беспокоит моя шуба?

Председатель. — Не ваша шуба, но я озабочен тем, чтобы вам не было внешних неудобств, так как вам придется несколько часов здесь остаться.

---

*

XLII.

ДОПРОС С. Е. ВИССАРИОНОВА

24 мая 1917 года.

Содержание: Внешние факты деятельности Виссарионова. Вопрос Виссарионова о порядке его задержания. Деятельность Виссарионова по департаменту полиции. Секретная агентура. Инструкция для внутреннего освещения 1907 г. Дело Шорниковой. Дело Малиновского. Поездка Виссарионова заграницу. Поездка на юг России в связи с забастовкой в Черноморском флоте. Поездка в Киев после убийства Столыпина. Убийство Карпова Петровым. Доброскок. Участие Виссарионова в ревизии союза городов на фронте. Перлюстрация писем.

Председатель. — Вы были вице-директором департамента полиции с 12 января 1908 года по 23 июня 1913 года?

Виссарионов. — Я был сначала чиновником особых поручений при министре внутренних дел IV класса.

Председатель. — С какого времени?

Виссарионов. — Кажется, с того числа, которое вы изволили назвать, я исполнял обязанности вице-директора департамента полиции. Это продолжалось включительно до министра Макарова. При Макарове я исполнял обязанности вице-директора департамента полиции и оставался до июня 1913 года.

Иванов. — А чиновником особых поручений кто вас назначил?

Виссарионов. — Столыпин, — с должности прокурора ярославского окружного суда.

Председатель. — Затем с 1913 года по 16 ноября 1915 года вы были членом совета по делам печати и председателем петроградского комитета по делам печати?

Виссарионов. — Да, по повелению б. государя, я был назначен одновременно председательствовать. Так как эти обе должности — штатные, то одновременно их нельзя соединять, а на меня было возложено, по высочайшему повелению, председательствование в комитете по делам печати.

Председатель. — За этот период времени вы имели какое-нибудь отношение к департаменту полиции?

Виссарионов. — Нет, не имел.

Председатель. — Вы не исполняли отдельных поручений по делам департамента полиции за это время?

Виссарионов. — Нет.

Председатель. — С 16 ноября 1915 года до дней революции вы были членом совета министра внутренних дел?

Виссарионов. — Да.

Председатель. — Причем, 26 декабря 1915 года, вы были командированы в царскую ставку для участия в комиссии по выработке правил по военной цензуре и для ознакомления с постановкой розыска в могилевском жандармском управлении?

Виссарионов. — Да.

Председатель. — Каким образом сочетались эти два поручения: с одной стороны — выработка правил военной цензуры, а с другой стороны — ревизионное поручение в пределах деятельности департамента полиции?

Виссарионов. — Я так объяснял себе, что на меня, как на члена совета министра внутренних дел, это было возложено министром Хвостовым.

Председатель. — Какое поручение вы исполняли 4 февраля 1916 года, когда были командированы в гор. Николаев и Севастополь?

Виссарионов. — В Николаеве была очень длительная забастовка, я сейчас не помню какого завода, — так эти полтора месяца отразились в памяти. Я помню, там директором завода был Юренев. Забастовка длилась всего-навсего, кажется, сорок два дня. Я должен был поехать в Николаев ознакомиться, на какой почве эта забастовка возникла, объясняется ли она экономическими побуждениями или чисто политическими.

Председатель. — А относительно Севастополя?

Виссарионов. — Я поехал, чтобы переговорить, в связи с забастовкой, с командующим морскими силами; был командирован в помощь мне жандармский офицер. Я должен был ознакомиться с тем настроением, которое существует по словам жандармского управления. Это я и сделал.

Председатель. — Затем 12 марта 1916 года по возвращении из этой поездки, вы были назначены председателем особой комиссии для выработки инструкции по охране бывшего императора и императрицы и мест, подведомственных дворцовому коменданту?

Виссарионов. — Да.

Председатель. — Вы представляете себе ваше юридическое положение? Вы сейчас допрашиваетесь не следователем, который допросит вас впоследствии, вы находитесь в заседании Чрезвычайной Следственной Комиссии. Сейчас мы, в силу данного нам законом права, требуем от вас объяснений по должности, которые вы занимали. Так что, это предварительный допрос, в котором

мы разбираемся и из которого мы сделаем те или другие выводы. Вам это ясно?

Виссарионов. — Значит этот допрос не в качестве обвиняемого или свидетеля?

Председатель. — Нет, это допрос, который мы должны от вас отобрать, чтобы в дальнейшем решить, есть тут какое-нибудь преступление или нет. Эти объяснения ваши будут касаться не только вас, но и других должностных лиц, с которыми вы соприкасались. И может быть, мы, в вашем объяснении, найдем материал не по отношению к вам, а по отношению к другим.

Виссарионов. — Я готов буду доложить Комиссии все, что я знаю.

Председатель. — Мы действуем в пределах круга высших должностных лиц, но мы берем несколько шире нашу задачу. Нам принадлежит право первого департамента государственного совета отбирать объяснения, и мы этим правом пользуемся сейчас по отношению к вам.

Виссарионов. — Позвольте обратиться к вам с просьбой?

Председатель. — Пожалуйста, говорите.

Виссарионов. — Я бы просил вас мне только разъяснить, в каком порядке я был задержан. Мне было неясно. Сначала я был задержан и, после двухнедельного содержания в Таврическом дворце, был освобожден, причем никакой меры пресечения в отношении меня не было принято. Прокурор палаты приказал меня освободить, как человека, ни в чем не навлекшего на себя обвинения. Вслед за этим, во время двухнедельного пребывания на свободе, я никуда не отлучался. Я четыре раза заходил в камеру прокурора палаты, где, по прежней своей должности, и в цензуре, и по прежней службе, я знал многих товарищей прокурора палаты. К ним я обращался, не заставая Переверзева, с просьбой сказать, могу ли я считать себя свободным гражданином, могу ли я, в виду того потрясения, которое перенесено мною и моей семьей, поехать куда-нибудь для облегчения себя или я должен выжидать. Причем мне был дан ответ 7 апреля, что я совершенно свободен, но я тем не менее не знал, как мне поступить и все время думал, что вот приедет Переверзев (он уезжал, кажется, в Крым), мне удастся его увидать и только после его разрешения я буду в состоянии куда-нибудь поехать, чтобы несколько привести себя в порядок.

Председатель. — Позвольте мне объявить вам, что вы были задержаны по постановлению судебной власти, а не по постановлению нашей Комиссии. Если бы вы были арестованы по этому постановлению, тогда вам было бы предъявлено какое-нибудь обвинение, и это было бы ясно. Но ваш арест произошел во внесудебном порядке, не по распоряжению Следственной Комиссии. Вот все, что я могу вам сказать.

Виссарионов. — Я почти полтора месяца здесь нахожусь.

Председатель. — Вы не делали никаких заявлений на имя Чрезвычайной Следственной Комиссии, или на имя прокурора палаты, или на имя министерства внутренних дел?

Виссарионов. — Я все время ожидал вызова вашего или прокурора палаты. Тот офицер, который задержал меня во второй раз, сказал, что копию с постановления о моем задержании он направит прокурору палаты и вам.

Председатель. — Он не был достаточно осведомлен. Копия о вашем задержании нам не была препровождена. Она препровождена прокурору палаты. Мы, по собственной инициативе, истребуем данные, когда нам это нужно.

Виссарионов. — Это внесудебное задержание собственно исходило от какой же власти? Мне это несколько непонятно.

Председатель. — Оно исходило от министра юстиции и от прокурора палаты, действовавшего по приказанию министра юстиции. — Комиссию, главным образом, интересует ваша деятельность в департаменте полиции. Комиссия работала над материалами департамента полиции; вы были довольно долгое время в составе департамента, поэтому нам представляется, что целый ряд обстоятельств, касающихся его деятельности, может быть разъяснен вашим показанием. Нас интересует не внешняя сторона этой деятельности. Она, с одной стороны, определяется законом, с другой — внешними формальными правилами. Нас интересует внутренняя сторона; главным образом, мы просим вас остановиться на так называемых секретных сотрудниках. Вам ясен мой вопрос?

Виссарионов. — Да. Но я просил бы вас указать мне, какие части этого вопроса вам угодно было бы осветить моим объяснением?

Председатель. — Вы, может быть, чувствуете себя нездоровым?

Виссарионов. — Нет, я готов давать вам ответы.

Председатель. — Вы пользовались помощью доктора Манухина?

Виссарионов. — Да, пользовался.

Председатель. — Вы меня спрашиваете, на чем остановиться. Вы были четыре с половиной года причастны к департаменту полиции. Может быть, вы предпочтете детальному рассказу общий очерк смены отношений к этому вопросу? Вы были при нескольких директорах департамента полиции; может быть вы укажете, то направление в деятельности департамента, которое вносил тот или другой директор и, в частности, ту линию поведения, которой держались вы?

Виссарионов. — Я получил приглашение перейти на должность чиновника особых поручений в то время, когда директором департамента был Трусевич, товарищем министра — Макаров и министром — Столыпин. Первое время деление было такое, что

заведывающим особым отделом был Васильев, последний директор департамента полиции. Необходимо вам доложить, что, когда я приехал, приблизительно в 20 числах января 1908 года, то вся работа, конечно, была сосредоточена в руках Васильева. Тогда я обратился к Трусевичу с указанием, какие, собственно говоря, обязанности лежат на мне. Я получил указание, что на мне лежит, главным образом, наблюдение за поступающей перепиской, я должен ее просматривать и давать дальнейший ход.

Председатель. — Какая переписка?

Виссарионов. — Переписка со всей Россией: донесения жандармских управлений, охранных отделений, словом, особый отдел. Я обязан доложить, что кроме особого отдела, на меня, как и на моих товарищей, был возложен еще целый ряд делопроизводств, так что особый отдел являлся только одной из моих обязанностей. Я заведывал так называемым седьмым делопроизводством, куда поступали все юридические вопросы. Затем восьмым делопроизводством — уголовный розыск, вернее, наблюдение за деятельностью сыскных отделений постольку, поскольку это могло быть сосредоточено в департаменте полиции (так как, по закону, наблюдение за уголовным розыском лежало на прокурорском надзоре). Таким образом, деятельность с первого времени мне представилась до такой степени обширной и едва объемлемой, что я несколько раз заходил к Трусевичу и говорил, что я собственно не знаю, на какую часть мне надлежит обратить особое внимание. Он говорит: «Да вы отправьтесь туда, в особый отдел, сядьте и посмотрите, какие дела туда будут итти».

Председатель — До вас существовала такая должность чиновника особых поручений IV класса?

Виссарионов. — Сначала было два вице-директора. Весь департамент делился на два: один назывался административным, другой— политическим; затем, с ростом дел, увеличился. Одно время заведывал, кажется, Харламов, который затем получил другое делопроизводство. Затем, я боюсь ошибиться в этой области, — заведывал, кажется, Курлов, который был член совета министра внутренних дел. Когда он был назначен главным начальником тюремного управления, эта часть осталась на Васильеве. Таким образом, был восстановлен тот порядок, который существовал в департаменте полиции, как мне передавали, когда директором был Лопухин и когда Зубатов был заведывающим особым отделом, т.-е., заведывал этим отделом, как бы на правах вице-директора.

Председатель. — Так что, сейчас, на мой вопрос, вы отвечаете, что должность чиновника особых поручений впервые с вашего поступления возникла?

Виссарионов. — Я не могу вам твердо этого доложить. Вряд ли до меня был кто-нибудь. Я припоминаю, что, сколько я знаю, этим делом ведал Курлов, член совета министра. Так продолжа-

лось, пока я познакомился. Бегло прошел февраль, должно быть и март. Затем, в апреле, кажется, был собран съезд начальников районов и охранных отделений, под председательством самого Трусевича. Я этим делом тут занимался.

Председатель. — Это было в 1908 году?

Виссарионов. — Да, в 1908 году. Затем, кажется ближе к весне мне было дано поручение съездить на юг, в Екатеринослав, затем, кажется, в Севастополь, чтобы выяснить некоторые обстоятельства; были столкновения в Екатеринославе, трения между чинами общей полиции и между местным охранным отделением.

Председатель. — Вы были первое лицо из прокурорского надзора, которое работало в департаменте полиции?

Виссарионов. — Нет, я там застал целый ряд лиц судебного ведомства. Там был Зубовский, бывший уфимский прокурор; затем Харламов, бывший псковский прокурор; я застал целый ряд бывших товарищей: прокурора, Броецкого, Павловского (теперь в Государственной Думе делопроизводитель, кажется). Он перешел прямо из департамента, я его застал, — старший помощник делопроизводителя. Затем Рукавишников — тоже товарищ прокурора. Это объяснялось тем, как мне говорил сам Трусевич, что он желает во что бы то ни стало удалить из департамента лиц, которым, по его мнению, совершенно не место там. Он старался привлечь из прокурорского надзора для того, чтобы внести известный порядок, как он выражался «закономерность действий».

Председатель. — Продолжайте, пожалуйста. Если можно, останавливайтесь больше на внутренней стороне. Вы, вероятно, хотите очертить канву, по которой и будете рассказывать?

Виссарионов. — Так точно.

Председатель. — Вы остановились на том, что вам дали командировку весной.

Виссарионов. — Я эту командировку выполнил и как раз кажется, в мае месяце, А. Т. Васильев стал говорить, что он оставляет департамент полиции, должность заведующего особым отделом; и тогда же я узнал (я очень извиняюсь, если буду не точен в датах, много времени прошло, 9 лет слишком), в апреле месяце приблизительно, может быть, в мае месяце, что на эту должность назначается помощник московского градоначальника Климович, тогда — в чине полковника. Этот слух подтвердился и, как только он приехал, так целиком дела особого отдела от меня отошли, т.-е. остались мелочи, как мы их называли, например, разрешение выдачи оружия, посылка писем министрам, министерская переписка так называемая. Это все пошло ко мне. Что же касается так называемой техники розыска и розыскных вопросов, они все целиком легли на полковника Климовича, который, для себя восстановил таким образом положение, которое было до моего прихода, при Лопухине или Зуеве. Это я объяснял

себе тем, что М. И. Трусевич, скоро разобравшись в том, что я едва ли могу заниматься этим делом, вероятно, пожелал найти человека, более знакомого с делом, чем я. В таком виде все продолжалось до назначения директором департамента Зуева.

Председатель. — Это было?

Виссарионов. — 1909, кажется, год.

Председатель. — 10 июля. Таким образом, целый год вы уже прошли?

Виссарионов. — Приблизительно. За это время у меня были отдельные поручения. Например, на меня было возложено очень большое расследование по деятельности, в то время видной, полковника полицмейстера Галле. На него падало обвинение в том, что он занимается мздоимством и лихоимством. Бывший товарищ министра А. А. Макаров и министр Столыпин возложили на меня, таким образом, одновременно исполнение обязанности вице-директора и производство этого большого расследования.

Председатель. — Кто был Галле?

Иванов. — Петроградский полицмейстер.

Виссарионов. — Да, кажется, 4-го отделения. Это было довольно трудное расследование, потому что самое производство было поставлено весьма стеснительно для меня и затруднительно. Мне приходилось вызывать свидетелей, долго с ними беседовать. Все это был народ запуганный, боявшийся потерять места. Это отвлекало довольно много времени. Затем уже, когда вступил в должность директора Зуев, товарищем министра стал генерал Курлов; генерал Климович (или полковник в то время) был назначен в Керчь градоначальником, а заведующим особым отделом был назначен полковник (теперь генерал) Еремин.

Председатель. — Почему ушел Климович и почему вместо Макарова стал Курлов?

Виссарионов. — Насколько мне известно, Макаров был назначен государственым секретарем. Поэтому его место было замещено.

Председатель. — Это внешняя сторона, но в этих переменах имеется некоторое содержание внутреннее?

Виссарионов. — Я не знаю внутреннего содержания ухода Макарова; не знаю совершенно, почему был назначен Курлов. Кажется, сколько я слышал, по представлению самого же Макарова; а Зуев, в свою очередь, по представлению или по рекомендации Макарова, как старший вице-директор.

Председатель. — Почему же не остался Трусевич? Зуев был старший вице-директор департамента полиции. Почему Зуев не остался служить при Курлове?

Виссарионов. — Насколько тогда ходили слухи, я не мог их проверить, у Курлова, за последнее время пребывания в департаменте полиции, отношения с Трусевичем испортились; когда Кур-

лов стал товарищем министра, конечно, Трусевичу, как директору департамента, лицу подчиненному товарищу министра, трудно было оставаться, и он должен был оставить место.

Председатель. — Пожалуйста, продолжайте ваше объяснение.

Виссарионов. — Затем Климович ушел на должность градоначальника. Отношения мои с заведующим особым отделом Ереминым были таковы, что он являлся лицом не только мне не подчиненым, но лицом равнозначащим. Так как он был более знаком с техникой розыска, то обыкновенно все вопросы, которые возникали, докладывались мной и им совместно директору департамента и товарищу министру; при чем все распоряжения, которые делали товарищ министра и директор, отмечались на бумаге тут же, или его рукой, или моей рукой. В остальном во всем исполнительная часть уже лежала на нас. Так что распорядительных действий, в широком смысле этого слова, без товарища министра и без директора департамента, а в особо важных случаях и самого министра, не предпринималось. Затем после убийства П. А. Столыпина снова происходят перемены.

Председатель. — В сентябре 1911 года?

Виссарионов. — Да, товарищем министра назначается Золотарев и директором департамента Белецкий. Я и Еремин продолжаем оставаться в тех же самых должностях, которые мы занимали; в этом положении остаемся до июня 1913 года. В 1913 году я был приглашен товарищем министра Джунковским, после торжества в Москве, на которое я был тоже командирован; он мне сказал, что бывший министр, значит, Маклаков, предлагает мне быть членом совета главного управления по делам печати и председательствовать в комитете. За эти годы я чрезвычайно устал от своей нервной деятельности; я был командирован в Киев разбираться в том, что осталось от бывшего начальника охранного отделения Кулябка; затем дважды, и гораздо более раз, двумя сенаторами был допрошен, — сенатором Трусевичем в качестве свидетеля, и затем, сенатором Шульгиным; получался целый ряд нервных переживаний на этой почве; когда я узнал, что мне выпадает возможность отойти от департамента, я охотно согласился и ушел. Что касается вопроса, предложенного вами, относительно секретной агентуры, то, мне кажется, этот вопрос вы позволите так рассмотреть: способ приобретения этой агентуры, затем способ ее использования.

Председатель. — Может быть, перед этим вы скажете, как смотрели на секретную агентуру и на провокацию в департаменте полиции?

Виссарионов. — Я должен доложить Комиссии, что, как я лично, так и те, с кем я работал, в лице полковника Еремина, смотрели на провокацию, как на недопустимую вещь. Я считал

провокацию подстрекательством сотрудников к учинению преступления.

Председатель. — Подстрекательством сотрудников и подстрекательством других лиц?

Виссарионов. — Конечно. Я считал это преступным деянием. В делах департамента полиции находится целый ряд моих докладов по ревизионным поручениям, затем, по отдельным бумагам, где я довольно сурово относился к тем, кто позволял себе проявлять провокационную деятельность.

Председатель. — Но не замечали ли вы, что эти ваши пожелания расходились с действительностью, и та же провокация, даже в смысле подстрекательства к преступлениям уголовного характера, существовала?

Виссарионов. — Я сейчас не могу припомнить такого факта. Если такие случаи возникали и если до нас доходили эти сведения, то, вероятно, они и карались, если только эти бумаги бывали в наших руках.

Председатель. — А вы не останавливались на вопросе, — может ли существовать секретная агентура, т.-е., состоящие на жаловании члены революционных организаций, без провокаций? Т.-е., что самая обыденная, вам нужная и вами предписывавшаяся деятельность агентов, является в существе своем деятельностью провокационной и иной быть не может?

Виссарионов. — Производя ревизионные поручения, при свидании с офицерами, чиновниками и даже студентами, я всегда каждому из них говорил, что их деятельность должна заключаться только в наблюдении, что дальнейшее подстрекательство отнюдь недопустимо.

Председатель. — Мой вопрос заключался в том, не останавливались ли вы на том, что самая обыденная деятельность вашего секретного агента, т.-е. лица, состоящего в преступной организации, а от вас получающего за доставление сведений вознаграждение, является деятельностью, во-первых, самой по себе преступной, а, во-вторых, быть может, поощряющей преступления и других лиц. Как бы вы ответили на такой вопрос?

Виссарионов. — Вы изволите говорить, что деятельность каждого сотрудника является преступной потому, что он остается в организации и дает мне сведения?

Председатель. — Да.

Виссарионов. — На это смотрели так. Эта точка зрения не моя лично была, а тех, кто, так сказать, вел всю политику.

Председатель. — Т.-е. вы имеете в виду не только директора департамента полиции, но и товарища министра, и министра внутренних дел?

Виссарионов. — Непременно, да, конечно. Я должен доложить, что все серьезные вопросы, все серьезные, так называемые,

ликвидаций, обыкновенно директором докладывались включительно до министра, и оттуда исходили распоряжения. Вице-директор, как исполнительный орган, не мог своей властью ничего назначить: ни ликвидации, ни арестов каких-нибудь серьезных. Это всегда доводилось до сведения тех, кто много выше стоял.

Председатель. — Пожалуйста продолжайте ваш ответ на мой вопрос.

Виссарионов. — Смотрели так, что, так как борьба шла с революционными организациями, то то или иное лицо, оставаясь в этой организации и в то же время сообщая о ее деятельности, так сказать этим уже снимает с себя ответственность за то, что остается в этой организации. Такая была система. Как я понимал, она была дана для всего государства.

Председатель. — Но вы, и другие юристы в составе департамента полиции находили, что эта система соответствует законам или им противоречит?

Виссарионов. — Я лично полагал, что закон избавляет этих лиц от ответственности, если они не перейдут границ и не будут подстрекать к учинению преступления, а будут так сказать совершать одни наблюдательные функции и свои наблюдения передавать тем лицам, которые их ведут или с ними занимаются.

Председатель. — Таково было задание, такова была теория?

Виссарионов. — Да.

Председатель. — Такова была мысль, изложенная на бумаге, но какова была практика проведения этой мысли? Вы представляли себе, что ваш секретный сотрудник ничего не делал в организации, а только наблюдал? Или вы мирились с тем, что ваш секретный сотрудник естественно нечто делает в этой организации?

Виссарионов. — Нет, я лично этого не допускал; но, по тому положению, которое я занимал, я не мог, конечно, одновременно охватить каждое отдельное дело в каждом отдельном округе, в каждом отдельном городе. Поэтому, если до нас доходили сведения, что там или в другом месте сотрудник превысил свои права и устроил какое-нибудь самостоятельное преступное деяние, обыкновенно такия деяния карались.

Председатель. — Вы подчеркиваете слова «самостоятельное преступное деяние». А если он совершал целый ряд действий, которые, быть может, не имеют самостоятельного значения, но которые, в совокупности действия данной организации, представляют собой нечто заметное и нужное для этой организации и, стало быть, с точки зрения существовавшего закона, нарушают пределы, законом дозволенные?

Виссарионов. — Ведь, собственно, розыск и вся охрана строя были поставлены именно на такой системе. Я поэтому и думал, что, раз этим поддерживается строй, следовательно, это уже не подлежит такой детальной критике.

Председатель. — Вы сейчас же сделали ссылку на систему и на то, что ваши непосредственные высшие начальники были великолепно осведомлены и даже этими действиями руководили. Но я интересовался собственно больше фактами. Ведь фактически, вы не будете отрицать того, что в жизни пассивное положение вашего агента, как правило, являлось нетерпимым; понимаете, жизнь не знает такого покоящегося, бездельничающего и только доносящего вам.

Виссарионов. — Но такие требования предписывались.

Председатель. — Важна не только отписка; характеризуя эту систему, вы согласились, что такое было требование, но, как правило, это требование не исполнялось. Таков закон жизни, который не мог быть не известен вам и вашим начальствующим лицам. С этим положением нельзя как будто не согласиться?

Виссарионов. — Я и докладываю, если возникали исключения из правила, которое нами проводилось, то на эти исключения обращали внимание; были случаи когда, например, кажется, в Иркутск посылалась прокурору военно-окружного суда телеграмма. Как я помню, мы из переписки узнали, что там одна типография была поставлена фиктивно. Мы очень опасались, что лицо, ни в чем неповинное, может понести ответственность.

Председатель. — Вы говорите об исключении. Разве вы и начальствующие ваши лица представляли, что недопущение деятельности так и проводится в действительности? Ведь все вы были людьми жизни, очень умудренными опытом, иной раз даже судебным опытом.

Виссарионов. — Такое задание было дано.

Председатель. — Скажите, не был ли департамент полиции заинтересован в том, чтобы, в интересах внутреннего освещения, ваш секретный сотрудник двигался по иерархии революционной, чтобы он занимал более руководящее положение в партии?

Виссарионов. — Чем положение группы серьезнее, тем, конечно, важнее было ее осветить. Поэтому, конечно, тот сотрудник, который там занимал более серьезное положение, и был более ценным, более осведомленным. Сколько мне известно, действительно, департамент полиции проводил такие идеи, но опять-таки не путем каких-нибудь искусственных предприятий; если сотрудник сумел так или иначе произвести впечатление на окружающих, уже тем самым ему давали более ход. Вот какая была идея.

Председатель. — И тот сотрудник, которому дали ход, который из члена районного комитета превращается в члена общего городского комитета, этот сотрудник является более ценным, с точки зрения наблюдающего и сносящагося с ним жандармского офицера, нежели человек, стоящий на переферии?

Виссарионов. — Да.

Председатель. — При чем, соответственно тому, что вы признали раньше, нельзя не признать, что для того, чтобы продвинуться, нужно было действовать. Таким образом, эта деятельность была даже желательна с точки зрения департамента полиции.

Виссарионов. — Я только позволю себе оговориться, что не провокационная деятельность.

Председатель. — Но преступная деятельность?

Виссарионов. — От меня никогда не исходило указания, чтобы то или другое лицо делало какое-нибудь преступное действие для того, чтобы возвышаться.

Председатель. — Непосредственно таких приказаний от вас, может быть, и не исходило. Но ведь это делалось без непосредственного предписания; департамент полиции знал, что это делалось, результатами этого пользовались.

Виссарионов. — Я сейчас не могу привести ни одного отдельного факта, когда бы это было.

Председатель. — К отдельным примерам мы можем перейти потом, мне хотелось бы, чтобы вы остались в пределах общих явлений. Вы не можете не согласиться с тем, что человек, не посещающий собрания, или молчальник, или чурающийся всяких прокламаций, их хранения и их распространения, боящийся произносить речи, во-первых, в жизни вещь невозможная, а, во-вторых, — это никуда негодный для вас человек. Мне кажется, вы первый раз останавливаетесь на этого рода вопросах?

Виссарионов. — Как я вам доложил, система была известная, которая существовала во всей России до меня за много лет, так что я лично не мог ее целиком изменить. Мы много вносили изменений (которые, если позволите, я доложу), чтобы это дело, насколько представлялось возможным, упорядочить, но всю систему переменить было не в моих силах.

Председатель. — Вы знаете, конечно, что существовало некоторое положение, по которому нужно было действовать департаменту полиции и его агентам в сфере внутреннего наблюдения; и этот кодекс назывался «Инструкцией по организации и ведению внутреннего наблюдения»?

Виссарионов. — Да.

Председатель. — Вы припомните, может быть, что в 1912 году вы состояли председателем съезда, который перерабатывал эту инструкцию?

Виссарионов. — Мы ее не перерабатывали, мы рассматривали целый ряд накопившихся вопросов по распоряжению бывшего министра Макарова. Она обсуждалась.

Председатель. — Она существовала в виде сводки с 1907 года, даже, может быть, ранее. Как вы относились к главнейшим положениям этой инструкции?

Виссарионов. — Может быть, вы разрешите ответить на какие-нибудь отдельные вопросы? Я так не понимаю.

Председатель. — Может быть, вы припомните, что в параграфе 5 сказано, как правило, что «секретные сотрудники должны состоять членами одной из революционных организаций (о которых они дают сведения) или, по крайней мере, тесно соприкасаться с серьезными деятелями таковых, так как только тогда сведения их будут ценны».

Виссарионов. — Это общее пожелание такое.

Председатель. — Может быть, это не только пожелание? Это пожелание, которое приводилось в действие; значит, начальник охранного отделения или жандармского управления, получив это, должен был заводить в местных организациях агентов.

Виссарионов. — Если организация проявляла свою деятельность, начальник охранного отделения должен был осветить эту деятельность для того, чтобы пресечь ее.

Председатель. — Значит он должен был завести там агента, т.-е. или взять кого-нибудь из тех людей, или провести туда человека? Не правда ли?

Виссарионов. — Относительно проведения я затрудняюсь сказать.

Председатель. — Разве это не два единственных обычных пути, которыми шли агенты департамента полиции? Я подразумеваю под агентами чинов охранного отделения и жандармского управления.

Виссарионов. — Да ведь деятельность каждого начальника охранного отделения или жандармского управления не была в точности известна мне или директору. То, что они могли там делать, до поры до времени могло оставаться неизвестным.

Председатель. — Но вам, в частности, это было хорошо известно, потому что вы много времени посвящали ревизионной деятельности охранных отделений.

Виссарионов. — Если вы изволили ознакомиться с этими материалами, то вы увидите, что мне приходилось вести борьбу с нарушениями, которые на местах обнаруживались.

Председатель. — Вы вели борьбу, но вместе с тем требовали исполнения этой инструкции?

Виссарионов. — Но не в таком виде.

Председатель. — Этот акт был положен в основу вашей деятельности, он был разработан и рассмотрен под вашим председательством?

Виссарионов. — Это не совсем так. Я вам сию минуту доложу. Инструкция была создана до меня, как вы изволили сказать, в 1907 году или ранее. Тот съезд, который рассматривал все накопившиеся вопросы по розыску, составил журнал, который остался не приведенным в исполнение, по крайней мере, при мне, потому

что — это уже конец 1912 года, в министерство Маклакова; в 1913 году уже вступает в должность товарища министра Джунковский. Этот журнал, кажется, не приведен в исполнение совсем.

Председатель. — Но инструкция 1907 года не была отменена и продолжала существовать в 1912 году.

Виссарионов. — Она представляла из себя документ, который даже не был распространен среди начальников жандармских управлений, а был сообщен только начальникам районов; потому что считалось, что широкое распространение этой инструкции может повлечь какие-нибудь ошибки в исполнении, а так как от ошибок мы хотели предостеречь, то рекомендовалось, чтобы начальники районов, при посещении управлений, на словах давали объяснения, каким путем то или иное положение может быть проведено в жизнь.

Председатель. — Это объясняется не только тем, что вы хотели предостеречь от ошибок, но и тем, что вы хотели эту инструкцию законспирировать, сделать ее тайной?

Виссарионов. — И от ошибок, и сохранить ее в тайне.

Председатель. — Кроме того, по различным параграфам этой инструкции, были рассылаемы циркуляры, которые повторяли ее идею, например, идею, связанную с параграфом 5, — заведение секретных сотрудников при организациях. Вы, быть может, знаете, что, когда департамент полиции наблюдал ослабление деятельности внутреннего освещения, он предписывал заводить или усиливать кадры секретных сотрудников?

Виссарионов. — Вероятно, это было.

Председатель. — Пример: § 8 инструкции предусматривает положение, чтобы, «состоя членами революционных организаций, секретные сотрудники ни в коем случае не должны заниматься так называемым «провокаторством», т.-е. сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли». Но сейчас же говорится: «Хотя для сохранения своего положения в организациях сотрудникам приходится не уклоняться от активной работы, возлагаемой на них сообществами, но в таких случаях они должны на каждый отдельный случай (и опять та же фраза) испрашивать разрешения лица, руководящего агентурой, и уклоняться, во всяком случае, от участия в предприятиях, угрожающих серьезной опасностью. В то же время лицо, ведающее розыском, обязано принять все меры к тому, чтобы совершенно обезвредить задуманное преступление, т.-е. предупредить его с сохранением интересов сотрудника. В каждом отдельном случае должно быть строго взвешиваемо, действительно ли необходимо для получения новых данных для розыска принятие на себя сотрудником возлагаемого на него революционерами поручения или лучше под благовидным предлогом уклониться от его исполнения. При сем необхо-

димо помнить, что все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центров революционных организаций и к уничтожению их в момент проявления ими наиболее интенсивной деятельности, почему не следует «срывать» дело розыска только ради обнаружения какой-либо подпольной типографии или мертво-лежащего на сохранении склада оружия, помня, что изъятие подобных предметов только тогда приобретает особо важное значение, если они послужат к изобличению более или менее видных революционных деятелей и уничтожению организации». Видите, § 8 признает, что сотрудникам приходится не уклоняться от активной работы; и затем целый ряд оговорок.

Виссарионов. — Вы изволили прочитать, что им воспрещается этим заниматься?

Председатель. — Ни в каком случае не должны заниматься; затем внешне говорится о борьбе с провокаторством, а рядом признается, что им приходится не уклоняться от активной работы, и говорится, что по поводу этой активной работы они должны быть в сношении с органами наблюдающими. Вы понимаете, что одно исключает другое, потому что активная работа сопряжена с вовлечением в эту работу других лиц; на то она и активная. Эта работа вовлечения на известный путь происходит среди молодежи. Инструкция написана очень осторожно, но, в существе своем, она признает, как норму, активность, с неизбежным для нее воздействием на окружающую среду.

Виссарионов. — Я лично не давал таких указаний.

Председатель. — Параграф 9 инструкции предписывает «иметь секретных сотрудников в каждой из действующих в данной местности революционных организаций по возможности, даже по нескольку в одной и той же организации». Не помните ли вы случаев, когда ваши местные заведующие охранными отделениями становились в положение несколько перестаравшихся в исполнении инструкции, и значительная часть организаций составлялась из агентов? Например, особенно яркий случай был во Владимире, вы помните?

Виссарионов. — Да, помню. Я все это описал в своем докладе.

Председатель. — Что вы хотели видоизменить в этой инструкции во время работ съезда?

Виссарионов. — Там, кажется, целый ряд вопросов был затронут, по программе, утвержденной министром и товарищем министра. Я сейчас не могу вам доложить, просматривалась ли сама инструкция. Кажется, инструкция всего менее была просмотрена. Общие вопросы были затронуты. Например, может ли заграницей отдельный представитель розыска иметь свою самостоятельную агентуру? Затем, вопрос относительно агентуры для освещения кружков молодежи; при чем я помню, мы вынесли постановление, что никаким образом недопустима агентура среди воспитанников

средних учебных заведений, потому что был такой случай в Петрограде, когда без ведома департамента, была произведена ликвидация.

Иванов. — Частного учебного заведения?

Виссарионов. — Совершенно верно. Это нас всех возмутило.

Председатель. — Она была произведена полковником Коттеном?

Виссарионов. — Да.

Председатель. — В какой момент деятельности освещалась надлежащим образом преступная организация и ее ликвидация, т.-е. арест, признавалась нужной в момент ее обнаружения или несколько позже?

Виссарионов. — Позвольте, прежде чем ответить на этот вопрос, сослаться на один случай, который может иллюстрировать. В Саратове были получены сведения, что Центральный Комитет партии с.-р. туда направил Минора, как члена Центрального Комитета, для восстановления деятельности всего Поволжья. Тогда было предписано немедленно ликвидировать всю эту деятельность, т.-е. пресечь. Когда это дело слушалось, я был командирован на процесс покойным Столыпиным; бывший в составе защиты В. А. Маклаков начал свою речь с того, что он в этом видит новый фазис деятельности департамента, что департамент не дал разрастаться этому делу и в самом зачатке пресек эту деятельность. Вот как я понимал, как объяснял и какие давал указания, когда меня спрашивали об этом. Я считал, что деятельность организации, как только она создалась, должна быть прекращена, раз она преступна.

Председатель. — Что значит, как только она создалась? А если ваш агент вошел в группу при самом ее возникновении, когда она еще не создалась?

Виссарионов. — Тогда, конечно, он не должен стремиться к созданию ее.

Председатель. — Мы рассматриваем момент производства ареста.

Виссарионов. — Аресты неосновательные никогда не рекомендовались и даже запрещались. Я могу сослаться на ряд произведенных мною обследований по Москве, где одно время начальником охранного отделения было очень много произведено арестов, так что это обратило внимание градоначальника. Ознакомившись, я увидел, что аресты там ничем серьезным не вызывались, и потому департамент отнесся с осуждением.

Председатель. — Значит аресты нужно делать так сказать в расцвет деятельности организации?

Виссарионов. — Если деятельность организации разрослась без ведома местного розыскного органа и если рост ее стал известен агенту, то он, конечно, не должен допускать дальнейшего роста и должен пресечь.

Председатель. — А неизвестно ли вам, что действовало, как правило, распоряжение, чтобы дать преступной организации расцвесть и ликвидировать ее только в момент расцвета? Вам это неизвестно?

Виссарионов. — Я не могу припомнить. Может быть.

Председатель. — Скажите, как вяжется ваше утверждение с тем, что ваши агенты систематически, не днями, не неделями, а месяцами и годами оставались и работали в отдельных организациях, и, стало быть, организации, в которые затесались агенты, продолжали существовать благополучно даже годы, как оказывается из документов?

Виссарионов. — Деятельность многих организаций, после некоторых ликвидаций, как по крайней мере показали с мест, совершенно ослаблялась, так что там деятельности такой уже не было.

Председатель. — Вы изволили сказать, что деятельность ослаблялась. А не предписывалось ли, в интересах сохранения драгоценных сотрудников, в случае, если обнаружится деятельность кружка, не доарестовывать, а нескольких лиц, близко стоящих к сотруднику, оставить на свободе? Конечно, вы, как лицо, стоящее в центре, не могли не понимать, что эти оставленные на свободе лица потом завяжут новые организации?

Виссарионов. — Департаменту по крайней мере в лице такого органа, как вице-директор, не было никакого основания плодить преступления, потому что это не вызывалось никакими соображениями. Сохранение агентуры достигалось тем, что при ликвидации наиболее деятельные члены организации арестовывались, и, следовательно, деятельность этих организаций уже сама по себе падала. Если же сотрудники, оставшись на свободе, позволяли себе активную работу, то, конечно, за нее был ответственен тот начальник, с которым он работал. Вот как мне представлялось.

Председатель. — Как видно из инструкции, которая была разослана начальникам районных отделений, рекомендовалась именно эта деятельность, и неинтересна была бездеятельность. Агенты должны были быть заведены в организациях. Имеется циркуляр департамента полиции о том, что от этого зависит служебная карьера людей, которые не завели агентов.

Виссарионов. — Как я уже вам докладывал, я лично думал, что, раз существует преступник, с прежней точки зрения, организация, она, конечно, должна быть так или иначе обнаружена и прекращена. К этому и шли путем заведения агентуры.

Председатель.—Параграф 23 говорит: «Производя ликвидацию, никогда не следует арестовывать всех окружающих сотрудника лиц, оставляя его одного на свободе, но надлежит оставлять около него несколько лиц, более близких и менее вредных, или дать ему

возможность заранее уехать по делам партии, или, в крайнем случае, арестовать и его самого, освободив впоследствии с близкими к нему и наименее вредными лицами по недостатку улик. О предстоящем аресте сотрудника всегда нужно войти с ним в соглашение. Арест сотрудника допустим лишь в случаях неустранимой необходимости и в случаях, указанных в § 11 отдела I». Тут именно, как говорят в народе, оставляются люди на разводку. Существование этого положения подтверждает общепризнанное мнение, что, если бы это не делалось, то нечего было бы делать департаменту полиции. А департамент полиции, как вы знаете, не только не бездействовал, а развертывался, и в конце концов, распространил круг своих наблюдений, в лице выдающихся директоров департамента и товарищей министра, на всю Россию, на все области русской общественной жизни. Когда ликвидировалась организация, она арестовывалась. Вам известны случаи, когда сотрудникам давали возможность скрыться и снабжали их для этого деньгами и паспортами?

Виссарионов. — Я не только этого никогда не проводил, но считал это недопустимым.

Председатель. — Тем не менее, вам не могли быть не известными хотя бы особенно громкие случаи?

Виссарионов. — Я не знаю, какой случай вы имеете в виду.

Председатель. — Целый ряд таких случаев. Вы нам можете рассказать, — зачем нам напоминать вам. Этого нельзя забыть. Скажем, например, случай с Шорниковой.

Виссарионов. — Я этого дела совсем не знаю. Если это по Петрограду, я к Петрограду никакого отношения не имел. Петербургское охранное отделение всегда работало автономно.

Председатель. — Да, но когда случай принимает размеры всероссийского скандала, так ведь нельзя думать, что к этому скандалу не причастен департамент полиции. Вы может быть забыли фамилию? Шорникова — провокатор — секретный сотрудник по созданию процесса членов 2-й Государственной Думы.

Виссарионов. — Это какой год?

Председатель. — Это 1907 год, до вашего поступления, но этот случай еще всплыл на поверхность русской жизни и очень озаботил не только департамент полиции, но и министерство внутренних дел, несколько позже, когда появилась эта госпожа.

Виссарионов. — Я Шорникову никогда не видал.

Председатель. — Вы помните, вы знаете, что она перешла в сотрудницы в другие охранные отделения? Когда ее раскрыли здесь, она служила в Казани и в других местах.

Виссарионов. — Это я не знаю.

Председатель. — Не знаете? Но разве вы не помните, как она грозила появиться здесь, и перед департаментом стал вопрос, нужно ли ее скрыть или поставить на суд?

Виссарионов. — Это, вероятно, было после меня. Я не помню этого дела.

Председатель. — По времени некоторые моменты этого дела совпадают с вашим пребыванием, поэтому я и задал вам этот вопрос.

Виссарионов. — Виноват, этих обстоятельств, что она была скрыта, что она снабжена паспортом, я совершенно не знаю.

Председатель. — Но ведь вы вообще знали случаи снабжения паспортами, по терминологии департамента полиции, «проваленных секретных сотрудников»?

Виссарионов. — Когда я узнавал об этом, я всегда протестовал против этого и указывал, что это совершенно недопустимая вещь. Так называемых нелегальных мы запрещали иметь в числе сотрудников. Вы найдете циркуляры, которые как раз на это указывают.

Председатель. — Но вы сами делали сотрудников нелегальными?

Виссарионов. — Нет.

Председатель. — Как делали нелегальными иной раз и ваших жандармских офицеров; т.-е., они должны были скрываться; вы не станете отрицать существование секретных конспиративных квартир для свидания секретных сотрудников с жандармскими офицерами, с агентами власти, которые, переодевшись, тайно приходят на совещание с секретными сотрудниками на эти квартиры?

Виссарионов. — Насколько мне до сих пор известно, эти квартиры обыкновенно были у чиновников-писцов или унтер-офицеров.

Председатель. — Скажите, вам не приходилось принимать участие в устройстве жизни разоблаченных сотрудников, проваленных провокаторов?

Виссарионов. — Пособие приходилось выдавать сотрудникам.

Председатель. — Не припомните ли случая, когда вы ассигновывали пособия на совершенно определенные цели, например, на внесение залога для поступления секретной сотрудницы на должность сиделицы винной лавки?

Виссарионов. — Может быть, это было, я не могу помнить. Это ведь, все-таки на протяжении очень многих лет происходило. На это смотрели, как на пособие, вероятно.

Председатель. — Какое тут пособие, когда секретная сотрудница скрылась, разыскивается, а вы разыскиваемой сотруднице выдаете пособие или же определяете ее на должность сиделицы казенной винной лавки, как это было с Шорниковой, фамилию которой вы забыли? Здесь имеется бумага, подписанная, повидимому, вами; вы в переписке с начальником петербургского охранного отделения, по поводу известной Казанской. Вы пишете начальнику охраны, что от известной вам Казанской было представлено ходатайство о выдаче пособия в размере 300 рублей,

потребных для представления в виде залога при поступлении на должность сиделицы казенной винной лавки. Причем заявлена просьба эти деньги переслать начальнику петербургского охранного отделения, как знающему место ее пребывания. Вы даете деньги лицу, которое разыскивается по вашим ведомостям, местопребывание которой вы знать не хотите; ибо это есть нежелание знать, когда человек, на соседней улице живущий, вам подчиненный, знает это местопребывание. Вместо того, чтобы ее найти, вы делаете распоряжение, за вашей подписью, чтобы ей переслали 300 рублей, причем просите только чтобы было дано удостоверение, что действительно акцизным ведомством должность сиделицы ей предоставлена. Так что вы, через посредство начальника охранного отделения, в переписке с Казанской, т.-е., со скрывшейся вашей сотрудницей-провокатором, которая поставила процесс и послала на каторгу несколько десятков людей, притом членов Государственной Думы, народных избранников. Она разыскивалась, ибо была привлечена, в качестве обвиняемой, по 102 ст., судебным следователем. Она — кандидат в каторжные работы, а вы с ней в переписке состоите, при чем скромно не желаете знать, где она живет. Пускай это знает начальник петроградского охранного отделения. Эту бумагу от 17 ноября 1910 года «О мещанке Екатерине Николаевой Шорниковой» я прошу занести в протокол.

Виссарионов. — Вероятно, эта бумага была дана мне к подписи, как бумага, касающаяся Казанской.

Председатель. — Вы, знающие жизнь люди, вы не хотите сказать, что подписывали, совершенно не представляя себе содержания этой таинственной бумаги? Если не знаете вы, то мы теперь, разобравшись в делах, знаем эту таинственную бумагу, на которой есть подпись ваша.

Виссарионов. — Я видимо ее подписывал, как пособие Казанской. Я дела Шорниковой совсем не помню.

Председатель. — В какой же мере этот ответ вас устраивает? Да, пособие Казанской, местопребывание которой известно тому самому человеку, с которым вы переписываетесь и которого просите деньги передать ей? Очевидно, выдавая деньги, вы справились, для кого, при каких обстоятельствах?

Виссарионов. — Очевидно, у вас есть там переписка. Что же резолюция была для выдачи Казанской этих денег? Доклад, вероятно, был кем-нибудь составлен? Ведь это только исполнительная одна бумажка.

Председатель. — Вы, конечно, подымаете вопрос совершенно, так сказать, правильно. Это прошение г. директору департамента полиции: «Ваше высокопревосходительство, имею честь просить вас выдать мне единовременное пособие в размере 300 руб. для внесения залога в винную лавку. Прошу не отказать мне

в просьбе, так как уже три года, как я нищенствую. С января 1907 года я поступила сотрудницей в Петербургское охранное отделение на жалование 50 руб. в месяц, считая в этот счет все расходы на извозчика и тому подобное. Работала в социал-демократической организации в качестве секретаря военной организации, работала вполне добросовестно, будучи секретарем. Я знала лично членов Центрального Комитета, которые находились в это время в Петербурге, всех представителей солдат военной организации; все связи, все явки военных организаций в России, а также военный архив находились у меня». Вы знаете, что он находился в охранном отделении?

Виссарионов. — Нет, я не знаю этого.

Председатель. — «Все эти сведения я точно и аккуратно передавала в охранное отделение, а также лично присутствовала на всех районных собраниях, летучках и заседаниях, так что всегда была в курсе дел. В начале мая, на районном собрании в Лесном, было решено отправить депутацию солдат в социал-демократическую фракцию с воззванием о вооруженном восстании. Так как я знала заранее, то и предупредила охранное отделение, что я пойду с солдатами во фракцию, и так как у нас было решено, что обысков и арестов не будет без того, чтобы не предупредить меня. Но дело произошло иначе. Едва мы вышли из фракции, то явилась полиция и произвела обыск и арест; на другой день охранное отделение арестовало матроса Архипова, который рассказал все, что повлекло общий провал, в том числе и меня, и мне пришлось перейти на нелегальное положение и, так как я была сильно провалена, то работу продолжать не могла и, имея только в кармане 35 рублей, я принуждена была покинуть Петербург. Все эти годы я жила в нищете, что могут подтвердить полковник Калинин в Казани и полковник Критский в Самаре, которые мне помогали и давали на хлеб, иначе бы я умерла с голоду. На место, особенно казенное, мне нельзя поступать было в Казани и Самаре, так как меня знала полиция за революционную деятельницу. От постоянного волнения за свою участь я стала совершенно больна и, кроме того, нищета так повлияла на мое здоровье, что мне необходимо лечиться, потому я обращаюсь к вам, ваше превосходительство, и прошу выдать просимое мною пособие. Так как я уверена, что правительство не оставляет своих верных слуг, то я надеюсь, что департамент мне не откажет. Если вы, ваше высокопревосходительство, не откажете мне, то покорнейше прошу передать эти деньги начальнику петербургского охранного отделения г-ну фон-Коттену, который перешлет мне их частным образом. Надеюсь, что к рождеству я получу это пособие и встречу праздник не в нищете и страхе, как прежде, а в радости. Казанская». Полагал бы выдать триста (300) рублей. Директор Виссарионов. И вот

она просит фон-Коттена переслать ей частным образом; тут резолюция Еремина: «Пр. написать нач-ку спб. охр. отд. для объявления «Казанской», что по представлении удостоверения о том, что ей предоставляется место сиделицы в винной лавке, требуемый залог в 300 руб. будет ей выдан в виде вспомоществования от Д. П. 12/X, а директор подписал». Пожалуйста, посмотрите эта бумага вами подписана? (показывает бумагу.)

Виссарионов. — Это не моя подпись, это черновик, а резолюция . . .

Председатель. — А резолюция Зуева.

Щеголев. — Это, наверное, подписано Курловым.

Виссарионов. — Я, вероятно, подписал эту бумагу в числе всей исходящей почты, которая была прислана мне, не останавливаясь подробно на выяснении личности Казанской-Шорниковой, так как дело Шорниковой до меня возникло и прошло, а к петроградскому охранному отделению департамент того времени никакого отношения не имел.

Председатель. — Но ведь это не республика какая-нибудь?

Виссарионов. — Нет. Начальники петроградского охранного отделения, и Коттен, и Герасимов, имели непосредственное отношение к министру, товарищу министра и директору.

Председатель. — Когда Коттен ликвидировал группу учениц и учеников учебных заведений? Это ваше разоблачение?

Виссарионов. — Нет, из газет узнали. И всегда во всех ликвидациях по Петрограду . . .

Иванов. — Вы говорите, о ликвидации по Петрограду вы узнавали из газет?

Виссарионов. — Только.

Иванов. — Так что директор департамента не знал?

Виссарионов. — Списки ликвидационные уже post factum доставлялись. Фон-Коттен, в этом отношении, был человек, ограждавший свои права от вмешательства департамента; а когда генерал Герасимов был, я не знал совершенно, что там происходило.

Председатель. —Оглашается документ из того же дела, 28 февраля 1913 года: «Вследствие резолюции вашего превосходительства на представляемом письме начальника самарского губернского жандармского управления от 10 января сего года, за № 7, мещанку города Варшавы Екатерину Юдкевич, по первому мужу Шорникову, надлежит внести в циркуляр как личность, коей розыскным органам не следует принимать в качестве секретной сотрудницы. По означенному поводу особый отдел обязуется доложить вашему превосходительству, что, как усматривается из представленного при упомянутом письме и невозвращенного вашему превосходительству в отдел доклада на имя господина министра внутренних дел от 24 ноября минувшего года,

за № 113416, Шорникова разыскивается циркуляром департамента полиции от 2 августа 1908 года, за № 1510008/26, — на основании коего она подлежит обыску и аресту с уведомлением о том прокурора с.-петербургской судебной палаты. В виду сего при внесении Шорниковой в циркуляр об отклонении ее услуг, она, в случае предложения таковых кому-либо из розыскных органов, может подвергнуться задержанию и препровождению в распоряжение прокурора названной палаты, каковое обстоятельство едва ли, вследствие принесенных Шорниковой услуг розыска, является желательным и допустимым, особенно в виду неразрешения письма министра юстиции о Шорниковой от 17 ноября прошлого года, за № 9997, а также представленного вашему превосходительству одновременно с упомянутым выше докладом, за № 113416, и не возвращенного в особый отдел. Об изложенном особый отдел имеет честь представить вашему превосходительству на благоусмотрение, испрашивая указаний по поводу резолюции на письме полковника Познанского от 10 января сего года, за № 7. Вице-директор Виссарионов». Вы помните эту бумагу?

Виссарионов. — Нет.

Председатель. — Вы тогда были в департаменте. Эта бумага подписана вами, как вице-директором. Теперь деятельность департамента полиции, которая была скрыта, вся устанавливается документами. Так что, было бы в высшей степени желательно, чтобы вы, как лицо, несомненно очень осведомленное, в интересах дела общегосударственного и общенародного, осветили эту историю.

Виссарионов. — Я готов доложить все, что я знаю, но я прошу обратить только внимание на то обстоятельство, что среди бумаг, которые доставлялись к подписи (а их масса приходило и уходило от меня), некоторые могли и не остановить особого внимания. Этим только я и объясняю то, что некоторых, вероятно, не помню.

Председатель. — Вы были прокурором суда, не правда ли? Прокурор суда — это не писец последний, который может подмахнуть. Вы были некоторой фигурой в департаменте, ваша деятельность освещена на бумаге. С другой стороны, дело Шорниковой—громкое дело, которое произвело целый скандал, целую революцию в недрах департамента полиции, министерства внутренних дел, совета министров. Здесь имеется ссылка на письмо от 17 ноября по этому поводу и от министра юстиции. Так что бумажку по делу Шорниковой вы не могли не подписать сознательно. Больше того, вы подписали, но вы не могли не знать о деле Шорниковой; может быть, заправилы департамента ночи не спали по этому поводу, может быть и министр юстиции и министр внутренних дел. Это грозило всероссийским скандалом, который вам, чинам департамента полиции, хотелось всеми

силами потушить, и вы летом как будто потушили. Как же о таком деле не знать?

Виссарионов. — Я вам докладываю, что все дело Шорниковой прошло до меня. Поэтому я считал, что оно ко мне никакого отношения не имеет, и если я подписал относительно пособия ее...

Председатель. — Не пособия, а из этой бумаги видно. Тут в связи с перепиской возбуждается вопрос, можно ли ею пользоваться в качестве секретной сотрудницы или этого измученного, измотавшегося человека вышвырнуть вон. Вы решаете вышвырнуть вон. Она барахтается, лезет к вам, летом прилезла сюда, пищит, требует к себе внимания. Такая яркая картина теперь случайно документами установлена, мимо нее нельзя было вам пройти. Так, по крайней мере, представляется. Хотелось бы, чтобы с этим прошлым совершенно покончить, широко осветить эту картину. Вот почему мы задаем вам вопросы.

Виссарионов. — Я никогда не видал Шорниковой и никогда с ней не разговаривал; по этому делу у меня не было никаких разговоров и с директором департамента полиции, бывшим.

Председатель. — Вот бумага по этому делу, вами подписанная, от 7 марта 1913 года: «Совершенно секретно. Циркулярно. Милостивый государь, по имеющимся в департаменте полиции сведениям, мещанка города Варшавы Екатерина Николаева Юдкевич предлагает розыскным органам свои услуги в качестве секретной сотрудницы. Принимая во внимание, что Юдкевич делу политического розыска не может быть полезна, об изложенном имею честь уведомить вас, милостивый государь, на случай предложения названным лицом своих услуг по розыску. Пользуюсь случаем выразить вам, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и глубокой преданности. Подписал: С. Виссарионов. № 11255. 7 марта 1913 года. Начальникам губернских жандармских управлений, охранных отделений и жандармских полицейских управлений железных дорог». Вы даже были вице-директором департамента тогда, когда это дело было ликвидировано, при помощи министерства юстиции, которое помогало тем, что ее услуги департаменту полиции были, как она говорит, «признаны определением правительствующего сената от 26 июля 1913 г.», через три дня после того, как вы ушли из департамента полиции; стало быть, вся подговительная работа завершилась при вас. Только выдача денег Шорниковой произошла несколькими днями позже: 1 августа 1913 года. Вы не могли бы припомнить какого-нибудь обстоятельства?

Виссарионов. — Относительно Шорниковой?

Председатель. — Вообще из дела социал-демократической партии?

Виссарионов. — Я этого дела не знаю совершенно. Как вы изволите говорить, оно было в 1907 году.

Председатель. — Началось.

Виссарионов. — Я его не знаю. Все аресты произошли, когда меня не было в департаменте.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, были случаи, когда департамент полиции принимал участие в продвижении члена данной организации по ступеням партии до верхушек? Вы помните?

Виссарионов. — Я не помню.

Председатель. — Вы не помните случая, в котором вы приняли участие?

Виссарионов. — Я продвигал?

Председатель. — Да, вы участвовали по крайней мере в таком продвижении. Вы сами руководили деятельностью секретных сотрудников.

Виссарионов. — Я только одного сотрудника здесь знал.

Председатель. — Кого?

Виссарионов. — Малиновского.

Председатель. — Что же вам известно об этом сотруднике?

Виссарионов. — Малиновский сначала работал в Москве. Он был сотрудник в московском охранном отделении как рабочий; затем, когда он был избран членом Государственной Думы и переехал сюда, он продолжал давать сведения. Им, главным образом, руководил директор, но на некоторых свиданиях бывал и я. Так что я его видел.

Председатель. — Что же, деятельность этого сотрудника вы тоже характеризуете скромными словом: «давал сведения»?

Виссарионов. — За то время, когда я с ним имел свидания, приблизительно, значит, конец осени 1911 года или 1912 года. . .

Председатель. — 1912 года.

Виссарионов. — Затем, с большим перерывом, и весна 1912 года, во всяком случае, до марта месяца приблизительно, я не помню ни одной ликвидации, которая была бы совершена по его сведениям.

Председатель. — Мы не о ликвидациях говорим, а о провокации.

Виссарионов. — Нет, я ни к каким преступным действиям не подстрекал.

Председатель. — Что же, деятельность Малиновского вы не считаете провокационной?

Виссарионов. — Я не помню актов, где он проявил себя.

Председатель. — Не акты, а вся сыскная деятельность Малиновского.

Виссарионов. — Я помню, когда он резко выступал в Государственной Думе; на следующем свидании я обратил на это внимание бывшего директора Белецкого. К самому Малиновскому я относился с большим предубеждением. Я неоднократно говорил Золотареву и Белецкому, что от Малиновского надо как можно

скорее отойти, потому что я считаю, что он делает на два лагеря. С одной стороны, он должен был только рассказать, что происходит в его организации, для того, чтобы мы могли пресечь во время, если что-нибудь замышляется преступное; между тем, выступая в Думе крайне резко, он этим нарушал доверие, которое к нему питали.

Председатель. — Не будем останавливаться на этих фактах деятельности Малиновского. Скажите, вы считаете, что деятельность Малиновского в общем была провокационной?

Виссарионов. — Я не знаю, к какому преступлению, он коголибо подстрекнул. Поэтому я затрудняюсь ответить вам, был ли он провокатором в том смысле, как вы говорите.

Председатель. — Мы с вами оба знаем закон, в особенности, закон, существовавший при старом режиме. Там есть статья 132, которая признает недопустимым хранение и размножение преступных, с точки зрения старого режима, воззваний; там есть статья 129, которая признает преступным произнесение речей и распространение произведений; статья 130, которая квалифицирует эти самые деяния, когда они касаются войск и других случаев; статья 102, которая говорит о деятельности сообщества и, стало быть, об образовании сообществ. Позволите ли вы себе утверждать, что, допуская деятельность Малиновского из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год, вы тем самым не способствовали созданию на территории Российского государства, среди рабочих, среди молодежи, тех самых преступлений, которые предусмотрены тягчайшими статьями существовавшего уголовного кодекса? Вы можете утверждать это? А вы нам говорите о мелочах, о том, что он резкую речь сказал. Я беру человека в целом. Я прошу ответить на вопрос, провокатор ли этот человек? Тот, кого вы терпите, существование которого вам известно, которого вы отправляете заграницу, которому вы позволяете ездить во всей России? Разрешите мне прекратить эту беседу, если она вам неугодна, я не смею настаивать; но если вы будете давать объяснения, разрешите нам понимать друг друга в точном смысле. Нам прекрасно известно ваше положение в департаменте полиции. Или прекратим нашу беседу или будем говорить на эту тему открыто. Можете вы нам сказать, что Малиновский не был провокатором? Я прошу извинить меня за некоторое волнение, но вы понимаете, что оно неизбежно, когда говоришь об этом.

Виссарионов. — Я в то время или не представлял, или не сознавал даже, что он является таким лицом, каким вы сейчас его характеризуете.

Председатель. — Но вы были одним из высших чинов департамента полиции, которые его деятельностью руководили. Ведь вы сказали, и нам видно по бумагам, что высшие чины департамента полиции только в исключительных случаях входили в соприкосно-

вение с агентами. Это было в тех случаях, когда агент занимал верхушки партии. То же исключение мы в данном случае и имеем. Ведь вы довели вашего агента, какого-то рабочего из охранного отделения, до степени члена законодательной палаты. Вы понимаете, что вы сделали? Как же, делая это, вы не сознавали всего? Этот человек, по мере того, как он все выше шел, вами ведомый, все больше создавал лиц, которые преступали закон, т.-е. он давал материал, который перемалывался в ваших тюрьмах при помощи агентов. Ведь это яркий случай, не правда ли?

Виссарионов. — Я смотрел на это несколько иначе.

Председатель. — Может, я ошибаюсь в том, что говорю? Может быть, вы поможете установить мне эту ошибку?

Виссарионов. — Эта ошибка была с моей стороны.

Председатель. — Вы понимаете, что это ужасный случай? Мы, да и вы, вместе с нами, не можем не волноваться. Вы понимаете, какая страшная картина развертывается сейчас, почему я и позволил себе задать эти вопросы?

Виссарионов. — Ведь вы, конечно, изволите знать, свидания, т.-е. использование его положения, устраивались мною не самостоятельно, не по моей инициативе, не моей властью. Я смотрел на свидание с ним, как на обязанность, как я должен был получить сведения и, если возможно, предостеречь его от тех действий, которые характеризуются провокацией. Тут явился бы вопрос, отчего его не передали сразу в петроградское охранное отделение. Но именно эта причина тогда и останавливала директора: как бы им там не воспользовались, как бы он не причинил много вреда. А затем все сведения, которые я лично от него получал, они, с моей точки зрения (может быть я глубоко заблуждался в этом, может быть, он просто нас обманывал), носили характер недостаточно серьезный.

Председатель. — В чем же выразилась ваша забота о том, чтобы он сделал меньше вреда, когда вы проводили его в члены Государственной Думы?

Виссарионов. — Я лично не проводил его в члены Думы.

Председатель. — Хорошо. Будем говорить так: вам было известно, что этот человек судился трижды за кражи и в последний раз за кражу со взломом?

Виссарионов. — Я обо всем этом сделал доклад. Если этот доклад в деле, вы изволите усмотреть, когда он был мною сделан.

Председатель. — Вы сделали доклад, и было предписано, значит, московским властям не открывать этого обстоятельства, которое нарушило бы его избирательные права?

Виссарионов. — Я не помню, когда это стало известным: до его проведения в Думу или после. Доклад, если он сохранился в деле, может вам сказать, когда.

Председатель. — Он сохранился, и я могу сказать совершенно точно, что переговоры Москвы с Петроградом, в которых вы принимали участие и которые были до его избрания, — это и была подготовка к его избранию в Государственную Думу.

Виссарионов. — Следовательно, это проведено было уже не мною. Это было проведено тем, кто много выше меня стоял.

Председатель. — Может быть, вы об этом можете сказать? Это было, как вы помните, в 1912 году.

Виссарионов. — Я бы просил вас, если возможно, этот доклад мне показать, по крайней мере, дату его сообщить.

Председатель. — У меня его под руками сейчас нет, но я могу наверное сказать, что это было до его избрания. Мы уже имеем по этому вопросу некоторое разъяснение. Это было во время директорства Белецкого, при товарище министра, ведающем полицией, Золотареве, и в министерство Макарова. Кто из этих лиц принимал участие в этом серьезном вопросе? Вы совершенно правы, когда говорите, что рапортом или телеграммой снеслись по этому поводу с начальством. Соответствующая телеграмма в деле сохранилась.

Виссарионов. — Вероятно, доклад. Там, вероятно, есть резолюция лица, которое решало этот вопрос.

Председатель. — Постарайтесь вспомнить все обстоятельства дела. Нам бы хотелось, чтобы вы сказали все, что вам известно об отношении к этому делу лиц, выше вас стоящих по бюрократической лестнице.

Виссарионов. — Все подробности дела я докладывал директору и товарищу министра Золотареву. Причем, после того, как я с Малиновским виделся, я говорил И. М. Золотареву, что было бы хорошо отойти от Малиновского и вообще прекратить его использование; и приводил мотивы, что, в случае обнаружения этого дела, может последовать запрос и осложнения. На это я не получил никакого положительного ответа. Распоряжения не было сделано; видимо, товарищ министра признавал возможным продолжение.

Председатель. — Каково было отношение к этому вопросу Макарова?

Виссарионов. — Я Макарову ни разу не докладывал. Все сведения, которые получались от Малиновского, докладывал Белецкий. Белецкий, вероятно, знает, какое было отношение Макарова.

Председатель. — Но разве вам неизвестно это отношение?

Виссарионов. — Нет, я не могу сказать, я ни разу не докладывал. Когда был назначен товарищем министра Джунковский, то, во время ближайшей поездки бывшего государя по различным местностям, Владимирской, Ярославской и Нижегородской губерний, я воспользовался первым моментом и доложил обо всем

этом. Но я знаю, что Малиновский продолжал еще некоторое время работать; Джунковский сказал: «Да, с ним надо кончить». Это было постоянной моей заботой, чтобы от Малиновского отойти.

Председатель. — Вы себе представляете, чтобы, при тех порядках, которые у вас существовали, министр внутренних дел не принимал участия в вопросе о том, чтобы провести секретного сотрудника в члены Государственной Думы?

Виссарионов. — Я не знаю, как поступил директор, докладывал ли он этот вопрос министру. Если бы я был поставлен в такое положение, я бы, конечно, не принял этого на себя; я доложил бы министру и без него не предпринимал бы ничего.

Председатель. — Вам известно, значит, что то, что он признанный вор, не должно было служить препятствием к тому, чтобы он продолжал состоять у вас на службе и к тому, чтобы он был проведен в члены Государственной Думы? Не припомните ли вы такого эпизода из истории этого проведения, когда у Малиновского оказался сильный противник Кривов?

Виссарионов. — Нет, не помню.

Председатель. — Какие меры принял департамент полиции по отношению к его противнику? Вы не помните, что он был арестован?

Виссарионов. — Нет, не помню.

Председатель. — Вы помните, что, в день избрания Малиновского членом Думы, департамент полиции был уведомлен об этом телеграммой? Когда Малиновский приехал сюда и вошел в с.-д. фракцию, какие директивы давались ему со стороны лиц, руководящих его деятельностью, т.-е., с вашей стороны и со стороны Белецкого?

Виссарионов. — Я лично говорил ему, чтобы он все, что происходит в организации, сообщал нам: какие предполагаются выступления, и т. д.

Председатель.—Об этом нечего было говорить, за это он получал деньги. Вы знаете, сколько он получал?

Виссарионов. — Да.

Председатель. — 500 рублей. Значит он старался эти деньги заслужить и сообщил. Нас интересует участие ваше и Белецкого в политической жизни Малиновского, т.-е. его политические выступления с кафедры Думы и его партийная деятельность.

Виссарионов. — Может быть, вы дадите мне документы, по которым я мог бы вам доложить?

Председатель. — Будьте уверены, я не буду от вас ничего скрывать. Эти документы у нас имеются; но важно вашим рассказом их оживить. Документы просто заняты у следователя, и мы не могли их сейчас взять с собой, но я их ясно помню. Так что, если они нужны вам не затем, чтобы убедиться, что они у нас

есть, а затем, чтобы вспомнить, то я вам помогу. Я дело хорошо изучил.

Виссарионов. — Я уже вам докладывал, что я, отойдя уже 4 года от этого дела, конечно, многое забыл.

Председатель. — Мы вам напомним. Ведь вы знали, что, с одной стороны, Ленин его звал заграницу, с другой — вы его туда посылали? С одной стороны, Ленин печатал отчеты о бывшей там конференции, с другой стороны, Малиновский доносил вам об этой конференции. Вы знали все это?

Виссарионов. — Да, он сообщал.

Председатель. — Вы послали туда не его одного, а нескольких провокаторов. Из тринадцати участников съезда были три провокатора.

Виссарионов. — Из деятельности Малиновского я припоминаю, что он говорил о той розни, которая возникла во фракции с.-д. между большевиками и меньшевиками. Эта рознь, в то время, несомненно, с ведома министра (потому, что все сведения докладывались и товарищу министра) признавалась допустимой и полезной в виду того, что давала возможность правительству того времени бороться...

Председатель. — Раскол фракции с.-д., который имел место в 4-й Государственной Думе, произошел не только с ведома, но и при содействии вашем и Белецкого. Какие директивы вы дали вашему секретному сотруднику Малиновскому в отношении этого раскола?

Виссарионов. — Я подробностей не припомню.

Председатель. — Не надо подробностей, скажите сущность директив?

Виссарионов. — Насколько я помню, это — помимо Малиновского. Распад, как бы, сам собой возник. Ему говорил директор, что, раз это так идет, то полезно, чтобы он так и продолжал.

Председатель. — Это опять общие разговоры. Вы хотите нас поставить на точку зрения осведомления, но вы знаете, что фракция была маленькой кучкой, что Малиновский был лидер партии. Вы знаете, что в расколе партии лидер не может быть пассивным осведомителем. Вы знаете настолько политическую жизнь, чтобы признать несомненным, что лидер партии должен стоять за или против этого. Какие были директивы: раскалывать фракцию или ее держать? Какую позицию занял руководимый вами Малиновский?

Виссарионов. — Ведь не я руководил.

Председатель. — Вместе с Белецким.

Виссарионов. — Главным образом, конечно, директор руководил.

Председатель. — Тут трудно сказать, кто главным образом. Но в чем заключалось руководство?

Виссарионов. — На свидании он обыкновенно рассказывал.

Председатель. — Эти свидания происходили в конспиративной квартире?

Виссарионов. — Нет, в ресторанах.

Председатель. — Вы или Малиновский как-нибудь маскировали себя?

Виссарионов. — Особенного ничего не требовалось; были в отдельном кабинете одного из ресторанов и, за ужином, беседовали. Он рассказывал, что происходило. Эти сведения отмечались, записывались в дневник. Директор говорил, что было бы желательно то-то и то-то сделать, т.-е. он поддерживал этот разговор.

Председатель. — Вы осведомлялись о речах Малиновского раньше, чем они были произнесены, и по поводу их содержания Малиновский с вами беседовал?

Виссарионов. — Я вам доложил, что он отступал от того предположения, которое у него было, и произносил далеко не то, что он думал.

Председатель. — Т.-е. не то, что он думал, а то, что вы думали? Он отступал от директив, которые вы ему давали?

Виссарионов. — Которые вырабатывались на этом свидании.

Председатель. — Будем говорить «на этих свиданиях», потому что их было много. В какую сторону он отступал?

Виссарионов. — В более партийную.

Председатель. — Что вы делали, когда ваш сотрудник произносил зажигательные речи с кафедры Государственной Думы?

Виссарионов. — Я докладываю, что я был крайне этим удручен. Я лично не сочувствовал этому.

Председатель. — Как реализовали вы, представители власти, это ваше удручение?

Виссарионов. — Я говорил товарищу министра; другого способа у меня не было. После того доклада, который я сделал после принятия его в агентуру, я считал, что все сделанное обставляется тайной; раз те, кто выше меня стоит, продолжают поддерживать это положение, то, следовательно, тут остается только...

Председатель. — А если бы вы, чиновник четвертого класса, бывший прокурор суда, получили предписание убить собственными руками, а не через посредство других, вы бы исполнили это приказание?

Виссарионов. — Нет, не исполнил бы.

Председатель. — Вот видите, мы не можем признать правильной точку зрения, что чиновник четвертого класса, вице-директор, словом, высоко стоящее лицо, призванное водворить законность, было пешкой в руках своего начальства.

Виссарионов. — Я считаю, что мне надо было оставить все это и отойти.

Председатель. — Да. Позвольте еще, насчет инструкции — вы делали исправления?

Виссарионов. — Нет.

Председатель. — Значит, если есть какие-нибудь поправки, то они не ваши?

Виссарионов. — Может быть, они сделаны рукой директора. На этих свиданиях я более молчал, чем говорил. Так что, главная роль принадлежала, конечно, директору.

Председатель. — Вы не припомните, как вы его снарядили на этот съезд, какие вы давали ему директивы?

Виссарионов. — Относительно директив заграницу я ничего сейчас не помню. Я знаю, что он должен был повидаться с Лениным. Затем, какие он там должен был ставить положения, я тоже не припомню.

Председатель. — Всю партийную работу Малиновского, вплоть до выступления в Государственной Думе, вы считаете пассивным положением в партии или, напротив, весьма активным?

Виссарионов. — Конечно, выступления в Думе являются уже активными.

Председатель. — Но, ведь вам было известно, что Малиновский был агентом Центрального Комитета?

Виссарионов. — Да.

Председатель. — Так что, вы не можете не признать, что его деятельность была очень активной деятельностью. Как же это вяжется с вашим утверждением, которое сделано раньше, — что секретные сотрудники, — просто люди, которые слушают, видят и доносят?

Виссарионов. — Я считал, что и выступления его в Государственной Думе должны быть как можно реже, если не совсем прекратиться, и, во всяком случае, отнюдь не должны быть резкими, вызывающими или клонящимися в сторону преступления. Я прошу отметить, что я лично этому не сочувствовал ничему.

Председатель. — Тем хуже, если вы, не сочувствуя, содействовали.

Виссарионов. — Я не уклонился, в этом недостаток мой заключается; мне нужно было отойти от всего.

Председатель. — Вам нужно было отойти, но вы не только не отходили, а продолжали участвовать в руководительстве лидером партии, членом Центрального Комитета, членом Государственной Думы и вашим секретным сотрудником.

Виссарионов. — Я лично настаивал на полном отказе от его услуг. Я находил совершенно нетерпимым пользование услугами Малиновского. Я в своем первом докладе написал все это.

*

Председатель. — Но ведь Малиновский освещал наилучшим образом наибольшее количество уголков. Как же вам, не подрубая тот сук, на котором вы сидели, было отказаться от этих услуг? Понятно, что вы и не могли отказаться.

Виссарионов. — Я лично считал, что услугами Малиновского невозможно пользоваться, раз он находится в Государственной Думе.

Председатель. — Вы признавали нужным освещать. Он освещал наилучшим образом. Как же можно от наилучшего освещающего отказаться?

Виссарионов. — Другими путями, чтобы это освещение шло через каких-нибудь боковых сотрудников.

Председатель. — Да ведь боковые сотрудники не состоят в партии?

Виссарионов. — Состоят в партии, но не занимают там центрального положения.

Председатель. — Вы не видели тогда и не видите сейчас, какое зло было во всей системе, которую вы отчасти создавали? И эта система не позволяла уже выйти за ее пределы?

Виссарионов. — Да, я теперь вижу.

Щеголев. — Скажите, пожалуйста, когда вы в первый раз узнали Малиновского?

Виссарионов. — Я его видел в Москве, когда он был еще рабочим.

Председатель. — В 1912 году.

Щеголев. — Какое впечатление он произвел на вас как сотрудник?

Виссарионов. — Среднее, особенного ничего не представлял.

Щеголев. — А вы не аттестовали его, как сотрудника сознательного, выдающегося и надежного?

Виссарионов. — Я не знаю, о каком свидании с ним вы говорите?

Председатель. — Это неважно, о каком.

Щеголев. — В период его пребывания в Москве, до Петрограда.

Виссарионов. — Перед тем, как перейти сюда, в Петроград, я, кажется, два раза видел его. Один раз, в начале деятельности...

Председатель. — Это неважно сколько раз, где и когда вы его видели. Отчасти, мы можем сказать, когда, но это неважно. Важен вопрос, который задал член Комиссии: вы продвигали его, как выдающегося сотрудника?

Виссарионов. — Он, видимо, произвел впечатление человека разумного, толкового.

Председатель. — Преданного идее сыска и лицам, сыск производящим?

Виссарионов. — Возможно, что так.

Щеголев. — А вы не совершали специальной поездки в Москву или во время одной из поездок не имели специального разговора с начальником охранного отделения о Малиновском и о возможности его проведения в Государственную Думу?

Виссарионов. — Да, имел.

Щеголев. — Т.-е. в самой первой стадии подымался тогда разговор. От кого исходила эта мысль?

Виссарионов. — Из Москвы.

Щеголев. — Мысль проведения его в члены Думы?

Виссарионов. — От начальника охранного отделения.

Щеголев. — И вы выехали для обсуждения этой мысли?

Виссарионов. — Нет, там было какое-то поручение; в связи с этим я должен был посмотреть на этого Малиновского и сообщить своему начальству результаты свидания.

Председатель. — Но каково было отношение к идее — продвинуть его в члены Думы?

Виссарионов. — Я лично в то время находил это шагом очень опасным и нежелательным.

Председатель. — Это — ваша мысль. А что вы сделали?

Виссарионов. — Да ведь я же не проводил его.

Председатель. — Но ведь вы высказали положительное отношение к вопросу о продвижении его в члены Государственной Думы?

Виссарионов. — Я смотрел тогда с точки зрения, конечно, ошибочной; что такое проведение может быть полезным в борьбе с партией.

Щеголев. — Может быть, в общих чертах вы могли бы вспомнить, какова была общая политика по отношению к с.-д. партии, к работе ее в России?

Виссарионов. — Работа ее в то время не допускалась, при чем в особенности относились опасливо к большевистской партии.

Щеголев. — А чем вы объясняете, что члены Центрального Комитета, которые состояли из большевиков и которые известны по именам, все остались на свободе, а меньшевики, с которыми боролись, арестовывались один за другим? Как это вышло?

Виссарионов. — Я не знаю, кого вы имеете в виду из большевиков.

Щеголев. — Нет, вы же великолепно все знаете.

Председатель (обращаясь к П. Е. Щеголеву). — Припомните, хотя бы из членов Центрального Комитета.

Щеголев. — Я сейчас не могу. (Обращаясь к Виссарионову.) — Вам полковник Заварзин представил доклад. Вам было представлено детально положение партии. Был указан Центральный Комитет; два из них было заграницей, пять членов здесь. В числе этих пяти членов был Малиновский. Чем объясняется, что департ-

тамент полиции, зная, кто является членами Центрального Комитета, мало того, зная, кто и где находится, не арестовывал их?

Виссарионов. — Вероятно, эти доклады полковника Заварзина, в свою очередь, были доложены товарищу министра и директору.

Председатель. — Да, несомненно, они были доложены товарищу министра, а может быть и министру. Но каково было ваше отношение к тому вопросу, о котором говорит член Комиссии? Т.-е. по вашему мнению, нужно было арестовывать людей, которые совершали преступление, или их нужно было оставить на свободе?

Виссарионов. — По-моему, конечно, нужно арестовать. Несомненно.

Председатель. — Таковы были ваши мысли. Но выразились ли эти мысли в каких-нибудь действиях или словесных докладах?

Виссарионов. — Я сейчас не могу вам это доложить, потому что много времени прошло; кроме того, несомненно, если только подымался вопрос, то другого мнения с моей стороны не могло быть доложено товарищу министра.

Председатель. — Тем не менее, когда это мнение не принималось, если вы его и высказывали (относительно чего нет никаких объективных данных), и когда эти люди, с точки зрения тогдашнего закона, преступные, разъезжали, пропагандировали, ставили типографии и т. д., вы продолжали оставаться при вашем взгляде?

Виссарионов. — Я положительно не помню таких случаев, о которых вы изволите говорить.

Председатель. — Хотя бы случай Малиновского. Не только Малиновского, но членов Центрального Комитета, с ним бывших. Малиновский не станет отрицать. Он говорил — такие-то и такие-то лица. На нужды департамента полиции тратились громадные народные деньги. В вашем распоряжении было внешнее филерское наблюдение, которое, в свою очередь, подтверждало сведения, что они ездили туда-то и тогда-то.

Виссарионов. — Ведь эти сведения были в руках начальника охранного отделения. Я не знаю, какой город вы имеете в виду — Москву или Петроград.

Председатель. — Я имею в виду поездку Малиновского заграницу.

Виссарионов. — Если имеете в виду Москву, то начальник охранного отделения должен был по собственной инициативе сделать. Это входило в круг его обязанностей.

Председатель. — Он этого не сделал. Что же, содействия начальника охранного отделения не было, или, вернее, он не исполнял вашей директивы? Вы не станете же отрицать, что в этой инструкции, которую я огласил, такой образ действий реко-

мендовался. Вы не могли, не проваливая Малиновского, арестовать членов Центрального Комитета, по крайней мере, некоторых из них. Так что, бездействие начальника охранного отделения и бездействие ваше было основано на инструкции.

Щеголев. — Скажите пожалуйста, когда вам приходилось беседовать с членом Думы Малиновским, вам приходилось принимать от него сведения о тех наказах, которые он получал от Ленина? Различные наказы были. Были наказы по вопросам соединения или, вернее, разъединения отдельных частей фракции, по вопросу о партийной печати, о партийном органе, о литературе, об организации, и т. д. Он вам эти наказы предъявлял; вы говорили, что он вас осведомлял обо всем. Как вы относились к этим поручениям, принятым им от Ленина? Он проводил в жизнь эти наказы с вашего разрешения, или вы ему запрещали проводить эти наказы?

Виссарионов. — Я лично был против проведения.

Председатель. — В чем это выразилось?

Виссарионов. — В том, что я ему говорил.

Председатель. — Он не слушался вас?

Виссарионов. — Я не знаю, проводил ли он.

Председатель. — Не зная, проводил ли он, вы ему платили по пятьсот рублей?

Виссарионов. — Ведь такое было распоряжение.

Председатель. — Но ведь вы не были кассиром; вы были частицей мозга департамента полиции; поэтому мы позволяем себе задавать вам этот вопрос.

Виссарионов. — Ведь руководящая роль не у меня была. Если вы ознакомились с характером деятельности и с личностью директора, то, вероятно, пришли к заключению, что все было у него.

Председатель. — Скажите, пожалуйста, московскому губернатору Джунковскому сообщали о судимости Малиновского за кражи, в связи с кандидатурой Малиновского?

Виссарионов. — Нет, кажется, не сообщали.

Председатель. — Когда Джунковский стал товарищем министра внутренних дел, то докладывали ему, как до него Золотареву, о деятельности Малиновского?

Виссарионов. — Да.

Председатель. — Так что, вам известно, что вами заагентуренный...

Виссарионов. — Не мною был проведен.

Председатель. — Ну, департаментом полиции, будем говорить. Кем бы то ни было, все-таки факт существования среди ваших агентов члена Центрального Комитета и члена Государственной Думы не был тайной для Золотарева и Джунковского?

Виссарионов. — Нет.

Председатель. — И они, выслушав ваш доклад, пользовались сообщениями, которые вы получали от Малиновского?

Виссарионов. — Сколько я помню, сообщения Малиновского докладывались директору, о чем он и делал отметки.

Председатель. — Но, во всяком случае, Золотарев и Джунковский были осведомлены?

Виссарионов — Я, при Джунковском не имел свидания с ним, потому что вскоре уехал. Я об этом доложил в пути Джунковскому. Он сказал, что надо будет от него отойти. Затем я в июле месяце сам ушел, а Малиновский, кажется, в 1914 году, был освобожден от своих услуг.

Председатель. — Но ведь Джунковский вступил 25-го февраля 1913 года, а вы ушли только 23-го июля 1913 года.

Виссарионов. — У меня лично доклада товарища министра Джунковскому не было совсем.

Председатель. — Но вам, быть может, известно, что директор осведомил Джунковского?

Виссарионов. — Я не знаю.

Председатель. — А о Золотареве знаете?

Виссарионов. — Да.

Председатель. — А министры Макаров и Маклаков?

Виссарионов. — Относительно Маклакова не знаю, я не имел доклада. Относительно же Макарова неизвестно, говорил ли ему об этом директор. Я лично ему не говорил, потому что у меня к нему не было доклада. Я докладывал только товарищу министра.

Председатель. — Почему Малиновский отказался от звания члена Государственной Думы и бежал заграницу?

Виссарионов. — Это было без меня.

Председатель. — Так что вы не знаете?

Виссарионов. — Это в 1914 году.

Председатель. — Скажите; зачем вы ездили заграницу и что вы там делали?

Виссарионов. — Там был Гартинг, представитель нашего полицейского розыска. Было признано необходимым освободить Гартинга от услуг, потому что было указание на то, что он, кажется, будет обнаружен В. Л. Бурцевым, а вместе с тем, было дано поручение: так как бывший император ехал в Ракониджи на свидание с итальянским королем, принять меры физической охраны по пути следования, от станции Бельфор. . .

Председатель. — Но это формальная задача?

Виссарионов. — Ознакомиться с составом той агентуры, которая была в распоряжении Гартинга и Андреева.

Председатель. — Вы это сделали?

Виссарионов. — Я отчасти видел.

Председатель. — Что же, ваши агенты, входили в состав заграничных групп, участвовали в собраниях?

Виссарионов. — Там ни одного серьезного не было.

Щеголев. — А кто был вам предъявлен?

Виссарионов. — Я видел одну даму; если не ошибаюсь, ее фамилия Шишмарева.

Председатель. — Та дама, у которой был салон для русских эмигрантов?

Виссарионов. — Я не знаю, был ли у нее салон.

Председатель. — Она получала пятьсот рублей?

Виссарионов. — Она много получала.

Председатель. — Ну, а еще кто был?

Виссарионов. — Затем, небольшие сотрудники, которые входили в разные собрания, столовые и, получая сведения, сообщали. Тех, кто называется партийными сотрудниками, я там не видел.

Щеголев. — А кто был представлен из маленьких сотрудников?

Виссарионов. — В. Л. говорил, Патрик, кажется. Затем, врача я видел, с.-д. Житомирского. Других фамилий не помню.

Щеголев. — Вы можете подробно сказать об этой даме? По какой партии она давала сведения?

Виссарионов. — Она близко стояла к Минору. О тех лицах, которые бывали в доме Минора, она сообщала; но ее сведения были отрывочные.

Щеголев. — А почему ей платили такие большие деньги?

Виссарионов. — Это до меня было назначено, я не знаю.

Щеголев. — А как ее кличка была?

Виссарионов. — Там Красильников переменил все клички на французские; не помню.

Щеголев. — В бытность вице-директором вам не приходилось подписывать бумаг по поводу выдаваемого этой сотруднице гонорара?

Председатель. — Об уменьшении или увеличении гонорара?

Виссарионов. — Вероятно, давал.

Председатель. — Скажите, вы были командированы на юг, в связи с забастовкой в черноморском флоте?

Виссарионов. — Забастовки в черноморском флоте не было.

Председатель. — Т.-е. не было забастовки или вы не были?

Виссарионов. — Забастовки не было.

Председатель. — Я имею в виду коммерческий флот, а не военный.

Виссарионов. — Это не в Севастополе, а в Николаеве. Да, был.

Председатель. — Там был заагентурен, говоря термином департамента полиции, один из руководителей этой забастовки?

Виссарионов. — Я не знаю, заагентурен?

Председатель. — Термин заагентурен вам понятен?

Виссарионов. — Да, — извлечен, приобретен.

Председатель. — Я напоминаю вам кличку — «Американец».

Виссарионов. — «Американца» я этого не видел ни в Севастополе, ни в Николаеве.

Иванов. — Но вы знаете, что такой был?

Виссарионов. — Видимо, здесь два события соединяются в одно. Я ведь был, когда была забастовка на франко-русском заводе. Я в своем докладе описал причины. Там «Американцы» совсем не было. До меня еще это было.

Щеголев. — С «Американцем» вы не имели никаких личных отношений?

Виссарионов. — Я его видел раз или два, когда он приезжал.

Щеголев. — Вы были в Николаеве в 1908 году. Разве он был такой важный сотрудник, что вам пришлось иметь с ним дело лично?

Виссарионов. — Он приехал из другого города.

Щеголев. — Какие же услуги он оказал?

Виссарионов. — Он давал сведения по той организации, которая возникла в Александрии; потом он был переведен, кажется, в Севастополь или в Одессу.

Председатель. — Какое было ваше отношение к событиям в Киеве, окончившимся смертью Столыпина?

Виссарионов. — Я был командирован в Киев сенатором Крыжановским после того, как оттуда уже уехал сенатор Трусевич. Меня командировали для того, чтобы посмотреть охранное отделение. Киевское охранное отделение сильно беспокоило департамент; в то время, департамент признавал бывшего начальника охранного отделения несоответствующим своему положению.

Председатель. — Кулябко?

Виссарионов. — Да. Мы с полковником Балабиным, который был командирован одновременно со мною, нашли целый ряд нарушений со стороны Кулябки; я изложил их в очень длинном докладе на имя бывшего министра внутренних дел Макарова.

Председатель. — Каковы же были результаты вашего разъяснения?

Виссарионов. — Так как Кулябко уже предавался суду за другие преступления, то результатов положительных никаких не было, потому что эти положения признавалось уже невозможным осуществить. Я все его нарушения под статьи закона подвел.

Председатель. — Как вы себе объясняли обстоятельства убийства Столыпина?

Виссарионов. — Это не лежало на моей обязанности.

Председатель. — Так что, вы себе не уясняли?

Виссарионов. — Нет, это мне поручено не было, даже не вменялось в обязанность. Я права не имел этого касаться.

Председатель. — В какой переписке состояли вы с Трусевичем, по поводу некоторых моментов деятельности охранного отделения, в связи с убийством Столыпина?

Виссарионов. — Он мне написал одно письмо, на которое я ему ответил. Он просил посмотреть одного сотрудника с.-д. организации и сообщить ему, так как этого сотрудника, когда возникло предположение, вызвал в Киев полковник Спиридович.

Председатель. — Зачем?

Виссарионов. — Вот это и был вопрос, который надо было исследовать. Предполагалось, что он должен был иметь наблюдение, нет ли там кого-нибудь из с.-д. или, вообще, лиц с преступным прошлым. Наблюдательные, так сказать, функции. Но, когда я его опросил, он сказал, что его, собственно, вызвал Спиридович, писавший в то время историю с.-д. рабочей партии, в связи с этим делом; а кстати, говорит, побудьте здесь, погуляйте, посмотрите. Вот какое впечатление.

Председатель. — Но какое же предположение требовало проверки? Было предположение, что Спиридович вызывал с.-д. затем, чтобы тот его научил, как написать книжку о с.-д. Это предположение проверялось, или было другое предположение, которое проверялось, из-за которого вы, лицо, высоко стоящее в департаментской иерархии, ездили в Киев?

Виссарионов. — Нет, я ездил не специально по этому вопросу.

Председатель. — Все равно, ответьте на мой прямой вопрос; какое предположение нуждалось в проверке?

Виссарионов. — Повидимому, у сенатора Трусевича возникло предположение, что этот сотрудник вызывался для того, чтобы нести филерские обязанности.

Председатель. — И это — такая важная вещь, что требовала проверки? Какой же смысл был в том, чтобы возлагать на вас специальную миссию?

Виссарионов. — Ведь тогда было предположение, что и убийца Столыпина был послан для того, чтобы проследить, нет ли здесь лиц, замышляющих убийство. Я понял сенатора Трусевича так, что он желал подобрать еще факты аналогичные; что такое явление, как командирование больших, настоящих сотрудников с филерскими обязанностями, было, так сказать, принято. Департамент полиции ведь этого не допускал. В места высочайшего присутствия сотрудники никоим образом не могли быть допущены. Я так понял, это видно из того письма, которое я ему написал и которое находится в дознании.

Председатель. — Что же, у вас были специальные функции по руководству охранным отделением, наблюдение за агентурой охранных отделений?

Виссарионов. — Нет, специальных функций не было.

Председатель. — Почему же вам чаще, чем кому-либо другому, поручалась проверка, все ли обстоит благополучно в смысле отношений начальников охранных отделений с сотрудниками?

Виссарионов. — Вероятно, потому, что признавалось, что я все-таки знаком с переписками и могу разобраться в тех вопросах, которые там возникали.

Председатель. — Оглашается письмо от 19 ноября 1911 года на бланке сенатора Трусевича: «Его превосходительству С. Е. Виссарионову. По добытым мною сведениям, около 20 августа сего года, во время подготовки мер охраны в Киеве, по случаю предстоявших торжеств, подполковник Кулябко вызвал к себе проживавшего вне названного города сотрудника, доставлявшего сведения киевскому охранному отделению еще и во время заведывания таковым полковником Спиридовичем. По прибытии в Киев, сотрудник этот виделся несколько раз с Спиридовичем в Европейской гостинице, причем было установлено, что он прибудет вновь в этот город ко времени торжеств, а затем проедет и в Ялту. Вместе с тем ему было рекомендовано взять с собою сюртук и фрак. Однако же, по возвращении сотрудника домой 24 августа, он не был вытребован в Киев, по его предположению, потому что в деле охраны его заменил Богров. В виду изложенного и на основании 3 п. высочайшего повеления от 4 минувшего октября, прошу ваше превосходительство выяснить опросом означенного сотрудника, действительно ли приведенные факты имели место, и чем они могут быть подтверждены, а также, в каких именно действиях должно было выражаться участие его в мерах охраны, и было ли и кем предрешено допущение сотруника в места высочайших посещений. Не может ли он также указать, с кем, кроме Спиридовича и Кулябки, беседовал он по упомянутому предмету. Ответ прошу доставить мне в форме письма без указания фамилии сотрудника, если он решительно воспротивится оглашению его имени. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности. Трусевич». Таково было ваше задание. Эти отметки на письме сделаны вашей рукой?

Виссарионов. — Да, моей.

Председатель. — Я их оглашу. «Работал для Спиридовича. Ездил в Царское Село, доставлял ему обзор по Р. С.-Д. Р. П. и по спилке. Спиридович платил ему. Здесь виделись в Европейской гостинице». «Сотрудник виделся несколько раз со Спиридовичем». Вашей рукой написано: «И Кулябкой». «Андрей — казак пускал».

Виссарионов. — Это — лакей.

Председатель. — Для того, чтобы доставить Спиридовичу эти сведения, он вызывался туда из какого города?

Виссарионов. — Вероятно, в том письме, которое я написал Спиридовичу, эти подробности имеются.

Председатель. — Когда можно было эти сведения послать по почте? Это не остановило вашего внимания? Если ему нужно было повидаться со Спиридовичем на предмет составления этой книги, то почему не видеться со Спиридовичем и Кулябкой?

Виссарионов. — Я не разбирал этих вопросов.

Председатель. — Скажите, не было ли предположения, о котором вы говорили, что он нарушил правило, по которому секретный сотрудник не мог быть филером. Не мелькала ли там мысль, что Спиридович, вместе с Кулябкой, принимал участие в убийстве Столыпина?

Виссарионов. — Нет. Ведь Кулябко пустил Богрова в театр.

Председатель. — Тут у вас есть отметка: «Чтобы он был готов к вызову в Киев теперь, по первому требованию». Вы заносили в эту бумагу результат вашего исследования; стало быть, это — результат вашего опроса. Стало быть, человек вам показал, что они виделись и что условились, чтобы он был готов к вызову по первому требованию?

Виссарионов. — Он так говорил.

Председатель. — Вам дается задача проверить эту филерскую путаницу. Он дает вам объяснения, что не по почте, а лично нужно было передать материалы по книге. Дальше он говорит: «Мы условились, что я буду вызван в Киев по первому требованию». Как вязалось то, что он сказал, с его объяснением, что он, в сущности, привозил из Полтавы?

Виссарионов. — Кажется, из уездного города.

Председатель. — Сообщил сведения и уехал? И условие, чтобы он был в Киеве по первому требованию? Ведь вы должны были дознаться до правды. Ведь вы не записывали первые слова, которые срывались с уст допрашиваемого сотрудника, который, может быть, имел основания скрывать свои отношения со Спиридовичем?

Виссарионов. — Кроме этого сотрудника, в этой области, я ни с кем не беседовал. Я его опросил и изложил в письме на имя Трусевича.

Председатель. — Вы не поняли моего вопроса. Вы его допрашиваете, он сообщает, что, повидавшись со Спиридовичем, они условились, что он по первому требованию вторично приедет. Как это вяжется с его объяснением о том, что его отношения со Спиридовичем были невинного свойства? Что это была помощь сотруднику шефу в составлении литературного труда?

Виссарионов. — На меня лично произвело впечатление, что этот сотрудник интересовал Спиридовича не только с литературной точки зрения; может быть, действительно, как лицо, которое могло ему доставить сведения, нужные по охране; но затем, при собеседовании с ним, он все-таки говорил о том, что Спиридович его не раз вызывал в Царское Село и давал ему, для просмотра,

части своего произведения, и он ознакомился. Так что все, что я от него слыхал, я целиком передавал. Я считал это поручением частным, сравнительно с общим поручением от министра; поэтому я его не развивал; что узнал, я изложил в письме.

Председатель. — Дело идет не о том, чтобы он привез материал в Царское Село; дело идет о том, чтобы по первому вызову (надо думать, Спиридовича) он явился в Киев. Спиридович был при охране царя. Стало быть второе свидание должно было произойти по инициативе Спиридовича и через очень короткий промежуток времени. Вот это обстоятельство, как будто противоречащее его литературному объяснению, не остановило вашего внимания?

Виссарионов. — Я изложил в письме, думая, что дальнейшая разработка принадлежит самому Трусевичу.

Председатель. — Скажите, Курлов занимался литературным трудом?

Виссарионов. — Никогда не слышал.

Председатель. — У Веригина есть какие-нибудь научные сочинения?

Виссарионов. — Я этого не знаю.

Председатель. — И мы этого не знаем. Против отметки: «не может ли он указать, с кем, кроме Спиридовича, он мог беседовать», написано: «с Веригиным и с П. Г.» (нужно понимать с Курловым).

Виссарионов. — Я припоминаю, что, когда я давал объяснения сенатору, я говорил, что на меня произвело впечатление, что от этого сотрудника ожидались какие-то услуги: в том смысле, что он, может быть, действительно посмотрит, нет ли в городе каких-нибудь с.-д. Может быть, он и беседовал с Веригиным и П. Г., я не знаю.

Председатель. — Ведь чины департамента полиции поехали в Киев охранять особу бывшего императора и Столыпина; а тут у них какие-то беседы с какими-то с.-д. При чем тут с.-д. Оберегали царя и Столыпина от революционных покушений? Вам известно, что с.-д. никакими террористическими актами не занимаются. Время ли тут говорить о собрании сведений о с.-д., да еще при таких условиях? Всех лиц, так страшно занятых в этот момент, Кулябко, Спиридовича, Курлова, Веригина, он посещал и о чем-то с ними говорил. Все это факты, которые как будто говорят за то, что дело было не так просто?

Виссарионов. — Я ничего не могу по этому поводу объяснить.

Председатель. — Еще последний вопрос. Вы помните, что здесь, в Петрограде, случилось страшное событие: начальник охранного отделения Карпов был взорван на воздух секретным агентом Петровым? Вам пришлось столкнуться с этим делом?

Виссарионов. — После смерти Карпова — да.

Председатель. — А до смерти Карпова, если не вы лично, то департамент полиции и даже министр внутренних дел принимали участие в том, чтобы устроить побег Петрову, который был присужден к каторжным работам и, как вам известно, бежал, был снова арестован, и ему, как бежавшему из каторжных работ, грозила новая каторга? Что вы знаете об участии чинов департамента полиции и начальника охранного отделения в устройстве побега этому признанному, по вступившему в законную силу приговору, тяжкому преступнику?

Виссарионов. — Тогда товарищем министра был ген. Курлов, директором — Зуев. Я помню, были получены сведения из Саратова, что Петров предложил свои услуги; туда был командирован генерал Герасимов, который все это дело специально и вел.

Председатель. — В чем заключалась миссия Герасимова, какие директивы он получил от департамента?

Виссарионов. — Департамент ничего не мог давать.

Председатель. — Значит это дело было лично Курлова?

Виссарионов. — Я считаю, что да, потому что генерал Герасимов в то время не был, кажется, начальником охранного отделения или — был последние дни.

Председатель. — Какие ему были даны директивы?

Виссарионов. — Познакомиться с Петровым, посмотреть, насколько он может быть полезен, затем приехать и доложить товарищу министра.

Председатель. — А затем?

Виссарионов. — Последующее исходило от товарища министра.

Председатель — Последующее было — устройство побега, в случае, если он окажется подходящим для службы?

Виссарионов. — По этому поводу вел переговоры уже генерал Герасимов.

Председатель. — Но вы знаете, что это так; человек, который впоследствии устоил страшный взрыв, был освобожден из-под стражи путем побега чинами министерства внутренних дел и департамента полиции. Вы знаете это?

Виссарионов. — Департамент не давал разрешения.

Председатель. — Ну, будем говорить — товарищем министра и другими. Вы знаете это?

Виссарионов. — Он был заграницей.

Председатель. — Нет, он был не заграницей, а в тюрьме.

Виссарионов. — Потом он был заграницей; он был освобожден.

Председатель. — Кто руководил Петровым после того, как он таким способом получил свободу?

Виссарионов. — Вероятно, Мартынов; затем я не помню, вероятно, генерал Герасимов.

Председатель. — Генерал Герасимов, к тому времени, когда стал руководить, уже не был начальником охранного отделения? Его место заступил полковник Карпов?

Виссарионов. — Да.

Председатель. — Каким образом произошло, что Герасимов, оставив место начальника охранного отделения, имел, тем не менее, в своем распоряжении агента?

Виссарионов. — Я не знаю, продолжал ли он или его свидания ограничились Саратовым. Я хочу сказать, что Герасимов, когда был начальником охранного отделения, был совершенно изолирован от департамента, по крайней мере, за мое время. Что было ранее, я не знаю. Затем, какие у него были по этому поводу переговоры с Курловым, — я не знаю. Заграницей я Петрова не видал. Он был в Ницце.

Председатель. — На деньги департамента полиции?

Виссарионов. — Вероятно. Его отправлял Герасимов.

Председатель. — После того, как убийство совершилось, вы допрашивали Петрова. Какое он вам дал показание?

Виссарионов. — Если не ошибаюсь, я облек его показания в два протокола; оба написаны моей рукой и подписаны; он подписался кличкой, которая у него была: «южин».

Председатель. — Т.-е., кличкой, которая у него была, как у секретного сотрудника?

Иванов. — Вы не знаете, какая была другая кличка? Может быть, «Касьян»?

Виссарионов. — Я не знаю.

Председатель. — Он вам показал, что на это убийство его подстрекнул Герасимов?

Виссарионов. — Кажется, не совсем так. Не на убийство Карпова; сколько я помню, он говорил, что генерал Герасимов уговаривал его пригласить на конспиративную квартиру Курлова и, если не ошибаюсь, еще кого-то и затем уже — произвести там взрыв. В дальнейшем, когда я ему предлагал вопрос (ведь он сам выразил желание видеть кого-нибудь), он никаких выдач не дал, ни единого человека не назвал и, с партийной точки зрения, держал себя очень добросовестно. Затем, когда мы с ним беседовали, он был очень удручен и просил, нельзя ли сделать так, чтобы он остался в живых. Я сказал, что я лично ничего не могу сказать, но, что можно ходатайствовать на высочайшее имя. Мы с ним долго говорили по этому поводу и расстались очень хорошо. Он говорил, что он признает, что я исполняю свой тяжелый долг как следует; я действительно докладывал товарищу министра Курлову и Зуеву его ходатайство и говорил о положении, в котором находится Петров, он на меня произвел очень сильное впечатление.

Председатель. — Впечатление человека, сказавшего правду?

Виссарионов. — Это очень трудный вопрос не потому, чтобы я затруднился ответить, но потому, что то, что он переживал, и то, что я переживал, слушая его, действительно, обличало в нем человека, который не нынче-завтра окончит свою жизнь. Казалось, с какой стороны ему нужно было говорить неправду? Но, с другой стороны, не было данных, чтобы генерал Герасимов мог подстрекать его на это преступление, на убийство сразу нескольких лиц.

Председатель. — Т.-е., Карпова и Курлова?

Виссарионов. — Еще кого-то, я сейчас забыл; двух или трех лиц.

Председатель. — Скажите, какие были отношения между Карповым и Герасимовым?

Виссарионов. — Герасимов в розыскном отношении был крупной величиной, а Карпов был человек, сравнительно, очень скромный, так что, заступив его место, он сразу оказался в трудном положении: все привыкли к властному человеку, а тут оказался человек, с одной стороны, очень покладистый, а с другой,—не видный. Ему было довольно трудно в охранном отделении. Я не слыхал ни от самого Карпова, ни от Герасимова, чтобы у них отношения были натянутые или дурные. Здесь переходящую роль играл Доброскок. Этот Доброскок, сколько я помню, имел конспиративные свидания с Петровым в одной из гостиниц или небольших ресторанов. Это обстоятельство остановило мое внимание; с какой же стати, Герасимов теперь не ведет Петрова? Петров ходит на свидания к Карпову, а между тем, Доброскок имеет свидания с Петровым.

Председатель. — А Доброскок и Герасимов тесно связаны?

Виссарионов. — Он работал с ним.

Председатель. — И остался с ним в личных отношениях?

Виссарионов. — Остался в охранном отделении. Затем Петров говорил, что Герасимов тоже имел свидания. Сколько я помню, я это записывал в объяснениях, потому что это на меня произвело такое впечатление; приехав оттуда довольно поздно, прямо к Курлову, я там застал директора департамента Зуева. Затем там находился заведывающий особым отделом Климович, прокурор палаты Корсак и товарищ прокурора окружного суда Васильев. Когда я прочитал все, что было написано в протоколе, то поднялся вопрос, и обсуждалось, что же предпринять. Я высказывался за то, чтобы произвести предварительное следствие или, по крайней мере, подробное дознание через кого-нибудь из генералов, состоящих при министерстве внутренних дел; но я нашел поддержку в лице одного полковника Климовича. Находили, что никаких признаков преступления в том, что записано в протоколе, нет, и производить расследование нечего.

Председатель. — Так это дело ничем и не кончилось? Стало быть указание человека, который на вас произвел впечатление искреннее и серьезное, не было проверено?

Виссарионов. — Да.

Председатель. — Зато человек, который показал, был судим военным судом и через несколько дней повешен?

Виссарионов. — Да.

Иванов.—А Доброскока вы тоже допрашивали по этому делу?

Виссарионов. — Да, вместе с полковником Ереминым.

Иванов. — Петров подтвердил, что Доброскок тоже подговаривал его на это?

Виссарионов. — Нет.

Иванов. — Вы не помните этого или этого не было?

Виссарионов. — Все, что говорил Петров, записано мною в протоколе, и он его подписал. О Доброскоке мне память изменила.

Председатель. — Скажите, что он вам говорил о том, почему он убил Карпова? Он говорил только, что он убил его по подговору, через Доброскока или Герасимова, и более ничего?

Виссарионов. — Сколько я помню, не убил ли он Карпова для того, чтобы реабилитировать себя в глазах партии; кажется, он так говорил.

Председатель. — Совершенно верно.

Виссарионов. — Вообще я еще раз должен повторить, что на меня он произвел впечатление глубоко несчастного и, видимо, хорошего человека.

Иванов. — Скажите, пожалуйста, вы принимали участие в междуведомственной комиссии с гос. контролем в ревизии союза городов на фронте?

Виссарионов. — Да.

Иванов. — Кем были назначены?

Виссарионов. — Министром. Если не ошибаюсь, А. А. Хвостовым или Штюрмером.

Председатель. — Вы служили, в качестве члена совета по делам печати, затем вы были членом совета министерства внутренних дел; наконец, вам за вашу продолжительную службу в департаменте, много раз, вероятно, приходилось пользоваться перлюстрированными письмами. Ведь вы знаете, что у вас в департаменте был даже особый отдел, где фотографировался целый ряд писем?

Виссарионов. — Да.

Председатель. — Вы пользовались этими письмами, читали их?

Виссарионов. — Департамент?

Председатель. — Да.

Виссарионов. — Порядок был такой, что письма шли непосредственно к министру. От министра они переходили, через дирек-

тора, в особый отдел; затем те письма, которые останавливали на себе внимание, пересылались в отделение.

Председатель. — В том числе, проходили и через ваши руки?

Виссарионов. — Я их видел.

Председатель. — Вы их видели, читали, пользовались ими для вашей работы. Скажите, на каком законе основывалась эта перлюстрация писем, задерживание писем, копирование их и даже фотографирование?

Виссарионов. — Это делалось в интересах государственного розыска.

Председатель. — Ведь вы и ваши сотрудники признавали, что интересы государственного розыска должны быть в некотором соответствии с законом? Как мы знаем, такого закона, который бы позволял вам перлюстрировать письма и в таких размерах пользоваться перлюстрацией и нарушать тайну корреспонденции, в своде русских законов нет.

Виссарионов. — Делалось по распоряжению министра.

Председатель. — Меня интересует вопрос, неужели такое беззаконие в департаменте полиции, когда вы были там, не останавливало вашего внимания? Внимания юриста, притом руководившего прокуратурой, блюстителя законности в округе, может быть, призванного в департамент за тем, чтобы и там водворить законность?

Виссарионов (молчит). — Считали, что цель этого — охранение строя. Это являлось необходимым, раз министр, я бы сказал, не один министр, а и председатель совета министров делали пометки. С его отметками вы найдете целый ряд писем.

Председатель. — Меня интересует психологически: вы, бывший большим работником в департаменте полиции, большим работником в судебном ведомстве, задавали себе вопрос о закономерности ваших действий?

Виссарионов. — (Молчит.)

Председатель. — К сожалению, нет?

Виссарионов. — Конечно, считал, что это является прямо необходимым в государственных целях.

Председатель. — И заведенным? «Не нами заведено»?

Виссарионов. — Ложный взгляд.

XLIII.

ПОКАЗАНИЯ Н. С. ЧХЕИДЗЕ.

29 мая 1917 г.

Содержание: Дебюты Малиновского во фракции. Идеологическое обоснование раскола фракции. Малиновский настаивает на резкой формуле о демократической республике. Стремление Малиновского обзавестись собственным секретарем. Старание устранить меньшевистские элементы фракции от общения с рабочими. «Местнические» споры. Раскол Фракции в 1913 г. Отстаивание Малиновским нелегальных форм работы. Робость Малиновского перед первым выступлением. Характеристика Малиновского. Тактика большевистской фракции, руководимой Малиновским. Малиновский предлагает своей фракции разъехаться по местам и организовать протесты. Уход Малиновского из Думы. Предположение о провокаторстве. Формальная связь большевистской фракции с партийными центрами после раскола. Деятельность Малиновского после ухода из Думы. О выступлениях большевистской фракции после раскола. Судьба запроса о второ-думской фракции с.-д. Думский запрос о провокаторе Шорниковой первым подписал Малиновский. Вопрос о роспуске Думы при Штюрмере.

Председатель. — Николай Семенович, мы просили вас сюда для того, чтобы вы изложили нам все, что вам известно, относительно деятельности Малиновского, состоявшего одновременно с вами в социал-демократической фракции 4-й Государственной Думы. Как вы знаете, — это теперь уже оглашено — с точностью установлена связь и давняя связь Малиновского с департаментом полиции. Нам интересно обнаружить следы деятельности департамента полиции в тех фактах, которые вы изволите изложить.

Чхеидзе. — Я должен сказать, что деятельность Малиновского мне известна лишь настолько, насколько он состоял во фракции. Фактов из жизни Малиновского я почти не знаю. Ранее я Малиновского видел только один раз в социал-демократической фракции 3-й Думы, куда он однажды явился. Вообще же его деятельность, пока он не был в 4-й Государственной Думе, мне неизвестна. А вот из его деятельности во фракции, из нашей фракционной жизни, конечно, есть у меня факты. Наша совместная работа длилась один год: наши большевистская и меньшевистская фракции

совместно работали в течение одной сессии 1912 года. А через год уже было две фракции. Если вам угодно будет задать вопросы, касающиеся этой совместной нашей работы, то я, конечно, на них отвечу.

Председатель. — Я бы поставил следующие вопросы: какая была линия поведения Малиновского во фракции по некоторым принципиальным вопросам, которые стояли тогда перед фракцией? Каково было его отношение к организации рабочего движения и к революционному движению в стране? Каково было его отношение, в смысле обострения вопросов или, напротив, в смысле, так сказать, углубленного отношения к задачам, которые стояли пред Государственной Думой? И, наконец, — каково было его отношение к вопросу о расколе во фракции?

Чхеидзе. — Видите, трудно сказать, насколько у Малиновского, который держался известного течения, была цель произвести раскол, — трудно сказать, насколько он такой целью задавался... Но что резко был поставлен этот вопрос о разнице между меньшевистской и большевистской фракциями, это уже с самого начала обнаружилось с большой ясностью. Так что, когда конструировалась наша фракция, когда получились с мест указания, кто был избран, то подчеркивалось, что вот избирательная кампания доказала, что в большевистской фракции избранными оказались рабочие. И, действительно, так и было. Рабочие представители примкнули к большевикам, — например, Муранов, Петровский, — все они... Малиновский указывал на то, что чисто рабочая курия провела большевиков. Хотя вот это трудно было утверждать: например, Шагов и даже Петровский прошли таким образом, что во время избирательной кампании не заявили себя, как настоящие большевики... Когда начала конструироваться фракция, Малиновский указывал, что та группа, которая примыкает к нему, которую он считал себя призванным вести, состоит из представителей именно от рабочих, а все остальные члены (например, я был с Кавказа, Чхенкели и другие) — это избранники той мелкобуржуазной части населения, которая не может претендовать на то, что у нее чисто классовые насущные интересы и т. д. Отсюда был вывод такой, что единственные представители, наиболее последовательно проводящие интересы рабочего класса в Государственной Думе, это и есть та большевистская группа, которую должен был возглавлять Малиновский. Вот в этой области с самого начала им была занята такая резко разграничивающая позиция.

Председатель. — Вам известно, что один из главарей департамента полиции признал, что директива раскола фракции была дана из департамента полиции, что это один частный случай их общей политики, согласно правилу: нужно разделять, чтобы властвовать? Вот, поэтому я и задал этот вопрос...

Чхеидзе. — Теперь это мне известно.

Председатель. — Значит, инициатива, муссирование или даже создание подобного настроения принадлежат ему?

Чхеидзе. — Несомненно.

Председатель. — Т.-е. внедрение в вашу — прежде единую — группу той мысли, что часть ее представляет в чистом виде идеи пролетариата и соц-демократии, а другая не представляет.

Чхеидзе. — Несомненно. . . Это было с самого начала.

Председатель. — Пожалуйста, продолжайте ваш рассказ.

Чхеидзе. — У нас было несколько случаев, которые обнаружили это. Вот, например, возник боевой вопрос во фракции, в начале ее деятельности, о представительстве Ягелло из Польши. Эта самая группа, особенно Малиновский, настаивали на том, что он не может быть принят в качестве правомочного члена фракции, а что он может быть только или примыкающим или в этом роде. . . Там целая история была: очень большая борьба шла вокруг кандидатуры Ягелло! . . Когда указывалось, что Ягелло тоже являлся избранником рабочих, — тем не менее, утверждали большевики, он не может стоять на чистой последовательной соц.-демократической позиции. . . На почве этого вопроса обнаружилось, что есть вопросы, которые дают известную возможность совершенно определенного, так сказать, резкого расхождения одной части фракции с другой. . . Малиновский за это очень цеплялся и на этом давал решительный бой. Другой вопрос, на котором проявилось разграничение, это вопрос о выработке нашей декларации. Большевистские элементы настаивали тогда резко на выставлении лозунга демократической республики. В конце концов, этот лозунг был включен, но не в такой резкой форме и не в таком контексте, как он настаивал. Но он и этот вопрос сделал боевым. Это был один из вопросов, на котором обнаружилось довольно резкое расхождение двух сторон. Я опять-таки повторяю: если бы меня тогда спросили, ведет ли это к расколу и т. д., — я не мог бы сказать; но это была, очевидно, политика, которая должна была обнаружить, что расхождение между тою и другою частями фракции весьма серьезное. . .

Председатель. — Вы изволили сказать: Малиновский выставил определенное требование о включении в декларацию лозунга демократической республики, — именно он?

Чхеидзе. — Да.

Соколов. — Не было ли так: как вы упомянули, ваша фракция включила тот лозунг, но формулировка Малиновского, более резкая, была направлена к тому, чтобы требование демократической республики несколько связать с личностью монарха? Не придавал ли он этому вопросу, так сказать, персональный характер, а ваша фракция не хотела признать подобной постановки, усматривая, что тут уже ставится не только вопрос о принципе, но как бы дается прямое указание на то, что требование демократической

республики связано с призывом к известным агрессивным действиям против личности монарха?

Чхеидзе. — Нет.

Соколов. — В чем же состояла аггрессивность формулы, которая вам казалась неприемлемой?

Чхеидзе. — Мы вообще в 3-й Государственной Думе, если вы припомните, этого лозунга о демократической республике, даже в первой своей декларации, не выдвигали. В той обстановке, в которой мы были в 3-й думской фракции (а тем более в 4-й думской), мы этот лозунг считали не настолько актуальным, чтобы в декларации его выставлять, как лозунг дня.

Соколов. — Не было ли так: ваша фракция, возражая против той формы, на которой настаивал Малиновский, не указывала ли, что его формулировка может подвести всю вашу фракцию под действие или 103 ст. (оскорбление величества) или 123 ст. (дерзновенное порицание верховной власти), что именно аггрессивность формы давала возможность правительству старого режима возбудить такое обвинение?

Чхеидзе. — Должен вам сказать, что так открыто и оголенно вопрос не ставился, потому что думали, несколько неловко, опасно так его ставить: но, конечно, и такой мотив мог подразумеваться при обсуждении вопроса. . .

Председатель. — Но вы все-таки признаете факт обострения Малиновским формы и, так сказать, — персонофикации известной идеи, которая была свойственна и вам, но относительно которой вы считали себя обязанным держаться известной тактики. Инициатива этого обострения принадлежала ему, Малиновскому?

Чхеидзе. — Этого я не могу сказать. . .

Председатель. — А как могли бы вы сформулировать?

Чхеидзе. — Я скорее был склонен видеть в нем человека, которому я верил, который, мне казалось, искренно отстаивает известную позицию, — не для того, чтобы кого-нибудь подвести. . . Мне казалось, что человек этот совершенно искренно убежден, что есть моменты, когда самым резким образом нужно поставить вопрос о демократической республике. . .

Председатель. — Вы не изволили меня понять. . . я не говорил о том, замечали ли вы, что он желал вас подвести и входило ли это в его намерения: я просил констатировать объективный факт, который, повидимому, вы и констатировали, что линия его поведения шла к выявлению известной идеи—сразу, вне соображений тактических, и притом, в формах определенных и даже личных, не касаясь совершенно того, какие намерения он при этом имел. Это-то вы признаете?

Чхеидзе. — Да.

Председатель. — Не расскажете ли, в нескольких чертах, как была организована ваша фракция, с формальной стороны, какую

роль в этой организации играл Малиновский; затем, если можно,— какие центральные основные вопросы вставали на пути вашей деятельности с самого начала вашей работы в 4-й Государственной Думе?

Чхеидзе. — Из боевых вопросов, которые перед нами вставали, назову — опять-таки в связи с декларацией — вопрос национальный. Известная часть фракции — к ней принадлежал и я, — находила, что пункт нашей программы, относительно самоопределения национальностей надо конкретизировать. У нас в программе — «право нации на самоопределение». И вот в 4-й Государственной Думе и товарищ Чхенкели, и я, и некоторые другие из нашей фракции, т.-е. меньшевистская ее часть, находили, что наступает момент, когда вопрос о национальности надо конкретизировать. Была выдвинута идея, что надо, вместо общего термина; «самоопределение», вставить такой пункт, что различным национальностям предоставляется право иметь органы, гарантирующие их культурно-национальное самоопределение. Вот таким образом мы понимали конкретизацию пункта о самоопределении национальностей. В этом пункте было большое расхождение, которое вызвало большую полемику в соц.-демократической прессе. Они тоже находили и, главным образом Малиновский, что такое изменение пункта нашей программы есть вопрос, который мы не имеем права решать, потому что партия оставила тот пункт в известном виде, что наше принципиальное отношение к вопросу мы не можем изменять, что нужно в этом отношении быть последовательными и что, так сказать, колебание принципиального нашего отношения к вопросу о национальности несет ущерб чистоте принципа нашей программы, что это абсолютно недопустимо. Он требовал, чтобы этот пункт нашей программы остался совершенно нетронутым. . .

Председатель. — Какие жизненные факты выдвинули на очередь вопрос о том, чтобы общий принцип национального самоопределения раскрыть в форме предоставления национальностям иметь известные органы?

Чхеидзе. — Должен вам сказать, что еще в 3-й Государственной Думе этот пункт, о котором я сейчас сказал, о предоставлении национальностям права иметь органы, гарантирующие возможность культурно-национального развития, был мною провозглашен в конце сессии. Я сделал это, потому что уже намечалась, так сказать, известная необходимость соц.-демократии так или иначе из общей формулы выйти, ее несколько подвинуть вперед. Особенно я, как кавказец, не мог не иметь столкновения с этим вопросом, который ставился нашими социалистами-федералистами, — вопросом столь жизненным. А тут мы имели еще дело с поляками и с «бундовцами». Значит, в общей сложности, учитывали обстоятельства таким образом, что наступает момент, когда этот вопрос нужно так или иначе конкретизировать в нашей программе. Вот

те условия, которые побудили, например, меня лично выступить в таком духе в 3-й Государственной Думе. Когда же создавалась четвертая фракция, то нам казалось, что к этому моменту вопрос не только не потерял своего животрепещущего интереса, а, наоборот... Насколько этот учет с нашей стороны был верен и объективен, было, конечно, трудно судить, но мы находили, что все-таки это надо сделать...

Председатель. — Значит, Малиновский стоял на точке зрения чистоты принципа и программы, которая в вашем отношении к этому вопросу, по его мнению, терялась.

Чхеидзе. — Да. В сущности говоря, в деятельности Малиновского во фракции характерно его поведение не столько в больших вопросах, сколько в мелочах...

Председатель. — А именно?

Чхеидзе. — Вот, например... У нас всегда был один секретарь во фракции с самого начала, — это женщина — наш товарищ — С. М. Зарецкая. Это давнишний наш партийный работник, так что относительно ее добросовестности, политической благонадежности сомнений не могло быть. И вот с самого начала Малиновский выдвигал вопрос, что во фракции с одним секретарем обойтись нельзя, что нужно непременно двух секретарей... Почему? — потому что Малиновский и его товарищи ведут работу не только в стенах Думы, что они хотят связать себя с массами, хотят перенести работу в массы, следовательно, придется с организациями различными иметь переписку и, мало того, в переписке может оказаться вопрос, который едва ли он в состоянии доверить общему секретарю, который, так сказать, по направлению является примыкающим к меньшевикам... И Малиновский постоянно, систематически, через несколько заседаний, ставил этот вопрос, что нужно иметь двух секретарей, что с одним секретарем обойтись нельзя, потому что характер его сношений с местными различными органами, вообще всю эту переписку, — общему секретарю доверить нельзя... Он совершенно открыто, не стесняясь, об этом говорил.

Председатель. — А кого он сам проводил в секретари?

Чхеидзе. — Кандидат у них был, но я фамилии теперь не припомню...

Соколов. — Не была ли секретарем Е. Ф. Размирович?

Чхеидзе. — Она была, некоторое время.

Председатель. — А. В. Н. Лобова?

Чхеидзе. — Фамилий, признаться, — не припомню... Но что была какая-то секретарша из большевиков — некоторое время, — это я констатирую, это я помню.

Председатель. — Вы не помните, что были и Размирович и Лобова?

Чхеидзе. — Не могу припомнить... Был такой факт: произошел взрыв на Пороховом заводе. Мы стали собирать сведения для

того, чтобы сделать запрос. И вот намечали оратора по этому вопросу, решали, кому выступать... Когда стали говорить о материалах, Туляков заявил, что у него есть материал по этому вопросу... Малиновский спрашивает, откуда он достал этот материал. У Тулякова брат рабочий. «Я, — говорит Туляков,—бываю среди рабочих. Пошел туда и заполучил материал». — Малиновский запротестовал; зачем он собирал материал, когда есть здесь представитель петроградских рабочих Бадаев? Заявлял, что он материалы не имеет права собирать среди здешних рабочих, протестовал против того, чтобы Туляков материалы собирал...

Председатель. — А кто вносил запрос о взрыве, кто был первым подписавшимся?

Чхеидзе. — Этот запрос, насколько я помню, защищал Малиновский: он ездил туда специально по этому поводу и он же выступал, насколько я помню.

Председатель. — Вы еще хотите привести какие-нибудь характерные частности?

Чхеидзе. — Да. Очень часто они поднимали вопрос о том, что мы не проводим их в думские комиссии, что мы как бы монополизируем эти комиссии — выставляем меньшевиков, а что, значит, им не предоставляется места... Во-первых, фактически это было неверно — уже потому, что в самую важную комиссию, например, по рабочему вопросу, был введен большевик; а, во-вторых, это была совершенная несуразность, потому что в Думе такая масса комиссий, что всегда есть возможность не только по одному представителю послать, можно, если угодно, — по два, по три... Несчастье заключалось в том, что мы не могли обслуживать все эти комиссии, и у нас большие споры выходили относительно выступлений. Они жаловались, что им недостаточно работы, тогда как мы были завалены работой. Даже в 3-й фракции, где было больше сил интеллигентных, трудно было найти человека, который с охотой согласился бы на выступление; а в четвертой не так хорошо обстояло дело, чтобы можно было спорить, чтобы бояться, что кто-нибудь перехватит у меня возможность выступить!.. На этой почве — выходила у нас масса недоразумений. Малиновский часто предъявлял такую претензию, что вот выставлялся не тот, а другой... Хотя — очевидное дело — не должно было быть спора относительно выступлений: недостатка в работе не было...

Председатель. — Скажите: он стремился выступать или стремился держаться в тени и быть наблюдающим?

Чхеидзе. — Я по чистой совести могу сказать, что в этих случаях он не то, чтобы хотел выступать, а только искал повода для нареканий, что здесь есть некоторое так сказать насилие над меньшинством, — чтобы сказать, что вот вы назвали первого из вашей группы, когда вставал вопрос, кому выступать и т. д... Эти споры часто возникали. Я могу с уверенностью сказать, что

это не было из желания во что бы то ни стало выступать, а лишь желание доказать, — здесь есть преобладание, одна группа хочет преобладающее влияние иметь в работе и т. д.

Соколов. — Если не ошибаюсь, преобладание меньшевистской группы над большевистской было ничтожное, так что майоризирования фактически не могло быть — устанавливалось равенство?

Чхеидзе. — Конечно.

Председатель. — Не припомните ли вы частного случая, который имел место уже в 1914 году, перед его уходом, в мае месяце, когда Малиновский заявил претензию по поводу того, что протест, по одному частному случаю, был прочитан вами или Керенским, а не им?

Чхеидзе. — Если я не ошибаюсь, это было после обструкции, которую мы устроили, — я уже не помню сейчас, какому министру...

Председатель. — Горемыкину?

Чхеидзе. — Да... Когда мы стали возвращаться, у нас возник вопрос, как наше возвращение в Государственную Думу ознаменовать: в виде-ли протеста или как? Когда текст заявления с трибуны Государственной Думы был выработан, возник вопрос, кому выступать с этим заявлением, причем, если я не ошибаюсь, Керенский предложил мне. Я не помню, был ли при этом Малиновский или нет... Но затем Малиновским и другими было предложено, решить вопрос баллотировкой, и закрытой баллотировкой было решено, что выступление сделает Керенский... Раз предложено было мне, казалось бы, тут с их стороны возражений не должно бы было быть, а между тем они настаивали на том, чтобы вопрос был решон баллотировкой, и тогда выступил Керенский.

Председатель. — Председателем фракции состояли вы?

Чхеидзе. — Да председателем фракции состоял я, — причем (теперь мне это кажется характерным, тогда же я не придал этому значения). Малиновский не возражал против моего председательствования, но с оговоркой, — что на год это можно сделать.

Председатель. — А кто был при вас товарищем председателя — Малиновский?

Чхеидзе. — Да. В момент первого выступления фракции, которое имеет большое значение, возник вопрос, кому прочесть декларацию. Общее мнение было такое, что должен прочесть я. Я думал, относительно Малиновского, что это видный рабочий (о нем много говорили, что это талантливый человек, называли его «русским Бебелем» и т. д.), и я настоял, чтобы он выступил первым. Нам говорили, что мы в важных делах его не выпускаем, между тем мы дали ему возможность, так сказать, авансом выйти на трибуну и высказаться.

Председатель. — Кто же выдвигал такое возражение, что его не выпускают — он сам?

Чхеидзе. — Были заявления, что мы ему не предоставляем возможности выступлений и что мы хотим его оттереть — тогда мы указали, что первое выступление, которое я должен был сделать, мы предоставили ему.

Председатель. — К 1912 году партия была уже разделена на фракции, между тем, повидимому, у вас не было вопроса о том, чтобы фракции в Государственной Думе работали не вместе?

Чхеидзе. — Нет, такого вопроса абсолютно не было. Скажу больше: когда они в 1913 году приехали из заграницы, стали распространяться слухи, что они приехали оттуда в довольно боевом настроении, но в нашей меньшевистской среде многие высказывали, что все-таки это к расколу фракции не приведет. Значит, это казалось все-таки не так уже близким... Через несколько дней обнаружилось, что они приехали с решением, что раскол необходим, что уже там, в Кракове, решено этот раскол произвести.

Председатель. — Можно сказать, что в течение некоторого времени с вашей стороны, со стороны меньшевистского течения фракции, были приложены все усилия, чтобы фракция была едина?

Чхеидзе. — Мы всячески стремились к этому... Не знаю, насколько наши попытки были удачны, если посмотреть со стороны, но я могу сказать определенно, что для нас факт раскола казался прямо недопустимым... Раскол во фракции поставил нас в Думе в невозможное положение.

Председатель. — Что вам еще известно о поездке Малиновского в Краков?

Чхеидзе. — Больше ничего.

Председатель. — Скажите, до того, как фракция раскололась, Малиновский сносился по делам фракции и по делам фракционной политики с большевистским центром?

Чхеидзе. — Да.

Председатель. — Бывали случаи, когда разрешение вопроса откладывалось — в силу того, что Малиновскому нужно было получить директивы?

Чхеидзе. — Такие случаи бывали. Это я совершенно определенно могу сказать.

Председатель. — Какое было отношение фракции к партийному движению, к партийному строительству вне Думы—в стране? По этому вопросу не было разногласий между Малиновским и меньшевистским течением фракции? Как известно, он предпринимал поездки, которые давали повод департаменту полиции следить за ним и за тем, кого он посещал, а кроме того он освещал партийную жизнь изнутри, ибо он состоял в категории секретных сотрудников.

Чхеидзе. — По отношению к партийному строительству у нас были большие разногласия... Вероятно, это вам известно...

В наших рабочих органах было много споров... Наше меньшевистское отношение к партийному строительству было такое, что это строительство должно стремиться к легальным формам. А они настаивали на переходе от легальной работы к нелегальной. Вот как можно характеризировать почву, на которой они — и между прочим Малиновский, — старались установить свое отношение к строительству.

Председатель. — Дело шло о создании партийных ячеек?

Чхеидзе. — Да. И аргументировали тем, что эти ячейки, в идейном смысле, наиболее выдержаны, принципиально чисты, и влияние оттуда может выходить в более последовательной форме...

Председатель. — Скажите, за время до раскола, удалось Малиновскому добиться того, чтобы было 2 секретаря?

Чхеидзе. — Нет, не удалось... Я ему говорил: «Если это нужно потому, что один секретарь не справляется, мы возьмем 3-х. Но когда вы ставите вопрос таким образом, что секретарю, который рекомендуется хотя бы мной, вы выражаете недоверие, — тем самым вы выражаете недоверие нам: пока вы так будете ставить вопрос, я возражаю против того, чтобы иметь двух секретарей. Если это нужно для дела мы найдем трех»...

Председатель. — Так что до раскола, все письма с мест и все обращения во фракцию со стороны рабочих кругов шли в чистые и испытанные руки старого работника партии С. М. Зарецкой...

Соколов. — Не было ли у вашей фракции одним из мотивов возражать против отдельного секретаря, приглашенного по их указанию, — что вы будете лишены возможности контролировать переписку, идущую от имени фракции в нелегальные подпольные организации, и что, таким образом, деятельность думской фракции будет теснее связана с нелегальными организациями?

Чхеидзе. — Да, был такой мотив...

Председатель. — Какое отношение было у социал-демократической фракции того времени к органу «Правды»?

Чхеидзе. — Дело обстояло так. Когда орган «Правда» возникал, был вопрос о том, принимать ли участие в этом органе, и мы дали свои подписи. Потом возникла у нас другая газета (вначале — «Луч», потом — «Рабочая Газета»), так как стало ясно, что «Правда» уже явно стремилась именно к большевистскому течению... Мы, меньшевистская часть фракции, группировались около «Рабочей Газеты». Так что явно было видно, что есть тенденция к расколу. Она отразилась на газетах тем, что «Правда» стала такой газетой, где исключительно стала сосредоточиваться работа большевистской фракции, пока еще не отколовшейся, а «Рабочая Газета» отражала тактику и отношение к текущим вопросам другой части фракции. Это произошло быстро, я даже не могу сказать, когда это резко обозначилось. Эти газеты стали отражать

те течения, которые уже намечались с самого начала и которые с течением времени приняли определенную форму.

Председатель. — Как же собственно произошел раскол? Изложите историю ваших отношений ко времени окончательного расхождения...

Чхеидзе. — Когда они приехали из Кракова, Малиновского несколько дней не было и эту кампанию раскола провел Петровский. В 1913 году произошел этот раскол, — осенью... Петровский предъявил условия... Я точно эти условия не могу воспроизвести, хотя это было довольно крупное обстоятельство в нашей жизни...

Председатель. — А у вас протоколы не сохранились?

Чхеидзе. — Протоколы велись аккуратно, может быть они во фракции имеются... В протоколах можно много найти характерного по этому вопросу. Относительно этих условий я могу сказать, что мы категорически отказались удовлетворить их. Я сейчас конкретно эти условия воспроизвести не могу, но помню, они казались нам совершенно неприемлемыми...

Соколов. — Можно вам напомнить? Не было ли в числе условий — объявление связи членов фракции со своими партийными организациями и о том, что фракция в своих думских выступлениях должна руководствоваться директивами партийных органов?

Чхеидзе. — Я боюсь категорически утверждать; повидимому, сколько я сейчас могу припомнить, — такой пункт был...

Соколов. — Из хода предыдущих ваших разногласий не вытекало ли такое условие?

Чхеидзе. — Несомненно, вытекало.

Председатель. — Вы встречались с Малиновским в течение полутора лет или года довольно близко... Что вы можете сказать вообще о характере его деятельности и, в частности, о характере его выступлений с трибуны Государственной Думы?

Чхеидзе. — Это человек очень энергичный, человек, который производил впечатление, что он не упускает случаев, чтобы свою работу расширить...

Председатель. — Человек — весьма активный?

Чхеидзе. — Да, несомненно, весьма активный! Я помню, когда он в один из первых дней должен был выступать, я его встретил в кулуарах Думы и он сказал мне: «Я сегодня не выдержу выступления, я чувствую себя в таком состоянии, что я могу упасть»... Я его ободрил и сказал, что в первый раз всегда так бывает, что со мной то же самое было при первом выступлении... Если вы хотите общую характеристику, то он производил на меня впечатление в высшей степени тщеславного и до болезненности самолюбивого человека. Он мне представлялся таким карьеристом, который не остановится ни перед какими средствами для своей карьеры...

Председатель. — Это психологическая характеристика... А характеристика политическая, — особенности его, как выступавшего по политическим вопросам?

Чхеидзе. — Он настолько был выдержаннее всякого другого, настолько резче ставил все вопросы, что мне казалось, что своими выступлениями он хочет доказать, что наиболее энергичные хранители чистоты программы тактики и т. д. — это он и та группа, которая идет под его руководством... Вот такое впечатление он производил. Я тогда не мог сказать, что он делал это с демагогической целью, но общая линия его поведения была такова, что он ударял определенно и ясно там, где другой подходил осторожно, с некоторыми оговорками, и т. д. Вот общий характер...

Соколов. — Как вы считаете: он говорил речи, строго следуя имевшимся запискам или была доля импровизации? Ведь можно видеть, читает человек речь или говорит...

Чхеидзе. — В его речах были места, которые он как бы самостоятельно произносил, но в общем — он читал.

Соколов. — Всегда ли при нем были записки?

Чхеидзе. — Да... Может быть, были небольшие выступления без записок, но при больших выступлениях всегда были записки.

Председатель. — Скажите, какова же оказалась тактика большевиков в Думе после раскола?.. Что вы тут можете отметить главным образом, конечно, в связи с деятельностью Малиновского?

Чхеидзе. — Тактика — так сказать — «левее здравого смысла»... Я приведу такой пример. Когда кадеты предложили по ведомству почты и телеграфа 7-часовой рабочий день, большевики голосовали против этого — против 7-часового рабочего дня! Когда мы спрашивали, почему они это сделали? — они говорят: «у нас в программе стоит 8-часовой рабочий день»...

Председатель. — Это вам ответил кто?

Чхеидзе. — Я не помню, кто именно ответил... Они голосовали против, потому что у них в программе стоит 8-часовой день... Этого мотива, конечно, на думской трибуне они не выразили, но голосовали против...

Соколов. — Как относилась Дума к выступлениям Малиновского? В частности, меня интересует следующее: не было ли таких его выступлений, которые вызывали одобрение и даже восторг не только левой части, но центра и даже, может быть, правых? Не вспоминаете ли вы выступления в закрытом заседании по военному вопросу, где он ссылался на то, что добровольцем пошел в японскую войну, что он считает нужным стоять на страже обороны страны и т. д.?

Чхеидзе. — Этого момента я не припомню. Вообще, при выступлениях его, никакого восторга не было. Но что аудитория

ему внимала, несмотря на резкость его выступлений, — это несомненно.

Соколов. — Так что, во всяком случае, он умел захватывать настроение Думы?

Чхеидзе. — Да, несомненно.

Председатель. — А что вам известно об его вне-думской деятельности, о том впечатлении которое он производил, и о том влиянии, которое он имел?

Чхеидзе. — Не могу сказать... Я очень мало за этим следил. Я помню, как он однажды выступил здесь на рабочем собрании по поводу страхования. Он лекцию читал. Это единственный раз, когда я присутствовал. Он говорил довольно содержательно, но ничего из этого заседания вспомнить не могу. Каково было отношение рабочих — я не могу сказать. Это единственный случай, когда я присутствовал при его выступлении.

Председатель. — Не сохранилось ли в вашей памяти,—помимо того, что вы уже указали, — таких выступлений Малиновского в Думе или вне Думы, которые, когда вы знаете истину, относительно Малиновского, могли бы показаться провокационными?

Чхеидзе. — Теперь я припоминаю, что был такой случай. Это было 1-го мая, когда мы были еще вместе, — в 1913 году... Первого мая возник вопрос во фракции, чтобы пройтись по Невскому проспекту с красными гвоздиками, но тогда мне казалось, я находил, — что этого делать вообще не следует. Если мы пойдем с красной гвоздикой по Невскому, около нас может образоваться группа людей, что может вызвать вмешательство полиции. Это мне казалось нецелесообразным шагом. Но я находил, что он человек более решительный, более преданный делу, и такого случая может быть он не хочет пропустить, а что я воздерживаюсь — потому, что я не так энергичен и не могу так действовать... Я просто пошел с ним. Бывали такие моменты жизни, что мое осторожное отношение можно было понять так, что мною владеют или личные мотивы или трусость даже, если хотите... Он часто так ставил вопросы, что мне в голову приходила такая мысль. Решительность его заставляла меня думать: нет ли в моем отношении к какому-нибудь вопросу каких-нибудь личных мотивов, — что я так осторожно подхожу?.. Я не знаю, я не спрашивал моих товарищей, но у меня часто бывали такие психологические переживания... И вот в день 1-го мая я находил, что этот шаг не целесообразен — членам Думы проходить по Невскому проспекту с красными гвоздиками, — и что могут быть эксцессы какие-нибудь... В конце концов, мы решили пойти и, действительно, оказалось, когда мы пошли, в нас сейчас узнали членов Государственной Думы. Мы встретили на мосту городовых, там поставленных, и пристав говорит им: «Пропустите, это члены Государственной Думы идут»... Я не знаю, почему он узнал, потому ли что нас

была группа, но он сказал: «Пропустите их». Значит, меры были приняты на Невском. . .

Председатель. — Уже были приняты меры, так что можно было думать, что предстоящее шествие по Невскому не осталось неизвестным?

Чхеидзе. — Очевидно.

Соколов. — Может быть, меры были приняты вообще против выступления 1-го мая, а не по поводу вашего шествия?

Чхеидзе. — Особенных мер не было, но видно было, что полиция несколько насторожилась в этот день. Когда мы стали ходить по Невскому, уже были рабочие в большом количестве и стали около нас собираться. В одном месте собрались, в другом. . . Малиновский не предлагал выступать, но были попытки и у меня и у него завязать разговор. Когда в нескольких местах мы сходились, потом расходились, стало заметно, что уже стали появляться в большом числе городовые, и через некоторое время конная полиция появилась и стала разгонять толпу. Тут я увидел, что может разыграться неприятная история и в душе у меня загорелась мысль сказать Малиновскому, что пора домой итти. . . Я, однако, долго не решался сказать, но в конце концов, я должен был, вынужден был сказать, что нужно уходить. . . И он против этого, насколько я сейчас помню, не стал возражать. . . На ваш вопрос о том, — были ли такие факты, которые теперь кажутся явно провокационными, я определенно ответить не могу. Но в данном случае, когда я думаю и связываю, в общем этот шаг с его стороны, мне кажется... я уже не могу к нему подходить с тем критерием, с которым подходил тогда. . .

Председатель. — А инициатива этого предложения принадлежала ему?

Чхеидзе. — Да, ему.

Председатель. — Были произведены, в связи с этим шествием по Невскому, какие-нибудь аресты?

Чхеидзе. — Да. Тогда был арестован один рабочий и взят в полицейский участок. Его поволокли даже по улице городовые, и мы хотели итти на помощь. За ним последовал Петровский, который вступил в разговор, даже некоторая перепалка произошла между ним и полицией, — и Петровскому удалось высвободить рабочего: его выпустили. . .

Председатель. — Сколько же членов фракции участвовало в этом выходе?

Чхеидзе. — Кажется, все участвовали — вся фракция. . .

Председатель. — Не можете ли вы вспомнить о роли Малиновского 22 апреля 1914 года, когда 21 депутат подверглись исключению?

Чхеидзе. — Тогдашняя роль Малиновского была довольно незаметная. . . Он ушел вместе с другими и ничего особенного не

предпринимал. Так что он, в данном случае, ничем решительно не выделился. Ведь несколько человек ушли до того момента, когда Чхенкели запротестовал, и тогда уже была введена охрана... Малиновский же ушел, насколько я помню, раньше, с несколькими товарищами, — когда председатель стал предлагать уйти из зала заседаний...

Председатель. — Скажите: тот случай, когда он был на трибуне и не подчинился Родзянке и пристав уже направился к нему, не был ли этот случай 6-го мая, тотчас же после его возвращения в Государственную Думу?

Чхеидзе. — Числа я не помню, но это было после возвращения...

Председатель. — Что характерного было тогда в его образе действия?

Чхеидзе. — Я боюсь ошибиться, — он на нас тогда произвел такое впечатление, что он хотел получить как бы некоторую компенсацию...

Соколов. — Реванш по отношению к поведению Чхенкели?

Чхеидзе. — На меня это такое впечатление произвело... Он остался в тени тот раз и хотел произвести демонстрацию такую, чтобы это было некоторой компенсацией того, что он тогда остался в тени. На меня такое впечатление произвело, но объективно судить я не могу...

Председатель. — А как он относился к этому исключению депутатов и вообще ко всему этому инциденту?

Чхеидзе. — Это прошло незаметно. Потому ли, что они вообще стушевались и главным оказался Чхенкели, — досада известная заставляла или какая-нибудь другая причина, — но он, так сказать, в отношении этого события не проявил себя...

Председатель. — А тот случай, который имел место после возвращения, в чем он заключался?

Чхеидзе. — Выражения, за которое председатель лишил его слова, я не помню; но, помню, что это неподчинение как бы не вытекало из обстоятельств... Он часто говорил очень резко, резкие выступления делал, но поступков демонстративных вообще не совершал... Чтобы он с места особенно часто, как некоторые другие, выражал свои протесты и не подчинялся порядку — это, так сказать, не вязалось с его общим поведением. В этом же случае было такое упорство, что в моих глазах этот поступок явился необычным. Это было для меня неожиданно.

Председатель. — В его выступлениях, в его деятельности вообще, не замечали ли вы стремления добиться роспуска Думы или даже может быть чего-нибудь большего, — чтобы Дума не была собрана?

Чхеидзе. — Нет, я этого не могу сказать... Например так: в одном из выступлений по рабочему вопросу, насколько мне

помнится, он угрожал с думской трибуны. Он сказал так: «Вы здесь не считаетесь с тем, что мы говорим, а вот на улице мы вам покажем. Идите туда на улицу и тогда говорите со мной!»—Вот такие выпады бывали, но это нельзя назвать призывом или чрезмерно резким выступлением. . . Такие выступления были, но чтобы их можно характеризовать, как желание столкнуть Думу, — я признаться, колеблюсь. . .

Соколов. — Не помните ли вы, что, после вашей обструкции он своей фракции предлагал сейчас же разъехаться по России и вызывать демонстративный протест всюду?

Чхеидзе. — Это я помню.

Председатель. — Когда это было?

Чхеидзе. — Как раз перед исключением из Думы в апреле месяце. . .

Председатель. — Вы откуда знаете?

Чхеидзе. — Я сейчас припоминаю этот факт очень хорошо. . . Может быть, я слыхал об нем из уст кого-нибудь из товарищей Малиновского. . . В этот момент он, действительно, говорил, что в Думе работать уже нельзя, что в Думе, при таких условиях, не стоит работать, что в Думе не дают возможности работать. . . Я слышал не от него, а от других: у нас с ним, после раскола, установились такие отношения, что я редко с ним беседовал.

Председатель. — Но вы знаете это от ваших товарищей по фракции вас окружавших, так что это факт. Теперь скажите, что вам известно об обстоятельствах выхода Малиновского из членов Государственной Думы и о том, что он делал после того, как вышел?

Чхеидзе. — Выход его для меня, — а насколько я могу судить, и для моих товарищей, — был совершенно неожидан и непонятен. Если вы меня спросите: — как же вы объясняли это? Я должен сказать, что я склонен был объяснять одним,—что Малиновскому не удалось играть такую роль, о которой он мечтал и на которую претендовал. Мне казалось, что в этом отношении, положение его в его глазах выяснилось после исключения нас из Думы за обструкцию. . . Когда меня привлекли по делу, мне казалось, что на него это подействовало нехорошо. За те лозунги, которые они должны были выдвигать: вопрос о демократической республике, о конфискации земли и т. д. (они постоянно нас упрекали, что мы их не выдвигаем), — за эти самые лозунги меня привлекли, как члена Государственной Думы, за выступление с ее трибуны. . . Он произвел раскол для того, чтобы показать, что их часть является охранительницей чистоты принципов, а фактически вышло, что привлекли за их коренные лозунги члена не их фракции. . . Мне казалось, что и демонстрация в Думе 22 апреля так повлияла на его самолюбие, что он счел нужным оставить свой

пост. Вот как я толковал. Другого смысла, другого мотива, я не мог найти...

Соколов. — Но не возникало ли, вскоре после его внезапного удаления, в кругах близких к вам меньшевиков — социал-демократов предположений и слухов, что этот внезапный отъезд вызван его связью с департаментом полиции?

Чхеидзе. — Это предположение моментально возникло и в думских кругах... На меня такое впечатление произвело, что все время, относительно Малиновского, как бы взаимный уговор молчания, так сказать, был, а когда он ушел, у всех развязались языки и стали говорить такие вещи... Такое впечатление получилось потому, что многое знали, оказывается, в Думе, по этому поводу, различные члены, различных фракций, — и, однако, об этом ничего до его ухода не говорилось... Обнаружилось, что в Москву, вероятно, отсюда, из департамента полиции, были даны известные инструкции, относительно выборов. В кулуарах это стали говорить через два-три дня. Я удивлялся: если все ясно и определенно известно, почему мне лично раньше никто ничего не говорил?.. Как наша меньшевистская группа вообще реагировала на уход из Думы Малиновского? Относительно этого я должен сказать, что у нас в нашей газете, которая тогда выходила, поставили очень ясно и определенно вопрос, что пройти молчанием этот выход и отнестись к нему неопределенно невозможно. И вот уже статьи стали появляться в нашей «Рабочей» меньшевистской газете, и в среде наших товарищей высказывалось совершенно определенно, что тут есть весьма много таких данных, которые говорят за то, что он человек неблагонадежный... Это уже было ясно и определенно из всей совокупности собранных сведений... Я лично должен вам сказать, что я несколько удерживал своих товарищей от чересчур резкой постановки этого вопроса, потому что мне казалось, что надо иметь больше данных, чем тогда я имел, чтобы выступить с определенной оценкой. Совершенно определенно могу сказать, что в нашей меньшевистской части решили определенно повести кампанию для выяснения существа вопроса. Так реагировала меньшевистская часть партии здесь в Петрограде и «Рабочая Газета». Что касается кулуаров Думы, то, повторяю, что сразу, на второй и третий день после ухода Малиновского, стали говорить такие вещи и такие данные указывать, что меня лично несколько поражало, что было столько данных, которые давно должны были наводить на весьма и весьма серьезные размышления...

Председатель. — Какие же сообщались данные?

Чхеидзе. — Во-первых, довольно определенно стали говорить, что этот человек вызывал у всех сомнения своим поведением... Из наблюдений за ним оказалось, что бросался в глаза каждый его поступок... Словом, у многих развязались языки. Я со многими

был в хороших отношениях, но они прежде ничего не говорили о Малиновском. Когда же он ушел из Думы, все заговорили. Так что получалось впечатление, что в их глазах Малиновский уже давно находился под сомнением. Что касается Родзянки, то стало известно, что Родзянко по этому поводу уже достаточно в курсе дела и что личность Малиновского для него не является каким-либо вопросом, — что у него есть об этом точные данные. Но тогда это в нашей среде толковали таким образом, как обыкновенно бывает у нас: Родзянко, мол, может сказать, потому что и прочее...

Председатель. — Т.-е. почему именно?

Чхеидзе. — Да потому, что вообще буржуазия кричит о нас, пользуется всяким случаем дискредитировать... Поэтому я, по правде сказать, тоже не считал нужным и необходимым добиться прямого ответа от Родзянки: если это достаточно известно Родзянке, то он сам должен сказать... У нас этот вопрос возбуждался несколько раз, но мы не пошли таким образом, чтобы непосредственно обратиться к Родзянке...

Председатель. — Вы узнали, что Родзянко имел такие сведения о Малиновском еще до его ухода?

Чхеидзе. — Да.

Председатель. — Из каких кругов пошли сведения о том, что Малиновский агент департамента полиции?

Чхеидзе. — Я, главным образом, имел дело в Думе с более прогрессивной ее частью. Вот среди прогрессистов и кадетов стали говорить на эту тему...

Председатель. — Скажите, после раскола между двумя частями прежде единой социал-демократической фракции, не стала ли большевистская линия сразу на точку зрения подчинения большевистской группы Центральному Комитету и вообще не вошла ли она и формально в число учреждений партийных?

Чхеидзе. — Несомненно. Вообще, этот вопрос о подчинении партийному центру выдвигался даже и до раскола очень часто...

Председатель. — Но формального заявления об этом не было?

Чхеидзе. — Формального не было... Между прочим, я должен сказать, что в Лондоне в 1913 году происходил съезд социалистов, и когда после возвращения оттуда делегатов возник вопрос о представителях в бюро (там национальное бюро организовалось), то большевики отстаивали необходимость вхождения двух членов — от меньшевистской и большевистской фракции. Но мы настаивали на том, что туда двое не будут входить, будет входить один... Так что вопрос о необходимости подчинения центральным учреждениям возникал у нас очень часто, но он был оформлен после раскола.

Председатель. — А что вам известно о деятельности Малиновского после выхода из членов Государственной Думы?

Чхеидзе. — Решительно ничего о его деятельности за это время мне неизвестно... Я знал, что он уехал заграницу, но где он был и чем занимался, я не знаю.

Председатель. — Вы припоминаете, что после его ухода весной 1914 года, через несколько месяцев, в газетах появилась циркулярная телеграмма, если я не ошибаюсь петроградского агентства, о том, что он вошел в ряды войск и убит?

Чхеидзе. — Да. Я этой телеграммы не помню, но вообще говорили, что он, накануне объявления войны или в момент объявления войны, перешел обратно границу и в Варшаве был взят, как подлежащий воинской повинности, вошел в ряды армии и что там был убит. Читал я и некролог в заграничной печати. Но потом пришло опровержение, что он не убит, а только ранен. Это я слышал, спустя некоторое время...

Председатель. — Вам известно, что он теперь ведет анархическую пропаганду (согласно, сообщению из Германии) в одном из лагерей военнопленных в Германии?

Чхеидзе. — Этого я не знаю.

Председатель. — Как протекала жизнь отколовшейся большевистской фракции, в смысле сношений ее с революционными группами и организациями на местах?

Чхеидзе. — Этого я не могу сказать, потому что мы мало следили за этим...

Председатель. — Вам не привелось слышать о каком-нибудь формальном постановлении, которое они приняли по вопросу о связи с местными организациями?

Чхеидзе. — Не помню этого.

Председатель. — Как протекала деятельность фракции в думских выступлениях ее представителей?

Чхеидзе. — Когда мы работали вместе, это была в высшей степени тяжелая атмосфера, и во фракции было невозможно работать, потому что вопросы по существу отходили на задний план, и мы должны были спорить по чисто формальным вопросам: насколько то или это в их праве, насколько в нашем праве!.. Существо вопросов, относительно которых мы должны были делать выступления в ближайший день, это отходило на задний план. Заседания продолжались часто до 7 часов утра. Что касается Думы, то создалось неприятное положение — вот в каком отношении: создалось некоторое соревнование, кто внесет первый запрос, они или мы?.. И вот по этому поводу (так как требуется 30 подписей), очевидно, Малиновский свою фракцию просил ранее притти, чтобы скорее собрать подписи; так же и моя фракция... Так что бывало, что я вместо 11 час. приходил очень часто раньше, чтобы уловить членов к.-д., чтобы они подписали запросы... Когда мы раскололись, каждая фракция носила определенную кличку. Мы назывались «Думская с.-д. фракция». У нас

возникло опасение, что они могут себе присвоить эту кличку. К нам думские пристава обращались и спрашивали: «Вы оставляете за собой право называться думской с.-д. фракцией или они?» Был такой момент, когда мы ждали выступлений со стороны Малиновского или кого-либо из большевиков, и было указание, что речь начнется: «От имени с.-д. фракции и т. д. . .». И было постановлено, что если это произойдет, то нужно заявить, что они не имеют права так называться, что это право принадлежит нам. Вот в какое трагикомическое положение был бы поставлен я, если бы это произошло: пришлось бы спорить перед другими членами Государственной Думы о том, кому принадлежит название «с.-д. фракция!» Так что трудно сказать, какой период был наиболее тяжелым, когда мы работали вместе или когда мы раскололись и должны были самостоятельно выступать. Наше положение в 3-й Государственной Думе было довольно благоприятное: были большевики и меньшевики, но работа шла дружно. Между тем, наше положение в 4-й Государственной Думе в известной степени дискредитировало нас перед общественным мнением и перед Государственной Думой. . .

Председатель. — А по существу, изменился характер выступлений фракции Малиновского после вашего раскола?

Чхеидзе. — Во всяком случае, изменения не было в том смысле, в каком, казалось бы, оно должно было быть: они откололись для того, чтобы работу вести отдельно, — без нашего влияния, которое должно было идти в сторону затушевывания принципов. . . Они с этой целью, казалось бы, откололись. А между тем, их выступления по части резкости, прямолинейности или по части чистоты не изменились. . . Правда, надо признать, что наши выступления с этой поры в известной степени определялись такими мотивами, чтобы они не имели возможности сказать, что вот, мол, когда мы отошли, работа пошла на убыль. Мы вынуждены были взять несколько выше тон, в силу нашего положения. . .

Председатель. — Теперь позвольте признать вопрос о Малиновском законченным и позвольте поставить два общих вопроса: что вам известно, по вашим наблюдениям в Думе, по выступлениям членов правительства в ответ на какое-нибудь заявление Думы или на думские запросы,—о провокации и секретном сотрудничестве? О провокации — не в смысле только подстрекательства к отдельным преступлениям, а в смысле постоянной деятельности, которая в конечном итоге, не может не быть деятельностью подстрекающей со стороны чинов департамента полиции и министра внутренних дел.

Чхеидзе. —Должен сказать, что я в этой области никаких определенных сведений дать вам не могу.

Председатель. — Не было ли в Думе выступлений по вопросу о провокации и, в частности, не выступал ли Малиновский по этому вопросу?

Чхеидзе. — В 4-й Государственной Думе у нас возник однажды вопрос о провокации: если я не ошибаюсь, это было в связи в запросом нашим, внесенным по поводу второ-думской с.-д. фракции... Речь шла о Шорниковой. Но нам так и не удалось вынести этот запрос на трибуну Государственной Думы: он застрял в комиссии по запросам. Запрос был настолько выигрышный, что мы могли бы все разоблачить до конца, но этого не удалось сделать. Мы могли бы это сделать, если бы не было войны и если бы думские сессии шли нормально... Но в этой области, я выступлений Малиновского не помню... При внесении запроса я выступал и говорил, что запрос о Шорниковой лежит в комиссии, но я не помню ни одного слова по этому поводу со стороны Малиновского и даже, если не ошибаюсь, со стороны его фракции...

Иванов. — Но подписал первым запрос Малиновский?

Чхеидзе. — Нет, это мы внесли...

Иванов. — Нет, Малиновский: у меня есть документ...

Председатель. — Значит, остается в силе то, что вы изволили сказать, т.-е., что он отмалчивался по поводу этого дела. Но тем не менее, факт несомненен, что запрос по делу Шорниковой подписал первым Малиновский. Вот документ: «Заявление № 77 о запросе министру внутренних дел и министру юстиции, по поводу неправильных действий чинов петроградского охранного отделения, в деле привлечения к судебной ответственности членов Государственной Думы второго созыва, принадлежащих к с.-д. фракции. Внесено за подписью 36 членов Государственной Думы 1-го ноября 1913 года». На странице 4-й после слов: «настоящий запрос просим признать спешным», имеется 36 подписей за №№. Последняя подпись князя Мансырева, первая — Малиновского, вторая — ваша и третья — Скобелева... Позвольте вам поставить еще более общий вопрос. Вы изволили сказать, что сессии ваши были очень быстротечны, в особенности в 1915-16 г.г. Скажите, чем вы и другие ваши товарищи в Думе объясняли такую политику правительства?

Чхеидзе. — Очевидно, правительство меньше всего хотело иметь дело с Думой!.. Хотя с самого начала лозунг «единение с властью» и был провозглашен (еще 26-го июня 1914 года), но правительство могло соображать, что единение-то единением, но война создаст такое положение и настолько повлияет на ход общественной жизни, что критика станет необходимой... Это — с одной стороны, а, с другой стороны, правительство должно было опираться на Думу. Так что, с одной стороны, оно хотело, чтобы Дума функционировала, а, с другой стороны, опасалось, и было по отношению к Думе в двойственном состоянии — оно не

решалось порвать с ней окончательно, чтобы не взять на себя всю ответственность за последствия... Это отношение находилось в зависимости от того, насколько правительство имело успех в войне: оно считало в моменты успеха возможным меньше считаться с Думой. Например, в 1915 году, когда войска были в Галиции, сессия была три дня; а летом, когда нас назад оттянули, тогда у нас была более длительная сессия; а когда в августе стали как-будто признаки того, что мы оправляемся на фронте, Дума была распущена. Так что, я говорю, во время войны правительство по отношению к Думе находилось в двойственном положении. Абсолютно без нее оно не считало возможным обходиться. Положение правительства облегчалось тем, что лозунг «единение с властью» обязывал Думу. С другой стороны, правительство видело, что во время войны критика неизбежна. Где же могла создаваться критика? Конечно, в Государственной Думе. Так что оно желало иметь Государственную Думу и не желало... Но в общем, можно сказать, что оно ее не хотело и стремилось сократить сроки функционирования Государственной Думы. Этим объясняются постоянные колебания и короткие сроки. Насколько возможно оно их сокращало Так что наличность Думы во время войны, в общем, правительству была нежелательна, но, в силу необходимости, оно ее созывало...

Председатель. — Какое было отношение к вопросу о созыве Думы или об отсрочке ее сессии и даже к вопросу полного упразднения Думы со стороны отдельных членов правительства и, главным образом, кабинета Штюрмера и отчасти Горемыкина, т.-е. в 1914-15-16 г.г.?

Чхеидзе. — Трудно сказать... За несколько месяцев до революции мне казалось, что правительство пойдет на роспуск в лице Штюрмера, мне это казалось вероятным, потому что вообще положение создалось такое, что Дума должна была повышать свой голос, и по мере того, как эта оппозиция должна была в Думе расти, власть должна была стать перед перспективой—или сдаться, или Думу распустить. Конечно, дилемма была очень трудная для правительства, но мне стало казаться, за последний период, что правительство на это пойдет, и эта тенденция, для меня по крайней мере, все более и более явственно проявлялась по отношению к Думе...

Председатель. — Известно было Государственной Думе, что созывы Думы на краткие сроки и роспуск Думы, вскоре после начала занятий, не только по существу определялись волей министров, но даже и формально? Не бывший император, а министры распускали Думу. Было это известно членам Государственной Думы?

Чхеидзе. — Я лично не помню...

Председатель. — Так что вам не было известно, что министрам вручались заранее, еще до созыва Думы, бланки указов о роспуске Думы?

Чхеидзе. — В последний период, если я не ошибаюсь, мне доводилось слышать, что это было...

Председатель. — Не было ли предложений среди членов Государственной Думы о необходимости реагировать на это явление, как на явление в высшей степени незакономерное,—путем запроса?

Чхеидзе. — Нет, — я этого не помню... И не только не помню, но фактически этого не было, чтобы специально этот вопрос сделать предметом запроса. На это указывали, как на нечто вопиющее, но чтобы это специально выдвигалось, как предмет запроса, — этого не было.

Иванов. — Скажите, пожалуйста, Николай Семенович, после того, как Малиновский уехал и когда начались слухи о том, что он принадлежит к охранному отделению, как сотрудник, — не циркулировали такие сведения, что правительство, в лице председателя Совета министров, предупреждало о том, что резкие выступления Малиновского могут служить причиной к роспуску?

Чхеидзе. — Я таких слухов не припоминаю.

СОДЕРЖАНИЕ.

		Стр.
Допросы и показания:		
28	Допрос А. В. Герасимова 26 Апреля	1
29	Допрос А. И. Спиридовича 28 Апреля	27
30	Допрос В. Н. Воейкова 28 Апреля	58
31	Допрос Н. А. Маклакова 1 Мая	84
32	Допрос М. С. Комиссарова 4 Мая	139
33	Допрос П. Г. Курлова 6 Мая	179
34	Допрос М. И. Трусевича 4 Мая	208
35	Допрос А. А. Вырубовой 6 Мая	233
36	Допрос С. П. Белецкого 12 Мая	255
37	Допрос И. Л. Горемыкина 15 Мая	302
38	Допрос С. П. Белецкого 15 Мая	327
39	Допрос С. П. Белецкого 19 Мая	384
40	Допрос О. А. Лохтиной 24 Мая	433
41	Допрос С. Е. Виссарионова 24 Мая	436
42	Показания Н. С. Чхеидзе	484

